

1196

1881

ВСКРАМ
ПЧЛ.

МАРТЪ

Оставшееся небольшое количество полныхъ экземпляровъ «РУССКОЙ РѢЧИ» за 1879 годъ можно выписать черезъ редакцію журнала по 12 р. безъ пересылки и по 13 р. съ пересылкой, а за 1880 годъ по 12 р. безъ пересылки и по 13 р. съ пересылкой.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ РѢЧЬ“

въ 1881 году.

Журналъ „РУССКАЯ РѢЧЬ“ будетъ выходить въ С.-Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, ежемѣсячно, книжками отъ 25 до 30 листовъ и болѣе, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ: князя А. И. Васильчикова, Н. А. Вродкаго, профессора А. Д. Градовскаго, Н. И. Краснова, А. В. Круглова, Евгенія Маркова, Л. К. Попова, А. Шардина и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

безъ доставки	15 р.
съ доставкой въ Петербургѣ.	16 »
съ пересылкой	17 »
За границу: въ Европу,	} 18 »
Сѣверную Америку и Египеть	
Въ прочія мѣста—по соглашенію съ Редакціей.	

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ ПО ТРЕТЯМЪ:

	При подпискѣ	къ 1 Мая.	къ 1 Сентября
безъ доставки.	7 р.	5 р.	4 р.
съ доставкой	8 »	5 »	4 »
съ пересылкой.	9 »	5 »	4 »

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы журнала и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые получили билеты или послали подписную сумму по почтѣ въ Редакцію „Русской Рѣчи“ съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія, уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ петербургскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ петербургскіе—50 к. и изъ петербургскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію и притомъ если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, причемъ, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, жалоба должна быть заявлена не позже какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются только тѣмъ изъ иногородныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 16 к. почтовыми марками.

РУССКАЯ РѢЧЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

РУССКАЯ РѢЧЬ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И НАУКИ.

Мартъ, 1881.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція „Русской Рѣчи“ и Главная Контора журнала:

Прачешный пер., № 5.

1881.

2187

STANFORD UNIVERSITY

LIBRARY

FEB 29 1968

AF5

2187

Типография В. С. Балашева, Средняя Подъческая, № 90-1.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА 3-я. — МАРТЪ 1881.

	Стр
I. БЕЗЪ ПРИСТАНИЩА.—Повѣсть.—Глава IV.—В. Айдарова . . .	1
II. ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ДОНА.—Отъ Разина до Булавина.— (Окончаніе).—Н. Краснова	27
III. ОБЪ УСЛОВІЯХЪ ПРИМѢНЕНІЯ МИРОВЫМИ СУДЬЯМИ МѢСТ- НЫХЪ ОБЫЧАЕВЪ ПРИ РАЗРѢШЕНІИ ГРАЖДАНСКИХЪ ДѢЛЪ. —Игоря Тютрюмова	58
IV. БНЯЖНА ВЛАДИМІРСКАЯ ИЛИ ЗАЦѢПІНСКІЕ КАПИТАЛЫ. — Историческій романъ.—Часть 1-ая.—А. Шардина	75
V. ИЗЪ АНГЛІЙСКОЙ ЖИЗНИ.—(Этюды и очерки Леопольда Кат- чера).—IV.—Истэндъ.—(Переводъ съ нѣмецкаго)	121
VI. * *.—Стихотвореніе.—Ал. Львовой	137
VII. ГИПНОТИЧЕСКІЕ ОПЫТЫ.—Статья профессора Вейнгольда.— (Переводъ съ нѣмецкаго)	139
VIII. РАЗГОВОРЪ НА ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ.—Разсказъ г-жи Коцебу.— (Переводъ съ нѣмецкаго)	160
IX. АЛОПАТІЯ И ЕЯ ВРАЧЕБНЫЙ АРСЕНАЛЪ.—А. Н.	177
X. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА.—Евгенія Маркова	216
XI. ИЗЪ ЖИЗНИ МАЛЕНЬКАГО ГОРОДА.—Романъ Густава Фрей- тага.—Глава X-XIII.—(Переводъ съ нѣмецкаго)	246
XII. ОБЗОРЪ НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—Л. К. П—ова.	326

XIII. ЗЕМСКОЕ ДѢЛО.—Въ губерніяхъ сѣвернаго пространства: Вологодской и Олонецкой, и прибалтійскаго пространства—въ С.-Петербургской.—I. Экономическое положеніе этихъ губерній и причины отсутствія статистическихъ данныхъ.—II. Выдающаяся черта въ исторіи с.-петербургскаго земства.—III. Народное образованіе.—IV. По поводу неудовлетворительныхъ земскихъ смѣтъ и раскладокъ.—V. Мнѣніе земства о преобразованіи подушнаго сбора	1
XIV. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Неурядица нашей полицейской администраціи.	36
XV. ЗАМѢТКИ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМЪ ВОПРОСАМЪ ДНЯ.—По поводу статьи Н. X. Бунге: «Замѣтка о настоящемъ положеніи нашей денежной системы и средствахъ къ ея улучшенію».—А. К.	90
XVI. НАУЧНАЯ ХРОНИКА.—Механическая теорія и проблема тяготѣнія.—Эльпе	108
XVII. НЕБРОЛОГЪ.—А. Θ. Писемскій и Θ. М. Достоевскій.	124
XVIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ	127

БЕЗЪ ПРИСТАНИЩА.

(ПОВѢСТЬ).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вспомнилъ Черняевъ первый день своего пребыванія въ Петербургѣ—печальный день, когда преждевременный осенній туманъ окутывалъ столицу, а мелкій безконечный дождь пронизывалъ до костей всякое живое существо.

Медленно подвѣтилъ въ Петербургу тяжелый пассажирскій поѣздъ; по платформѣ важно ходили жандармы и сновали полицейскіе; чѣмъ-то казеннымъ, внушительнымъ, строгимъ пахнуло съ перваго же раза на вѣзжающаго провинціала.

У Черняева было десять рублей наличнаго капитала и сверхъ того (самое драгоцѣнное) адресъ одного изъ товарищей по гимназіи, года на два старше его по выпуску, нѣвоого Петровскаго, пріятеля или, кажется, даже родственника Гарина. Жилъ Петровскій гдѣ-то около Большой Садовой, между Гороховою и Вознесенскимъ проспектомъ.

Оборванный, жалкій «Ванька» взвалилъ на свои дребезжащія, полуизломанныя дрожки легонькій чемоданчикъ Черняева и они затрусили по Невскому.

Холодный, суровый, безжалостный городъ! У кого изъ молодежи, непрерывно, тысячами, со всѣхъ концовъ Россіи вступающей въ твой стогна, въ первыя минуты свиданія съ тобою не сжимается болѣзненно сердце? Ты соединилъ въ себѣ всѣ

пороки, всѣ недостатки другихъ европейскихъ столицъ, но не имѣешь ни одного изъ ихъ достоинствъ. Въ тебѣ также, какъ и въ нихъ гнѣздится чудовищный развратъ, стонеть и злобится безсильная, безнадежная нищета; ты также принижаешь и тѣснишь фантазію и мысль челоуѣка своими каменными громадами—безвкусными современными домами; но ты не знаешь уличной жизни, не знаешь общественности далекаго запада, не знаешь благодушія и гостепріимства нашей провинціи. Твои удовольствія—это попытки забыться; это скучающая толпа, собравшаяся во едино потому только, что каждому надоѣло скучать дома. Люди въ тебѣ живутъ одиноки и угрюмы; злорадно губишь ты все, что появляется въ тебѣ оригинальнаго, даровитаго и свѣжаго, и рано очерствляешь ты сердце.

Пронзительный сырой вѣтеръ дулъ съ моря; на улицахъ было пусто. Модный, пышный Петербургъ еще не просыпался. На панели виднѣлись пока одни «Ваньки», похаживавшіе около своихъ понурыхъ и всклокоченныхъ влять, да дѣловой народъ—купцы, чиновники, мастеровые. Каменные дома трехъ, четырехъ, пяти-этажные однообразно смѣняли другъ друга, мелькали выѣсками магазиновъ, портерныхъ, трактировъ, мрачно выглядывали на мостовую своими глубокими темными воротами. Мимо Черныяева то и дѣло торопливо проѣзжали похоронныя процессіи: становилось уже поздно, пора было очистить Невскій. Дождь шелъ по прежнему однозвучно, неустанно. Густыя облака бѣлесоватаго тумана носились по воздуху и придавали городу могильный, сѣрый, плачущій видъ.

— Не у васъ ли въ домѣ живетъ студентъ Петровскій? спрашивалъ Черныяевъ уже въ третій разъ, влѣзая въ третью грязную и вонючую дворничью конуру подъ воротами (Петровскій оказывался положительно неувимымъ; судя по всему, онъ то и дѣло мѣнялъ квартиры).

— Петровскій?.. дворникъ почесалъ въ затылкѣ.—Много ихъ у насъ живетъ, не запомнишь. Въ неблированныхъ комнатахъ, чай?

— Да, вѣрно въ мебелированныхъ.

— Ну такъ и есть! Ступайте вы на второй дворъ, третья лѣтница справа, № 94, тамъ у Амаліи Карловны спросите.

Амалія Карловна оказалась неопратною петербургскою нѣмкою въ грязной бумазевой юбкѣ, съ всклокоченными волосами и засученными по локоть рукавами кофты. Она только что разбранилась съ своею кухаркою за пропажу какого-то куска вываренной говядины и потому была зла и несговорчива до нельзя.

— Was wollen sie? Петровскій?.. Мой не знаетъ никакой Петровскій. Мой не помнитъ русски фамилій—трудна фамилій... Студентъ? Die Herren Studenten—въ университетъ. Приходить in drei Stunden, тогда узнайтъ. Прощайт! И нѣмка передъ самымъ носомъ Черняева захлопнула дверь кухни.

Въ длинномъ, узкомъ и вонючемъ коридорѣ, по обѣимъ сторонамъ котораго виднѣлись запертыя двери съ цифрами на мѣдныхъ дощечкахъ, было темно и пусто. Черняевъ переложилъ свой чемоданъ изъ одной руки въ другую и, мысленно проклиная себя, Петровскаго и Амалию, сдѣлалъ было нѣсколько шаговъ къ выходу.

— Вы, кажется, ищете Петровскаго, студента? раздался за нимъ тихій, какъ будто надтреснутый голосъ.

Насколько можно было разглядѣть, слова эти принадлежали высовому, сгорбленному старику, съ болѣзненнымъ лицомъ и голымъ, какъ ладонь, черепомъ.

— Не зайдете ли вы ко мнѣ пообождать? продолжалъ онъ.— Я знакомъ съ господиномъ Петровскимъ; они скоро придутъ, въ среду они всегда рано приходятъ.

Крошечная-крошечная комната, голыя стѣны, убогая желѣзная кровать съ стершимся отъ мытья и времени байковымъ одѣяломъ, нѣсколько книжекъ на комодѣ, крапленный столъ и два стула.

— Садитесь, робко и смущенно заговорилъ старикъ.

Тутъ только Черняевъ разсмотрѣлъ своего хозяина и невольно отступилъ на шагъ, чуть не ахнувъ.

Во первыхъ, это былъ вовсе не старикъ, какъ сначала показалось ему въ коридорѣ, а таеъ, человекъ лѣтъ тридцати не болѣе (а можетъ быть даже и менѣе), но, Боже! что за жалкое, измученное лицо: морщины на лбу, на щекахъ, на углахъ безкровныхъ губъ, изъ-подъ которыхъ виднѣлись желтые, искрошившіеся зубы. Сѣрая, какъ старыи пергаментъ, кожа висѣла на дряблыхъ мускулахъ. Глубоко впавшіе глаза разсѣянно и вмѣстѣ тревожно бѣгали по сторонамъ. На верхушкѣ головы ни волоса. Изъ-подъ рѣдкихъ, коротко остриженныхъ вихровъ, еще сохранившихся на вискахъ, уродливо торчали уши. На всей фигурѣ неотразимо лежала печать приниженности, нравственной муки, неисходнаго, непоправимаго горя. Безпомощно дрожали худыя руки, покрытыя сѣтью выдающихся синеватыхъ жилъ, когда онѣ протянулись къ Черняеву. Повидимому, незнакомецъ замѣтилъ удивленный взглядъ своего гостя и это удивленіе тревожило и стѣсняло его.

— Чумаченко, бывший студентъ, волнуясь и теряясь, отрекомендовался онъ.

Черняевъ назвалъ себя.

— Садитесь же, повторилъ Чумаченко.

Нѣсколько минутъ они оба молчали.

— Вы что же учиться сюда пріѣхали?

— Учиться.

— Въ университетъ?

— Въ медико-хирургическую академію.

Опять молчаніе, молчаніе неловкое и тоскливое.

Чумаченко всталъ и задвигался по комнатѣ (задвигался, потому что ходить было положительно негдѣ). При этомъ онъ то потиралъ хрипѣвшую при каждомъ вздыханіи грудь, то нервно теребилъ себя за кончикъ праваго уха.

Прошло мучительныхъ полчаса.

— Не хотите ли вы пива? вдругъ какъ-то мрачно, почти судорожно ежась, обратился онъ къ Черняеву.

Тотъ поморщился.

— Я не пью.

— Нѣтъ, нѣтъ, засуетился бывший студентъ,—вы не думайте, чтобы я... то есть... изъ-за пьянства... нѣтъ, одинъ глотокъ... вы не откажетесь, не правда ли? Пожалуйста, пожалуйста не отказывайтесь, не обижайте... Впрочемъ я сейчасъ, въ одну минуту. И онъ выскочилъ въ коридоръ.

Послѣ перваго же стакана, выпитаго съ жадностью, почти залпомъ, Чумаченко закашлялся, затрясся и повалился ничеомъ на подушку.

— Скверно, батенька, скверно, прохрипѣлъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, тяжело приподнимая голову,—скверно! Вотъ умирать собрался; на Волковское пора.

— Волковское?

— Да, вѣдь вы новичекъ, не знаете! Кладбище такое есть, Волковское, туда нашего брата, бѣдняка, таскають.

Черняевъ угрюмо и недовольно осматривалъ своего новаго знакомаго.

«Пріятно, нечего сказать, думалъ онъ;—надобно же было съ перваго же шага въ Петербургѣ натолкнуться на такое приключеніе. Уродъ какой-то болящій...»

Чумаченко всталъ.

— Знаете, я угадалъ о чемъ вы размышляете, началъ онъ тихимъ голосомъ,—и вы правы, это я вамъ повторю, что вы правы, слышите... я ужасно смѣшонъ и... и я не разговорчивъ

и забить, но вы напрасно сердитесь... Петровскій сейчасъ придетъ. Я право не думалъ, что такъ выйдетъ... такъ глупо; и видѣлъ, что вамъ дѣваться некуда,—не обижайтесь только—и пригласилъ. Я ужасно, ужасно скучаю и потомъ боюсь шума. Когда зашумятъ, я всегда въ окошечко смотрю. Нарочно такое у себя въ дверяхъ вырѣзалъ... привычка... привыкъ, чтобы окошечко въ двери.. теперь и хозяйка ничего. «Пусть передъ смертью, говорить, утѣшится». Эти непосредственныя натуры, знаете, немножечко того... жестоки. Вы это наблюдали, а? Да? Ну вотъ, вотъ...

Чумаченко остановился и опять отхлебнулъ пива.

— О чемъ, бишь, я говорилъ? задумчиво произнесъ онъ, потирая большую грудь,—да, о васъ. Вижу я васъ въ свое окошечко и замѣчаю: новичекъ, провинциалъ, не знаетъ Петербурга. «Куда ему дѣваться, думаю, надо къ себѣ зазвать», и пригласилъ; а какъ пригласилъ, такъ и смутился, и мучить себя сталъ. Зачѣмъ, да зачѣмъ, пригласилъ, то есть... Въ дураки даже за то себя произвелъ, всѣ старыя ошибки вспомнилъ... съ дѣтства... право... да такъ съ минуты на минуту все сильнѣе и сильнѣе... северно...

Болѣзненная улыбка пробѣжала по его губамъ.

— Вы можете быть удивляетесь моей откровенности... даже навѣрно удивляетесь, по глазамъ вижу. «На кой лядъ, дескать, онъ мнѣ все это вываливаетъ?» На кой лядъ?—и того не потаю: пива выпилъ, хоть немного, да для меня теперь и стакана довольно стало... пьянъ, вотъ и кризисъ... ну и не говорилъ я долго, а теперь, какъ прорвало, приятно... даже, знаете, это главное, что случаю обрадовался, случаю поболтать... очень, очень уже давно молчать приходится. А впрочемъ, если хотите, грустно замѣтилъ онъ:—я и теперь замолчу.

— Что вы! что вы! заторопился смущенный Черняевъ, стараясь во что бы то ни стало найти предлогъ къ разговору, такою внезапную жалостью проникся онъ теперь къ этому несчастному бѣдняку,—что вы! Напротивъ, я очень радъ! Я даже хотѣлъ посоветоваться съ вами, поразспросить васъ... я вѣдь ничего не знаю о петербургской жизни... каково тутъ нашему брату? можно ли достать работы, уроковъ?

— Уроковъ? Не знаю. Я уже давно не даю. Давалъ одно время у Х. (Чумаченко назвалъ фамилію одного изъ главнѣйшихъ дѣятелей третьяго отдѣленія), да заболѣлъ; теперь вотъ корректирую кое-что, да и то черезъ силу.

— У Х.? у какого? удивился Черняевъ.

— Онъ одинъ у насъ... генераль... небось слышали... тутъ случай такой вышелъ. Меня взяли... по подозрѣнью... глупѣйшему... словомъ, путаница вышла... Самъ генераль и слѣдствіе производилъ; видитъ, что все пустяки, и выпустилъ, да тутъ же и говорить: «Возьмитесь моихъ мальчишекъ обучать, вы, говорить, серьезный». Я и взялся... изъ математики... мѣсяца два училъ.

— Такъ вы сидѣли? Черняевъ съ нескрываемымъ провинціальнымъ любопытствомъ оглядѣлъ еще разъ понурую и облѣзлую фигуру Чумаченки.—Вы не разсердитесь, если я спрошу васъ, по какому дѣлу?

— Дѣлу? Да никакого у меня дѣла не было. Просто, я вамъ говорю, случай вышелъ. Впрочемъ, вы кажется любопытствуете, я разскажу, пожалуй, только коротко... я не люблю объ этомъ; прежде много думалъ, и теперь противно. Видите, началъ онъ, какимъ-то другимъ, формальнымъ тономъ, точно на допросъ отвѣчалъ:—видите, тогда въ Москвѣ разыгралась Н—ская исторія. Главный агитаторъ Н. бѣжалъ. Людей съ такою фамиліею, какъ у него, на Руси столько же, сколько Ивановыхъ или Петровыхъ. Розыскивая настоящаго Н., забрали по недоразумѣнью и нѣсколькихъ его однофамильцевъ. Я жилъ съ однимъ изъ такихъ. Взяли его, взяли по ошибкѣ и меня! Вотъ и все.

— И долго вы просидѣли?

— Нѣтъ, недолго, мѣсяца три. Вотъ во второй разъ хуже пришлось: пять мѣсяцевъ отдежурилъ и... къ окошечку привыкъ.

— Пять мѣсяцевъ! Это за что же?

— Тоже случай, за книги. Я жилъ въ меблированныхъ комнатахъ. Кругомъ товарищи: приносили иной разъ брошюры тамъ разныя. Не досмотришь, какая нибудь и завалается. А тутъ обыскъ и опять забрали.

Наступило минутное молчаніе.

— Эхъ, да все это пустяки! главное, здоровье потерялъ, вотъ северность! Знаете ли что, голубчикъ, зашепталъ онъ вдругъ, наклоняясь къ Черняеву:—есть у меня одна завѣтная мысль, вамъ одному скажу, не осмѣете, не таковскій... я разглядѣлъ. Хочу я скопить шестьдесятъ рублей и уѣхать въ Малороссію, на родину. Двадцать рублей ужъ у меня есть, еще сорокъ... Ахъ, если-бы сила была прежняя! Тамъ у насъ теплынь теперь; на бахчахъ дыни да кавуны собираютъ, благодать... а тутъ, въ провлятомъ Петербургѣ... тутъ и здоровый не выдер-

жить; посмотрите—слякоть, туманъ. На родинѣ я бы скоро поправился, а главное все бы петербургское позабылъ; чувствую, что позабылъ бы, я ужъ знаю; черезъ недѣлю вы бы меня не узнали. Да вотъ сорока рублей не достаетъ, и ужъ сколько времени, мѣсяцы... и все собрать не могу.

Дверь отворилась и въ комнату почти вбѣжалъ Петровский.

— Такъ и есть, Черняевъ! закричалъ онъ весело.—Ну очень, очень радъ, пойдемъ ко мнѣ. Гаринъ уже давно писалъ мнѣ, что ты прїѣдешь.

Черезъ полчаса, когда оба товарища, пообедавъ въ кухмистерской, сидѣли въ номерѣ за чаемъ, Черняевъ заговорилъ о Чумаченѣ.

— Бѣдный, несчастный человѣкъ.

— Да жаль, конечно жаль, съ нѣкоторымъ равнодушіемъ въ голосъ, замѣтилъ Петровскій (онъ уже успѣлъ отчасти оперебузиться) — да что дѣлать, его судьба ужъ рѣшена и могила готова. А вотъ слушай, прошепталъ онъ на ухо Черняеву:—у насъ опять начались аресты.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, вплоть до самого герцеговинскаго возстанія, русское общество и преимущественно общество петербургское, невыносимо скучало и хандрило. Наличный запасъ силъ, энергїи, бодрости, какъ будто сразу истощился. Въ салонахъ и въ интимныхъ кружкахъ, въ толстыхъ журналахъ и въ ежедневной прессѣ шла лѣнивая, безтолковая, ворчливая болтовня, пережевываніе азбучныхъ истинъ и повтореніе всѣмъ прискучившихъ афоризмовъ. Всѣ точно ждали чего-то, чего-то неожиданнаго и рѣшающаго, что бы снова подняло духъ и пробудило притихнувшую дѣятельность;—но «откуда и зачѣмъ» могло явиться это что-то, ходили самыя противорѣчивыя, разнообразныя толки. Говорили и про войну, и про народное движеніе, и про реформы; говорили, впрочемъ, безъ вѣры и безъ страсти, въ полномъ уныніи и расслабленіи. Общество походило на человѣка, котораго насильно разбудили и затѣмъ заперли въ пустой комнатѣ безъ цѣли и безъ дѣла: угрюмый, съ тяжелою головою ходить онъ изъ угла въ уголь, въ окно заглянеть, въ дверь постучится, и скучаетъ, скучаетъ. Апатія, индифферентизмъ и законный плодъ ихъ—сплетня господствовали всюду. Слухи или заглушали, или искажали факты. Только что заложенныя основы народной самодѣятельности исчезли въ густомъ, непроглядномъ туманѣ. Петербургъ разочаровался и въ

результатахъ крестьянской реформы, и въ земствѣ, и въ новыхъ судахъ. Отдѣльныя ошибки немедленно же обобщались, обобщались съ страннымъ злорадствомъ, въ которомъ невольно слышалось порою много личнаго неудовлетворенія и горя. Пора радужныхъ надеждъ смѣнилась періодомъ мрачнаго, отчаяннаго пессимизма. Сатиры Щедрина и пѣсни Некрасова служатъ наилучшимъ выраженіемъ этой печальной эпохи. За неимѣніемъ утѣшенія въ настоящемъ, интеллигенція занялась обоготвореніемъ исчезнувшихъ дѣятелей и сошедшихъ со сцены поколѣній; одни создали культъ «сороковыхъ годовъ», другіе «шестидесятыхъ»; но и тутъ случилось недоразумѣніе: поклонялись не борцамъ, вынесшимъ на своихъ плечахъ реформу, — Милютину или Самарину, а въ силу полной отчужденности отъ государственной видительной работы и связаннаго съ нимъ невѣжества, — Чернышевскому и Писареву... Тогда же пустило корни и пресловутое дѣленіе русскаго общества по десятилѣтіямъ: «люди такихъ-то и такихъ-то годовъ»; люди семидесятыхъ были, какъ извѣстно, уже заранѣе, ранѣе чѣмъ выступили въ жизнь, осуждены и пригвождены къ позорному столбу: «дѣльцы, дескать, практики, незнающіе благородныхъ увлеченій». Несчастное и единственное въ своемъ родѣ, даже въ Россіи, заблужденіе: общество съ недоувѣріемъ и подозрительностью смотрѣло на подрастающее поколѣніе.

Впрочемъ, молодежи и вообще приходилось очень круто.

Юности нужна поддержка, а у насъ она встрѣчала равнодушіе или... даже вражду. Студентъ, каковъ бы ни былъ, только потому что онъ студентъ, считался, въ глазахъ многихъ, неблагонадежнымъ человѣкомъ. На него косо смотрѣлъ дворникъ, за нимъ слѣдила квартирная хозяйка, его стерегла полиція. Юности необходимы традиціи, образцы гражданской доблести, ясно намѣченныя цѣли. Общество бевсильно брюзжало, копалось въ своихъ гнойныхъ язвахъ, точно любясь ими и усиленно выставляя ихъ на свѣтъ Божій; но за то не замѣчало ужъ ничего другаго, забывая въ своемъ увлеченіи пессимизмомъ все хорошее и плодотворное, что свершалось въ его нѣдрахъ. Наука, сама по себѣ, можетъ быть конечною цѣлью лишь для немногихъ. Большинство учится, чтобы работать въ качествѣ практическихъ дѣятелей. Но какая же профессія, какой родъ дѣятельности не былъ въ эту пору опозоренъ и загаженъ?

«Прелюбодѣй мысли» былъ уже синонимомъ адвоката, «грабитель» — инженера, «врагъ человѣчества» — прокурора; про чиновничество и говорить нечего. Общественное уваженіе не от-

мѣчало ни одного дѣла, ни одного призванія. Ни одинъ человекъ не гордился своею принадлежностью въ той или другой корпораціи. Молодежь сознавала это, и, неволью, все, что было среди ея наиболѣе впечатлительнаго и мечтательнаго, на первыхъ же порахъ разочаровывалось въ своихъ дѣляхъ, приучалось иронизировать надъ карьерою, которая ей отерывалась, и работою, которая предстояла въ будущемъ. Семья и школа казались юношей; дряблѣе общество ихъ доканчивало. Несбыточные утопіи, сказочныя химеры однѣ только повсюду и пользовались кредитомъ. Всеобщій сонъ и мракъ способствовали ихъ народженію и распространенію. Молодежь не видѣла передъ собою дороги; никто не выяснялъ ей дѣли и значенія жизни. Учиться? Но для чего? Чтобы попасть впоследствии въ цехъ «грабителей» или «брехунцовъ» — адвокатовъ. И большинство училось кое-какъ, безъ интереса, зазубривая передъ экзаменомъ профессорскія тетрадки и не посѣщая лекцій. За то молодежь замѣчала, что ее какъ будто опасаются, что ей придаютъ политическую важность, что съ ней считаются, — и она занималась политикой. Заграничныя изданія, преимущественно же журналъ «Впередъ», переходили изъ рукъ въ руки. «Народъ, народники, народная партія», все чаще и чаще слышалось въ студенческихъ кружкахъ. О «народѣ» спорили, его разбирали, обсуждали, опредѣляли. Мало-по-малу фізіономія этого новаго бога окончательно обозначилась и выяснилась. Это не былъ французскій *peuple souverain*, подъ которымъ въ сущности всегда подразумевалась интеллигентная и честолюбивая буржуазія; это не была и нація, какъ духовно своеобразное существо; — это былъ мужикъ и непременно несчастный, голодный и разутый, мужикъ-мстителъ, времянь Пугачева, съ дубиною или топоромъ въ рукахъ.

Въ поиски за этимъ-то «народомъ» и винулась изъ Петербурга дѣлая толпа молодежи.

— Въ народъ! въ народъ!

Вспомнилъ Черняевъ и свое «хождение».

Случилось это года черезъ два по прибытіи его въ Петербургъ, непосредственно послѣ бурной ссоры, собравшейся у одного изъ черняевскихъ товарищей, гдѣ-то въ самомъ отдаленномъ концѣ Васильевского острова.

Спорили на сходеѣ отчаянно. до боли въ горлѣ, до хрипа. Говорили по пяти, по шести человекъ сразу; говорили, стоя

на полу, на стульяхъ, влѣвая на столъ. Было и нѣсколько фанатиковъ, совсѣмъ еще юношей, но уже успѣвшихъ окончательно ограничить себя какою нибудь идеею. Одинъ, между прочимъ, сочинилъ «нормальнаго человѣка», опредѣлилъ на какомъ боку этотъ «нормальный человѣкъ» долженъ спать, что и когда ѣсть, сколько шаговъ въ день дѣлать, и, проникнутый важностью своего открытія, съ тайнымъ презрѣніемъ выслушивалъ толки другихъ. «Все-то вы чепуху городите;—такъ и читалось на его блѣдномъ, истомленномъ лицѣ,—спасеніе человѣчества въ вегетализмъ; бросьте мясо, питайтесь исключительно овощами и хлѣбомъ, дѣлайте десять тысячъ пятьсотъ шаговъ въ сутки, спите на правомъ боку,—и социальный вопросъ разрѣшится самъ-собою». Другой, высокій брюнетъ былъ помѣшанъ на мысли объ основаніи особой комуны, только непремѣнно на Кавказѣ, на границѣ между Россією и Турціею.—«Тамъ насъ никто не достанетъ, и мы устроимся по самымъ, самымъ новымъ принципамъ». Впрочемъ, на этотъ разъ на нихъ обоихъ не обращали вниманія; весь интересъ дня былъ сосредоточенъ на слухахъ, которые шли изъ провинціи. Говорили о волненіи въ средѣ уральскаго войска, о всеобщемъ недовольствѣ и голоданіи народа, о столкновеніяхъ между студентами провинціальныхъ университетовъ съ начальствомъ; правда, слухи все были неопредѣленные и смутные, но въ душной комнатѣ, въ облакахъ вонючаго табачнаго дыма, подъ шумъ непрерывающихся частныхъ споровъ, нервы невольно напрягались и возбуждались до крайности. Къ тому же давно, очень ужъ давно чувствовалась необходимость рѣшенія, практическаго выхода; вѣчно болтать и болтать оказывалось болѣе не подъ силу. Но что же дѣлать, что предпринять?

Часу въ двѣнадцатомъ ночи студенты начали расходиться. Холодный вѣтеръ, врывавшійся въ форточку, освѣжалъ головы немногихъ оставшихся. Тутъ находились и всѣ наши гимназическіе знакомцы. Опалевъ сидѣлъ въ углу и, зло улыбаясь, по своему обыкновенію, машинально потиралъ руки. Гаринъ угрюмо молчалъ; за эти послѣдніе годы онъ совершенно измѣнился. Скромный, тихій, разсчетливый, онъ, неожиданно для всѣхъ, похоронивъ отца и сдѣлавшись обладателемъ громаднаго состоянія—въ нѣсколько сотенъ тысячъ, точно преобразился, сталъ мраченъ, раздражителенъ; потомъ вдругъ закутилъ, запьянствовалъ, предался какому-то дикому, животному разврату. Затѣмъ опять перемѣна: онъ внезапно бросилъ О—скъ, пріѣхалъ въ Петербургъ и тутъ сразу же сошелся съ самыми крайними изъ мѣ-

стныхъ «радикаловъ». Теперь онъ уже болѣе не кутилъ, деньги давалъ только на помощь «жертвамъ», на поддержку заграничныхъ изданій, да на выпускъ запрещенныхъ брошюръ и листовъ. Онъ акуратно посѣщалъ всѣ сходы, всѣ сборища, но говорилъ мало, и печать какого-то унынія не покидала его. Черняевъ съ любопытствомъ слѣдилъ за этими метаморфозами своего друга, но ничего не понималъ въ нихъ; только въ послѣдствіи, черезъ нѣсколько лѣтъ, удалось ему узнать тайну его сердца.

— Господа, началъ Опалевъ:— слышали-ли вы, что сдѣлали студенты X. института? «Двадцать между ними пошли въ народъ». Понимаете, двадцать! Я не хотѣлъ говорить этого раньше, пока были посторонніе; но теперь, когда мы одни, я васъ спрашиваю: что же мы будемъ дѣлать, что рѣшимъ? Останемся ли здѣсь въ Петербургѣ или пойдемъ за ними? Будемъ ли ждать, чтобы насъ прихлопнула полиція и разослала въ Яренскъ, да въ Колу, или начнемъ дѣйствовать? Вотъ ужъ цѣлый годъ, какъ мы болтаемъ—пора перестать... Охъ, ужъ эти мнѣ болтуны, почти вскрикнулъ онъ,—отродье проклятое! всѣхъ бы я ихъ перевѣшалъ! Сколько времени черезъ нихъ пропадаетъ! Но теперь—конецъ! Намъ надобно, надобно рѣшиться и сейчасъ же!... Идемъ или не идемъ? Да или нѣтъ? И пожалуйста, пожалуйста, безъ разговоровъ...

Всѣ поняли, что минута настала и что всѣ они только и ждали этой минуты.

Черняевъ всталъ первый.

— Я иду!

— И я! и я! раздалось два, три голоса.

Гаринъ промолчалъ.

— Слушайте же!—Опалевъ точно выросъ въ эти мгновенія.— Слушайте... И шопотомъ, съ блестящими отъ волненія глазами, сталъ онъ развивать передъ товарищами свой планъ «хожденія». Видно было, что онъ много и старательно его обдумывалъ. Въ планъ входило и переодѣваніе, и подложные паспорта, и устройство отдѣльныхъ «вспышекъ» между крестьянами. Всѣ эти вещи были тогда еще въ новости, и большинство студентовъ слушало ихъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, трепеща и замирая отъ любопытства и ужаса. Впрочемъ, Черняевъ удивлялся и другому: для Опалева народъ, самъ по себѣ, какъ будто и не существовалъ; онъ не зналъ, да и не хотѣлъ знать этой «массы». Онъ прямо шелъ учительствовать и наставлять. Это свое наблюденіе Черняевъ такъ про себя и отмѣтилъ.

Было уже поздно, когда юные заговорщики двинулись къ выходу. Уже стоя на порогѣ, Гаринъ внезапно повернулся и въ упоръ обратился къ Опалеву.

— А ты «пойдешь»?

Тотъ ненавистно смѣрилъ его глазами.

— Тебя что ли спрашивать буду? сердито промолвилъ онъ.

На улицѣ Гаринъ опять остановился.

— Вотъ что Черняевъ, началъ онъ, кладя ему на плечо свою тяжелую руку:—ты «идешь»; и хоть бы ты ничего не,сказалъ, я зналъ заранѣе, что ты «пойдешь», и безъ штукъ, безъ ополевскихъ, какъ дитя малое; такъ вотъ что! У меня много денегъ, и я люблю тебя. Я приготовилъ тебѣ на дорогу, на всякій случай; отъ меня ты возьмешь, неправда-ли? Ну вообрази, что на дѣло отдано, вѣдь все равно. И сунувъ Черняеву пачку съ бумажками, онъ быстрыми шагами сталъ переходить улицу.

— Постой, постой, еще минуточку! Ты спрашивалъ Опалева —пойдетъ ли онъ? А ты пойдешь?

— Да, вѣдь ерунда же это все, голубчикъ! съ болѣзненной дрожью въ голосѣ, крикнулъ Гаринъ,—ерунда! ерунда! а впрочемъ, не знаю, не спрашивай...

Черезъ недѣлю Черняевъ уже шагаль по безконечному, нѣбогда крайне оживленному, а теперь, съ проведеніемъ желѣзной дороги, сильно запущенному М—скому шоссе. Одѣтъ онъ былъ по «народному», т. е. въ красную вумачевую рубаху, черную поношенную чуйку (Черняевъ нарочно купилъ старую, не такъ, дескать, примѣтно), высокіе смазные сапоги и простую мѣщанскую фуражку. За спиною у него, на кожаномъ ремнѣ, висѣлъ, обитый клеенкою, коробокъ, съ какими ходить по деревенскимъ базарамъ мелочные торговцы. Черняевъ рѣшилъ на первое время выдавать себя за офеню и съ этою цѣлью набилъ свой коробъ всякою дрянью: бусами, пуговицами, лентами, лубочными картинками. Все это лежало сверху; на самомъ же днѣ онъ уложилъ съ сотню запрещенныхъ брошюръ и листовъ и по какому-то инстинкту нѣсколько стеклянокъ и пакетцевъ съ простѣйшими лекарствами: кто знаетъ, можетъ и пригодятся, для сближенія.

Въ тѣ времена на Руси было еще довольно просто: урядники еще не развѣзжали по проселкамъ и сельскія власти еще не оглядывали подозрительно каждаго прохожаго; въ сущности, эта простота нравовъ одна только и спасла Черняева отъ немедленнаго ареста. Запасшись пуговицами, онъ позабылъ (а вѣрнѣе и не зналъ) про свидѣтельство на торгъ; вида у него

тоже не было. Слова Гарина оправдались: онъ «пошелъ» дѣйствительно какъ дитя малое.

Дѣло близилось къ вечеру; не смотря на апрѣль мѣсяць, холодъ и сырость были еще довольно чувствительны. Болотныя испаренія, поднимавшіяся съ затопленныхъ весеннимъ половодьемъ луговъ, рѣяли въ воздухѣ. Черняевъ страшно продрогъ и съ нетерпѣніемъ высматривалъ въ чернѣющей дали, не покажется ли хоть какогонибудь признака жилья. Наконецъ, на горизонтѣ обрисовался силуэтъ церкви, по сторонамъ дороги потянулись загороди, влѣтушки, амбары. Передъ Черняевымъ лежало, повидимому, большое и богатое сѣверно-русское село.

«Вотъ я и въ народѣ, думалъ онъ про себя, подходя къ первому показавшемуся на пути трактиру,—и сладко, и жутко. Посмотримъ, посмотримъ, какъ-то онъ скажется, какъ-то онъ встрѣтитъ меня».

Трактиръ еще издали громыхалъ и свѣтился. Сквозь тусклыя окна мигали огоньки, слышались пѣсни и звуки гармоники. Былъ храмовой праздникъ, и вучки полупьянаго или совсѣмъ уже упившагося люда толпились вокругъ своего деревенскаго клуба.

Внутри, въ довольно просторной, но изумительно грязной горницѣ пахло водкою, дегтемъ, лукомъ и пѣтомъ. На стойкѣ, залитой саломъ и всякою дрянью, стояли два громадныхъ графина съ «очищеннымъ» и тарелки съ мелко-нарѣзанными солеными огурцами и кусочками хлѣба. Хозяинъ, здоровый краснолицый мѣщанинъ, то и дѣло обтиралъ себѣ лицо какою-то тряпичею и покрикивалъ на мальчиковъ, бѣгавшихъ съ бутылками и чайниками, мальчиковъ—бойкихъ, но ужасно общипанныхъ и покрытыхъ синяками и царапинами.

Посѣтителей было довольно много, но Черняевъ въ первую минуту такъ растерялся, что ничего порядкомъ не рассмотрѣлъ. Неловко поклонился онъ хозяину, вспомнилъ что у «народа» при входѣ обычай креститься, неловко перекрестился (какъ потомъ разглядѣлъ) даже и не на тотъ уголъ, куда слѣдовало, тутъ же страшно разсердился на себя за свою слабость и смущенно усѣлся подале, къ самому крайнему окошку.

Одинъ изъ мальчишекъ, изумительно ловко вертя на самыхъ кончикахъ пальцевъ подносъ съ посудой, принесъ ему чай.

Мало-по-малу Черняевъ оправился и оглядѣлся. Близость столицы приучила мѣстное населеніе къ новымъ лицамъ и на него, повидимому, не обращали никакого вниманія. Толпа пила,

пѣла и орала. Входная дверь, пронзительно скрипя, не переставала отворяться и затворяться. Молодые пары, съ кафтанамы на одномъ плечѣ, съ гармониками въ рукахъ, выпивали «по стаканчику», ругались и уходили. Другіе требовали себѣ чая, тоже ругались, о чемъ-то спорили, потомъ цѣловались и опять ругались. Все это дышало чѣмъ-то дикимъ, первобытнымъ, животнымъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Черныева сидѣло трое пожилыхъ мужиковъ въ новыхъ поддевахъ. Они тоже были въ подпитіи, но немного, и степенно толковали.

— Таперича ежели Петра Ивановича сажень—одно, а ежели Макара Егорича—другое.

— Это такъ...

— Таперича у Макара Егорича—вольготнѣе, ну опять провозъ...

— Провозъ, и, и, и!

— Опять же и сплавъ...

— Разя это сплавъ...

Съ другой стороны Черныева помѣщались два какіе-то барышника. Одинъ въ чемъ-то уговаривалъ другаго; другой то шумѣлъ, то хныкалъ.

— Гулять? Раззи я на твои? На свои... А ты молчи, потому дуракъ! Хочу—и пью, и ты пей.

— Будеть, душа ты моя, бу-удеть, коснѣющимъ языкомъ лепеталъ пріятель,—нутро не пріимаетъ; винище-то наружу преть...

— Пей! Другъ ты мнѣ или нѣтъ? Пей, говорю... и я выпью! А ежели насчетъ телятъ, зрешь! потому—дуракъ! Я можетъ на счетъ эфтаго теленка самага всю науку произошелъ; да, нутро у cadaго вижу, проицновеніе такое имѣю, а ты нѣтъ. Таперича къ примѣру, какой у настоящаго теленка глазъ долженъ быть?

— Глазъ?..

— Глазъ!...

— Я те скажу...

— И скажи!...

— И скажу!...

Черныевъ слушалъ и ничего не понималъ. Ему было и неловко, и точно стыдно. «Это берлога какая-то, думалъ онъ,—и главное ничего-то я, ничего не понимаю».

Нѣскольکو пьяныхъ парней, толкавшихся около стойки, подошли къ нему.

— Угости, добрый человекъ.

— Заставь за себя Бога молить!

Черняевъ даже обрадовался имъ: угостилъ и самъ выпилъ.

— Ну вотъ спасибо! И парни со всѣхъ сторонъ обступили его; одинъ лѣвъ цѣловаться, другой надъ самымъ ухомъ жарилъ что-то на гармоникѣ, третій, едва держась на ногахъ, безсильно таращилъ глаза и громко икалъ.

— Слышь, любезный человекъ, угости еще.

— Нѣтъ, будетъ...

— Слышь, угости!..

— Да что, братцы, завопилъ вдругъ самый пьяный, — что на него смотрѣть-то! Ты какой-такой человекъ?.. откуда?.. Може мазуришь какой! Что деньги транжиришь! а? бей его!.. И онъ замахнулся было на Черняева гармоникомъ.

Поднялся шумъ; вмѣшался хозяинъ.

— Ишь, черти, наливались!.. А ты, милый человекъ, съ пьяными-то не вяжись! такъ-то!

— Да я что? я ничего! Я — человекъ торговый, на ярмарку; мнѣ бы переночевать только, окончательно растерялся Черняевъ.

— Переночевать? Хозяинъ огланулъ Черняева и его коробокъ. — Мѣстовъ-то нѣтъ, все позанято, развѣ на кухнѣ?

— Мнѣ все равно.

Въ кухнѣ было уже темно; нѣсколько человекъ, прикрывшись тулупами, спали на полу; на полатахъ помѣстилась цѣлая группа богомолковъ и шепталась между собою.

— И бысть ему въ ночи видѣнїе, рассказывала одна, — предсталъ ему андѣлъ въ одеждѣ бѣлоснѣжной и рекъ: гряди, отроче, въ пустынь и сотвори тамъ по завѣту моему.....

«И чего ты, душа, Катька,

«Призадумались, шельма, сидишь...

оралъ кто-то подъ самымъ окномъ.

— Ахъ вы дьяволы, жеребцы стоялые! ругались въ кабакѣ за стѣною.

«Славъ, гармоника, телята, — вертѣлось въ головѣ у Черняева. — Нѣтъ! нѣтъ! развѣ это деревня? дальше, дальше, въ глушь!» рѣшилъ онъ.

На другой день Черняевъ бросилъ шоссе и свернулъ въ сторону. Передъ нимъ потянулся прихотливый, своенравный проселокъ. Сырая, липкая глина приставала къ сапогамъ и

замедляла шагъ. По краямъ дороги показался сначала кустарникъ, потомъ лѣсъ, и чѣмъ дальше углублялся въ него Черняевъ, тѣмъ ели становились выше, а чаща гуще.

Безконечное, топкое, унылое болото. Повсюду вода и вода. Вода между сѣровато-желтыми мшистыми кочками, вода въ канавахъ, въ колеяхъ пути, въ каждой ямѣ, въ каждомъ углубленіи почвы; молодая травка, рѣдкая и чахлая, зеленѣла кое-гдѣ по пригоркамъ; изъ-за корней выглядывали жесткія листья брусники. Сами ели, тоже какія-то сырыя, росли коряво и некрасиво.

Болото и лѣсъ, лѣсъ и болото...

Изрѣдка встрѣчалась околнца; нѣсколько черныхъ, убогихъ избеновъ толпилось между изгородами; шли поля, вдали виднѣлась фигура пахаря надъ сохою, слышалась заунывная, однообразная пѣсня.

Подъ лай худыхъ, охрипшихъ псовъ, по колѣно въ грязи, проходилъ Черняевъ деревенскую улицу. Босоногіе мальчишки бѣжали за нимъ, не то дразня, не то выпрашивая милостыни. Иногда изъ избы выскакивала молодая бабенка и долго глядѣла ему вслѣдъ. Черняевъ и тутъ ошибся въ расчетахъ. Была весна, самое трудное для селянина время, и обезденежѣвшая крестьянка могла только завистливо вздыхать по бусамъ и лентамъ мнимаго офени.

Обработанныя поля тянулись обыкновенно недолго; за ними опять тянулся кустарникъ, шумѣли непривѣтливья ели, опять лѣсъ и болото, болото и лѣсъ...

Четверо сутокъ, четыре дня и четыре ночи, провелъ Черняевъ въ этой глуши; но воспоминаніе объ этомъ времени сохранилось въ его сердцѣ до самой смерти. И не людей или событий вспоминалъ онъ, нѣтъ! онъ вспоминалъ чувство, которое постепенно назрѣвало и, наконецъ, вполне и неотразимо выросло за эти дни въ его душѣ,—чувство невыносимой тоски, безпредѣльнаго, ужасающаго безсилія.

Тамъ, въ Петербургѣ, въ пятомъ этажѣ, подъ вліяніемъ чтенія и разговоровъ, «хождение» мечталось такимъ простымъ, такимъ понятнымъ дѣломъ. Казалось, стоило только запастись «умными» книжками, носить въ груди вѣру въ свое призваніе и «идти»...

Но тутъ, тутъ, среди этого болотнаго лѣса...

Тамъ, въ Петербургѣ, Черняевъ любилъ и ненавидѣлъ. Любилъ «народъ», какимъ они создали его въ своемъ кружкѣ, и ненавидѣлъ его угнетателей; тамъ существовали у него опре-

дѣлennыя, законныя рубрики: помѣщикъ—рабовладѣлецъ и развратникъ, попъ—эксплуататоръ, чиновникъ—воръ... и между ними, какъ Христосъ между разбойниками, нищій и голодный музикъ.

Тутъ онъ не зналъ, кого ему ненавидѣть и... и не могъ любить.

Кого ненавидѣть? Дворянъ? Раза два попадались ему на встрѣчу барскія усадьбы. Первой онъ даже обрадовался, какъ радуются явному врагу, и еще издали погрозилъ ей кулакомъ. Но когда Черняевъ подошелъ поближе, ему представилась только картина нищеты, запустѣнія и унынія.

На гниломъ крылечкѣ, подъ покривившимся навѣсомъ, сидѣлъ старый дворовый и, какъ дитя, сосалъ корку черного хлѣба.

— Гдѣ господа?

— Старики померли, молодой гдѣ-то служить, учителемъ что-ли.

— А имѣнье?

— Имѣнье? Да кому оно нужно: болото-то! Лѣсъ какой былъ, еще покойникъ-баринъ продалъ, а что осталось, мужики разворовали; вотъ теперь на нашей землѣ и косить стали... Что подѣлаешь? Надзора нѣтъ, а безъ надзора какое же хозяйство.

Однажды встрѣтилъ Черняевъ и священника.

Маленькій таковой, сѣденькій попикъ ѣхалъ въ самодѣльной телѣженкѣ и предложилъ ему подвести его до ближайшей деревни.

Черняевъ согласился. Поѣхали.

Попикъ потрогивалъ возжами и искоса поглядывалъ на своего спутника. Онъ оказался очень словоохотливымъ.

— Торгуете чѣмъ?

— Торгую.

— А нѣтъ-ли у васъ каленкору... дешевенькаго?

— Нѣтъ, каленкору нѣтъ.

— Такъ, такъ... А куда путь держите?

Черняевъ слегка замаялся. За послѣднее время онъ совершенно дезориентировался и не сумѣлъ бы назвать ни одного изъ окрестныхъ селеній.

— На ярмарку, отвѣтилъ онъ односложно.

— Въ Никольское? точно обрадовался попикъ, — такъ, такъ... То-то я и смотрю: идетъ человекъ будто съ товарами, а куда идетъ—не пойму. Не въ нашу же палестину... Такъ въ Николь-

ское, на ярмарку... Ну и сбились же вы! совѣтъ не туда идете; хорошо еще со мной повстрѣчались.

— Развѣ сбился?

— Сбились, сбились... Вамъ бы за парашкинскимъ лѣскомъ вправо забирать надо... ну да что дѣлать!.. Божія воля!.. Теперь какъ выйдемъ въ поле, я вамъ проселокъ покажу... по немъ до настоящей дороги и дойдете. А жалъ—версть десять крюку дали... По новости вѣрно?

— Впервые иду.

— Такъ, такъ... на ярмарку. А сами-то вы изъ какихъ будете?

— Мѣщанинъ.

— Мѣщанинъ...

Пописъ немного помолчалъ.

— Чудной теперь народъ пошелъ.

— Чудной! Чѣмъ?

— Да такъ. Вотъ вы себя мѣщаниномъ называете... а съ виду будто господинъ.

— Что за вздоръ! какой я господинъ.

— Конечно, всякое бываетъ. Я больше по обличью и опять же разговоръ... А трудное ваше дѣло.

— Ничего...

— Нѣтъ, трудное, трудное... и не говорите. Съ коробомъ-то съ ярмарки на ярмарку... да еще не дай Богъ гроза, дождь... Небось и теперь всѣ косточки болятъ?

Это любопытство и наивная навязчивость старика какъ-то странно раздражали Черняева, къ тому же онъ «по принципу» не терпѣлъ духовенства.

«Чего этотъ долгогривый пристааетъ ко мнѣ», думалось ему, и онъ рѣшилъ «оборвать» пописка.

— Кому что нравится, намѣренно грубо отвѣтилъ Черняевъ:—иному нравится на чужой счетъ жить—прихожанъ доить, иному по ярмаркамъ таскаться. Каждому свое!

Пописъ дѣйствительно смутился: покраснѣлъ и даже съежился весь.

— Обидѣли вы меня, сказалъ онъ наконецъ, послѣ двухъ-трехъ минутъ молчанія,—очень обидѣли, и за что? не вѣдаю... Конечно въ нынѣшнее время противъ духовныхъ много озлобленія пошло, но и неправды много. Вотъ хоть бы нашъ причтъ? Съ кого мы пользуемся?

— Какъ съ кого? не безъ ядовитости поддразнилъ Черняевъ.—Рассказывайте! Всѣ вы однимъ муромъ мазаны! Небось,

за крестны, да свадьбы, да молитвословія разныя, послѣдній рубль съ мужика тянете, до нага раздѣваете... обычай вашъ извѣстный.

— Ахъ юноша ты неразумный, всвинятился вдругъ попишь, переходя въ азартъ на «ты»:—чужія ты слова говоришь, чужія — не свои! Седьмой десятокъ я на свѣтѣ доживаю, а обиды или утѣсненія никому до сего времени не чинилъ и никто того не скажетъ. А ты вдругъ—обирать!.. Кого это?.. Да знаешь-ли ты жизнь-то нашу?.. Сторона у насъ сурова, неприютная, поселки малые, приходъ на тридцать верстъ кругомъ; болящаго причастить позовутъ — такъ возьмешь святые дары, да вотъ на этой лошаденкѣ на самой, верхомъ, по тропинкѣ чащею лѣсною и пробираешься... Здѣсь-ли о корысти думать? Народъ кругомъ дикій, звѣроподобный даже; бѣднота кругомъ, невѣжество, нравы грубые; но меня,—не для само-восхваленія суетнаго сважу, но истинно, припеваю те только благости Господней,—жалѣютъ и любятъ. И вижу я одинъ и убогъ, и хожу во вретницѣ, и благъ земныхъ лишень; но не скорблю и не ропщу о семь, а всечасно благодарю Создателя моего...

Черняевъ угрюмо молчалъ.

— И не мѣщанинъ ты, какъ я вижу, а господинъ, ибо, если-бы ты мѣщанинъ, въ расколѣ упорствующій былъ, ты бы въ мою поповскую телѣгу не сѣлъ; а если-бы, по нуждѣ, и сѣлъ, то меня за мою же услугу не поносилъ бы. Господинъ ты, и слово твое господское, недоброе...

Пописъ тяжело вздохнулъ.

— А вы меня все-таки простите, началъ онъ опять черезъ нѣсколько мгновений, пытаюсь взглянуть въ опущенные глаза Черняева,—ожесточился и согрѣшилъ; но не по хотѣнію, а болѣе по горячности натуры моей. Сердце у меня жестокое, какъ разгорится, а и мечу словеса недостойныя и буйныя... А кто вы—я того довѣдываться не хочу и зла не мыслю...

Между тѣмъ лѣсъ вончился.

— Ну вотъ, вотъ этимъ проселкомъ и идите, и все прямо все прямо, пока до дороги дойдете; а тамъ возьмите вправо — за лѣсомъ и Никольское.

— Прощайте!

— Да смягчится сердце ваше.

И долго еще сидѣлъ старикъ въ своей телѣгѣ и глядѣлъ вслѣдъ удалявшемуся Черняеву; догадывался ли онъ, хоть отчасти,

что это за человекъ — Богъ вѣсть; но въ этотъ вечеръ попижъ молился дольше обыкновеннаго, больше вздыхалъ и вѣстился.

Лѣтъ и болото, болото и лѣсъ.

Стройныя, громадныя сосны, унылыя ели, кое-гдѣ березнякъ, только что распускающій смолистые, благоухающіе листочки, потомъ опять поселокъ, десятокъ жалкихъ, дымныхъ хижинъ.

И среди этой пустыни и одиночества, среди вѣбовой нищеты и прадѣдами завѣщанной печали — двадцатилѣтній студентъ съ сотнею запрещенныхъ сказокъ.

«Я знаю, что я не туда попалъ, думалъ часто Черняевъ, — не здѣсь вести пропаганду, но и здѣсь «народъ», — «народъ», о которомъ я столько мечталъ; но вѣдь цѣлыя губерніи, равныя по величинѣ государствамъ Европы, живутъ именно такъ и при такихъ условіяхъ...» И грустный шель онъ безконечною лѣсною дорогою, съ каждою минутею сознавая все болѣе и болѣе свое безсиліе и ничтожество.

Но въ особенности смущалъ его «мужикъ». Онъ оказался совсѣмъ, совсѣмъ не такимъ, какимъ Черняевъ представлялъ его себѣ въ Петербургѣ. Мужикъ былъ суровъ и мраченъ, но не думалъ о «мщени» и не желалъ выражать никакого «протеста»; недовольство его не шло далѣе заботы о насущномъ хлѣбѣ, далѣе тяжбы изъ-за трехъ десятинъ спорнаго дуга, далѣе тревоги по случаю наѣзда становаго. Къ тому же мужикъ оказался еще несообщительнымъ и недовѣрчивымъ, по крайней мѣрѣ такъ показалось Черняеву; на вочлегъ его пускали съ трудомъ, задавали ему безчисленные вопросы, слѣдили за каждымъ его шагомъ, даже съ опаскою брали отъ него деньги. Разговоры при этомъ никакихъ или самыя пустышныя. Правда, Черняевъ пытался было два раза свести бесѣду на жгучіе вопросы, но оба раза безуспѣшно.

Однажды, послѣ скуднаго ужина, заговорилъ онъ о тяжести налоговъ, о томъ, что лучше бы жить «по вольному», безъ солдатъ и проч., и проч. Хозяинъ повидимому соглашался, глубоко вздыхалъ, поддакивалъ даже: «такъ, такъ батюшка» и вдругъ выпалилъ:

— А ежели Литва придетъ?

— Какая Литва?

— Какая! Не бось знаешь, — раззорительница...

— Ну такъ чтожъ?

— А какъ же безъ солдатъ. И Черняевъ увидалъ передъ собою стѣну, отъ которой какъ горохъ отскакивали всѣ его теоріи и доводы.

Другой разъ случилось и нѣчто по-серьознѣе. Мужикъ слушалъ, слушалъ, да и говорить:

— А ты, братецъ, смутьянъ.

— Что ты!..

— Смутьянъ и есть, и я тебя должнъ въ волость предоставить.

Черняевъ едва отмолился или, правильнѣе, отступился, да и то по случаю: дѣло было въ полѣ, кругомъ ни души. Мужикъ—горьчайшій пьяница воспользовался случаемъ, сорвалъ полтинникъ и въ тотъ же вечеръ валялся около сосѣдняго кабака и оралъ какую-то чушь. Однако послѣ этого обстоятельства, Черняевъ и на ночлегъ пересталъ проситься, а слѣдующую ночь провелъ гдѣ-то въ пустомъ овинѣ. На книжки тоже не везло. За все время онъ успѣлъ всучить только двѣ сказки какому-то мальчишкѣ, и скорѣе—дальше.

Покрытый грязью, искушенный комарами, подавленный непривычною тяжестью короба, отъ котораго ныла спина и невыносимо болѣли плечи, бродилъ Черняевъ по узкимъ, изрытымъ проселкамъ и думалъ печальную думу. Онъ не находилъ своего «мужика» и чувствовалъ, что никогда не найдетъ его. Передъ нимъ поднималась необозримая и несокрушимая твердыня, твердыня повѣрій, обычаевъ, воззрѣній... особенный міръ, въ которомъ онъ ничево не понималъ, и который въ свою очередь не нуждался въ немъ. Иногда мечталось Черняеву, выйти на площадь и открыто, въ лицо собравшейся толпы, провозвѣстить свое «новое слово»; но тутъ же онъ скептически улыбался. Иногда онъ сравнивалъ себя и «своихъ» съ апостолами: «тѣ, значитъ, вѣрили, что не боялись всенародной проповѣди; а мы? неужто не вѣримъ?.. но, нѣтъ, нѣтъ! вѣрю же я вѣрю! убѣждалъ онъ самого себя;—но какъ же выйти на площадь, когда заранѣе знаешь, что не найдешь отзыва ни въ одномъ сердцѣ, не встрѣтишь ни одной сочувственной улыбки, даже спорить съ тобой никто не станетъ, а попросту возьмутъ тебя за шиворотъ и отведутъ къ становому». Попикъ тоже смущалъ Черняева; не то чтобы онъ раскаявался въ своихъ обидныхъ, безтолковыхъ рѣчахъ: измученное сердце не хотѣло знать жалости; но онъ помнилъ слова священника: «господинъ ты, и слово твое господское, недоброе; если-бы ты былъ раскольникъ, ты бы не сѣлъ въ поповскую телѣгу, а если бы сѣлъ, то меня не поносишь бы». Господинъ, значитъ—чужой, чужѣе раскольника... «Правда! правда! и всѣмъ, и всему-то мы тутъ чужіе, ненужные люди. Вотъ Опалевъ говорить, надо изучать ремесла, прочно

селиться, устраивать кузницы тамъ или заводики. Ну, положимъ, положимъ, народъ привыкнетъ къ намъ, знакомыми людьми признаетъ, но что же далѣе? Развѣ отъ этого онъ сдѣлается нашимъ? Вѣдь не онъ, а мы переламывать себя будемъ; вѣдь не ему поддаваться, а намъ. И къ тому же вѣчно, вѣчно обманывать одеждою, ремесломъ, складомъ рѣчи, образомъ жизни; скрывать свою «вѣру», облекать ее въ фальшивыя формы; придти къ мужику, чтобы лгать ему и хитрить съ нимъ. Возстановлять его противъ царя, именемъ царя же, противъ религіи—текстами. Неужто же есть истина, которую можно распространить обманомъ?» И Черняевъ въ глубинѣ души началъ сомнѣваться въ своей «истинѣ».

На четвертый день «хожденія», къ вечеру, Черняевъ окончательно изнемогъ. Каждый фибрь, каждый мускулъ его разбитаго тѣла требовалъ отдыха и спокойствія.

«Все равно, пусть забираютъ, только бы поѣсть и заснуть».

На пригорѣѣ, между вспаханнми полями, виднѣлась деревенька дворовъ въ двадцать. У первой же избы Черняевъ примѣтилъ высокаго, красиваго парня, распрягавшаго лошадь.

— Не пустите ли переночевать?

Парень дружелюбно усмѣхнулся, показывая два ряда перламутровыхъ зубовъ.

— Отчего же! казись питерскіе?

— Питерской.

— Мы сами въ Питерѣ живали, въ извозчикахъ. Пожалуйста.

Черняевъ какъ вошелъ въ избу, такъ и повалился на лавку.

— Аль притомились очень?

— Очень...

— Дороги нонече трудныя, опять же комарье лютое; може чайбу испили бы?

— Пожалуйста.

— Анисья! позвалъ парень.

Въ дверяхъ показалась высокогрудая, молодая баба.

— Вотъ гостя привелъ. Наставъ-ка самоварчикъ. А вы посидите, отдохните; я только съ конемъ справлюсь.

Черняевъ оглядѣлся.

Чистая, новая изба; въ воздухѣ пахнетъ смолою и сушеными травами. Въ почетномъ углу—образа, подъ ними повѣшены пасхальныя яйца и торчатъ сухія вербы. На полу, около печки, сидитъ крошечная, чумазая, но прехорошенькая дѣвочка,

лѣтъ двухъ. Она таращитъ голубые глазенки и, кажется, собирается заплакать отъ страха.

— Ну вотъ и справился. Давайте-ка теперь чай пить... Съ армарки небось?

— Изъ Никольскаго.

— На чугунку?

— Да, въ Питерь.

— Ну, отъ насъ недалеча, сейчасъ шоссая, а тамъ до чугунки всего верстъ десять, къ обѣду на станціи будете.

Въ избѣ было тепло, самоваръ пыхтѣлъ и клубился, чашки, съ изображеніемъ цылающихъ сердець и съ надписями: «въ знакъ любви», весело поглядывали со стола. Пили чай съ толкомъ и съ тѣмъ особеннымъ усердіемъ, на которое способны только бушцы и извошники. Наконецъ, когда вода въ чайникѣ перестала уже окрашиваться въ желтый цвѣтъ, хозяинъ отодвинулъ свою чашку, перевернулъ ее и положилъ на доннышко оставшійся кусокъ сахара.

— Будя!

Анисья пила меньше. Черный, клеенчатый коробокъ не давалъ ей, повидимому, покоя; она то и дѣло поглядывала въ его сторону.

Черняевъ догадался; онъ раскрылъ свои сокровища и презентовалъ бабѣ монисто и пару лентъ. Хозяева сначала церемонились, отказывались, потомъ пріняли и остались въ восторгѣ.

Парень разѣтовкровенничался, разболтался. Жилъ онъ двѣнадцать лѣтъ въ Петербургѣ, въ извошникахъ; видалъ всего, и «дурнаго и хорошаго». Потомъ отецъ умеръ, брата въ солдаты взяли, онъ попалъ въ большаки, возвратился на родину и сѣлъ «на корень». Какъ видно, у парня и деньги водились, и жилось ему хорошо и привольно.

— Вотъ только наследника Богъ не даетъ, а все Анисья виновата.

— Типунъ бы тебѣ на языкъ! безстыжій эдакій!

И баба, фыркая отъ подавленнаго смѣха, скрылась въ сѣняхъ.

Часовъ въ восемь вечера, подъ трескъ сверчка, Черняевъ уже засыпалъ на палатахъ.

Ночью его разбудило какое-то всхлипываніе. Онъ приподнялся и заглянулъ внизъ.

При тускломъ свѣтѣ дрянной керосиновой лампочки, Черняевъ увидалъ Анисью съ ребенкомъ на рукахъ. Дѣвочка хрипѣла и слегка стонала, баба горько плакала и причитывала.

Самъ хозяинъ, совершенно растерянный, сидѣлъ на лавкѣ и, бессильно опустивъ руки, машинально бормоталъ:

— Чтожъ! Божья воля, ничего не подѣлаешь! Божья воля!

Черняевъ вскочилъ. Онъ вспомнилъ, что онъ чему-то учился, что-то зналъ:

— Больна, дѣвочка больна? ничего, ничего! Главное—не падайте духомъ; я докторъ, фельдшеръ, знахарь. Я сейчасъ, сейчасъ!

Онъ бросился къ своему коробку и вытащилъ связку съ лекарствами. Необыкновенная, никогда еще неиспытанная имъ энергія, проникла все существо Черняева. Въ одну минуту напелъ онъ и зажегъ сальную свѣчу, приказалъ хозяину наставлять самоваръ, осмотрѣлъ дѣвочку, рѣшилъ, что у ней легкая форма дифтерита, и принялся за работу.

— Ничего, ничего, не бойтесь только! У нея дифтеритъ, налеты такіе, въ горлѣ. Но я спасу, я вылечу; вы увидите...

И Боже, съ какою нѣжностью возился онъ надъ крошечнымъ существомъ, съ какою тревогою укутывалъ его, съ какою любовью, уже долго послѣ того, какъ миновала первая опасность, не хотѣлъ онъ отдавать матери, «свою милую дѣвочку, свою Машу», то нося ее на своихъ рукахъ, то прижимая къ груди и тихо, тихо укачивая. Онъ болѣлъ всѣмъ сердцемъ, содрогался всѣми нервами, пока длилась опасность; но затѣмъ, какое счастье! когда дѣвочка, облегченная и успокоенная, наконецъ заснула. Черняевъ самъ укуталъ, самъ согрѣлъ ее; полный неизъяснимо сладкаго чувства, сидѣлъ онъ теперь надъ убогою качалкою ребенка, прислушиваясь къ его слабому дыханію, слѣдя за каждымъ его движеніемъ.

Заснулъ онъ уже передъ самымъ утромъ и проснулся часовъ въ десять.

Анисья (хозяинъ былъ въ полѣ) встрѣтила его любовно, какъ родного. Она опять напоила его чаемъ, угостила водкою и бубликами, за которыми нарочно для гостя сбѣгала по-утру въ кабакъ.

Черняевъ не собирался уходить, впрочемъ онъ и не думалъ объ этомъ. На душѣ у него было такъ хорошо, свѣтло. Дѣвочка тихо спала въ своей колыбели, въ открытое окно лились солнечные лучи, пѣтухъ, взобравшись на навозную еучу, кричалъ, сзывая куръ; за заборомъ пѣла какая-то баба. Анисья возилась то въ сѣняхъ, то около печки, посмѣивалась и болтала.

— Вотъ скоро Василій (такъ звали хозяина) долженъ придти, общался въ обѣду, да припоздалъ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ въ ворота въѣхалъ хозяинъ. Съ нимъ на телѣгѣ сидѣлъ угрюмый мужикъ, съ умнымъ взглядомъ и окладистою черною бородою.

— Господи! кажись свать изъ Ивановки, обрадовалась Анисья.

Свать вошелъ, помолился на образа, поздоровался съ хозяйкою, поглядѣлъ на гостя и сейчасъ же вонъ.

— Свать, а свать, услышала Черняевъ въ открытое окошко.

— Ну что?

— А у тебя, братъ, дома неладно.

— А что?

— Да кто у тебя тамъ въ избѣ-то сидитъ?

— А Богъ его знаетъ! прохожій, ходебщикъ что-ли.

— Какой ходебщикъ, — свать понизилъ голосъ, — бунтовщикъ.

— Ну?

— Ужъ вѣрно! Не вру. Анамеднись онъ моему парнишкѣ книжонки какія-то подарилъ. Я его и запримѣтилъ. Анъ чтожъ вышло: въ книжонкахъ-то бунтъ. Ужъ и драли же мы, милый человекъ, мальчишку, на-смерть драли, въ три кнута. Сначала учитель, потомъ, значить, попъ, а опосля я принялся. Семь шкуръ сняли. Учитель говорить, что ежели эту самую книжку начальство увидитъ—въ Сиби-ирь.

— Что-жъ дѣлать?

— Связать и въ станъ.

Василій подумалъ и встряхнулъ волосами.

— Нѣ!

— Смотри, Василій!

— Нѣ, не дамъ!

Черняевъ не слушалъ далѣе, онъ схватилъ фуражку и дрожавшими руками сталъ надѣвать на себя коробъ.

Хозяинъ вошелъ суровый, мрачный.

— Господинъ, а господинъ, уходи-ка до грѣха; вотъ Богъ, а вотъ порогъ.

Анисья хотѣла что-то сказать.

— Молчи! крикнулъ на нее Василій.

Когда Черняевъ выходилъ уже за ворота, угрюмый свать подошелъ къ нему и слегка ударилъ его кулакомъ въ шею.

— Проваливай, стрикулисть, проваливай! Крови мужицкой захотѣлъ.

Безъ мысли въ головѣ, ничего не видя передъ собою, ни-

чего не слыша, шелъ Черняевъ изъ деревни. Передъ нимъ блеснула рѣчка. Вдали желтѣло шоссе. Онъ сошелъ внизъ, сѣлъ на илистый берегъ, раскрылъ свой коробъ и, съ какимъ-то ожесточеніемъ, сталъ освобождать его; одно за другимъ полетѣли въ воду бусы, серьги, ленты, брошюры, сказки, листки.

«Крови мужицкой захотѣлъ, крови мужицкой захотѣлъ», повторялъ онъ, глядя на мутныя волны, уносившія разбухавшую бумагу.

Черезъ три часа, отъѣзжая на пассажирскомъ поѣздѣ отъ Н — ской станціи желѣзной дороги, Черняевъ рѣшилъ свою участь.

«Въ Европу! Тутъ мнѣ нечего дѣлать. Въ Европу!»
И вотъ онъ въ Европѣ.

В. Айдаровъ.

(Продолженіе будетъ).

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ДОНА.

I.

ОТЪ РАЗИНА ДО БУЛАВИНА.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Обзоръ Азовскаго моря.—Морскія экспедиціи казаковъ къ Трапезонту, Синоцу и къ берегамъ Румеліи.—Опасности при возвращеніи донцовъ изъ морскихъ походовъ.—Сооруженіе Петромъ I правительственнаго флота.—Тягости русскаго народа.—Значеніе Воронежа и Азова.—Морской уставъ и служба на галерахъ.—Роамски стрѣльцовъ и донскихъ казаковъ, недовольныхъ Петромъ.—Бѣгство русскихъ рабочихъ на Довъ.—Переселеніе казачьихъ городковъ на бассейнъ Сѣвернаго Донца.—Посольство въ Константинополь и трактатъ 1700 года.—Причины булавинскаго бунта.—Разрывъ съ Турціею въ 1710 году.—Петръ требуетъ 100 казачьихъ лодокъ.—Правительственный флотъ на Азовскомъ морѣ.—Исходъ прутскаго договора.—Некрологъ правительственнаго флота и крѣпости Азова.

Тотъ это пойметъ, кто крѣпнетъ душой
При видѣ простора пучины морской,
Лишь онъ вамъ расскажетъ, съ восторгомъ во взорѣ,
Какъ любо носиться надъ безднами моря ¹⁾.

Прилежащее къ землѣ донскихъ казаковъ, Азовское море въ древнія времена носило наименованіе Темеринда, что на скинскомъ языкѣ означало Мать-моря. Грунтъ Азовскаго (по другимъ Синяго) моря почти исключительно состоитъ изъ ила, смѣшаннаго съ черною или красною ракушкою; только въ нѣ-

¹⁾ Изъ «Корсара», Байрона; переводъ Вейнберга.

которыхъ мѣстахъ морское дно покрыто пескомъ. Грунтъ этотъ очень мягкій и легко размывается волнами при сильныхъ вѣтрахъ, дующихъ въ разныхъ направленіяхъ, вслѣдствіе открытыхъ береговъ моря, окруженнаго степными равнинами, на которыхъ вѣтры не встрѣчаютъ препятствій. Мягкость морскаго дна была причиною образованія многихъ востъ и отмелей, затрудняющихъ мореплаваніе. Азовскія мели въ особенности опасны для мореходцевъ, какъ неимѣющія правильнаго очертанія и перемѣняющія свое положеніе. Періодическихъ приливовъ и отливовъ въ Азовскомъ морѣ не бываетъ; временные же, происходящіе отъ направленія вѣтровъ, весьма замѣчательны: при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, вода упадаетъ на нѣсколько футовъ, смотря потому, сколько времени и съ какою силою онъ дуетъ; при югозападномъ вѣтрѣ происходитъ обратное: вода возвышается иногда весьма быстро.

Черное море, составляя продолженіе Матери-моря, получило свое названіе отъ бурь, начинающихся съ ранней осени и продолжающихся до февраля; оно бѣдно хорошими гаванями.

Эти два моря были поприщами внѣшней дѣятельности донскихъ казаковъ.

Древніе походы донскихъ казаковъ были сухопутные и морскіе; послѣдніе считались болѣе важными, въ особенности поиски по Черному морю. Въ морскихъ набѣгахъ казаки употребляли суда малыя, помѣщавшія отъ 30 до 70 человѣкъ каждое; онѣ назывались ладьями. Челны эти, длиною въ 60, шириною отъ 10—12 и глубиною до 12 футовъ, сооружались безъ киля. Дно ихъ состояло изъ одного выдолбленнаго бревна ивоваго, или липоваго дерева, обшивалось съ боковъ досками, которыя приколачивались одна къ другой точно такъ же, какъ это дѣлается при постройкѣ нынѣшнихъ рѣчныхъ судовъ. Толстые, камышевые канаты, обвитые лыжами и боярышникомъ, охватывали челнъ, отъ корма до носа. Отдѣлавъ ладью, казаки ихъ осмаливали и прилаживали къ каждой два руля. При такомъ устройствѣ казакамъ не нужно было поворачивать свои длинныя суда въ томъ случаѣ, когда нужда заставляла ихъ отступать. Казачьи ладьи, имѣя съ каждой стороны 10 или 15 веселъ, плыли на греблѣ быстрѣе турецкихъ судовъ. На челнъ они ставили и мачту, а къ ней въ хорошую погоду привязывали парусъ; однако же при сильномъ вѣтрѣ охотнѣе плыли на веслахъ. Челны устраивались безъ палубы и если ихъ заливало водою, то камышевые канаты спасали отъ наводненія. На каждый челнъ ставилось отъ 4 до 6 артилерійскихъ орудій малаго калибра,

извѣстныхъ подъ наименованіемъ фальконетовъ. Кромѣ неразлучнаго съ ними холоднаго оружія (турецкаго образца сабель и черкесскаго образца кинжаловъ), каждый казакъ старался взять съ собою двѣ пистолы, 6 фунтовъ пороха и соответственное количество свинцовыхъ пуль. Челны плыли такъ тѣсно, что едва не задѣвали другъ друга веслами, почему для совѣщаній имъ удобно было становиться въ кругъ, какъ объ этомъ мы упоминали въ первой главѣ. Атаманскій флагъ развивался на передней ладѣ. Казаки столь подробно знали Азовское и Черное моря, что ночью, въ туманѣ, безошибочно переплывали пространства, отдѣлявшія ихъ отъ предметовъ дѣйствій; даже при сильнѣйшихъ буряхъ, нерѣдко безъ компаса, не теряли предназначеннаго пути. Мы позволили себѣ привести эти болѣе или менѣе извѣстныя подробности о казачьихъ ладьяхъ потому, что, по странному предубѣжденію, наши морскіе писатели¹⁾, говоря о греческихъ пиратахъ и итальянскихъ корсарахъ, ничего не приводятъ о судостроиствѣ запорожскихъ и донскихъ казаковъ. Въ преданіяхъ и историческихъ документахъ XVI столѣтія самое важное мѣсто занимаютъ походы казаковъ къ берегамъ Анатоли, гдѣ первенствующими предметами дѣйствій были Синопъ и Трапезунтъ.

Въ древнее время Синопъ, считаясь главнымъ пунктомъ транзитной торговли Турціи съ Персіей, имѣлъ цитадель, толстыя стѣны которой высились до 10 сажень. Не смотря на эти защиты, казаки два раза брали Синопъ и истребляли его до тла, въ 1590 и 1615 годахъ²⁾. Извѣстность Трапезонта, этой колоніи Синопа, происходила также отъ его комерческихъ сношеній съ Персіей и отъ гонуэзскихъ купцовъ, ѣздившихъ въ Трапезонтъ за тканями, коврами, оружіемъ и драгоценными персидскими каменьями. Красивое и прочное испаганское оружіе, домашніе уборы и разныя издѣлія изъ слоновой кости, черепахи, перламутра, серебра и стали, приготовлявшіеся съ большимъ княществомъ въ тогдашней Персіи, а также жемчугъ, бирюза и золото, въ относительномъ изобиліи перевозились изъ Трапезонта на европейскіе рынки.

Походная одежда казаковъ состояла изъ рубахи, двухъ шароваръ, кафтана изъ толстаго сукна и шапки; вообще для

¹⁾ «Исторія корабля», Добролюбова; «Исторія морскою войны», Веселаго; «Исторія русскаго флота», Елагина.

²⁾ «Историческое описаніе войска Донскаго и приложеніе къ оному».

морскихъ экспедицій донцы одѣвались въ самое поношеное платье, что называется, въ ветомль. При удачныхъ же поискахъ они возвращались въ Черкасскъ одѣтыми въ бархатные и шелковые кафтаны, оююсаные драгоцѣннымъ оружіемъ, а также снабженные дорогими товарами, которые они и возили на продажу въ русскіе города ¹⁾. Понятно, что, кромѣ удали, присущей шировой славяно-норманской натурѣ, корысть играла не малую роль въ предпріятіяхъ древнихъ донскихъ казаковъ, извѣстныхъ Генуѣ и Венеціи не за ловкихъ наѣздниковъ, а за смѣлыхъ пиратовъ и корсаровъ, наполнявшихъ ужасомъ своего имени прибрежныя мѣста Анатолиі, Румелиі и Крыма. Дѣйствительно, отважность, съ которою донцы и запорожцы производили морскіе набѣги, кажется невѣроятною, если не имѣть постоянно въ виду ихъ непріятелей—турокъ и татаръ. На своихъ малыхъ ладьяхъ, безъ морскихъ инструментовъ и при скудости пріобрѣтенныхъ гидрографическихъ свѣдѣній, казаки пускались въ открытыя моря, нападали не только на вупеческія, но и на военныя турецкія суда и корабли, весьма часто ихъ брали или грабили, разоряли приморскіе города и приводили въ содроганіе жителей предмѣстій Царьграда. Объ отважности этихъ преемниковъ норманской удали, по словамъ Устрялова ²⁾, свидѣлствуютъ венеціанскіе послы, имѣвшіе обыкновеніе представлять своему правительству, въ особой книгѣ «Theatrum Europaeum», свѣдѣнія объ этнографическихъ особенностяхъ различныхъ европейскихъ народностей. Гуляя по мрачному, бурному Черному морю, они къ тому же производили нападенія на непріятельскія суда ночью или въ ненастную погоду. Окруживъ корабль своими ладьями, казаки старались взойти на него, и если встрѣчали сильное сопротивленіе, то, прорубивъ его бока, затопляли судно. Если казаки встрѣчали на морѣ турецкія галеры и корабли, то старались бросаться на abordажъ, т. е. сбѣгались съ ними и лѣзли на приступъ. Открывали же они эти суда всегда прежде, чѣмъ турки замѣчали ихъ ладьи, возвышавшіяся надъ поверхностью моря не болѣе 2½ футовъ. Увидѣвъ издали корабль, казаки немедленно складывали мачту, замѣчали направление вѣтра и становились такимъ образомъ, чтобы солнце къ вечеру было сзади ихъ судовъ. За часъ до заката солнца

¹⁾ Донскіе казаки при царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ получили привилегію на безошлянную торговлю товарами.

²⁾ «Исторія царствованія Петра Великаго», томъ II.

они плыли на всѣхъ парусахъ и приближались къ кораблю на разстояніе одной морской мили. Наконецъ, въ полночь, по данному сигналу, они устремлялись на непріятельское судно; половина удалцовъ, готовыхъ къ бою, съ нетерпѣніемъ ждала абордажа и, сбѣжившись съ турецкимъ судномъ, въ одно мгновеніе всходила на него. Изумленные нападеніемъ множества лодокъ и ошеломленные внезапностью и отчаянною смѣлостью нападенія, турки уступали, а казаки, забравъ пушки и все цѣнное, пускали непріятельскій корабль ко дну со всѣмъ его экипажемъ.

Хотя большая часть подробностей о способахъ нападенія на турецкія суда извѣстна изъ Боплана, французскаго инженера, жившаго въ XVII столѣтіи у запорожцевъ и сдѣлавшаго описаніе этой, наиболѣе древней казачьей общины, но историческіе документы указываютъ, что для морскихъ поисковъ донскіе казаки нерѣдко соединялись съ запорожцами и усвоили съ послѣдними одинаковый способъ дѣйствій.

Кто со вниманіемъ слѣдилъ за развитіемъ морскихъ силъ Оттоманской Порты, кто внимательно анализировалъ ихъ постоянныя пораженія русскимъ правительственнымъ флотомъ¹⁾, тому станутъ понятны причины необыкновенныхъ успѣховъ казаковъ при ихъ столкновеніяхъ на морѣ съ тѣми же непріятелями, которые оказывались упорными защитниками своихъ крѣпостныхъ верковъ. Море—не стихія мусульманскихъ народовъ, и казаки вѣрно оцѣнили это, и если-бы остались распорядителями Азовскаго и Чернаго морей, то, по логикѣ историческихъ событій, навѣрно, ранѣе самой Россіи, но, разумѣется, съ ея поддержкою, сдѣлались бы обладателями Анатолиі, Румелиі, а затѣмъ и самаго Константинополя. Но выше логики событій есть еще Провидѣніе, поворачивающее судьбы народовъ и царствъ по невѣдомому намъ плану.

Турки обыкновенно заранѣе провѣдывали о намѣреніи казаковъ и, чтобы удержать ихъ отъ набѣговъ, выставляли свои гадеры или въ гирлахъ Дона, или въ устьяхъ Днѣпра, смотря по тому, донскіе или запорожскіе казаки брали на себя инициативу морскаго поиска; однакожь казаки для выхода въ море избирали самую темную ночь, а до того времени скрывали свои приготовления. Тѣмъ не менѣе проходъ ихъ въ море не могъ скрыться отъ стражи и вѣсть объ ихъ появленіи на турецкой территоріи быстро распространялась по берегу Чернаго моря и

¹⁾ Чесма при Еватеринѣ II, Сяноцъ при императорѣ Николаѣ.

доходила до самаго Царьграда. Султанъ разсылалъ гонцовъ по берегамъ Анатолии, Болгарии и Румелии для предостереженія жителей; но все было напрасно; казаки, пользуясь временемъ и обстоятельствами, причаливали къ берегамъ, оставляя для караула на каждой лодкѣ по два сторожевыхъ, и вооруженные пищальми дѣлали высадку, нападали врасплохъ, какъ пираты¹⁾, брали приступомъ деревни и города и опустошали анатолийскіе и румелийскіе берега нерѣдко на цѣлую милю отъ морскаго берега; потомъ, не медля, возвращались къ судамъ, нагружали ихъ добычею и затѣмъ, или плыли на дальнѣйшіе поиски, или возвращались домой. Самое опасное изъ экспедиціи, по крайней мѣрѣ для донскихъ казаковъ, было послѣднее дѣйствіе этой кровавой драмы. Послѣ сдачи Азова въ 1641 году туркамъ, донцы, при возвращеніи своемъ съ моря, иногда должны были бороться повидимому съ неодолимыми препятствіями. Крымскіе и ногайскіе татары, извѣщавшіе турокъ о предстоящемъ возвращеніи казаковъ, давали возможность гарнизону крѣпости Азова принять свои мѣры; турки засыпали единственный проходъ водою къ Черкаску—казачій ерикъ и при устьѣ Дона ставили суда свои и пушки. Казаки, подходя къ Дону, имѣли величайшую предосторожность и всегда предувѣдомляли главное войско о своемъ стѣснительномъ положеніи, и атаманы всѣми силами старались избавить товарищей отъ опасности. Если донцы видѣли невозможность преодолѣть препятствія, выставленныя на Великой рѣкѣ, то возвращавшіеся изъ морскаго набѣга, обращались въ Міусь и, затопивъ въ этой рѣкѣ свои ладьи, приходили къ Черкаску сухимъ путемъ.

Казаки нерѣдко отправляли въ море двѣ или три лодки для добыванія языковъ. Трудность прохода между каланчинскими башнями заставляла ихъ прибѣгать къ хитрости; они пускали въ ночное время по рѣкѣ бревна, кои, ударяя въ цѣпи, протянутыя черезъ Донъ, содержали въ непрерывной тревогѣ турецкій гарнизонъ и нерѣдко доводили его до того, что онъ пренебрегалъ этими плавнями; тогда донцы, пользуясь безпечною стражи, проплывали въ маленькихъ лодкахъ между бревнами въ море.

Главные морскіе подвиги донскихъ казаковъ производились въ первое столѣтіе ихъ существованія отъ 1550—1650 года и не безъ основанія высказывается мнѣніе, что отвага, смѣлость и

¹⁾ Это слово происходитъ отъ греческаго—огонь.

предпримчивость древних казаков зависла оттого, что первые основатели общества на Великой рѣкѣ состояли изъ относительно интеллигентнаго класса тогдашней Россіи ¹⁾—дружины удѣльных князей. Мы видѣли, что то были выходцы изъ Новгорода, люди уже знакомые съ плаваніемъ по сѣвернымъ озерамъ и извѣдавшіе въ своихъ морскихъ предпріятіяхъ опасности на Бѣломъ и Балтійскомъ моряхъ. Не лишено основанія и то мнѣніе, что древніе донскіе казаки имѣли понятіе и о политическомъ значеніи морей и намѣчали себѣ постоянно наступательное движеніе къ достиженію Царьграда, куда впоследствии стремились и вѣнценосцы, руководившіе судьбами русскаго народа. Лишь по закрѣпленіи крестьянъ при царѣ Борисѣ, полагаютъ нѣкоторые, явились казаки-пираты.

Изъ донскихъ историческихъ актовъ видно, что въ царствованіе Алексѣя Михайловича, не смотря на твердыни-крѣпости Азова, донскіе казаки на 15 стругахъ поплыли къ сторонѣ Румелии, въ числѣ 1,000 человекъ, подъ предводительствомъ походнаго атамана Ивана Богатаго, опустошили въ окрестностяхъ Константинополя селенія, навели трепетъ на Отоманскую Порту, взяли въ плѣнъ богатую добычу и, торжествуя побѣду, отправились назадъ; но на нихъ внезапно напали десять турецкихъ кораблей, однакоже донцы и ихъ обратили въ бѣгство.

Если не ошибаемся, до 1696 года это была послѣдняя блестящая экспедиція донскихъ казаковъ. Послѣ того передовыя укрѣпленія Азова и цѣпи, протанутыя въ гирлахъ Дона, а равно турецкія сторожевыя суда не давали возможности донцамъ въ большомъ, относительно, числѣ производить морскіе поиски, и въ актахъ уже встрѣчаются пораженія донскихъ морскихъ силъ послѣ поисковъ, или же чаще встрѣчалась необходимость возвращаться домой не Дономъ, а рѣкою Міусомъ, а оттуда сухимъ путемъ до Черкаска.

Если даже не вѣрить сказаніямъ о древнихъ побѣдахъ донскихъ казаковъ на моряхъ, хотя все это можно прослѣдить по донскимъ пѣснямъ, то правдивое и безпристрастное описаніе Елагина ²⁾ о первой морской побѣдѣ Петра показываетъ намъ, чего можно было ожидать отъ казачьихъ морскихъ силъ, если-

¹⁾ Брошюра генерала-казака Ив. Ал. Андриянова готовится къ печати. То же говоритъ И. Попо о терскихъ казакахъ. Къ сожалѣнію, оба автора не приводятъ для своего мнѣнія историческихъ документовъ.

²⁾ «Исторія русскаго флота». Періодъ азовскій.

бы ими воспользовались какъ слѣдуетъ, и вмѣсто заведенія новаго, правительственнаго флота, поддержали существовавшій и принаровленный къ обстоятельствамъ казачій, а слѣдовательно русскій народный флотъ.

Посмотримъ же теперь, воспользовался ли преобразователь Россіи природными дарованіями казаковъ на морскомъ поприщѣ и устроилъ ли Петръ I, по крайней мѣрѣ, свой флотъ, принаравливаясь къ свойствамъ Азовскаго и Чернаго морей, свойствамъ, давно извѣстнымъ донскимъ и запорожскимъ казакамъ? Если наши морскіе писатели, обладавшіе, повидимому, матеріалами къ изученію народнаго казачьяго флота, съ такимъ непонятнымъ пренебреженіемъ, при изложеніи исторіи морской войны, до сего времени относятся къ прежнему казачьему судостроенію, то чего можно было ожидать отъ монарха, посвятившаго всю свою жизнь и гениальную дѣятельность на преобразование Россіи по западнымъ образцамъ?

Обращаясь къ повѣствованію о сооруженіи правительственнаго флота, долженствовавшаго владычествовать вмѣсто казаковъ на Азовскомъ и Черномъ моряхъ, припомнимъ еще разъ, что первый дебютъ этого флота вовсе не увѣнчался тѣмъ успѣхомъ, который долго ему приписывали. Соловьевъ, затѣмъ Устряловъ и самъ авторъ исторіи азовскаго періода русскаго флота, специалистъ-морякъ Елагинъ, морскую побѣду надъ турецкимъ флотомъ приписываютъ донскимъ казакамъ, предводимымъ не Петромъ, а своимъ атаманомъ Фроломъ Минаевымъ.

Теперь уже не тайна, что еще прежде Петра была признана необходимость моря и флота для Россіи. Царь Алексѣй Михайловичъ строилъ корабли въ Дѣдновѣ; мало того, предлагалъ герцогу курляндскому строить русскія военныя суда въ его гаваняхъ; но морское дѣло не двигалось. Надобно было, говорить Соловьевъ, чтобы въ царѣ разгорѣлась страсть къ морскому дѣлу, чтобы царь самъ взялся за топоръ и началъ строить корабли. Кожуховскій походъ былъ послѣднею потѣхою Петра.

«Какъ осенью, писалъ молодой царь,—трудились мы подъ Кожуховымъ въ морской потѣхѣ, ничего болѣе, кромѣ игры, на умѣ не было». Однакоже эта забава содѣлалась предвѣстникомъ настоящаго дѣла, а именно созданія флота для противодѣйствія турецкимъ морскимъ силамъ. Хотя правительственный флотъ оказался лишь нетронутымъ резервомъ своего авангарда—казачьяго флота, тѣмъ не менѣе отступление турецкихъ морскихъ силъ къ Керчи и даже временное очищеніе Азовскаго моря слѣдуетъ приписать внушающимъ размѣрамъ правительственныхъ судовъ.

Строеніемъ судовъ для азовскаго похода были обязаны жители обширной Бѣлгородской провинціи, въ территорію которой входили вначалѣ нынѣшнія Харьковская, Воронежская и часть Тамбовской губерній; но болѣе кипучая дѣятельность по сооружеиію кораблей начинается съ осени 1696 года, уже послѣ взятія Азова. Въ Москвѣ по этому дѣлу была собрана дума, о разсужденіяхъ которой не сохранилось свѣдѣній. Собранные документы указываютъ лишь ея рѣшеніе 20 октября 1696 года: «морскимъ судамъ быть».

Налогъ ложился на все населеніе. Съ бояръ и со всѣхъ служивыхъ людей, съ 10,000 крестьянскихъ дворовъ—корабль; гостямъ (торговымъ), бѣлопашцамъ и городамъ, вмѣсто десятой деньги, которая взималась въ прежнее время, соорудить 12 кораблей.

Вслѣдствіе постановленія о постройкѣ кораблей, землевладельцы и духовные составили 12 отдѣльныхъ кумпанствъ, а свѣтскіе 18 кумпанствъ. Для образованія этихъ кумпанствъ помѣщики и вотчинники, обладавшіе ста дворами и больше, обязывались прибыть въ Москву, въ помѣстный приказь, подѣ страхомъ отписки помѣстій и вотчинъ на государя; мелкопомѣстные должны были внести по полтинѣ съ двухъ.

Всѣ дѣла по кораблестроенію были отданы вначалѣ въ вѣдѣніе владимірскаго приказа, которымъ управлялъ Протасовъ, получившій наименованіе адмиралтейца. Приказъ разослалъ во всѣ кумпанства росписи предметовъ, нужныхъ для постройки и вооруженія судовъ, съ показаніемъ ихъ размѣровъ и съ приложеніемъ чертежей корабельныхъ частей. Тогда же было предложено соединить Волгу съ Дономъ каналомъ, между Иловлею и Камышенною.

Первое впечатлѣніе, подѣ которымъ русскій народъ узналъ о новомъ дѣлѣ, по словамъ Елагина, оказалось далеко неблагоприятнымъ. Страхъ отписки имѣній на государя, примѣръ строгости, учиненной надѣ купцами надбавкою на нихъ двухъ кораблей, возбуждали неудовольствіе въ участникахъ кораблестроенія. Дворяне, выбранные отъ своихъ кумпанствъ, старцы отъ кумпанствъ духовныхъ, стряпчіе, дворовые люди ѣхали со всѣхъ сторонъ въ Воронежъ, везя съ собою собранныя съ міра деньги на новое дѣло. Самый Воронежъ, какъ въ послѣдствіи Азовъ, пріобрѣлъ важное государственное значеніе: первый по своей корабельной верфи, а Азовъ—какъ первостепенная крѣпость и ссылка преступниковъ на ваторжныя работы. Рабочіе люди, плотники, вузнецы, столяры, рѣзчики и другіе ремесленники

толпами, по наряду отъ кумпанствъ, несли туда же свои физическія силы и знаніе; наконецъ, туда же стекались люди съ разныхъ мѣстъ для работы.

При одновременной спѣшной постройкѣ такого числа судовъ некогда, да и невозможно было думать объ устройствѣ крытыхъ элинговъ. Суда росли, подвергаясь ненастью и всѣмъ перемѣнамъ погоды. Дубовые и вязовые лѣса Воронежской и Тамбовской губерній, а также земли донскаго войска ¹⁾ падали подъ топорами десяти тысячъ рабочихъ, прибывавшихъ со своимъ скотомъ, въ свою очередь истреблявшимъ молодня поросли. Сырой, только что снятый съ земли лѣсъ, не смотря на протесты венеціанскихъ мастеровъ, шелъ немедленно въ дѣло. Желѣзное скрѣпленіе, какъ обнаружили послѣдствія, замѣнялось часто деревяннымъ. Дорога отъ Москвы до Воронежа никогда не видала такого оживленія. Естественно, что громадность перевозки и частыя отправленія приказныхъ и служилымъ людей не могли удовлетворяться систематическими нарядами; потребовались новыя тысячи подводъ.

Спѣшность, сопровождавшая всѣ распоряженія, должна была неприятно дѣйствовать на приказный міръ и на лицъ администраціи. Все требовалось «чинить безъ мотчанія и порухи», на спѣхъ, днемъ и ночью, нерѣдко подъ угровою всякаго разоренія и смертной казни за оплошку и нерадѣніе. И все это дѣлалось, ради правительственнаго флота, который, еще не существуя, сдѣлался предметомъ ненависти и причиною ропота значительной массы населенія.

Разрушенный до основанія и опустошенный Азовъ, послѣ передачи его турками Петру въ 1696 году, въ свою очередь, требовалъ громадныхъ издержекъ и разнаго рода жертвъ отъ народа. По самому своему географическому положенію, азовской мѣстности, недостаточно было сухопутныхъ войскъ; понадобились морскіе экипажи. Бывшая турецкая крѣпость, повидимому, должна была служить исходнымъ пунктомъ не только для благопріятнаго хода войны, но и для развитія дальнѣйшаго вліянія на Оттоманскую Порту. Уже въ октябрѣ 1696 года, на основаніи рѣшенія московской думы, Петръ сдѣлалъ распоряженіе о выселеніи въ Азовъ 3,000 семействъ изъ низовыхъ городовъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи казанскаго приказа. Гарнизонъ было рѣ-

¹⁾ Морской архивъ. Объ описи годныхъ на корабельное дѣло лѣсовъ по рѣкамъ Хопру, Медвѣдицѣ и Вузугуку. 1700—1702.

шено содержать изъ 3,000 человекъ стрѣльцовъ и городовыхъ солдатъ.

Печальную картину представляло правительственное судостроеніе. Злоупотребленія и невѣдніе со стороны главныхъ распорядителей, враждебное отношеніе купанщиковъ къ дѣлу, посягнувшему на ихъ матеріальные интересы; проволочки и тяжбы съ подрядчиками; ссоры между наблюдателями и строителями—вотъ данныя, представляемыя документами архива морского министерства. Изъ челобитной датскаго капитана Петерсона видно, что нѣкоторые мастера отказывались строить по чертежамъ, которые ему велѣно было составить, и не слушались его указаній. «И завлялся я образцы и чертежи въ русской землѣ дѣлать», говоритъ онъ, излагая жалобу на мастеровъ.

Выступая на путь, совершенно ему незнакомый, съ желаніемъ догнать другихъ, далеко ушедшихъ на немъ впередъ, не щадя издержекъ, Петръ, по своему пристрастію ко всему иноземному, весьма естественно, не думалъ воскрешать историческихъ формъ; но на деньги, несомня изъ боярскихъ палатъ, изъ монастырскихъ казнохранилищъ, съ торжищъ и изъ крестьянскихъ избъ, желалъ осуществить у себя послѣднее слово, произнесенное наукою кораблестроенія. Торопливость, а вначалѣ и довѣрчивость къ лицамъ, не оправдавшимъ царя ожидаемыми отъ нихъ знаніями морскаго дѣла и благонамѣренностью, наконецъ, постройка судовъ несогласно съ чертежами, были причиною, что Воронежъ въ исходѣ 1698 года выставилъ многіе образцы судовъ, подобіе которыхъ трудно было сыскать въ тогдашнихъ европейскихъ флотахъ ¹⁾. Обремененный струговымъ дѣломъ, т. е. сплавами и разными другими нарядами, обложенный податями—извѣстнымъ количествомъ хлѣбныхъ запасовъ на содержаніе ратныхъ людей, не отдохнувшій еще отъ усиленной, невольной работы 1696 года,—народъ оставлялъ домъ, спасаясь отъ судостроенія. Къ отысканію бѣглыхъ постоянно принимались крутыя мѣры и началась нескончаемая переписка съ главнымъ войскомъ донскихъ казаковъ о возвращеніи обратно бѣжавшихъ изъ Россіи. «Въ однихъ мѣстахъ, говоритъ Елагинъ,—жены и дѣти заключались въ тюрьмы; въ другихъ—бились на правехъ лучшіе выборные люди; въ иныхъ, какъ, на примѣръ, въ Усмани, было приказано воеводѣ, если не достанетъ указаннаго числа помѣщичьихъ и вотчинниковыхъ

¹⁾ Елагинъ «Исторія русскаго флота».

крестьянъ, выслать въ добавку самихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, съ лошадьми и топорами». Усманскій воевода, буквально исполняя предписаніе, прислалъ въ Воронежъ трехъ владѣльцевъ, особъ духовнаго званія. Разрядъ разсылалъ указы о сыскѣ бѣглыхъ; воеводы полковъ бѣлгородскаго и сѣвскаго отвѣчали, «что тѣхъ городовъ полковые и городовые и всякихъ чиновъ служилые и жилецкіе люди ихъ и крестьяне, покинувъ свои помѣстныя земли, и всякія угодыя, и дворы, и животы, не хотя его, великаго государя, службы служить, и податей платить, и у строенія морскихъ судовъ, и у струговаго дѣла, и у лѣсной работы, и въ кормицкахъ, и гребцахъ, и у слонки на плотахъ быть, бѣгутъ на Яикъ, и на Хоперь, и на Медвѣдицу». Много бѣжало и въ низовые городки, на Великую рѣку, куда недовольные правительственнымъ флотомъ донскіе казаки принимали бѣглецовъ или способствовали ихъ дальнѣйшему переселенію на Кубань и на Терекъ. Воронежскій край пустѣлъ; поля оставались незасѣянными, какъ отъ недостатка рукъ, такъ и отъ падежа и угона на правительственныя работы лошадей. Собираемая въ значительномъ числѣ для перевозки лѣса, разныхъ припасовъ и гоньбы, лошади гибли отъ изнурительной работы. Кромѣ того, народъ бѣдствовалъ и отъ безпорядка и злоупотребленій, неизбѣжныхъ при деспотической диктатурѣ, когда Петру приходилось довѣряться разнымъ льстецамъ, потворствовавшимъ необузданнымъ страстямъ царя-преобразователя. Случалось, что люди, собранные изъ одной мѣстности, получали вдругъ два назначенія; естественно, что являясь по одному изъ нихъ, они считались нѣтчиками¹⁾ по другому, и это предполагаемое отсутствіе взыскивалось на ихъ домахъ и семьяхъ.

Нужно было населять Азовъ, строить укрѣпленія, производить постройки домовъ для самого царя и воеводъ, распланировать въ этой крѣпости сады, устраивать оранжереи и сажать виноградныя лозы. Тропическія растенія, арбузы и виноградъ, пересылались ко двору²⁾. На все это нужны были люди разныхъ званій, съ разнообразными свѣдѣніями, и мы видимъ, что Азовъ вначалѣ XVIII столѣтія имѣлъ значеніе нынѣшней кievской цитадели. Подобно тому, какъ при императорѣ Николаѣ военные офицеры, въ видѣ дисциплинарнаго наказанія, ссы-

¹⁾ Это слово до сихъ поръ имѣетъ значеніе между уральскими казаками.

²⁾ Морской архивъ. Нужно полагать, что первыя виноградныя лозы посажены Петромъ не на рѣкѣ Цимлѣ, а въ крѣпости Азовѣ.

дались на Кавказъ, при Петрѣ I князя и боярсія дѣти за разныя провинности отправлялись на тяжелую, неустанную службу въ Азовскую крѣпость¹⁾). Вотъ почему мы встрѣчаемъ здѣсь нѣсколькихъ потомковъ князей Долгорукихъ, изъ которыхъ двое въ послѣдствіи явились усмирителями булавинскаго бунта.

Служба въ отдаленномъ, пустынномъ краю, каковъ былъ въ то время Азовъ, была далеко не привлекательная и вѣроятно охотниковъ на нее было немного; потребность же въ людяхъ разнаго званія съ каждымъ годомъ становилась настойчивѣе. Въ 1697 году туда были отправлены, за неявки на разныя служебныя наряды, нѣсколько стольниковъ, стряпчихъ, московскихъ дворянъ и жильцовъ. Одному изъ нихъ, стряпчему, князю Оболенскому, посланному въ конный азовскій полкъ, за свои нѣты, т. е. неявки къ походу, велѣно быть «у морскихъ дѣлъ».

Разсчитывая на возможность въ близкомъ будущемъ войти въ море съ своимъ новымъ, значительнымъ флотомъ, государь заблаговременно приказалъ готовить запасы морской провизіи на 20,000 человекъ, по росписи, сообщенной Головинымъ изъ Амстердама.

Морской уставъ, состоящій изъ 63 статей, заимствованныхъ изъ современныхъ морскихъ законоположеній, не указывая прямо на обязанности каждаго чина, опредѣлялъ въ общихъ выраженіяхъ порядокъ службы, повиновеніе начальству, степень отвѣтственности въ случаяхъ отступленія отъ закона и мѣру наказаній за проступки и преступленія. Послѣднія, сообразно правамъ и духу времени, въ большей части влекли за собою смертную казнь; за менѣе важныя преступленія назначалось отсѣченіе руки, или пригвожденіе ея къ мачтѣ. Дисциплинарныя, такъ называемыя исправительныя наказанія заключались въ проволаніи подъ кораблемъ, біеніи у мачты и сажаніи въ кандалы.

Подобныя наказанія на западѣ, гдѣ кораблямъ приходилось переплывать бурныя моря и глубокіе океаны, могли быть умѣстны; но русскому зарождавшемуся флоту приходилось плавать по мелководному Азовскому морю, на которомъ въ тому же почти уже не было напорительскаго флота. «Поистинѣ, восклицаетъ авторъ исторіи русскаго флота,—изумительно заимствованіе всего отъ запада».

Мы видѣли, какъ управлялись казаки съ своими ладьями, ходили на морѣ быстрѣе турецкихъ судовъ и одерживали по-

¹⁾ Тамъ же.

бѣды надъ своимъ непріателемъ, тѣмъ не менѣе исторія не приводитъ, чтобы въ казачьемъ флотѣ практиковались какія либо наказанія за нарушенія морскихъ постановленій. Походы на моря были пріятнѣйшею потѣхою донцевъ и запорожцевъ, потому-то они любили море, какъ свою стихію; влеченіе это они унаслѣдовали отъ своихъ предковъ—варяговъ. Совсѣмъ другое мы видимъ въ правительственномъ флотѣ, гдѣ, начиная отъ адмирала до послѣдняго солдата, все служило по насилію, подъ давленіемъ страшной диктаторской власти! Не даромъ служба на петровскихъ галерныхъ судахъ приравняется самой тяжелой каторжной работѣ. Никакой свободный человекъ¹⁾ не могъ бы грести подобнымъ образомъ, безъ отдыха, болѣе часа; каторжники же въ морѣ должны были продолжать свою работу по 10, а иногда по 20 часовъ сряду, безостановочно. Конечно это происходило въ крайнихъ случаяхъ; тогда пристава вляли гребцамъ въ ротъ кусокъ хлѣба, смоченнаго въ винѣ, чтобы предупредить обмороки, которые могли бы случиться отъ чрезмѣрной усталости или отъ голода. вмѣстѣ съ этимъ пристава усиливали удары бичей. Если кто падалъ отъ безсилія, на него сыпались эти удары до тѣхъ поръ, пока въ немъ не исчезали признаки жизни, затѣмъ его бросали въ море. У каждаго галернаго висѣлъ на шеѣ кусокъ пробки, въ 3 кв. дюйма, толщиною въ одинъ дюймъ; то былъ вляпъ, который имъ приказывали брать въ ротъ, чтобы тѣмъ препятствовать разговору. При этомъ насильственномъ средствѣ къ молчанію, командныя слова слышались явственнѣе и не разъ задушался такимъ образомъ невольный крикъ ужаса, готовый бы иначе вырваться и произвести неблагоприятное впечатлѣніе на другихъ. По особой командѣ, «вляпъ въ ротъ», каждый галерный выполнялъ это съ безусловнымъ повиновеніемъ.

По поводу некролога Соловьева, професоръ Герье²⁾ говоритъ:

«Гласно и рѣшительно высказались многіе, что разсказъ о извѣстномъ времени въ жизни извѣстнаго общества долженъ отвѣтствовать этому времени во всѣхъ частяхъ».

«Недоразумѣнія, споры, искаженія фактовъ, происходятъ отъ непростительной для уважающаго науку человека привычки навязывать настоящія наши воззрѣнія предкамъ».

¹⁾ Приложение къ исторіи русскаго жюта.

²⁾ «Историческій Вѣстникъ», май 1880 г.

Мы знаемъ, что либеральный историкъ Новиковъ съ восторгомъ говоритъ о дѣяніяхъ Петра Великаго, ибо повѣствоваль въ то время, когда многія изъ его задачъ по внутреннему строю государства были уже нарушены правительствомъ и Россія была наводнена нѣмцами. Соловьевъ также извиняетъ Петру многіе изъ недостатковъ, благодаря введеннымъ имъ въ управленіе государственнымъ началамъ. Герье къ тому же приводитъ, что первое драгоцѣннѣйшее благо государства есть независимость, самостоятельность, потомъ возможность заявить свое существованіе въ болѣе или менѣе широкой дѣятельности, участвовать въ общей жизни значительнѣйшихъ государствъ, лучшихъ представителей человѣчества.

Казалось бы, судя по этимъ отзывамъ о Петрѣ, мы, люди восьмидесятыхъ годовъ, просвѣщенные болѣе гуманнымъ направлениемъ, не смѣли бы дотрогиваться до творческихъ дѣяній царя-преобразователя, т. е. все, что имъ сдѣлано или предназначено, должны считать великимъ, по крайней мѣрѣ сообразно тогдашнимъ обстоятельствамъ; но Герье также говоритъ, что историкъ обязанъ знать, что вѣкъ Петра былъ вѣкомъ не свѣта, а разсвѣта. «Съ разсвѣтомъ начинается движеніе, пробужденіе; но разсвѣтъ, полумракъ, мерцаніе обусловливаетъ также хожденіе ощупью, спотыканіе»...

Слѣдовательно, сравнивая работу Петра по созданію правительственнаго флота съ существовавшимъ до него, народнымъ, казачьимъ флотомъ, а также внесеніе имъ въ судостроеніе и въ уголовное морское законодательство западныхъ идей, нельзя не придти къ заключенію, что то было хожденіе ощупью, спотыканіе...

И напрасно думаютъ, что Петръ не созналъ своей ошибки. Изъ послѣдующаго мы увидимъ, что когда явилась въ томъ крайняя необходимость, онъ обратился къ сооруженію казачьяго флота; но жаль, что морскіе писатели, сами, приводя эти факты, недостаточно ихъ анализировали и освѣтили. Но будемъ продолжать наше повѣствованіе.

Возведеніе азовскихъ укрѣпленій и устройство гавани было поручено германскому (цесарскому) инженеръ-генералу де-Лавалю, который вначалѣ 1697 года былъ уже въ Азовѣ. Здѣсь, по прибытіи Шеина, приступили къ укрѣпленію Азова и къ возведенію двухъ земляныхъ укрѣпленій—одного на лѣвомъ берегу Дона, близъ Азова, названнаго Алексѣевскимъ, а другаго, расположеннаго напротивъ, на Калачинскомъ островѣ, названнаго Петровскимъ. Де-Лавалю, независимо отъ возведенія укрѣпленій и устройства гавани, поручено было подробно изслѣдовать

теченіе Дона, со всѣми его притоками и устьями, а между тѣмъ помощникъ де-Лавала, инженеръ Рюэль, родомъ шведъ, сдѣлалъ промѣры въ устьяхъ р. Міуса и вдоль сѣвернаго берега до Кривой-Косы. Рюэль также объявилъ о возможности устроить гавань на этой рѣкѣ¹⁾.

Вызванные изъ степныхъ мѣстъ, новые обитатели Азова и его предмѣстій конечно были чужды характера профессій прибрежныхъ жителей, профессій необходимыхъ, какъ имъ самимъ, такъ и правительству. Отвѣзываясь отъ исторически сложившагося влеченія низовыхъ донскихъ казаковъ гулять по морямъ, Петръ рѣшился новымъ обитателямъ азовской провинціи привить любовь и охоту къ несродной стихіи обязательнымъ обученіемъ мореходству. Въ апрѣлѣ 1698 года для этой цѣли изъ Воронежа въ Азовъ отправили 28 карбасовъ, ладью и качу со всѣми мореходными принадлежностями, а изъ Архангельска выписанъ кормщикъ Ивашка Милошъ, которому приказано: «учить азовскихъ жителей на рѣкахъ и на моряхъ, на карбасахъ, ладьяхъ и на иныхъ судахъ водяному дѣлу».

Какъ видно изъ документовъ, строгія исправительныя мѣры мало удерживали отъ бѣгства народъ, забитый непосильною работою и разными притѣсненіями приказнаго міра. Въ указѣ о заготовкѣ лѣса сказано, что въ случаѣ бѣгства отъ работъ, пойманые будутъ перевѣшаны безъ всякаго милосердія. Перехода такимъ образомъ во второй нарядъ, люди нуждались въ жизненныхъ припасахъ, какъ для себя, такъ и для лошадей, поэтому ихъ велѣно было отпускать домой по одному человѣку съ каждаго десяти, для доставки необходимаго продовольствія, но не иначе, какъ съ записками и на срокъ, съ угрозою висѣлицы тѣмъ, кто не явится къ сроку.

Воронежъ, какъ-бы въ чумное время, окружался заставами, съ цѣлью удерживанія мастеровъ и рабочихъ, причѣмъ была запрещена продажа лошадей²⁾.

Между тѣмъ въ Москвѣ свирѣпствовали стрѣлцкіе бунты. На жизнь государи нѣсколько разъ покушались въ первопрестольной столицѣ, какъ впоследствии въ Малороссіи³⁾ и даже на Дону...

¹⁾ Во 2-мъ приложеніи къ исторіи русскаго флота имѣется прекрасно составленная карта теченія р. Дона.

²⁾ Въ архивѣ морскаго министерства, за описываемое время, имѣется дѣло о недовольствіи донскимъ казакамъ быть конными (?).

³⁾ Соловьевъ. Т. 15, глава, касающаяся положенія Малороссіи.

Еще въ 1682 году, въ числѣ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ царевны Софіи былъ обрусѣвшій иностранецъ, стрѣлецкій полковникъ Циклеръ. Послѣ перваго бунта, Циклера отправили въ крѣпость Азовъ для наблюденія за крѣпостными работами. Вскорѣ Циклеръ былъ признанъ заговорщикомъ. По обыкновенію его пытали въ преображенскомъ приказѣ. Стрѣлецкій полковникъ, между прочимъ, показалъ:

«Васька же Филиповъ (стрѣлецъ) говорилъ мнѣ, что казакъ прельщаетъ турецкій султанъ, чаю и письмо прислалъ». Циклеръ призналъ, что говорилъ Филипову: «какъ государь поѣдетъ съ посольскаго двора и въ то время можно вамъ его подстеречь и убить. И велѣлъ ему о томъ убійствѣ и стрѣльцамъ говорить». Циклеръ объяснилъ, что научалъ государя убить за то, что называлъ его, стрѣльцаго полковника, бунтовщикомъ и собесѣдникомъ Милославскаго; признавался также: «что какъ буду на Дону, у городского дѣла Таганрога, то, оставя ту службу, съ донскими казаками пойду въ Москвѣ для ея разоренія и буду дѣлать тоже, что и Стенька Разинъ».

Филиповъ, съ своей стороны, объяснялъ, что говорилъ съ казакомъ Лукьяновымъ, а тотъ ему сказалъ: «какъ вы, стрѣльцы, пойдете съ Москвы на службу и въ то число наши казаки зашевелятся и учинять по своему». Потомъ Лукьяновъ говорилъ: «казаки отпишутъ турецкому султану о помощи для московскаго разоренія и онъ пришлетъ въ нимъ въ помощь кубанцевъ; такъ они великое разореніе учинять».

Великій государь указалъ Соковнина, Циклера, стрѣльцовъ Филипова и Рожина и казака Лукьянова казнить смертью. «И марта въ 4 день (1698 г.) тотъ столпъ каменный додѣланъ и на томъ столпу пять рожновъ желѣзныхъ вдѣланы въ камень. И того числа казнены въ Преображенскомъ вѣдомые воры и измѣнники, и въ тожь время, къ казни, выкопанъ изъ могилы мертвый бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій и привезенъ въ Преображенское на свиньяхъ и гробъ его поставленъ былъ у плахъ измѣнничьихъ, и какъ головы ихъ сѣкли и кровь пошла въ гробъ на него, Ивана Милославскаго» ¹⁾.

Во время заграничной поѣздки Петру докладывали обо всемъ, что дѣлалось въ Россіи, а также извѣстили его, что около Азова возводились укрѣпленія, а при Таганрогѣ устраивали гавань.

Возвратившись изъ-за границы первымъ дѣломъ Петра было вновь расправиться съ стрѣльцами и съ сестрою Софьею.

¹⁾ Соловьевъ. Т. 14.

«Цѣлѣе пять мѣсяцевъ трупы не убирались съ мѣста казни, цѣлѣе пять мѣсяцевъ стрѣльцы (т. е. ихъ трупы) держали свои челобитныя передъ окнами царевны Софіи. Самъ Петръ отрубилъ головы пятерымъ стрѣльцамъ. Тоже дѣлали его приближенныя».

Вотъ какими вроткими мѣрами вводились мудрыя преобразованія въ Россіи! Кромѣ розыска надъ стрѣльцами, взятыми подъ Воскресенскимъ монастыремъ, шелъ еще розыскъ по азовскому дѣлу. Когда въ Черкасѣ узнали о пораженіи стрѣльцовъ, то казаки говорили писарю, пріѣхавшему изъ Воронежа. «Знать ты потѣшной, дай только намъ сроку: перерубимъ мы и самихъ васъ, какъ вы стрѣльцовъ перерубили. Если государь въ заговѣнью въ Москвѣ не будетъ и вѣстей никакихъ не будетъ, то нечего государя и ждать! А боярамъ мы не будемъ служить и царствомъ имъ не владѣть, да и атаманъ (Фролъ Минаевъ) насъ не одержитъ Мосеву намъ очищать. Мы Азова не покинемъ: а какъ будетъ то время, что идти намъ въ Москвѣ и у насъ молодцы съ рѣки не всѣ пойдутъ, и рѣка у насъ впустѣ не будетъ; пойдѣмъ хотя половинною рѣкою, а до Мосевы города будемъ брать и городовыхъ людей съ собою брать и воеводъ будемъ рубить, или въ воду сажать».

Стрѣлецъ же Тимофѣевъ сказывалъ: «Стрѣльцамъ ни въ Москвѣ, ни въ Азовѣ житья нѣтъ; на Москвѣ отъ бояръ, въ Азовѣ отъ нѣмцевъ, что ихъ (стрѣльцовъ) на работѣ бьютъ и заставляють трудиться безвременно».

Стрѣльцы, бунтовавшіе въ Азовѣ, были переказнены, всѣ остальные московскіе и азовскіе стрѣльцы распущены: ихъ было запрещено принимать въ солдаты, запрещено жить въ Москвѣ имъ и женамъ ихъ. А между тѣмъ перемѣнъ въ бытѣ простаго люда, крестьянъ, не ощущалось: по прежнему богатая страна была мало населена, по прежнему бѣгали отъ крѣпостной зависимости и гоньба за человѣкомъ составляла одно изъ важнѣйшихъ занятій правительства. Другое не менѣе важное занятіе составляло въ описываемое время — преслѣдованіе раскольниковъ. Помѣщики, въ свою очередь, помогали правительству въ отысканіи крестьянъ. Взаимное ожесточеніе уже въ 1690 году доходило до крайнихъ размѣровъ. Въ упомянутомъ году стольники, страпчіе, дворяне московскіе, жильцы, копейщики, рейтары, дѣти боярскія, мурзы, татары и солдаты выборныхъ полковъ подали челобитную:

«Бѣгають отъ насъ люди и крестьяне съ женами и дѣтми на Донъ, и на Хоперь, и на Медвѣдицу безпрестанно; многія

села и деревни запустошили; дома, животы, лошадей и всякую рухлядь, безъ насъ, какъ мы бываемъ на службахъ и въ отъѣздахъ, грабятъ, остальныхъ людей и крестьянъ нашихъ подговариваютъ, дѣтей нашихъ рѣжутъ и побиваютъ до смерти и въ воду, ругаясь, сажаютъ». Въ томъ же году, нѣкто Алексѣй Мосоловъ билъ челомъ, что когда онъ находился въ крымскомъ походѣ, бѣглецы его люди, пришедшіе съ Дону, разрѣзали на куски шестилѣтняго сына его и бросили въ воду, имѣніе разорили безъ остатка.

На сдѣланный запросъ, главное войско отвѣчало: «Бѣглецы люди, изъ дворцовыхъ волостей, и помѣщичьи и посадскіе изъ украинскихъ городовъ приходятъ съ женами и дѣтьми на Донъ, на Хоперь и на Медвѣдицу и живутъ по своей волѣ, а пропускаютъ ихъ изъ украинскихъ городовъ воеводы и приказные люди изъ взятокъ, а если-бы они не пропускали, то не только съ женами и дѣтьми и одному пройти нельзя».

На Донъ послали новую грамоту, чтобы казаки впередъ къ себѣ бѣглыхъ людей на рѣку не принимали и старыхъ поселщиковъ велѣно имъ сбыть и выслать на прежнія жилища. Но казаки, повидимому, неохотно выдавали бѣглецовъ, какъ между прочимъ видно изъ слѣдующаго: Въ концѣ 1697 года калмыцкій тайша Мункотемиръ далъ знать царицынскому воеводѣ, что отъ него бѣжали на Донъ, въ Паншинъ городокъ, 25 кибитокъ его улусниковъ. Воевода послалъ сказать атаману паншинскаго городка, чтобы выдалъ бѣглыхъ по царскому указу, которымъ подъ смертною казнью запрещено было принимать калмыковъ, чтобы не было никакихъ задоровъ съ калмыцкими тайшами.

Паншинскій атаманъ на запросъ царицынскаго воеводы отвѣчалъ: «что калмыцкихъ выходцевъ не отдадутъ и отдать казакамъ ихъ нельзя и впередъ ихъ принимать стануть. Къ намъ писано изъ войсковаго черкаскаго городка, чтобы такихъ выходцевъ принимать отъ помѣщиковъ и отъ всякихъ людей сберегать и въ обиду никому не давать. Царскій указъ присланъ на Царицынъ къ воеводѣ, а не къ намъ; у насъ указа нѣтъ, а царицынскому воеводѣ мы не послушны». Тѣмъ не менѣе, когда указывалась надобность государству въ военно-служебномъ отношеніи, донскіе казаки исполняли свой долгъ.

Такъ, въ 1698 году, 1,000 донскихъ казаковъ, подъ начальствомъ походнаго атамана Филиппева, находились подъ Очаковымъ и у охраненія завоеванныхъ городовъ Тамани и Казикермени. Изъ грамоты войску 5 апрѣля того же года видно, что войсковому атаману Фролу Минаеву было приказано при-

писывать всѣхъ наличныхъ въ войскѣ казаковъ въ защитѣ Азова, Лютика, городка Сергіева и дѣйствовать совокушно во всемъ съ азовскимъ воеводою, княземъ Львовымъ. Объ экспедиціяхъ донцевъ на Кубань и на Волгу противъ приходившихъ съ Кавказа раскольниковъ, мы встрѣчаемъ постоянныя извѣстія и въ слѣдующіе за тѣмъ годы. Въ этомъ отношеніи въ особенности главное войско безпрѣкословно исполняло царскія повелѣнія.

Мы уже видѣли, что въ воронежскомъ и азовскомъ краяхъ началась усиленная работа, усиленная, неустанная служба всего русскаго народа, подъ наблюденіемъ самого царя и его воеводъ. Многіе не хотѣли усиленно работать и постоянно служить, и побѣги на Великую рѣку усилились. Въ 1699 году, изъ одного Воронежскаго уѣзда бѣжало 330 дворовъ. Опять грамота на Донъ. Но мало того, что царь требуетъ высылась обратно бѣглецовъ съ Дону, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, для общаго государственнаго дѣла, подрываетъ установившіеся обычаи заводить казачьи городки. Онъ требуетъ перевода тѣхъ городковъ съ казаками на почтовую дорогу, ведущую изъ Воронежа или, лучше сказать, изъ Коротояка на Азовъ. Сперва бѣглыхъ крестьянъ, а потомъ и самихъ казаковъ заставляютъ волею-неволею переселяться на бассейнъ рѣки Донецъ, правый притокъ Дона. Поэтому вначалѣ XVIII столѣтія весь интересъ донскихъ историческихъ событій переходитъ съ Великой рѣки на ея притокъ. На Донцѣ наибольшая тягость, наибольшая служба и крестьянъ и казаковъ; оттого здѣсь-то и накапливаетъ наибольшее ожестотеніе, жаждущее случая, чтобы превратиться въ открытый бунтъ.

А между тѣмъ правительственный флотъ утвердился, хотя и временно, на Азовскомъ морѣ. Составъ эскадры, назначенной къ плаванію въ этомъ морѣ, состоялъ изъ 10 кораблей, двухъ галеръ, яхты, гальота и только четырехъ казачьихъ лодокъ.

Кромѣ прагматической пользы, которую принесло плаваніе, были положены начала гидрографіи. При всѣхъ удобныхъ случаяхъ, суда производили промѣры.

Въ 1699 году отправлено русское посольство моремъ въ Константинополь. Въ этомъ посольствѣ участвовали и донскіе казаки, въ числѣ 500 человекъ (?) на четырехъ ладьяхъ подъ командою своего войсковаго атамана Фрола Минаева ¹⁾. Если въ прежнее время турки не только не удивлялись плаванію донскихъ и запорожскихъ казаковъ по Черному морю, но извѣ-

¹⁾ Соловьевъ, т. 14.

стія объ этомъ плаваніи встрѣчали съ ужасомъ, боясь грабежа прибрежныхъ городовъ, то морякамъ правительственнаго флота турки не безъ ироніи говорили:

«Видно вы Чернаго моря не знаете, какое оно бываетъ съ 15 августа; не напрасно дано ему имя Чернаго».

28 августа 1699 г. посланники вошли въ море и благополучно достигли Царьграда. «Невиданное дѣло! восклицаетъ Соловьевъ¹⁾»,—русскій корабль торжественно, при пушечной пальбѣ, вошелъ въ константинопольскую гавань и сталъ на якорь противъ серая.»

Но повидимому въ правительственномъ флотѣ, съ самаго его появленія на арену русской исторіи, обнаруживались тѣ же самыя злоупотребленія, какія впоследствии мы видимъ въ русскомъ флотѣ, въ царствованіе императора Николая, какія отчасти существуютъ въ немъ и нынѣ.

Русскій посольскій Украинцевъ писалъ царю Петру: «Турки говорятъ, что будто твои, великаго государя корабли, сдѣланы худо и некрѣпко... а мнѣ, рабу твоему, мнится, что надобно у строенія корабельнаго присмотру быть прилежному и чтобы у тебя къ каждому кораблю былъ приставленъ добрый и честный и позиточный дворянинъ, вторый бы никакой корысти былъ не причастенъ, а убогій впадетъ въ корысть²⁾». Изъ другихъ сообщеній видно, что на кораблѣ вмѣсто металлическихъ были деревянные гвозди.

Начались переговоры. Русскій посольскій, между прочимъ, выставилъ на видъ Портѣ:

¹⁾ Соловьевъ. т. IV.

²⁾ «Приложенія къ исторіи русскаго флота», Елагина. Интересно сообщеніе англичанина Перри, приглашеннаго рыть каналъ между Волгою и Дономъ. Въ своей книгѣ «The state of Russia under the present Czар». London 1716, описывая нравы того времени, Перри приводитъ поговорку, существовавшую между иностранцами, жившими тогда въ Россіи: «Ежели желаешь узнать, честенъ ли русскій, посмотри, растутъ ли у него волосы на ладони; ежели ихъ не окажется, не ожидай честности». Далѣе, упоминая объ отсутствіи стыда къ дурнымъ поступкамъ, Перри говоритъ, что плутовство не только не считалось порокомъ, но принималось за одно изъ лучшихъ качествъ. О честномъ же человѣкѣ отзывались: «On gloup, nemeit shiet.»

Какъ рано англичане безпокоились о морскихъ силахъ Россіи, видно изъ письма посла Витворта къ государственному секретарю Гарлею, въ 1705 году. По поводу присылки въ Россію англійскихъ мастеровъ, Витвортъ говоритъ: Это одоженіе будетъ милостиво принято и какъ это не поведетъ къ большому увеличенію мореплаванія въ Россіи, то...

«Когда Азовъ, Казыквермень и другія крѣпости будутъ въ русскомъ владѣннѣ, то своевольные люди обоихъ государствъ уймутся. Эти крѣпости, великій государь, требуетъ не для какой нибудь славы... но для унятія своевольныхъ людей. Если во время мира казаки пойдутъ войною на турецкія и крымскія мѣста, то вольно ихъ побивать, какъ злодѣевъ, а когда изъ похода возвратятся, то по царскому указу учинена имъ будетъ смертная казнь». Какъ все это напоминаетъ сношенія о казакахъ съ Отоманскою Портою, нелюбимаго донцами, царя Бориса.

Турки не хотѣли въ договорѣ писать новыхъ городовъ, построенныхъ Петромъ, Таганрога, Павловскаго, Міуса.

Наконецъ согласились писать такъ:

«Азову городу со всѣми старыми и новыми городками и межъ тѣми городками лежащими землями и водами быть всѣмъ въ державѣ царскаго величества...» Этимъ же трактатомъ, заключеннымъ 3 іюля 1700 года, уступлена была и земля на кубанской сторонѣ, на разстояніи 10-ти-часовой вонной ѣзды.

Подобныя условія, почетныя для Россіи, утверждая господство ея на Азовскомъ морѣ, уступкою устьевъ Дона, не давали однако же русскимъ судамъ свободы плаванія на Черномъ морѣ, чего добивался посоль въ время переговоровъ съ Отоманскою Портою. Вопросъ этотъ остался въ трактатѣ неоговореннымъ и только въ статьѣ XVIII было изложено запрещеніе «своевольнымъ казакамъ выходить съ чайками и съ суды военными въ Черное море».

Такимъ образомъ, русскіе дипломаты того времени не успѣли или, по повелѣнію Петра, не пожелали оставить казакамъ ихъ славное поприще, на которомъ они принесли столько пользы возрожденію могущества Россіи и подтачивали владычество Турціи. Здѣсь сказалось то же самое, что произошло въ 1878 году, когда побѣдоносныя русскія войска подошли къ Константинополю. Мы не оспариваемъ того мнѣнія, что, въ силу тайнаго трактата, русскіе не имѣли права занимать столицу Турціи; но зачѣмъ было дипломатамъ заключать условія, несогласныя съ интересами и симпатіями русскаго народа?

Совѣтники Петра были иноземцы; при всей своей добросовѣстности, они не могли привить себѣ русскихъ инстинктовъ, почему и склонили Петра не только къ заведенію правительствомъ флота по западнымъ образцамъ, но и къ уничтоженію казачьихъ морскихъ силъ, которыя, вслѣдствіе упоминаемаго трактата съ Турціею, должны были, при строгихъ мѣрахъ царя,

постепенно идти къ уничтоженію. Затѣмъ, въ архивѣ морскаго министерства мы встрѣчаемъ указаніе, что Петръ началъ препятствовать казакамъ даже въ свободномъ рыболовствѣ по Дону и его притокамъ.

Мы уже видѣли, что царь-преобразователь сводилъ казачьи городки съ Великой рѣки, водворяя жителей ихъ на Донцѣ, обременялъ донскихъ казаковъ, наравнѣ съ другими, непосильными работами въ Азовѣ, и эта крѣпость въ своихъ застѣнкахъ не разъ слышала стоны казаковъ отъ пытокъ. Каторжныя и саперныя работы, висѣлица и плеть, въ связи съ лишеніемъ казаковъ свободы рыболовства и плаванія по Азовскому морю, понятно возбуждали волненія въ общинѣ, привыкшей полтора вѣка къ свободѣ и пользовавшейся безъ утѣсненія роскошною странюю и ея природными произведеніями, территорію, которую эта община сама заняла и стойко охраняла отъ мусульманъ и калмыковъ. Много narosло и другихъ невзгодъ, чтобы поднять противъ великаго монарха, не только казаковъ, но и все населеніе тогдашней юго-восточной Россіи; но, по нашему мнѣнію, главнѣйшею причиною бунта, охватившаго бассейнъ рѣки Великой въ 1707 году, были строгія мѣры Петра по недопущенію донскихъ судовъ въ моря Азовское и Черное. Отвѣта на свое предположеніе мы не нашли у первоклассныхъ историковъ Россіи. Соловьевъ, Устряловъ и Костомаровъ объ этомъ обстоятельстве умалчиваютъ; не говоритъ о жаднѣ донскихъ казаковъ гулять по морямъ и историкъ русскаго флота Елагинъ. Гдѣ же исзвать подтвержденія нашей мысли? Событія донской исторіи XVIII столѣтія въ описаніи 20-хъ годовъ очерчены весьма отрывочно и неясно. Самая личность Булавина, поднявшаго знамя матажа противъ Петра, до сихъ поръ не обрисована ¹⁾. Соловьевъ въ своей исторіи приводитъ отзывъ Фрола Минаева (вѣроятно сына его), обзывавшаго Кондратія Булавина дурнемъ ²⁾. Однакоже дурня Булавина принимали съ почетомъ въ Малороссіи и въ Теркахъ ³⁾; съ уваженіемъ слушали его запорожскіе казаки. Историческое описаніе донскаго войска, какъ мы уже говорили

¹⁾ Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1861 годъ имѣется слабо-написанный разсказъ Сергія Соловьева о Булавинѣ.

²⁾ Фролъ Минаевъ, суда по документамъ морскаго министерства, умеръ въ Азовѣ въ 1703 году и похороненъ съ подобающими его сану почестями, а въ 1708 году въ Азовѣ могъ находиться одинъ изъ сыновей Фрола Минаева, Василій Минаевъ, впоследствии войсковою атаманъ, утвержденный Петромъ безъ перемѣнъ.

³⁾ Полко, въ своей исторіи, объ этихъ сношеніяхъ ничего не говоритъ.

составлено преимущественно по актамъ посольскаго приказа и военной коллегіи. Тѣ же матеріалы мы встрѣчаемъ по отношенію къ Дону и въ повѣствованіи Соловьева.

Устраловъ не успѣлъ издать тѣхъ томовъ своей исторіи, которые относятся до астраханскаго, башкирскаго и булавинскаго бунтовъ. Вдумываясь въ эти пробѣлы исторіи Дона и занятые подтвержденіемъ своей мысли, мы пришли къ заключенію, что булавинскій бунтъ слѣдуетъ приписать вовсе не требованію Петра возвращать съ Дона бѣглыхъ крестьянъ, но утѣсненіямъ казаковъ въ свободной ловлѣ рыбы и добываніи соли, а главное въ запрещеніи гулять по Азовскому и Черному морямъ. Не даромъ письма Петра во время астраханскаго и булавинскаго мятежей наполнены тревожными опасеніями за воронежскую корабельную верфь и за суда, находившіяся близъ Азова. Вотъ почему настоящія причины возмущенія казаковъ въ 1707 году и поднятаго Булавинымъ бунта приходится искать въ архивныхъ дѣлахъ, не посольскаго, а морскаго и адмиралтейскаго приказовъ.

И дѣйствительно, едва мы открыли описи дѣлъ этихъ двухъ приказовъ, тщательно и толково составленныя въ нынѣшнемъ архивѣ морскаго министерства, какъ, къ удивленію своему, нашли до сорока толстыхъ дѣлъ, непосредственно касающихся исторіи Дона и въ особенности булавинскаго бунта ¹⁾. Успѣемъ ли мы лично одолѣть этотъ трудъ извлеченія изъ дѣлъ, не можемъ сказать навѣрно; но во всякомъ случаѣ считаемъ долгомъ подѣлиться своею находкою съ любителями русской исторіи. Теперь же, въ заключеніе настоящей главы, передадимъ все, что намъ извѣстно касательно правительственнаго и казачьяго флотовъ на Азовскомъ морѣ.

Нужно полагать, что, не смотря на трактатъ съ Турціею, четыре казачьи лодки постоянно крейсировали въ Азовскомъ морѣ, ибо имѣется свѣдѣніе, что въ 1703 году сынъ войсковаго атамана, Фрола Минаева (должно быть Василій Минаевъ) привезъ извѣстіе о томъ, что турки приступили къ возведенію въ Керченскомъ проливѣ трехъ крѣпостей, и что 20 турецкихъ судовъ посланы въ Черное море.

¹⁾ «Объ убійствѣ Булавинымъ князя Долгорукова въ октябрѣ 1708 года, между Шульгинимъ Колодцемъ и Бѣланскою станицею, и о смерти самого «Кондрашки Булавина» (7 июля 1708 г.). Морской архивъ, по описи 1708 года. Имѣется еще нѣсколько дѣлъ о командированіи на Донъ двухъ князей Долгорукихъ.

До 1700 года, по словамъ Елагина, составъ корабельнаго паруснаго флота ограничивался иностранными матросами, въ помощь которымъ, въ случаѣ надобности, какъ на примѣръ, въ 1699 году, временно назначались солдаты. Въ гребномъ флотѣ было иначе: первыя галеры, вышедшія въ море вмѣстѣ съ флотомъ, были укомплектованы движущеюся силою, сообразно обычаю, существовавшему на западѣ, именно галерными невольниками. Стрѣлецкій бунтъ 1698 года въ особенности положилъ начало невольниковъ морскихъ судовъ, а именно: 269 молодыхъ стрѣльцовъ начали эту тяжелую службу на галерахъ.

Адмиралъ Крюйсъ, лучшій изъ иностранцевъ моряковъ петровскаго времени ¹⁾, представлялъ еще въ 1702 году царю меморію, въ которой, указывая на всѣ затрудненія отъ глубоко-сидящихъ кораблей и въ особенности напирая на опасность, съ которою сопряженъ былъ ихъ выводъ въ море, въ случаѣ нападенія непріятеля, убѣждалъ государя обратиться къ системѣ плоскодонныхъ судовъ. Исчисляя всѣ преимущества мелко сидящихъ кораблей, при встрѣчѣ въ Азовской морѣ съ глубоко-сидящими кораблями турецкаго флота, Крюйсъ предлагалъ, оставя на время перенесеніе верфи въ Таганрогъ, построить 12 кораблей меньшаго размѣра.

Донскіе казаки съ самаго начала устроенія правительственнаго флота недоброжелательно относились къ его экипажу и въ особенности къ иностранцамъ. Еще въ 1698 году, когда де-Лаваль измѣрять берега Дона топографическою съемкою, его избилъ казакъ, говоря, что онъ прибылъ въ Черкасскъ для разоренія ихъ жилищъ. Снесенный своими деньщиками въ шлюпку, де-Лаваль жаловался атаману Фролу Минаеву и просилъ обороны отъ казаковъ. Замѣчательнъ отвѣтъ войсковаго атамана, приведенный деньщикомъ де-Лавала.

«Какая де ему у него отъ казаковъ обороня; онъ де и самъ отъ нихъ укуная дни живетъ» ²⁾.

Кромѣ пышнаго посольства въ Константинополь и крейсированія въ Азовскомъ морѣ, причемъ, вслѣдствіе донесенія Минаева, правительственныя суда производили промѣры около Керчи,

¹⁾ Въ морскомъ архивѣ за 1702 годъ имѣется, между прочимъ, дѣло, по допросу командировъ Рейса и Лабина, по поводу «неудобныхъ словъ», сказанныхъ вице-адмираломъ Корнелиусомъ Брюйсомъ: «Нѣсть честнаго человека въ русской землѣ, кромѣ Его царскаго Величества и Теодора Алексѣевича Головина».

²⁾ «Приложенія къ исторіи русскаго флота».

мы не встрѣчаемъ ничего достойнаго описанія о дѣйствіяхъ петровскаго флота, стоившаго столько денегъ, лишній, политаго слезами и кровью русскаго народа. Въ дѣлѣ созданія правительственнаго флота на Азовскомъ морѣ на счетъ народа, — флота, не принесшаго никакой пользы и славы Россіи, ярко выставляется лишь одинъ элементъ — понудительныя мѣры, сопровождавшія почти каждое распоряженіе, касавшееся кораблестроенія и комплектованія флота экипажемъ.

Новый разрывъ съ Турціею послѣ полтавской битвы, вслѣдствіе бѣгства Карла XII на територію Оттоманской Порты, казалось давалъ благопріятный случай показать, что недаромъ лились кровавыя слезы для правительственнаго флота, и недаромъ былъ уничтоженъ казачій, народный флотъ!

Вначалѣ 1710 года мы встрѣчаемъ уже распоряженіе Петра о постройкѣ 35 казачьихъ лодокъ. Собственно, извѣстіе объ окончательномъ разрывѣ съ Оттоманскою Портою достигло Петербурга въ исходѣ декабря 1710 года. Приказавъ тогда же фельдмаршалу Шереметеву направиться съ главными силами къ Дунаю, Петръ возложилъ оборону Азова и всего края на Апраксина ¹⁾, подъ начальство котораго поступили всѣ расположенныя тамъ и вновь посланные полки, донское войско и 10.000 калмыковъ, присланныхъ для защиты Азова ханомъ Аюкою.

Права Апраксина, заступившаго вмѣсто Протасьева обязанности адмиралтейца (морскаго министра), была весьма обширны. По инструкціи, данной ему государемъ, передъ его поѣзdkою, всѣ лица, которымъ предстояло имѣть дѣло съ адмиралтейцомъ, обязывались «быть ему послушными и вспомогательными». Ему подчинялся весь воронежскій край, простиравшійся до Азовскаго моря и образовавшій въ исходѣ 1708 года Азовскую губернію.

Какъ во время астраханскаго и булавинскаго бунтовъ, такъ и теперь правительство, повидимому, боялось за уничтоженіе воронежской корабельной верфи. Въ Украинѣ, на Дону, Хопрѣ и Медвѣдицѣ показались агенты Некрасова, главнаго дѣятеля въ тольko что усмиренномъ булавинскомъ бунтѣ, вслѣдствіе чего Апраксинъ приказалъ всѣ донскія станицы приводить къ присягѣ, общія денежныя награды за поимку возмутителей.

Въ числѣ первыхъ спѣшныхъ распоряженій была постройка

¹⁾ Апраксинъ же произвелъ демонстрацію противъ улусныхъ татаръ на Кубани и положилъ начало терской, впоследствии кавказской линіи. См. Пошко, «Терскіе казаки».

50 казачьихъ судовъ, въ дополненіе къ прежнимъ 35. «Для Бога, писалъ Апраксинъ Колычеву, — въ семь не извольте ослабѣвать, чтобы такія лодки, какъ наискорѣе были во всякой готовности, а не будутъ, то конечно примите отъ царскаго величества не малый грѣвъ» ¹⁾). Въ 1711 году въ эскадрѣ, назначенной къ дѣйствию въ Азовскомъ морѣ, было уже 100 казачьихъ лодокъ ²⁾. Полагая по 50 человекъ на лодку, мы имѣемъ такимъ образомъ возможную силу донскаго казачьяго флота въ 5,000 человекъ; между тѣмъ историки Дона и Соловьевъ не обратили на этотъ знаменательный фактъ никакого вниманія; напротивъ, они приводятъ цифровыя данныя о такомъ же числѣ донскихъ казаковъ, состоявшихъ на службѣ въ сухопутной арміи. Обиднѣ всего, повторяемъ, что морской историкъ, приводя этотъ фактъ, не подвергли его никакому анализу. Мы же не сомнѣваемся теперь, что гениальный умъ Петра прозрѣлъ сдѣланную вначалѣ своего царствованія ошибку и если-бы Провидѣніе даровало ему побѣду на Прутѣ, въ 1711 году, то исторія Россіи и судьбы самаго Дона были бы совсѣмъ иныя.

23 іюля 1711 года Апраксинъ прибылъ изъ Петербурга въ Таганрогъ и принялъ начальство надъ морскими и сухопутными силами. Приказавъ эскадрѣ выходить изъ гавани, адмиралъ отправилъ партію казачьихъ лодокъ съ приказаніемъ идти, ежели возможно, до Керчи, чтобы развѣдать о непріятелѣ, и въ случаѣ его появленія, крейсера обязаны были давать о томъ знать условленными знаками.

Между тѣмъ турецкій флотъ, состоявшій изъ 18 кораблей, 14 галеръ и большаго числа мелкихъ судовъ, подвигался къ Таганрогу, но послѣ безуспѣшной погони за русскими крейсерами, возвратился въ Черное море. Въ виду неравенства въ силахъ, правительственная эскадра, по словамъ Елагина, расположилась въ гавани, въ готовности на случай дѣйствія съ отдѣльными судами. Въ этомъ ожиданіи прошло почти три недѣли, впродолженіи которыхъ казачьи лодки успѣли овладѣть однимъ турецкимъ судномъ, съ 15 человеками команды. Не предпринимая ничего и держась далеко, 19 іюля турецкій адмиралъ отрядилъ семь галеръ по направленію къ Таганрогу. На встрѣчу имъ адмиралъ приказалъ идти кораблю «Соеди-

¹⁾ «Исторія русскаго флота» Елагина, глава VIII.

²⁾ Тамъ же.

неніе» и тремъ синявамъ; но едва послѣднія показались изъ гавани, какъ непріятельскія галеры, выкинувъ въ помощь къ парусамъ весла, возвратились къ своему флоту. Наконецъ, 22 іюля турки рѣшились дѣйствовать: бросивъ якорь на разстояніи около 4 миль отъ таганрогской гавани, непріятельскій флотъ началъ свозить десантъ, съ намѣреніемъ обойти городъ. Отрядъ изъ 1,500 казаковъ и двухъ батальоновъ пѣхоты, при четырехъ орудіяхъ, заставилъ турокъ отступить въ беспорядкѣ къ судамъ и возвратиться къ флоту ¹⁾, который немедленно отступилъ отъ берега; затѣмъ непріятель скрылся изъ виду. Такъ ли дѣйствовали казаки въ предшествовавшіе два столѣтія? Такъ ли они дѣйствовали даже въ 1696 году? Повидимому, условія воинской дисциплины, введенныя Петромъ, ослабленіе казачьей духовной силы послѣ булавинскаго бунта и строгій морской уставъ, парализовали прежнюю казачью удачу, когда подобный, внушающій турецкій флотъ представлялся бы донцамъ лишь случаемъ къ вѣрной добычѣ и выраженію передъ Россією своей доблести.

Вмѣсто смѣлыхъ наступательныхъ дѣйствій древняго казачьяго флота, Апраксинъ съ своею эскадрою ограничивается оборонительными мѣрами. «Несомнѣнно, говоритъ Елагинъ, что при этихъ условіяхъ, оборона нашихъ побережій могла бы протянуться безъ значительнаго ущерба до осени, тѣмъ болѣе, что турецкій флотъ, избѣгавшій плаванія по Черному морю въ эпоху равноденственныхъ вѣтровъ, вѣроятно отложилъ бы свои дѣйствія до слѣдующаго года. При энергическомъ участіи Крюйса, къ веснѣ 1712 года донскія верфи могли бы выставить флотъ, дѣятельность котораго конечно не ограничилась бы развѣдываніемъ о непріятелѣ и одною обороною. Обстоятельства сложились иначе». Лишь эти приводимыя нами слова составляютъ единственное указаніе, что Елагинъ давалъ кое-какое значеніе казачьему мелко-сидящему флоту. «Въ то время, продолжаетъ авторъ исторіи русскаго флота, когда наступала возможность воспользоваться плодами прежнихъ ошибокъ и искупить пятнадцатилѣтніе труды и издержки, случайность войны на берегахъ Прута рѣшила судьбу азовскаго флота», а мы прибавимъ, и судьбы древняго Дона.

11 августа 1711 года генералъ Павловъ вручилъ Апраксину слѣдующій царскій указъ, писанный 12 іюля на р. Прутѣ:

¹⁾ Этотъ эпизодъ напоминаетъ собою отраженіе англо-французскаго десанта въ 1855 году. «Оборона Таганрога» («Военный Сборникъ» 1857 г.).

«Понеже, не допуская мы дальнаго кровопролитія между войсками нашими и турецкими, согласились чрезъ сіятельнѣйшаго визиря Магметъ-пашу съ его султанскимъ величествомъ миръ учинить; для довольства въ ономъ мирѣ городъ Азовъ съ ихъ землями, которыя въ вышерѣченной области взяты въ прошлой войнѣ, отдать, новопостроенныя разорить, что повелѣваемъ вамъ учинить по силѣ учиненнаго трактата, съ котораго о сей матеріи вѣденіе къ вамъ посылаемъ».

Вслѣдъ за первымъ указомъ, Апраксину предписано перевозить въ Черкасскъ всѣ запасы и артилерію, находившіяся въ Таганрогѣ и Азовѣ; первый приготовить къ конечному разоренію, а Азовъ отдать въ томъ видѣ, какъ былъ взятъ въ 1696 году (т. е. взорвать крѣпостныя верки). Суда, бывшія въ этихъ двухъ портахъ, постараться продать туркамъ; въ случаѣ же неудачи съечь, кромѣ трехъ, о пропускѣ которыхъ въ Балтику государь надѣялся получить согласіе Оттоманской Порты.

При посредствѣ пословъ Великобританіи и Голандіи, вначалѣ апрѣля 1712 года возобновился договоръ, заключенный при Прутѣ. Въ числѣ добавочныхъ условій положено было, между прочимъ, чугуныя пушки, оставленныя въ Азовѣ, замѣнить мѣдными, какія находились при взятіи этой крѣпости отъ турокъ въ 1696 году. На основаніи одной изъ статей договора, обѣ стороны обязывались не возводить никакихъ укрѣпленій на всемъ пространствѣ между Азовомъ и Черкасскомъ.

Работы по кораблестроенію окончились вслѣдъ за заключеніемъ прутскаго договора.

Гонимые извнѣ, остатки правительственнаго флота не нашли себѣ повойнаго убѣжища близъ Черкасска. Въ исходѣ 1714 года войско подало прошеніе о вывозѣ азовскихъ судовъ изъ протока, который обмывалъ главный городъ донскихъ казаковъ и обмелѣлъ отъ стоянки гнѣющихъ кораблей. Въ 1716 году послѣдовалъ указъ объ ихъ разломѣ. По всей вѣроятности азовскій правительственный флотъ пошелъ на дрова!

Такимъ образомъ окончилось грандіозное починомъ и плачевное исполненіемъ созданіе Петромъ правительственнаго флота на Азовскомъ морѣ, гдѣ до преобразователя Россіи это водохранилище и самое Черное море оспаривали у Турціи донскіе и запорожскіе казаки.

Все приводимое нами не есть плодъ фантазіи, а основано на историческихъ документахъ и на правдивомъ, добросовѣстномъ повѣствованіи моряка Елагина. Если читатели вдумались въ сообщенные нами факты, то несомнѣнно придутъ

въ заключенію, что уничтоженіе или по крайней мѣрѣ парализованіе казачьяго, народнаго флота, было главною причиною неуспѣха Петра I въ войнѣ съ Турціею. Если въ концѣ XVII столѣтія между русскими и у самого Петра созрѣла мысль, что могущество Турціи слѣдовало ломить не сухопутными, а морскими силами, то зачѣмъ же великій монархъ предпринялъ наступательныя дѣйствія въ Пруту? Несомнѣнно, что онъ разсчитывалъ на услуги созданнаго имъ на Азовскомъ морѣ флота, состоявшаго изъ громоздкихъ, неуклюжихъ кораблей, замѣнившихъ собою легкія казачьи ладьи. Правительственный флотъ показалъ однакоже, что онъ не въ состояніи даже крейсировать въ мелкомъ Азовскомъ морѣ, и вотъ, руководимый адмираломъ Крюсомъ, гениальный монархъ въ минуту опасности прозрѣваетъ свою ошибку и требуетъ на море сто казачьихъ лодокъ. Но было уже поздно: немного прошло времени съ 1696 года, когда на его глазахъ, подъ предводительствомъ своего войсковаго атамана Фрола Минаева, казаки одержали побѣду надъ турецкимъ флотомъ, пятнадцать лѣтъ не прошло, но въ этотъ незначительный періодъ времени Петру пришлось усмирять два стрѣлцкіе, астраханскій, башкирскій и булавинскій бунты. Всѣ эти мятежи подавлены съ неимовѣрною жестокостью и булавинское избіеніе до сихъ поръ осталось въ памяти донцевъ, передающихъ, какъ преданіе, будто-бы великій монархъ рубилъ собственными руками головы и руки казакамъ¹⁾; 7,000 человекъ казнено на Дону; что же могло остаться въ 1711 году, когда потребовалась на морѣ прежняя ихъ доблесть? Ясно, что энергія донцовъ была подточена въ самомъ основаніи. Казаки смирились, преклонились передъ сильною государственною властью и до самой семилѣтней войны не заявляли себя подвигами, а въ эту послѣднюю эпоху являютъ изъ себя уже не морскія силы, а легкую кавалерію.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ объ Азовѣ.

Въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, послѣ побѣды Миниха и разоренія Крыма, султанъ турецкій, по бѣлградскому миру, въ 1739 году уступилъ Россіи степи между Бугомъ и Донцемъ, а также срылъ (?) крѣпостныя верки Азо-

¹⁾ Подтверженіе этого преданія мы выгдѣ не нашли. Изъ писемъ Петра 1707—1709 гг. видно лишь желаніе монарха лично руководить дѣйствіями противъ Булавина. Совершенныя на Дону жестокости слѣдуетъ приписать князю Василю Владиміровичу Долгорукову.

ва; но до Екатерины II владычество Россіи близъ Азова существовало только по имени и какъ южная окраина земли донскаго войска, такъ и сосѣдней Екатеринославской губерніи были театромъ постоянныхъ столкновеній донскихъ и запорожскихъ казаковъ съ татарами и калмыками. Лишь по заключеніи Кучукъ-кайнарджійскаго мира Россія окончательно приобрѣла въ свое владѣніе Азовъ, Таганрогъ и Кинбурнъ, со всѣми землями между Бугомъ и Днѣпромъ и съ правомъ производства торговли на Черномъ морѣ. Азовская губернія переименована въ Екатеринославскую.

Въ 1809 году, при Александрѣ I, упразднена азовская крѣпость.

«Въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія, говоритъ авторъ ¹⁾ статистическаго описанія Екатеринославской губерніи, — Азовъ былъ губернскимъ городомъ, а нынѣ—безвѣстный и бѣдный посадъ. Отъ древности въ немъ не сохранилось ничего; но понынѣ видны его крѣпостные валы турецкихъ временъ, а мѣстные жители открываютъ иногда погребя, наполненные чelовѣческими костями ²⁾».

Въ 1832 году, водвореніемъ запорожцевъ подъ именемъ азовскаго казачьяго войска на земляхъ Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, близъ моря, было положено вновь начало казачьему флоту; но объ этой попыткѣ, уничтоженной парижскимъ миромъ 1856 года, равно какъ объ отрицательныхъ качествахъ нынѣшнихъ низовыхъ донскихъ казаковъ, — качествахъ, указывающихъ тѣмъ не менѣе на ихъ влеченіе въ море, мы поговоримъ впоследствии, когда высказанныя нами здѣсь мысли о неудачахъ Петра по созданію правительственнаго флота на Азовскомъ морѣ перейдутъ въ народное сознаніе ³⁾. Будемъ однакоже надѣяться, что въ 1896 году появятся казачьи крейсера на Азовскомъ и Черномъ моряхъ!

Н. Красновъ.

¹⁾ В. Павловичъ: «Екатеринославская губернія», матеріалъ для географіи и статистики Россіи.

²⁾ Мы имѣемъ свѣдѣніе, что архивъ Азова находится въ большомъ порядкѣ, почему желательно было бы, чтобы кто либо изъ черкасскихъ жителей подтвердилъ наши сообщенія.

³⁾ Окончаніе статьи «Отъ Разина до Булавина» и повѣствованіе о самомъ булавинскомъ бунтѣ мы откладываемъ до тщательнаго пересмотра дѣлъ морскаго архива.

О ВЪ УСЛОВІЯХЪ ПРИМѢНЕНІЯ МИРОВЫМИ СУДЬЯМИ МѢСТНЫХЪ ОВЫЧАЕВЪ ПРИ РАЗРѢШЕНІИ ГРАЖДАН- СКИХЪ ДѢЛЪ.

Вопросъ, возбужденный петербургскимъ юридическимъ обществомъ, представляетъ большой интересъ не для одного только юриста, но и для всякаго члена общества, интересующагося судьбами нашего мирового суда. Чтобы быть судомъ «правымъ, скорымъ и милостивымъ» недостаточно еще одного добросовѣстнаго примѣненія буквы закона къ волнующемуся міру общественной жизни; судья долженъ прислушиваться еще къ голосу народной правды и справедливости, а не замыкаться совершенно въ тѣсныя рамки постановленій закона. Только тогда судъ и будетъ стоять на твердой почвѣ, если общество относится къ нему съ довѣріемъ и уваженіемъ; а это можетъ быть очень легко достигнуто, если судъ будетъ внимательнѣе вникать въ обстоятельства каждаго случая. Какъ-бы ни было совершенно законодательство, но оно не въ состояніи предусмотрѣть всѣхъ особенностей общественной жизни и уложить ихъ въ тѣсныя рамки закона. Прежде чѣмъ появится законодательство, у каждаго народа существуетъ извѣстный складъ юридическихъ понятій, которыя потомъ, посредствомъ суда, мало-по-малу переходятъ въ законодательство страны, и такимъ образомъ отношенія, сложившіяся чисто фактическимъ путемъ, фиксируются въ судебныхъ рѣшеніяхъ и впоследствии получаютъ санкцію

закона. Такое взаимодействіе между судомъ и жизнью не должно прекращаться и въ томъ случаѣ, когда законодательство достигнетъ извѣстной степени развитія, и тогда судъ явится важнымъ органомъ обычнаго права и проводникомъ народныхъ началъ въ законодательство страны.

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ законодательства сфера обычнаго права все болѣе и болѣе суживается; но ни въ какомъ случаѣ законъ не можетъ его совершенно вытѣснить, такъ какъ при разнородности состава населенія въ государствѣ могутъ быть такіе слои быта, которые вовсе не опредѣлены закономъ, да и въ другихъ слояхъ быта юридическіе обычаи могутъ примѣняться въ тѣхъ случаяхъ, которые не предусмотрѣны закономъ, или когда само законодательство дозволяетъ руководствоваться обычаемъ.

Наши гражданскіе законы въ извѣстныхъ случаяхъ также дозволяютъ примѣненіе обычая, а именно 130 ст. устава гражданскаго судопроизводства говоритъ, что при постановленіи рѣшенія мировой судья можетъ, по ссылкѣ одной или обѣихъ сторонъ, руководствоваться общеизвѣстными мѣстными обычаями, но лишь въ томъ случаѣ, когда примѣненіе мѣстныхъ обычая дозволяется именно закономъ, или въ случаяхъ, положительно неразрѣшаемыхъ закономъ. Но, къ сожалѣнію, благодаря бюрократическому отношенію мировыхъ судей къ обычному праву, 130 ст. на практикѣ въ большинствѣ случаевъ осталась мертвою буквою. Придавая громадное значеніе примѣненію обычая въ мировыхъ установленіяхъ, я и остановлюсь на условіяхъ этого примѣненія, причѣмъ буду имѣть въ виду и нѣкоторые выводы, сдѣланные юридическимъ обществомъ въ засѣданіи гражданскаго отдѣленія 15 марта 1880 года по поводу реферата дѣйствительнаго члена Платонова.

Приступая къ разсмотрѣнію этихъ условій, я долженъ прежде всего сдѣлать различіе между юридическими обычаями и простымъ обыкновеніемъ, что представляется весьма важнымъ, въ виду того, что непримѣненіе судьей юридическаго обычая, не смотря на законное требованіе сторонъ, можетъ служить поводомъ къ кассаци, чего нельзя допустить относительно простаго обыкновенія. Юридическій обычай для своего существованія непременно долженъ заключать въ себѣ какое либо юридическое положеніе. Для болѣе яснаго различія между нимъ и простымъ обыкновеніемъ, я воспользуюсь двумя примѣрами, приведенными членами юридическаго общества, Платоновымъ и

Пахманомъ, въ засѣданіи 15 марта: въ большей части мѣстныхъ Россіи есть обыкновеніе сдѣлки купли-продажи «замыкать ударомъ по рукамъ»; но если это обыкновеніе при заключеніи сдѣлки и не будетъ когда либо примѣнено, однако она не теряетъ своей силы.

Въ примѣръ простаго обыкновенія, С. В. Пахманъ привелъ такъ называемую крестьянскую «толоку» или «помочь», состоящую въ томъ, что въ праздничный день крестьяне, по приглашенію сосѣда, являются къ нему на помощь и даромъ, за одинъ разъ, все обрабатываютъ, за что и «принято» ихъ угощать. Но это обыкновеніе не можетъ быть предметомъ судебного разбирательства, т. е. не будетъ юридическимъ обычаемъ.

По мнѣнію же Цитовича, различіе между юридическимъ обычаемъ и обыкновеніемъ заключается въ томъ, что обычай, какъ источникъ права, юридическій, правовой, «сознается какъ необходимость»; та или другая его норма, то или другое его правило признается обязательнымъ, именно потому, что какъ его приложеніе, такъ и само оно сознается, какъ необходимость. Значитъ, приложеніе нормъ обычнаго права, какъ и писаннаго закона, совершенно независимо отъ того, зналъ ли нѣтъ о существованіи этой нормы тотъ, къ чьимъ отношеніямъ она должна быть приложена. Точно также какъ невѣдѣніемъ закона, никто не можетъ отговариваться и незнаніемъ обычаевъ. Иное дѣло обыкновеніе: оно сознается лишь только какъ общепринятая манера, общепринятое однообразіе, по второму что-либо совершается, какъ «нѣчто quod legumque fit»¹⁾.

Самымъ первымъ условіемъ для соблюденія обычая необходимо является убѣжденіе соблюдающихъ въ правовой его необходимости, причемъ требуется, чтобы онъ былъ соблюдаемъ однообразно втеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Затѣмъ обычай для своего примѣненія не долженъ заключать въ себѣ ничего «противозаконнаго». Соглашаясь вполнѣ съ правильностью этого условія, я считаю необходимымъ объяснить на счетъ пониманія выраженія «противозаконный»: если понимать подъ нимъ противорѣчіе обычая постановленіямъ закона, извѣстнымъ его статьямъ, въ такомъ случаѣ потеряется весь смыслъ юридическихъ обычаевъ, потому что если обычай совпадаетъ съ постановленіемъ закона, то нѣтъ необ-

¹⁾ Цитовичъ. «Лекціи по торговому праву», § 14, стр. 89.

ходимости и въ его примѣненіи. Слѣдовательно, примѣненіе обычая имѣеть смыслъ только тогда, если онъ не согласенъ съ извѣстнымъ постановленіемъ закона во взглядѣ на ту или другую область юридическихъ отношеній, въ которой законъ дозволяетъ руководствоваться и обычаемъ; такой примѣръ мы можемъ видѣть на различныхъ порядкахъ наслѣдованія, опеки и попечительства по своду законовъ и по обычному праву крестьянъ ¹⁾. А потому обычай не долженъ быть «противозаконнымъ» въ томъ смыслѣ, что онъ не долженъ противорѣчить «общественному и нравственному порядку» ²⁾.

Примѣняемые мировыми установленіями обычай должны принадлежать къ числу «общеизвѣстныхъ мѣстныхъ обычаевъ». Мы очень мало знаемъ обычаевъ, которые могли бы быть названы «общими» въ смыслѣ распространенности ихъ на большомъ пространствѣ; большая часть обычаевъ имѣеть совершенно мѣстный характеръ; они могутъ даже относиться до одного каковаго либо селенія и все-таки должны быть примѣняемы мировыми судьями при томъ условіи, если они общеизвѣстны въ той мѣстности, такъ что и выраженіе «общеизвѣстный» не нужно понимать въ какомъ нибудь обширномъ значеніи слова, достаточно, если «общеизвѣстность» ихъ будетъ удостовѣрена только по отношенію къ тому селенію, къ дѣламъ котораго они должны быть примѣняемы въ данномъ случаѣ.

Въ числѣ условій примѣненія мѣстныхъ обычаевъ мировыми судьями требуется также, чтобы сами стороны сослались на данный обычай и чтобы для даннаго случая не было прямого и точнаго закона. Отсюда и возникаютъ три довольно важныхъ вопроса: 1) примѣненіе обычая составляетъ ли обязанность мирового судьи или находится вполнѣ въ зависимости отъ его усмотрѣнія? 2) можетъ ли мировой судья примѣнять мѣстные обычай и безъ ссылки тяжущихся сторонъ? и, наконецъ, 3) если на данный случай нѣтъ прямого и точнаго закона, то долженъ ли мировой судья въ этомъ случаѣ руководствоваться общимъ смысломъ закона или обычаемъ?

Отправленіе правосудія для судьи составляетъ его публичную

¹⁾ «Положеніе о крестьянахъ 1861 г.», ст. 21, 38, 51 п 4—7.

²⁾ Windschnid, «Lehrbuch des Pandektenrechts», т. I, § 16, стр. 45, «Widerstreit mit den Grundlagen der staatlichen und sittlichen Ordnung verstanden werde».

обязанность, такъ что ему даже строго воспрещается закономъ оставлять рѣшеніе дѣла подѣломъ неполноты, недостатка или противорѣчія законамъ ¹⁾. Таковую же важную и прямую обязанность мирового судьи составляетъ и примѣненіе имъ юридическихъ обычаевъ, если только этого просить тяжущіяся стороны и если обычаи удовлетворяютъ всѣмъ законнымъ условіямъ. Поэтому толкованіе гражданскаго касационнаго департамента правительствующаго сената, мнѣ кажется, совершенно неправильно: «въ ст. 130 устава гражданскаго судопроизводства сказано, что при постановленіи рѣшенія мировой судья «можетъ» руководствоваться общеизвѣстными мѣстными обычаями, изъ чего, по мнѣнію сената, вовсе не слѣдуетъ, чтобы судья «обязанъ» былъ ими руководствоваться» ²⁾. Ясно, что сенатъ сталъ на совершенно ложную почву: если въ законѣ и встрѣчается выраженіе «можетъ», то нужно различать, относится ли это къ частнымъ правамъ или къ публичнымъ обязанностямъ; въ послѣднемъ случаѣ, безъ всякаго сомнѣнія, выраженіе «можетъ» равнозначуще выраженію «долженъ», такъ какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, говоря о публичныхъ обязанностяхъ, законъ употребляетъ выраженіе «можетъ». Поэтому я и не могу согласиться съ заключеніемъ касационнаго департамента сената; юридическій обычай, какъ источникъ права, дополняетъ собою законъ относительно тѣхъ случаевъ, которые не предусмотрены законами или когда примѣненіе обычая прямо имъ дозволяется, такъ что въ соотвѣтствіе съ писаннымъ закономъ (*lex scripta*) обычное право будетъ правомъ неписаннымъ—*lex non scripta*. А потому, если стороны, при соблюденіи всѣхъ законныхъ условій, требуютъ примѣненія мѣстнаго обычая для такого случая, который въ законѣ прямо и точно не предусмотрѣнъ, мировой судья не вправе отказывать сторонамъ въ примѣненіи этого обычая, такъ какъ оно составляетъ такимъ образомъ прямую его обязанность, нарушеніе которой можетъ явиться достаточнымъ поводомъ для касациіи. Отчасти и сенатъ въ другомъ своемъ рѣшеніи долженъ былъ согласиться съ этимъ взглядомъ; именно, онъ призналъ, что мировыя судебныя установленія не могутъ отвергнуть мѣстнаго обычая на томъ только основаніи,

¹⁾ «Уставъ гражданскаго судопроизводства, ст. 10».

²⁾ «Рѣшенія гражданскаго касационнаго департамента сената 1869 г.», № 175, то же № 243, 1871 г. № 290. Думашевскій, Систематическій сводъ касационныхъ рѣшеній», т. II, § 1429 (во 2-мъ изданіи).

что они неполнѣ убѣдились въ существованіи онаго: «они должны или принять его къ руководству, такъ какъ законъ это дозволяетъ, или отвергнуть его, какъ вовсе несуществующій»¹⁾.

До какихъ бы предѣловъ не простиралась въ законѣ регламентація частнаго быта, однако остаются такія сферы, нормированіе которыхъ предоставлено частной автономіи гражданъ; такъ, напр., всѣмъ гражданамъ въ отношеніяхъ по обязательствамъ подробности договоровъ дозволяется опредѣлять по собственному усмотрѣнію, а также по различію экономическихъ условій быта и своеобразности вслѣдствіе этого юридическихъ обычаевъ. Законъ дозволяетъ крестьянамъ въ порядкѣ наследства, опеки и попечительства руководствоваться своими мѣстными обычаями²⁾. Поэтому судъ при толкованіи договоровъ и сдѣловъ долженъ имѣть въ виду тотъ порядокъ, который находится въ связи съ соглашеніемъ самихъ контрагентовъ, и если договоръ недостаточно опредѣлителенъ, то принадлежности его объясняются обычаемъ, насколько самое отношеніе не опредѣляется закономъ³⁾. Имѣя въ виду это, мировой судья къ опредѣленію подобныхъ отношеній обязанъ примѣнять обычный порядокъ вещей, если этого желаютъ сами стороны, именно когда онѣ прямо ссылаются на данный обычай, или когда изъ намековъ можно вывести, что онѣ желали бы подчиниться обычному порядку. Если же стороны не ссылаются на обычай, то судья долженъ самъ имѣть предложить, не желаютъ ли онѣ рѣшить дѣла на основаніи извѣстнаго ему обычая. При отрицательномъ отвѣтѣ, мнѣ кажется, судья, по точному смыслу 130 ст., не можетъ руководствоваться этимъ обычаемъ, а обязанъ обратиться въ общему смыслу законовъ, такъ какъ примѣненіе мѣстныхъ обычаевъ и имѣеть главнымъ образомъ тотъ смыслъ, что стороны, при опредѣленіи своихъ отношеній, могли имѣть въ виду именно данный обычный порядокъ вещей. Съ этимъ согласны и рѣшенія гражданскаго касационнаго департамента сената, что безъ ссылки тяжущихся мировыя установленія не имѣютъ права руководствоваться при разрѣшеніи дѣла мѣстными обычаями⁴⁾, причѣмъ сенатъ и для примѣненія обычаевъ къ спорамъ

¹⁾ «Касационное рѣшеніе 1870 г.», № 1376. Думашевскій—§ 1431.

²⁾ «Положеніе о крестьянахъ», ст. 21, 38, 51.

³⁾ «Сводъ законовъ», т. X, ч. I, ст. 1539.

⁴⁾ «Касационное рѣшеніе 1869 г.», № 131; 1870 г., №№ 987 и 1632; 1872 г. №№ 237 и 359. Думашевскій—§ 1430.

крестьянъ о наслѣдствѣ требуетъ также ссылки на это тяжущихся сторонъ ¹⁾). Но такое безусловное рѣшеніе вопроса, мнѣ кажется, не совсѣмъ справедливо, такъ какъ ссылка тяжущихся сторонъ на обычай въ крестьянскомъ быту часто можетъ найдаться въ зависимости отъ простой случайности; крестьяне въ данномъ случаѣ могли быть и незнакомы съ тѣмъ, что законъ и у мирового судьи позволяетъ имъ руководствоваться своими мѣстными обычаями и что для этого необходимо имъ заявить о своемъ желаніи примѣнить обычай къ ихъ спорнымъ отношеніямъ. Требовать отъ крестьянъ соблюденія всѣхъ этихъ условій, мнѣ кажется, иногда рѣшительно невозможно, такъ какъ изъ трудовъ комисіи по преобразованію волостныхъ судовъ мы можемъ видѣть, что крестьяне часто, руководствуясь на самомъ дѣлѣ своеобразными мѣстными обычаями, на вопросы комисіи отвѣчали, что никакихъ у нихъ обычаевъ нѣтъ: «что ужъ за обычай крестьянскій», «у всякой бабы свой обычай», а что дѣла они рѣшаютъ по закону, совѣсти и справедливости, по обстоятельствамъ глядя, и т. п. ²⁾). Ясно, что такіе отвѣты могли происходить только по непониманію крестьянами юридической техники, именно такихъ выраженій, какъ «обычай», «обычное право» и т. п., и по невозможности группировать юридическія понятія. А по толкованію сената такимъ образомъ выходитъ, что если стороны не уважатъ на мѣстный обычай, мировой судья обязанъ къ спорамъ крестьянъ о наслѣдствѣ примѣнять гражданскіе законы. Но такое рѣшеніе можетъ быть вопіющею несправедливостью, такъ какъ намъ извѣстна та рознь между официальнымъ и чисто народнымъ правомъ, которая заставляетъ крестьянъ иногда силою сопротивляться исполненію рѣшенія общаго суда о наслѣдствѣ, какъ противорѣчающаго ихъ понятіямъ о правдѣ и справедливости ³⁾). Поэтому мнѣ и кажется, что мировой судья не долженъ такъ формально относиться къ юридическимъ обычаямъ крестьянъ; только тогда судъ и будетъ стоять на высотѣ своего назначенія, если онъ внимательно и добросовѣстно будетъ вникать во всѣ обстоятельства каждаго дѣла. Если, положимъ,

¹⁾ Тамъ же, 1869 г., № 1183; Думашевскій—§ 1434.

²⁾ «Труды комисіи по преобразованію волостныхъ судовъ», т. I, стр. 3, 12, 15, 21, 36, 38, 48, 59, 95, 130 и др.; т. II, стр. 3, 24, 25, 33 и др.; т. III, стр. 6, 20, 67, 205 и др.; т. IV, стр. 13, 20, 27, 94 и др.; т. V, стр. 2, 6, 8, 16, 25, 120 и др.; т. VI, стр. 2, 19, 44, 48, 83 и др.

³⁾ Якушкинъ, «Юридическій Вѣстникъ», 1872 г., кн. 2—3, «Современное обозрѣніе», стр. 12.

споръ о наслѣдствѣ крестьянами предъявленъ мировому судѣ, то послѣдній не долженъ ограничиваться однимъ только формальнымъ вопросомъ, желаютъ ли они въ данномъ случаѣ подчиниться закону или сошлутся на какой либо мѣстный обычай, но долженъ оставить бюрократическое недовѣріе къ обычному праву и внимательно вникнуть въ обстоятельства даннаго дѣла; такимъ образомъ могутъ быть сглажены многіе недостатки нашего свода законовъ, которые въ практикѣ мирового суда, какъ суда болѣе близкаго къ народу, проявляются еще въ болѣе сильной степени ¹⁾. Не даромъ крестьяне почти вездѣ высказывались за сохраненіе волостнаго суда и на будущее время, между прочимъ и на томъ основаніи, что «волостной судъ—свой судъ, а судъ мирового—чужой» ²⁾. Только при соблюденіи высказанныхъ мною соображеній можно внушить крестьянамъ то довѣріе къ мировому суду, которое необходимо для правильнаго отправленія правосудія.

Съ этимъ вопросомъ тѣсно связанъ вопросъ о распознаваемости юридическихъ обычаевъ. Доказательство существованія обычаевъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть подведено подъ общія правила о доказательствахъ, предметомъ которыхъ въ гражданскомъ процесѣ служатъ спорные между сторонами факты, между тѣмъ какъ въ обычаяхъ заключается два элемента: фактъ и право, изъ коихъ первый, т. е. рядъ фактовъ, служить какъ бы вышнейою формою, черезъ которую проходятъ общія понятія права, т. е. юридическія убѣжденія народа, общества или мѣстнаго кружка гражданъ, или убѣжденія суда и науки ³⁾.

Разумѣется, въ большинствѣ случаевъ суду, какъ органу общественнаго сознанія, извѣстны, какъ фактической строй быта, такъ и юридическія понятія, заключающіяся въ этомъ строѣ, такъ что нѣтъ необходимости для сторонъ каждый разъ ихъ доказывать, а судъ уже по своему положенію обязанъ знать общеизвѣстные юридическіе обычаи, точно также, какъ не должны быть доказываемы тѣ факты, которые предполагаются извѣстными всякому болѣе или менѣе образованному человѣку

¹⁾ «Судебный Вѣстникъ», 1870 г., № 238, статья Волкова, председателя шуйскаго мирового съезда «О затрудненіяхъ, возникающихъ въ практикѣ мировыхъ судебныхъ учреждений отъ неполноты нашихъ законовъ».

²⁾ «Труды комисіи», т. I, стр. 281, 294, 334 и др.; т. II, стр. 24, 33, 38, 60 и др.; т. III, стр. 201, 211, 412, 455 и др.; т. IV, стр. 281 и др.; т. V, стр. 435 и др.; т. VI, стр. 752 и др.

³⁾ Малышевъ, «Курсъ общаго гражданскаго права Россіи», т. I, стр. 100.

(notorium non eget probatione); а съ другой стороны общеизвѣстность обычая для суда мотивируется еще тѣмъ, что судья, по своему положенію, обязанъ знать всѣ важные источники права своей страны (iugo povit curia). Но предположимъ, что въ дѣлѣ встрѣтимъ такой обычай, который имѣетъ весьма ограниченное мѣстное примѣненіе, а потому и неизвѣстенъ судья; въ такомъ случаѣ, конечно, стороны, ссылающіяся на этотъ обычай, должны доказать его существованіе¹⁾. Средствами такого доказательства могутъ быть, какъ письменные документы, такъ и свидѣтельскія показанія и заключенія свѣдущихъ людей, а также и прежнія судебныя рѣшенія²⁾.

Относительно способа удостовѣренія въ существованіи обычая, въ проектѣ устава гражданскаго судопроизводства предполагалось, что мировой судья въ тѣхъ случаяхъ, когда явится необходимость при постановленіи рѣшенія принять въ соображеніе общеизвѣстный мѣстный обычай, для подтвержденія существованія этого обычая, если таковой ему недостаточно извѣстенъ, долженъ пригласить отъ трехъ до шести заслуживающихъ довѣрія мѣстныхъ жителей, показанія которыхъ и записываются въ особую книгу. Но при окончательной редакціи это признано было очень затруднительнымъ, а потому и не вошло въ уставъ гражданскаго судопроизводства³⁾.

Также первоначально предполагалось, что свѣдѣнія о такихъ обычаяхъ, записанныхъ мировыми судьями, будутъ сообщаться въ мѣстной мировой свѣздѣ, а оттуда въ министерство юстиціи, и что такимъ образомъ безъ особыхъ затрудненій составитъ цѣлый сборникъ юридическихъ обычаевъ; но при окончательной редакціи это признано было неудобнымъ, такъ какъ у мировыхъ судей и безъ того очень много дѣлъ⁴⁾.

Цитовичъ относительно обязанности доказывать существованіе обычая дѣлаетъ различіе между юридическимъ обычаемъ и простымъ обыкновеніемъ; если обычай, по его словамъ, примѣняется и по ссылкѣ сторонъ, то стороны не обязаны доказывать его существованіе. Это потому, что отношеніе суда къ нормамъ обычнаго права то же самое, что и къ нормѣ положительнаго

¹⁾ Windschnid, «Lehrbuch», т. I, § 17, стр. 48.

²⁾ «Торговый уставъ», ст. 1408 и 1714.

³⁾ «Объяснительная записка къ уставу гражданскаго судопроизводства», стр. 58—59.

⁴⁾ «Объяснительная записка къ уставу гражданскаго судопроизводства», стр. 67.

закона: *jugo povit curia* одинаково относится къ *jus scriptum* и *pop scriptum*. Словомъ, указаніе на обычай одною стороною, не обязываетъ ее къ доказыванію. Совсѣмъ иначе относительно простаго обыкновенія, которое должно быть доказано сторонами ¹⁾. Конечно, нельзя безусловно согласиться съ таковаго рода заключеніемъ, такъ какъ невозможно требовать отъ судьи, чтобы онъ зналъ всѣ мѣстные обычаи, въ особенности такіе, которые «общеизвѣстны» только въ одномъ какомъ нибудь селеніи; но тѣмъ не менѣе они должны быть примѣняемы мировыми судьями, если стороны ссылаются на нихъ и если существованіе ихъ будетъ доказано какими нибудь достовѣрными данными.

Наконецъ, послѣднее, самое важное условіе примѣненія обычаевъ мировыми судьями,—это требованіе, чтобы на данный случай не было «прямаго и точнаго закона». Но здѣсь мы встрѣчаемся съ довольно важнымъ затрудненіемъ, въ виду содержанія 9 ст. устава гражд. судопр., которая говоритъ, что всѣ судебныя установленія обязаны рѣшать дѣла по точному разуму дѣйствующихъ законовъ, а въ случаѣ ихъ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія, основывать рѣшеніе на общемъ смыслѣ законовъ. Такимъ образомъ, возбуждается вопросъ: чѣмъ же долженъ руководствоваться мировой судья при неимѣніи на данный случай прямаго и точнаго закона? общимъ ли смысломъ закона или обычаемъ? Разрѣшеніе этого вопроса весьма важно, такъ какъ разрѣшеніе его въ первомъ смыслѣ, т. е. въ пользу преимущественнаго предъ обычаемъ примѣненія общаго смысла законовъ, равносильно полному уничтоженію всякаго значенія юридическихъ обычаевъ, такъ какъ въ виду 10 ст., запрещающей откладывать дѣло подъ предлогомъ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія законовъ ²⁾, нѣтъ ни одного дѣла, которое бы не могло быть разрѣшено на основаніи общаго смысла законовъ. Здѣсь я долженъ, впрочемъ, сдѣлать одно замѣчаніе: рѣшеніе вопроса по общему смыслу законовъ представляетъ у насъ немаловажное затрудненіе, свойственное только нашему своду законовъ; именно, нашъ сводъ законовъ не является какимъ либо систематизированнымъ кодексомъ, построеннымъ на однѣхъ, строго опредѣленныхъ началахъ, а представляетъ изъ себя нестройное зданіе, основанное на самыхъ разнообразныхъ по идеѣ и времени принципахъ: тутъ вмѣстѣ съ

¹⁾ Цитовичъ. «Лекція по торговому праву», § 14, стр 91—92.

²⁾ «Сводъ законовъ». т. X, ч. II, ст. 10.

какъ и самъ законъ въ цѣломъ рядѣ статей дозволяетъ и общимъ судамъ принимать во вниманіе мѣстные обычаи при разрѣшеніи такихъ дѣлъ, которыя прямо не разрѣшаются закономъ, или къ которымъ въ самомъ законѣ дозволяется это примѣненіе ¹⁾). И въ самомъ дѣлѣ, было бы очень странно, если-бы законъ, дозволяя крестьянамъ въ порядкѣ наслѣдства, опеки и попечительства руководствоваться своими мѣстными обычаями, не призналъ законнымъ рѣшеніа, основаннаго на такихъ обычаяхъ. Предположимъ, напр., что сельское общество назначаетъ какое либо лицо опекуномъ малолѣтнихъ сиротъ при соблюденіи всѣхъ условій, требуемыхъ обычаями крестьянъ, и если затѣмъ дѣло возбуждѣно въ окружномъ судѣ, то неужели послѣдній не имѣетъ права не признать законность такого опекуна? Можно бы еще привести очень много случаевъ, въ которыхъ и общія судебныя мѣста должны принимать къ свѣдѣнію мѣстные крестьянскіе обычаи. Если я не ошибаюсь, то и въ засѣданіи юридическаго общества 15 марта возбуждался этотъ вопросъ, и между прочимъ, Пахманъ и Книримъ высказывались въ пользу обязанности примѣненія мѣстныхъ обычаевъ и общими судебными мѣстами.

Таковы тѣ условія, соблюденіе которыхъ необходимо для законности примѣненія мѣстныхъ обычаевъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ и нарушеніе которыхъ служить существеннымъ поводомъ касациа рѣшенія, основаннаго на такомъ примѣненіи къ дѣлу мѣстныхъ обычаевъ. Практика гражданскаго касационнаго департамента правительствующаго сената даетъ намъ нѣкоторые примѣры таковаго рода касациа; такъ, напр., ссылка суда на обычай въ такомъ дѣлѣ, которое разрѣшается положительнымъ законодательствомъ, составляетъ существенный поводъ къ касациа ²⁾). Впрочемъ ссылка на мѣстный обычай при разрѣшеніи случая, предусмотрѣннаго закономъ, не составляетъ повода къ касациа, если обычай вполнѣ совпадаетъ съ закономъ ¹⁾). Далѣе основаніе рѣшенія на обычай безъ указанія поводовъ къ примѣненію онаго составляетъ также поводъ къ касациа; именно, сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе мирового съѣзда на томъ основаніи, что изъ рѣшенія не видно, чтобы кто либо изъ

¹⁾ «Сводъ законовъ», т. X, ч. I, ст. 1539; «уставъ торговый» ст. 1408, 1714; «Положеніе о крестьянахъ», ст. 21, 38, 51, и 4—7; «польскій кодексъ Наполеона», ст. 1135, 1159, 1160 («Code Civil», ст. 1135, 1159, 1160), «Сводъ острѣвскихъ гражданскихъ законовъ», ст. 3097, 3098, 3100, 3101 и др.

²⁾ «Касационное рѣшеніе 1867 г.» № 117 по дѣлу Мягковой; Думашевскій—§ 1425, стр. 653—654.

тяжущихся сослался на обычай, и затѣмъ въ соображеніяхъ мирового съѣзда не объяснено, почему именно обычай принятъ имъ въ основаніе своего рѣшенія: потому ли, что примѣненіе этого обычая въ настоящемъ случаѣ дозволено закономъ, или потому, что нѣтъ закона, разрѣшающаго этотъ случай ²⁾). Но Сенатъ при отысканіи поводовъ къ касациі, мнѣ кажется, доходитъ иногда до излишней формальности; такъ, напр., одно указаніе въ соображеніяхъ къ рѣшенію на мѣстный обычай, при отсутствіи условій, установленныхъ 130 ст. устава гражданскаго судопроизводства, составляетъ поводъ къ касациі, хотя бы рѣшеніе было основано не на этомъ обычая, а на законѣ ³⁾). Это тѣмъ болѣе странно, что настоящее рѣшеніе сената находится въ рѣзкомъ противорѣчій со всѣми предыдущими его рѣшеніями, въ которыхъ онъ признавалъ, что ссылка съѣзда въ своихъ соображеніяхъ на существующій будто обычай, вопреки 130 ст. устава гражданскаго судопроизводства, не можетъ служить поводомъ къ касациі, если самое рѣшеніе основано на законѣ, а не на обычая ⁴⁾).

Теперь обратимся къ разрѣшенію другаго, болѣе труднаго вопроса: можетъ ли служить поводомъ къ касациі неправильное толкованіе и примѣненіе обычнаго права по самому существу? т. е. здѣсь будемъ имѣть въ виду уже не нарушеніе условій примѣненія обычаевъ, а неправильное установленіе и примѣненіе ихъ по самой сущности. Разумѣется, сенату весьма затруднительно слѣдить за примѣненіемъ обычаевъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, такъ какъ у насъ нѣтъ какихъ либо официальныхъ сборниковъ юридическихъ обычаевъ, а потому и примѣненіе ихъ требуетъ близкаго знакомства суда съ мѣстностью. Но во всякомъ случаѣ сенату, какъ высшей касационной инстанціи, должны быть извѣстны, какъ фактическій строй быта, такъ и важныя юридическія понятія, воплотившіяся въ этомъ строѣ. Я еще и раньше говорилъ, какимъ образомъ юридическія понятія, выработанныя самою жизнью, переходятъ въ законодательство страны: судъ долженъ служить главнымъ посредствующимъ между ними органомъ. И дѣйствительно, въ су-

¹⁾ «Касаціонное рѣшеніе 1870 г.», № 1185; Думашевскій—§ 1428.

²⁾ Тамъ же 1871 г., № 166; Думашевскій—§ 1427.

³⁾ Тамъ же 1870 г., № 777, то же 1871 г., № 771; Думашевскій § 1424.

⁴⁾ «Касаціонное рѣшеніе 1867 г.», №№ 21, 28 и 325; Думашевскій—§§ 1422 и 1423.

дебныхъ рѣшеніяхъ юридическіе обычаи получаютъ опредѣленный смыслъ и точную форму, которые и на будущее время всегда могутъ служить доказательствомъ существованія обычая. Такимъ образомъ и сенатъ имѣетъ возможность, по крайней мѣрѣ въ общемъ, познакомиться съ главными началами юридического быта народа. Но съ другой стороны и сенатъ не долженъ пользоваться своимъ правомъ въ ущербъ свободному развитію народной жизни и праву народнаго самоопредѣленія.

Если мы теперь обратимся къ толкованію, интерпретаціи закона, то придемъ къ тому же самому результату; по уставу гражданскаго судопроизводства существуетъ 3 главныхъ основанія для просьбы о касациі рѣшеній: 1) явное нарушеніе праваго смысла закона или неправильное его толкованіе; 2) нарушеніе обрядовъ и формъ судопроизводства, столь существенныхъ, что вслѣдствіе несоблюденія ихъ невозможно признать приговоръ въ силѣ судебного рѣшенія; 3) нарушеніе предѣловъ вѣдомства или власти, предоставленныхъ суду закономъ¹⁾. Два послѣдніе пункта не представляютъ никакого сомнѣнія въ ихъ толкованіи, затрудненіе представляетъ только толкованіе 1-го пункта, но и то только повидимому. Подъ словомъ «законъ» нельзя разумѣть только какой-либо буквы или статьи закона, такъ какъ подъ понятіемъ «закона» мы должны разумѣть всякую юридическую норму, входящую въ систему права страны; въ дѣйствительной гражданской жизни дѣйствуютъ не отдѣльныя статьи или буквы закона, а цѣлая система права; «многія начала права и процесса, часто самыя важныя для практики, не выражены въ законѣ со всею точностью и полнотою ихъ содержанія, а между тѣмъ въ системѣ права они дѣйствуютъ, составляютъ ея необходимыя логическіе элементы и должны считаться обязательными, какъ для судебныхъ мѣстъ, такъ и для гражданскаго быта вообще, поэтому нарушеніе ихъ можетъ служить поводомъ касациі»²⁾. Такимъ образомъ, подъ «закономъ» нужно разумѣть все законодательство страны, въ смыслѣ цѣлой логической системы права, а слѣдовательно и всѣ источники права, въ числѣ которыхъ обычное право занимаетъ довольно важное мѣсто, такъ что въ извѣстныхъ случаяхъ юридическіе обычаи являются въ замѣну закона, какъ-бы его сурогатомъ; потому обычное право и называется правомъ (законамъ) неписаннымъ—lex non

¹⁾ «Уставы гражданскаго судопроизводства», ст. 186 и 793.

²⁾ Малышевъ. «Курсъ гражданскаго судопроизводства», т. II § 116, стр 286.

scripta въ отличіе отъ закона, какъ права писаннаго (lex scripta). На основаніи этого, въ 1 пунктѣ 793 ст. устава гражданскаго судопроизводства подѣ «закономъ» нужно разумѣть, какъ законъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. постановленіе верховной государственной власти, утвержденное и обнародованное въ установленномъ порядкѣ, такъ и обычное право, какъ неписанный источникъ права (lex non scripta), а потому и неправильное по существу толкованіе и примѣненіе обычнаго права въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ должно также явиться однимъ изъ основаній для просьбы о касациі рѣшеній.

Остается еще мнѣ сказать нѣсколько словъ относительно вопроса, на чемъ же основывается обязательная сила обычнаго права? Обычное право главнымъ образомъ тѣмъ и отличается отъ закона, что оно не установлено государственною властью, но соблюдается фактически, являясь индуктивнымъ юридическимъ выводомъ изъ дѣйствительнаго строя гражданской жизни. Убѣжденіе соблюдающихъ его, что соблюдаемое ими есть право, и служить основаніемъ обязательной силы обычнаго права ¹⁾.

На первыхъ ступеняхъ общественной жизни, обычное право получаетъ исключительное значеніе; но чѣмъ болѣе развивается законодательство, тѣмъ болѣе и болѣе обычное право отодвигается на второй планъ и дѣлается дополнительнымъ источникомъ права. Въ римскомъ государствѣ, до Константина Великаго, обычное право имѣло такое громадное значеніе, что оно могло не только дополнять существующіе законы, но и отмѣнять ихъ на томъ основаніи, что обычное право является выраженіемъ той же воли народа, на которой основывается въ республиканскихъ государствахъ и обязательная сила законовъ ²⁾. Но со времени постановленія Константина Великаго, сила обычая уже не могла отмѣнять дѣйствія закона.

Въ новѣйшихъ законодательствахъ, въ томъ числѣ и въ нашемъ, не можетъ быть и рѣчи объ отмѣнѣ законовъ силою обычая, такъ какъ примѣненіе обычаевъ въ настоящее время допускается только въ случаяхъ прямого дозволенія на то закона. Если-же какой либо законъ будетъ противорѣчить насущнымъ требованіямъ общезитія, то общество, конечно, найдетъ

¹⁾ Windschnid, «Lehrbuch...» т. I, § 15, стр. 41.

²⁾ L 32, § 1. Dig. de leg. 1, 3, Iulian: «Quare rectissime etiam illud receptum est, ut leges non solum Suffragio legislatoris, sed etiam tacito consensu omnium per desuetudinem abrogentur». Windschnid, т. I, § 18, стр. 49.

пути къ обходамъ его, такъ что въ дѣйствительной жизни онъ можетъ обратиться въ мертвую букву. Но тѣмъ не менѣе, если бы зашелъ вопросъ о примѣненіи этого закона судомъ, послѣдній не можетъ примѣнить обычая, противнаго этому закону до тѣхъ поръ, пока законъ не будетъ отмѣненъ въ надлежащемъ законодательномъ порядкѣ ¹⁾). Подобное состояніе, впрочемъ, указываетъ на неотложную и насущную потребность въ измѣненіи подобнаго закона.

При обсужденіи организаціи новыхъ судебныхъ установле- ній, выборное начало, отвергнутое въ принципѣ, оставлено было для замѣщенія мировыхъ судей, чтобы такимъ образомъ сохра- нялась бѣльшая связь мирового судьи съ мѣстнымъ населеніемъ, такъ какъ 130 статья, возлагающая на мировыхъ судей обязан- ность въ извѣстныхъ случаяхъ примѣнять мѣстные обычаи, тре- буетъ, конечно, близкаго знакомства судьи съ мѣстностью. Но къ сожалѣнію, какъ я и раньше заявлялъ, 130 статья не по- лучила должнаго примѣненія въ жизни; а между тѣмъ она имѣетъ весьма важное значеніе, въ особенности для нашей пра- вовой жизни, такъ какъ наши законы очень часто не согласо- ваны съ самыми насущными требованіями общественной жизни. Поэтому мы и встрѣчаемся съ двумя совершенно различными областями права: правомъ официальнымъ и правомъ чисто народ- нымъ. Въ этомъ случаѣ мировые судьи, какъ судьи близко стоящіе къ народной жизни, а потому и знакомые съ неотложными ея нуждами, могли бы оказать большую услугу своему законода- тельству, такъ какъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ мно- гіе недостатки законовъ выказываются въ особенно рельефной формѣ. Именно, при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, мно- гія народныя начала, посредствомъ судебной практики, легко могутъ проникнуть въ законодательство, которое въ такомъ слу- чаѣ, опираясь на народныя воззрѣнія, въ глазахъ общества мо- жетъ получить бѣльшую силу и значеніе, а судъ, свято выпол- нившій такую обязанность, вполне будетъ стоять на высотѣ своего назначенія.

Игорь Тютрюмовъ.

¹⁾ «Основные законы», ст. 72 и др.

КНЯЖНА ВЛАДИМІРСКАЯ

или

ЗАЦѢПИНСКІЕ КАПИТАЛЫ ¹⁾.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Присказки.

«Не шуми ты, мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, добру молодцу, думу думати!»

Таеъ пѣлъ молодой, здоровенный дѣтина, кровь съ молокомъ, съ темными волосами и сѣрыми, свергающими глазами.

Онъ былъ одѣтъ въ какой-то смурый чепанъ съ стоячимъ воротникомъ, заплатанный и переплатанный до-нелзя, синюю крашениновую рубашку и такіе же портки. Онъ былъ босиеомъ и безъ шапки. Чепанъ былъ подпоясанъ широкимъ, потертымъ ремнемъ, за который былъ затенуть широкій, обоодно-острый, гайдамачный ножъ.

Дѣтина сидѣлъ на полусгнившемъ стволѣ, вывороченнаго

¹⁾ См. историческій романъ «Родъ князей Зацѣпныхъ», помѣщенный въ «Русской Рѣчи» за 1880 годъ.

бурею съ вороньимъ дуба, болталъ своими босыми, свѣсившимися ногами въ воздухъ и распѣвалъ во всю мочь своей широкой глотки.

Нивакой дубровушки передъ нимъ не было; никто не шумѣлъ и не мѣшалъ дѣтинѣ ни думать, ни распѣвать въ волю. Передъ нимъ разстилалась только степь безпредѣльная, съ своими перекасти-поле и ковыль-травой, и то почти выжженой лѣтними лучами солнца.

Ни деревцо, ни кустарникъ, ни прогалинка зелени не баловали глазъ. Была видна только ширь непроглядная, да даль невѣдомая, перерѣзанная стальною полоскою тихаго Дона. Виднѣлся еще, тамъ, вдали за рѣкою, на перекресткѣ дорогъ, уже начавшій чернѣть отъ времени деревянный крестъ, поставленный какою-то набожною рукою на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по рассказамъ, былъ перерѣзанъ цѣлый поѣздъ съ молодымъ бояриномъ, и зарыто, безъ особыхъ обрядовъ и священника, ровно десять христіанскихъ душъ. Кто былъ этотъ бояринъ, куда ѣхалъ онъ, окруженный своими челядинцами и приспѣшниками. вражда или жадность устроила ему засаду,—никто не зналъ. Сказывали только, что онъ былъ молодецъ, что онъ, какъ и всѣ съ нимъ зарѣзанные, были ограблены до нитки, только на его пальцѣ остался сѣтъ дорогой бриліантъ, который грабители или не замѣтили, или не успѣли, а можетъ быть и не захотѣли снять.

«Не мѣшай мнѣ думу думать!

оралъ во все горло дѣтина.

О чемъ поешь ты, добрый молодецъ, что запало въ твою головушку? О чемъ ты думаешь? Или скорбить и твое сердце людскою скорбію? Видишь ты на родной Руси неурядицу? Видишь, какъ люди отъ господъ бѣгутъ, а вдвое отъ поповъ прячутся; видишь, какъ богатый бѣднаго давить, а самъ передъ сильнымъ въ кольцо изгибается; видишь, какъ палка гуляетъ по правому и виноватому, а судья съ той и другой стороны приношеніе беретъ? «Будьте благонадежны,—говоритъ судья,—я свое дѣло знаю!» А въ чемъ благонадежными быть, въ чемъ его знанію вѣрить, судья не поясняетъ; но видно прямо, что онъ думаетъ:—будьте благонадежны: и того, и другаго, въ трубу выпущу!

Или думаешь ты, молодецъ: какое это зло рекрутчина? Страдаетъ же отъ этого зла русскій людъ, и какъ страдаетъ! Сына ли, брата ли, мужа ли отдашь, все равно, словно живаго схоронишь, и духу не услышишь, и самого не увидишь. А послѣ, гдѣ и похоронять, не узнаешь.

А пожалуй, можетъ кабаекъ и зелено вино клянешь? И отъ нихъ много зла на Руси. Вотъ хоть и ты: не даромъ же общипанъ и обгрызанъ, не даромъ съ твоими здоровыми руками тебѣ подняться не на что.

Нѣтъ, не думалъ нашъ дѣтина ни о скорби гражданской, ни о бѣглыхъ, ни о задавленныхъ; не думалъ ни о правыхъ ни о виноватыхъ, ни о судахъ лицепріятныхъ; ни о кабаекѣ, ни о рекрутчинѣ; думалъ онъ самъ о себѣ, да о своей судьбинѣ горькой: руки есть, да дѣла нѣтъ; а дѣло есть, такъ голова не въ пору! Какъ же быть-то? По-неволю распѣваешь, что батюшка-царь, а пожалуй и матушка-царица пожалуютъ хоромами высокими, двумя столбами съ перекладиной!

Но не допѣлъ онъ пѣсни, соскочилъ со ствола, на которомъ сидѣлъ, и затопалъ босыми ногами по высохшей землѣ.

— Эва дьявола, животъ какъ подводитъ! Жрать мочи нѣтъ какъ хочется! Шутка, третьи сутки маковой росинки во рту не было. Изопьешь водицы изъ роднаго братца Дона Ивановича, да и все тутъ! Самого такъ и сосеть. Ограбилъ бы кого, да будто на зло: и ворона не летитъ! Эхъ-ты, доля моя, безталанная! А ужъ ограблю, непременно ограблю; покажись только кто, будь хоть семи пядей во лбу! Говорятъ: за то добру молодцу хоромы высокіе будутъ! Когда-то еще будутъ? Летѣли кулики, да не долетѣли! А тутъ и безъ хоромъ поневолю чорту душу отдашь. Самъ бы себя съѣлъ, такъ ѣсть хочется. Вотъ такъ бы кажется и убилъ.

И дѣтина выхватилъ изъ-за пояса свой широкій ножъ, и ткнулъ имъ во всю свою силу въ полугнилое дерево, такъ что ножъ вошелъ въ него по самую рукоять, а какъ вынулъ—гниль посыпалась. Дѣтина набралъ горсть этой гнили, сунулъ въ ротъ и началъ жевать, только должно быть не понравилось.

— Фу гадость какая! сказалъ онъ и выплюнулъ изо-рта.— Эка жисть-то жисть моя несчастная! проговорилъ онъ.—Чего больше, кажется? На большую дорогу вышелъ, думалъ: была не была! Такъ не ѣдетъ никто!

Но въ это время на томъ берегу Дона, съ полунощной стороны, что-то зачернѣло вдаль. Дѣтина поднялъ ладонь надъ глазами и сталъ всматриваться. И точно, тамъ что-то двигалось, будто плыло, не то звѣрь, не то человѣкъ, что-то безформенное, сливающееся въ своихъ очертаніяхъ съ синевою воздуха.

Но вотъ это что-то приближалось, становилось яснѣе и яснѣе; стало видно, что это телѣга съ чѣмъ-то, на чемъ лежитъ человѣкъ.

Увидѣвъ челоуѣка, дѣтина припалъ къ землѣ и на брюхѣ поползъ въ Дону; тамъ, въ камышахъ, онъ нашелъ челночекъ и поплылъ по тихой струѣ.

«Ну, братъ, не убѣжишь, хоть ты тутъ что!» думалъ онъ, вылѣзая на другомъ берегу рѣки и опять ползя на брюхѣ къ заросшей уже бурьяномъ вымоинѣ, гдѣ и спрятался.

Въ телѣгѣ ѣхалъ размертвецки пьяный казакъ. Онъ везъ кулъ овса, да кулъ гречихи, и еще съ полкуля льнянаго сѣмени на продажу въ Дубовку, чтобы на вырученныя деньги купить горилки. Дома вся вышла, а онъ дочку за мужъ сговорилъ, такъ на утро сватовъ угостить нужно.

Но угощать ему сватовъ и праздновать свадьбу не удалось. Ввечеру, раздѣтый до гола, лежалъ онъ подъ крестомъ съ перерѣзаннымъ горломъ. Орелъ клевалъ ему глаза, а воронѣ сидѣло въ отдаленіи кругомъ, перелетая съ мѣста на мѣсто и каркая въ ожиданіи, что великій чиномъ пернатый, насытивъ свой аппетитъ, отлетитъ и дастъ имъ тоже насладиться остатками своего пиршества. А въ телѣгѣ казака, въ его свитѣ, шапкѣ и шароварахъ, везъ на базаръ продавать овесъ и гречу молодой дѣтина. Ѣхалъ онъ и подсмѣивался, уписывая за обѣ щеки, такъ что за ушами трещало, полкоровая хлѣба, который нашелъ въ телѣгѣ. Ълъ онъ хлѣбъ казака, а самъ бранилъ покойника за то, что снятыя съ него и напяленные на себя сапоги жали ему ноги.

Но ѣхать ему въ такомъ самоуслажденіи досталось недолго. Въ то время, какъ онъ особо расчувствовался, расхваливая мысленно себя за то, что такъ ловко и проворно обработалъ это дѣльце, не окровавивъ даже рукъ, изъ другой такой же промоины, въ какой прятался и онъ, когда завидѣлъ телѣгу стараго казака, высочилъ здоровенный ражій мужичина.

— Стой! сарынь на кичку! крикнулъ онъ и схватилъ лошадь подъ уздцы.

Но сегодня видно былъ день дѣтины. Лошадь убитаго казака не давала себя брать подъ уздцы. Она взмахнула головою, хотѣла было схватить зубами, но это ей не удалось, и она, поднявшись на дыбы, дала таковаго толчка передними колѣнками въ грудь схватившаго ее мужика, что тотъ отлетѣлъ шаговъ на десять и рухнулъ на землю какъ пень.

Между тѣмъ и дѣтина не зѣвалъ; высочивъ изъ телѣги съ своимъ широкимъ ножомъ, онъ живо насочилъ на мужика, который только приподнялся, еще едва опомнясь и оглядываясь.

Передъ нимъ былъ дѣтина, который, схвативъ его сильною рукою за плечо, не давалъ ему встать и занесъ уже надъ нимъ ножъ.

Мужикъ почувствовалъ, что борьба не равна, что ножъ черезъ мгновеніе будетъ у него между ребрами.

— Не трошь! спокойно сказалъ онъ, стараясь схватить ту руку дѣтины, въ которой былъ ножъ, чего дѣтина не допускалъ.— Не трошь, говорятъ! Воронъ ворону очей не выклюетъ! Пойдемъ лучше вмѣстѣ и ограбимъ попа! Я одинъ не смогу. Өомка работнигъ у него живетъ, силачъ страшный; а вмѣстѣ какънибудь осилимъ! Ты Өомку успокоишь, а остальныхъ я на себя беру... Денжищъ-то, денжищъ.. и все въ серебряныхъ рублевникахъ.. Да ну же, брось!

— Врешь, ты обманулишь хочешь! говорилъ дѣтина, не давая ему схватить своей руки и направляя ножъ прямо противъ сердца.

— Эво—на! Да что ты, невидаль что ли какая,—аль золото везешь?

— Золото не золото, а все же...

— А я те покажу, гдѣ точно золото.

— Побожись!

— Вотъ те крестъ! не лгу же, право!

Дѣтина опустилъ ножъ, но стоялъ въ оборонительной позѣ. Мужикъ всталъ.

— Да полно пѣтушиться-то! сказалъ онъ.— Говорятъ, вмѣстѣ попа ограбимъ!

Черезъ минуту дѣтина и мужикъ сидѣли на телѣгѣ рядомъ и говорили ладомъ. Дѣтина правилъ, а мужикъ дорогу показывалъ. Дѣло шло въ вечеру и лошаденка приставать начала; пора ей и отдыхъ дать.

Въ ту же ночь, въ небогатомъ приходѣ Ниволы Сухаго былъ зарѣзанъ священникъ, со всѣмъ семействомъ, состоящимъ вмѣстѣ съ дѣтьми изъ восьми душъ и съ работникомъ Өомкой. Домъ былъ ограбленъ до-чиста, даже рубашки съ убитыхъ были сняты. Лошади, коровы уведены, козы и овцы тутъ же прирѣзаны и увезены. Видно было, что распоряжались не торопясь, на свободѣ; платье, рясы, шубы, бѣлье все было увезено съ сундуками и ящиками. У священника всего много было; приходъ хоть и бѣдный, но женѣ, послѣ отца, много досталось. Ни сторожъ, никто изъ причетниковъ, ничего не слышали. Сторожъ съ похмѣлья проснулся на церковной паперти въ такое время, когда обѣдня уже отошла бы, если-бы священникъ съ

перерѣзаннымъ горломъ могъ ее служить, и то проснулся потому, что собравшійся къ дому священника народъ его растолкалъ. Оказалось, что два какіе-то проходимца еще съ вечера угощали сторожа вмѣстѣ съ Ѳомой въ кабакѣ, и что выпили они изъ кабака, зѣло выпивши. Сторожу ничего. Ѳомка же за угощеніе головою заплатилъ. А проходимцы? Ихъ и слѣдъ простылъ, хотя куда бы кажется имъ дѣваться тутъ, въ степи, когда съ колокольни версть почитай за сто кругомъ видно. А они съ обозомъ, да еще съ какимъ обозомъ-то! Воза три, а не то и четыре всякаго добра поповскаго навалили и увезли. Двухъ лошадей поповскихъ увели, да должно быть и свои были.

И точно, мужикъ забиралъ и наваливалъ всякій хламъ изъ поповскаго дома, не только на поповскихъ лошадей, но и на лошадь, взятую дѣтиной у убитаго казака. Валилъ онъ и сундуки, и перины, и самоваръ, и приколотыхъ куриць, и все, что на глаза попадалось.

— Что тутъ разбирать, дома разберемъ; а что ни есть, все лучше пустова мѣста! Торопиться же нечего. Тутъ, на селѣ, хоть домовъ-то и много кажется, а двухъ добрыхъ мужиковъ не наберется, чтобы насъ остановить; а изъ деревень-то пока еще узнаютъ, пока соберутся, мы ужъ далеко будемъ.

Пока все это снаряжалъ ражій мужикъ, дѣтина стоялъ, выпуча глаза, какъ угорѣлый. Не первый уже разъ ему было видѣть кровь. Старый казакъ, котораго онъ вчера убилъ, была третья христіанская душа на его совѣсти. Но все же онъ не видалъ ни крови столько, ни криковъ, ни страха. А теперь онъ самъ за всѣхъ намаялся. Пьянаго Ѳомку рѣзнуть по горлу ему ни почему было; не пожалѣлъ онъ и попа, когда товарищъ тоже его ножомъ въ бокъ хватилъ и оставилъ на полу истежать кровью, и попадю, которую тотъ по головѣ кистенемъ дернулъ, когда она выть начала; но какъ-то тоскливо стало у него на сердцѣ, когда мужикъ молодую дѣвку—поповну за косу съ постели стащилъ, и не сразу пришибъ, а приволокъ къ отцу, взялъ ножъ и какъ онцу зарѣзалъ; а дѣти въ то время кричали, вопили, плакали; потомъ когда онъ сталъ и съ ними распорядиться: груднаго ребенка головою о печку ударилъ, а подросткамъ пригрозилъ, чтобы молчали, и тѣ по его слову, разомъ смолкли, будто нѣмые.

— Страшно! страшно! сказалъ было дѣтина, когда одинъ изъ нихъ, при дошедшей до него очереди, проговорилъ:

— Я, дядинька, ничего... я такъ... я не плачу...

— Оставь! сказалъ было дѣтина, сжалившись.

— Что ты? Онъ всю деревню подыметъ! спокойно отвѣчалъ мужикъ и, схвативъ за волосы ребенка, наклонилъ къ себѣ и всадилъ ему ножъ между плечъ до самой грудной кости.

А тутъ съ печи слѣзла сѣдая старуха въ одной рубашкѣ; волосы космами сбились, костлявыя руки дрожать, губы у нея какъ-то на-косъ перевело, а глаза такъ и бѣгаютъ. Не кричитъ старуха, не плачетъ, а будто ухмыляется, будто на драку лѣзть хочетъ и сморщенные кулаки показываетъ.

— Всѣхъ убилъ, проклятый, прошамкала она, — всѣхъ? Ну и меня убей, убей! Проклятый!

— Не бойсь, не заставимъ просить! Вѣстимо, такую красавицу не упустимъ, черти давно на калачи ждуть! съ усмѣшкою отвѣчалъ мужикъ. — Только о тебя, каргу старую, ножа пачкать жалко. Тебѣ на роду написано отъ веревки умереть.

И онъ толкнулъ въ грудь старуху; та полетѣла, а онъ взявъ возжу, перехватилъ ею ноги старухи, перекинулъ возжу черезъ привальный брусъ палатей, проходящій поперегъ избы, и не говоря ни слова, вдернулъ ее къ потолку. Старуха захрипѣла, задрыгала ногами, замахала руками... но черезъ десять минутъ все было кончено и старуха висѣла, словно замерзлая, вытянувъ руки внизъ и высунувъ языкъ.

Дѣтину все это отуманило и онъ смотрѣлъ кругомъ мутными глазами, пока не увидалъ, что мужикъ досталъ изъ голубца штофъ водки и пирогъ. Онъ подошелъ, выпилъ водки, закусилъ и оправился.

Мужикъ въ это время сдвигалъ сундуки и звалъ его закладывать поповскихъ лошадей, затѣмъ вывелъ коровъ и сталъ прирѣзывать овецъ, козъ, куриць и гусей, пришибивъ кстати тутъ же и собаку.

— Куда-жь мы со всѣмъ этимъ? невольно спросилъ дѣтина. — Мы и пяти верстъ не успѣемъ уйти, какъ насъ словятъ.

— Не бойсь, не словятъ! А Арефьевна-то на что? Ты не знаешь Арефьевны? Барыня важная Амфиса Арефьевна, золото-старушка! Она насъ приголубитъ: напоитъ, накормитъ и въ банѣ выпаритъ, да и помирить, пожалуй! У нея дѣвка такая, чернавка, есть: сколько ни есть молодцовъ, всѣхъ угомонитъ, всѣхъ удовольствуетъ! А трудовое чтд, барыня все какъ есть на чистыя денежки купить.

— А съ обыскомъ не придуть къ ней?

— Къ ней-то? Не бойсь, не придуть. Она самому воеводѣ съ родни приходится, да и дѣла ладно ведетъ. Коли бы и пришли, то рази сегодня чтд, а на завтра ничего не найдутъ. За

ночь-то все спущено будетъ. Въ самый даже Бахмутъ свезутъ. Лови по задворкамъ! Что и говорить, барыня ловкая!

И точно. Верстахъ въ десяти отъ села Николая Сухаго хуторокъ таковой былъ, обнесенъ высокими тыномъ, какъ крѣпость. На хуторѣ жила старушка-барынька, Анфиса Арефьевна Плюшанова. Барыня, какъ говорилъ ражій мужикъ, важнѣющая, самому воеводѣ сродни и съ чиномъ немалымъ, чуть ли не капитаншей себя величала. Да такая была чистенькая, такая богомольная, что и сказать нельзя. Всегда бывало въ чистомъ чепчикѣ съ длинными лопастями, подвязанными подъ самый подбородокъ большимъ бантомъ, въ воричневомъ полупелкувомъ капотѣ и бѣломъ передникѣ, чтобы капотъ какъ не перепачкаться, и все бывало съ четками возится, да «Боже, очисти меня грѣшную!» твердить.

А какая она страннолюбивая была: кто хочетъ прѣзжай, всякому привѣтъ по душѣ, всякому угощеніе по силамъ. И какая была сердобольная: казакъ ли, мужикъ ли въ деньгахъ нуждаются и есть продать что, а до ближняго базара далеко везти, верстъ безъ малаго сотня, такъ и везти незачѣмъ, старушка все купить; что хочешь вези въ ней, мѣсто у нея всему найдется.

Хуторокъ у нея стоялъ въ балкѣ и не видно совсѣмъ, развѣ къ самому подъѣдешь; балка эта дубовымъ и еловымъ лѣсомъ заросла. Кажись тутъ только и былъ лѣсъ на всю ширину степи. Жила она крѣпко, все на запорѣ. На хуторѣ жило у нея четверо работниковъ, изъ крѣпостныхъ, да силачи такіе, что, кажись, и поповскому Оомѣ бы не уступили. А все сосѣди дивились, какъ это она живетъ въ такомъ глухомъ мѣстѣ и не ограбятъ никогда. Да вотъ, не грабили.

На этотъ-то хуторокъ и забрались молодой дѣтина съ своимъ новымъ товарищемъ еще до свѣта. Ихъ приняли, за столъ посадили, завтракомъ накормили, зелена вина поставили и баню затопить велѣли, куда дѣвка-чернавка ихъ свести должна была.

— Да что матушка, Анфиса Арефьевна, говорилъ мужикъ, низко кланаясь, какъ барыня къ нимъ вышла, — больно ужъ дешево давать изволите. Коровы эдакія здоровенныя, на поповское брюхо кормленныя, а вы только по два рублевика посулили. Слыхалъ ли кто: за корову 2 р., за овцу полтина, за гуся 10 к. Нонче, матушка, и воробья за 10 к. не купишь, вотъ что! А корова—два рубля? на рынкѣ вѣдь таковой коровы и за десять рублей не купишь! Сами посудите, совсѣмъ обидно!

— Не говори, не говори, Перфильчъ, отвѣчала барыня-

старушка,—больше не дамъ! Вези въ другое мѣсто, коли гдѣ дають выгоднѣе. А мнѣ куда теперь подь осень; кормы же нынче дорогіе, жизнь тяжелая... Охъ, грѣхи! Боже, очисти меня грѣшную! Да вѣдь и вамъ, чай, недорого досталось?

— Оно точно, что недорого, матушка; а все бы, кажись, прибавить нужно.

— Ни-ни, какъ хочешь. Боже, очисти меня грѣшную! Знаешь, я спорить не люблю и даю какъ есть, что можно. Хочешь— бери деньги, нѣтъ—не поминай лихомъ; вези, куда знаешь.

— Да куда я повезу, матушка, сами изволите знать?

— А это уже не мое дѣло. Наконецъ, самъ же ты подумай: я каждого изъ васъ пригрѣваю, охраняю; можетъ и сама за ваше-то дѣло въ отвѣтъ попаду. Нужно же, чтобы и мнѣ польза какая была.

— Такъ-то оно такъ, а все бы кажется...

— Ничего не кажется. Берешь, что ли?

— Да что съ тобою станешь дѣлать, барыня; бери, наживай деньги на здоровье, да насъ поминай добромъ!

И вотъ стали перебирать и оцѣнивать всѣ вещи. Барыня принесла деньги и выдавала ихъ по рублевику, вздыхая, перебирая четки и твердя молитву.

Дѣтина съ мужикомъ раздѣлили деньги по-ровну. Дѣтина хотѣлъ было заспорить, требуя, чтобы за его телѣгу, лошадь, овесъ и гречиху ему особо отсчитать; но внявъ резону, въ виду большаго прибѣтка, согласился на равный раздѣлъ. Какъ старая барыня не оттягивала, но все же, съ тѣми деньгами, которыя они нашли въ поповскомъ сундукѣ, у нихъ оказалось у каждого по восьмидесяти рублевикувъ серебромъ, да по два арабскихъ червонца,—лобанчики, какъ они ихъ звали. Такія деньги обоимъ имъ казались цѣлымъ богатствомъ; кромѣ того, оба были въ новой одеждѣ, взятой у барыни въ счетъ, чтобы нельзя было ихъ запримѣтить по той, въ которой они съ Оомкою и церковнымъ сторожемъ въ кабаѣ были.

— Ну вотъ, дѣтинушка-молочинушка, началъ говорить Перфильчъ:—дѣльцо мы съ тобою обдѣляли знатно, подѣлились братски, теперь съ тобою нужно рѣчь вести. Вотъ видишь, мы отдохнули, наѣлись, напились, въ банѣ выпарились и обою чернавки погрѣлись. Теперь нужно добрымъ молодцамъ и по домамъ разойтись; барыня же не любитъ, когда у нея долго безъ дѣла пробавляются. Такъ нужно тебѣ въ одинъ конецъ свѣта идти, а мнѣ въ другой, чтобы намъ другъ съ другомъ не встрѣчаться, другъ на друга не жаловаться. А коли вмѣстѣ

идти, такъ вмѣстѣ и работать. Коли выкупались мы съ тобою въ одной крови, такъ нужно братьями быть, крестами обмѣняться, другъ за друга стоять, другъ другу помогать. Тогда нужно между нами рѣшить, кому изъ насъ старшимъ, кому младшимъ братомъ быть. А для того, по стародавнему обычаю, по завѣту молодцовъ-разбойниковъ, нужно испытаніе сдѣлать, кто кому поклониться долженъ, кто кого долженъ слушаться.

— Какое-жъ такое испытаніе? спросилъ дѣтина.

— А вотъ, перво-на-перво, кто вотъ хоть эту ендову зелена вина хватить духомъ и не поперхнется?

— А ну-ка давай!

Дѣтина приложилъ ендову къ губамъ и началъ пить. Въ ендовѣ былъ безъ мала цѣлый штофъ.

Перфильчъ смотрѣлъ внимательно. Что онъ думалъ, Богъ его вѣдаетъ. Можетъ, рассчитывалъ: обопьется, малый, деньги мои будутъ.

Но дѣтина ужъ опровинулъ ендову, обтеръ рукавомъ губы и только крякнулъ. Видно было, что вино ему нипочемъ.

— Теперь ты? сказалъ онъ.

— Здоровъ ты, царя, пить, отвѣчалъ Перфильчъ, наливая въ ендову вино. Онъ попробовалъ выпить, но не допилъ и до половины.—Твоя взяла, въ этомъ и спорить нечего! сказалъ онъ.—Идемъ теперь на Донъ, кто кого переплыветъ?

И пловцомъ дѣтина оказался искуснѣе, хотя и Перфильчъ хорошій пловецъ былъ.

— Ну, теперь кто поборетъ кого въ честной борьбѣ, рука въ руку, крестъ въ крестъ; кто кого свалитъ, тотъ и будетъ старшій братъ.

— Ну, братъ, тутъ боюсь съ тобой проруху дать! сказалъ дѣтина.—Однако, была не была, пойдемъ бороться. Кто же только судьей будетъ?

— Да кому быть-то, какъ не старой барынѣ. Она любитъ смотрѣть, какъ борются, и всегда справедливо рѣшить, а за рѣшеніе пять рублей взмещетъ.

И точно, Амфиса Арефьевна любила смотрѣть мужскую борьбу. Съ молоду-ли избаловала она свое воображеніе представленіемъ мужскихъ атлетическихъ формъ, напряженныхъ мускуловъ, пылающихъ взглядовъ и порывистаго, мужскаго, сильнаго дыханія, или подъ старость полюбила, чувствуя, что все это уже не для нея, что изъ-за нея никто не станетъ бороться, такъ она хоть взглянетъ на борьбу,—только, твердя молитву и перебирая четки, она никогда не отказывалась быть свидѣтель-

ницею и судьбою борьбы. Съ удовольствіемъ садилась она всегда на крылечко своего хуторка въ то время, какъ борцы, безъ рубашекъ и босые, въ однихъ порткахъ, становились другъ противъ друга и готовились начать взаимную ломку.

Она всегда наблюдала, чтобы они встали другъ противъ друга правильно, чтобы каждый свою правую руку положилъ на лѣвое плечо противника, а лѣвою—взялъ подъ его правую мышку, выставляя каждый правую ногу впередъ; потомъ, чтобы по русскому обычаю поцѣловались, въ залогъ, что боронье, именно боронье, а не борьба, не драка будетъ, безъ злобы и сердца. Установивъ такъ борцовъ, она проговаривала свою обыкновенную молитву, давала знакъ троекратнымъ хлопаньемъ въ ладоши, и затѣмъ уже страстно слѣдила за всѣми движеніями борцовъ. Послѣ борьбы она собственноручно подносила чарку домашней вишневки побѣдителю.

Въ такомъ видѣ расположились и наши борцы. Амфиса Арефьевна сидѣла уже на крылечкѣ, заставила ихъ поцѣловаться и ударила въ ладоши. Борцы понатужились. По второму удару борцы тѣсно прижались одинъ къ другому, а по третьему началась борьба.

Перфиличъ думалъ было разомъ сломать дѣтину, наваливаясь всею тяжестью и надламывая ему спину, но дѣтина выдержалъ; однако, сломить противника и ему не удалось. Перфиличъ попробовалъ было приподнять его и бросить, но чуть самъ не полетѣлъ. Однакожь онъ скоро оправился и хотѣлъ повернуть дѣтину, но дѣтина самъ повернулъ его и опять налегъ. Ни тотъ, ни другой не поддавались.

Амфиса Арефьевна невольно обратила вниманіе на красоту формъ молодого дѣтины. Съ какимъ-то лихорадочнымъ чувствомъ она смотрѣла на эту упругость мускуловъ, свѣжесть блѣдно-розовой кожи и рѣзко очерченныя линіи мышцъ. Невольно стала она желать ему побѣды надъ этими сильными, покрытыми черными волосами руками, широкою и также мохнатою грудью Перфилича. Въ это время дѣтина, выдвинувъ впередъ ногу, уперся въ колѣно Перфилича своимъ колѣномъ, стараясь нагнуть его въ другую сторону. Перфиличъ тоже уперся, стараясь его пересилить. Тогда дѣтина неожиданно ударилъ колѣномъ въ поджилку той ноги, на которую Перфиличъ упирался и толкнулъ его въ другую сторону, черезъ свою ногу. Перфиличъ полетѣлъ кубаремъ.

— Нечисто! нечисто! заревѣлъ Перфиличъ,—черезъ ногу не слѣдъ!

Амфиса Арефьевна хотя и видѣла, что Перфильчъ правъ, но молчала. Впрочемъ, дѣтина не спорилъ, а разгорячившись самъ потребовалъ возобновленія борьбы.

Когда они вновь начали, то дѣтина, оживленный впечатлѣнiемъ побѣды, такъ крѣпко стиснулъ Перфильча въ своихъ рукахъ, такъ сдавилъ на своей груди, что тотъ, сломленный въ концѣ, долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ, испытать такимъ образомъ поражение и въ силѣ, и въ ловкости.

Амфиса Арефьевна поднесла побѣдителю до краевъ налитый стаканъ вишневи.

Дѣтина выпилъ залпомъ.

— Ну, твоя взяла, такъ твоя! сказалъ хмуро Перфильчъ. — Кланяюсь старшему брату. Дозволь узнать, какъ величать?

— Топкой! отвѣчалъ дѣтина, охорашиваясь и видимо довольный.

— Топкой! Да что это за имя Топка?

— Не имя, а прозвище; попъ на крестинахъ Сидоромъ прозвалъ!

— А по батюшкѣ?

— А по батюшкѣ, Богъ его знаетъ, кто у меня батька-то былъ. Надо думать—Иванъ!

— Ну, кланяюсь тебѣ батюшка, старшій братъ, Сидоръ Ивановичъ, по прозвищу Топка. Просимъ учить уму-разуму, а я твой вѣчный послушникъ, младшій братъ. Не соизволишь ли крестами обмѣняться и расцѣловаться по-братски, дескать въ любовь и милость принимаешь!

И обнялись, и поцѣловались двое новыхъ братьевъ, и крестами обмѣнялись, чтобы идти по Божьему свѣту рука въ руку, душа въ душу; только не на добро заручились они, не на помощь и любовь, а на разбой и душегубство...

Помѣщикъ Пензенской провинціи, Култухановъ, обладалъ чрезвычайно воинственными стремленіями. Правда, въ дѣлѣ съ неприятелями онъ не былъ. Въ то время, какъ Минихъ велъ русскую армію къ Хотину и подъ Ставучаны, онъ заправлялъ какимъ-то интендантскимъ обозомъ, который, подъ главнымъ наблюденіемъ Никиты Юрьевича Трубецкаго, снаряжался не жалѣя ни своихъ, ни чужихъ. Но это не мѣшало ему говорить о подвигахъ русской арміи въ Турціи и приписывать, между прочимъ, и себѣ славу побѣды.

Но если не удалось отличиться Култуханову на поприщѣ

военной славы, то, получивъ отставку и поселившись въ своемъ, благопріобрѣтенномъ продолжительною службою по комисариатскому вѣдомству, имѣніи, онъ вполне отличился военными дѣйствіями на своей конюшнѣ. Ужь это точно что были военные дѣйствія. Каждый день, не позже восьми часовъ утра, зимою и лѣтомъ, Култухановъ отправлялся на конюшню. Тамъ уже ждало его человѣкъ отъ 15 до 20 крестьянъ и дворовыхъ, разнаго пола и возраста, предназначенныхъ для сегодняшней экзекуціи; а также человѣкъ шесть-семь псарей и конюховъ, долженствовавшихъ производить таковую экзекуцію, но вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко попадавшихъ сами подъ оную, за недостатокъ усердія и мирвольство, такъ что отецъ дьяконъ, поступившій въ село Колтухановку изъ семинарскаго класса риторики, любилъ подсмѣиваться, завѣряя ихъ, что они нерѣдко изъ глаголовъ дѣйствительныхъ, обращаются въ страдательные.

И какъ хорошо приспособлена была конюшня Семена Темрюковича Култуханова ко всевозможнымъ операціямъ экзекуціи; что вапъ Ушаковский застѣновъ. Правда, тутъ не было дыбы, красовалась только кобыла, за то орудій истязанія на этой кобылѣ было вдоволь: и ремни, и плети, и жилы воловьи, а роговъ—сколько душѣ угодно. Стоялъ тутъ и чанъ съ соленою водицею, чтобы рогамъ эрфиксу придавать. Завелъ было Семень Темрюковичъ для той же цѣли и шайку съ водкою; да учрежденіе это не пошло, такъ какъ три раза уже случилось, что чьимъ-то прошеніемъ и щучьимъ велѣніемъ на другой день послѣ того, какъ водка была налита, она обращалась въ простую воду, не смотря на то, что всякій разъ, послѣ такого чуда, Семень Темрюковичъ считалъ долгомъ отпороть всѣхъ своихъ конюховъ и кучеровъ, какъ долженствовавшихъ быть такого чуда непосредственными свидѣтелями и могущихъ потому его остановить.

Вотъ еще едва разсвѣтать стало, а коротенькій, на толстыхъ, коренастыхъ ножкахъ, Семень Темрюковичъ идетъ на конюшню въ сопровожденіи своего прикащика Дементьича и взявъ съ собой не очень толстую, но плотно сплетенную и съ вилетною пулькою въ концѣ, казанскую нагайку. Идетъ онъ и весело съ Дементьичемъ разговариваетъ, даже барски подшучиваетъ. Смуглое широкое лицо его, съ выдающимися скулами, полно добродушія; узенькіе, черные, прорѣзанные будто на косъ, глазенки такъ и бѣгаютъ, такъ и смѣются. Онъ думаетъ: «какъ же я отжарю Фильбу, будетъ помнить! Отподчую потомъ Елѣма, да и Степанидѣ

спуску не дамъ. Увидимъ, увидимъ, какъ опаздывать будутъ! Канальи! мерзавцы! всѣхъ бы ихъ каждый день пороть нужно!» Придетъ, поздоровается привѣтливо, коли зима, свинеть шубу не торопясь, и тогда начинается свои военныя дѣйствія. Семень Темрюковичъ былъ богатъ, не даромъ по интендантской части долго служилъ; воевать потому ему было съ гѣмъ.

Ну а какъ начнутся дѣйствія, то и точно, отдеретъ онъ и Фильку, отподчуетъ и Екима, и Степаниду, да къ нимъ прихватитъ и Семена, и Андрея, и Филимона, и Анисью, и еще Богъ знаетъ кого. Кричить, горячиться, бьетъ изъ своихъ рукъ нагайкою и тѣхъ, кого сѣкутъ, и тѣхъ, кто сѣчетъ; наконецъ, кончить и уйдетъ въ себѣ успокоенный и довольный, особливо если видить, что двоихъ-троихъ водою отливаютъ. Съ удовольствиемъ пьетъ онъ тогда водку и ѣстъ пряженцы, а иногда и чайкомъ побаловать себя велитъ, а за чаемъ рассказываетъ своей Матренѣ Даниловнѣ анекдоты, случившіеся при экзекуціи.

И странное дѣло, характеръ ли ужъ такой у него былъ, или ужъ вообще человѣкъ такъ созданъ хищнымъ звѣремъ, что чѣмъ больше видить крови, тѣмъ больше озлобляется, только Семень Темрюковичъ, чѣмъ больше сѣкъ человѣка, чѣмъ больше видѣлъ въ немъ страданія и слабости, тѣмъ становился жестче. Голосъ его дѣлался визгливѣе, рѣзче; нагайка изъ его рукъ свистала въ воздухѣ чаще; онъ начиналъ бѣситься, кричать, подпрыгивать, иногда даже злобно гоготать и подсмѣиваться, особливо когда видѣлъ, что человѣкъ уже замираетъ подъ наказаніемъ. Вотъ и теперь, онъ кричитъ и реветъ что есть мочи, отдуваясь и пыхтя, на одного парня, привязаннаго къ кобылѣ, котораго сѣчетъ уже другая пара псарей.

— Ты у меня скажешь, все скажешь! Я развяжу язьготъ! Я выбью! кричалъ онъ, подпрыгивая и подсакивая на своихъ толстоватыхъ ногахъ и прибавляя къ ударамъ сѣкущихъ собственноручные удары своей нагайки.— Отвѣчай, говорю! А, ты не хочешь! Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ!

И удары сыпались на бѣднаго парня, у котораго язьготъ ужъ начиналъ заминаться и который отъ слабости уже переставалъ кричать.

— Помочите-ка розги въ соленой водичѣ!

Наказываемый испустилъ вновь протяжный, отчаянный стонъ.

— Ну говори, говори, кого ты видѣлъ, скажи! Дай ему

отдохнуть, пусть говорить! А! Ты молчишь Ну-ка подсынь, горячѣй подсынь!

И несчастнаго били на смерть.

Видя, наконецъ, что уже ни розги, ни плети, ни его нагайки не дѣйствуютъ, что наказываемый лежитъ уже на кобылѣ какъ безчувственный пласть, а спина отъ шеи до колѣнъ представляетъ одну синебагровую рану, Семень Темрюковичъ велѣлъ снять его съ кобылы.

— Пусть отдохнетъ! сказалъ онъ. -- Да ты не думай, что этимъ отдѣлаешься; нѣтъ, братъ, погоди! Нѣтъ, у меня не прикинешься! Я добьюсь своего! У меня... Давай сюда Луку Васильева!

Бъ барину подвелъ мужика съ умнымъ взглядомъ, длинною съ просѣдою бородою и пронизательными глазами.

— Ну, говори ты, кто и куда ѣздилъ у тебя ночью на буланомъ?

— Да помилуйте, сударь, почему же я могу знать? Вечоръ я самъ приходилъ задавать ему овса; при мнѣ его Парфенъ вычистилъ, при мнѣ напоилъ, поставилъ въ стойло. Я самъ конюшню заперъ, ключъ на мѣсто повѣсилъ и пошелъ къ вашей милости. Кто-же могъ ѣздить?

— А ключъ куда повѣсилъ? говори, гдѣ былъ ключъ?

— Блючъ, сударь, у меня всегда въ свѣтелкѣ на закладникѣ. Тамъ всѣ ключи по порядку, какъ вы приказываете, развѣшены. Свѣтелка всегда заперта бываетъ.

Тотъ, кого теперь допрашивалъ Култухановъ, былъ главный конюхъ его лошадинаго завода.

— И ты самъ былъ въ свѣтелкѣ? самъ повѣсилъ ключъ и самъ заперъ свѣтелку?

— Нѣтъ не самъ, сударь! Пришелъ я изъ конюшни очень устамши и проголодавшись,—все съ лошадьми возился, а ваша милость меня требовали, такъ ключъ на мѣсто велѣлъ Паранькѣ, дочкѣ, повѣсить, свѣтелку запереть и ключъ мнѣ принести. Она такъ и сдѣлала.

— А! Гдѣ Паранька? Давай сюда Параньку! кричалъ Култухановъ. Но Параньки не было. Два псаря бросились за ней.

— Она, сударь, знаетъ порядокъ, началъ было говорить конюхъ, видимо желая выручить оговоренную дочь,—и исполнила все, какъ оно слѣдуетъ, и ключъ мнѣ принесла.

— Молчи, пока живъ, когда не спрашиваютъ! окрикнулъ его Култухановъ и ударилъ конюха ногойкою по лицу. У того

изъ рта и изъ носа показалась кровь; но онъ стоялъ, не смѣя даже дать замѣтить барину, что это его беспокоитъ.

Въ это время привели Параньку, дѣвчонку лѣтъ шестнадцати, чистенькую и довольно смазливенькую, одѣтую въ синій сарафанъ и съ пунцовой лентой, вилетенной въ длинную, русую косу.

— Говори, кому ты вчера отдала ключъ отъ буланова? спросилъ разсвирѣпѣвшій баринъ;—говори, кому?

Дѣвка не успѣла собраться съ духомъ, не вдругъ поняла о чемъ ее спрашиваютъ и молчала.

— А и ты молчишь! Одно воровское отродье? Ладно! Я заставлю говорить! Растагивай ее!

Въ ту же минуту дѣвушку растагнули на кобылѣ, просунули руки въ дырѣя верхняго бруса и прихватили ихъ ремнемъ; сарафанъ и рубашку подняли на шею, хотя въ конюшнѣ было вѣрно человѣкъ двадцать мужиковъ; босмя ноги привязали внизу.

Дѣвка завyla благимъ матомъ, хотя наказаніе еще не начиналось.

— Чего реवेशь, когда не бьютъ? закричалъ Култухановъ,—молчи!

Дѣвка выла безъ памяти.

— Замолчи, Паранька, началъ было говорить отецъ,—вишь баринъ...

— Молчи самъ, когда не спрашиваютъ! крикнулъ Култухановъ и ударилъ опять конюха ногойкою по головѣ. Ударъ пришелся несчастливо, пулькою въ самый високъ. Конюхъ упалъ безъ памяти, обливаясь кровью. Но это не остановило Култуханова.—Кому, говори, отдала ключъ? спрашивалъ онъ у растагнутой Параньки, въ то время какъ псаи приготавливали розги.

— Ой, батюшки! ой, смерть! кричала Паранька.—Парфену отдала, кормильцы мои, Парфену.

— А, Парфену? А не запирала въ свѣтелку? Вотъ оно! Брось ее, подними! Давай сюда опять Парфена!

Параньку сняли съ кобылы, не наказывая.

Дѣло въ томъ, что Култуханову не спалось ночью, и ему, часу въ пятомъ утра, пришло въ голову посмотрѣть на любимого своего буланого жеребца. Онъ пошелъ въ конюшню, которая на ночь запиралась. Култухановъ отперъ ее своимъ ключемъ и нашелъ буланова всего взмыленнымъ и стоявшимъ на привязи. Видно было явно, что на немъ ночью ѣздили и сейчасъ только воротились.

Сейчасъ за бокъ Парфена, конюха собственно при его буланомъ конѣ.

— Говори, кто ѣздилъ?

Тотъ божится влянется, что никто, что конюшня была заперта, а ключъ у главнаго конюха, Луки. Какъ его ни пороли, онъ больше не сказалъ ничего.

Потребовали Луку. Тотъ признался, что повѣсилъ ключъ на мѣсто не самъ, а отдалъ дочери; а та призналась, что она ключа отъ конюшни не запирала въ свѣтелку, какъ велѣлъ ей отецъ, а отдала Парфену.

Парфена передъ тѣмъ только бросили за-мертво. Но для Култуханова и это было не препятствіе.

— А, Парфену! давай сюда Парфена! давай! можно сказать визжалъ Семенъ Темрюковичъ.

Но такова живучесть человѣка, такова сила чувствъ его самосохраненія. Когда обратились къ мѣсту, куда бросили Парфена, его уже тамъ не было. Онъ исчезъ.

Семенъ Темрюковичъ взбѣсился страшно.

— Бѣги, лови! лови! кричалъ онъ. — Скорѣй, живо! Отыскать, поймать! Живо! Засѣку, всѣхъ засѣку, коли упустите! вопилъ онъ, раздавая направо и налево удары ногойкою.

Люди бросились со всѣхъ ногъ.

Но что же? Выйдя изъ конюшни, они увидѣли, что Парфень, въ концѣ поля, за рѣчкою, удираетъ во всѣ лопатки на буланомъ жеребцѣ.

Бѣшенству Степана Темрюковича, когда ему это сказали, не было предѣла.

— Лови! тащи! Дуй въ мою голову! кричалъ Култухановъ, выходя изъ конюшни. — Бери лошадей! Скачи, бей смертнымъ боемъ! Живаго или мертваго подавай! вопилъ онъ безъ памяти. — Не то всѣхъ засѣку, на поселеніе пошлю, на каторгу! Онъ задыхался.

Всѣ побѣжали, разсыпались, захватили лошадей и полетѣли во весь духъ.

— А ты что стоишь? Лови, бѣги! Иначе смотри, живой изъ-подъ плетей не встанешь! закричалъ Семенъ Темрюковичъ, поднимая ногойку на приващика Дементьича, выпедшаго за нимъ изъ конюшни.

Бросился бѣжать и тотъ. Онъ тоже вывелъ лошадь и по-скакалъ.

Въ конюшнѣ остались только притаившаяся Паранька, да истекающій кровью ея отецъ.

Семень Темрюковичъ ходилъ передъ конюшнею и ждалъ. Онъ обдумывалъ: какою бы пыткою помучительнѣе уморить Парфена. «Вотъ только, пусть только...»

Но онъ ждалъ напрасно до ночи; этого «только» не было. Ни Парфенъ, ни псаря и никто изъ бывшихъ на конюшнѣ, даже Дементьичъ, не воротились. Всѣ до одного бѣжали. Лука Васильевъ тутъ же при немъ Богу душу отдалъ, а Параньку Бултухановъ засѣкъ до смерти уже на третій день.

Какъ имъ было не пропасть:

Не мѣшай мнѣ думу думать.

— Сказать нечего, хорошо, очень хорошо! что вблизи пойдешь, что издали смотришь! Ишь палата какая, смотришь любо! И глянька, глянь:—звона на крышу-то болваны какіе поставлены! Думаешь маленькіе, анъ вдвое больше противъ тебя будутъ! Въ избу и не вошли бы!

— Эка пара, какъ все это у нихъ согласно вышло. Домъ кажись бы съ виду-то и не очень большой, въ одинъ обхватъ все видишь; а глядишь, кажинное окошко больше твоихъ воротъ выходитъ.

— На то архіатура; все въ расчетъ, да въ мѣру дѣлается; все по чертежу! А вонъ видишь тамъ, подъ позолоту готовятъ! Тамъ будетъ церковь; сверху-то крестъ поставятъ. Какъ есть царское жилище!

— Въ окошки-то глядѣть, да какъ оно свѣчки-то тамъ зажжены,—больно красиво выходитъ! Видишь золото-то и изъ-подъ свѣчей, и по сторонамъ вездѣ, такъ и сіяетъ! И какіе размалеванные убрусы со всѣхъ сторонъ въ глаза выдаются! Видишь, все какъ жаръ горить!

— Что и говорить: мраморъ, одно слово мраморъ,

— Хоть сутки кажись пожилъ бы тамъ!

— Да, хорошо бы тамъ пожить!

Такимъ образомъ разсуждали между собою двое рабочихъ, одинъ ярославецъ, жившій въ Петербургѣ уже года три, а другой попехонецъ, недавно прибывшій, любуясь на новый зимній дворецъ, блистательно освѣщенный по случаю празднованія заключенія мира съ Прусіей въ 1762 году.

Во дворцѣ происходилъ парадный обѣдъ на тысячу кувертовъ. За царскимъ столомъ, на одномъ концѣ котораго сидѣлъ императоръ, государь Петръ Θεодоровичъ, а подлѣ него съ обѣихъ сторонъ двое посланниковъ прускаго короля Фрид-

риха II, генераль. Шверинъ и адъютантъ короля, его любимецъ, полковникъ и камергеръ баронъ Гольцъ. Подлѣ Гольца сидѣла графиня Елисавета Романовна Воронцова, «Романовна», какъ большею частью называлъ ее императоръ, безпрерывно обращаясь къ ней въ разговорѣ. Подлѣ Шверина сидѣли принцы голстинскіе, дядя государя и его двоюродный братъ; подлѣ нихъ фельдмаршалы: Минихъ, Трубедкой и Шуваловъ, Александръ Ивановичъ. Петръ Ивановичъ вскорѣ послѣ смерти государыни скончался, а новому фельдцейхмейстеру генералу Вильбоа было предложено обѣдать за своимъ артилерійскимъ столомъ. Подлѣ графини Елисаветы Романовны сидѣлъ гетманъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, его жена Катерина Ивановна, урожденная Нарышкина и канцлеръ графъ Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ; подлѣ него его братъ сенаторъ, генераль-аншефъ, отецъ Елисаветы Романовны, графъ Романъ Ларіоновичъ, затѣмъ княгиня Волконская и сенаторъ Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, а за ними другіе гости высшихъ чиновъ. Императрица сидѣла на другомъ концѣ стола; подлѣ нея сидѣла ея гофмейстерша графиня Елисавета Осиповна Чернышева, урожденная графиня Ефимовская, двоюродная племянница покойной императрицы Елисаветы, слѣдовательно приходившаяся императору троюродною сестрою; а подлѣ графини Чернышевой, княгиня Екатерина Романовна Дашева. Съ другой стороны государыни сидѣлъ великій князь Павелъ Петровичъ съ своимъ воспитателемъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ; далѣ генераль-прокуроръ сената генераль критсъ-комисаръ Александръ Ивановичъ Глѣбовъ.

За стульями высочайшихъ особъ служили оберъ-камергеръ и камергеры, распорядился оберъ-гофмейстеръ и гофмейстеры. За стульями фельдмаршаловъ стояли ихъ такъ называемые тогда генеральсь-адъютанты, т. е. адъютанты генераль-аншефовъ и фельдмаршаловъ, числившіеся въ чинахъ капитанъ-поручиковъ и капитановъ; въ комнатѣ кромѣ того кругомъ стояло множество придворныхъ, офицеровъ, частью находившихся тутъ по службѣ, частью же пришедшихъ отъ другихъ столовъ изъ любопытства взглянуть на обѣдающую царскую фамилію.

Музыка гремяла во всѣхъ залахъ, звонъ стакановъ оживлялъ разговоръ. Произносимые императоромъ тосты: «за вѣчный миръ и дружбу, за здоровье прускаго короля, за здоровье и побѣды русской и пруской армій!» сопровождались салютомъ всѣхъ орудій Петропавловской крѣпости.

Столъ былъ убранъ цвѣтами и эмблемами мира. На концахъ стола были поставлены громадна изъ конфитюръ,

какъ говорили тогда, пирамиды, съ стоявшими на нихъ огромными амурами изъ леденца, которые держали въ рукахъ вѣнки, свиты изъ живыхъ лавровъ и миртовъ, какъ-бы подавая ихъ государю и государынѣ. Ввечеру во дворцѣ назначенъ былъ балъ и на Невѣ фейерверкъ; въ городѣ зажигали иллюминацію.

Государь былъ веселъ. Онъ шутилъ съ Гольцомъ и Шверинимъ, нерѣдко задѣвая гетмана Тазумовскаго, надъ которымъ любилъ подшучивать; часто обращался онъ и къ своему дядѣ, герцогу голштинскому, и къ канцлеру Воронцову, непрерывно вмѣшивая въ разговоръ и свою Романовну. Онъ особенно смѣялся, рассказывая, какъ вытянулась фізіономія графа Кауница въ Вѣнѣ, когда Лапчинскій объявилъ ему, что русской арміи велѣно отдѣлиться отъ австрійской. Нерѣдко обращался онъ къ стоявшимъ сзади его любимцамъ Унгернъ Штернбергу и Гудовичу, а иногда и къ стоявшимъ позади ихъ голштинскимъ офицерамъ. Вдругъ онъ всталъ, приподнял свой бокалъ и объявилъ:

— Здоровье русской императорской фамиліи.

Дружное ура, залпъ изъ орудій, музыкальный тушъ во всѣхъ залахъ, покрыли голосъ императора. Всѣ встали и выпили свои бокалы при общихъ восклицаніяхъ, поздравленіяхъ и громѣ. Салютъ продолжался.

Императрица молча тоже осушила свой бокалъ, но не вставала.

Петръ взглянулъ на нее гнѣвно и обратился къ Гудовичу.

— Пойди, Гудовичъ, спроси у нея, по какому поводу она не хотѣла встать, когда пили здоровье русской императорской фамиліи?

Гудовичу, какъ ни неприятно было это порученіе, пришлось его исполнить.

Екатеринѣ показался оскорбителенъ вопросъ, но она сдержанно и съ своей обыкновенною привѣтливою улыбкою отвѣчала:

— Русская императорская фамилія состоитъ изъ трехъ особъ: моего мужа и друга—императора, меня и моего сына. Доложите это его величеству, графъ, и спросите: въ честь кого ему угодно, чтобы я вставала, когда будутъ пить наше здоровье?

Гудовичъ подошелъ къ государю и передалъ отвѣтъ.

Петръ вспыхнулъ.

— Пойди, скажи ей, что она..... Тутъ Петръ сказалъ слово, принадлежащее теперь исторіи, но котораго нельзя напечатать. Напрасно нѣкоторые изъ современниковъ, записывавшихъ это

происшествіе, старались смягчить выраженіе государя. Оно было дѣйствительно глубоко оскорбительно и принадлежало къ числу тѣхъ чисто русскихъ бранныхъ словъ, которыми народъ одинаково честить и животное, и женщину.

— Скажи ей, продолжалъ порывисто Петръ III, — что она должна знать, что двое моихъ дядей, герцоги голстинскіе, тоже принадлежать къ русской императорской фамиліи! Слышишь! скажи ей это! Да, такъ и скажи!... Но понимая, что Гудовичъ, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ передать государынѣ его, уже слишкомъ рѣзкія слова, Петръ нарочно громко повторилъ ихъ, такъ что они раздались на весь столъ.

Все разомъ, будто волшебствомъ, смолкло.

У императрицы сперва удивленно раскрылись глаза, когда, въ словахъ мужа, она услышала площадную брань. Она не вдругъ сонала, что это такое. Но, черезъ мгновеніе, когда сознаніе успѣло охватить весь смыслъ униженія и позора, брошенныхъ въ нее, въ виду, можно сказать, цѣлой Европы, слезы невольно покатались у нея изъ глазъ. Она была внѣ себя... Но она была Екатерина II.

Прежде еще чѣмъ она успѣла отереть текущія противъ ея воли слезы, она обернулась назадъ къ стоявшему за ней камергеру, графу Александру Сергѣевичу Строгонову, мужу Анны Михайловны Воронцовой, дочери канцлера, но не жившей съ нимъ, а находившейся въ разводѣ. Государыня сказала ему:

— Графъ, покажите вашу придворную находчивость: начните рассказывать чтонибудь забавное, чтобы я могла менѣе замѣтно перенести оскорбленіе, которое, вы слышали, мнѣ нанесено!

— Забавное, государыня? отвѣчалъ ловкій придворный. — Сегодня, по случаю торжественнаго празднованія мира съ Пруссіей, самый забавный — и самый современный анекдотъ, можно сказать, анекдотъ дня, это путешествіе полномочнаго посланника и адъютанта прусскаго короля, полковника и камергера барона фонъ-Гольца съ мирнымъ трактатомъ по петербургскимъ улицамъ, для отысканія нашего секретаря и члена высшей конференціи или совѣта, какъ его въ настоящее время называютъ, Дмитрія Васильевича Волкова. Можете себѣ представить, государыня. Его величество изволилъ просмотрѣть проектъ мирнаго трактата и сказалъ барону Гольцу, чтобы онъ отдалъ его Волкову. Тотъ, чтоже? Вмѣсто того, чтобы пройти нѣсколько комнатъ во дворцѣ, вздумалъ отыскивать всѣхъ Волковыхъ въ Петербургѣ. Придетъ, посмотритъ и говоритъ: «не тотъ; у того носъ горбомъ и съ боку звѣзда, а у этого носъ будто съ крышъ»

дымъ нюхать собирается». Ыдетъ къ другому Волкову—тоже не тотъ; у него носъ хоть и горбатый и звѣзда сѣть, да надъ правую бровью горошинка; Ыдетъ къ третьему...

— Ну и что же, нашелъ онъ, наконецъ, настоящаго Волкова?

— Нѣтъ, государыня, говорятъ такъ и не нашелъ! Доложилъ государю, что сколько ни пересмотрѣлъ, сколько ни извѣдиль, — всѣ Волковы, да не настоящіе, а настоящій исчезъ. А какъ съ Дмитріемъ Васильевичемъ былъ тотъ грѣхъ, что онъ разъ, проигравшись, какъ-то еще при покойной государынѣ дѣйствительно исчезалъ, то государь повѣрилъ и велѣлъ проектъ трактата отправить къ своему другу Фридриху II, какъ онъ былъ написанъ Гольцомъ, безъ повѣрки своей конференціей. А какія комическія сцены, во время путешествія Гольца, говорятъ, происходили. Рассказываютъ даже, будто вмѣсто Волкова, Гольцъ попалъ къ какой-то Волковой.

— Какъ, и отправили проектъ нашего мирнаго трактата по редакціи Гольца? Это умышленно, это просто подлогъ! начала было горячо говорить Екатерина; но черезъ секунду она приняла сдержанную улыбку и замолчала; потомъ, улыбнувшись, прибавила: — какія же это сцены, рассказывайте, рассказывайте!...

Но обѣдъ уже окончился. Государь всталъ и, покачиваясь; пошелъ въ комнаты гоштинскаго караула. Онъ хотѣлъ курить. Екатерина воспользовалась этою минутою, чтобы скрыться къ себѣ.

Когда государыня вошла въ свои покои, на ней лица не было. Въ ней кипѣли бѣшенство, злоба, презрѣніе. На лицѣ ея отражались, казалось, всѣ страсти, но надъ всѣмъ преобладало сознание нестерпимаго оскорбленія; преобладало чувство горькой, нравственной обиды, которая ее туманила, ослабляла. Она вспомнить не могла, что съ ней было, и дрожала отъ волненія, вѣ себя, вѣ сознанія.

За ней шелъ графъ Строгоновъ. Но шелъ онъ не съ улыбкою придворнаго, рассказывающаго смѣшной анекдотъ, городскую болтовню, и не съ любезнымъ видомъ петиметра, желающаго увлечь свою даму, а съ выраженіемъ истиннаго участія, съ выраженіемъ дѣйствительнаго сожалѣнія и преданности.

— Успокойтесь, ваше величество, ради Бога, успокойтесь! говорилъ Строгоновъ.—Государь былъ вѣ себя. Онъ самъ не помнить, что онъ сказалъ! Множество тостовъ, весь этотъ шумъ, усталость еще отъ вечера, его отуманили. Можно сказать, у него сорвалось... онъ сказалъ нечаянно... Можно ли принимать къ сердцу слова человѣка, который сказалъ ихъ, не помня себя?

— Онъ могъ не помнить себя, какъ ему угодно; но долженъ былъ помнить кто я! нервно отвѣчала Екатерина. — Развѣ онъ могъ забыть, откуда и какую меня взялъ? Развѣ могъ забыть все мое снисхожденіе, терпѣніе, сдержанность? Сколько несправедливыхъ упрековъ, сколько ядовитыхъ насмѣшекъ вынесла я еще при жизни покойной государыни, за его полную ни къ чему негодность? Сколько было науськиваній, подстреканій, злобныхъ разсказовъ и клеветъ, на которые сдавалась даже покойная тетушка, — и все изъ-за того, въ чемъ былъ виноватъ только онъ! И это было не годъ, не два, а почти семь лѣтъ! Семь лѣтъ я не виновата была противъ него даже и мыслью, тогда какъ онъ виноватъ былъ передо мною съ первой минуты. И онъ смѣетъ говорить, смѣетъ бросать мнѣ въ глаза слово, которое могъ слышать только въ своихъ казармахъ, куда собралась сволочь со всего свѣта, и гдѣ онъ слушаетъ нѣмецкихъ негодяевъ, заслужившихъ у себя клеймо и висѣлицу. И онъ смѣетъ говорить, смѣетъ равнять меня съ этой уличною швалью? И когда же? гдѣ? Въ царскомъ дворцѣ, въ присутствіи, можно сказать, всей Европы. Наконецъ, въ присутствіи этой... съ которою, напоказъ всѣмъ.... И это я должна видѣть, должна переносить... Нѣтъ, я кажется съ-ума сойду!

И столько мести, столько непримѣримой ненависти было въ ея лицѣ, столько сознанія кроваваго оскорбленія, что Строгоновъ, взглянувъ на нее, даже испугался. Онъ понялъ, что тутъ слова напрасны; что она не проститъ, никогда не проститъ, и что всякое слово за него будетъ ей обида. Онъ замолчалъ.

Екатерина въ это время сорвала съ себя брилліанты, обрывая съ ними и кружева, и бросила все это съ горячностью на столъ.

— И онъ думаетъ, что онъ.... Въроятно, что въ мысляхъ Екатерины за этимъ долженъ былъ смѣловать потокъ упрековъ, еще болѣе рѣзкихъ; но она опомнилась, осилила себя и не сказала ни слова.

Прошло нѣсколько секундъ обоюднаго молчанія; наконецъ, Строгоновъ сказалъ:

— Государыня! позвольте мнѣ во всякомъ случаѣ выразить то глубокое чувство сожалѣнія о случившемся, которое вызываетъ незаслуженное оскорбленіе. Видитъ Богъ, что если-бы я могъ его предупредить, я не пожалѣлъ бы жизни...

— Върю вамъ, графъ, и благодарю! Вы и такъ много сдѣлали для меня участіемъ вашимъ и вашимъ разговоромъ. Вы помогли мнѣ проглотить это неслыханное оскорбленіе—въ при-

личной формѣ. Теперь прошу васъ, ступайте, узнайте: не придумано ли еще чего нибудь съ ихъ стороны, чтобы меня унижить; и если что нибудь есть, то хоть предупредите меня!

Съ этими словами она протянула ему руку, которую графъ почтительно поцѣловалъ.

Выйдя изъ ея гостиной, онъ сейчасъ же увидѣлъ, что Екатерина хорошо знала своего мужа и дѣйствительно могла ожидать всего, когда говорила: не придумали ли они еще чего нибудь, чтобы меня унижить.

При самомъ выходѣ изъ гостиной императрицы, онъ встрѣтилъ личнаго адъютанта государя, полковника князя Ивана Сергѣевича Барятинскаго.

— Ахъ, Строгоновъ, какъ я радъ тебя встрѣтить! сказалъ князь.— Научи, что дѣлать? Я голову потерялъ! Я просто безъ ума! Нашу милостивую государыню, нашу радость-императрицу, онъ велѣлъ арестовать!

— Что? какъ арестовать?

— Такъ, арестовать! Говорить: возьми десятокъ голштинцевъ, иди къ ней, возьми и отвези на первое время въ Петропавловскую крѣпость.

— А великій князь?

— Я тоже спросилъ; а онъ: возьми, говорить ее и съ сыномъ, ну ихъ къ Богу! Я только тогда буду спокоенъ, когда они мнѣ глаза моволить не будутъ.

— Что же тутъ дѣлать? растерянно спросилъ Строгоновъ.

— Просто ума не приложу!

— Скажи, какъ это случилось?

— Да какъ тебѣ сказать! Пошелъ онъ въ комнаты голштинцевъ и сталъ курить. Ему подали англійскаго пива. Онъ сталъ пить кружку за кружкою. Ну, а ты видѣлъ, каковъ и безъ того онъ вышелъ изъ-за стола. Пиво его срѣзало окончательно. Только онъ увидѣлъ меня и закричалъ:

— Барятинскій, ты меня любишь?

— Я отвѣчалъ, что русскому нельзя не любить своего государя.

— А любишь, продолжалъ онъ:— такъ вотъ возьми команды сколько хочешь и арестуй императрицу!

— Государь, сказалъ я.— Она пошла къ великому князю!

— Возьми кстати и его, ордеръ сейчасъ получишь! Я хотѣлъ было возражать, но онъ не сталъ слушать.— Арестовать! Я приказываю! Смѣешь ли ты разговаривать? смѣешь ли ослушаться моихъ повелѣній? Сію минуту! понимаешь!

— Что было дѣлать? Я ушелъ! И вотъ теперь брожу по дворцу и просто не знаю, какъ тутъ быть?

— Нужно уговорить его; во что бы-то ни стало нужно уговорить!

— Какъ его уговоришь, когда, понимаешь, онъ слушать ничего не хочетъ!

— Постой! пойдѣмъ въ его голштинской свѣтлости, представимъ, что этимъ можно вызвать неудовольствіе въ народѣ, и то, и се.. уговоримъ принца Жоржа!

Они пошли отыскивать герцога голштейнъ-бекскаго, и точно уговорили его идти къ государю и убѣдить его отмѣнить приказаніе. Приказаніе было отмѣнено; но на долго ли?

Между тѣмъ Екатерина пришла въ уборную.

Это была уже не та кругленькая, живая, молоденькая дамочка, почти дѣвушка, которую мы видѣли въ ея отношеніяхъ къ императрицѣ Елисаветѣ и въ бесѣдѣ съ Червасовымъ и Гедвигю. Теперь она была уже женщина лѣтъ тридцати двухъ; нѣсколько полная и съ довольно опредѣленнымъ, нѣсколько жесткимъ выраженіемъ лица. Но и теперь еще сохраняла она свой чарующій взглядъ, свою привѣтливую улыбку, улыбку обаятельную, особливо когда въ ней не просвѣчивалось то ожесточеніе, которое ее передъ тѣмъ одолевало.

Въ настоящую минуту ей было не до привѣтливости. Только что она осталась одна, какъ схватила себя за волосы и опустилась въ кресло въ отчаяніи полномъ, безъисходномъ. «За что? за что?» твердила она

Но въ это время изъ-за алькова вышелъ стройный, красивый артилерійскій офицеръ и опустился передъ ней на колѣни.

— Государыня, добрая, милостивая, что съ вами? Скажите, дорогая, безцѣнная, обожаемая повелительница! Велите, мы всѣ до одного положимъ за васъ свои головы! Я,—пусть изрѣжутъ меня въ буски, пусть снимутъ съ меня мою, ни къ чему негодную голову, пусть сдерутъ кожу, сожгутъ или что тамъ они еще выдумаютъ,—я за счастье поставлю все перенести, все вытерпѣть за одинъ взглядъ вашъ, за вашу улыбку радости и счастья!

— Это ты, Грегуаръ? Какъ ты испугалъ меня! сказала государыня, вздрогнувъ.—Какимъ образомъ ты здѣсь? Ты слышалъ? какое оскорбленіе, какое оскорбленіе!..

— Наши сѣли обѣдать за артилерійскій столъ, съ своимъ новымъ фельдцейхмейстеромъ. Когда поднялась эта суета съ тостами, пальбой и музыкой, я и подумалъ: «зачѣмъ я тутъ да-

ромъ время теряю? Попроусь, думаю, лучше въ комнаты нашего ангела, нашей общей надежды, а моей радости, авось успѣю взглянуть на ваше свѣтлое лицо. Вздумаль, и тихонько пробрался.

— Ахъ, Григорій, а если кто нибудь тебя видѣлъ?

— Это было невозможно, я принялъ всѣ мѣры! Но если бы... Я думаю, государыня, что тогда или меня, или того, кто меня бы увидѣлъ, на свѣтѣ бы не было. А вотъ и награда. Я вижу васъ, я счастливъ, безумно счастливъ.

Артилеристъ поцѣловалъ руку государыни и сѣлъ противъ нея.

— Скажите, всемилостивѣйшая повелительница сердецъ нашихъ, что могло васъ такъ разстроить?

— Развѣ ты не знаешь объ оскорбленіи?

— Оскорбленіе? кому? Вамъ, государыня? отъ кого?

— Кто могъ меня оскорбить, кромѣ его? Только онъ одинъ оскорбляетъ меня, оскорбляетъ каждымъ словомъ своимъ, каждымъ взглядомъ,—оскорбляетъ самимъ собою! Я мысли не могу перенести, что такое ничтожество.... Сегодня онъ рѣшился нанести мнѣ оскорбленіе публичное, нанести оскорбленіе въ виду цѣлой Европы! Изъ своего казарменнаго словаря онъ вырвалъ слово...

— О, государыня, чтожъ вы молчите, чтожъ вы не позовете насъ? Онъ оскорбляетъ всѣхъ, государыня, оскорбляетъ войско! Чего войско,—оскорбляетъ весь русскій народъ. Неужели, государыня, вы думаете, что кто нибудь въ корпусѣ Чернышева не оскорбленъ до глубины сердца тѣмъ, что они должны идти за прускаго короля противъ королевы венгерской, за которую стояли столько лѣтъ, пролили столько крови, потеряли столько товарищей? Неужели вы думаете, что у каждаго не скребутъ на сердцѣ кошки, при мысли о томъ, что же онъ такое? Что мы? Шашки, егелные шары, наемная машина драться на смерть? Вчера намъ говорили: «для охраны интересовъ своего отечества, ради чести Россіи, вы должны, не жалѣя себя, идти на врага родины»; а сегодня говорятъ: «иди и спасай врага, того, кого вчера билъ и кто тебя билъ, а бей того, кого вчера спасалъ». Не оскорбленіе ли это, не насмѣшка ли? Притомъ, подумайте, государыня, корпусъ Чернышева послѣднее время дѣйствовалъ съ корпусомъ Лаудона вмѣстѣ. Не только у офицеровъ, но и у солдатъ явилось другъ къ другу уваженіе, завязалась у одного съ другимъ дружба. Общая опасность на полѣ битвы скоро сближаетъ людей. А тутъ говорятъ: иди и бей

друзей, бей на смерть! И это говорят не машинамъ какимъ нибудь, не пушкамъ, которыхъ возьмутъ и оборачиваютъ на своихъ, а говорятъ людямъ, у которыхъ шевется же въ груди какое нибудь чувство. Повѣрьте, государыня, что такой револьтъ, если онъ и начнетъ выполняться, такъ какъ говорятъ союзный трактатъ ужъ подписанъ, такъ только потому, что наши и къ тому, и къ другому, т. е. и къ пруссакамъ и къ австрійцамъ, относятся довольно безучастно; для нихъ и тѣ другіе одинаково, нѣмцы,—народъ слишкомъ антипатичный для русскаго сердца. Будъ же это съ другимъ народомъ, хотъ съ тѣми же французами, съ которыми наши молодцы любятъ сходиться, хотъ другъ друга и не понимаютъ, не обошлось бы безъ крайностей. Пожалуй, побросали бы ружья!

Орловъ говорилъ горячо, съ увлеченіемъ и вызвалъ вниманіе Екатерины.

— Да, я это понимаю, отвѣтила государыня.—Это оскорбительно, это... какъ-бы сказать не такъ рѣзко, это гнусно, тѣмъ болѣе, что не связывается ни съ какими русскими интересами и исходитъ прямо изъ чужеземной инициативы. Прусскій король, я думаю, себѣ не вѣритъ...

— И это возстановляетъ противъ вашего мужа всѣхъ, государыня. Къ тому же, хотъ бы эти голштинцы? Неужели, государыня, вы полагаете, что всѣ мы, вся гвардія, артилерія, все войско, не возмущены тою исключительностью, въ которую онъ ихъ ставитъ? Неужели думаете, что мы не оскорблены всѣ, въ своемъ чувствѣ народной гордости, тѣми преимуществами, которыя имъ предоставлены? И вому же? Кого онъ предпочитаетъ намъ, которые учились и выучились подъ руководствомъ Петра Великаго? Онъ предпочитаетъ, отдаетъ преимущество тѣмъ, которыхъ мы всегда били, били постоянно, даже до послѣдняго времени. Наконецъ, весь народъ возмущенъ, что онъ, императоръ русскій, думаетъ о какомъ-то шлезвигъ-голштинскомъ герцогствѣ; что ему не довольно быть только русскимъ государемъ, нуженъ ему еще какой-то Шлезвигъ! А теперъ еще оскорбленіе вамъ, истинной матери отечества...

— Вѣдь и я нѣмеа.

— Нѣтъ, государыня, нѣтъ! Никто не помнитъ и не знаетъ вашего чужестраннаго происхожденія; никто не знаетъ даже вашего нѣмецкаго имени. Народъ, войско, мы всѣ, привыкли видѣть въ васъ сперва свою родную великую княгиню, а теперъ нашу матушку-царицу, Екатерину Алексѣевну, нашу родную русскую, намъ Богомъ данную государыню. Къ тому же

вы не нѣмца и по происхожденію. Вы славянка. Князья Сербскіе были славяне, пока не онѣмечились, благодаря папству, напустившему на нихъ Генриха Льва. У брата Алексѣя есть тому историческія доказательства. Повѣрьте, ваше величество, наша всемилостивѣйшая, прекраснѣйшая повелительница, повелите только...

И онъ снова припалъ къ ея рукамъ.

— Тс! Кто-то идетъ.

Орловъ быстро скрылся за альевономъ.

Вошла графиня Матюшкина.

— Я пришла, государыня, выразить вамъ...

— Ахъ, Боже мой, оставьте меня! Я хочу быть одна.

— Простите, ваше императорское величество... но я должна сказать, что начинается фейерверкъ.

Матюшкина поклонилась и вышла.

Екатерина подошла къ альевоу.

— Я подумаю, Грегуаръ, обо всемъ. Но еще рано. Поговори съ товарищами, поосмотришь, и мы подумаемъ вмѣстѣ. Жить такъ невозможно. Прощай же! Мнѣ нужно идти любоваться фейерверкомъ въ честь прускаго короля.

Орловъ исчезъ, а Екатерина закрыла лицо руками и опустилась въ кресло, на которомъ она до того сидѣла, и вдругъ, неожиданно для себя самой, залилась истерическими слезами.

А въ это время ярославецъ пояснялъ пошехонцу, какъ хорошо царемъ быть. Всѣ ему кланяются, всѣ за него ли, за царицу ли, даже за дѣтей маленькихъ, Бога молятъ; ни повинностей, ни помѣщика, ни старосты, никого надъ нимъ нѣтъ; исправниковъ онъ и знать себѣ не хочетъ. Ъстъ и пьетъ, что ни на есть лучшее на свѣтѣ, чего только душа просить.

— Одно слово, живи и веселись! проговорилъ ярославецъ, какъ-то облизываясь отъ одной мысли, какъ это хорошо.

— А что, у царя-то, почитай, и вина всѣ золотыя бьваются? спросилъ пошехонецъ.

— Нѣтъ, я работалъ у покойника, какъ его? ну, не выговорить: фейхъ-цейхъ, однимъ словомъ, у покойнаго графа Шувалова, такъ его камардинъ мнѣ сказывалъ, будто янтарныя бьваются.

— Вотъ оно! Что-жъ изъ янтара, что-ль, онѣ дѣлаются? Хоть бы разъ попробовать.

И начали наши мужички перебирать о томъ, какъ хорошо на свѣтѣ царю жить, разсуждая объ этомъ совершенно такъ, какъ хохлы, которые разсказывали о царскомъ житьѣ, какъ о

царствіи небесномъ. Между тѣмъ въ это самое время Екатерина говорила Орлову:

— Жить такъ невозможно. Но поди, осмотрись. «Не мѣшай мнѣ думу думати!»

Но и Екатерина было не до думы. Вбѣжала Матюшкина и заявила, что его величество сердится, что государыня не изволить идти фейерверкъ смотрѣть. Поневоля пришлось осилить себя, проглотить слезы. Екатерина опять надѣла на себя брилліанты, оправила кружева, и свѣтлая, блестящая, безъ малѣйшаго признака огорченія на привѣтливомъ, немножко подрумяненномъ лицѣ, вышла на балъонъ.

— Вотъ парица, гляди! указывалъ ярославецъ пошехонцу.— Какая она, матушка, у насъ веселая, да радостная!..

II.

Продолженіе предъидущаго.

Недалеко отъ Вильны, бывшей нѣкогда стольнымъ градомъ великаго княжества литовскаго, въ небольшомъ, наполненномъ жидами мѣстечкѣ Бѣндзишкахъ, стоялъ довольно красивый панскій домъ, съ флигелями, амбарами, дозорною башнею и другими затѣями тогдашняго шляхетства.

Домъ былъ одноэтажный, съ мезониномъ, сдѣланъ изъ красного кирпича съ бѣлыми отводами по карнизамъ. Посерединѣ фасада было придѣлано широкое крыльцо, надъ которымъ была устроена тераса, прикрытая, раскинутою надъ нею зеленою съ красными прошивками палаткою.

Къ дому прилегалъ широкій дворъ, на которомъ были расположены службы, построенныя изъ дикаго камня. Башня прилежала къ самому дому; окна въ ней были полукруглыя и въ одномъ изъ нихъ были вставлены нюренбергскія цвѣтныя стекла. Задній фасадъ дома выходилъ въ садъ. На дворѣ у воротъ стояли двѣ пушки, около которыхъ суетилось нѣсколько домашней челяди.

На крыльцѣ расхаживало нѣсколько пановъ, разряженныхъ, раздутыхъ, въ богатыхъ кунтушахъ, нѣкоторые съ откинутыми назадъ ментиками, и всѣ до одного вооруженные съ головы до пятъ, даже съ затѣнутыми за поясъ пистоллями. Между па-

нами ходилъ и панъ Бѣндзинскій, владѣлецъ мѣстечка Бѣндишеи и панъ-староста Антокольскаго предмѣстья.

Паны ходили и ждали, ждали уже здѣсь на крыльцѣ болѣе получаса, хотя вышли на крыльцо послѣ того, какъ прискакалъ нарочный изъ Вильны и донесъ, что его свѣтлость виленскій воевода, ясновельможный и свѣтлѣйшій панъ гетманъ литовскій, князь Радзивиллъ, пане воханю, съ своею свитою, состоявшею изъ трехъ каретъ, изволилъ выѣхать съ своего княжескаго двора въ Вильнѣ и по расчету времени долженъ быть почти немедленно здѣсь.

«Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! думалъ про себя Бѣндзинскій.—Что ты тутъ будешь дѣлать? Ну а если онъ обманеть, если не придетъ совсѣмъ?»

Эта мысль очень коробила пана Бѣндзинскаго. Надутость и гоноръ, съ которыми онъ вышелъ на крыльцо и оглядывалъ вышедшихъ съ нимъ пановъ, начинали съ него мало-по-малу опадать, какъ осенніе листья съ пожелтѣлыхъ тополей.

«Кто ему помѣшаетъ потомъ сказать мнѣ, какъ онъ сказалъ пану Пшемоцкому: «Я не думалъ, пане, что ты такой дуракъ, что меня ждать станешь! Неужели ты въ самомъ дѣлѣ думалъ, что я стану ѣздить во всякой драгѣ? Чего я у тебя не видалъ?» Слѣхъ и стыдъ будетъ на всю Литву. Вотъ, дескать, пане воханю какъ старика Бѣндзинскаго отдѣлалъ; а тотъ топорщился, думалъ угостить. Срамъ, просто срамъ! А нѣтъ, видимо нѣтъ!.. Развѣ уйти, велѣтъ давать обѣдать, дескать, прѣзжай во время? продолжалъ про себя Бѣндзинскій, замѣчая, что голодные паны, нѣтъ-нѣтъ, да и посмотреть на него, не то насмѣшливо, а какъ-то сожалительно.—А если тутъ, какъ на грѣхъ, приватить? Пожалуй тогда не выйдетъ; зачѣмъ, дескать, не ждали; зачѣмъ не встрѣтили? Послѣ просто хоть не показывайся!»

Думая это, панъ Бѣндзинскій ходилъ по своему крыльцу и чувствовалъ, что почва исчезаетъ у него подъ ногами. Ему уже представлялись послѣдствія неудовольствія, тѣмъ болѣе, береги Богъ! ссоры съ такимъ могучимъ и вліятельнымъ вельможею, каковъ былъ пане воханю.

«И нелегкая заставила меня его звать! продолжалъ разсуждать Бѣндзинскій.—Истратился, исхарчился и не только больше силы будетъ на сеймъ,—дескать, самъ виленскій воевода къ нему въ гости ѣздить,—а еще обида, срамъ...»

Но вотъ подъ горою начали показываться вершники и жолнеры, а за ними и уланы ясновельможнаго пана Радзивилла.

За жолнерами, позади ѣхавшей курьерской телѣжки, показалась окруженная ѣдовыми и гайдуками, въ сопровожденіи скороходовъ, раззолоченная и разрисованная карета съ двумя гайдуками въ высокихъ шапкахъ, назади. За каретою ѣхало еще нѣсколько экипажей.

Панъ Бѣндзинскій оправился. Съ гордостью обинувъ оный общимъ взглядомъ пановъ, начинавшихъ поглядывать на него съ насмѣшкою.

— Просимъ, панове! сказалъ оный имъ, сходя на послѣднюю ступеньку крыльца.

Въ это время вся вереница верховыхъ скороходовъ и экипажей подѣхала къ воротамъ, и раззолоченная карета, сквозь зеркальныя стекла которой виднѣлась полная, тѣмъ не менѣе довольно еще красивая и разряженная фигура князя Радзивилла, влетѣла на дворъ и подвѣтила къ крыльцу. Экипажи слѣдовали за нею.

Гайдуки быстро соскочили съ запятокъ, отъгнули подножку высокаго экипажа и князь Радзивиллъ показался въ дверцахъ кареты.

Панъ Бѣндзинскій подхватилъ его подъ руку.

— Дорогой, ясновельможный панъ, нашъ многомилостивый воевода и покровитель, пане коханко, свѣтлѣйшій, ясновельможнѣйшій! Какъ мы счастливы видѣть!.. началъ говорить хозяинъ.

Съ другой стороны подхватилъ Радзивилла панъ Лепецинскій, старый высокій полякъ, съ сѣдыми, уже пожелтѣвшими отъ старости усами. Окружили Радзивилла съ привѣтствіями и всѣ другіе паны.

Панъ Радзивиллъ, хотя былъ въ то время человѣкомъ, далеко еще не пожилымъ и могъ многихъ изъ предстоящихъ передъ нимъ пановъ по лѣтамъ признать своими отцами, тѣмъ не менѣе насупился и принималъ всѣ эти привѣтствія и повлоненія родовитаго польскаго шляхетства съ приличною важностью. Опираясь на хозяина и пана Лепецинскаго, оный сошелъ съ четырехъ ступеней подножки, кивнулъ какъ-то лѣнливо панамъ головою и тихо началъ входить на лѣстницу, будто прихрамывая, въ то время какъ Бѣндзинскій, Лепецинскій и другіе паны старались ему помочь.

Наверху лѣстницы ждала князя Радзивилла панна Бѣндзинская съ паннами и паненками. Позади ихъ одна изъ приживаловъ хозяйки держала блюдо съ цвѣтами.

Когда Радзивиллъ поднялся уже на половину лѣстницы,

панна Бѣндзинская взяла съ блюда цѣвты, и только онъ ступилъ на послѣднюю ступеньку, бросила ихъ ему подъ ноги.

— Да будетъ украшенъ цѣвтами путь твой, ясновельможный панъ! сказала она.

Бросили цѣвты къ ногамъ Радзивилла еще нѣкоторыя изъ паннъ и паненокъ.

Радзивиллъ отвѣчалъ на эти привѣтствія съ изысканною вѣжливостью.

— Счастливъ, что удостоился взглянуть на ясныя очи прекрасной панни, сказалъ онъ паннѣ Бѣндзинской, привѣтствуя всѣхъ словомъ и взглядомъ.

Вошли въ гостиную. Панъ Бѣндзинскій усадилъ гостя на почетное мѣсто, самъ сѣлъ противъ него, усадивъ подлѣ себя справа Лепешинскаго, а слѣва Нарбута, тоже стараго, рослаго поляка, весьма богатаго и пользовавшагося влiяніемъ.

Нѣсколько секундъ прошло въ молчаніи, пока панъ Радзивиллъ не заговорилъ.

— А что, панъ, спросилъ онъ у Бѣндзинскаго:—ѣхалъ я полемъ и видѣлъ, будто у тебя ярица на скатахъ-то посѣяна?

Радзивиллу хотѣлось показать, что онъ интересуется мѣстнымъ хозяйствомъ и знаетъ толкъ въ немъ.

— Нѣтъ, жито, ясновельможный панъ; жито теперь спорѣе и выгоднѣе будетъ. Брагу ли, пиво ли изготовить, да и солодъ теперь въ большой цѣнѣ.

Опять секундное молчаніе. Подошла панна хозяйка.

— А что, ясновельможный панъ, сказала она:—не прикажешь ли съ дороги червячка заморить, хозяйской вудки попробовать?

— Добже, добже! отвѣчалъ Радзивиллъ.—У такой ласковой пани и вудка слаще меда.

— Паны, просимъ покорно!

Всѣ встали и пошли въ малую столовую, гдѣ передъ большой столовой былъ накрытъ столъ и уставленъ различными закусками, всѣмъ, что можно только было достать, начиная отъ привезенныхъ изъ Гамбурга въ укусуѣ омаровъ до литовскихъ колдуновъ; всего блюдъ съ тридцать, посрединѣ которыхъ стоялъ большой стеклянный полубоченокъ, съ наливою въ него пятидесятилѣтнею вудкою; на краяхъ полубоченка висѣло нѣсколько зацѣпленныхъ за нихъ ручками серебряныхъ, позолоченныхъ внутри чарокъ, различныхъ фигуръ и размѣровъ.

— Просимъ, ясновельможный панъ! сказалъ Бѣндзинскій, зачерпывая вудку изъ боченка самою большою чаркою и подавая Радзивиллу.

— Хозяину первая чарка! отвѣчалъ Радзивиллъ, кланаясь.

— Твое здорье, свѣтлѣйшій, ясновельможнѣйшій панъ, здорье дорогихъ гостей! Да множится сила ихъ, да растутъ богатства ихъ изъ рода въ родъ! сказалъ Бѣндзинскій, опрокинувъ въ ротъ чарку, и зачерпывая ею вудку вновь, подалъ Радзивиллу.

— Будь здоровъ, панъ! отвѣчалъ Радзивиллъ и выпилъ вудку.

Всѣ начали прикладываться по очереди къ чаркамъ и закусывать.

Когда проголодавшіеся долгимъ ожиданіемъ паны истребили добрую долю закуски, то хозяйка подошла къ ясновельможному пану и просила его удостоить ихъ столованье своимъ присутствіемъ и почтить ихъ клѣбъ-соль.

Радзивиллъ предложилъ хозяйкѣ руку и пошелъ съ ней къ столу. Всѣ пошли за нимъ парами, между которыми въ концѣ видѣлся и молодой панъ Чарномскій, съ хорошенькой паночкой Бѣндзинской, молоденькой племянницей хозяина.

Пируютъ паны; ходятъ между ними кубки и чарки съ старымъ венгерскимъ; пьютъ они здорье и свободу старой Польши; пьютъ за вольности шляхетскія, за богатства княжескія. Въ залѣ шумъ, грохотъ и хохотъ; на дворѣ въ трубы и зурны играютъ, въ барабаны бьютъ, изъ ружей и пушекъ палятъ. Пьютъ и врутъ паны. Хвастаютъ такъ, что мѣры нѣтъ и уши вынутъ. У одного такой конь, что онъ на немъ зайца на всѣмъ бѣгу догналъ и на всемъ скаку схватилъ за уши; у другаго—собака диво! такая собака, что ни въ связкахъ связать, ни перомъ написать. Перепела и рябчики сами къ ней въ ротъ летятъ, только что она его раскроетъ. Тогда она сжимаетъ ихъ осторожно, чтобы дичи не испортить, и коли тутъ охотникъ подастъ ему, а нѣтъ такъ подлѣ себя складываетъ, и снова ротъ отгрызываетъ, чтобы дичь летѣла. У третьяго хлопецъ такой есть, который шаговъ на сто, а не то и на двѣсти изъ пищали орѣхъ—простой, каленый орѣхъ—безъ промаха пулей раскалываетъ, да такъ, что ядра не коснется и не испортить.

— Какъ же ты, панъ, орѣхъ на веревочку вѣшаешь что ли, чтобъ въ него стрѣлать можно было? спросилъ панъ Лепещинскій у рассказывавшаго.

— Нѣтъ, не на веревочку, зачѣмъ на веревочку? отвѣчалъ рассказывавшій панъ.—Просто кладу на столъ, а хлопецъ бьетъ. Какъ выстрѣлитъ, шелуха отлетитъ, а ядро на столѣ останется.

— А если орѣхъ пустой былъ?

— Ну а пустой, такъ пустой и останется, только шелуха улетитъ!

— Ладно, панъ! Вѣрно твой хлопецъ и пустаго ядра не тронетъ!

Кто-то сказалъ, что хороши кони и собаки у пана Тышкевича; что во дворѣ у него также стрѣлки хорошия есть и полеванье поэтому здоровое бываетъ.

Тутъ поднялъ свой голосъ Радзивиллъ, заявляя, что Тышкевичъ—ничего! Важное дѣло Тышкевичъ! Да у него, Карла Радзивилла, по фольваркамъ такихъ Тышкевичей десятки; да любая его собака всей стаи Тышкевичевой стоитъ! А лошади! Да у любого его шляхтича конь лучше выписнаго Тышкевича коня, котораго онъ вездѣ на показъ выставляетъ. Да и не богатъ же онъ! Дѣло не великое, что онъ этого русскаго дурака, князя Зацѣпина, обморочилъ, у себя лѣтомъ въ лѣсу зиму сдѣлалъ. Это еще не Богъ знаетъ что! дѣло не Богъ знаетъ какое, узенькую дорожку солью засыпать. Вотъ если онъ, князь Радзивиллъ, задумаетъ зиму сдѣлать, то кругомъ себя на пять верстъ солью засыпетъ, и озеро посреди лѣта заморозитъ, такъ что мальчишки на коньбахъ кататься станутъ!

И пошелъ, пошелъ нашъ пане боханко рассказывать, что коли есть дескать богатство и слава, коли есть что хорошее, такъ только у него, у одного его.

Расходился князь такъ, что и удержи нѣтъ. Между тѣмъ подали столѣтніе меды завѣтные;—какъ говорилъ хозяинъ, ради дорогаго гостя, изъ подъ земли вынесли. Музыка загремѣла браковакъ и мазурку, забили вновь барабаны, а пальба началась залпами.

Черезъ четверть часа всѣ сидѣли какъ прикованные къ своимъ стульямъ и молчали, «зане языки прильпѣ къ гортани!» Столѣтній медъ свое взялъ.

Но прошло съ полчаса, гости снова оживились; зашумѣли пуце прежняго. Ни голова не болѣла ни у кого, ни тяжести никто не чувствовалъ. Панны и паненки давно исчезли изъ за столованья. Имъ къ вечернему балу готовиться нужно было. Панн остались пировать одни и разговоры пошли не только о рыскахъ и борзыхъ,—нѣтъ! пошли рассказы о паннахъ и паненкахъ; а главное завяла ихъ рѣчь о Москвѣ, что такую силу забрала, что изъ Петербурга всей Польшей помыкать стала, и ихъ вольности шлякетскія иногда въ грошъ не ставятъ!

— Не сила московская, а наша рознь, да безурядица насъ губить! сказалъ панъ Пршембыльскій.— Никакого ладу и порядку у насъ нѣтъ, стало быть и силы быть не можетъ. Говорить мы говоримъ, а какъ дойдетъ до дѣла, то самихъ себя ѣдимъ! Начинаемъ мы сейчасъ той же царичѣ вланыться, гроши себѣ, да цацы разныя выпрашивать. Вотъ это-то самое и поѣдаетъ насъ, и губить, и силу нашу крушить. А Москва свое дѣло знаетъ. На злотъ подарить, на копу силы отниметь!

Ему стали возражать, но онъ отражалъ возраженія.

— Я правду говорю! отвѣчалъ Пршембыльскій.— Мы всѣ, сами не зная того, поворные слуги русской царицы; всѣ ждемъ ея милости, смотримъ изъ ея рувъ. Поневоля сами отстаиваемъ ея интересы. Да чего тутъ говорить... хоть бы я самъ. Года три-четыре назадъ мнѣ пришелъ просто матъ. Хоть всю маетность въ эксдивизию жидамъ на сѣдѣнье отдай, и всю семью по міру пускай. И нужно-то было всего тысячу червонныхъ, да гдѣ ихъ взять? Свой братъ полякъ—и не проси! свои дыры не заткнуты. А жидъ, когда видитъ, что и такъ дѣла плохи, скорѣй удавится! А тутъ посыльный отъ царицы, какъ дьяволъ какой, прости Господи! что вы, дескать, пане Пршембыльскій, у нашей государыни не попросите? Да наша царица-милостивица, общая всѣмъ мать, она не можетъ быть, чтобы не помогла. Поѣзжайте вы до Голенбовскаго, а онъ васъ въ Кейзерлингу или Волконскому свезетъ, и вы увидите. Ну что было дѣлать, поѣхалъ.

Эта исповѣдь всѣхъ смутила. Рыльце-то у всѣхъ было въ пушку: всѣ пользовались русскими денежками, начиная съ Радзивилла; всѣ хлопотали о русскихъ наградахъ, любили русскіе мѣха, сервизы, венцы, только никто и никогда въ томъ не признавался.

— А отъ чего нужда наша? Отъ той же неурядицы, да отъ мотовства, продолжалъ Пршембыльскій.— Бывало, какой бы панъ тамъ ни былъ, какія богатства ни были у него припрятаны, а ходить въ кожаномъ жупанѣ и ни за какія деньги въ колымагу не садеть. А нынѣ, вотъ хоть бы всѣми нами чествуемый, всѣми прославляемый, яснелъможный воевода нашъ, пане коханко, и не взглянетъ ни на что, кромѣ питаго золотомъ французскаго бархата!

— Что-же по твоему, панъ Пршембыльскій, спросилъ Радзивиллъ, недовольный указаніемъ Пршембыльскаго:— може ты думаешь—и я скоро до эксдивизиі дойду?

— Оборони Богъ, оборони Богъ! Я не къ тому говорю! Кто не знаетъ, что у тебя въ закромахъ цѣлые сундуки съ серебромъ и золотомъ нераспечатанными стоятъ. Да и кто смѣлъ бы коснуться столь великаго и сильнаго пана? Твоей милости шапка сама валится поклониться, коли завидитъ; и что ты на себя не надѣнешь, все будетъ въ пору, все по тебѣ. А вотъ бѣда, что наши, на тебя-то глядя, тоже топорщатся и себя прямо съ головой въ руки жидамъ отдають. А попадутъ въ жидовскія руки и говорить нечего, сами не свои будутъ!

— Ужъ это оно точно, что у каждаго изъ насъ въ карманѣ жидъ сидитъ; какому же тутъ богатству устоять можно? Прежде еще на томъ на семь можно было поправляться; то нѣмцами тряхнуть, то съ прусаковъ взять окупъ; да и шляхта, если промотается, то пойдетъ въ гайдамачину, помотришь и поправится! А теперь, что это? Народъ измелъчалъ что-ли, нарывать какъ бы больше на печи сидѣть? сказалъ панъ Лепецинскій.

— Да, прежде и поразгуляться-то было гдѣ. А теперь куда пойдешь? того и гляди, что въ московскую Сибирь попадешь! замѣтилъ Нарбутъ.

— А давно ли сама Москва у насъ подъ пятой была; давно ли мы хозяйничали въ ней, какъ хотѣли? горячо возразилъ Лепецинскій.—Мнѣ нѣтъ еще и восьмидесяти, а дѣдъ мнѣ самому рассказывалъ, какъ прапрадѣдъ изъ Москвы цѣлую фуру серебра прислалъ.

— Да-съ, хорошее времячко было, проговорилъ съ замѣтнымъ одушевленіемъ Бѣндзинскій, подливая меду въ кубокъ Радзивилла.—Панъ Лесовскій, да панъ Сапѣга повывезли таки кое-что изъ Москвы, и не то что рухлядь какую, да серебро, а говорятъ, жемчугъ и кораллы ковшами мѣряли. Жолкевичъ—такъ говорятъ и богатство-то ихъ съ того началось. А панъ Гонсевскій..

— Прадѣдъ повойный, пухомъ бы надъ нимъ земля лежала, въ его отрядѣ былъ и рассказывалъ дѣду, какъ они тамъ съ Лангевичемъ хлопскіе монастыри обирали. Св. отецъ тогда изъ Рима особое благословіе прислалъ: дескать хлопская вѣра не есть истинная вѣра, поѣтому дѣло богоугодное у нихъ, что можно, ввать, да матку-бозку настоящую украсить. Пожились таки, сказать нечего, и прадѣдъ, и Лангевичъ. Вотъ Новишки, что дѣдъ брату оставилъ, все на московскія деньги были выстроены; да и сестерь отецъ все изъ тѣхъ же денегъ надѣлялъ; ну, да нельзя сказать, чтобы и мнѣ изъ нихъ ничего не досталось!

— А сколько добра-то еще погубило, какъ назадъ насъ по-

гнали, замѣтилъ панъ Кучинскій, который до того молчалъ, хотя видимо слѣдилъ за разговоромъ съ живѣйшимъ любопытствомъ.

— Оттого и погнали, что ладу не было, да была безурядица! повторилъ опять панъ Пршембыльскій. — Какое тутъ было владѣніе, когда сами на себя во всякую минуту идти готовы были; когда Жолкевичъ Лисовскаго, Лисовскій Жолкевича и оба Гонсевскаго разбойниками считали? Не было ладу, не было и силы. Такъ и теперь....

— Хоть ладу и точно не было, а все-таки повладѣли Москвой, замѣтилъ панъ Кучинскій. — И теперь хорошо бы, хоть на полгода.

— Попариться въ московскихъ баняхъ, поѣсть московскихъ блиновъ и калачей, поласкать московскихъ красавицъ! прибавилъ кто-то изъ молодыхъ пановъ.

— Да, господа, оно такъ! Только тогда у насъ хотя и была неурядица, но за то была и особая сила — ихъ названный царь! Передъ этой силой они невольно склонились.

— А кто мѣшаетъ намъ и теперь придумать для нихъ какогонибудь названнаго царя?

— Теперь Москва царя не любитъ; нужно царицу.

— Ну, и царицу. Вонъ въ прошломъ году въ Витебскѣ...

— Вѣдь то глупость. Какой-то солдатъ...

— Може тогда была еще болѣе глупость: какой-то монахъ!

— А хорошо бы, чортъ возьми! стариной тряхнуть, свою царицу на Москву поставить! сказалъ панъ Радзивиллъ и засмѣялся.

— Такъ что же, ясновельможный панъ? Кому другому, а тебѣ все можно испробовать! замѣтилъ съ другаго конца стола Чарномскій. — Какъ тогда воевода Сендомирскій, панъ Мнишекъ, на Москву царя повелъ, такъ и теперь, ваша мощь, ясновельможная, свою бы царицу... Чарномскій замолчалъ, чувствуя, что и безъ того много дозволилъ себѣ сказать. Но его подхватилъ Кучинскій.

— Тогда воевода Сендомирскій дочку свою за царя московскаго выдалъ, а ясновельможный панъ можетъ самъ на царицѣ жениться. А хорошо было бы свѣтлѣйшему воеводѣ виленскому стать и крулемъ московскимъ. Вотъ медовъ-то попили бы на Москвѣ. Какъ ни хорошъ медъ пана Бѣндзинскаго, какъ ни отуманилъ онъ насъ сразу, а все-таки... Паны, предлагаю тостъ: за здоровье будущаго круля московскаго!

Нѣкоторые изъ пановъ приложили губы къ кубкамъ.

— Оно точно недурно бы, проговорилъ Радзивилль, вруя усы и охорашиваясь.—Мы тогда у всѣхъ маестности поокружили бы... А вѣдь пристала бы ко мнѣ шапка Мономаха, а? Неправда ли? Вѣдь хорошо было бы! а?..

Не ожидая ствѣта на этотъ вызовъ, Радзивилль прибавилъ со вздохомъ:

— Хорошо-то бы оно было, очень хорошо; только откуда теперь возьмешь царицу, и какъ убѣдишь...

— Э, ясновельможный панъ, какъ откуда? отвѣчалъ Кучинскій.—Не говорю о томъ, что у нихъ и теперь есть свой названный и объявленный царь Иванушка, который сидитъ гдѣ-то подъ замкомъ, и разумѣется, если заплатитъ, то можно узнать, увести и его именемъ поднять пол-Московія, какъ тогда именемъ царевича Дмитрія подняли; но если-бы даже и царица была нужна, то развѣ у прежнихъ царицъ не могло быть дѣтей? А если не у нихъ, то у ихъ сестеръ. У Анны Иоанновны было двѣ сестры и обѣ были замужемъ; будто такъ непременно ужъ и была отъ нихъ одна племянница Анна Леопольдовна. Да и сама императрица Елисавета Петровна была въ замужествѣ, хоть и необъявленномъ, но все же въ законномъ, и куда дѣвались ея дѣти, неизвѣстно; а вѣдь у нихъ не меньше правъ, чѣмъ у этого голштинца...

Эти слова, сказанныя Кучинскимъ, остановили общее вниманіе и заставили многихъ переглянуться.

Вниманіе это значительно усилилось отъ слѣдующихъ словъ Чарномскаго:

— Прошу дозволенія доложить ясновельможному пану, сказалъ Чарномскій:—что когда я былъ въ Парижѣ, то слышалъ будто тамъ точно воспитывается истинная наслѣдница русскаго престола, и по роду и по родству, какая-то княжна Владимірская.

Въ эту минуту Чарномскій почувствовалъ, что плечо его нагнѣтаетъ чья-то рука. Онъ оглянулся.

За спиною у него стоялъ ксендзъ Бонифацій. Блѣдный, худой, съ зловѣщими, черными глазами, онъ показался въ эту минуту Чарномскому выходцемъ съ того свѣта, особенно по сравненію со всѣми этими раскраснѣвшимися, разгоряченными и оживленными лицами гостей, изъ которыхъ у многихъ опять уже начинали заплетаться языки.

— Во многоглаголаніи нѣсть спасенія! проговорилъ ксендзъ на ухо Чарномскому.

Тотъ поневолѣ остановился, но чтобы ловко заключить прер-

ванный рассказъ, предложилъ тостъ за славу Польши и тѣхъ поляковъ, которые дадутъ Москвѣ свою царицу.

Все заревѣло, застучало. Радзивиллъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ окно.

Всѣ захлопали.

— Вивать, пане коханко, вивать!

Паны начали подниматься изъ-за стола, благодаря пана Бѣндзинскаго. Ксендзъ Бонифацій исчезъ.

Гости перешли въ гостиную; залъ долженъ былъ приготовляться для бала.

Остановившій Чарномскаго ксендзъ Бонифацій былъ іезуитъ. Онъ жилъ у Радзивилла и былъ съ нимъ почти не разлученъ. Само собою разумѣется, что ни малѣйшаго дѣйствія князя Радзивилла не происходило безъ того, чтобы ксендзъ Бонифацій о немъ не зналъ и даже имъ не руководилъ. Даже причуды, шалости, дешевый развратъ князя обсуждались всесторонне хитрымъ іезуитомъ и не только имъ допускались, но, можно сказать, даже направлялись.

Поэтому, и такъ какъ вѣроятно іезуитъ замѣтилъ вліяніе, которое произвела на Радзивилла болтовня за столомъ, онъ счелъ нужнымъ передъ баломъ собрать въ кабинетѣ хозяина нѣсколько лицъ, передъ которыми заставилъ Чарномскаго рассказать, что онъ знаетъ о воспитывавшейся въ Парижѣ русской княжнѣ.

Чарномскій рассказывалъ, что онъ слышалъ, что еще императрицею Анною Іоанновною была отправлена на воспитаніе во Францію сирота, состояніе которой было обезпечено взносомъ значительнаго капитала въ амстердамскій банкъ.

Кромѣ того, послѣ смерти императрицы, на имя этой сироты былъ доставленъ какимъ-то княземъ еще не менѣе значительный капиталъ, лежащій въ гамбургскомъ банкѣ, вмѣстѣ съ объясненіемъ ея происхожденія и доказательствами ея правъ на русскій престолъ. Императрица Елисавета знала объ этихъ правахъ, поэтому вошла съ ней въ соглашеніе и предоставила ей въ Россіи обширныя имѣнія, съ тѣмъ, чтобы она скрыла свои титулы и права, такъ какъ Елисавета хотѣла, чтобы послѣ нея престолъ достался ея племяннику и удержался въ потомствѣ Петра Великаго. Сирота, не имѣя подъ руками никакихъ способовъ сопротивляться желанію императрицы и будучи въ удаленіи отъ страны, въ которой ей приходилось царствовать, согласилась на это и уступила свои права племяннику Елисаветы, вступившему на престолъ подъ именемъ Петра III. Это было для нея тѣмъ необходимѣе, что она не знала никого изъ русскихъ,

не знала даже русскаго языка, такъ какъ императрица Анна, желавшая сдѣлать наследницей Анну Леопольдовну, которую думала выдать за сына Бирона, поставила непремѣннымъ условіемъ воспитанія отдаваемой сироты совершенное ея незнакомство съ Россіей. Притомъ, когда состоялось это соглашеніе, она была еще такъ молода, что ей не приходило и въ голову желать царствовать. Теперь же, входя въ лѣта, она поняла, что уступила свое первородство за блюдо чечевицы. А какъ за извѣстными событіями, кончившимися низложеніемъ Петра Ш, престолъ занять не его сыномъ, а совершенно постороннею принцесою, не имѣющею на него никакихъ правъ, то она нисколько не считаетъ себя связанною даннымъ ею Елисаветѣ обязательствомъ и, какъ говорили, намѣревается искать при всѣхъ дворахъ Европы поддержки своимъ несомнѣннымъ правамъ.

Въ дополненіе ко всему разсказанному, Чарномскій прибавилъ, что, по его мнѣнію, теперь ей должно быть уже за тридцать лѣтъ, хотя, по дамскому обыкновенію, она уменьшаетъ свои года. Красавица такая, какихъ немного на свѣтѣ; любезна и ловка чрезвычайно; живетъ роскошно и принимаетъ у себя лицъ самаго высшаго общества.

— Воспитана она прекрасно, говорилъ Чарновскій, — французскимъ, англійскимъ, нѣмецкимъ и италіянскимъ языками она обладаетъ въ совершенствѣ. Говорятъ еще, продолжалъ Чарномскій, — будто она говоритъ по-персидски, и будто который-то изъ ея дядей, спасаясь отъ преслѣдованія Анны Иоанновны и Бирона, бѣжалъ въ Персію; но въ какой степени это справедливо онъ не знаетъ, такъ какъ лично отъ нея ничего подобнаго не слыхалъ, хотя и былъ ей представленъ бывшимъ тогда въ Парижѣ его дальнимъ родственникомъ, Мирскимъ.

— Не есть ли это перстъ провидѣнія, указывающій намъ путь къ сокрушенію враговъ нашихъ? проговорилъ вдохновенно и поднявъ черные глаза свои въ потолокъ отецъ Бонифацій. — Не есть ли это указаніе свыше на то, что нѣкогда намъ отворило врата Москвы? прибавилъ онъ, какъ-бы получая внушеніе свыше.

Радзивиллъ слушалъ разсказъ Чарномскаго весьма внимательно; потомъ обратился къ нему и спросилъ:

— Ты говоришь, пане добродзею, что она красавица?

Чарномскій разсыпался въ восторженныхъ похвалахъ, описывая ея наружность. Іезуитъ переглянулся съ Кучинскимъ.

— А не слыхалъ, панъ, спросилъ у Чарномскаго Бѣндзинскій: — большіе капиталы въ Амстердамѣ и Гамбургѣ были на нее положены?

— Говорили, будто до шестнадцати миліоновъ ливровъ, а иные утверждаютъ будто болѣе миліона ливрововъ! Да говорятъ, русскія имѣнія ея стоятъ по крайней мѣрѣ вчетверо противъ этой суммы! отвѣчалъ Чарномскій, до котораго слухи о капиталахъ княжны Владимірской видимо дошли въ преувеличенномъ видѣ.

— О—о! шутливо воскликнулъ панъ Кучинскій и обратился къ Радзивиллу.—Вотъ, ясновельможный князь, обожаемой пане коханко, вотъ бы вамъ невѣста! Войти бы вамъ съ ней въ Москву и вѣнчаться вмѣстѣ на царство въ древней столицѣ великой Московіи! И богата, и красива, и умна, и съ такими правами.

Радзивиллъ вдругъ ударилъ себя по лбу.

— А что жъ? сказалъ онъ,—развѣ не можно?

— Отчего не можно; если пану Мнишку... началъ было Бѣндзинскій; но отецъ Бонифацій перебилъ его, сказавъ:

— Если ты, панъ, согласенъ, то я испрошу благословіе святѣйшаго отца, а съ его благословіемъ все можно! Потомъ онъ прибавилъ:—И можетъ быть Богъ судилъ тебѣ, свѣтлѣйшій князь, и твоему пресвѣтлому роду, быть возстановителемъ истинной вѣры въ этой несчастной странѣ схизматиковъ, не признающихъ высшаго догмата христіанства—боговдохновенности и святости нашего святѣйшаго владыки. Такъ ты согласенъ, князь? Съ его благословіемъ горы сдвигаются съ мѣстъ!

— Разумѣется, согласенъ; еще бы не согласиться! А право мнѣ бы пристало быть крелемъ московскимъ!

— И царемъ казанскимъ, астраханскимъ, сибирскимъ и всѣхъ другихъ царствъ и земель самодержавнымъ повелителемъ, прибавилъ, Кучинскій.

— Идетъ, идетъ! души не пожалѣю! восторженно воскликнулъ Радзивиллъ.—Души не пожалѣю, вотъ вамъ моя рука и честное слово Радзивилла!..

Съ этими словами паны пошли въ залъ, а тамъ уже гремѣла музыка и нѣсколько паненокъ подбѣжало къ Радзивиллу, выбирая его въ фигуры мазурки.

— Стой! Куда лѣзешь, образина? Сюда нельзя! Ворочай, пока цѣль!

Это заявленіе сдѣлалъ мужикъ въ сѣромъ зипунѣ, стоявшій въ жигулевскихъ горахъ на берегу р. Волги, передъ одной изъ самыхъ непроходимыхъ трупобъ, загороженной еще

рогаткою, въ то время, когда рогатку эту хотѣлъ сдвинуть пробиравшійся по тропинкѣ мужикъ съ лошадыю въ поводу.

— А рази нельзя? П'олубчиѣ, пропусти, даже нужно! отвѣчалъ мужикъ, молодой парень, въ отличной суконной безрукавкѣ, красной рубашкѣ и поярковой шляпѣ съ павлинымъ перомъ. Онъ велъ за собой подъ устцы дорогаго заводскаго коня, въ тонкомъ суконномъ чепраѣ, но безъ сѣдла!

— Пошелъ! Говорять, нельзя, и уходи пока живъ! Что мнѣ изъ-за тебя свою шкуру подставлять, что ли?

— Что ты, Богъ съ тобой? Мнѣ крайне нужно! Я поднесу, коли пропустишь, право! Вотъ въ воскресенье на базарѣ, какъ придешь, такъ и иди прямо къ Заворухѣ, я угощу!

— Убирайся ты къ дьяволу съ твоимъ угощеніемъ! Что у насъ вина мало, что ли? замахиваясь толстою суковатою палкою, говорилъ сторожъ.— Да и каковой лѣшій носить тутъ васъ, чертей? Чѣмъ бы дома сидѣть, да оволо бабъ своихъ грѣться, а они, куда тоишь ни на есть, въ самую преисподнюю лѣзутъ! Ну куда ты? Зачѣмъ лѣзешь? Тутъ и пути нѣкуда нѣтъ!

— Мнѣ нужно самаго-то вашего набольшаго повидать!

— Набольшаго, ишь ты! Такъ онъ тебя къ себѣ и пустить! А пустить, такъ рази тебѣ охоче на первой осинѣ висѣть, да ногами болтать!

— За что же? Вѣдь я ему не супротивство какое оказываю, а вотъ коня ему веду.

— Да ты изъ какихъ?

— Изъ бѣглыхъ.

— А это другое дѣло! Коли изъ бѣглыхъ, да еще съ конемъ, то погоду маненько, а те проведу!

И онъ какъ-то особо свистнулъ.

Черезъ секунду свистъ отозвался, и къ разговаривавшимъ подошелъ другой мужикъ, зѣвая и почесывая затылокъ, тоже съ дубиной и широкимъ ножомъ за поясомъ.

— Чаво тебѣ?

— А вотъ поглядь здѣсь, я парня къ Перфилицу сведу. Изъ бѣглыхъ, атамана видѣть хочеть, коня въ даръ ведесть,

— Ладно! Только повороти скорѣй, а то мочи нѣтъ какъ спать хочеться!

Новые знакомцы направились въ густоту лѣса. Но черезъ нѣсколько минутъ они снова были остановлены, снова нельзя!

— Что такъ?

— Атаманы совѣтъ держать! Да ты къ кому?

— Къ Перфильчу. Вотъ новеньяго веду, изъ бѣглыхъ! Набольшему-то коня привелъ!

— Постой, велю сказать.

И опять свистъ, опять нужно ждать, и опять явился подсмѣнный, котораго посылають связать Перфильчу, что вотъ дескать такъ и такъ, новенькій пришелъ, съ конемъ атаману въ подарокъ.

— Ты отчего бѣжалъ-то? спросилъ стоявшій на сторожѣ мужикъ, вырѣвая себѣ дубину изъ толстаго сука дивой яблони, который передъ тѣмъ срѣзалъ.

— Умирать не закопѣлось; драли до полусмерти и хотѣли снова начать.

— А драли-то за что?

— Случай такой пришелъ. Я былъ конюхомъ, вонъ за этими самымъ жеребцомъ смотрѣлъ, а тутъ...

Но Парфену—читатели разумѣется угадали, что это былъ онъ,—не удалось рассказать исторію своего побѣга. Его потребовали къ атаманамъ.

Атаманы въ это время сидѣли на прогалинкѣ, подлѣ потухавшаго востра. Передъ ними на травѣ стоялъ небольшой съ выбитымъ дномъ боченокъ мадеры, изъ котораго каждый зачерпывалъ когда хотѣлъ небольшой, должно быть унесенной съ чьей нибудь барской кухни, желѣзной чумичкой или уполонникомъ.

Атамановъ было четверо. Двое изъ нихъ намъ знакомы. Одинъ—извѣстный намъ дѣтина, поджидавшій на Дону ограбить кого нибудь, чтобы поѣсть. Другой, его крестовый младшій братъ Перфильчъ, съ кѣмъ они пона грабили. Остальные двое намъ незнакомы, но мы еще будемъ имѣть случай съ ними познакомиться. Оба человѣка молодые, вѣрные и видно было, что не надъ многимъ задумаются. Одного звали Толкачевымъ, другаго Твороговымъ. Оба казаки изъ Яицкой слободы.

— Ну какое это вино. Только слава, что заморское! сказалъ Перфильчъ, допивъ уполонникъ и опуская его въ боченокъ.—И не забираетъ вовсе, хоть весь боченокъ выпей. То-ли дѣло наше-то, расейское, отъ того хоть кто оживетъ.

— Какое тутъ къ чорту оживленіе! Вотъ купца бы ограбить, такъ это оживленіе. А то ножи заржавѣли! сказалъ Толкачевъ.

— Да и это вино, худо ли оно, хорошо ли, скоро все выйдет, а другаго нѣтъ, замѣтилъ Твороговъ.

— Ну за виномъ дѣло не станеть, отвѣчалъ Толкачевъ.— Пойдемъ, любой кабакъ разграбимъ—и дѣло въ шляпѣ, и водка въ запасѣ!

— Да, чтобы въ лѣсу напиться, а въ тюрьмѣ выспаться. Нѣтъ, это не дѣло, господа атаманы, сказалъ нашъ дѣтина.— Мы силы не набрали еще столько, чтобы прямою рукою, что намъ нужно, брать. Вотъ когда силу заберемъ, другое дѣло!

— Такъ что-жъ, безъ вина такъ и быть? спросилъ Перфильчъ.

— И безъ вина посидишь, когда въ лѣсу тетерева обойти не умѣлъ. Эдакая благодать: помѣщица въ два возка ѣхала; то-то добра, думаю, было! замѣтилъ Толкачевъ задумчиво.

Дѣтина молчалъ.

— Да когда никто и не подумалъ на помощь придти! Ну ты, Сидоръ Ивановичъ, пуцай, за дѣломъ ходилъ; а они что? Нажрались себѣ водки, да имъ и трава не рости! А все, какъ ни какъ, а съ барынею-то четверо людей, да двѣ бабы было; одному-то и не больно сподручно.

— Да, братцы, это точно. Такъ нельзя! Нужно единство, нужно послуханіе наблюдать! А то одинъ днемъ хочетъ въ село идти кабакъ грабить, другой упускаетъ старуху оттого, что ему помощи нѣтъ. Это неладно. Надо какъ нибудь уладить съобща.

— Само собою неладно. Да что, Сидоръ Ивановичъ, ты вѣдь нашъ братъ старшой, ты и распорядишься, атаманствуй. Вели, прикажи,—а мы слушать будемъ. Я твой первый послушникъ; провинюсь—вели высѣчь; коли никого не будетъ, я самъ себя высѣку, сказалъ Перфильчъ, опять зачерпывая уполовниекъ.

— Что-жъ и въ правду, Сидоръ Ивановичъ, ты у насъ голова; и Перфильчъ, и мальцы тебя больше всѣхъ слушаютъ, такъ будь нашъ главный атаманъ, а мы твои есаулы будемъ.

— Стало быть, я царь, а вы мои графы! оскаливъ зубы, проговорилъ дѣтина.—Коли велю кому голову отрубить, такъ ослушанья не будетъ? И онъ звонко засмѣялся, оглаживая свою, едва начинавшую показываться бородку.

— Хоть и графы; а коли хоть и между нами найдется таковой ослушникъ, то разомъ усмиримъ! Озорника и бунтовщика, по моему, въ куль, да въ Волгу! Дѣло и будетъ въ порядкѣ.

— Такъ хотите, братцы?

— Ну да, хотимъ, хотимъ, Сидоръ Ивановичъ! Ты же че-

ловѣвъ, почитай, не пьющій; по крайности вино тебя нивели не пробираетъ, а силища то, силища, страсть! Атаманствуй, Сидоръ Ивановичъ, или хоть царствуй; какъ тамъ ни зови, только хлѣбомъ корми!

— А вотъ въ позапрошломъ году, говорятъ, явился какой то на Яикѣ, который заявилъ, что онъ-де самъ царь-государь...

— Да недолго поцарствовалъ. Черезъ недѣлю его, раба Божія, схватили; какъ наказывали его я смотрѣлъ.

— Чего смотрѣть-то было? Я съ нимъ былъ, съ нимъ и попался, да, видишь, меня не наказывали. А тутъ ужъ больно неразумно было.

Въ это время къ нимъ подошелъ молодецъ.

— Господа атаманъ, сказалъ онъ:—чей-то человекъ пришелъ; говорить, изъ бѣглыхъ; къ намъ служить просится. Атаману въ даръ коня привель.

— Ниче атамановъ нѣтъ. А вотъ царь!

— Царь?

— Да, царь; что ротъ-то разинулъ?

— Такъ что же сказать-то человеку?

— Зови къ царю!

— Да смотри же, вели кланяться пониже, чествовать по усерднѣе, а то тутъ же повѣсимъ; дескать, царь не любитъ неповорныхъ! прибавилъ Твороговъ.

Малецъ ушелъ и сталъ звать Парфена къ царю.

— Къ какому царю, къ настоящему?

— А бисъ его знаетъ какой! Коли говоритъ царь, такъ должно быть настоящий. Да смотри, воли не хочешь на суку висѣть, кланяйся ниже.

Парфенъ струсилъ и, войдя, бухнулъ въ землю.

— Чего тебѣ?

— Твоей милости послужить и конемъ барскимъ поклониться.

— Ладно! Перфилицъ, возьми его въ свою сотню и коня огляди! Коли хорошъ, ему же подъ присмотръ отдай!

— Я не одинъ, батюшка царь. Со мною односельянъ человекъ съ двадцать, тебѣ послужить желаютъ.

— Чьей вотчины?

— Култуханова. Лютъ больно, бѣжали!

— Ладно, ладно! Осмотри, Перфилицъ, и прими, воли годятся; а негодныхъ по мѣстамъ разослать, чтобы куда ни придемъ, языковъ побольше было. Да слышь, скажи своимъ:—не своевольничать, слушать начальство. Это первое дѣло! А то ту

же минуту на первую осину! Вонъ у меня и графы, и тѣ послушаніе оказываютъ.

— Ну, для начала прибавка силы хорошая, сказалъ дѣтина, когда принятаго новобранца увели.— Да Богъ дастъ и много еще прибавится; Култухановы разные позаботятся. И мы тогда, подожди, стариною не хуже Стеньки Разина тряхнемъ!

А. Шардинъ.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ АНГЛІЙСКОЙ ЖИЗНИ.

(ЭТЮДЫ И ОЧЕРКИ ЛЕОПОЛЬДА КАТЧЕРА).

IV.

ИСТЭНДЪ.

«Лондонъ есть городъ контрастовъ».

Подъ каждымъ изрѣченіемъ, поставленнымъ въ видѣ эпиграфа, обыкновенно означается имя автора, у котораго оно заимствовано. Читатель, впрочемъ, напрасно сталъ бы доискиваться этого имени, взглянувъ на вышеприведенную цитату въ заголовкѣ нашей статьи; мы даже сами не знаемъ, кто первый изрѣкъ эту фразу, но убѣждены именно въ томъ, что всякій, кому бы ни случилось побывать въ Лондонѣ, непременно и невольно произнесетъ ее. Человѣкъ, повторяющій эту фразу, разумѣется не скажетъ ничего новаго; но тѣмъ не менѣе всякій, говоря о громадной столицѣ всемірной торговли, положительно не въ состояніи будетъ удержаться отъ восклицанія, что: «Лондонъ есть городъ контрастовъ раг excellence!» какъ бы ни показалось оно избитымъ. Это также своего рода старая исторія, которая вѣчно остается новою и какъ бы насильственно вторгается въ мозгъ даже самого поверхностнаго наблюдателя, имѣвшаго случай прогуляться по Лондону впродолженіи хотя

бы только одного часа. Самая рафинированная, доведенная до самой высшей степени развитія культура на каждомъ шагѣ сталкивается съ самымъ страшнымъ, самымъ грубымъ, доходящимъ до дикости невѣжествомъ; самыя несмѣтныя богатства идутъ объ руку съ самою невообразимою бѣдностью, причемъ трудно сказать, что собственно преобладаетъ въ этой массѣ: блескъ или нищета. Какая разница между восточною и западною частями Лондона, между сѣверо-восточными и сѣверо-западными, между юго-восточными и юго-западными! Въ одномъ мѣстѣ вы встрѣчаете французскую колонію, въ другомъ—итальянскую, въ третьемъ—китайскую, въ четвертомъ—нѣмецкую или даже негритянскую! Мы однакожъ воздержимся отъ искушенія описать то, что уже было многократно описано людьми болѣе талантливыми, и займемся здѣсь исключительно описаніемъ только одной мѣстности Лондона, именно Истэнда.

Истэндъ по преимуществу всегда обращалъ на себя вниманіе нѣмецкихъ писателей, что собственно и дало намъ мысль, не вторгаясь въ область того, что уже было изображено нашими уважаемыми предшественниками, заняться изученіемъ той сферы, которая была затронута ими менѣе прочихъ, но которая тѣмъ не менѣе представляетъ, какъ намъ кажется, большой интересъ. Съ этою цѣлью, воспользовавшись рекомендательными письмами вліятельныхъ лицъ, мы обратились къ главному начальнику лондонской полиціи съ просьбою, дать намъ, т. е. пишущему эти строки и его пріятелю, одного надежнаго, компетентнаго въ своемъ дѣлѣ человѣка, который могъ бы соуправлять намъ ночью при обходѣ вышеупомянутыхъ восточныхъ лондонскихъ округовъ, куда мы, при всемъ уваженіи, питаемомъ нами къ бдительности тамошней полиціи, не рѣшались однакожъ, отправиться безъ провожатаго. Полковникъ Гендерсонъ былъ настолько любезенъ, что прислалъ намъ, въ качествѣ проводника, мистера Гоу, «инспектора всѣхъ постоянныхъ дворовъ и ночлежныхъ пріютовъ». Этотъ господинъ, находящійся на службѣ въ отдѣленіи сыскной полиціи, имѣетъ въ своемъ непосредственномъ, главномъ завѣдываніи ту часть, которой предоставленъ надзоръ за пріютами для бѣднаго населенія, въ особенности за «low lodging houses», т. е. «низшаго разряда пріютами», которые представляютъ собою нѣчто въ родѣ гостиницъ самаго послѣдняго разбора, гдѣ находятъ дешевое помѣщеніе разные мастеровые, рабочій людъ, воры, публичныя женщины, матросы и т. д., однимъ словомъ, всѣ люди не имѣющіе опредѣленнаго пристанища. И такъ, мы условились—это было

въ началѣ ноября — сойтись вечеромъ въ полицейское бюро Леманъ-Стрита (White-Chapel), общая нашему провожатому, что мы одѣнемся въ старое платье и не возьмемъ съ собою ничего цѣннаго, выключая только одного или двухъ шиллинговъ про запасъ, если-бы вздумалось что нибудь выпить или закусить.

Разумѣется, мы не пропустили времени, назначеннаго для нашего rendez-vous и явились въ Леманъ-Стритъ акуратно въ восемь часовъ. Тутъ мы имѣли тотчасъ же случай видѣть нѣчто весьма интересное: при насъ въ полицію приведенъ былъ съ улицы пьяный, который тамъ сильно набуянилъ. Мы послѣдовали за нимъ въ арестанскую. Это крошечная комната, съ каменными скамейками по стѣнамъ, насвѣозъ пропитанная такою зловонною атмосферой, которая одна сама по себѣ должна была бы отбить у всякаго охоту въ буйнымъ выходкамъ, влекущимъ за собою подобнаго рода арестъ. Но вслѣдствіе давнишняго афоризма, что нехорошо человѣку «быть едину», въ эту нору помѣщаютъ двоихъ людей, конечно только не мужчину вмѣстѣ съ женщиной, до слѣдующаго утра, когда, послѣ произведеннаго обоимъ арестантамъ судебного допроса, это кратковременное знакомство обыкновенно прекращается. Однакожъ, намъ пора отправиться въ обходъ, который, какъ намъ говорили, займетъ у насъ отъ четырехъ до шести часовъ времени. Мы готовились посѣтить совсѣмъ особенный міръ, картины котораго способны навести всякаго философа на весьма серьезныя, а всякаго филантропа на весьма грустныя размышленія. Мы, съ своей стороны, конечно, никогда не забудемъ этой ночи. Въ нашемъ описаніи мы будемъ строго придерживаться истины, безъ всякихъ прикрасъ, и только голыхъ фактовъ, которые безъ сомнѣнія будутъ краснорѣчивѣе говорить сами за себя, чѣмъ всѣ наши собственные моральные выводы.

Прежде всего, намъ предстояло отправиться въ Бетналь-гринъ для осмотра тамошнихъ «Low lodging houses». Мы должны были проходить по цѣлому лабиринту узенькихъ, грязныхъ, воющихъ закоулковъ, куда и днемъ заглянуть было бы страшно. Наконецъ, нашъ чичероне остановился передъ однимъ низенькимъ, двухъэтажнымъ домомъ и ввелъ насъ туда. Какой-то человѣкъ, который, повидимому, былъ очень польщенъ нашимъ посѣщеніемъ, посвѣтилъ намъ. Въ нижнемъ этажѣ глазамъ нашимъ представилась большая кухня, въ которой топились три большихъ камина, около которыхъ сгруппировалось порядочное количество бѣдно одѣтыхъ людей; кто просто стоялъ передъ огнемъ, кто жевалъ кусокъ хлѣба, кто варилъ себѣ какую-то

пищу, кто курил трубку. Съ перваго же взгляда таѣ и видишь, что имѣешь дѣло съ рабочими, нищими, ворами и бродягами. Возлѣ кухни находился большой чанъ для умыванья съ 8-ю или 10-ю тазами. Въ первомъ и во второмъ этажѣ нѣсколько просторныхъ комнатъ, въ которыхъ стоитъ по 20 и по 40 кроватей. Въ этотъ «Hotel's» принимаются только мужчины. Каждый мужчина платитъ за ночлегъ четыре пенса, за которые онъ пользуется кроватью, водою для умыванья и кухнею, гдѣ онъ имѣетъ право сварить себѣ что нибудь на завтракъ, если принесъ съ собою какую нибудь запасъ провизіи. Такою дешевою квартирою пользуются безъ разбора всѣ честные и нечестные люди, которые или недавно пріѣхали въ Лондонъ, или живя постоянно въ Лондонѣ, не имѣютъ своей собственной семьи. Воздухъ въ этомъ помѣщеніи свосный, потому что инспекторъ заботится о поддержкѣ хорошей вентиляціи и о томъ, чтобы не было переполненія пріюта жильцами. Намъ очень понравилось одно чрезвычайно практическое учрежденіе, которое въ то же время вызвало у насъ невольный смѣхъ. На каждой полотняной вещи, на каждомъ одѣялѣ, на каждой наволочкѣ находится по срединѣ ея большой, отпечатанный крупными буквами, штемпель, съ слѣдующею надписью: «Украдено изъ такого-то Lodging-House'a», что уже дѣлаетъ похищеніе этихъ вещей невозможнымъ, а вырваніе полотняныхъ кусковъ изъ этихъ предметовъ—совершенно бесполезнымъ. Если мы, даже ранѣе нашего посѣщенія въ пріютъ, знали, что обитатели его часто бываютъ «нечисты на руку», то теперь, взглянувъ на такую предосторожность, убѣдились въ этомъ еще болѣе.

Когда мы вышли изъ этого дома, то нашъ провожатый сообщилъ намъ, что этотъ пріютъ самый дорогой и самый лучший изъ всѣхъ прочихъ; что есть такіе ужасные ночлежные пріюты, гдѣ платится не болѣе одного или двухъ пенсовъ за ночь, чтобы уснуть, «но уже не спрашивайте, какъ?» Пріюты подобнаго рода содержатся преимущественно китайцами для своихъ скуныхъ соотечественниковъ, и мистеръ Гоу заявилъ, что онъ положительо не совѣтуетъ намъ заглядывать туда. А вмѣсто того, мы посѣтили еще два такихъ lodging houses, въ той же самой улицѣ, которая почти вся состоитъ изъ домовъ, гдѣ помѣщаются ночлежные пріюты и тому подобныя заведенія. Одно изъ нихъ предназначено собственно для лицъ женскаго пола. Устройство и удобства тѣ же самыя, что и въ мужскомъ пріютѣ, съ тою только разницею, что цѣна дешевле ($3\frac{1}{2}$ пенса), но содержаніе погрязнѣе. Воздухъ въ этихъ помѣщеніяхъ страшно испорченъ,

потому что женщины почти цѣлый день сидятъ дома, между тѣмъ, какъ мужчина почти цѣлый день не бываетъ дома. Помѣщающаяся здѣсь публика состоитъ изъ бездожностныхъ работниковъ, изъ «погибшихъ» женщинъ, которыя не имѣютъ достаточно средствъ для того, чтобы обзавестись собственною квартирою, изъ нищихъ, бродягъ и варманныхъ воровокъ.

Третій lodging house, который мы посѣтили къ крайнему удивленію его обитателей, принадлежитъ къ разряду «смѣшанныхъ», т. е. гдѣ находятъ пріютъ сожители обоихъ половъ. Сюда обыкновенно стремятся попасть какіе нибудь бездѣтные супруги, пропивающіе свой дневной заработокъ и не желающіе стѣснять себя наймомъ квартиры; а затѣмъ уже всякая другого рода сволочь. Здѣсь нѣтъ большихъ комнатъ, а есть только крохотныя каморки для двоихъ, за что платится шесть пенсовъ. Впрочемъ, есть еще одна болѣе просторная комната, гдѣ поставлено двѣнадцать кроватей для временныхъ гостей ночлежныхъ пріютовъ, съ платою трехъ пенсовъ за одну ночь. Комната эта представляетъ уже совсѣмъ неприличный видъ. Отдѣльной комнаты для умыванія здѣсь не существуетъ совсѣмъ. Кухня, замѣняющая въ этихъ домахъ общую залу, куда собираются поболтать, гораздо просторнѣе кухонь въ другихъ подобнаго рода заведеніяхъ, и тутъ можно увидеть ужасныхъ личностей. Разстрепанныя женщины, сидяція передъ огнемъ на корточкахъ съ скотскимъ выраженіемъ лица, и бурація изъ коротенькихъ трубочекъ, изъ которыхъ выпускаютъ цѣлые клубы табачнаго дыма, внушаютъ къ себѣ особенное отвращеніе.

Common lodging house принадлежитъ частнымъ людямъ, но никому еще не приходило въ голову основать для такого учрежденія компанію на акціяхъ, хотя дѣло это, само по себѣ, могло бы доставить предпринимателямъ хорошую выгоду, по примѣру акціонерныхъ компаній, имѣющихъ столовыя и кофейни для бѣднаго истандскаго люда. Посѣщенные нами, вышеупомянутые постоянные дворы положительно лишены всего, что дѣлаетъ пребываніе въ гостиницахъ для зажиточныхъ классовъ пріятнымъ или даже непріятнымъ, потому что въ первыхъ нѣтъ безчисленнаго множества всякой прислуги. Счеты сводятся тутъ очень скоро; часто не нужно звонить, чтобы позвать къ себѣ «кельнера» или «чернорабочую прислугу», по той самой причинѣ, что онъ не имѣетъ надобности въ помощи какой бы то ни было прислуги; онъ избавленъ отъ непріятности «требовать счетъ» и сердиться на то, «что все такъ страшно дорого»; а о несносныхъ подачкахъ «на водку», конечно, уже не можетъ быть

и помина. Все, чего требуютъ отъ гостя, это взносъ, при входѣ въ домъ, своихъ двухъ пенсовъ въ кассу, какъ-бы за билетъ на проѣздъ по желѣзной дорогѣ.

А «Common lodging house inspector» уже обязанъ наблюдать за тѣмъ, чтобы каждый квартирантъ получалъ въ заведеніи помѣщеніе, соотвѣтственное цифрѣ заплаченныхъ денегъ, и при этомъ нужно замѣтить, что за ничтожную плату четырехъ пенсовъ (32 пфенига или 17 австрійскихъ крейцера) можно имѣть, разумѣется относительно, весьма порядочное помѣщеніе.

Послѣ того, какъ мы досыта насмотрѣлись на эти Lodging Houses, намъ уже захотѣлось нѣкоторой переменны; мистеръ Гоу, какъ будто угадалъ наше желаніе и прямо повелъ насъ въ одну изъ «thieves kitchen», т. е. въ воровскую кухмистерскую или воровской клубъ. Такъ называются притоны, которыхъ въ Лондонѣ множество, гдѣ сходятся всѣ воры, чтобы, посреди пропитаной табачнымъ дымомъ атмосферы, потолковать о вопросахъ, касающихся ихъ общаго ремесла, или о какихъ нибудь простыхъ, обыкновенныхъ вещахъ. Полиція допускаетъ существованіе такого рода притоновъ, потому что они часто доставляютъ ей возможность отыскать тамъ преслѣдуемаго ею преступника. Я былъ заранѣе предупрежденъ относительно бесполезности моей попытки узнать отъ этихъ бродягъ тайны ихъ ремесла, но что мнѣ охотно сообщать кое-что, касающееся прямо спекулятивной стороны этого дѣла. Всѣ въ одинъ голосъ увѣрали, что благородное искусство воровства далеко не прибыльное и божились, что между ворамъ не найдется ни одного человѣка, который этимъ путемъ составилъ бы себѣ состояніе. Оказывается, что, напримѣръ, въ самомъ Лондонѣ ежегодно воруетъ среднимъ числомъ столько, что на долю каждаго вора приходится никакъ не болѣе 60 или 80 фунтовъ стерлинговъ; цифра эта, которая уже сама по себѣ не очень высока, уменьшается еще вслѣдствіе того, что укрыватели воровскихъ вещей даютъ только отъ 2 до 30 процентовъ съ настоящей ихъ стоимости; такимъ образомъ, воры крадутъ для другихъ людей, обираемыхъ ихъ въ свою очередь. Этотъ съ истари существующій цехъ особеннаго рода ремесленниковъ терпитъ также множество всякихъ другихъ неприяностей и помѣхъ. Поэтому, насъ нисколько не удивило, когда нѣкоторые изъ этихъ бродягъ-воровъ высказались не въ пользу практикуемаго ими ремесла и что они охотно сдѣлались бы честными людьми, если-бы ихъ учили съ молодости чему нибудь путному. У другихъ просто не достааетъ нравственнаго мужества, чтобы покинуть жизнь, пол-

ную всякихъ приключеній, порока и праздности, къ которой они уже такъ сильно привыкли. Впрочемъ, многіе изъ нихъ обрѣтаютъ себѣ убѣжище и спасеніе въ городскихъ миссіонерскихъ заведеніяхъ («City Missions»).

Когда мы отправились далѣе, то нашъ проводникъ между тѣмъ разсказалъ намъ нѣсколько забавныхъ воровскихъ анекдотовъ, одинъ изъ которыхъ, какъ самый забавный, мы намѣрены сообщить нашимъ читателямъ. Пріятель одного City Missioner'a вдругъ замѣтилъ, что потерялъ свои перчатки, которыя онъ самъ положилъ въ задній карманъ своего сюртука. Вскорѣ послѣ этого, ему случилось опять проходить той самой улицей, гдѣ онъ хватился своихъ перчатокъ; тогда вдругъ подходитъ къ нему какой-то человѣкъ, съ его собственными пропавшими перчатками въ рукахъ, и говоритъ ему:

— Если-бы я зналъ вчера, кто вы такой, то ни за что не укралъ бы у васъ изъ кармана перчатокъ. Я принесъ вамъ ихъ обратно; извините меня, пожалуйста!

Между тѣмъ мы прошли черезъ Хуайтченель въ Шэдвелль; это одна изъ самыхъ отвратительныхъ частей города, которая граничитъ съ Темзой, торговымъ трактомъ и Леманъ-Стритомъ. Проходя мимо королевскаго монетнаго двора, мы вошли на Докъ-Стритъ, гдѣ очутились прямо передъ громадѣйшимъ, самыхъ колоссальныхъ размѣровъ зданіемъ, которое положительно загородило собою небо. Это «лондонскіе доки». Только тотъ, кому случилось побывать здѣсь днемъ, можетъ постичь ту поразительную разницу между страшнымъ, неумолкаемымъ шумомъ, происходящимъ здѣсь въ продолженіи рабочихъ часовъ, и той мертвенною тишиною, которая господствуетъ тутъ послѣ ихъ окончанія. Пройдя нѣсколько шаговъ, мы уже находились въ Сентъ-Джорджъ-Стритъ, которая служитъ какъ-бы продолженіемъ Шэдвелль-Стрита. Это именно та знаменитая или, правильнѣе говоря, получившая такую нелестную для себя извѣстность, улица, которая за нѣсколько лѣтъ тому назадъ носила названіе «Radcliffe Highway». Такихъ улицъ и такихъ переулковъ какъ въ этомъ кварталѣ вѣроятно не найдется нигдѣ, ни въ одномъ городѣ земнаго шара. Всѣ эти «Lanes», «Courts», «Rows» и т. д. невообразимо узки, невообразимо грязны, а воздухъ поражаетъ своимъ невообразимымъ зловоніемъ. Всѣ они въ такой же степени похожи между собою, какъ два яйца, которыхъ нельзя отличить одно отъ другаго, и всѣ одинаково тѣсно застроены одинаковаго вида низенькими, закопченными, полуразвалившимися домами, которымъ смѣло можно дать названіе рассадни-

ковъ всевозможныхъ болѣзней. Большинство этихъ закоулковъ и дворовъ кишмя кишитъ населяющими его существами, составляющими отребіе или поддонки человѣческаго общества. Но притомъ къ сожалѣнію нужно замѣтить, что не малый контингентъ этого населенія составляютъ разорившіеся нѣмцы, съ трудомъ добывающіе себѣ какое нибудь пропитаніе. Въ такихъ мѣстахъ обыкновенно сидитъ снаружи все тамошнее населеніе, если не ушло все доголовно въ кабаки; весь этотъ сбродъ сидитъ у воротъ на крыльцахъ домовъ, разговаривая хриплыми головами, отплеиваясь и ругаясь безъ умолку; а грудныя дѣти ползаютъ, какъ червяки, по грязной мостовой. Тутъ вообще такая тѣснота, что всякій невольно загораживаетъ другому дорогу, что вызываетъ нескончаемую брань, ссоры, потасовки, визгъ, гамъ и вопли. Если посреди этой всеобщей толкотни случайно очутится какой нибудь проходящій мимо и прилично одѣтый господинъ, то его тотчасъ же окружаютъ, какъ стая голодныхъ собаченковъ, цѣлая толпа ворявыхъ, чумазыхъ, босоногихъ, косматыхъ ребятъ, которая оглушитъ его своимъ клянчаньемъ: «а halfpenny, sir!» или на него набрасывается нѣсколько одѣтыхъ въ лохмотья дѣвченокъ, которыя пристають къ нему съ просьбою угостить ихъ стаканомъ водки и дать имъ шесть пенсовъ, которыхъ у нихъ всегда недостаетъ, чтобы заплатить за нанимаемый уголь. «It is to pay the rent, sir!» какъ вообще выражаются онѣ. Намъ случалось и прежде довольно часто бывать въ этомъ кварталѣ города, но это всегда приходилось днемъ и тогда вся эта страшная нищета какъ-бы терялась въ томъ шумномъ, непрерывномъ движеніи, которое вызывается близостью доковъ и сосѣдствомъ громадныхъ товарныхъ складовъ («warehouse»). Впродолженіи дня въ Истэндѣ кипитъ торговая дѣятельность, а ночью выступаютъ на сцену всѣ человѣческія горести и развратъ; только послѣ захода солнца и послѣ того, какъ совсѣмъ утихнетъ оглушающій стукъ колесъ товарныхъ фуръ, бываетъ замѣтна вполнѣ неприглядная, обратная сторона медали.

Днемъ и ночью Шэдвелль-Стритъ кишитъ всеими нищими, «погибшими женщинами», карманными ворюжками, ростовщиками самаго низшаго разряда, однимъ словомъ, тутъ всплываютъ наружу всѣ поддонки человѣчества. Изъ трактировъ раздаются визгливые, какъ-бы царапающіе ваши нервы, звуки скрипки и дикіе возгласы пьяныхъ людей. Каждую минуту вы можете натенуться на какое нибудь побоище или потасовку; послѣднія, какъ рассказываютъ, чаще всего происходятъ между ирланд-

ками. Сердце ваше невольно сжимается при этихъ выливаньяхъ, напоминающихъ собою крикъ совы, при этихъ грубыхъ, площадныхъ взрывахъ хохота, при видѣ этихъ подбитыхъ глазъ и разбитыхъ въ кровь носовъ. Почти на каждомъ шагу попадаютъ тутъ «погибшія» или, правильнѣе говоря, «несчастныя» женщины; онѣ шатаются по улицамъ цѣлыми сотнями, устраивая ловлю матросовъ. Онѣ имѣютъ ужасный видъ: съ растрепанными волосами, въ какихъ-то лохмотьяхъ вмѣсто платья, съ безобразными, рябыми лицами, совсѣмъ пьяныя, полуголодныя, съ охриплымъ голосомъ, съ нахальнымъ, безстыжимъ взглядомъ. Онѣ прямо хватаютъ моряковъ или какихъ нибудь неопытныхъ юношей и тащутъ ихъ сначала въ кабакъ, а оттуда въ какой нибудь вертепъ преступленій, гдѣ, съ помощью своихъ сообщниковъ, или тотчасъ же грабятъ ихъ безъ дальнихъ церемоній, или достигаютъ той же самой цѣли, подъ предлогомъ какой нибудь «игры». Сколько людей, попавшихъ въ эти вертепы, кончали даже тамъ свою жизнь отъ руки убійцы! Полиція не имѣетъ возможности явно придратъся къ этимъ мегерамъ и совершенно уничтожить ихъ; но нашлись нѣкоторые благодѣтели челоуѣчества, которые рѣшились хотя сколько нибудь помочь этому злу, учредивъ такія заведенія, гдѣ эти достойныя жалости созданія могутъ найти себѣ приютъ, если изъявятъ желаніе перемѣнить свой постыдный образъ жизни. Вотъ эти-то самыя приюты и называются «City missionery», цѣль которыхъ заключается въ возвращеніи на путь истины заблудшихъ овецъ. Когда мой спутникъ сообщилъ мнѣ, что существуетъ еще одинъ разрядъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ «gonghs», названіе, которое можно приблизительно перевести словомъ «праздношатающійся»—я выразилъ желаніе посѣтить также нѣсколько приютовъ, куда сходится повеселиться и побесѣдовать между собою этотъ людъ.

Нашъ провожатый привелъ насъ въ одинъ public house, держателемъ котораго былъ какой-то шведъ. Мы, безъ всякихъ околичностей, проходимъ за такъ называемую «bar», которая имѣетъ такой же видъ, какъ и во всѣхъ прочихъ лондонскихъ трактирахъ. Входимъ въ первый этажъ, гдѣ находится приемная зала, весьма простаго, незатѣйливаго вида. За двумя столами сидятъ на скамейкахъ негры, матросы и молодые рабочіе, пившая водку и покурившая трубку. Нѣсколько уличныхъ дѣвокъ пляшутъ съ молодыми парнями, которые въ антрактахъ угощаютъ ихъ стаканомъ водки или кружкою пива, между тѣмъ какъ странствующій нѣмецкій оркестръ, которыхъ въ Лондонѣ

пропасть, терзает непривычный слух всякаго посторонняго посѣтителя убійственными звуками, долженствующими изображать музыку. Но если кто хочет составить себѣ понятіе о томъ, какъ здѣсь обыкновенно веселятся, тотъ не долженъ слишкомъ долго оставаться единственно лишь зрителемъ этого веселья. Поэтому мы присоединились къ общей толпѣ и перекинулись кое-гдѣ словомъ съ находившимися тутъ красавицами. Мое самоотверженіе въ этомъ случаѣ дошло до того, что я былъ бы даже не прочь пуститься въ плясъ; но такъ какъ я не наученъ былъ съ дѣтства благородному искусству музы Терпсихоры, то и предложилъ сдѣлать это вмѣсто меня моему пріятелю. Отвратительная «красавица», которую онъ удостоилъ такой чести, нисколько не воспротивилась этому и была очень довольна предложеннымъ ей угощеніемъ въ видѣ полубутылки пива и стакана коньяку, за что отблагодарила моего пріятеля страстнымъ, пламеннымъ взглядомъ, пропавшимъ совершенно по пустому; но она, кажется, и не рассчитывала заманить его этимъ способомъ въ свои сѣти, а поступила такъ вѣроятно болѣе въ силу привычки.

Въ припадкѣ гражданской симпатіи къ нашимъ землякамъ, мы угостили также нѣсколькими кружками пива и весь обливавшійся потомъ «оркестръ». Кельнеръ, въ поданномъ намъ счетѣ, захотѣлъ вѣроятно оказать намъ особенный почетъ и отличить насъ отъ прочихъ посѣтителей, заставивъ насъ заплатить за все вдвое дороже, на томъ основаніи, что мы имѣли болѣе приличный видъ, чѣмъ всегдашніе, неприличные посѣтители трактира. При этомъ я невольно вспомнилъ про одного деревенскаго трактирщика-итальянца, который порядочно пообчислилъ кошелекъ случайно зашедшаго къ нему шведскаго короля, извиняясь тѣмъ, «что хотя въ его отечествѣ и въ этой мѣстности жизненные припасы и не дороже, чѣмъ въ прочихъ странахъ, но что короли, заходящіе въ деревенскій трактиръ, встрѣчаются рѣдко». Затѣмъ мы ушли.

Теперь намъ нужно было проходить черезъ Gower's Walk; это одинъ изъ самыхъ узкихъ и самыхъ гадкихъ переулковъ. Тамъ мы наткнулись на одну дѣвушку, которая сидѣла на крылечкѣ дома и шила мѣшки. Мы невольно остановились передъ нею, потому что былъ уже двѣнадцатый часъ ночи и видѣть въ эту пору работающаго на улицѣ человѣка представлялось совсѣмъ необыкновеннымъ явленіемъ. Я обратился къ дѣвушкѣ съ вопросомъ относительно рода ея занятій и она сообщила мнѣ, что шьетъ мѣшки для одного товарнаго склада, находя-

шагося въ Сити. А на мой дальнѣйшій вопросъ, почему она такъ поздно сидитъ за работою, она отвѣчала, что ее заставляетъ необходимость, потому что трудъ ея очень плохо оплачивается, и что она должна работать съ восьми часовъ утра до часа пополудни, чтобы получить ничтожную плату въ какіе нибудь восемнадцать пенсовъ. И когда подумаешь, что такимъ образомъ живутъ цѣлыя тысячи бѣдныхъ дѣвушекъ, которымъ, кромѣ самихъ себя, нужно еще прокормить своихъ родителей или малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ, то сердце невольно сжимается и на глазахъ навертываются слезы; а когда потомъ, три мѣсяца спустя, мы прочли въ газетахъ, что за послѣднее время умерли съ голоду двѣ такихъ швеи, то мы поняли такую усидчивость и прилежаніе въ работѣ. Въ раздумьѣ и молча пошли мы далѣе.

Въ Канновъ-Стритъ-Родъ зашли мы еще въ другой public house, содержатель котораго сразу обличилъ свое нѣмецкое происхожденіе слѣдующею выходкою: не успѣли мы войти на лѣстницу и вступить въ общій залъ, какъ вдругъ музыка умоляла и пары танцующихъ остановились на мѣстѣ. Пораженные этимъ обстоятельствомъ, мы попросили объяснить намъ причину его. «Вы не взяли билета, дающаго право пользоваться музыкою и принимать участіе въ танцахъ, и потому, когда сюда является экстраординарный посѣтитель, то музыка и танцы тотчасъ же прекращаются, изъ опасенія, чтобы онъ не донесъ о чемъ нибудь полиціи», отвѣчали намъ. Мы, съ своей стороны, представили удостовѣреніе въ томъ, что не имѣемъ никакихъ злостныхъ намѣреній, и тогда музыка и танцы пошли по прежнему своимъ чередомъ, причемъ мы вели себя точно также, какъ и въ Шэдвелль-Стритъ. Здѣшній залъ однакожъ нѣсколько больше тамошняго; въ немъ есть даже зеркало и нѣкоторыя претензіи на украшенія въ родѣ фресковъ, которыя, конечно, сдѣланы не рувою Макарта или Швинда. Публика, хотя состоящая изъ тѣхъ же классовъ общества, но уже нѣсколько «почище и пообразованнѣе», чѣмъ въ первомъ посѣщенномъ нами public house'ѣ; однакожъ, какъ то, такъ и другое прилагательное нужно понимать условно. Здѣсь уже нѣтъ ни одного негра. Но такъ какъ послѣ всего видѣннаго нами въ Шэдвелль-Стритъ это увеселительное мѣсто не представляло уже для насъ особеннаго интереса, то мы пробыли тутъ недолго и отправились далѣе.

Затѣмъ намъ нужно было проходить однимъ глухимъ переулкомъ, на углу котораго одиноко сидѣла какая-то горбатая старуха съ лоткомъ превосходныхъ грушъ. Плоды показались мнѣ на-

столько апетитными, что я остановился, пропустивъ моихъ товарищей впередъ идти далѣе своею дорогою. Пока я занялся выборомъ грушъ, ко мнѣ подошла какая-то молодая дѣвушка, съ блуждающимъ взглядомъ, очевидно изъ разряда «погибшихъ», и стала просить у меня милостыню. Но такъ какъ она повзалась мнѣ уже слишкомъ пьяною, то я сказалъ ей, чтобы она убиралась прочь. Это однакожь нисколько не смутило ее и она продолжала приставать ко мнѣ все съ тою же просьбою. вмѣсто денегъ я далъ ей грушу, которую она взяла, но, не смотря на то, все-таки требовала, чтобы я далъ ей хотя одинъ пенни. Видя, что мнѣ никакъ не отвязаться отъ нея, я, наконецъ, исполнилъ ея желаніе. Пока я одною рукою расплачивался за груши, а въ другой держалъ кошелекъ, эта негодная тварь выхватила его у меня въ одинъ мигъ. Тутъ только вспомнилъ я о предостереженіи нашего проводника не брать съ собою денегъ въ кошелекъ, а положить ихъ просто въ карманъ. Однакожь я во-время успѣлъ выхватить у нея мой кошелекъ. Тогда, вмѣсто того, чтобы убѣжать прочь, она стала приступать ко мнѣ съ разными безстыдными предложеніями. Я обращаюсь въ бѣгство; прелестная «дама» гонится за мною по пятамъ, но въ ту самую минуту, когда я догналъ моихъ товарищей, она замѣтила сыщика, котораго тотчасъ же узнала, хотя онъ былъ одѣтъ въ партикулярное платье, живо поворотила оглобли и пустилась бѣжать, какъ-бы спасаясь отъ стаи гнавшихся за нею голодныхъ волковъ. Если у меня когда нибудь и являлась прежде мысль одному предпринять ночью экспедицію въ Истэндъ, то это маленькое приключеніе совершенно отбило у меня къ тому всякую охоту.

Человѣкъ никогда не долженъ желать увидѣть то.

Что боги облекли покровомъ ночи и таинственности.

Если же онъ не послѣдуетъ этому благу, преподаваемому Шиллеромъ, совѣту, чего, впрочемъ, невозможно требовать безусловно отъ правописателя, и если онъ все-таки пожелаетъ «увидѣть», то пусть онъ запасается наостреннымъ.... членомъ сыскающей полиціи; это такое оружіе, которое положительно творить чудеса.

Съ такими кровожадными мыслями въ головѣ и лабомясь бушленными мною грушами, мы дошли до такихъ труппъ, гдѣ уже и самъ чортъ ничего не разберетъ, какъ выражаются въ Австріи относительно «весьма уединенныхъ и отдаленныхъ мѣстъ».

Было уже далеко за полночь, а мы болѣе пяти часовъ провели на ногахъ, нигдѣ не присаживаясь, поэтому нисколько неудивительно, что мы чувствовали сильную усталость и что намъ хотѣлось отдохнуть. Вотъ мы и придумали попросить нашего провожатаго свести насъ въ какойнибудь простонародный театръ или балаганъ, чтобы соединить полезное съ пріятнымъ, такъ какъ мы не имѣли еще ни малѣйшаго понятія о «храмахъ музъ» (sic!) подобнаго разряда; но мы, впрочемъ, не стыдимся въ этомъ случаѣ своего невѣдѣнія по этой части, потому что вообще найдется очень мало людей, знакомыхъ съ увеселительными мѣстами, посѣщаемыми лондонскою сводочью. Мистеръ Гоу охотно согласился исполнить наше желаніе и черезъ нѣсколько минутъ привелъ насъ въ одинъ изъ такихъ public houses самаго низшаго разряда. Мы вошли въ низенькую, грязную залу, гдѣ находились собственно театральные подмостки, стояло съ полдюжины деревянныхъ скамеекъ для зрителей и нѣсколько такихъ же простыхъ столиковъ, за которыми обыкновенно помѣщаются люди, желающіе выпить. Насъ положи- тельно поразилъ видъ этого театра, обычными посѣтителями котораго бывають всегда только воры и публичныя дѣвки; весь этотъ персоналъ театральной публики, состоящій изъ подонковъ общества, представлялъ для насъ собою интересъ полнѣйшей новизны. Едва успѣли мы занять мѣсто, какъ къ намъ подошла какая-то баба съ просьбою, чтобы мы угостили ее стаканомъ джина; и кто же была эта личность, какъ вы думаете? ни болѣе, ни менѣе, какъ супруга содержателя этого театра-трактира. Другая «дама» попросила насъ поподчивать ее хотя • одною рюмочкою водки и въ то же время предлагала купить цвѣтвъ или пирожковъ, которые лежали у нея вмѣстѣ на одной тарелкѣ. Исполнивъ ее скромное желаніе, мы увидѣли, что представленіе уже начинается. На сцену высочили два парня, искусственно превращенные въ негровъ, и подняли какой-то вой, который они сопровождали разными кривляніями и прыжками, дѣлавшими его еще противнѣе. Намъ пояснили, что они поютъ дуэтъ на англійскомъ языкѣ; но для насъ это было безразлично и все равно, какъ-бы они пѣли на патагонскомъ или коптскомъ языкѣ, потому что мы ровно ничего не понимали. Затѣмъ господа «пѣвцы» сошли съ подмостковъ и отправились по рядамъ скамеекъ «дѣлать сборъ», потому что собственникъ театра настолько великодушентъ, что не беретъ ни съ кого платы за входъ. Потомъ, къ немалому нашему удивленію, та же самая «дама», у которой мы купили по пирожку

и которую угостили рюмкою водки, появилась въ свою очередь на театральныхъ подмосткахъ; намъ опять пояснили, что эта, достойная всякаго уваженія, дѣвица въ свободное отъ другихъ занятій время исполняетъ амплу примадонны въ той «маленькой», но «избранной» труппѣ, артистическимъ представленіямъ которой намъ предстояло удивляться. Но увы! Эта примадонна заорала такимъ сврипучимъ, хриплымъ отъ перепоя голосомъ, затанувъ какую-то пѣсню, не имѣвшую ни малѣйшаго подобія пѣнія, и когда эти ужасные звуки оглушили весь партеръ (о ложахъ и галереяхъ тутъ конечно не было и помина), то я пришелъ положительно въ ужасъ и умолялъ моего пріятеля поскорѣе уйти вуда нибудь подальше. Пока мы собирались повинуть эту театральную залу, нашъ соловей англійскаго происхожденія, окончивъ свое мелодическое пѣніе, сошелъ съ подмостковъ, чтобы собственноручно позать лавры своего торжества, въ видѣ мѣдной монеты. Но поддавшись убѣдительнымъ просьбамъ содержателя театра, — чему, впрочемъ, не поддается человѣкъ въ минуты душевной слабости и увлеченія? — мы остались еще на нѣсколько времени, чтобы присутствовать при фокусахъ, исполняемыхъ какимъ-то чумазымъ человѣкомъ, именовавшимъ себя «царемъ огня». Посмотрѣвъ, какъ этотъ замарашка проглотилъ нѣсколько горящихъ факеловъ, наполнившихъ чадомъ всю залу, мы повинули «это сонмище нечестивыхъ», которое, повидимому, собиралось прокутить тутъ всю ночь.

Отправившись далѣе, мы должны были проходить однимъ глухимъ закоулкомъ, гдѣ мистеръ Гоу указалъ намъ на маленькій домъ съ тѣснымъ дворикомъ, гдѣ помѣщается частное заведеніе низшаго разряда для куренія опиума. Я уже имѣлъ случай и прежде видѣть такое заведеніе въ большихъ размѣрахъ, находящееся въ «Tiger-Bai», самомъ страшномъ кварталѣ Лондона, гдѣ совершаются самыя ужасныя преступленія, и гдѣ мнѣ пришлось быть днемъ; но простаго, частнаго заведенія въ этомъ родѣ я не видалъ никогда. Входная дверь была изнутри заперта и все было темно и безмолвно. Инспекторъ полиціи постучался, какъ-то особенно свистнулъ и крикнулъ: «Джонсонъ, отпирай!» Дверь тотчасъ же отворилась и изъ-за нея выглянула удивленная фізіономія китайца, съ плутовскими глазами. Мы взобрались наверхъ по ветхой лѣстницѣ и увидѣли, что весь этотъ домикъ состоитъ изъ одной и притомъ весьма небольшой комнаты, а весь инвентаръ находившейся тамъ мебели заключается въ двухъ широкихъ, грязныхъ кроватяхъ. На одной изъ

нихъ сидѣлъ Кіанъ-Ло, братъ Джонсона, который самъ уже принялъ англійское подданство, и привѣтствовалъ насъ на ломаномъ англійскомъ языкѣ, между тѣмъ, какъ двое изъ сыновъ небесной имперіи лежали, разстанувшись, на другой кровати, погруженные въ сонъ. Такъ какъ мой пріятель не видалъ никогда процесса куренія опиума, то я и попросилъ обоихъ братьевъ показать намъ свое искусство. Затѣмъ обѣ эти истощенныя фигуры принялись продѣлывать всѣмъ извѣстную процедуру, которая была уже столько разъ описана другими, что читатель навѣрное избавитъ насъ отъ обязанности повторять еще разъ тоже самое. Въ подобныхъ домахъ пріѣзжіе китайцы проводятъ почти все свое свободное время. Кто не знаетъ, какъ сильно нападаютъ моралисты на употребленіе опиума, которому они приписываютъ самое вредное вліяніе на нравственность человѣка; но если внимательно присмотрѣться къ дѣлу, то окажется, что хотя куреніе опиума есть само по себѣ порочное времяпровожденіе, но что оно во всякомъ случаѣ предпочтительнѣе опьяненія, производимаго водкою, употребленіе которой такъ распространено у англичанъ и которой никогда не употребляютъ китайцы. Чрезмѣрное опьяненіе водкою не только лишаетъ, также какъ и опиумъ, возможности работать, но кромѣ того влечетъ еще за собою безчисленныя преступленія, до которыхъ никогда не доводитъ употребленіе опиума. Но да не подумаетъ однако читатель, что мы одобряемъ привычку употребленія опиума.

Когда мы вышли изъ душливой атмосферы жилища Джонсона на свѣжій воздухъ, то былъ уже третій часъ утра. Послѣ продолжительной ходьбы и столькихъ различныхъ впечатлѣній, мы чувствовали себя до такой степени утомленными, разбитыми, и насъ влонило такой непреодолимый сонъ, что мы рѣшились покончить съ этими, столь тяжело вліяющими на нервы экскурсіями, и были совершенно счастливы, когда, наконецъ, увидели на улицѣ незанятый извозничій кэбъ. Но не успѣли мы еще совсѣмъ выѣхать изъ Истэнда, какъ нашъ экипажъ былъ остановленъ. Не смотря на поздній или, правильнѣе говоря, ранній часъ, мы увидѣли на улицѣ цѣлую массу народа. Мы пожелали узнать причину такого несвоевременнаго сборища, и намъ объяснили, что на улицѣ выбѣжала какая-то старуха въ принадлежнѣ бѣшенства отъ бѣлой горячки, и что полиція, въ количествѣ нѣсколькихъ констэблей, никакъ не можетъ справиться съ этою бабою. Этою, самую печальнѣйшею изъ всѣхъ прочихъ картинъ

человѣческаго разврата, свидѣтелями котораго намъ пришлось быть въ этотъ вечеръ, и закончилась наша «экспедиція» въ бѣдный, нищенскій, преступный Истэндъ, тотъ кварталъ британской столицы, который не имѣетъ себѣ подобнаго, какъ по громадности своего объема, такъ и по громадному количеству вслѣхъ, совершающихся въ немъ преступленій и степеней нищеты. Затѣмъ мы поспѣшили домой, въ ожиданіи, что благодѣтельный сонъ разгонитъ навѣянные на насъ грустныя и тяжелыя мысли.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

* *
* *

Горькою-ль думушкой мысль озадачится,
Сердце-ль о прошломъ безумно расплачется,
Ропотъ ли душу смутить безразсудную,
Греза-ль мечту шевельнетъ непробудную,
Или заносетъ хандра безъисходная,
Словно какъ осень брызгливо-холодная,
Иль засосетъ, какъ змѣя ядовитая,
Грудь наболѣвшую злора сердитая,—
Трудъ призываю къ себѣ я спасительный,
Въ немъ нахожу я источникъ цѣлительный
Недугамъ сердца и духа тревожнаго,
Проблески счастья почти невозможнаго.

Если и трудъ не дается усидчивый,
Если съ душой онъ не сладить отзвучивой,
Если струной зазвучать перетянутой
Всѣ впечатлѣнія жизни обманутой,
Если, какъ волны средь моря безбрежнаго,
Требуютъ чувства исхода мятежнаго,
Если не въ силахъ мозги напряженные
Сдерживать мысли, мечтой пораженныя,—
Словно эолова арфа пѣвучая,
Вдругъ зазвучить во мнѣ пѣсня могучая,
И какъ дитя неразумное, малое,
Съ пѣсню забудется сердце усталое.

Если-жь и муза помочь мнѣ откажется,
 Если страданье сильнѣе окажется,
 Если вся чаша моя переполнится,
 Жизни любимая греза надломится,
 Если послѣдняя искра терпѣнія
 Скоро померкнетъ во мракѣ сомнѣнія,—
 Я преклоняю главу неповорную,
 Душу молитвой смягчаю упорную
 И, беззащитная, передъ Спасителемъ,
 Передъ великимъ Страдальцемъ-Учителемъ,
 Я опускаюсь въ слезахъ и безсиліи.

Не о земномъ я молюсь изобиліи,
 Не о забвеніи, не о прощеніи
 (Благъ Онъ, отпустить мои прегрѣшенія),
 Нѣтъ, я прошу той воды освѣжающей,
 Чтò предлагалъ Онъ толпѣ, утопающей
 Въ жалкомъ невѣдѣннѣ свѣта небеснаго,
 Въ хладныхъ потемкахъ безвѣрья тѣлеснаго...
 И освѣженная, и озаренная,
 Я поднимаюсь къ борьбѣ подкрѣпленная.

А. Львова.

ГИПНОТИЧЕСКІЕ ОПЫТЫ.

СТАТЬЯ ПРОФЕСОРА А. ВЕЙНГОЛЬДА.

Представленія датскаго магнетизера С. Ганзена, имѣвшія большой успѣхъ не только въ Хемницѣ, но и во многихъ другихъ городахъ Европы, побудили меня произвести нѣсколько экспериментовъ, результаты которыхъ изложены въ настоящей статьѣ.

Я рѣшился опубликовать свои наблюденія на томъ основаніи, что мои первые эксперименты, сообщенные мной г. Тиршу въ Лейпцигѣ, напечатаны были профессоромъ Целлнеромъ въ только что появившемся 3-емъ томѣ его сборника «научныхъ статей»; а между тѣмъ дальнѣйшіе мои опыты, благодаря которымъ значительно измѣнился мой взглядъ на сущность самаго дѣла, не могли быть приняты во вниманіе, вслѣдствіе спѣшности выхода въ свѣтъ целлнеровскаго сборника.

Возрѣніе, котораго я придерживаюсь въ настоящее время, покажется для однихъ само собою понятнымъ, такъ что они сочтутъ совершенно излишнимъ приводить примѣры, положенные въ основу моего взгляда; для другихъ же, быть можетъ, это возрѣніе представится совершенно несостоятельнымъ.

Цѣль настоящаго этюда — побудить присяжныхъ физиологовъ къ дальнѣйшимъ экспериментальнымъ работамъ на этомъ поприще, и если ученые проникнутся убѣжденіемъ въ необходимости подобнаго рода изслѣдованій, то я буду считать себя вполне удовлетвореннымъ.

Систематическое, строго научное изслѣдованіе означенныхъ явленій, благодаря своеобразности затрогиваемыхъ вопросовъ, все же представляетъ значительныя затрудненія, даже при условіи обстоятельнаго разъясненія самой сущности дѣла. Въ первое время при производствѣ моихъ опытовъ не могло быть и рѣчи о какомъ нибудь планѣ, потому въ настоящемъ очеркѣ они сгруппированы мною въ томъ видѣ и послѣдовательности, какъ они постепенно мною производились.

Посѣтивъ одно изъ ганзеновскихъ представленій въ Дрезденѣ, я долго не могъ отдѣлаться отъ мысли, что въ данномъ случаѣ мы имѣли дѣло хотя отчасти съ умышленнымъ обманомъ; но когда мнѣ пришлось повторить всѣ ганзеновскіе эксперименты на хорошо извѣстныхъ мнѣ лицахъ, про которыхъ нельзя было допустить мысли объ обманѣ, во мнѣ явилось страстное желаніе познакомиться ближе съ этими, въ высшей степени примѣчательными явленіями.

Я предложилъ господину Ф., на котораго Ганзенъ во время перваго своего сеанса почти не имѣлъ никакого вліянія, такъ что удалось лишь закрыть ему глаза, тогда какъ при повтореніи опыта на слѣдующій день онъ замѣчательно поддался вліянію экспериментатора, — я предложилъ ему возможно точно описать мнѣ свои ощущенія, испытываемыя имъ подѣ вліяніемъ ганзеновскихъ опытовъ, и задалъ ему вопросъ, не можетъ ли онъ сравнить эти ощущенія съ какими нибудь другими? При этомъ я вспомнилъ объ одномъ изъ моихъ прежнихъ учениковъ, который, обладая вообще весьма вѣрнымъ тѣлосложеніемъ (и болѣе чѣмъ посредственными умственными способностями), былъ настолько восприимчивъ къ дѣйствію самаго слабого электрическаго тока, что съ трудомъ переносилъ возвратные удары (дѣйствіе черезъ вліяніе) при разрядахъ кондуктора электрической машины, удаленной отъ него на нѣсколько метровъ. Онъ тяготился даже искрами, извлекаемыми на извѣстномъ разстояніи изъ небольшого электрофора. На основаніи всего этого я спросилъ Ф., не можетъ ли онъ сравнить испытываемыя имъ ощущенія съ тѣми, которыя вызываютъ въ немъ слабые разряды электричества. Ф., который вообще привыкъ работать съ электрическою машиною, отвѣтилъ на вопросъ отрицательно; но когда я привелъ въ дѣйствіе небольшой аппаратъ Теплера, работающій черезъ вліяніе, при удаленіи электродовъ на одинъ сантиметръ, такъ что появился цѣлый рядъ искръ, то къ великому изумленію насъ обоихъ, онъ ощутилъ то же чувство, которое испытывалъ и при ганзеновскихъ опытахъ, именно, особенное чувство притягиванія,

локализованное позадѣ лобной кости; съ приближеніемъ электродовъ это чувство становилось весьма тягостнымъ, причемъ оказалось, что когда я тащилъ Ф. за руку съ его мѣста, то онъ обнаруживалъ крайне ничтожное сопротивление сравнительно съ нормальнымъ состояніемъ. Трое молодыхъ людей, ученики здѣшней технической школы, про которыхъ мнѣ было извѣстно, что они весьма пригодны для выполненія ганзеновскихъ опытовъ, были подвергнуты тому же эксперименту, причемъ получился въ существенныхъ чертахъ тотъ же результатъ; дѣйствіе наступало нѣсколько позднѣе и лишь въ то время, когда молодые люди находились на очень незначительномъ разстояніи отъ машины; при этомъ оно обнаруживалось въ гораздо болѣе рѣзкой степени, различной для каждаго изъ нихъ. Одинъ изъ молодыхъ людей испыталъ, какъ и при другомъ опытѣ, произведенномъ съ нимъ позже, рѣзкое чувство притягиванія въ груди, усливавшаеся по мѣрѣ теченія сеанса.

Въ дальнѣйшихъ опытахъ, испытуемый субъектъ оставался на одномъ и томъ же мѣстѣ, а въ его лбу и къ другимъ частямъ тѣла приближалась металлическая пластинка съ стеклянной рукояткою (обыкновенная покрывка электрофора), соединенная проволокой съ электродомъ теплеровскаго аппарата. Помощью такого приѣма, у нѣсколькихъ лицъ, съ которыми Ганзенъ не задолго успѣшно экспериментировалъ, были получены весьма сходные результаты. Отъ простой невозможности открыть глаза, до того состоянія, при которомъ субъектъ испытывалъ различныя иллюзіи, если только о нихъ говорилъ ему экспериментаторъ, можно было наблюдать всѣ тѣ аномальныя явленія, которыя производятъ такое поразительное впечатлѣніе на всѣхъ, присутствующихъ при ганзеновскихъ опытахъ; понятно, что вліяніе это сказывалось различно, смотря по продолжительности сеанса и индивидуальности. Нормальное состояніе возвращалось снова или при отнятій пластинки, или при остановкѣ электрической машины; точно также его можно было вызвать притокомъ свѣжаго воздуха, но оно тотчасъ же исчезало съ возобновленнымъ дѣйствіемъ электрической пластинки.

Далѣе пришлось убѣдиться, что подобныя явленія вызывались не только электричествомъ черезъ вліяніе, но и черезъ приближеніе слабого, наведеннаго (индуктивнаго) электрическаго тока, причемъ явленія наступали не въ столь рѣзкой степени и лишь у меньшаго числа лицъ. Соединяя одинъ конецъ вторичной спирали меньшаго индуктивнаго аппарата съ землей, а другой приводя въ соприкосновеніе съ моимъ тѣломъ, я ре-

гулировалъ силу тока такимъ образомъ, чтобы другой субъектъ, помѣстившійся рядомъ со мной, при дотрогиваніи до него моею рукою, испытывалъ бы лишь на болѣе чувствительныхъ мѣстахъ кожи слабое характерное покалываніе, свойственное индуктивному току. Привлаживая руку на лобъ чувствительнаго субъекта, мнѣ удавалось вызвать параличъ мускуловъ глаза; а при поглаживаніи вытянутой руки со сжатымъ кулакомъ наступалъ параличъ всей руки. Два субъекта, дотрогиваясь концомъ вытянутаго указательнаго пальца до ладонной поверхности моей руки, сначала совершенно не могли отнять пальца, или оставаться на мѣстѣ, если я начиналъ отступать; при повтореніи того же самаго опыта они могли отнимать палецъ и оставаться на своемъ мѣстѣ, когда я отступалъ, лишь послѣ значительнаго напряженія.

Явленія, наступавшія послѣ этихъ опытовъ, какъ и послѣ ганзеновскихъ, были весьма различны; такъ, одни субъекты чувствовали себя совершенно нормально тотчасъ же по удаленіи электрическаго кружка, другіе же жаловались втеченіи нѣсколькихъ дней на головную боль и утомленіе всего тѣла.

Если, исходя изъ одинаковости обѣихъ вліяній, и нельзя заключить объ одинаковости причинъ, то все же возможно допустить, что электричество играетъ извѣстную роль при экспериментахъ Ганзена. Потому было рѣшено обратить вниманіе при одномъ изъ ганзеновскихъ представленій въ здѣшнемъ обществѣ естествознанія, не примѣняетъ ли онъ въ своихъ опытахъ электрическіе токи, и вромѣ того рѣшено было подвергнуть лицъ, надъ которыми Ганзену не удавалось произвести свои эксперименты, вліянію электричества съ цѣлью произведенія у нихъ соотвѣствующихъ явленій.

Ганзенъ съ величайшею охотою согласился на сдѣланное ему предложеніе, и не на вышеупомянутомъ представленіи, ни при позднѣйшемъ посѣщеніи Ганзеномъ моей лабораторіи, не удалось обнаружить не только какого нибудь возбужденія электричества при помощи обыкновенныхъ искусственныхъ средствъ, но и самопроизвольнаго развитія электрическихъ токовъ въ организмѣ самого Ганзена.

Многіе изъ моихъ друзей и большее число учениковъ одного изъ здѣшнихъ учебныхъ заведеній охотно согласились подвергнуть себя пробѣ съ электрическою машиною; въ очень немногихъ случаяхъ удалось воспрепятствовать открыванію зажмуренныхъ предварительно глазъ, и только въ одномъ или двухъ случаяхъ испытуемый субъектъ не могъ открыть рта; однако

даже эти незначительные результаты были достигнуты лишь тогда, когда испытуемые субъекты фиксировали (пристально смотрѣли) шарикъ втеченіи извѣстнаго времени; обыкновенно для этой цѣли употреблялось черное кольцо, нарисованное тушью на бумагѣ. Прежніе опыты съ лицами, которыя поддавались экспериментамъ Ганзена, были произведены мною безъ предварительной фиксаціи какаго либо предмета.

Профессоръ Рюльманъ продолжалъ опыты, начатыя мною, съ электричествомъ черезъ вліяніе и пригласилъ для этой цѣли одного господина, на котораго Ганзенъ имѣлъ большое вліяніе; эти опыты производились втеченіи 3-хъ недѣль въ бытность Ганзена въ Хемницѣ и показали, что названный господинъ, даже послѣ продолжительнаго фиксированія предмета, не подвергался вліянію электричества. Это обстоятельство побудило меня снова возобновить мои опыты. Опыты были повторены съ нѣсколькими лицами, изслѣдованными мною раньше. Эти особы хотя и оказались еще чувствительными къ вліянію электричества, но уже въ гораздо меньшей степени, чѣмъ раньше; напр., одинъ молодой человекъ, у котораго при прежнихъ опытахъ можно было вызвать слабую галлюцинацію простымъ словомъ, теперь свободно и вѣрно сосчитывалъ число предметовъ, которые помѣщались ему на руку, и хотя не распознавалъ цвѣтовъ, но все же отличалъ степень яркости въ окраскѣ предметовъ, а при помощи осязанія и зрѣнія настолько умѣлъ опредѣлять форму ихъ, что цилиндръ называлъ круглымъ тѣломъ, а кубъ — угловатымъ, хотя и не могъ точнѣе опредѣлить ихъ форму, до тѣхъ поръ, пока оставался подъ вліяніемъ электричества.

Ф., у котораго чувствительность настолько уменьшилась, что удавалось лишь закрывать ему глаза, да и то на короткое время, воспользовался случаемъ подвергнуться частнымъ образомъ нѣсколькимъ опытамъ Ганзена; когда, черезъ нѣсколько дней, была надъ нимъ снова сдѣлана проба, то вліяніе электричества снова сказалось въ таковой же мѣрѣ, какъ это наблюдалось въ первый разъ вскорѣ послѣ ганзеновскаго сеанса.

Опыты, произведенные съ помощью электрической машины, давали тотъ же самый результатъ, если аппаратомъ управлялъ не я самъ, а ктонибудь другой. По желанію одного изъ присутствующихъ, я констатировалъ опытнымъ путемъ, что въ производимыхъ явленіяхъ моя личность не играетъ никакой роли; эта независимость электрическаго дѣйствія отъ моей личности кромѣ того была подтверждена экспериментальнымъ путемъ по

поводу спеціального вопроса объ этомъ предметѣ со стороны г. Тирша.

Докторъ медицины Опицъ въ Хемницѣ еще раньше съ большою увѣренностью высказалъ убѣжденіе, что въ ганзеновскихъ опытахъ нельзя допустить существованіе особаго специфическаго вліянія отдѣльныхъ личностей, и что скорѣй надо искать разрѣшенія вопроса въ продолжительной фиксаціи пуговки, и что все состояніе испытуемыхъ лицъ сводится на гипнозъ, въ которомъ играетъ существенную роль сила воображенія и чрезмѣрная кожная чувствительность. Послѣ того, какъ я и докторъ Опицъ много разъ тщетно пытались получить на комънибудь замѣтное дѣйствіе отъ простаго фиксирования предметовъ, я встрѣтилъ одного молодого механика, у котораго за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ удалось однимъ электричествомъ вызвать закрытіе глазъ. Этотъ господинъ поддакъ вліянію фиксирования предмета; именно, послѣ 10-ти минутной фиксаціи молодой человекъ могъ только съ большимъ трудомъ и по истеченіи значительнаго промежутка времени открыть произвольно зажмуренные глаза; дуновеніе прекращало этотъ эффектъ. Точно также удалось простымъ поглаживаніемъ щеки или руки пальцемъ не допустить немедленное раскрытіе произвольно вѣрпко стиснутаго рта или сжатаго кулака, и какъ въ первомъ опытѣ, такъ и въ слѣдующіе затѣмъ два дня поглаживаніе оказывалось дѣйствительнѣе, если производилось лично мною, а не другими лицами, которыя частью не вызывали никакого дѣйствія. На слѣдующій день опытъ былъ произведенъ съ Ф., который много разъ высказывалъ мысль, что я долженъ буду оказать на него сильное вліяніе; къ моему неподдѣльному ужасу, мнѣ удалось погрузить его втеченіи нѣсколькихъ секундъ въ состояніе полной безчувственности, помощью точнаго подражанія всѣмъ ганзеновскимъ манипуляціямъ; на мой вопросъ, можетъ ли онъ говорить, Ф. отвѣтилъ тихимъ покачиваніемъ головы и, вставъ со стула, слѣдовалъ за мной, при самой слабой тракціи за руку, до середины комнаты; по своемъ пробужденіи, вызванномъ орошеніемъ лба свѣжею водою, онъ не помнилъ ничего о случившемся съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ я прикоснулся къ нему рукой.

Для того, чтобы выяснить, дѣйствительно ли существуетъ специфически различное вліяніе, производимое различными лицами, было произведено множество опытовъ на различныхъ индивидуумахъ (частью на лицахъ, съ которыми Ганзенъ успѣшно экспериментировалъ, частью съ такими субъектами, у которыхъ

профессоръ Рюльманъ нашелъ повышенную воспримчивость къ электричеству) въ различное время и при различныхъ условияхъ. Въ первое время результаты получались въ высшей степени запутанные; послѣ фиксаціи предметовъ, испытуемымъ субъектамъ были завязаны глаза и произведены нѣсколькими экспериментаторами различные пассы надъ головой и руками, безъ соприкосновенія съ кожей, à la Ганзенъ, по возможности одинаковымъ образомъ; притомъ Ф. узналъ между тремя лицами, производившими пассы, меня; затѣмъ снова онъ узналъ меня и еще другаго господина, между большимъ числомъ экспериментаторовъ, притомъ съ такою изумительною опредѣленностью, руководствуясь особымъ чувствомъ отяжелѣнія, испытываемаго въ головѣ, что рѣшительно можно было серьезно задуматься о специфическомъ вліяніи, производимомъ отдѣльными личностями. Однако вскорѣ обнаружилось, что у двухъ другихъ субъектовъ, у которыхъ наступилъ съ различною скоростью параличъ движеній глазъ, рта, рукъ и ногъ, личность экспериментатора, производившаго пассы, не играла никакой роли, были ли глаза открыты или закрыты; а въ одномъ случаѣ было замѣчено, что Ф., который былъ посаженъ съ завязанными глазами въ темной комнатѣ, будучи подвергнутъ безъ его вѣдома пассамъ, производимымъ мною, не обнаружилъ никакой реакціи. Затѣмъ онъ былъ приглашенъ просунуть руку въ другую комнату черезъ соответствующее отверстие, сдѣланное въ двери, и когда затѣмъ я и профессоръ Рюльманъ произвели надъ его рукою пассы, то обнаружилось явленіе, совершенно противоположное тому, которое мы до сихъ поръ наблюдали: профессоръ Рюльманъ парализовалъ руку, мои же пассы не произвели никакого дѣйствія. До сихъ поръ удавалось только производить рѣзкое дѣйствіе на лицахъ, которыя съ успѣхомъ подвергались раньше экспериментамъ Ганзена; но господину Ф. удалось вечеромъ, въ день производства послѣднихъ опытовъ, намагнетизировать въ одномъ обществѣ, при помощи раздраженія ганзеновскимъ манипуляціямъ, одну даму и одного господина, которыхъ Ганзенъ никогда не видалъ; они были намагнетизированы до полного безчувственного состоянія по отношенію къ проявленіямъ воли; кромѣ того Ф. заставилъ одного господина, который уже подвергался опытамъ Ганзена, слѣдовать за собою безъ всякаго дотрогиванія до него и пригнулъ его съѣсть кусокъ сырой луговницы, вмѣсто груши.

Принимая во вниманіе все рѣзче выступающее вліяніе силы воображенія и извѣстной степени замѣшательства, не лишне

будеть упомянуть, что высказанное нѣкоторыми лицами предположеніе, будто для успѣшнаго произведенія ганзеновскихъ опытовъ необходима слабая воля и несильно развитая интеллигенція испытуемыхъ, никоимъ образомъ не было подтверждено мною. Ф., который оказался необычайно склоннымъ къ этимъ опытамъ, доказалъ совершенно обратное своею неистощимою энергіею, направленною къ выясненію этого вопроса, точною передачею своихъ субъективныхъ ощущений¹⁾, а равно и своимъ активнымъ участіемъ въ экспериментахъ; во многихъ другихъ случаяхъ, это предположеніе оказалось также невѣрнымъ. Нѣсколько дней спустя, послѣ первыхъ успѣшныхъ результатовъ, полученныхъ Ф. по ганзеновской методѣ надъ лицами, которыя раньше не видали Ганзена, мнѣ представился случай произвести нѣсколько опытовъ съ однимъ господиномъ, который раньше подвергался экспериментамъ Ганзена, но съ тѣхъ поръ не повторялъ ихъ. Послѣ того, какъ онъ фиксировалъ втеченіи 10 минутъ пуговицу, пассы, произведенные безъ соприкосновенія съ кожей, оказались недействительными; при соприкосновеніи же съ кожей онъ тотчасъ же замѣтилъ, что холодъ моихъ пальцевъ пробуждалъ его. Послѣ того, какъ пальцы были согрѣты на газовомъ рожкѣ, поглаживаніе лица скоро вызвало интенсивное оцѣпенѣніе мышцъ, а по устраненіи этого явленія смачиваніемъ лба свѣжею водою, удалось помощью простыхъ пассовъ, а также пассовъ комбинированныхъ съ поглаживаніемъ кожи, произвести полное и продолжительное оцѣпенѣніе мышцъ конечностей; въ исключительныхъ случаяхъ это явленіе наблюдалось даже и тогда, когда подобные пассы мнимо производились экспериментаторомъ, помѣщающимся сзади испытуемаго субъекта. Энергическое воздѣйствіе на чувство осязанія, помощью сильного и продолжительнаго давленія или разминанія оцѣпенѣвшихъ мышцъ, устраняло явленіе оцѣпенѣнія. Профессоръ Рюльманъ и нѣкоторые другія лица, обязательно принимавшія участіе въ опытахъ, могли, точно также какъ и я, вызвать мускульное оцѣпенѣніе. Вскорѣ затѣмъ, когда Ф. пришелъ къ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ господи-

¹⁾ У него удавалось слабымъ электрическимъ токомъ уничтожить почти совсѣмъ вкусовую способность, не нарушая однако другихъ отправленій; впрочемъ, находясь въ этомъ состояніи, онъ различалъ съ большою точностью различными осязательными ощущениями, вызываемыми растворомъ сахара, соли, танина и уксуса, такъ что могъ узнавать эти растворы по соответствующимъ ощущениямъ, тогда какъ, напримѣръ, растворъ хинина, который не даетъ осязательныхъ ощущений, не отличался имъ отъ простой воды.

номъ, котораго онъ нѣсколько дней передъ этимъ заставилъ съѣсть лукъ, профессоръ Рюльманъ, встрѣтивъ его словами:—«я могу сегодня васъ также намагнетизировать», провелъ рукою надъ рукою Ф., и она тотчасъ же оцѣпенѣла, тогда какъ за нѣсколько дней передъ этимъ, пассы профессора Рюльмана не производили на Ф. никакого дѣйствія. Затѣмъ я замѣтилъ Ф., что мой ассистентъ также можетъ вызвать это явленіе, и хотя сначала не наступило никакого дѣйствія, но, пригласивъ Ф. глядѣть пристально на экспериментатора, оцѣпенѣніе тотчасъ же было обнаружено. Когда Ф. былъ помѣщенъ за дверь въ коридоръ и предупрежденъ, что его будутъ магнетизировать черезъ дверь, то онъ быстро потерялъ сознание, тогда какъ на самомъ дѣлѣ производился только шумъ сильными движеніями рукъ. Ф. и вышеупомянутый господинъ, на котораго онъ производилъ такое сильное вліяніе, впали одновременно въ тотъ же самый день, когда они обоюдно пристально смотрѣли другъ на друга, въ такой сильный гипнозъ, что когда одного сводили съ мѣста, то другой покорно слѣдовалъ за нимъ.

Вечеромъ того же дня, я произвелъ въ одномъ обществѣ, состоявшемъ изъ мужчинъ и женщинъ, 19 опытовъ съ различными лицами, не подвергавшимися вліянія Ганзена; они фиксировали пуговицу втеченіи 10 минутъ и въ это время были подвергнуты трижды пассамъ à la Ганзенъ, сначала безъ поглаживанія, а затѣмъ съ поглаживаніемъ кожи. У первыхъ 18 лицъ опытъ оказался недѣйствительнымъ, девятнадцатый субъектъ— дама, еще до производства пассъ лишилась чувствъ. Когда она была пробуждена опрыскиваніемъ свѣжею водою, пассы, производимыя безъ поглаживанія, надъ рукою, вызвали въ ней живѣйшее ощущеніе покалыванія, причемъ она утратила способность произвольно измѣнять положеніе руки. При повтореніи опыта безъ предварительной фиксаціи на нѣсколькихъ лицахъ, прежде оказавшихся совсѣмъ невосприимчивыми, одна дама не могла раскрыть глазъ послѣ того, какъ они были зажмурены и поглажены пальцемъ; на вопросъ: можетъ ли она говорить или даже сообразить, который теперь годъ, она, покачиваніемъ головы, дала отрицательный отвѣтъ. Послѣ пробужденія, она встала со стула; надъ нею снова произведены были пассы, и она послѣдовала совершенно покорно за мною, когда я легонько потянулъ ее за палець; послѣ энергическаго оживленія водою можно было снова вызвать простыми пассами, безъ поглаживанія, интенсивное оцѣпенѣніе руки, которое наступало также, когда за ея спиною было произведено слабое щелканье (касаясь ногтемъ пальца о

спичечницу), причемъ ей было сказано, что она должна обратить вниманіе на свои руки.

Если-бы открытіе, сдѣланное Брэдомъ (Braid) въ 1841 г., что нѣкоторые индивидуумы при продолжительной фиксаціи впадаютъ въ особое состояніе, названное гипнотизмомъ, было оценено въ свое время должнымъ образомъ и подвергнуто точному анализу, чѣмъ это было сдѣлано въ дѣйствительности, то появленіе Ганзена не вызвало бы такой сенсаціи, и его притязаніе, что состояніе, въ которое онъ приводитъ людей, существенно отлично отъ гипноза, встрѣчено было бы съ меньшимъ сочувствіемъ и вѣрою. По моему крайнему разумѣнію, послѣ всего сказаннаго нельзя сколько нибудь серьезно сомнѣваться въ полнѣйшей идентичности обѣихъ состояній; самое большое, что можно признать, это — количественную разницу, а потому подъ именемъ гипнотизма должно подразумѣвать всю совокупность явленій, о которыхъ идетъ рѣчь, хотя бы нѣкоторые изъ этихъ явленій весьма мало или совсѣмъ не походили на сонъ. Для развитія гипноза въ болѣе рѣзкой формѣ, кромѣ предварительнаго фиксированія предмета, имѣетъ большое значеніе раздраженіе кожи, производимое поглаживаніемъ, и вліяніе на силу воображенія.

Ганзенъ для фиксированія пользуется граненымъ стекляннымъ шарикомъ, вдѣланнымъ въ черную деревянную оправу. Такъ какъ можно было думать, что такой опытный экспериментаторъ пользуется въ этомъ случаѣ наиболѣе пригоднымъ объектомъ, то я и рѣшился употреблять во время моихъ опытовъ (за исключеніемъ перваго) подобные же шарики, именно, бралъ обыкновенныя черныя пуговицы, въ середину которыхъ вставлялъ небольшой, граненый стеклянный шарикъ, величиною въ кофейное зерно. Весьма вѣроятно, что форма предмета, выбраннаго для фиксированія, имѣетъ извѣстное вліяніе въ этомъ дѣлѣ, хотя можетъ быть это вліяніе и ограничивается тѣмъ обстоятельствомъ, насколько взглядъ легче останавливается на одномъ предметѣ, нежели на другомъ. Пусочекъ сюргуча оказался повидимому менѣе пригоднымъ для этой цѣли, чѣмъ описанныя шарики; однако и это обстоятельство, какъ и многія другія, требуютъ еще дальнѣйшаго изслѣдованія. Что касается до продолжительности фиксаціи, то кажется, что 10 минутъ совершенно достаточны для этого; у нѣкоторыхъ индивидуумовъ замѣтное вліяніе сказывалось уже въ гораздо болѣе короткій срокъ; у другихъ же, на которыхъ 10-ти минутное фиксированіе не производило никакого вліянія, повидимому и болѣе долгій

срокъ оказывался недействительнымъ. Я самъ лично фиксировалъ предметъ болѣе 20 минутъ совершенно безрезультатно.

Вліяніе кожного раздраженія, вызваннаго поглаживаніемъ, у различныхъ субъектовъ, повидимому, зависитъ отъ характера и способа поглаживанія; кажется, что для нѣкоторыхъ лицъ дѣйствительнѣе оказывается самое слабое давленіе, для другихъ же, наоборотъ, требуется болѣе сильное, и наконецъ, для третьихъ лучшимъ приѣмомъ оказываются пассы, почти немомбинированные съ соприкосновеніемъ; слишкомъ сильныя движенія при пассахъ подобнаго рода, производя охлажденіе кожи, препятствуютъ дѣлу, какъ и поглаживаніе холодными пальцами. И Ганзенъ примѣняетъ давленіе различной силы: у однихъ онъ нажимаетъ рукою очень слабо, какъ это было въ опытахъ, производимыхъ при мнѣ; въ другихъ же случаяхъ, какъ мнѣ сообщали, онъ доводитъ давленіе до боли.

Что касается до третьяго условія, т. е. вліянія на силу воображенія, то, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, считаю долгомъ замѣтить, что я не признаю, чтобы гипнотизированные субъекты только воображали, что они не въ состояніи владѣть своими мускулами и чувствами, памятью, напр., подобно тому, какъ это бываетъ со всякимъ, кто, напр., еще не испробовалъ своей способности къ прыганью и изъ боязни упасть не рѣшается перепрыгнуть черезъ самую маленькую канавку. Скорѣе, я полагаю, что, подъ вліяніемъ обѣихъ, вышеупомянутыхъ, чисто фізіологическихъ причинъ, наступаетъ ненормальное (въ смыслѣ задержки) состояніе центральной нервной системы, а потому соразмѣрно съ этимъ является весьма различная степень и отношеніе послушанія гипнотика къ различнымъ приказаніямъ экспериментатора. Извѣстную степень вліянія производитъ на субъектовъ легковозбуждающихся уже одна торжественная обстановка представленій Ганзена и всѣ распоряжки, практикуемые при его опытахъ, таинственность манипуляцій, присутствие большаго круга зрителей, ожиданіе увидать нѣчто чрезвычайное и испытать самому что-то неизвѣданное.

Дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ предстоить разъяснить, въ состояніи ли сами по себѣ одни изъ трехъ упомянутыхъ моментовъ вызвать высшія степени гипноза. Описанные мною опыты показываютъ, что даже на воспримчивыхъ субъектахъ только одно фиксированіе дѣйствуетъ далеко не сильно, хотя, повидимому, оно играетъ весьма важную роль въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ гипнотическое состояніе вызывается въ первый разъ. Но если субъектъ находился хотя однажды въ глубокомъ гипнозѣ, то бываетъ до-

статочно подѣйствовать на его кожу и воображеніе, или даже на одно только воображеніе, чтобы снова вызвать у него гипнотическое состояніе. Продолжительность этого періода усиленной раздражительности колеблется между нѣсколькими минутами и недѣлями, смотря по чувствительности даннаго индивидуума и по продолжительности и силѣ предшествовавшаго гипнотизированія. Весьма возможно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ періодъ усиленной раздражительности продолжается еще долѣе; но несомнѣнно, что восприимчивость нѣкоторыхъ лицъ, вслѣдствіе частыхъ повтореній гипнотизированія, чрезвычайно сильно повышается. (Также нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что существуютъ такіе индивидуумы, которые съ самаго начала оказываются настолько раздражительными, что достаточно одного только поглаживанія, или одного дѣйствія на воображеніе, чтобы вызвать у нихъ гипнозъ). Ганзенъ, на своихъ представленіяхъ, предпочитаетъ экспериментировать съ особами, съ которыми его опыты хорошо удавались; въ этомъ случаѣ онъ руководствуется слѣдующими двумя соображеніями: во-первыхъ, у такихъ особъ можно рассчитывать на болѣе сильную чувствительность, сравнительно съ прежней; и во вторыхъ потому, что явленія, которыя на нихъ наблюдаются, производятъ могущественное вліяніе на воображеніе присутствующихъ и тѣмъ способствуютъ успѣху опытовъ надъ ними. Подобное же до извѣстной степени заразительное вліяніе очевидно имѣло мѣсто въ случаяхъ, описанныхъ выше, и уже давно было подмѣчено также при нѣкоторыхъ нервныхъ состояніяхъ, близкихъ къ гипнозу ¹⁾. Вспомнивъ все связанное объ участіи воображенія въ происхожденіи гипнотическаго состоянія, можно усомниться въ томъ, имѣетъ ли электричество въ вышеприведенныхъ опытахъ само-по-себѣ гипнотическое дѣйствіе, или же главную роль при употребленіи его играетъ представленіе о томъ, что предпринимается нѣчто особенное. На самомъ себѣ я не могъ вызвать электричествомъ, даже предпославъ ему фиксированіе, ни малѣйшихъ признаковъ

¹⁾ Я долженъ сознаться, что могущественное вліяніе воображенія, значеніе котораго для меня несомнѣнно, сначала мнѣ казалось невѣроятнымъ фактомъ, и я убѣдился въ существованіи его только путемъ долгаго опыта; полную безуспѣшность нѣкоторыхъ экспериментовъ, предпринятыхъ противоположною стороною, съ цѣлью опровергнуть ганзеновскія явленія, я объясняю себѣ скорѣе тѣмъ, что въ нихъ не было достаточнаго дѣйствія на воображеніе, и въ настоящее время не раздѣляю своего прежняго воззрѣнія, что будто нѣкоторые лишь особы обладаютъ свойствомъ вызывать гипнотическія явленія.

гипнотического состоянія даже тогда, когда я владъ на верхнюю часть лба хорошо изолированную стеклянную пластинку, покрытую на одной сторонѣ листкомъ олова, и прикасался этою пластинкою къ обкладкѣ конденсатора, причеиъ другая обкладка конденсатора была соединена съ однимъ электродомъ теплеровской машины, дававшей рядъ искръ; единственное ощущение, которое я вызвалъ въ себѣ этимъ опытомъ, а также привлекавaniemъ къ верхней части лба металлической пластинки, соединенной съ индуктивнымъ аппаратомъ, заключалось въ рвущей боли, напоминающей ревматическую, и совершенно не было похоже на слабыя колотья, которыя обыкновенно вызываютъ быстрые разряды электрическаго тока. Не смотря на это, я думаю, что электричество можетъ имѣть непосредственное дѣйствіе на чувствительныхъ особъ и не зависеть отъ представлений; быть можетъ здѣсь оказываетъ также вліяніе и легкій звукъ, который даетъ аппаратъ Теплера, и который весьма утомляетъ даже менѣе чувствительныхъ особъ. Въ нѣкоторыхъ опытахъ, электрическая машина, дѣйствующая черезъ вліяніе, ставилась въ соседней комнатѣ и ее соединяли, безъ вѣдома испытуемыхъ особъ, то съ однимъ, то съ другимъ изъ двухъ кондукторовъ, поставленныхъ близъ нихъ; однако этимъ путемъ не удалось достигнуть никакихъ точныхъ результатовъ.

Мы уже неоднократно говорили, что гипнотическое состояніе выражается обыкновенно прежде всего неспособностью открыть зажмуренные глаза; при открытыхъ глазахъ зрительныя оси глазъ сильно отелоняются вверхъ. Иногда гипнотизируемыя субъекты, сами того не замѣчая, на мгновеніе открываютъ вѣки и приэтомъ, кромѣ бѣлковъ глаза, показывается нижній край роговины. Нѣкоторые гипнотики ясно испытываютъ чувство утомленія, сонливости и даже дѣйствительно засыпаютъ. Нѣкоторые говорятъ, что они испытывали ощущение, какъ будто бы вѣки ихъ были склеены; это чувство и многія другія ощущенія, испытываемыя въ совершенно опредѣленныхъ мѣстахъ тѣла, какъ, наприимѣръ, колотья и жгучая боль при поглаживаніи, боль во лбу и груди, чувство холода въ парализованныхъ членахъ, конечно, могутъ зависѣть отъ опредѣленныхъ состояній центрального аппарата и, по крайней мѣрѣ отчасти, могутъ быть вызваны одною централизациею вниманія на опредѣленную часть тѣла, даже безъ участія дѣйствительнаго раздраженія. Высшія степени гипнотизма существенно отличаются между собою, смотря по натурѣ индивидуума и по роду и продолжительности вліянія, которому онъ подвергался. Однѣ лица быстро

и вполне теряютъ сознание, тогда какъ у другихъ наступаютъ замѣтныя функциональныя расстройства отдѣльныхъ чувствъ при совершенно ясномъ сознаніи, такъ что онѣ могутъ вполне ясно отдавать себѣ отчетъ въ наступившихъ расстройствахъ. Повидимому, прежде всего исчезаютъ осязаніе и вкусъ. Относительно осязанія слѣдуетъ констатировать замѣчательный фактъ, что часто простое прикосновеніе сознается, тогда какъ щипокъ ногтемъ или уколъ булавкою, причиняющій при нормальныхъ условіяхъ ясную, даже очень сильную боль, не производятъ никакого болѣзненнаго ощущенія; сила давленія на тѣло также не различается. Относительно чувства температуры я лично не производилъ никакихъ опытовъ; однако, въ виду того, что внезапное, даже незначительное пониженіе температуры прекращаетъ гипнотическое состояніе, слѣдуетъ предположить, что чувство температуры парализуется труднѣе остальныхъ чувствъ. Зрѣніе расстраивается сравнительно труднѣе, нежели вкусъ и осязаніе; повидимому, прежде всего становится трудно различать мельчайшія различія формъ. При электрическихъ опытахъ замѣтно было, что субъектъ, почти совершенно потерявшій вкусъ, былъ еще въ состояніи съ нѣкоторымъ напряженіемъ читать печатный шрифтъ средняго размѣра; крупный шрифтъ онъ разбиралъ легко. При болѣе полномъ гипнозѣ перестаютъ различаться цвѣта, но оттѣнки свѣта и крупныя различія формъ еще распознаются; въ послѣдствіи исчезаетъ и эта способность. Обоняніе обыкновенно остается нормальнымъ даже послѣ того, какъ осязаніе, вкусъ и зрѣніе уже въ значительной мѣрѣ расстроились; только въ одномъ исключительномъ случаѣ, у одного молодого человѣка, который былъ настолько чувствителенъ, что частое экспериментированіе надъ нимъ казалось невозможнымъ, я замѣтилъ отсутствіе обонянія при сохраненномъ еще сознаніи; между тѣмъ на другомъ субъектѣ можно было убѣдиться, что лицо, которое помощью осязанія и зрѣнія не можетъ отличить груши отъ стекляннаго шарика и не различаетъ холоднаго кофе отъ вина, тотчасъ же начинаетъ различать эти напитки, если его пригласить нюхать ихъ.

Само собою разумѣется, что до тѣхъ поръ, пока экспериментаторъ объясняется съ испытуемымъ субъектомъ, не можетъ быть и рѣчи о параличѣ органа слуха; даже послѣ исчезновенія сознанія, чувствительность этого аппарата вѣроятно притупляется весьма незначительно, потому что часто достаточно бываетъ умѣренно громко окликнуть субъекта по имени, для того,

чтобы прекратить гипнотическое состояніе; тоже самое мы видимъ и въ хлороформномъ наркозѣ.

Когда уже развился параличъ вкуса или зрѣнія, нѣкоторые особи на вопросъ о томъ, что онѣ вообще чувствуютъ? отвѣчаютъ, что онѣ не испытываютъ никакихъ вкусовыхъ или зрительныхъ ощущеній, и даютъ этотъ отвѣтъ даже когда ихъ спрашиваютъ о томъ или другомъ опредѣленномъ ощущеніи, которое дѣйствительно имѣетъ мѣсто въ данный моментъ; другія лица даютъ подобные отвѣты только, когда ихъ опредѣленно спрашиваютъ о томъ, что они видятъ или ѣдятъ, и на вопросъ, не видятъ ли они того-то, или не ѣдятъ ли то-то, отвѣчаютъ всегда утвердительно. Большинство подобныхъ субъектовъ, по окончаніи гипнотическаго состоянія, могутъ еще рассказывать о томъ, какія ощущенія они испытывали, даже если вопросы ставятся не въ той формѣ, въ которой они возбуждали соответствующія галлюцинаціи, но просто передаютъ присутствующимъ всѣ свои ощущенія. Если гипнотическое состояніе прекращается въ то время, когда рассматриваемый предметъ находится передъ глазами изслѣдуемаго субъекта, или когда часть съѣдомаго вещества находится еще во рту, то удивленіе по поводу происшедшаго обмана чувствъ всегда выражается такою изумленною физиономіею, какую едвали можно поддѣлать и которая такъ забавляетъ публику, присутствующую на ганзеновскихъ представленіяхъ. Въ высшихъ степеняхъ гипноза, при болѣе или менѣе полномъ разстройствѣ сознанія, наступаютъ тѣ особенныя явленія, которыя отчасти замѣчаются и въ нормальномъ снѣ, и которыя такъ поразительны для лицъ, непосвященныхъ въ функциональныя разстройства центральныхъ органовъ; органы чувствъ служатъ посредниками въ передачѣ центральному аппарату внѣшнихъ впечатлѣній, которыя здѣсь, при извѣстныхъ условіяхъ, превращаются въ двигательные импульсы; изслѣдуемый субъектъ производитъ эти движенія совершенно не сознавая ихъ и нерѣдко даже впоследствии не помнить того, что дѣлалъ. Для этихъ процессовъ, совершающихся болѣе или менѣе внѣ предѣловъ сознанія, характерно то обстоятельство, что гипнотики обыкновенно ничего не могутъ рассказать о томъ, что съ ними происходило; но если имъ напоминаютъ о происшедшемъ, они начинаютъ припоминать. Такъ напр. Ф., въ опытѣ описанномъ выше, не помнилъ, чтобы его спрашивали, можетъ ли онъ говорить? хотя въ гипнотическомъ состояніи онъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ отрицательнымъ движеніемъ головы; когда я спросилъ его, помнить ли онъ, что я говорилъ? то

онъ сталъ припоминать, что слышалъ что-то, но что именно не помнитъ; когда я затѣмъ повторилъ свой вопросъ, то онъ тотчасъ же припомнилъ его. Подобно тому какъ органъ слуха передаетъ субъекту, погруженному въ гипнотическое состояніе, рѣчь экспериментатора, органъ зрѣнія заставляетъ гипнотизированнаго повиноваться воли экспериментатора, выражающейся повелительными жестами. Совсе не удивительно, что жесты и въ особенности слова экспериментатора производятъ на гипнотика болѣе сильное дѣйствіе, нежели жесты и слова остальныхъ присутствующихъ, такъ какъ гипнотизируемый субъектъ имѣетъ представленіе, что въ этотъ моментъ экспериментаторъ, дѣйствительно имѣетъ надъ нимъ особую власть; вліяніе этого представленія переживается въ сознаніи и усиливаетъ дѣйствіе раздраженій, которыя экспериментаторъ производитъ на чувствительные нервы, тогда какъ раздраженія, исходящія отъ другихъ лицъ, часто остаются безъ всякихъ послѣдствій.

Изложенный мною взглядъ противорѣчитъ не только взглядамъ Ганзена, но даже нѣкоторымъ его показаніямъ, касающимся фактической стороны дѣла. Я не могу касаться послѣднихъ, не предупредивъ, что я положительно не довѣряю ни безпристрастнымъ, ни умышленно лживымъ показаніямъ Ганзена. Я лично придаю немало значенія тому симпатическому впечатлѣнію, которое оставляетъ Ганзенъ при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ, но вовсе не желаю приводить этотъ субъективный взглядъ въ доказательство искренности Ганзена. Несравненно болѣе важное объективное значеніе имѣетъ та готовность, съ которою Ганзенъ соглашается на всевозможныя предложенія, клонящіяся къ научному изслѣдованію разсматриваемаго вопроса. Быть можетъ, именно непоколебимая вѣра въ то, что онъ обладаетъ таинственною силою, свойственною въ подобныхъ же размѣрахъ лишь немногимъ лицамъ, даетъ ему ту спокойную, самоувѣренную осанку, которая, дѣйствуя на воображеніе зрителей, имѣетъ немаловажное значеніе для успѣха экспериментовъ. Замѣтное напряженіе, которое наблюдается у Ганзена во время его представленій, конечно, ничто иное, какъ обычное явленіе, сопровождающее всякаго рода лекціи съ демонстраціями, хотя тутъ это напряженіе бываетъ выражено гораздо сильнѣе, нежели при многихъ другихъ видахъ появленія на сценѣ передъ публикою, благодаря болѣе значительной тратѣ мышечной силы и болѣе сильному душевному возбужденію. Ученіи Месмера придаютъ важное значеніе таинственному духовному отношенію магнетизируемаго субъекта къ

магнетизеру и влиянию воли послѣдняго. Если-бы, для объясненія гипнотическихъ явленій, дѣйствительно нужно было допустить особую способность, свойственную лишь нѣкоторымъ индивидуумамъ, то можно было бы думать, что періодическое проявленіе этой способности совершается произвольно, въ родѣ напр. особыхъ функций, свойственныхъ нѣкоторымъ животнымъ (развитіе электрическихъ, свѣтовыхъ, обонятельныхъ явленій) и совершающихся лишь при извѣстныхъ условіяхъ внѣшняго раздраженія или, можетъ быть, подъ влияніемъ сознательной воли. Но если отрицать эту специфическую способность, то не можетъ быть и рѣчи объ участіи воли, въ смыслѣ месмеризма; кромѣ того я утверждаю категорически, что для успѣха гипнотическихъ опытовъ, сдѣланныхъ мною и моими друзьями, напряженіе силы воли вовсе не оказалось необходимымъ элементомъ. Однако весьма возможно, что экспериментаторъ, склонный къ трансцендентальному воззрѣнію и къ вѣрѣ въ магнетическія силы, гораздо сильнѣе выразить свою волю въ словахъ и жестахъ, нежели тотъ, кто сознательно афектируется съ цѣлью подѣйствовать на воображеніе другихъ лицъ, и быть можетъ этимъ объясняется, почему иной магнетизеръ искренно вѣритъ, что онъ на опытѣ убѣдился въ влияніи своей воли.

Ганзенъ утверждаетъ, что когда онъ имѣетъ намѣреніе лишить когонибудь способности припомнить первыя буквы азбуки, число, годъ и т. п., или когда онъ желаетъ вызвать у когонибудь галлюцинацію, то онъ старается въ это время по возможности отдалить отъ себя представленіе о томъ, что онъ именно желаетъ заставить забыть, но старается по возможности живо представить себѣ вызываемую имъ иллюзію и думать, что успѣхъ зависитъ отъ того, удастся ли ему это. Я охотно вѣрю, что это составляетъ его искреннее убѣжденіе, но съ своей стороны утверждаю, что все это не болѣе, какъ самообольщеніе; сдѣланные мною опыты положительно доказали, что представленія экспериментатора не имѣютъ никакого влиянія на гипнотизируемаго, если только они не проявляются какимънибудь внѣшнимъ образомъ. Повидимому, нѣкоторые факты говорятъ за существованіе какой-то душевной силы; въ доказательство укажемъ на передачу ощущеній вкуса ¹⁾, опытъ съ тремя бриллиантовыми кольцами ²⁾, притягиваніе гипнотизируемаго субъекта на боль-

¹⁾ Zöllner, Wissenschaftliche Abhandlungen. Bd. III, S. 529 и 530.

²⁾ Тамъ же, S. 532.

помъ разстояніи ¹⁾ и произвольное возбужденіе сновидѣній ²⁾, какъ это дѣлаетъ Ганзенъ. Легко объяснить дѣйствіемъ воображенія извѣстный опытъ Ганзена, при которомъ сжатый вулакъ разжимается, когда самъ Ганзенъ разжимаетъ свою руку ³⁾. Ганзенъ словесно передавалъ мнѣ относительно перваго изъ упомянутыхъ опытовъ, что онъ взялъ въ ротъ стальное перо, обмакнутое въ чернила, положилъ руку на голову доктора Германна, стоявшаго къ нему спиной, и спросилъ его: «какой вкусъ у васъ во рту?» при этомъ докторъ Германнъ получилъ яво-бы ясное ощущеніе вкуса чернилъ. Я нисколько не сомнѣваюсь въ справедливости этого сообщенія, но полагаю, что представленіе чернильнаго вкуса у доктора Германна было вызвано помощью одного изъ тѣхъ бессознательныхъ умозаключеній, существованіе которыхъ неоднократно было доказано физиологіей чувствительныхъ воспріятій (быть можетъ изъ вкусовыхъ веществъ подъ руками не было ничего, кромѣ чернилъ, или манипуляціи съ перомъ навели на мысль о чернилахъ), или, что ощущеніе «накопленія слюны во рту» напоминаетъ ощущеніе, производимое вязущими жидкостями, и при вопросѣ о вкусѣ, воображеніе можетъ найти чернильный вкусъ. Если уже возникло представленіе о вкусѣ чернилъ, то интенсивность этого ощущенія, безъ сомнѣнія, объясняется тою легкостью, съ которою наступаютъ галлюцинаціи въ гипнотическомъ состояніи. Профессоръ Целлнеръ сообщаетъ о безуспѣшномъ повтореніи подобнаго же опыта съ поваренною солью съ тѣмъ же субъектомъ. Ганзенъ былъ такъ любезенъ, что продолжалъ, по моей просьбѣ, подобные же опыты съ своей женою и Ф., причемъ брали различныя вкусовыя вещества; судя по отзывамъ Ф., опыты эти были безуспѣшны, такъ что приведенный нами единственный удачный опытъ съ докторомъ Германномъ слѣдуетъ объяснять указаннымъ мною способомъ.

Одинъ разъ я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ Ганзенъ привлекъ къ себѣ гипнотизируемаго субъекта на большомъ разстояніи (Целлнеръ, S. 549).

Въ этомъ случаѣ Ф. сидѣлъ на стулѣ спиной къ Ганзену и вниманіе его было занято ожиданіемъ чего-то особеннаго, такъ какъ въ многочисленномъ собраніи, передъ которымъ Ганзенъ давалъ свое представленіе, водворилась мертвая тишина;

¹⁾ Тамъ же, S. 457, 530, 549.

²⁾ Тамъ же, S. 556.

³⁾ Тамъ же, S. 529.

жестикаціи Ганзена были такъ живы, что нѣкоторые изъ присутствующихъ были принуждены отвернуться или даже оставить залу, дабы избавиться отъ тяжелаго впечатлѣнія, производимаго этими тѣлодвиженіями. Втеченіи нѣкотораго времени усилія Ганзена оставались безуспѣшны; наконецъ, онъ крикнулъ «встаньте». Ф. тотчасъ же поднялся съ своего мѣста и началъ медленно задомъ подвигаться къ Ганзену. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ утверждаютъ, что слышали при этомъ слово «идите»; я лично этого не слышалъ. Вѣроятно, въ этомъ случаѣ большую роль играло движеніе стульевъ, стоявшихъ на пути, по которому отступалъ Ф., впрочемъ, сама публика того требовала; замѣчательно, что Ф., за нѣсколько дней передъ тѣмъ, слышалъ отъ Ганзена о подобномъ же опытѣ, удавшемся въ Лейпцигѣ, и къ тому же онъ боялся этого эксперимента; предшествовавшій сеансъ Ганзена оставилъ въ немъ на продолжительное время непріятное чувство и въ этотъ вечеръ онъ не хотѣлъ, чтобы надъ нимъ производились опыты. Наконецъ, этотъ случай вообще не говорить въ пользу существованія такъ называемаго магнетическаго средства, и я признаю, что успѣхъ опытовъ, въ подобныхъ случаяхъ, зависитъ отъ указанныхъ обстоятельствъ. Конечно, весьма трудно обставить этотъ экспериментъ такимъ образомъ, чтобы можно было исключить всякую возможность участія въ немъ предвзятой идеи со стороны лица, подвергающагося опыту, относительно намѣреній экспериментатора; доказательную силу имѣлъ бы только такой опытъ, который бы удался именно при этихъ условіяхъ.

Я изложилъ на этихъ страницахъ не только опыты, произведенные мною при обязательномъ содѣйствіи другихъ лицъ, но и мой взглядъ на эти опыты. Я считаю свой трудъ нелишнимъ значенія, такъ какъ моими опытами доказывается, что описанныя, малоизвѣстныя явленія далеко не такъ трудно вызываются, какъ это могло казаться съ перваго взгляда, и что для этого вовсе не требуется содѣйствія лицъ, одаренныхъ своеобразною организаціею.

Усиленная раздражительность, развивающаяся вслѣдствіе повторенныхъ опытовъ и даже вслѣдствіе частыхъ наблюденій гипнотическихкихъ экспериментовъ (у впечатлительныхъ особъ) возбуждаетъ опасеніе, что при нѣкоторой неосторожности дѣло можетъ повести къ развитію болѣзненнаго состоянія; поэтому, не спеціалисты рѣшительно не должны производить гипно-

тическіе опыты съ цѣлью простаго удовлетворенія любопытства. Напротивъ, съ чисто фізіологической точки зрѣнія, а также въ виду разъясненія помощью подобныхъ экспериментовъ нѣкоторыхъ еще темныхъ областей знанія, весьма желательно, чтобы люди науки обстоятельно занялись изслѣдованіемъ этихъ, во многихъ отношеніяхъ, загадочныхъ явленій. Многое изъ того, что въ прежнія времена говорилось о чудесахъ и колдовствѣ, и что въ настоящее время безъ дальнѣйшихъ разсужденій относится къ области міеологіи—какъ, напримѣръ, разсказы объ «отводѣ глазъ (сглазить)»—представляется, въ настоящее время, весьма вѣроятнымъ, если допустить, что въ этихъ случаяхъ дѣло шло о гипнотизмѣ, и сходство, представляемое явленіями стигматизма съ гипнотическимъ состояніемъ, такъ же какъ гипноза съ истеріей, наводитъ на мысль, что далеко не во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ умышленнымъ обманомъ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ объ опытѣ Ганзена съ одною дѣвочкою, приведенною съ состояніе «ясновидѣнія». Послѣднее выразилось тѣмъ, что ребенокъ описалъ наружность господина, сидѣвшаго сперва въ той же комнатѣ и затѣмъ вышедшаго въ сосѣдную, и объявилъ, что этотъ господинъ поднималъ вверхъ 4 пальца; при этомъ, однако, Ганзенъ принужденъ былъ говорить по направленію къ точкѣ, лежащей ниже груди, для того, чтобы ребенокъ могъ слышать его слова. Описаніе наружности человѣка, присутствовавшаго при опытѣ, не представляетъ ничего удивительнаго; въ виду же того, что предварительно было говорено о томъ, что сверху поднять неопредѣленное число пальцевъ, и вопросъ касался, стало быть, лишь числа ихъ, вѣроятность вѣрнаго отвѣта равнялась $\frac{1}{10}$, если только не $\frac{1}{5}$.

Въ виду той важности, которую представляло бы несомнѣнное подтвержденіе этого факта (Кантъ, Целлеръ, W. A. Bd. III, S. 533), было бы весьма полезно обставить подобный экспериментъ такимъ образомъ, чтобы случайное совпаденіе вопроса съ отвѣтомъ не могло имѣть мѣста.

Не столько въ ожиданіи положительнаго результата, сколько изъ желанія повторить сообщенный опытъ, я загипнотизировалъ одного господина и задалъ ему нѣсколько вопросовъ. Вопросы, произнесенные громкимъ голосомъ близъ уха, не произвели на него никакого дѣйствія; но когда я говорилъ по направленію къ нижней части груди, всегда получался отвѣтъ, что гипнотизированный ничего не видитъ. Фактъ передачи слуха при посредствѣ груди, безъ сомнѣнія, очень интересенъ съ фізіологической точки зрѣнія; но, по моему мнѣнію, вовсе не доказы-

ваетъ еще, что солнечное сплетеніе можетъ отправлять слуховыя функціи. Скорѣе можно было бы думать, что, вслѣдствіе гипнотизма, наступаетъ параличъ можетъ быть мышцы, натягивающей барабанную перепонку, или другихъ частей аппарата, передающаго звукъ внутреннему уху, и что грудная влѣтка, благодаря своей значительной поверхности, получаетъ отъ звуковыхъ волнъ довольно сильныя колебательныя движенія и такимъ образомъ служитъ органомъ, воспринимающимъ звуки, которые проводятся костнымъ скелетомъ во внутреннее ухо.

Опыты двухъ другихъ, свѣдующихъ въ дѣлѣ гипноза, экспериментаторовъ дали точно также отрицательные результаты; они или вовсе не получали отвѣтовъ отъ гипнотиковъ, или же отвѣты получались, но большей части, невѣрные и лишь изрѣдка, случайно, были удачны.

(Сокращенный переводъ съ нѣмецкаго).

РАЗГОВОРЪ НА ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ.

(РАЗСКАЗЪ Г-ЖИ КОЦЕБУ).

17 сентября прошедшаго года, поздно вечеромъ сѣлъ я во Франкфуртѣ въ вагонъ желѣзной дороги, гдѣ долженъ былъ провести ночь, такъ какъ отправлялся черезъ Лейпцигъ въ Дрезденъ, куда я могъ прибыть не ранѣе слѣдующаго утра.

Обыкновеніе зажигать на потолокъ вагона фонарь оазывается въ высшей степени вещью непріятною для того, кто привыкъ спать въ темнотѣ; хотя, впрочемъ, представляетъ то удобство, что входя въ вагонъ ночью, не рискуешь отдавить ноги уже прежде размѣстившимся тамъ пассажирамъ, что непремѣнно случилось бы со мной, если-бы вагонъ былъ не освѣщенъ. Возлѣ самой двери вагона вытянулась поперегъ чья-то пара ногъ; очевидно, что тотъ, кому онѣ принадлежали, уже совсѣмъ расположился спать. Въ другомъ углу отдѣленія сидѣла дама, которую въ полумракѣ трудно было разсмотрѣть; но видно было только, что она одѣта со вкусомъ, въ элегантный дорожный костюмъ. Такъ какъ въ вагонѣ болѣе никого не было, то я расположился въ серединѣ его, что каждому изъ насъ давало возможность не стѣснять другъ друга, потому что никто изъ насъ не имѣлъ, всегда непріятнаго во время путешествія, vis-à-vis и такимъ образомъ мы всѣ ѣхали молча. Я не замѣтилъ, была-ли ночь свѣтлая, или нѣтъ.

По всей вѣроятности я тотчасъ же заснулъ и проспалъ нѣсколько часовъ, какъ вдругъ меня разбудилъ стукъ въ окно.

Изъ-за протягиваемой ко мнѣ руки съ тарелкою, на которой лежали разные бутерброды, я увидалъ заспанную фізіономію станціоннаго буфетчика, чуть-чуть освѣщенную начинавшимся разсвѣтомъ дня. Никто изъ насъ однакожь не обратилъ никакого вниманія на эту, имѣвшую цѣлью соблазнить насъ, закуску; но безпокойство, причиненное намъ буфетчикомъ, заслуживало несравненно болѣе жестокаго наказанія съ нашей стороны, чѣмъ одного безмолвнаго презрѣнія за нарушение нашего покоя. О снѣ теперь уже нечего было и думать; онъ прошелъ совершенно и я послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ попытокъ заснуть опять, привелъ въ порядокъ мою фуражку, смятую до невозможности и сбившуюся на бокъ отъ постояннаго тренія о бархатную стѣнку дивана, и рѣшился начать мои дневныя занятія разсматриваніемъ въ окно телеграфныхъ столбовъ. Внутри нашей добровольной тюрьмы, въ настоящую минуту, царилъ почти полнѣйшій мракъ, мѣшавшій мнѣ приняться за наблюденія надъ моими спутниками, такъ что я долженъ былъ отложить это намѣреніе до другаго, болѣе удобнаго времени.

Но вскорѣ однакожь и они зашевелились.

Муштина снялъ съ головы свою черную бархатную шапочку, тщательно сложилъ ее, положилъ въ свой дорожный мѣшокъ и надѣлъ мягкую пуховую шляпу. Когда стало постепенно все больше свѣтать, я увидалъ, что это господинъ съ весьма умной фізіономіей и которому на видъ можно было дать около шестидесяти лѣтъ. Вся фигура и манера его изобличала человѣка, принадлежащаго къ высшему, образованному обществу. Глаза наши нѣсколько разъ встрѣчались, и черезъ четверть часа, въ продолженіи котораго мы хотя и не обмѣнялись ни однимъ словомъ, мы чувствовали, что мы люди, подходящіе одинъ къ другому. Кто много путешествовалъ, тому навѣрное часто случалось испытывать такого рода безмолвную симпатію къ кому нибудь изъ своихъ спутниковъ, и тотъ, конечно, нисколько не удивится, что, не смотря на обоюдное молчаніе, между нами установилось какъ-бы инстинктивное пониманіе другъ друга. Съ едва замѣтною улыбкою, спутникъ мой указалъ мнѣ глазами на нашу, тоже во все время пути молчавшую сосѣдку.

Съ той самой минуты, какъ въ вагонѣ стало дѣлаться свѣтлѣе, она опустила на свое лицо густой вуаль, сквозь причудливыя узоры и арабески котораго не было никакой возможности разглядѣть ея фізіономію. Утомленная безпокойно проведенною ночью, она положила свои ноги на противоположную скамейку, причемъ почти безпрестанно должна была опрavlать

свое строе шелковое платье, которое то и дѣло поднималось сверху непослушнымъ кринолиномъ, такъ что отрывало иногда ноги дамы повыше ея изящныхъ ботинокъ. Это, такъ часто повторявшееся движеніе было единственнымъ проявленіемъ жизни въ нашей спутницѣ, послѣ чего она опять откидывалась назадъ къ спинкѣ дивана. Глядя на нее, мнѣ, по всей вѣроятности, пришла въ голову та же самая мысль какъ и пожилому, сидѣвшему въ углу вагона, господину; но въ эту самую минуту кондукторъ широко распахнулъ дверь и громко прокричалъ: «Лейпцигъ!» Явился ливрейный лакей принять вещи дамы и она исчезла въ толгѣ, не успѣвъ удовлетворить моего любопытства.

Но съ господиномъ въ бѣлой пуховой шляпѣ мнѣ болѣе посчастливилось. Когда, послѣ короткой остановки, которую я воспользовался, чтобы расправить немного мои онѣмѣвшія отъ бездѣйствія члены, я снова вошелъ въ вагонъ, чтобы ѣхать далѣе, въ Дрезденъ, то нашелъ этого господина на его прежнемъ мѣстѣ.

— А вы также не остаетесь въ Лейпцигѣ? спросилъ онъ меня. Во время путешествія вообще не соблюдается особенная логичность въ разговорѣ, когда хотать съ кѣмъ нибудь начать его. Разумѣется, если-бы я остался въ Лейпцигѣ, то не воротился бы опять сидѣть въ вагонъ.

— Какъ видите, отвѣчалъ я.

— Теперь мы будемъ съ вами только вдвоемъ, продолжалъ онъ; — надѣюсь, вы не имѣете ничего противъ того, чтобы я закурилъ сигару?

— Я только самъ собирался предложить вамъ тотъ же самый вопросъ, возразилъ я, и черезъ минуту двѣ голубоватыя струйки дыма, отъ закуренныхъ сигаръ, змѣйкою потянулись въ открытое окно.

Произошло короткое молчаніе, впродолженіи котораго мы оба, по всей вѣроятности, вспоминали предшествовавшую, довольно безпоякойно проведенную ночь, вслѣдствіе чего мнѣ почти невольнымъ образомъ пришла въ голову наша спутница.

— Если я не ошибаюсь, то вы, едва замѣтнымъ движеніемъ глазъ и головы, хотѣли обратить мое особенное вниманіе на ѣхавшую вмѣстѣ съ нами даму, сказалъ я. — Но, говоря откровенно, въ ея особѣ мнѣ ничего не бросилось особенно рѣзко въ глаза.

— Да, это правда, отвѣчалъ старикъ, усмѣхаясь; — я совсѣмъ забылъ, что вы присоединились къ намъ только во Франкфуртѣ. Но я провелъ съ этою дамою цѣлыхъ двадцать минутъ передъ отъѣз-

домъ въ общей залѣ и въ это время имѣлъ возможность убѣдиться, что нашелъ въ ней субъектъ, достойный изученія въ смыслѣ моихъ любимыхъ наблюдений. Она, очевидно, принадлежала именно къ тому, довольно обширному разряду женщинъ, лѣта которыхъ угадать трудно, потому что онѣ употребляютъ всевозможныя ухищренія, чтобы ввести людей въ заблужденіе на счетъ ихъ возраста. Проживъ шестьдесятъ лѣтъ и потолкавшись въ свѣтѣ между людьми, это сейчасъ бросается въ глаза и не замѣтить этого нельзя—по нѣкоторымъ извѣстнымъ движеніямъ, по тому способу, какимъ эти дамы приводятъ въ порядокъ свой туалетъ, однимъ словомъ, по множеству разныхъ мелочей, которыхъ даже и не перечтешь. Оттого-то я сегодня, рано по утру, и слѣдилъ съ такимъ особеннымъ чувствомъ внутренняго довольства за движеніями дамы, которая такъ старательно закрывала густымъ вуалемъ свое лицо, когда, благоприятный ей, ночной мракъ сталъ смѣняться дневнымъ разсвѣтомъ. Я отъ природы человекъ чрезвычайно общительный, любящій подѣлиться съ другими моими наслажденіями, поэтому, даже не будучи съ вами знакомъ, я чувствовалъ положительно потребность кивнуть вамъ на эту даму головой, чтобы сдѣлать также и васъ участникомъ испытываемаго мною удовольствія.

— Къ сожалѣнію, ваше намѣреніе не достигло своей цѣли; я рѣшительно лишенъ былъ возможности хотя чѣмъ нибудь насладиться.

— Этимъ доказывается только то, что вы, въ вашемъ изученіи прекраснаго пола, еще не дошли до самаго интереснаго пункта. Когда женщина уже давно утратила свою молодость и желаетъ во что бы то ни стало скрыть это обстоятельство, то самымъ предательскимъ для нея моментомъ бываетъ моментъ пробужденія отъ сна, послѣ безпокойно проведенной ночи. Всѣ складочки и морщинки кожи безсовѣстно выступаютъ на видъ, и вотъ этимъ-то именно и объясняется присутствіе густаго вуала на лицѣ незнакомой намъ дамы.

— Но вѣдь нельзя же оставаться вѣчно молодымъ, замѣтилъ я на это.

— Совершенно вѣрно; это вещь невозможная какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Когда мужчина старѣется, то это пожалуй можно назвать счастіемъ.

— Счастіемъ, сказали вы?

— Да, счастіемъ, если смотрѣть на этотъ вопросъ съ правильной точки зрѣнія. Въ молодости все имѣетъ цѣну лишь минутнаго наслажденія; для счастливаго и счастливо одареннаго

юноши жизнь представляет собою цѣлый рядъ пестрыхъ, разнообразныхъ впечатлѣній и ощущеній; но когда съ появленіемъ первыхъ сѣдыхъ волосъ приходится убѣдиться, что проходить пора горячихъ увлеченій, то наступаетъ дѣйствительное наслажденіе жизнью, которая представляется уже тогда не опьяненіемъ минутнаго наслажденія, каждаго верхомъ блаженства, а напротивъ, все насъ окружающее получаетъ свойство доставлять намъ несравненно болѣе прежняго разныя наслажденія. Тогда все получаетъ для насъ глубокое значеніе. Вижу-ли я какуюнибудь влюбленную чету, то невольно вспоминаю время, когда мое собственное сердце было также переполнено и согрѣто солнечною теплотою взаимной любви, и это воспоминаніе прошлаго снова согрѣваетъ мое сердце, заставляя его биться сильнѣе; смотрю-ли я на стариковъ, у которыхъ уже взрослые дѣти, то замѣчаю на ихъ лицахъ выраженіе безпредѣльной благодарности къ Богу за это ниспосланное счастье, которое наполняетъ теплымъ и отраднымъ чувствомъ ихъ душу. Присутствую-ли на какомънибудь праздникѣ, гдѣ рѣзвая молодежь танцуетъ и веселится, то и я точно также веселюсь вмѣстѣ съ ними—только конечно не принимаю участія въ ихъ танцахъ, по той простой причинѣ, что ноги уже плохо мнѣ служатъ—и радуюсь, смотря на ихъ беззаботное, бѣшеное веселье, потому что притомъ сейчасъ же вспоминаю самого себя въ эти годы, и это веселое воспоминаніе прошлаго оживляетъ меня, хотя притомъ все-таки, помимо моей собственной воли, на глаза мои набѣгаетъ слеза тихой грусти. Нужно однако-жъ замѣтить, что грусть не чуждается веселья, съ которымъ она охотно идетъ объ руку. Если случится, что въ какойнибудь сѣренькій, осенній денекъ, мнѣ станетъ досадно, что я не могу по прежнему отправиться на охоту, которую такъ люблю, то я закрываю глаза и перебираю въ умѣ тѣ города и страны, въ которыхъ мнѣ пришлось побывать, и вдругъ, какъ бы какимъ волшебствомъ, передъ моими внутренними очами отерывается панорама, пожалуй даже еще восхителнѣе дѣйствительной, потому что тогда путешествуешь въ воображеніи, не чувствуя усталости въ ногахъ, не задыхаясь отъ лазанья по крутымъ горамъ, не страдая отъ морской болѣзни и не испытывая ни бурь, ни качки. Потомъ, я съ удвоеннымъ наслажденіемъ перечитываю произведенія моихъ любимыхъ, старинныхъ писателей, такъ что рядомъ съ испытываемымъ удовольствіемъ въ настоящую минуту, рождается въ моей душѣ воспоминаніе о томъ, когда я читалъ ихъ въ первый разъ, и какимъ образомъ вліяли они въ ту пору

на мой умъ; вмѣсто слабѣющаго голоса старика, мнѣ чудится какъ-бы издали доносящійся до меня звучный голосъ юноши, и если отъ моего настоящаго вѣтъ холодомъ, то на него вліяютъ согрѣвающимъ образомъ воспоминанія прошлаго. Если я проживу еще много лѣтъ, то пожалуй наступитъ и для меня пора отупѣнія, когда уже пониманіе подобнаго счастья сдѣлается для меня недоступнымъ; но до тѣхъ поръ, пока умъ мой еще требуетъ дѣятельности и сохранилъ свою юношескую отзывчивость на всѣ впечатлѣнія, я не промѣняю моихъ тихихъ радостей на шумныя радости молодости. А когда я вижу чьи нибудь похороны, то мысленно провожаю покойника въ его могилу. Я уже смотрю на него, какъ на своего друга, который какъ-бы приговариваетъ меня къ мысли о моей собственной смерти и заставляетъ думать, что, кромѣ прошедшаго и настоящаго, Богъ даровалъ намъ также увѣренность въ существованіи будущаго, гдѣ, послѣ окончанія нашего земнаго поприща, мы обрѣтемъ дороги намъ и прежде насъ отошедшихъ въ лучшій міръ существъ.

Такой длинный монологъ моего спутника былъ для меня положительною неожиданностью и сдѣлалъ на меня странное впечатлѣніе. Стулъ и грохотъ колесъ по рельсамъ нисколько не способствовалъ къ такимъ сердечнымъ изліяніямъ и я рѣшительно недоумѣвалъ, что могло въ такой степени вдохновить старика на подобнаго рода откровенность. Рѣчь его лилась просто и спокойно, какъ будто однако-жъ сердце его нисколько не участвовало въ выраженіи его мнѣній.

Я сидѣлъ нѣсколько времени молча.

— Въ такомъ случаѣ старость конечно есть счастье, замѣтилъ я наконецъ, — и житейскую философію, выраженную въ вашемъ возрѣніи, разумѣется можно посовѣтовать всякому старику. Жизнь воображеніемъ, сопровождающая внѣшнюю сторону человѣческаго существованія шагъ за шагомъ, должна конечно помогать переносить многія тяжелыя обстоятельства и, разумѣется, можетъ усиливать радостныя, получаемыя извнѣ впечатлѣнія. Но я не вижу почему женщина пожилыхъ лѣтъ не могла бы точно такимъ же образомъ наслаждаться жизнью; она точно также, въ настоящемъ, могла бы при всякомъ удобномъ случаѣ жить воспоминаніями прошедшаго и чувствовать себя вдвойнѣ счастливою по предписываемому вами рецепту.

— Почему же нѣтъ? возразилъ мнѣ старикъ. — Разумѣется она могла бы такъ распорядиться; но женская слабая натура рѣдко бываетъ способна къ твердому преслѣдованію какой

нибудь полезной цѣли, и положительно не сумѣла бы найти равновѣсіе между настоящимъ и прошедшимъ. Посмотрите хорошенько вокругъ себя и вы увидите, что большинство женщинъ, уже давно перешедшихъ за предѣлы не только второй, но даже и третьей молодости, стараются по возможности отдалить отъ себя періодъ старости и рѣшаются сойти со сцены лишь тогда, какъ претензіи ихъ нравиться дѣлаются уже положительно невозможными.

— Вы, мнѣ кажется, судите слишкомъ строго, вступился я. — Что женщинѣ трудно разстаться съ своею молодостью, это весьма естественно. Вы подумайте только, какой ореолъ божественной поэзіи окружаетъ молодое женское существо, какое блаженство заключается въ томъ, чтобы счастливить людей, и какъ дорога должна быть для женщины дарованная ей самою природою красота и прелесть, которыя заставляютъ все ее кружащее невольно поклоняться ей. Она знаетъ какъ нельзя лучше, что этимъ поклоненіемъ толпы она обязана не столько сокровищамъ своей души, сколько красивой наружности, которая прежде всего привлекаетъ къ ней людей, желающихъ съ нею сблизиться. Какже вы хотите, чтобы увяданіе свѣжести румянца не вызывало въ ея душѣ горестныхъ ощущеній? Какже всякой женщинѣ не желать оставаться мододою на самый крайне долгій срокъ?

При этомъ замѣчаніи старикъ нетерпѣливо побарабанилъ всѣми пальцами обѣихъ рукъ по своимъ колѣнамъ и сказалъ, когда я замолчалъ:

— Ну да, конечно, я съ вами согласенъ. Я пожалуй прибавлю къ этому и еще кое что. Женщина такъ сживается съ своею молодостью, что наконецъ ей самой начинаетъ казаться, будто молодость ея должна продлиться на вѣчныя времена. Для постепеннаго приученія себя къ мысли о томъ, что женщина старится, я даю ей десятилѣтній срокъ, отъ 36 до 46 лѣтъ; но потомъ вѣдь должна же она сказать себѣ: «да, молодость моя уже прошла»; но если она еще настолько сохранилась, что и въ эти года она довольно свѣжа и красива, то я охотно дѣлаю уступку ея невинному кокетству въ этомъ случаѣ, и пусть она говоритъ тогда: «посмотрите, какова я еще въ мои 46 лѣтъ!» Тогда она имѣетъ полное право одѣваться даже въ розовыя и голубыя платья; а, съ своей стороны, рѣшительно ничего не имѣю противъ этого.

Я передаю здѣсь читателямъ только бвинтъ-эссенцію нашего разговора, который, рѣзко переходя изъ шутливаго тона

въ сентиментальный и наоборотъ, давалъ намъ поводъ къ длиннымъ разсужденіямъ. Поѣздъ остановился въ Ріеза на десять минутъ, въ продолженіи которыхъ мы сочли необходимымъ подкрѣпить наши желудки пищею. Но едва успѣли мы выпить по чашкѣ саксонскаго кофе и опять сѣсть въ вагонъ, какъ я попытался снова завязать порвавшуюся нить нашего разговора.

— Вамъ бы слѣдовало прочесть нѣсколько лекцій по этому предмету для пользы и блага всего женскаго рода, сказалъ я моему спутнику смѣясь, послѣ того какъ умолкъ пронзительный свистъ тронувшейся съ мѣста машины;—можетъ быть вы достигли бы того, что ваши слушательницы рѣшились бы не скрывать своихъ лѣтъ.

— Мнѣ никогда не случалось говорить объ этомъ публично, возразилъ на это мой собесѣдникъ;—но совѣтовалъ я очень много и часто, при чемъ даже могу похвастаться, что моя проповѣдь для многихъ не была гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Мнѣ даже пришелъ теперь въ голову одинъ примѣръ, который я разскажу вамъ вкратцѣ. У меня была одна пріятельница, милѣйшая, прекраснѣйшая женщина! Два года тому назадъ я похоронилъ ее и, въ знакъ послѣдняго доказательства моей дружбы, бросилъ горсть земли въ ея могилу. Это была графиня... впрочемъ, какое вамъ дѣло до ея фамиліи. Когда я съ нею познакомился, то былъ въ томъ возрастѣ, когда людей принято вообще называть обиднымъ именемъ «молотовосовѣ». Мы были съ нею ровесники и почувствовали другъ къ другу самую искреннюю дружбу—но только дружбу, ни какъ не болѣе! Да, кромѣ дружбы, тутъ дѣйствительно не было никакого инаго чувства, потому что она любила другаго, какого-то голыша, котораго ея родители ни подъ какимъ видомъ не хотѣли имѣть своимъ зятемъ, и который черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ умеръ гдѣ-то на чужбинѣ, но только нужно замѣтить не отъ любви къ молодой дѣвушкѣ; этимъ обстоятельствомъ именно и объясняется тотъ фактъ, что такая красавица оставалась такъ долго незамужемъ. Какъ теперь гляжу на нее, какая она была тогда! Эмилиа была небольшого роста, но прекрасно сложена и природа въ добавокъ надѣлила ее прелестными, чисто аристократическими руками и ногами. Типъ ея фizioноміи былъ скорѣе итальянскій, чѣмъ нѣмецкій; цвѣтъ лица у ней былъ желтоватый, съ яркимъ оттѣнкомъ румянца на щекахъ, какъ у всѣхъ жителей юга; но взглядъ ея большихъ черныхъ глазъ былъ открытъ и ясенъ, какъ у всѣхъ лю-

дей германской расы. Ахъ! что это были за чудные, восхитительные глаза! Даже до самой послѣдней минуты ея жизни они сохранили свое обаятельное выраженіе и прелесть. Какъ хорошо становилось на душѣ у того, на кого обращались эти глаза; но теперь они уже закрылись навсегда! Ну, да что говорить объ этомъ; что прошло, того ужъ нѣтъ, и я пожалуй опять обращусь къ моему прославленію періода старческаго возраста. Когда моей пріятельницѣ исполнилось 28 лѣтъ и она все еще не была ничьей невѣстой, то папа и мама, хотя въ сущности далеко не глупые люди, нашли, что уже далѣе никакъ нельзя откладывать ея замужства. Мы жили въ Бреславлѣ. Одинъ богатый сосѣдній землевладѣлецъ давно уже пылалъ къ Эмилиіи нѣжной страстью и она приняла его предложеніе, нисколько впрочемъ не пылая къ нему любовью. Она согласилась выйти за него замужъ потому, что эта партія была давнишнимъ завѣтнымъ желаніемъ ея родителей; ей самой было все равно, такъ какъ тотъ, кому она отдала свое сердце, умеръ. Говоря по совѣсти, графъ X. былъ очень неуклюжъ; мать его повидимому даже не особенно позаботилась о его воспитаніи; притомъ же онъ былъ небольшого роста, но все-таки немного побольше Эмилиіи; такъ что былъ признанъ ея родителями во всемъ для нея подходящимъ человекомъ. Однимъ словомъ, ихъ повѣнчали и я танцевалъ на ихъ свадьбѣ. Въ первые года супружества у Эмилиіи не было дѣтей; потомъ у ней родились двѣ дочери, вскорѣ одна послѣ другой, и черезъ два года еще сынъ. Этимъ временемъ я много путешествовалъ и когда возвращался на родину, то всегда встрѣчалъ со стороны моей пріятельницы самый радушный пріемъ. Впродолженіи первыхъ десяти лѣтъ ея дружбы ко мнѣ она оставалась неизмѣнною, потомъ свойства ея характера стали постепенно принимать совершенно другое направленіе. Прежде для ея счастья достаточно было скромнаго, дружескаго кружка знакомыхъ, а теперь она стала усваивать себѣ весь тонъ и манеры свѣтской дамы. Туалеты ея стали постепенно дѣлаться все изысканнѣе; все ея время отдано было визитамъ и всякаго рода свѣтскимъ удовольствіямъ. Я конечно не могъ, съ своей стороны, осуждать въ ней такой жажды къ шумнымъ развлеченіямъ, потому что графъ съ каждымъ годомъ все больше жирѣлъ, умственные ресурсы его были весьма ограничены, онъ и всегда былъ скучнымъ въ обществѣ человекомъ, а у себя въ домѣ оказывался еще менѣе занимательнымъ. Мнѣ конечно могутъ возразить на это: но вѣдь у этой женщины

были дѣти, она могла бы заняться ими. Все это прекрасно; да развѣ чувство материнской любви можетъ исключительно наполнить собою существованіе женщины! Впрочемъ я не могу быть въ этомъ случаѣ компетентнымъ судьей, потому что остался холостякомъ; но, согласитесь, что матери любятъ своихъ дѣтей большею частью потому, что любятъ мужа, или потому, что дѣти у нихъ хорошенькія и ихъ забавляютъ; а дѣти моей пріятельницы, кромѣ несчастнаго сходства съ своимъ отцомъ, вслѣдствіе какой-то особенной игры природы, были рыжеволосыя и всѣ въ веснушкахъ. Короче сказать, графиня совершенно превратилась въ свѣтскую даму въ то время, когда я собрался ѣхать въ Америку. Когда я воротился оттуда въ Бреславль по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, я уже не нашелъ ее тамъ; по какимъ-то, ни для кого непонятнымъ причинамъ, она уговорила своего мужа переѣхать на житье во Франкфуртъ на Майнѣ. Человѣку, совершившему путешествіе изъ Вашингтона въ Бреславль, конечно, уже ничего не стоитъ переѣздъ въ нѣсколько миль и потому я отправился къ ней, явившись въ одно прекрасное утро въ ея франкфуртскомъ салонѣ. Наше свиданіе было такъ же искренно и задушевно, какъ и прежде, но съ моей стороны не понадобились слишкомъ долгія наблюденія для того, чтобы убѣдиться, что моя пріятельница болѣе чѣмъ когда нибудь увлеклась вихремъ свѣтскихъ удовольствій. У мужа ея было огромное состояніе, слѣдовательно, она не имѣла причинъ упрекать себя въ слишкомъ большихъ издержкахъ для дома; но та масса общественныхъ обязанностей, которую она добровольно взвалила себѣ на плечи, въ такой степени поглощала ее, что я рѣдко имѣлъ случай ее видѣть иначе, какъ въ присутствіи многочисленной толпы посѣтителей; для дружескихъ, задушевныхъ бесѣдъ со мной у ней оставалось весьма немного времени. Долго всматривался я въ этотъ новый для меня складъ ея жизни и принялся снова изучать мою пріятельницу, которую я положительно не узнавалъ въ пестротѣ окружающихъ ее личностей. Вдругъ для меня стала понятна причина этого вѣчно возбужденнаго состоянія. Эмилія уже начинала старѣться и старалась изо всѣхъ силъ казаться молодою! При этомъ она иногда ссылалась на нѣкоторыя событія, въ періодъ которыхъ она была такихъ-то и такихъ-то лѣтъ; но я, посчитавъ хорошенько и ариметически провѣривъ ихъ, пришелъ къ тому убѣжденію, что она предавала забвенію цѣлыхъ десять лѣтъ своей жизни. Я не могъ ошибиться въ этомъ, потому что мы съ нею родились въ одинъ и тотъ же годъ. Теперь я догадался также и о причинѣ переселенія ея во Франкфуртъ: въ

Бреславль были живы еще многие люди, присутствовавшие на ея врестинахъ, и хорошо помнившие то время, когда она, еще будучи подросточкомъ, въ коротенькихъ платьицахъ и панталончикахъ, ходила гулять съ своею гувернанткою англичанкою; всѣхъ этихъ очевидцевъ обмануть уже было невозможно; вѣдь ихъ также учили въ дѣтствѣ ариметикѣ. Здѣсь же, въ чужомъ городѣ, совсѣмъ не то; графиня поздно вышла замужъ и еще гораздо позднѣе сдѣлалась матерью своихъ милыхъ дѣтокъ, слѣдовательно, по возрасту послѣднихъ никакъ нельзя было судить о ея собственномъ; вѣдь никто не будетъ справляться съ брачнымъ свидѣтельствомъ, 18 или 28 лѣтъ она вышла замужъ— и потому, что тутъ долго думать? она стала моложе ровно на десять лѣтъ! Эта прекраснѣйшая женщина лгала въ первый разъ въ своей жизни—а изъ-за чего? для кого? какъ подумаешь. Впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ открытіемъ, было въ высшей степени тягостно.

Но истинный другъ не долженъ ограничиваться однимъ только хмуреньемъ бровей въ подобныхъ случаяхъ; я рѣшился непременно излечить отъ этого недостатка мою пріятельницу и принялся увѣщевать ее.

— Эмилія, сказалъ я ей въ видѣ вступленія,—неужели вы забыли сколько вамъ лѣтъ, или вы умышленно скрываете ваши года передъ вашими франефуртскими знаемыми? Я старался придать своему голосу самый мягкій тонъ, но не смотря на то графиня положительно вспылила.

— Если только вы осмѣлитесь заговорить здѣсь съ кѣмънибудь о моихъ лѣтахъ, сказала она, возвысивъ голосъ,—то я съ вами больше не знакома, не смотря на нашу... она по всей вѣроятности хотѣла сказать—не смотря на нашу двадцатитрехлѣтнюю дружбу, но эта страшная цифра, выражающая собою четверть столѣтія, очевидно, замерла у нея на губахъ и она не рѣшалась произнести ее.

— Эмилія, повторилъ я,—когда я намѣреваюсь говорить въ патетическомъ тонѣ, то всегда начинаю съ того, что называю моего собесѣдника или собесѣдницу просто по имени, —кого же вы обманете этимъ способомъ? — Разумѣется, никого! Чѣмъ болѣе вы будете прилагать стараній казаться моложе, тѣмъ старѣе всѣ будутъ считать васъ. Неужели вамъ самой никогда не приходило въ голову, что всякій можетъ подумать: да развѣ я безъ глазъ, что она хочетъ надуть меня! Почему же вы думаете, что для васъ въ этомъ случаѣ будетъ сдѣлано исключеніе? Вы, конечно, до сихъ поръ

еще очень красивы и сохранили необыкновенную молоджавость для вашихъ лѣтъ; глядя на васъ, всякій навѣрное скажетъ: какая у этой дамы милая, пріятная наружность, въ ней даже и теперь замѣтны несомнѣнные слѣды замѣчательной красоты въ молодости! Опять-таки повторяю вамъ: вы никого не заставьте смотрѣть на васъ, какъ на молодую женщину!

Эта первая проповѣдь не имѣла никакихъ другихъ послѣдствій кромѣ того, что моя пріятельница дулась на меня въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Но когда природная доброта ея сердца взяла верхъ, то я опять воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы возобновить мои увѣщанія, намѣреваясь уже на этотъ разъ положить краски поярче.

— Эмилія, горячо началъ я, взявъ ее за руку:—я боюсь, ужъ не красите ли вы себѣ волосы, потому что на вчерашнемъ воіеѣ я замѣтилъ, что вы замѣнили свой прежній, природный румянецъ искусственнымъ, хотя вы сдѣлали это очень ловко и въ мѣру. Знаете-ли, что побуждаетъ васъ къ этому? Если-бы знали, то, я убѣжденъ, что вы никогда не прибѣгли бы къ этимъ вспомогательнымъ косметическимъ средствамъ. Въ основѣ даже самой чистѣйшей, платонической любви лежитъ все-таки чувственность, хотя сами влюбленные, въ невинности души своей, даже и не подозреваютъ этого; та же самая бессознательная чувственность порождаетъ въ людяхъ и желаніе казаться много моложе своихъ настоящихъ лѣтъ. Вашъ искренній другъ предостерегаетъ васъ по этому счетъ вполголоса и съ глаза на глазъ въ вашемъ будуарѣ, а въ обществѣ всѣ говорятъ объ этомъ безъ всякаго стѣсненія и смѣются надъ этимъ. Если одна мысль о предположеніи такого рода на вашъ счетъ со стороны постороннихъ людей не способна оскорбить васъ; если вамъ не станетъ послѣ того противно все ненатуральное, искусственное, къ чему вы прибѣгали и что повело только къ такимъ обиднымъ для васъ толкамъ; если вы въ настоящую минуту, въ порывѣ негодованія, чувствуете непреодолимое желаніе выгнать меня отсюда вонъ, —то я, значить, ошибся въ васъ, и ваше прежде столь тонкое пониманіе настоящаго значенія вещей исчезло совершенно подъ слоемъ румянъ, бѣлилъ и разныхъ красокъ!

Побуждаемый моимъ живѣйшимъ участіемъ къ этой прекрасной женщинѣ, я въ своемъ рвеніи дошелъ уже почти до пріемовъ проповѣдника капуцина и окончивъ все, что хотѣлъ сказать ей, откинулся на спинку кресель, самъ взволнованный до крайности. Слова мои, повидимому, произвели на нее сильное впечатлѣніе; она сидѣла напротивъ меня молча, потупя глаза.

— Вы были безпощадно рѣзки, сказала она послѣ долгаго молчанія;—но я понимаю, что ваши слова были диктованы вамъ желаніемъ мнѣ добра, и потому мы еще въ другой разъ и продолже поговоримъ объ этомъ.

Будучи чрезвычайно доволенъ этимъ предварительнымъ результатомъ моего краснорѣчія, я уже начиналъ ощущать поползновеніе къ дальнѣйшему убѣжденію моей пациентки посредствомъ моего риторическаго таланта, къ чему, нѣсколько дней спустя, представился вновь весьма удобный случай. Она сама начала разговоръ о слабостяхъ женской природы вообще и въ шутовскомъ тонѣ сдѣлала даже притомъ нѣсколько намековъ на свои лѣта; тогда, воспользовавшись ея хорошимъ настроеніемъ, я принялся уже въ болѣе смягченныхъ выраженіяхъ, но съ прибавленіемъ еще новыхъ аргументовъ, довазывать ей то, чѣмъ она рисковала сдѣлаться въ шестьдесятъ лѣтъ, если-бы не измѣнила своихъ ухищреній, къ которымъ прибѣгала уже будучи пятидесятилѣтнею женщиною, и потому, самъ увлекшись моими собственными словами, я заключилъ такъ:

— Эмилія, я готовъ положительно стать передъ вами на колѣни, предварительно подложивъ подъ нихъ взятую съ дивана подушку, и умолять васъ, не отворачивайтесь отъ вѣнца всей жизни женщины, отъ старческаго достоинства пожилой женщины. Вамъ при этомъ не для чего будетъ покидать свѣтъ; напротивъ, оставайтесь въ немъ милымъ, любезнымъ, готовымъ на добрый совѣтъ и помощь членомъ общества; продолжайте выѣзжать въ свѣтъ и принимать у себя сколько хотите народу; но царствуйте въ этомъ свѣтѣ, какъ сознающая свое достоинство пожилая женщина, безъ зависти къ другимъ женщинамъ, вращающимся въ этомъ же самомъ кружкѣ, и ваши милые, привѣтливые глаза будутъ привлекать къ вамъ всѣхъ и каждаго, не только теперь, но даже еще черезъ десять, даже черезъ двадцать лѣтъ, не смотря на ваши сѣдины, къ которымъ всякій отнесется съ полнымъ уваженіемъ. Молодая женщина властвуетъ въ свѣтѣ своею красотою и любезностью, но владычество пожилой, любезной женщины едва-ли не сильнѣе и даже положительно прочнѣе, если еще вдобавокъ къ тому, она обладаетъ неподдѣльнымъ добродушіемъ и никого не оскорбляющимъ юморомъ въ своихъ разговорахъ, а въ довершеніе всего, одною изъ величайшихъ добродѣтелей, снисходительностью. О, тогда, Эмилія, я не умѣю себѣ даже представить болѣе совершеннаго существа! Такая почтенная старушка служить живѣй-

шимъ доказательствомъ того, что если красота проходитъ, что всякій ежедневно видитъ самъ, за то остается умъ и доброта, которые такъ рѣдко встрѣчаются въ старыхъ женщинахъ.

Вотъ такимъ-то образомъ, изволите видѣть, я и поговорилъ съ ней; можетъ быть даже нѣсколько лучше чѣмъ теперь, потому что тогда не мѣшалъ мнѣ, какъ теперь, шумъ и стужъ идущаго по рельсамъ поѣзда. Съ этихъ поръ я рѣшился занять наблюдательную позицію, чтобы убѣдиться, какое дѣйствіе произвели на мою пріятельницу мои увѣщанія. Но такъ какъ въ обществѣ весьма рѣдко говорится о лѣтахъ дамъ, въ особенности присутствующихъ, то такимъ образомъ прошло нѣсколько недѣль. Мнѣ казалось, что Эмилія дѣйствительно приняла къ сердцу мои дружескіе совѣты. Въ это время во Франкфуртѣ зимнія удовольствія были въ полномъ разгарѣ, причемъ я замѣтилъ, что бальные туалеты моей пріятельницы были гораздо скромнѣе и уже не такъ молоды, какъ прежде, хотя искусственные продукты весны, цвѣты изъ модныхъ магазиновъ *mademoiselle Adélaïde* или *madame Victorine* все-таки еще въ изобиліи украшали ея голову и платье. Потомъ произошло одно обстоятельство, довершившее начатое мною дѣло.

Однажды утромъ, войдя въ кабинетъ графини, я засталъ ее, съ письмомъ въ рукахъ, видимо взволнованною. Размолвка, происшедшая между нами, вслѣдствіе моихъ непрошенныхъ замѣчаній и совѣтовъ, была кратковременна, такъ что я потомъ по прежнему пользовался моимъ правомъ всегда входить къ ней безъ доклада.

— Что за причина, что я вижу васъ такою разстроенною? спросилъ я.

— Не помните-ли вы баронесу Н.? спросила она меня въ свою очередь, вмѣсто отвѣта.

Баронеса, жившая въ Бреславлѣ, была другомъ ея дѣтства, пожалуй, даже болѣе: обѣ онѣ родились не только въ одинъ день, но даже въ одинъ часъ; обѣ были созданы одна для другой и сдѣлались потомъ неразрывными друзьями.

— Какъ не помнить, отвѣчалъ я:—вѣдь она была третьимъ членомъ нашего тройственнаго союза.

— Въ будущую пятницу она пріѣзжаетъ во Франкфуртъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? ну вотъ какой пріятный сюрпризъ!

— Признаюсь, я не особенно раздѣляю въ этомъ случаѣ вашу радость.

— Почему?

— Потому, что если люди съ самой ранней молодости почти

не видались другъ съ другомъ и пошли потомъ по совсѣмъ различнымъ дорогамъ, то такія встрѣчи бывають скорѣе тяжелы, чѣмъ пріятны. Съ переменною образа мыслей является также и переменна образа жизни.

— А я, такъ готовъ побиться объ закладъ, что Полина, съ своею нѣскольکو грубоватою прямою характера, осталась такая же какъ была; у ней настолько твердыя, честныя правила, что сближеніе съ нею опять будетъ очень легко.

— А потомъ, подумайте только, что ея внучка уже невѣста! Полина уже въ 15 лѣтъ была толста и высока, точно гренадеръ, а въ 16 лѣтъ она вышла замужъ; должно полагать, что такое здоровенное тѣлосложеніе передавалось по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе, потому что если она, въ ея лѣта рискуеть сдѣлаться черезъ годъ прабабушкою, то это уже просто неповолятельно.

Она сказала эти слова съ такимъ озлобленіемъ, что меня какъ-то неприятно покорибило при этомъ; очевидно, что въ моей пріятельницѣ уже были всѣ задатки, чтобы сдѣлаться злою женщиною, потому только, что баронеса Н. черезъ годъ могла сдѣлаться прабабушкою и—была съ нею однѣхъ лѣтъ! Такимъ образомъ эта добрѣйшая по своей натурѣ женщина, съ самаго дѣтства привыкшая относиться къ людямъ съ живѣйшимъ участіемъ, была на пути къ тому, чтобы сдѣлаться недоброжелательною, единственно лишь въ виду возможности для ея сверстницы скоро быть прабабушкою, и что это обстоятельство выдавало ея собственные года! Подобнаго рода моменты грозятъ опасностію повліять на весь остатокъ жизни, слѣдовательно, необходимо воспользоваться одною человѣческою слабостію для излеченія отъ другой, болѣе серьезной.

— Эмилія, снова обратился я къ ней,—мнѣ конечно никогда не приходилось слышать, чтобы вы когда нибудь упоминали о количествѣ годовъ, которые вы живете на свѣтѣ, и не смотря на многія искусныя уловки, вамъ все-таки не удалось обмануть вашихъ знакомыхъ на этотъ счетъ, потому что всѣ они подозрѣваютъ тутъ съ вашей стороны большую ариметическую ошибку. И потомъ, представьте себѣ, вдругъ пріѣзжаетъ сюда баронеса и начинаетъ рассказывать направо и налево, какъ она съ малолѣтства была вашею подругою, и этимъ самымъ выдаетъ невольнымъ образомъ ваши пятьдесятъ лѣтъ! Вы подумайте только, какъ возликують по этому поводу всѣ наши франкфуртскіе знакомые, когда такимъ нагляднымъ образомъ под.

твердятся ихъ подозрѣнія на вашу счетъ! Вѣдь вся эта исторія мигомъ облетитъ весь городъ.

Эмилія выслушала меня молча и сдѣлала пріятномъ такое лицо, какъ будто въ эту минуту рѣшалась судьба всей ея жизни.

— Знаете-ли, что я предложу вамъ? продолжалъ я. — Вѣдь вы говорите, что въ пятницу должна пріѣхать неудобная для васъ баронеса, такъ отпразднуйте день вашего рожденія въ четвергъ. Въмѣсто того, чтобы провести этотъ день по семейному, только съ вашимъ мужемъ и со мною, какъ вы всегда дѣлавали до сихъ поръ, дайте парадный обѣдъ на 25 человѣкъ, пригласивъ на него непременно всѣхъ здѣшнихъ кумушекъ и самыхъ записныхъ сплетницъ, и за бокаломъ шампанскаго объявите имъ громко свой годъ. Сегодня только понедѣльникъ, слѣдовательно, вы еще успеете разослать свои приглашенія. Такая выходка съ вашей стороны произведетъ эффектъ не менѣе неожиданнаго фейерверка; во всемъ городѣ, въ продолженіи трехъ дней, только и толковъ будетъ что объ этомъ; а на четвертый вы уже смѣло можете быть увѣрены, что завоевали себѣ въ обществѣ самое завидное положеніе, и я буду имѣть удовольствіе крѣпко, искренно позать руку моей дорогой пріятельницѣ и отъ души сказать: слава Богу! теперь счастье ея обезпечено на весь остатокъ ея жизни, въ продолженіи которой ее ждуть всеобщее уваженіе и любовь.

Убѣдительность-ли моего краснорѣчія повліяла на нее, или этому способствовали также и другія причины, но только все было сдѣлано, какъ я ей совѣтовалъ. Въ четвергъ я повязалъ себѣ на шею бѣлый галстухъ; около пяти часовъ пополудни къ подъѣзду дома одинъ за другимъ подъѣзжали экипажи; въ украшенныхъ цвѣтами комнатахъ собралось множество гостей; подали обѣдъ, къ которому всѣ отправились по-парно, мужчина съ дамою, а я, какъ 25-й гость, шелъ одинъ позади всѣхъ и занялъ самое скромное мѣсто. Сначала я опасался, что Эмилія сконфузится; но эта умная женщина совладала съ собою отлично, и когда въ бокалахъ запѣнилось шампанское, то она, съ улыбкою обращаясь къ своимъ гостямъ, произнесла слѣдующія слова:

— Я хочу поступить совершенно вопреки принятому обычаю и сама буду просить моихъ любезныхъ посѣтителей выпить за мое здоровье, такъ какъ сегодня мнѣ исполнилось пятьдесятъ лѣтъ!

Одинъ годикъ она все-таки у себя украла, потому что въ

сущности ей стукнуло пятьдесятъ одинъ годъ; ну, да впрочемъ это такая мелочь, на которую не стоило даже обращать вниманія.

Когда мой собесѣдникъ дошелъ до этого пункта своего разсказа, то мы находились уже въ виду Дрездена. О томъ, какъ послѣдовалъ прїѣздъ баронесы во Франкфуртъ, я такъ и не узналъ; но впрочемъ, это обстоятельство ничего не прибавило бы собою къ дополненію вышеприведеннаго характеристическаго очерка. А такъ какъ словоохотливый старикъ намѣревался ѣхать далѣе, въ Бреславль, то я и проводилъ его на дебаркадеръ силезской желѣзной дороги.

— Я полагаю, что мы съ вами нашли бы себѣ немало враговъ между женщинами, если-бы вздумали напечатать нашъ разговоръ, замѣтилъ я.

— А можетъ быть приобрѣли бы себѣ дружбу многихъ, отвѣчалъ онъ;—впрочемъ, рассчитывать на то, чтобы онъ произвелъ желанное дѣйствіе на всѣхъ вообще, едва-ли возможно.

На прощанье я обмѣнялся со старикомъ крѣпкимъ рукопожатіемъ и мы разстались. Послѣ мнѣ уже никогда болѣе не приходилось встрѣчаться съ нимъ.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

АЛОПАТІЯ И ЕЯ ВРАЧЕВНЫЙ АРСЕНАЛЬ.

Быль у всей медицины: распознать умѣють отлично, всю болѣзнь рассказать тебѣ какъ по пальцамъ, ну а вылечить не умѣють. Студентъ тутъ одинъ случился восторженный: если вы, говорить, и умрете, то за то будете вполнѣ знать отъ какой болѣзни умерли!

(Доктоескій. «Братья Карамазовы». Т. II, стр. 488)

Статья наша «Что такое гомеопатія ¹⁾» не прошла незамѣченной въ обществѣ и возбудила такой интересъ, что вслѣдствіе полученныхъ нами заявленій, мы сочли полезнымъ выпустить ея отдѣльной брошюрой ²⁾. Даже нѣсколько врачей-алопатовъ, подъ вліяніемъ нашей статьи, обратились въ гомеопатическую аптеку съ просьбою выслать имъ сочиненія для подробнаго ознакомленія съ гомеопатіею, такъ какъ, выражается одинъ изъ нихъ — «было бы преступленіемъ съ моей стороны, въ виду данныхъ, приводимыхъ авторомъ статьи въ пользу гомеопатіи и въ виду доказанной немощности нашей (т. е. алопатической) фармакологіи, не испытать гомеопатическаго способа леченія въ массѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ существующіе способы леченія безсильны не только искоренить, но даже облегчить болѣзнь».

Но наши медицинскія ученые газеты и журналы, конечно,

¹⁾ Напечатана въ ноябрьской книгѣ «Русской Рѣчи» за 1880 годъ.

²⁾ Продается въ гомеопатическихъ аптекахъ Петербурга и Москвы.
Кв. III.—Мартъ, 1881.

обошли молчаніемъ нашу статью. Почему же?—Да вѣроятно потому, отвѣтитъ благоразумный и безпристрастный читатель,— что отъ добра добра не ищутъ; что ихъ наука повойтса въ настоящее время на такомъ твердомъ и вѣрномъ основаніи, что имъ остается только развивать и усовершенствовать ее въ этомъ направленіи, а не заниматься бесплодными спорами о коренномъ измѣненіи терапіи на совершенно новыхъ и притомъ еще не доказанныхъ научныхъ началахъ.

Хорошо кабы такъ! отвѣтимъ мы.—Но только это полнѣйшая неправда, и отвѣчать такъ могутъ только или люди, вовсе незнакомые съ врачебною наукою, или фарисеи-врачи, прикрывающіе пустозвонными фразами внутреннюю шаткость и пустоту своихъ познаній

Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ дѣйствительныхъ и почтенныхъ свѣтилахъ и труженикахъ науки, которыя посвятили себя изученію физиологіи и анатоміи человѣка, во всѣхъ ея подробностяхъ, которыя шагъ за шагомъ упорно, какъ истые бойцы, вырываютъ у природы ея тайны и все ближе и ближе подходятъ къ основамъ существованія организма, къ основамъ жизни и бытія. Это почтенныя, славныя имена великаго воинства науки; имъ и слава, и честь! Мы не оспариваемъ и великихъ познаній тѣхъ врачей, которымъ наука и опытъ даютъ возможность быть замѣчательными діагностами и опредѣлять съ величайшею точностью и подробностью какою именно болѣзнию боленъ человѣкъ, какою органъ и какъ именно страдаетъ, и какія послѣдствія произойдутъ отъ дальнѣйшаго развитія болѣзни. Мы не коснемся и хирургіи, гдѣ сдѣлано такъ много для облегченія страданій человѣка, но гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ также весьма много излишняго, а иногда и преступнаго усердія; гдѣ часто на человѣка смотрятъ какъ на практику, и гдѣ сплошь и рядомъ производятся тавія калѣченія, безъ которыхъ весьма легко можно было-бы обойтись. Нѣтъ, мы коснемся только врачей-практиковъ и притомъ только по двумъ отдѣламъ ихъ знанія, именно, фармакологіи (т. е. лекарствовѣднія) и терапіи, т. е. излеченія болѣзней съ помощью лекарствъ.

Спросите любаго добросовѣстнаго врача-алопата и онъ, если только не захочетъ покривить душою, скажетъ вамъ, что фармакологія, т. е. лекарствовѣдніе, составляетъ самую слабую часть врачебной науки. А между тѣмъ эта слабая часть составляетъ одну изъ главныхъ, одну изъ существеннѣйшихъ частей для страждущаго человечества. Что толку, что врачъ

вполнѣ вѣрно, безъ малѣйшей ошибки, опредѣлить вапу болѣзнь, расскажетъ вамъ подробно, какой органъ у васъ болитъ, какъ онъ видоизмѣняется въ своей формѣ, какъ перерождаются въ немъ ткани и отправленія, почему у васъ являются такія-то и такія-то симптомы и какія должны явиться еще впоследствии— что толку въ этомъ для васъ, когда тотъ же врачъ, такъ твердо и вѣрно стоящій, во всеоружіи опыта и науки, на почвѣ диагностики, начинаетъ путаться и дѣлать ошибку за ошибкой, промахъ за промахомъ, какъ только дѣло коснется до излеченія вашей болѣзни, до прописки лекарствъ. Его опытность въ диагностикѣ дѣйствительно будетъ замѣчательно вѣрна, и онъ, впоследствии, анатомируя вашъ трупъ, съ торжествомъ укажетъ на вѣрность своего опредѣленія и, поднявъ передъ аудиторіей сердце или печень усопшаго, укажетъ на тѣ измѣненія, какія онъ опредѣлилъ и какія дѣйствительно оказались. Но гдѣ? *На трупъ!* А жизнь улетѣла! Пациентъ умеръ—и врачъ оказался не только бессильнымъ продлить эту жизнь, но часто даже наоборотъ своею неумѣлостью, своимъ незнаніемъ, виновнымъ въ уничтоженіи этой жизни, виновнымъ въ смерти больного, организму котораго онъ, своимъ неумѣлымъ вмѣшательствомъ, только помѣшалъ самому справиться съ болѣзью, съ помощью присутствующихъ ему силъ. О, врачи, врачи! Сколько созданныхъ вами страданій, сколько преждевременныхъ смертей лежитъ на вашей душѣ, на вашей совѣсти. Неужели эти стоны, эти тѣни, не тяготятъ васъ, неужели и въ этому можно привыкнуть?

Мы сказали, что фармакологія, т. е. лекарствовѣдѣніе, составляетъ самую слабую часть врачебной науки. Постараемся же доказать это. Войдемъ въ этотъ врачебный арсеналъ и посмотримъ, какимъ оружіемъ борется медицина съ болѣзнями, чѣмъ она уничтожаетъ или облегчаетъ ихъ? разберемъ ея силу, ея дѣйствительную пользу для страждущаго человечества, требующаго отъ врача, не только опредѣленія болѣзни (диагностики), но и излеченія болѣзни, или ея облегченія, если излеченіе уже невозможно (терапіи).

Въ концѣ прошлаго года вышло новѣйшее руководство по фармакологіи, а именно, «Основы фармакологіи (*materia medica*) для врачей и студентовъ, Германа Köhle'га, профессора университета въ Галле. Переводъ съ нѣмецкаго И. Я. Мееровича, съ указаніями на російскую фармакопею и прибавленіемъ о новѣйшихъ средствахъ. Изданіе доктора Б. Г. Янпольскаго. С.-Петербургъ 1880 г.» Это—последнее слово фармакологіи, и потому разборъ этого сочиненія и покажетъ намъ вполнѣ со-

стояніе этой отрасли врачебной науки въ настоящее время. Войдемъ же въ это святилище современнаго знанія, въ этотъ врачебный арсеналь, гдѣ собрано все, что составляетъ существенную вспомогательную силу врачей, ихъ оружіе для борьбы съ многочисленными болѣзнями.

Авторъ, въ предисловіи къ своему труду, говоритъ, что его сочиненіе удостоилось одобрительныхъ отзывовъ «нѣмецкихъ, англійскихъ и русскихъ ученыхъ», и ему былъ оказанъ хорошій приѣмъ, и въ Германіи, и за границей. Кончаетъ онъ предисловіе тѣмъ, что онъ вовсе не включилъ фосфоръ въ число лекарствъ, потому что онъ до сихъ поръ не могъ убѣдиться въ достоинствѣ его, какъ лекарственнаго вещества.

Да, фосфоръ, какъ сильный ядъ, въ алопатическихъ дозахъ дѣйствительно не приноситъ пользы; но обратитесь къ гомеопатической фармакологіи и она, путемъ столѣтняго опыта, объясняетъ вамъ, что тотъ же фосфоръ, который нѣмецкій профессоръ изгоняетъ изъ числа лекарствъ, что тотъ же фосфоръ, но въ гомеопатическихъ дозахъ, составляетъ драгоценнѣйшее лекарство, помогающее во многихъ болѣзняхъ, противъ которыхъ безсилна алопатія. Такъ фосфоръ дается: при расслабленіи и упадкѣ жизненныхъ силъ отъ страданій головного и спиннаго мозга; сухотки спиннаго мозга; тифъ; гипереміи и отеки мозга; эпилепсіи; костоѣды челюсти; язвы желудка; хроническомъ поносѣ; катаррѣ мочеваго пузыря; поллюціяхъ; хроническомъ воспаленіи горла; воспаленіи гортани; горловой чахотки; воспаленіи бронхій съ начинающимся пораженіемъ легкихъ у молодыхъ особъ и у дѣтей; катаррѣ у туберкулезныхъ; воспаленіи легкихъ (въ періодъ гепатизаціи); туберкулезной чахоткѣ легкихъ, и еще во многихъ болѣзняхъ. При этомъ въ особенности при страданіяхъ легкихъ, сопряженныхъ съ упадкомъ силъ и расслабляющими потами, дѣйствіе фосфора просто поразительно по быстротѣ, съ которою онъ проявляетъ свою цѣлебную силу. Мы лично видѣли примѣры, гдѣ больные, приговоренные врачами-алопатами къ неминуемой смерти, быстро оправлялись отъ употребленія фосфора въ гомеопатическихъ приемахъ и притомъ въ самыхъ высокихъ (30-хъ) дѣленіяхъ.

А почтенный профессоръ изгоняетъ это могучее врачебное средство изъ своей фармакопеи, рекомендуемой имъ «для врачей и студентовъ», и изгоняетъ только потому, что онъ самъ, давая лошадиныя дозы, ничего, кромѣ вреда, отъ фосфора не видѣлъ. Однако, будучи добросовѣстнымъ въ своей сферѣ, онъ далѣе, какъ бы въ опроверженія себя, говоритъ,

«что открытыя Wegener'омъ измѣненія въ окостенѣніи хряща у молодыхъ животныхъ, послѣ ежедневнаго, продолжавшагося мѣсяцами, употребленія *минимальныхъ* количествъ фосфора, доказываютъ, что минимальныя количества медикамента, гомогеннаго для организма, употребляемыя ежедневно, настойчиво и систематически, могутъ вызвать весьма интенсивныя замѣтныя измѣненія въ растительной сферѣ организма» (стр. 9).

Здѣсь, конечно, выраженіе «минимальные» употреблено въ алопатическомъ смыслѣ; но пробовалъ ли профессоръ давать его въ гомеопатическихъ дозахъ? Фи, какъ можно! Вѣдь онъ профессоръ, а не шарлатанъ, и подобнымъ вздоромъ не занимается.

Заглянемъ же теперь въ эту премудрость, въ эти «основы» фармакологіи, въ эту «*materia medica*», на изученіи которой основываются и примѣняются врачами ихъ приемы излеченія и пользованія больныхъ.

Мы, конечно, займемся только разборомъ главныхъ лекарствъ, наичаще и наиболѣе употребляемыхъ, оставляя въ сторонѣ тѣ, которыя употребляются только въ исключительныхъ случаяхъ и при томъ далеко не всѣми врачами.

I классъ.

Средства, содѣйствующія процесамъ окисленія и обмѣну веществъ въ организмѣ при усиленіи питанія.

Здѣсь на первомъ мѣстѣ поставленъ кислородъ. Средство это, какъ извѣстно, у насъ въ большемъ ходу и даже существуютъ спеціальныя лечебницы для леченія кислородомъ (доктора Кавалевскаго), да и изъ аптекъ отпускаютъ на домъ для вдыханія кислородъ по совѣту врачей. А между тѣмъ, вотъ что говорится о немъ въ учебникѣ Köhler'a:

«Между тѣмъ, какъ прежніе наблюдатели надъ вдыханіемъ кислорода напавъ, что излишекъ поступающаго при обыкновенномъ давленіи, черезъ легкія, въ кровь кислорода, производятъ весьма серьезныя измѣненія жизненныхъ функций, позднѣйшіе наблюдатели Regnault и Reiset показали, что теплокровныя животныя въ атмосферѣ, состоящей главнымъ образомъ изъ кислорода, не измѣняютъ ни количества поглощаемаго ими кислорода, ни выдѣляемой углекислоты; Бухгеймъ же недавно вновь подтвердилъ, что увеличенное содержаніе кислорода въ воздухѣ, почти не вліяетъ на жизненныя функціи животнаго» (стр. 3).

«Допустивъ даже, что мы можемъ указаннымъ способомъ нѣсколько увеличить содержаніе кислорода въ крови, мы всетаки не имѣемъ достаточныхъ основаній утверждать, что этотъ избытокъ кислорода идетъ на пользу организма, усиливая его функціи. Но такъ какъ такого усиленія функціи не происходитъ даже при нормальныхъ физиологическихъ условіяхъ, то тѣмъ менѣе

оно возможно при патологическихъ условіяхъ и кислородъ, слѣдовательно, не можетъ быть признанъ терапевтическимъ агентомъ. Прославляемая нѣкогда польза вдыханія кислорода при подагрѣ, сахарномъ мочеизнуреніи туберкулезѣ легкихъ, золотухѣ, скорбутѣ, хлорозѣ, тифѣ, перемежающейся лихорадкѣ, скарлатинѣ, холерѣ, невралгіи, судорогахъ, параличахъ, эмфиземѣ легкихъ, брайтовой болѣзни, аномаліи менструацій и т. д. *научно не подтверждается*» (стр. 3).

И такъ, если врачъ посоветуетъ вамъ лечиться кислородомъ, то прочтите ему этотъ отрывокъ, взятый изъ книги, изданной для врачей, и, заплативъ ему гонораръ, отпустите его съ миромъ въ домъ свой, а въ подобному леченію, въ виду шаткости основаній, не прибѣгайте.

Препараты желѣза.

Желѣзо, въ настоящее время, сдѣлалось любимымъ лекарьствомъ, весьма часто употребляемымъ алопатами отъ малокровія вообще. Приписывая множество болѣзней, какъ-то: диспепсіи (при атонической слабости пищеваренія и вялости функций желудка), хлорозъ, анемію, золотуху, скорбутъ, рахитизмъ и т. п., недостатку желѣза въ крови, алопаты щедрою рукою даютъ приемы желѣзныхъ препаратовъ внутрь и очень часто достигаютъ совершенно противоположныхъ ихъ ожиданіямъ результатовъ, т. е. разстраиваютъ пищевареніе, нисколько не обогащая, но еще болѣе обѣдня присутствіе желѣза въ крови.

Но обратимся къ разбираемой нами книгѣ. Вотъ, что говорится въ ней о желѣзѣ:

«Желѣзо составляетъ нераздѣльную составную часть гемоглобина (0,43%) красныхъ кровяныхъ шариковъ, между тѣмъ какъ плазма крови совершенно свободна отъ желѣза. Взрослый человѣкъ (вѣсомъ въ 70 килограм.) содержитъ въ себѣ не больше 3,4996 грамма желѣза, причемъ Клодъ Бернаръ показалъ, что содержаніе его довольно значительно колеблется въ различныхъ отдѣлахъ сосудистой системы даже одного и того же индивидуума.

Вообще считаютъ за правило, что малыя дозы желѣза вполне и весьма легко всасываются желудкомъ и кишками; тѣмъ не менѣе даже при малыхъ дозахъ легко растворимыхъ желѣзныхъ препаратовъ, всасываніе это желудкомъ и тонкими кишками никогда не совершается вполне: довольно значительная часть редуцированного молочно-кислаго или хлористаго желѣза, всегда переходитъ въ каловыя массы и превращается тамъ въ сѣрнистое желѣзо; въ малыхъ количествахъ, оно (сѣрна. жел.) уменьшаетъ отдѣленіе слизистой оболочки кишекъ и обуславливаетъ залоры, въ большихъ же раздражаетъ ее механически или химически и вызываетъ увеличенныя серозныя выдѣленія и поносы».

(стр. 7).

Далѣе:

Химизмъ взаимодействія желѣза и крови разъясненъ только отчасти удовлетворительно. Хотя съ одной стороны твердо установлено фактъ, что химическій составъ гематина гвр. гемоглобина находится въ тѣснѣйшей связи съ опредѣленнымъ количествомъ желѣза, а равно и самое образование его стоитъ въ зависимости отъ присутствія желѣза, и хотя съ другой стороны известно, что съ уменьшеніемъ количества крови уменьшается и относительно количество гематина, и что этотъ недостатокъ можетъ быть пополненъ введеніемъ желѣза (слѣдовательно желѣзу нельзя "отказывать въ его значеніи для кровотоверенія), но тѣмъ не менѣе вывести отсюда заключеніе, что для увеличенія массы крови нужно вводить желѣзо всегда въ видѣ фармацевтическихъ препаратовъ и минеральныхъ водъ *могутъ только люди, неполучившіе медицинскаго образованія.*

Для повышенія кровотоверенія требуется скорѣе введеніе вмѣстѣ съ пищей еще другихъ органическихъ и неорганическихъ веществъ опредѣленнаго количества и качества, чтобы вмѣстѣ съ содержащимъ желѣзо гематиномъ образовать здоровую кровь. Эти вещества содержатся вообще въ достаточномъ количествѣ въ пищѣ, подвергающейся легко обработкѣ пищеварительныхъ органовъ, и въ особенности въ мясѣ, содержащемъ достаточныя количества желѣза, тѣмъ болѣе, что ежедневное потребленіе желѣза организмомъ весьма не велико. Это положеніе подтверждается тѣмъ, что мы излечиваемъ множество случаевъ малокровія гораздо лучше средствами, вовсе не содержащими желѣза (напр. мѣшьякомъ), но которыя способствуютъ метаморфозу, питанію или пищеваренію и даютъ организму возможность ассимилировать желѣзо, содержащееся въ пищевыхъ веществахъ, чѣмъ препаратами желѣза, когда при этомъ нельзя позаботиться объ удобоваримой и легко ассимилирующей пищѣ, чистомъ воздухѣ и свѣтломъ жильѣ. Тотъ фактъ, что и другіе медикаменты, возбуждающіе пищевареніе въ желудкѣ и увеличивающіе количество хлоридовъ при введеніи соответствующей пищи, а тѣмъ болѣе при употребленіи жареной телятины или другого жаркого, при благоприятныхъ вообще условіяхъ (именно, правильной діетѣ, сельской жизни, вдыханіи лѣснаго или морскаго воздуха), могутъ излечивать малокровіе скорѣе, чѣмъ препараты желѣза, подрываетъ въ значительной степени установленную въ публикѣ славу желѣза, какъ средства специфическаго вызывающаго новообразованіе красныхъ кровяныхъ шариковъ въ болѣзняхъ, гдѣ число ихъ замѣтно уменьшается. Слава эта еще болѣе поколебалась съ тѣхъ поръ, какъ опыты Сl. Bernard'a предприняты съ цѣлью окончателно рѣшить этотъ вопросъ, показали, что увеличеніе содержанія желѣза въ крови, послѣ употребленія желѣзныхъ препаратовъ столь незначительно, что не можетъ быть обнаружено даже химическими вѣсами. Изъ предыдущаго понятенъ уже тотъ фактъ, что физиологически образованные врачи принимаютъ *sim grano salis* ходячее выраженіе: «подбавьте себѣ въ кровь желѣза», и уже не такъ часто какъ прежде, назначаютъ препараты желѣза, а предпочитаютъ фармацевтической промышленности увеличивать и безъ того уже большое число медикаментовъ, сдѣлавшихся уже официальными въ видѣ двойныхъ солей, глицероидей, пастъ, шоколадовъ, которымъ не предвидится конца. Открытія Wegener'омъ измѣненія въ окостенѣніи хряща у молодыхъ животныхъ, послѣ ежедневнаго, продолжавшагося мѣсяцами, употребленія минимальныхъ количествъ фосфора доказываютъ, что минимальныя

количества медикамента гомогеннаго для организма, употребляема ежедневно, настойчиво и систематически, могут вызвать весьма интенсивныя замѣтныя измѣненія въ растительной сферѣ организма. И такъ, почему бы и едва доступному для взвѣшиванія и ежедневно ассимилируемому количеству альбумина желѣза не дѣйствовать подобнымъ же образомъ и служить возбуждителемъ въ той мѣстности, гдѣ происходитъ образованіе красныхъ кровяныхъ шариковъ? И если этотъ вопросъ получить утвердительный отвѣтъ, то не слѣдуетъ ли точно также ожидать такого же отвѣта и на слѣдующій вопросъ: *Не будетъ ли болѣе чѣмъ достаточно для образованія въ организмѣ необходимаго для ежедневнаго потребленія минимальнаго плюса желѣза, уже того количества его, которое содержится, какъ въ растительной пищѣ, такъ и особенно въ мясѣ, въ которомъ оно содержится въ количествѣ даже болѣе, чѣмъ достаточномъ?* (стр. 8—10).

И такъ, по мнѣнію профессора фармакологіи, основанному на мнѣніяхъ другихъ наблюдателей-врачей, оказывается, что слава желѣза, какъ лекарства, увеличивающаго образованіе красныхъ шариковъ въ крови, сильно поколеблена, и что въ растительной пищѣ и, въ особенности, въ мясѣ желѣзо содержится въ количествѣ, даже болѣе чѣмъ достаточномъ для образованія въ организмѣ необходимаго для ежедневнаго потребленія организмомъ минимальнаго плюса желѣза. Если же прибавить къ этому вредное вліяніе желѣзныхъ препаратовъ на пищеварительные органы, въ особенности, на зубы, то и возникаетъ вопросъ: къ чему же вы, гг. врачи, такъ усердно подчуete своихъ пациентовъ различными желѣзными препаратами? Вѣдь дѣло не въ томъ, чтобы ввести въ организмъ желѣзо, какъ матеріаль, а въ томъ, чтобы возбудить нормальную дѣятельность, чтобы побудить соотвѣтствующіе органы ввести сложнымъ химическимъ путемъ желѣзо въ кровь; а для этого, прежде всего, не слѣдуетъ разстраивать эти органы и отвлекать ихъ дѣятельность на усиліе вывести изъ организма раздражающія его вещества. Но если врачъ, по привычкѣ, все-таки, конечно, станетъ прописывать желѣзо, то уже дѣло больнаго будетъ взвѣсить приведенные нами выше отзывы специалиста-алопата о бесполезномъ и даже вредномъ вліяніи врачебныхъ желѣзныхъ препаратовъ на организмъ здороваго, а тѣмъ болѣе больнаго чело-вѣка. И взвѣсивъ эти доводы, обсудивъ ихъ, кто-же изъ людей дорожащихъ своею жизнью, своимъ здоровьемъ, рѣшится глотать желѣзо, которое ему прописываетъ врачъ на основаніи однѣхъ, весьма жалкихъ и притомъ вполнѣ ошибочныхъ предположеній о цѣлебности этого снадобья для больнаго.

Alcalina. Ђдкія и углекислыя щелочи.

Здѣсь профессоръ фармакологіи самъ доказываетъ ту основную истину, что организмъ, легко переваривая различныя химическія тѣла, если онѣ входятъ въ составъ его обычной пищи, не переносятъ тѣ же самыя тѣла, когда онѣ даются ему отдѣльно въ искусственныхъ препаратахъ. Такъ, онъ говоритъ, что 225 граммовъ калийной соли

«не переносятся желудкомъ и выводятся рвотой, между тѣмъ какъ ежедневно вводится въ желудокъ большое количество калийныхъ солей въ видѣ мяса, овощей и т. д. безъ всякаго вреда для здоровья» (стр. 31).

Далѣе онъ говоритъ:

«что все-таки слѣдуетъ предостеречь отъ очень распространеннаго мнѣнія, будто натронныя соли даже при долгомъ употребленіи большихъ дозъ вовсе не вредятъ организму», и что даже употребленіе натронныхъ солей, дѣйствующихъ гораздо слабѣе калийныхъ, все-таки требуетъ известной осторожности (стр. 31).

Наконецъ, профессоръ задаетъ себѣ вопросъ:

Какъ же объяснить, имѣющее эмпирическое основаніе, приѣвненіе *щелочей натронныхъ водъ*, какъ средствъ, *оказывающихъ пользу противъ катарровъ слизистой оболочки дыхательныхъ путей, желудка, кишекъ, пузыря, влагалища и матки?*

и разъясняетъ это слѣдующимъ образомъ:

Практики обыкновенно объясняютъ это дѣйствіе щелочей тѣмъ, что *последнія* (всосавшись) *въ силу свойственной имъ способности растворять фибринъ, растворяютъ и разжижаютъ секреты слизистыхъ оболочекъ*. Но такое объясненіе не подтверждено ни физиологическими, ни химическими данными. Оно могло бы имѣть основаніе только относительно секретовъ слизистой оболочки рта и желудка, съ которыми растворы щелочей приходятъ въ соприкосновеніе, при введеніи ихъ *per os*, или—относительно секрета слизистой оболочки мочевого пузыря, влагалища и матки, если разсчитываютъ вспрыскиваніемъ назв. растворовъ только на мѣстное дѣйствіе. Но что объясненіе данное практиками не вѣрно, доказывается тѣмъ простымъ фактомъ, что во времени *выздоровленія пораженныхъ катарромъ слизистыхъ оболочекъ секретъ вовсе не дѣлается болѣе жидкимъ, и напротивъ того становится, какъ это можно наблюдать при теченіи каждаго насморка, болѣе густымъ и вязкимъ*. Отдѣленіе же жидкой консистенціи характеризуетъ скорѣе начальный періодъ болѣзни. Тѣмъ не менѣе принятыя внутрь углекислыя щелочи улучшаютъ, какъ острый, такъ и хроническій катарры. Излеченіе этихъ болѣзней щелочами поэтому никакъ не можетъ быть объяснено тѣмъ, что *последнія* растворяютъ слизь, если даже предположить, что онѣ (щелочи) *выдѣляются изъ крови въ неизмѣненномъ видѣ и вступаютъ въ соприкосновеніе съ секретомъ слизистыхъ оболочекъ*. Болѣе вѣроятно, что это излеченіе обусловливается неизвѣстными намъ *измѣненіями въ самой слизистой оболочкѣ, вследствие которыхъ она опять начинаетъ производить здоровый эпителий*.

Не ясно-ли, слѣдовательно, что лечебныя свойства щелочныхъ минеральныхъ водъ состоятъ въ томъ, что онѣ лишь даютъ толчокъ самой природѣ организма, только регулируютъ, т. е. увеличиваютъ или уменьшаютъ энергію функціональной дѣятельности различныхъ органовъ и частей организма, для чего нѣтъ никакой надобности въ большихъ дозахъ лекарства, а достаточно ничтожныхъ гомеопатическихъ дозъ, такъ какъ достаточно подѣйствовать на одну клѣтку, для того, чтобы измѣненіе передалось остальнымъ; достаточно нарушенное движеніе протоплазмы возстановить только въ одномъ какомъ нибудь пунктѣ, для того, чтобы измѣненная вибрація молекулъ въ этомъ пунктѣ передалась другимъ и нарушенное равновѣсіе было бы вновь возстановлено.

Препараты извести.

Врачи-алопаты опять-таки весьма щедро пичкаютъ больныхъ этими препаратами, въ особенности, при рахитизмѣ (англійской болѣзни). Но предоставимъ слово автору разбираемаго нами сочиненія.

Rachitis. Три обстоятельства могутъ обуславливать недостатокъ извести: а) недостатокъ известковыхъ фосфатовъ въ пищу, б) ненормально увеличенное выдѣленіе известковыхъ фосфатовъ мочою и с) неполное всасываніе известковыхъ солей, поступающихъ изъ пищи въ первые пути. Что условіе, обозначенное подъ буквою а), влечетъ за собою rachitis, доказывается, съ одной стороны, опытами Chossat и Roloff'a надъ рогатымъ скотомъ, у котораго развилась ломкость костей при кормленіи ихъ сѣномъ, содержащимъ мало извести; съ другой стороны, первое происхожденіе рахита доказывается также изслѣдованіями Mougiès и E. H. Richter'a надъ содержаніемъ извести въ кишѣ бѣдныхъ классовъ. По ихъ наблюденіямъ число скрофулезныхъ и рахитическихъ дѣтей увеличивается вмѣстѣ съ уменьшеніемъ содержанія извести въ пищу. Изъ 6 *grm.* фосфорнокислой извести, принятой за норму для каждого въ городскомъ населеніи, вводится въ организмъ нерѣдко только половина. Этотъ дефицитъ, равно какъ и тотъ, который развивается у беременныхъ, которыя должны отдавать много извести для образованія скелета плода, по всѣмъ соображеніямъ легко можетъ быть уравновѣшенъ терапевтическимъ употребленіемъ извести. Но тотъ фактъ, что у рахитическихъ дѣтей видѣляется съ мочою ненормально большое количество фосфорно-известковой соли, долженъ вести къ тому заключенію, что недостаточное окостенѣніе зависитъ собственно не отъ одного недостатка извести, введенной съ пищею, но и отъ другихъ моментовъ, не говоря уже о томъ, что не вся фосфорнокислая известь вводится только съ пищею, а что часть ея образуется въ самомъ организмѣ. Кромѣ введенія съ пищею, известковыя соли, находящіяся въ кишечномъ сокѣ въ растворенномъ состояніи, должны еще нормально всасываться, чтобы содѣйствовать окостенѣнію хрящеваго скелета. Но можемъ ли мы достигнуть этого перехода извести въ кровь введеніемъ этого препарата *per os*, постепенно

увеличивая его дозы? Конечно, нѣтъ: избытокъ извести въ этомъ случаѣ всегда выдѣляется непотребленнымъ, вмѣстѣ съ испражнениями. Наконецъ, принимая, что при рахитѣ — какъ это наблюдалъ Stiebel — кровь содержитъ нормальное количество извести, мы только тогда достигнемъ улучшеннаго окостенѣнiя, если будемъ раздражать нормальнымъ образомъ остеогенные субстраты, т. е. если возбудимъ ихъ къ дѣятельности, соответствующей здоровому состоянiю. Изъ этихъ соображенiй слѣдуетъ, что при тѣхъ условiяхъ, которыя существуютъ большею частью при рахитѣ, вовсе не всегда показуется введенiе, по известному шаблону, какихъ бы то ни было известковыхъ препаратовъ, начиная отъ истолченныхъ, высушенныхъ костей до свѣжеосажденной фосфорнокислой извести, чтобы наवरстанiемъ существующаго, будто, недостатка извести удовлетворить indic. morbī. Только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣйствительно существуетъ недостатокъ извести (въ введенной пищѣ), какъ, напримеръ, у бѣдныхъ классовъ, и гдѣ существующiя обыкновенно при этомъ расстройства пищеваренiя, которыя, правда, нейтрализующимъ дѣйствиемъ известковой воды могутъ придти въ улучшенiе, еще настолько незначительны, что можно еще надѣяться на всасыванiе большихъ количествъ извести,—тамъ показуется употребленiе известковыхъ препаратовъ; но и въ такихъ случаяхъ большое вниманiе должно быть обращено на хорошее питанiе, свѣжiй воздухъ и соответствующiй режимъ. Прибавленiе NaCl, или сахара окиси желѣза (какъ средства, возбуждающаго аппетитъ) содѣйствуетъ усвоенiю известковыхъ солей. Рекомендуются также препараты, распространенный особенно во Францiи, именно Decostum album Sydenhami: 10 grm. пережженного, истолченнаго оленьяго рога, 20 grm. сухарей бѣлаго хлѣба, 10 grm. gummi arabic. 60 grm. сахару, 10 grm. aqu. flor. aurant. на одинъ литръ воды. Но и это «удобренiе дѣтскаго организма известью» (Veleke) исключиваетъ только тѣ неосложненные случаи рахита, которые зависать отъ дѣйствительнаго недостатка извести въ введенной пищѣ, точно также какъ углекислыя щелочи излечиваютъ только легкiя формы diabetes mellitus, зависящiя отъ недостаточнаго окисленiя только того сахара, который вводится съ пищею (стр. 49 и 50).

Очень сомнительна, по словамъ автора «Основъ», также польза извести и при туберкулозѣ легкiхъ (стр. 50).

Матери и воспитатели дѣтей! Неужели послѣ такого откровеннаго признанiя спеціалиста-профессора, мнѣнiя котораго рекомендуются вниманiю врачей, у васъ все-таки еще достанетъ преступной смѣлости внимать наставленiямъ врачей, рекомендующихъ употребленiе вашими больными дѣтьми различныхъ известковыхъ фосфатовъ, отъ которыхъ больные не только не получаютъ пользы, но окончателно расстроятъ основную функцiю жизни, органы пищеваренiя. И какой грубый, какой варварскiй взглядъ на человѣческiй организмъ у этихъ практиковъ-врачей. Страдаютъ кости отъ отсутствiя въ нихъ должнаго процента известковыхъ солей—давай ихъ внутрь! Бѣднѣетъ кровь желѣзомъ—вали его въ желудокъ! Точно въ ихъ глазахъ организмъ есть ничто иное какъ печь. Мало жару—вали больше дровъ! Сгорятъ—и будетъ тепло. Но организмъ не поддается

подобному грубому способу обращенія. Валите въ него массы вашихъ лекарствъ—онъ будетъ упорно выбрасывать ихъ всевозможными путями, тратя на эту работу массу энергіи, пока, наконецъ, не произойдетъ расстройство тѣхъ органовъ, которыя занимаются этою работою, пока организмъ умретъ, и умретъ часто не отъ первоначальной болѣзни, а отъ непосильной борьбы съ тѣми лекарствами, которыя вводила въ него услужливая рука врача. Организмъ часто упорно не поддается массовымъ влияніямъ и на оборотъ, сейчасъ же отзывается на нѣжныя, едва уловимыя влиянія. Припомнимъ опыты Ганзена съ гипнотиками. Везайте имъ булавки по самую головку—они не чувствуютъ боли и не просыпаются; дуньте имъ слегка въ лицо — и они проснутся.

Ашага. Горькія средства.

Изъ числа ихъ укажемъ на наиболѣе употребляемыя, какъ-то: 1) Исландскій мохъ. Средство это и понынѣ многими считается превосходнымъ противъ легочной чахотки. Но, по словамъ автора «Основъ», исландскій мохъ, въ этомъ отношеніи, «потерялъ свою славу» и у чахоточныхъ это средство годно только тогда, когда нѣтъ ни лихорадки, ни склонности къ кровохарканію (стр. 64). 2) Квассія. Систематическихъ, какъ химическихъ, такъ и физиологическихъ изслѣдованій ея, по словамъ автора, совершенно нѣтъ, а также ея специфическое противо-лихорадочное и противо-дизинтерическое дѣйствіе ничѣмъ не доказано (стр. 65).

Листья наперстянки. Digitalinum.

Почти всѣ, у кого когда нибудь были страданія сердца и кто обращался за совѣтомъ къ врачу-алопату, получали отъ него, какъ специфическое, лекарство отъ страданій сердца, главную, существенную часть котораго составлялъ дигиталинъ. Это одно изъ излюбленныхъ средствъ нашихъ врачей, начиная отъ quasi-свѣтилъ науки и кончая послѣднимъ замотарѣлымъ уѣзднымъ врачомъ. Посмотримъ же, что говорится о свойствахъ дигиталина въ «Основахъ фармакологіи».

Дигиталинъ, раздражающій окончанія *vagus'a*, можетъ считаться, вслѣдствіе своихъ физиологическихъ свойствъ, средствомъ противъ органическихъ заболѣваній сердца, ведущихъ къ параличу окончаній *vagus'a*, а также *противодѣиетъ сердечнымъ ядамъ, обуславливающимъ точно также параличъ названнаго конечнаго аппарата*. Но тотъ фактъ, что наперстянка въ концѣ концовъ сама производитъ параличъ сердца и представляетъ такимъ образомъ

remedium аперсе, требует очень большой осторожности при употребленіи этого средства. Эта осторожность тѣмъ болѣе необходима, что мы не знаемъ противодія дигиталину, который еще болѣе опасенъ потому, что обладаетъ способностью къ *кумулятивному дѣйствию*, какъ и свинецъ, т. е., что отдѣльныя дозы его могутъ суммироваться въ своемъ дѣйствиіи и мгновенно (съ быстротою молніи) вызвать симптомы интоксикаціи, какъ-то: головную боль, стѣсненіе въ груди, тошноту увеличивающуюся отъ питья, обложенный языкъ, боль въ epigastrium, рвоту, учащенное дыханіе, рѣдкое моченспусканіе, холодную кожу при краснотѣ лица, сильно замедленное сердцобіеніе, головокруженіе, оглушеніе, галлюцинаціи, расширеніе зрачковъ, общую прострацію, pupillas, коллапсъ (упадокъ силъ), едва ощутимый, чрезвычайно учащенный пульсъ и, въ случаяхъ съ летальнымъ исходомъ, конвульсіи (стр. 72).

Пищевареніе отъ малыхъ дозъ дигиталина (0,002 grm. = $\frac{1}{50}$ gr.) въ первые 4 дня употребленія нисколько не разстраивается; на 5-й же день появляется горькій вкусъ во рту, на 6-й—тошнота и лишь на 12-й—потеря аппетита и запоръ, а съ 18-го дня *исхуданіе*, сѣрый цвѣтъ лица и болѣзненное выраженіе его; Stadion, Saunders. Уклоненія отъ этого правила встрѣчаются рѣдко при особой идиосинкразіи къ дигиталину (стр. 73).

Наперстянка грр. дигиталинъ, на основаніи вышеприведенныхъ физиологическихъ данныхъ, можетъ примѣняться съ терапевтической цѣлью тѣмъ, что она:

Замедляетъ пульсъ и при существующей лихорадкѣ понижаетъ t°. Первое явленіе, при употребленіи даже малыхъ дозъ наблюдается болѣе постоянно, чѣмъ послѣднее. Пониженіе t°, не стоящее ни въ какомъ опредѣленномъ отношеніи съ замедленіемъ пульса, выступаетъ у *больныхъ вообще* въ болѣе рѣзкой формѣ и отъ меньшихъ (дозъ) чѣмъ при нормальныхъ физиологическихъ условіяхъ; у тифозныхъ раньше и болѣе постоянно, чѣмъ у пневмониковъ; Traube. Но необходимыя для этого дозы (0,7—0,9 grm.; 11—15 gr.), по мнѣнію лучшихъ клиницистовъ (Traube, Hirtz), слишкомъ велики и, въ виду возможности кумулятивнаго дѣйствія, при достиженіи цѣли представляютъ значительную степень опасности, въ особенности если употреблялись въ теченіи долгаго времени. Приведенное въ физиологическомъ отдѣлѣ объясненіе дѣйствія дигиталина (увеличенный притокъ крови къ периферіи и усиленная отдача тепла на ней при пониженіи внутренней t°) не примѣнимо къ тѣмъ случаямъ, гдѣ наружная и внутренняя t° одинаковы, когда, следовательно, не можетъ быть и рѣчи объ увеличеніи скорости потока крови на периферіи, вследствие повышенія кровяного давленія, равно и къ тѣмъ случаямъ, гдѣ высокое артеріальное давленіе существуетъ одновременно съ пониженіемъ t° на поверхности тѣла. Такъ какъ вопросъ, одинаково ли совершается пониженіе t° у больныхъ, какъ у здоровыхъ, въ настоящее время еще не разрѣшенъ, и мы не обладаемъ ни однимъ такимъ объясненіемъ, которое было бы приложимо ко всѣмъ случаямъ, то не удивительно, если наперстянка, какъ жаропонижающее средство въ лихорадочныхъ болѣзняхъ, примѣняется очень часто ошибочно и нерѣдко вызываетъ вредъ (стр. 75).

Каково?! И это ужасное, убійственное средство, отдѣльныя дозы котораго могутъ суммироваться въ своемъ дѣйствиіи и мгновенно вызывать такія вредныя послѣдствія, врачи спокойно прописываютъ больнымъ, и въ тѣхъ же «Основахъ», послѣ указанія,

что даже долгое употребленіе такой малой дозы какъ 000,2 gr. $\frac{1}{30}$ gr, дигиталина вызываетъ съ 6-го дня тошноту, съ 12—запоръ, а съ 18 дня исхуданіе,—въ отдѣлѣ рецептуры совѣтуетъ давать: Extr. digitalis въ дозѣ $\frac{1}{3}$ — $1\frac{1}{2}$ gr. (0,02—0,1 gr.); или по Русск. Фармак. 2 gr pro dosi и 6 gr. (!) pro die (въ день), и Folia digitalis: доза $\frac{1}{2}$ —3 gr. (0,03—0,2 gr.) 3—4 раза въ день въ видѣ infusum. По Русск. Фармак. максимальная доза 3 gr. pro dosi, 9 gr. pro die въ порошокъ; 5 gr. pro dosi и 10 gr pro die въ водной наливкѣ (стр. 79). Ну, не отравя ли это? Легализированная отравя, производимая подъ видомъ помощи больному, подъ видомъ облегченія его страданій и содѣйствія къ выздоровленію. Господа! Кто дорожитъ жизнью, не принимайте дигиталина по рецептамъ алопатовъ. Это ядъ, ужасный, убійственный ядъ!

Амміачныя соли.

Изъ числа амміачныхъ солей и эфирныхъ маслъ интересны слѣдующіе отзывы автора «Основъ»:

Средства эти не должны назначаться

«при очевидномъ существованіи органическихъ пороковъ сердца, при болѣзняхъ мозга, легкыхъ, почекъ и т. д. Дѣти вообще худо переносятъ средства, содержащія эфирныя масла» (стр. 102).

Послѣднее замѣчаніе не мѣшаетъ принять въ свѣдѣнію нашимъ дѣтскимъ врачамъ, многіе изъ которыхъ, въ настоящее время, пичкаютъ мускусомъ даже грудныхъ младенцевъ, увѣряя, что это средство вполнѣ безвредно.

Въ частности, относительно амміачныхъ солей (нашатырный спиртъ, оподельдокъ и т. п.), сказано, что при частыхъ втираніяхъ амміачныхъ мазей въ кожу и мышцы, пораженныя ревматизмомъ, «большое значеніе имѣетъ механическое треніе и массажъ» (стр. 104) (не исключительное ли?) и

«что слѣдуетъ остерегаться введенія концентрированныхъ амміачныхъ паровъ, такъ какъ опасность задушенія весьма велика, вслѣдствіе того, что даже ничтожныя количества амміака, попадая въ глотку, могутъ вызвать изъязвленія» (стр. 106).

Относительно мускуса:

«Медицинскія дозы вообще, по опытамъ Jörg'a надъ дѣтьми и взрослыми лицами обоого пола, вызываютъ отрыжку съ запахомъ мускуса, чувство тяжести въ желудкѣ, ускореніе пульса, скоро проходящее возбужденіе пси-

хическихъ функций, послѣ чего наступаютъ явленія угнетенія: тяжесть въ головѣ, головная боль, головокруженіе, дрожаніе членовъ, усталость и сонливость» (стр. 109).

Относительно бобровой струи (Castoreum).

«Физиологическое дѣйствіе также недостаточно изслѣдовано... Эмпирически мы знаемъ, что castoreum обнаруживаетъ весьма ненадежное терапевтическое дѣйствіе и главнымъ образомъ употребляется при расстройствахъ половой сферы (истерическихъ) женщинъ, при различнаго рода судорогахъ, боляхъ различнаго характера и мѣстоположеній, кардиалгіяхъ, коликахъ, первомъ головокруженіи, головной боли, судорогахъ груди, судорогахъ матки въ первой половинѣ беременности, при родовыхъ и послѣ родовыхъ боляхъ (стр. 110).

Изволите-ли видѣть, при сколькихъ болѣзняхъ назначается это ненадежное средство, на угадъ, на удачу!

Далѣе:

Практикъ, поставивъ діагнозъ «Hysteria», назначаетъ это средство по шаблону и—какъ это бываетъ съ каждымъ вновь назначаемымъ средствомъ, приносить нѣкоторое время пользу» (стр. 110).

Замѣчательно откровенное мнѣніе врача-алопата о своихъ коллегахъ, которое не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію и публикѣ, особенно больнымъ.

Относительно горчичниковъ, этого съ незапамятныхъ временъ употребляемаго средства, интересно указать, что въ декабрѣ прошлаго года, въ нашей медикохирургической академіи происходила защита лекаремъ Новицкимъ диссертациі, подъ названіемъ «объ отвлекающемъ дѣйствіи мѣстныхъ вожныхъ раздраженій». На диспутѣ, профессоръ Манасеинъ заявилъ, что авторъ вполнѣ определенно и неопровержимо доказалъ, противоположно Гебрѣ, что горчичники имѣютъ общее дѣйствіе, а не мѣстное только; на что доцентъ Дроздовъ замѣтилъ, что опыты съ горчичниками производились на здоровыхъ и что можетъ быть при лихорадкѣ измѣненія будутъ идти иначе («Новое Время» 1880).

Изволите-ли видѣть, сонмъ ученыхъ врачей еще до сихъ поръ не можетъ придти къ положительному заключенію даже о дѣйствіи горчичниковъ на больной организмъ, а небось самоувѣренно берутся лечить больныхъ отъ всѣхъ болѣзней.

Относительно ароматическихъ травъ, какъ-то: мелиссы, мяты, розмарина, шалфея, розовыхъ лепестковъ, ромашки, липоваго цвѣта и т. п., авторъ «Основъ», откровенно сознаваясь, что «точные опыты были сдѣланы только надъ немногими изъ нихъ» (стр. 121) все-таки рѣшается сказать,

«что ароматныя травы только потому представляютъ фармацевтической интересъ, что являются составными частями Spec. aromaticaе травяныхъ мѣшечковъ. Знахари, бабки и публика готовятъ изъ нихъ чай или, какъ напримѣръ,

изъ *Melissa*, холодный настой, которымъ приписываются дѣйствія: патогонное, вѣтрогонное, оживляющее и увеселяющее, укрѣпляющее нервы и даже память, регулируюція менструаціи и т. д. Врачъ или вовсе не назначаетъ эти средства или крайне рѣдко» (стр. 121).

Почему же? спроситъ читатель. Авторъ «Основъ» опять-таки откровенно объясняетъ намъ, что

«врачу рѣдко приходится назначать, напримѣръ, мяту, такъ какъ онъ приглашается обыкновенно уже послѣ того, какъ были испробованы домашніа средства» (стр. 122).

Это объясненіе показываетъ намъ степень довѣрія публики къ врачамъ, въ большинствѣ, вполне его заслужившимъ.

Въ статьѣ о камфорѣ, авторъ говоритъ, что

въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ показуется камфора, тамъ она дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ уже въ самыхъ маленькихъ дозахъ (0,1—0,3 на 150—180 воды), въ тѣхъ дозахъ, которыя старыми практиками назывались «*Aura camphorae*»; эти дозы при *коллапсѣ* (упадкѣ силъ) и *астенической лихорадкѣ*, по меньшей мѣрѣ, столь-же полезны, какъ и амміакальные препараты, или неопратныя (экїи чистоплотный вѣмецъ!), чтобы не сказать больше, средства въ родѣ мускуса и бобровой струи. Я могу это подтвердить на основаніи собственныхъ многочисленныхъ наблюденій у кровати больныхъ, не смотря на опасность навлечь на себя незаслуженное подозрѣніе въ качествѣ панегириста гомеопатіи. Съ другой стороны, нѣсколько большіе, умѣренные приемы въ 0,2—0,3 grm. (gr. *iii*—gr. V) обладаютъ уже угнетающимъ, успокаивающимъ и даже снотворнымъ дѣйствіемъ (стр. 157).

Такимъ образомъ и этотъ врачъ-алопатъ все-таки вынужденъ, путемъ собственныхъ многочисленныхъ наблюденій у кровати больныхъ, признать дѣйствіе самыхъ маленькихъ дозъ. Отчего же онъ, обобщая свои выводы, не испробовалъ того же самаго, т. е. дѣйствіе маленькихъ дозъ, и относительно другихъ лекарствъ? Отчего онъ не произвелъ наблюденій, уменьшая и эти дозы, чтобы опредѣлить минимумъ уменьшенія? Какъ можно! Вѣдь онъ, изволите видѣть, опасается «навлечь на себя незаслуженное подозрѣніе въ качествѣ панегириста гомеопатіи». И это человѣкъ науки! И это врачъ!

Перейдемъ теперь къ арникѣ. Кому неизвѣстно цѣлебное дѣйствіе арники, какъ наружнаго средства, при ранахъ, (съ разрывомъ тканей), пролежняхъ, ссадинахъ, ушибахъ, подтекахъ и т. п. Гомеопатія въ теченіи почти ста лѣтъ наблюдаетъ превосходное дѣйствіе арники (принимаемой внутрь) во всѣхъ воспаленіяхъ, происходящихъ отъ внѣшнихъ механическихъ поврежденій и сотрясеній. Такъ, арника, принимаемая внутрь, предупреждаетъ и разрѣшаетъ воспаленія, происходящія отъ паденія или ушиба, въ особенности воспаленія мозга и подреберной

плевры. Кроме того, она употребляется внутрь и отъ многихъ другихъ болѣзней и потому считается однимъ изъ могущественныхъ врачебныхъ средствъ въ гомеопатической фармакологіи. Какъ же относится къ ней алопатія?

«Средство это, при неосторожномъ и частомъ внутреннемъ употребленіи можетъ быть причиной отравленія и тѣмъ болѣе должно быть отвергнуто, что не существуетъ основанной на точныхъ экспериментахъ теоріи дѣйствія этого средства; неизвѣстно какимъ путемъ получаютъ обусловливаемые арникой наркозъ, расширеніе зрачковъ и расстройство сердечной дѣятельности. *Физиологическое дѣйствіе ея, подобно тератогеническому, извѣстно только по наслышкѣ.* Поэтому арника внутрь почти не назначается... Сельскія священники и повивальныя бабки придаютъ этимъ наружнымъ средствамъ (арники) такое же цѣлебное значеніе при всѣхъ хирургическихъ поврежденіяхъ, какое въ старину придавалось тинктурамъ арники, принимаемой внутрь, при всевозможныхъ внутреннихъ болѣзняхъ. *Врачами арника назначается очень рѣдко.* (стр. 162).

И такъ, арникѣ еще въ старину придавалось важное цѣлебное средство, арника и теперь употребляется въ народной медицинѣ, наконецъ, арника втеченіи почти столѣтняго опыта признана врачами-гомеопатами за могущественное врачебное средство, а врачи алопаты, профессора, до сихъ поръ знаютъ о физиологическомъ и терапевтическомъ дѣйствіи арники только «по наслышкѣ» и не хотятъ заняться изученіемъ ея свойствъ. Прибавьте къ этому, что у нихъ нѣтъ никакихъ дѣйствительныхъ средствъ для предупрежденія воспаленій отъ механическихъ поврежденій и ушибовъ, кроме наружныхъ, отвлекающихъ, — к скажите по совѣсти, какъ назвать подобное отношеніе къ своему дѣлу, къ своимъ обязанностямъ?

II. Классъ.

Средства повышающія процессы окисленія и обмѣнъ веществъ въ организмѣ съ уменьшеніемъ питанія.

Оставляя въ сторонѣ отдѣлъ слабительныхъ и рвотныхъ, столь хорошо знакомыхъ публикѣ и злоупотребленіе которыми разстроило пищеварительные органы у множества лицъ, перейдемъ къ излюбленному въ послѣднѣе время алопатами средству, къ іоду, которымъ они такъ усердно намазываютъ больныхъ, а также даютъ его и внутрь. При опухоляхъ, ушибахъ, страданіяхъ костей, зубъ, воспаленіи и катаррахъ легкихъ и подреберной плевры, соответствующія мѣста усердно намазываются іодомъ; при золотухѣ, сифилисѣ, и т. п. несчастные больные

выпиваютъ цѣлыя бутылки іода. Вообще, мы думаемъ, что нѣтъ человѣка, постоянно лечащагося у алопата-врача, который не былъ бы смазанъ іодомъ, или не проглотилъ бы изрядное количество этого яда. Посмотримъ же, какъ отзывается о немъ авторъ «Основъ».

Незначительныя количества іода или іодистаго калия вызываютъ у особенно чувствительныхъ особъ повышеніе аппетита, увеличеніе отдѣленія мочи и пота и не значительное ускореніе пульса. Если болѣе продолжительное время давать умѣренные приемы, то аппетитъ можетъ усилиться до обжорства, а *ускореніе пульса перейти въ лихорадку*; могутъ прозойти приливы къ мозгу и легкимъ (которые В Ѣ h m постоянно находилъ отечными и содержащими послѣ вспрыскиванія іодистаго калия чистый, а послѣ вспрыскиванія іодистаго натра окрашенный кровью плевритич. экссудатъ) и *кровоточеніе изъ легкихъ, матки или почекъ*. Извитые каналцы послѣднихъ въ корковомъ слое наполнены окрашенными кровью крупинками детрита или кровяными тѣльцами, число которыхъ по мѣрѣ приближенія къ почечнымъ сосочкамъ все увеличивается; В Ѣ h m. Болѣе продолжительный приемъ умѣренныхъ дозъ, вызываетъ бесоницу, уменьшеніе объема женскихъ грудей, рѣже яичекъ и другихъ *железистыхъ органовъ* въ особенности же увеличенной glandulae thyreoideae, известной подъ именемъ зоба. Наконецъ при этомъ наступаетъ въ большей или меньшей степени общее исхуданіе. Если къ этому присоединяются еще параназъ въ горлѣ, сердцебіеніе, высыпь а с п е на лицѣ (преимущественно на лбу), охриплость, кашель, грудная и головная боли, нервные симптомы (страхъ, безпокойство, головокруженіе, шумъ въ ушахъ, разстройство зрѣнія, дрожь и конвульсивныя судороги) и *наклонность къ поносу*, при чемъ волчій аппетитъ можетъ уступить мѣсто разстройству пищеваренія, тогда передъ нами картина хроническаго отравленія іодомъ (Jodismus chronicus). Практикамъ необходимо при этомъ знать, что отравленіе это у лицъ нервныхъ и особенно предрасположенныхъ наступаетъ уже послѣ небольшихъ дозъ (стр. 205).

Въ болѣзняхъ вообще дыхательныхъ органовъ, а въ особенности легкихъ, почти всѣ наши врачи-алопаты и въ томъ числѣ даже первыя знаменитости совѣтуютъ намазывать іодомъ пораженную часть; но вотъ что говоритъ авторъ «Основъ»:

Менѣе вѣрно и съ меньшей пользой чѣмъ на опухшія железы, дѣйствуетъ іодъ на золотушныя сыпи на кожѣ и на страданія костей и сочлененій. Въ семействахъ, гдѣ существуетъ наследственная бугорчатка легкихъ, прописыванію іода должно предшествовать особенно тщательное изслѣдованіе грудныхъ органовъ пациента и въ случаѣ, если явится болѣе или менѣе основательное подозрѣніе въ существованіи уплотненія легочной ткани, особенно въ верхушкахъ, слѣдуетъ совершенно отказаться отъ іода, *при употребленіи которой съ подобными случаями часто развивается скоротечная легочная чахотка*. Lappek v. Schroff (стр. 210).

Никогда наконецъ не слѣдуетъ забывать, что употребленіе іода всегда должно сопровождаться соотвѣтствующей правильной діетой, мясной пищей, молочнымъ леченіемъ и пребываніемъ въ морскомъ, лѣсномъ или гористомъ воздухѣ, если хотягь достигъ вѣрнаго и продолжительнаго улучшенія, т. е. излеченія (стр. 210).

Боже, какая изумительная наивность! Да, вѣдь это напоминаетъ анекдотъ, какъ солдатъ варилъ супъ изъ топора. При подобныхъ условіяхъ: т. е. морскомъ, лѣсномъ или гористомъ воздухѣ, молокъ и мясной пищѣ, больной выздоравливаетъ или получаетъ облегченіе не отъ вашего іода, а именно отъ этой обстановки жизни; вашъ іодъ въ этотъ случай хотя и вредитъ дѣлу выздоровленія, но не можетъ преодолѣть цѣлительнаго дѣйствія природы.

Далѣе авторъ говоритъ, что:

Мнѣніе, по которому гипертрофія, затверденія, припуханія и утолщеніе слизистыхъ оболочекъ или даже хрящевой и костной ткани исчезаютъ, подобно водяночнымъ скопленіямъ, подъ вліяніемъ продолжительнаго употребленія іода *нуждается еще въ подтвержденіи* (стр. 210).

Относительно вдыханія іодныхъ паровъ (курит. свѣчки Rumier) авторъ говоритъ:

Но уже одно подозрѣніе, что въ дыхательныхъ путяхъ существуютъ воспалительные процессы, медленно протекающіе или полустраго характера—особенно при туберкулозѣ, совершенно противопоказуетъ вдыханіе іодныхъ паровъ (стр. 213).

Если еще прибавить къ этому, что препараты іода, по словамъ автора, противопоказуются:

- 1) Для лицъ раздражительныхъ, наклонныхъ къ приливамъ или страдающихъ истиннымъ полнокровіемъ.
- 2) При существующемъ уже исхуданіи и маразмѣ.
- 3) При развитой легочной бугорчаткѣ.
- 4) При существующихъ менструальныхъ, геморроидальныхъ и другихъ кровотеченияхъ, или предрасположеніи къ нимъ.
- 5) Въ періодъ беременности.
- 6) Въ періодъ полового развитія, и при зубѣ (стр. 209).

то, мы полагаемъ, что всего вышесказаннаго вполне достаточно, чтобы, въ виду столь вредныхъ послѣдствій отъ іода, не позволять врачу, ни натирать, ни наливать васъ іодомъ, какъ бы онъ не распинаясь передъ вами въ необходимости и полезности этого яда. Въ особенности необходима подобная настойчивость родителямъ и воспитателямъ золотушныхъ дѣтей, у которыхъ, какъ на болѣе нѣжные организмы, это натираніе и наливаніе іодомъ сопровождается многими самыми плачевными послѣдствіями для ихъ развитія и часто даже оканчивается скорою смертію. Имѣйте же мужество противустоять подобнымъ, убійственнымъ совѣтамъ врача, прописывающаго этотъ ядъ не на основаніи точныхъ научныхъ данныхъ, даже не на основа-

ним продолжительнаго опыта, доказавшаго безусловно пользу или по крайней мѣрѣ безвредность этого средства, а только на основаніи сомнительныхъ данныхъ, опровергаемыхъ его же собратьями по профессіи. Повѣрьте, что изъ 100 случаевъ леченія іодомъ (въ алопатическихъ дозахъ) 5—6 случаевъ удачны, а остальные 95 больныхъ только усилили свою болѣзнь симптомами отравленія, свойственными исключительно іоду. Въ старину весьма часто излечивали, напримѣръ, зобъ женною губкою, въ составъ которой входитъ также іодъ, но въ ничтожномъ количествѣ; точно также и многія минеральныя воды, и морскія грязи оказываютъ удивительно цѣлебное дѣйствіе, благодаря присутствію въ нихъ іода. Но вѣдь тамъ его заключается такое ничтожное количество, что оно не поддается точному опредѣленію; тамъ есть только «слѣды іода». Но наша современная медицинская наука, благодаря развитію химіи, которой удалось добыть изъ сложныхъ тѣлъ ихъ цѣлительныя субстанціи, хотя и стала лечить этими субстанціями, однако, не имѣя характера отрѣшиться отъ традицій, не додумалась давать эти субстанціи въ той же ничтожной дозѣ, въ которой онѣ цѣлебны въ природѣ, но стала давать ихъ въ обычныхъ воловьихъ дозахъ; а для того, чтобы уменьшить вредъ, который стали приносить эти субстанціи въ подобныхъ дозахъ, она стала прибавлять къ нимъ искусственныя сложныя смѣси; отъ употребленія же наиболѣе интенсивныхъ изъ нихъ, напр. фосфора, вынуждена была отказаться вовсе. Да, таково ослѣпленіе этой замкнутой корпораціи алопатовъ-врачей, такова ихъ косность, что они, сознавая пользу минеральныхъ водъ, содержащихъ слѣды іода, и посылая лечиться на эти воды своихъ больныхъ, все-таки и понынѣ не хотятъ нарушить традиціи, не хотятъ испытывать гомеопатическія дозы своихъ лекарствъ. Чѣмъ же эта косность лучше косности невѣжественнаго крестьянина, нежелающаго разстаться со многими изъ своихъ предрасудковъ, и надъ которымъ такъ иронически подсмѣиваются наши высокообразованные врачи?

Относительно сѣры, которая имѣетъ такое обширное примѣненіе къ гомеопатіи, что причисляется ею къ однѣмъ изъ главнѣйшихъ средствъ, мы узнаемъ, что «терапевтическое примѣненіе ея у алопатовъ весьма незначительно» (стр. 225).

Мы не будемъ много распространяться и о ртутныхъ препаратахъ (каломель, сулема и т. п.) Кому неизвѣстно, какое огромное количество сифилитиковъ было отравлено препаратами ртути, употреблявшейся и наружно въ видѣ мази и втираній, и внутренно. Прежній цитмановскій декольтъ, такъ хорошо из-

лечивавшій больныхъ сифилисомъ и цѣлебное дѣйствіе котораго основывалось главнымъ образомъ на ничтожномъ количествѣ ртути, входившей въ его сложный составъ, оставленъ современными алопатами и замѣненъ лошадиными дозами ртути, производящими полное отравленіе организма.

Интересно слѣдующее замѣчаніе, изложенное въ «Основахъ»:

Методъ Беранже изъ Капри (втираніе ртутною мазью) много порицаемый за то, что въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ имъ злоупотребляли и *многихъ больныхъ подвергли неизлечимой гнилости, не излечивъ ихъ впрочемъ отъ сифилиса и не предохранивъ ихъ отъ рецидивовъ, долженъ быть настолько же осужденъ, какъ и осполумиваніе, которое будучи примѣнено безсовѣстно, можетъ принести, и действительно принесло громадный вредъ цѣлымъ семействамъ* (стр. 236).

Интересное замѣчаніе, въ особенности въ виду старанія многихъ врачей-алопатовъ о введеніи обязательнаго оспопрививанія въ Россіи.

Относительно сурьмы (антимонія) столь часто употреблявшейся въ алопатіи, интересенъ слѣдующій выводъ:

«При болѣе продолжительномъ примѣненіи *небольшызъ* (т. е. $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{12}$ гр.) дозъ апетитъ бываетъ совершенно ослабленъ, языкъ еще болѣе обложенъ, испраженія кашицеобразны и жидки и весь животъ чувствителенъ къ давленію. Большія дозы вызываютъ также на слизистой оболочкѣ, подвергшейся непосредственному ихъ прикосновенію, воспалительныя явленія, могущія повлечь за собою образованіе наривовъ и гангрену. Наконецъ, всѣ соединенія сурьмы дѣйствуютъ подавляющимъ образомъ на сердце и спинной мозгъ и влекутъ за собою жировое перерожденіе, именно желѣзистыхъ органовъ, какъ напр. печени и почекъ» (стр. 253).

III классъ.

Средства замедляющія процессы окисленія въ организмѣ съ усиленіемъ питанія.

Мышьякъ.

Авторъ «Основъ» начинаетъ статью о мышьякѣ откровеннымъ признаніемъ, что:

Сколько мы не знакомы съ дѣйствіемъ мышьяка по опытамъ надъ животными и наблюденіямъ у постели больныхъ, мы все-таки еще не въ состояніи *установить научныя показанія къ терапевтическому употребленію препарата*, справедливо считающагося прототипомъ минеральныхъ ядовъ. Мы не можемъ даже объяснить хорошо извѣстный фактъ, что люди (штирійскіе мышьякоѣды) и животныя (лошади), принимающіе продолжительное время методически

малыя дозы мышьяка, становятся хорошо упитанными, крѣпкими, выносливыми, и получаютъ болѣе гладкую кожу (люди) или лоснящуюся шкуру (лошади) (стр. 264).

Далѣе:

Вообще по совѣту в. Shtoffa употребленіе мышьяка нужно ограничивать только тѣми случаями, гдѣ онъ настоятельно требуется (стр. 272).

При хлорозѣ и анэміи «употребленіе этого опаснаго средства, должно быть ограничено только самыми отчаянными случаями этой болѣзни, въ которыхъ желѣзо не оказываетъ пользы» (стр. 273).

Перейдемъ теперь къ IV классу, т. е. средствамъ понижающимъ окислительные процессы и обмѣнъ веществъ съ уменьшеніемъ питанія, во главѣ котораго поставлены, столь излюбленные алопатами препараты хины, какъ-то: хинныя корки, хининъ, цинхонинъ и т. п.

Опять та же пѣсня:

Не смотря на множество изслѣдованій физиологическаго дѣйствія хинина дѣло до сихъ поръ не разъяснено еще настолько, чтобы можно было совершенно ясно и научно опредѣлить примѣненіе этого средства въ болѣзняхъ (стр. 292).

Далѣе:

Малыя медицинскія дозы хинина производятъ чувство увеличеннаго тепла, сопровождаемое рвущей и тянущей болью въ epigastrium. Аналогично увеличенію отдѣленія слюны, увеличивается также отдѣленіе желудочныхъ железъ и такимъ образомъ аппетитъ послѣ употребленія хинина (малыхъ дозъ) увеличивается. Если хининъ употребляется болѣе продолжительное время, то не смотря на то, что онъ не препятствуетъ дѣйствію пепсына, *все-таки происходитъ диспепсія gastr. желудочный катаръ* (стр. 293).

Хининъ весьма явственно дѣйствуетъ на функціи мозга свачала возбуждающимъ, а затѣмъ угнетающимъ образомъ. Періодъ возбужденія характеризуется головокруженіемъ, глухотою, ясно выраженнымъ опьяненіемъ и лихорадочнымъ возбужденіемъ (Vriquet), періодъ же угнетенія—сонливостью (наркозомъ) и параличными явленіями (стр. 294).

Далѣе:

Всѣ авторы, хотя и несогласные между собою во многихъ другихъ пунктахъ, сходятся въ томъ, что хининъ, *принятый въ болѣзняхъ дозая, парализуетъ сердечную мышцу* (стр. 296).

Далѣе:

Переходя къ терапевтическому примѣненію хинина, gastr. хинной корки и остальныхъ ея алколонидовъ, мы желаемъ прежде всего обратить вниманіе на то, что *следуетъ быть весьма осторожнымъ съ употребленіемъ этого средства* (стр. 300).

Относительно примѣненія хинина въ излеченію перемежающихся лихорадокъ въ «Основахъ» сказано:

Если продолженное на короткое время послѣ купированія пароксизмовъ, употребленіе хинина и можетъ считаться основаннымъ на теоретическихъ и эмпирическихъ данныхъ, то все-таки слѣдуетъ избѣгать слишкомъ продолжительнаго употребленія названнаго алкалоида, такъ какъ онъ не составляетъ индифферентнаго средства.

Кромѣ того слѣдуетъ особенно обратить вниманіе на то, что по наблюденіямъ Briquet и Bretonneau злоупотребленіе хининомъ производитъ лихорадку съ періодически-наступающими обостреніями,—лихорадку, на счетъ которой сомнѣваются, зависитъ-ли она отъ снова обваруживающейся малярійной вакцинъ или отъ отравленія лекарствомъ. Если, далѣе, исчезаніе или существованіе опухоли селезенки и даетъ намъ средство, которымъ мы можемъ руководствоваться при рѣшеніи вопроса, какъ долго въ данномъ случаѣ слѣдуетъ продолжать пользованіе хининомъ, то все таки, какъ уже сказано, не слѣдуетъ забывать, что даже послѣдовательное и продолжительное пользованіе малыми дозами хинина можетъ остаться безуспѣшнымъ противъ остающейся опухоли селезенки и (въ тяжелыхъ случаяхъ) періодически возвращающихся рецидивовъ (стр. 301).

Такимъ образомъ, даже при примѣненіи хинина къ леченію чистыхъ, незлокачественныхъ (скрытыхъ) перемежающихся малярійныхъ лихорадокъ, онъ весьма часто, при злоупотребленіи имъ, самъ производитъ лихорадку.

Что же касается до употребленія его

при другихъ лихорадочныхъ (инфекціонныхъ) болѣзняхъ, постояннымъ симптомомъ которыхъ является припуханіе селезенки и къ которымъ, обыкновенно, присоединяются перемежающіеся приступы лихорадки (напр. при перемежающемся, дизентерическомъ, тифозномъ, нутрпераломъ и туберкулезномъ процессахъ) хининъ оказывается менѣе полезнымъ, чѣмъ при формахъ перемежающейся лихорадки, о которыхъ рѣчь была выше. Тотъ фактъ, что хининъ въ назв. случаяхъ оказываетъ менѣе пользы, чѣмъ при intermittens, не долженъ насъ удивлять, послѣ того, какъ точные опыты доказали, что хининъ остается неэффективнымъ противъ повышенія температуры, слѣдующаго за вспрыскиваніемъ въ кровь гноя, ихора и т. д. Благодаря теперь уже нѣсколько поколебавшейся теоріи, по которой жаропонижающее дѣйствіе хинина, карболовой и салициловой кислотъ и пр. зависитъ отъ ихъ противобродильнаго свойства, хининъ примѣнялся въ выше названныхъ болѣзняхъ, а также при холерѣ и желчной горячкѣ, и ему приписывали важное терапевтическое значеніе, вопреки безпристрастному наблюденію у постели больныхъ (стр. 303).

А вотъ мнѣнія автора «Основъ» относительно примѣненія хинина при тифѣ.

При леченіи *тифа* долгое время просто обоготворяли хининъ, и лишь только температура повышалась до 39°, его сейчас же назначали въ количествахъ 0,3—0,9 (5—15 gr.) и больше. Вмѣстѣ съ этимъ, обыкновенно, гдѣ это только было возможно, предпринимались и гидротерапевтическія мѣры. Этимъ думали достигнуть не только жаропонижающаго дѣйствія, но также устраненія существующаго возбужденія головного мозга, уменьшенія потребленія азота, устраненія диспепсій въ началѣ выздоровленія (подобно дѣйствию горькихъ средствъ) и улучшенія аппетита. Многo разъ хининъ объявляли средствомъ, специфически дѣйствующимъ на тифозный процессъ и даже кунярующимъ его при раннемъ употребленіи и въ большихъ дозахъ. Но на практикѣ легко можно было убѣдиться, что въ семействахъ, гдѣ одновременно заболѣвало тифомъ нѣсколько членовъ, нельзя было доказать никакой разницы въ теченіи, продолжительности и осложненіяхъ болѣзни у больныхъ, принимавшихъ хининъ и неупотреблявшихъ его. Тоже самое должно сказать и на счетъ эпидемій, о которыхъ существуютъ статистическія данныя. Если бы хининъ въ самомъ дѣлѣ былъ специфическимъ средствомъ противъ тифа, то не существовало бы такихъ сильныхъ эпидемій, какъ въ Греціи во время войны за независимость (P. J. Vilotte), или во время Крымской кампаніи (Jaesqout). Въ этихъ случаяхъ хининъ вмѣсто пользы приносилъ явный вредъ (что согласно съ данными Cullen'a); съ другой стороны, во время другихъ войнъ, напр. нѣмецко-французской войны (1870) описаны тифозныя эпидеміи, гдѣ болѣзненный процессъ ухудшался, благодаря равнымъ и большимъ дозамъ хинина; Binz. Нѣтъ сомнѣнія, что принятое врачами, практикующими въ малярійныхъ мѣстностяхъ, наприм.: Алжирѣ, Бразиліи и т. д., дѣленіе тифа: на а) простой, б) тифъ, зависящій отъ малярійнаго зараженія и с) злокачественный, точно также вѣрно, какъ и мнѣніе ихъ, что хининъ, какъ *antitipicum* удовлетворяетъ *indicatio morbi* только въ формахъ тифа съ послабляющимъ характеромъ, на которыя слѣдуетъ смотрѣть, какъ на замаскированный *intermittens* (стр. 304).

Познакомившись съ этими отзывами о хининѣ алопатовъ-врачей и профессора фармакологіи, невозможно не придти къ убѣжденію о томъ страшномъ злоупотребленіи хининомъ, жертвою котораго являются больные. Если это злоупотребленіе со стороны самихъ больныхъ и вообще не врачей еще извиняется незнакомствомъ ихъ съ терапевтическими и физиологическими изслѣдованіями, а также и клиническими наблюденіями о дѣйствіи хинина, то съ другой стороны злоупотребленіе хининомъ врачами ложится тяжкимъ упрекомъ на ихъ совѣсть, такъ какъ они «вѣдаютъ, что творятъ». Кому неизвѣстны эти ужасныя на видъ страдальцы, которые, думая излечиться отъ лихорадки, или мигрени и невралгій, были отравлены хининомъ по совѣту неумѣлыхъ, но смѣлыхъ врачей, и получили вѣчный катаръ желудка и новый, еще болѣе тяжкій видъ лихорадки, произведенные самимъ лекарствомъ.

Относительно минеральныхъ и растительныхъ кислотъ интересно замѣчаніе автора, что

Противопоказаній въ употребленію кислотъ такъ мало, что практикующіе врачи часто рутинно назначаютъ медицинскія дозы кислотъ, когда требуется выжидательное леченіе (это дѣлается, какъ говорятъ *ut aliquid fiat*), или гдѣ нужно что нибудь прописать при сомнительныхъ діагнозахъ (стр. 316).

Какъ характерно это «нужно что нибудь прописать;» но объ этомъ рѣчь впереди. А вотъ относительно средствъ содержащихъ дубильную кислоту, каковы танинъ и проч., авторъ говорить:

«Наши знанія о физиологическомъ дѣйствіи дубильной кислоты не только недостаточны, но въ новѣйшее время подверглись Rossbach'омъ довольно значительной корректурѣ».

Прежде всѣ средства, содержащія дубильную кислоту, относили къ *adstringentia*, т. е. къ средствамъ вызывающимъ мѣстное сокращеніе тканей. На этомъ основаніи полагали, что они суживаютъ просвѣтъ сосудовъ и выводные протоки железъ, ограничиваютъ отдѣленія и, вызывая пониженіе возбудимости въ нервныхъ окончаніяхъ данной области, понижаютъ чувствительность. Rossbach, напротивъ, показалъ, что танинъ не только не вызываетъ суженія, но, напротивъ, юраздо чаще весьма замѣтное расслабленіе капилляроей лучишчей брыжейки; слѣдовательно, приписываемое дубильнымъ веществамъ сокращающее дѣйствіе на ткани весьма сомнительно. (стр. 325).

Пищевареніе послѣ введенія дубильныхъ веществъ существенно ухудшается (стр. 326).

Точныхъ изслѣдованій по новѣйшимъ методамъ относительно дыханія, кровянаго давленія, распредѣленія тепла при употребленіи дубильной кислоты въ настоящее время еще не имѣются (стр. 327).

Относительно препаратовъ серебра авторъ дѣлаетъ слѣдующія признанія:

Противъ употребленія серебра (при эпилепсін) вызывающаго тяжелыя, неприятыя и непоправимыя послѣдствія, говоритъ еще то, что мы едва ли можемъ себѣ представить, хотя-бы только приблизительно, ясное понятіе о способѣ дѣйствія этого средства при леченіи эпилепсін. Еще менѣе надежно употребленіе серебра при другихъ невросахъ, какъ хорей, грудная жаба и коклюшъ.

Далѣе въ новѣйшее время серебро рекомендуется Wunderlich'омъ противъ прогрессивнаго паралича спиннаго мозга... Леченіемъ этимъ столь же часто увлекались, сколько и покидали его, какъ я самъ могу засвидѣтельствовать; но Troussseau оно приноситъ даже вредъ (стр. 339).

Успѣхъ отъ прижиганій (липисомъ) при настоящемъ крупѣ не соответствуетъ ожиданіямъ, а при дифтеритѣ гортани энергическія прижиганія оказываются даже вредными, такъ какъ мѣста разрушенныя прижиганіемъ тотчасъ же заражаются (стр. 340).

Квасцы (Alumen).

«Относительно физиологическихъ дѣйствій квасцовъ, представляющихъ съ одной стороны дѣйствія сѣрной кислоты, а съ другой металлическихъ солей

и дубильныхъ веществъ, не имѣется никакихъ методическихъ изслѣдованій. По Rosshach'у представляется даже сомнительнымъ, обладаютъ-ли вообще квасцы вяжущимъ дѣйствиємъ (стр. 350).

Атропинъ.

Авторъ «Основъ», такъ тщательно избѣгающій подозрѣнiя въ сторонничествѣ гомеопатiи, и здѣсь однако вынужденъ сознаться, что расширение зрачка

наступаетъ даже при введенiи въ конъюнктивный (глазной) мѣшокъ раствора атропина, разведеннаго до 1 на 129,600, или содержащей атропинъ водяной влаги (стр. 353).

Гюсциаминъ и датуринъ дѣйствуютъ подобно атропину, только гюсциаминъ производитъ еще болѣе сильное расширение зрачка, чѣмъ атропинъ, и дѣйствуетъ болѣе угнетающимъ и снотворнымъ образомъ на функцiи головного мозга (при этомъ иногда всетаки бывають судороги) (стр. 355).

Вератринъ.

Показанiя къ употребленiю Вератрина въ больнiяхъ вытекають изъ его *помощающаго дѣйствiя на число сердцебиенiй, дыханiй и температуру.* Последнимъ прежде всегда думали воспользоваться при *остромъ суставномъ ревматизмѣ*, потомъ при рожѣ, воспаленiи легкихъ и другихъ грудныхъ органовъ — и дѣйствительно вератринъ оказался надежнымъ антиругетисмъ; Liebermeister. Не смотря на это, время, когда его употребленiе находилось въ зенитѣ, прошло. Съ тѣхъ поръ какъ клиническiй опытъ доказалъ, что вератринъ, обнаруживая упомянутое врачебное дѣйствiе, дѣйствуетъ чисто симптоматически и не можетъ остановить дальнѣйшаго развитiя воспалительнаго процесса въ легкихъ и т. д., равно какъ и при рожѣ и ревматизмѣ суставовъ, или сократить продолжительность болѣзни и предотвратить рецидивы и что онъ кромѣ того, при энтерматическомъ и подкожномъ впрыскиванiи, влечетъ за собою весьма неприятыя побочныя явленiя въ сферѣ желудочнокишечной: рвоту, поносъ и не рѣдко угрожающiй коллапсъ (такъ что по Wachstuth'у противопоказуется при тифѣ) средство это оставлено (стр. 363).

Употребленiе вератрина противъ параличей, судорогъ, неврозовъ (какъ коклюшъ) и водобоязни устарѣло (стр. 364).

Перейдемъ теперъ къ акониту.

Средство это втеченiи почти ста лѣтъ признано въ гомеопатiи главнымъ противувоспалительнымъ средствомъ, въ особенности же когда воспаленiе сопряжено съ лихорадочнымъ возбужденiемъ въ кровеносной системѣ. Польза его въ горячкѣ и чрезмѣрномъ возбужденiи нервной и кровеносной системъ и вмѣстѣ съ тѣмъ во всѣхъ мѣстныхъ приливахъ и застояхъ крови въ капиллярныхъ сосудахъ и въ жестокихъ боляхъ засвидѣтельствована всѣми практиками гомеопатами. (См. гомеопатическая фармакологiя Дерикера ч. I.)

Какого же мнѣнія объ этомъ средствѣ врачи-алопаты?

Авторъ «Основъ», въ виду противорѣчивыхъ мнѣній разныхъ ученыхъ врачей-алопатовъ, говорить,

что въ настоящее время мы едва-ли имѣемъ право примѣнять для терапевтическихъ цѣлей это средство, дѣйствующее ядовито уже въ минимальныхъ дозахъ и парализующее самыя важныя функціи тѣла. Средство это не должно примѣняться съ терапевтическою цѣлью еще потому, что *физиологическія дѣйствія его вообще далеко еще не объяснены*. Далѣе не слѣдуетъ его примѣнять и потому, что мы никогда не можемъ быть твердо убѣждены въ химической чистотѣ нѣмецкаго аконитина и можемъ его легко смѣшать съ французскимъ и англійскимъ (дѣйствующимъ еще болѣе бурно), а также и потому, что не знаемъ вѣрнаго противоядія противъ него (стр. 365).

Подобное мнѣніе невольно возбуждаетъ въ читателѣ слѣдующіе вопросы:

1) Если ваши минимальныя алопатическія дозы аконита уже ядовиты, то почему вы при опытахъ не уменьшали ихъ до тѣхъ поръ, пока ядовитость ихъ исчезла бы и осталось бы только одно полезное терапевтическое дѣйствіе его, т. е. отчего вы не перешли къ изученію гомеопатическихъ дозъ?

2) Если физиологическія дѣйствія аконита вообще еще далеко не объяснены, то почему вы, втеченіи почти ста лѣтъ, когда это средство получило такое важное примѣненіе въ гомеопатіи, не позаботились изучить его физиологическое дѣйствіе?

3) Почему вы въ этомъ случаѣ останавливаетесь примѣненіемъ аконита къ терапіи? Потому, что его физиологическое дѣйствіе еще далеко не объяснено; однако вы употребляете множество другихъ вашихъ алопатическихъ средствъ, физиологическое дѣйствіе которыхъ извѣстно вамъ, по вашему же признанію, еще менѣе, а иногда и вовсе неизвѣстно.

Соли калия.

Селитра.

Къ болѣзнямъ, при леченіи которыхъ прибѣгаютъ къ калийнымъ солямъ, относятся:

а) Ревматизмъ и подагра, противъ которыхъ употребляется селитра. Польза ея въ этихъ случаяхъ основывается на томъ, что она, *вызывая увеличенія мочеотдѣленія, вмѣстѣ съ тѣмъ—какъ утверждаютъ—усиливаетъ также отдѣленіе мочевины, т. е. мочевои кислоты*. Но такъ какъ сторонники этой терапіи назначали селитру вмѣстѣ съ большимъ количествомъ другихъ средствъ, употреблявшихся противъ этихъ болѣзней (какъ напр. colchicum, рвотный камень, мушья и др.), то становится сомнительнымъ, какому изъ этихъ медикаментовъ слѣдуетъ приписать благопріятный успѣхъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые

авторитеты (особенно Tüller) вовсе не наблюдали никакихъ успѣховъ при пользованіи назв. болѣзней селитрою. Больше всего Kali nitricum—обыкновенно *вмѣстѣ съ digitalis* и *Tartarus stibiatus*—примѣняется какъ средство, угнетающее пульсъ и температуру при пневмоніи. Такое соединеніе наперстянки съ селитрой, которую дѣти, какъ мы упомянули, дурно переносятъ, не имѣетъ никакихъ преимуществъ передъ соединеніемъ наперстянки съ kali aceticum. Для леченія Polyarthritidis и остраго воспаления суставовъ, селитра можетъ быть съ успѣхомъ замѣнена салициловой кислотой и салициловокислымъ натромъ. Селитра часто славилась какъ *мочелонное*; другія, легче переносимыя калийн. соли, дѣйствуютъ такимъ же образомъ.

Употребленіе *пропускной бумаги, пропитанной растворомъ селитры*, представляетъ бесполезное мученіе для больныхъ. Бумагу эту сжигаютъ, а выдѣляющіеся при ея горѣніи пары вдыхаются больными, страдающими Asthma spasmodicum; я никогда не наблюдалъ успѣшнаго результата отъ употребленія этой бумаги.

б) Хлорноватокислая кали (бертолетова соль) рекомендовалось какъ средство уменьшающее частоту пульса и температуру при лихорадочныхъ болѣзняхъ, болѣе же какъ *средство антипаразитное и дезинфицирующее при катаррѣ слизистой оболочки рта*, при Stomatitis mercurialis, цинготныхъ язвахъ, особенно же при автахъ, Stomatitis и angina diphtheritica. Успѣшное дѣйствіе Kali chlorici противъ язвъ Husemann объяснили *обусловливаемымъ этимъ средствомъ сокращеніемъ сосудовъ*. Другіе утверждаютъ, что хлорноваток. кали дѣйствуетъ противъ Diphtheritis и др. какъ *подкое средство*, а по Визю при прикосновеніи Kali chlorici *съ токомъ выдѣляется хлорноватая кислота*, чѣмъ и объясняется дезинфицирующее дѣйствіе этого средства. Послѣднему предположенію противорѣчитъ результатъ недавно сдѣланныхъ Раbuteau и Isambert'омъ опытовъ, по которымъ *Kali chlor. приводитъ черезъ организмъ не измѣняясь*. Утверждали также, что K. chloricum представляетъ специфическое средство не только противъ дифтерита, но также противъ крупы. Но далеко не во всѣхъ случаяхъ этихъ болѣзней средство это осуществляетъ возлагаемыя на него надежды; объ этомъ свидѣтельствуетъ также то обстоятельство, что для повышенія его цѣлебнаго эффекта, къ нему прибавляется множество другихъ средствъ, какъ напр. *салициловая кислота, таннинъ, полуторно хлористое желѣзо и др.* Прибавленіе сиропа, какъ кажегся, только ослабляетъ дѣйствіе этой соли (стр. 369).

Перейдемъ теперь къ опиуму и его алколоидамъ: морфину, кодеину и т. п.

Физиологическіе опыты, произведенные надъ животными для анализа дѣйствія опія герр. морфія на человѣка, дали къ сожалѣнію — не смотря на ихъ большое число—совершенно разногласныя и неудовлетворительныя результаты (стр. 373).

И однако, не смотря на подобное невѣдѣніе, авторъ далѣе говорить:

Приводитъ здѣсь всѣ болѣзни, въ которыхъ при извѣстныхъ условіяхъ показуется опій герр. морфіей, какъ снотворное, невозможно, такъ какъ пришлось бы перечислять чуть-ли не всѣ болѣзни» (стр. 377).

Снаружи опій применяется какъ мѣстно анестезирующее, болеутоляющее и противосудорожное средство до того часто, что перечислять всѣ болѣзненные формы, противъ которыхъ при извѣстныхъ случаяхъ показуется опій, было бы напраснымъ трудомъ (стр. 379).

Какъ же это такъ? Аконитъ не совѣтуютъ употреблять потому, что его физиологическое дѣйствіе еще далеко не объяснено; а опіумъ употребляютъ почти противъ всѣхъ болѣзней, хотя о физиологическомъ дѣйствіи его получены совершенно разногласные и неудовлетворительные результаты? И это наука!

Хлороформъ.

Средство это, какъ извѣстно, употребляется преимущественно для хирургическихъ цѣлей. На сколько оно опасно, видно изъ слѣдующихъ словъ автора:

Въ виду того, что намъ часто приходится для врачебныхъ цѣлей производить второй періодъ отравленія хлороформомъ, а для выполненія большихъ операцій и третій, мы обязаны хорошо ознакомиться съ индивидуальными особенностями этого наркоза, извѣстными подъ именемъ *«неудавшагося хлороформнаго наркоза»*, т. е. съ отклоненіями отъ вышеизложенной картины отравленія. Только соблюдая необходимыя предосторожности, мы будемъ въ состояніи во время противодѣйствовать опасностямъ, которыя угрожаютъ хлороформируемому субъекту, если пренебрегаютъ правилами искусства. (Стр. 385).

Далѣе, даже:

При неполномъ наркозѣ можетъ послѣдовать смерть, вслѣдствіе паралича сердца путемъ рефлекса со стороны чувствительныхъ нервовъ (раздраженныхъ во время операціи сильными болями) на *n. vagus* еще раньше, чѣмъ наступилъ полный наркозъ (стр. 385).

Хлораль-гидратъ.

По словамъ автора «Основъ»:

Хотя хлораль-гидратъ не оправдалъ всѣхъ возложенныхъ на него надеждъ и оказался гораздо болѣе опаснымъ, чѣмъ это раньше предполагали, но всетаки онъ останется незамѣнимымъ средствомъ для терапевтовъ всѣхъ временъ; что касается вѣрности его дѣйствія, онъ превосходитъ въ этомъ отношеніи рѣшительно всѣ средства врачебнаго арсенала (стр. 395).

И однако:

Физиологическій анализъ дѣйствія хлорала не былъ произведенъ по всѣмъ правиламъ искусства ни Liebreich'омъ (который ввелъ его въ врачебную практику еще въ 1869 году) ни болѣе новыми авторами (стр. 396).

Средства, содержащія синильную кислоту.

Вода горькаго миндаля, лавровишневая вода и др.

Безвредность препаратовъ, содержащихъ синильную кислоту, настолько преувеличивается, что врачи даже въ случаяхъ, гдѣ они не вполне убѣждены въ показаніи къ употребленію aquae laugosagasi, прибавляютъ ее ко всѣмъ настоямъ и микстурамъ и притомъ въ дозахъ (до 8,0 = ʒij), переходящихъ за предѣлы дозволенныхъ закономъ. Поэтому слѣдуетъ хорошо помнить, что препараты эти содержатъ 1 часть чистой (!) синильной кислоты (НСу) на 999 частей воды (стр. 401).

Далѣе:

При хроническихъ страданіяхъ сердца (*органическихъ порокахъ сердца*), гдѣ нужно замедлить пульсъ, т. е. *дѣйствовать угнетающимъ образомъ на дѣятельность сердца*, препараты НСу также были предлагаемы, равно какъ и для устраниенія лихорадочнаго возбужденія и мучительнаго ваянъ при чахоткѣ. При органическихъ порокахъ сердца ихъ нерѣдко соединяютъ съ препаратами наперстянки. Но вопросъ еще, раціонально-ли это, такъ какъ оба средства почти диаметрально противоположны другъ другу. (стр. 403).

Этимъ мы заканчиваемъ наше знакомство съ «*Основами фармакологіи*», съ послѣднимъ словомъ этой медицинской науки, столь существенной для излеченія болѣзней¹⁾.

Мы входили въ этотъ врачебный арсеналъ съ увѣренностью найти въ немъ рядъ могучихъ и вѣрныхъ орудій для борьбы съ всевозможными болѣзнями, одолюющими человечество,—и какъ жестоко мы ошиблись. Въмѣсто этихъ вѣрныхъ орудій, мы встречаемъ какія-то странныя орудія, ни устройство, ни дѣйствіе которыхъ почти неизвѣстно, которыя по своему несовершенству такъ опасны, что скорѣе могутъ подѣйствовать не на болѣзнь, а на своего союзника—здоровье. Это какіе-то жалкіе снаряды, употребляемые на угадъ, наудачу. Одинъ хвалитъ ихъ

¹⁾ Слѣдуетъ еще прибавить, что въ то время, какъ гомеопаты испытываютъ свойства лекарствъ, главнымъ образомъ, на здоровомъ человѣкѣ, не доводя, конечно, до токсическихъ дозъ, алопаты испытываютъ лекарства на болѣзняхъ (что безчеловѣчно), а главнымъ образомъ на животныхъ. Но кому же изъ знакомыхъ съ этими опытами неизвѣстно, что одно и то же лекарство, убивая, напримѣръ, кроликовъ, вовсе не дѣйствуетъ на голубей и т. п. Хорошо былъ бы врачъ, если-бы, основываясь, напримѣръ, на томъ, что ядъ скорпіона вовсе не дѣйствуетъ на барана, сталъ бы доказывать, что онъ безвреденъ и для человѣка.

дѣйствіе; другой признаетъ его не только бесполезнымъ, но даже вреднымъ; третій откровенно сознается, что дѣйствіе этого средства ему вполнѣ неизвѣстно. И это знаніе! Это наука! И при подобномъ хаотическомъ познаніи рѣшаются примѣнять ихъ къ страждущему человѣчеству, рѣшаются лечить! Что же это такое? Самомнѣніе, самообманъ, или голое, наглое шарлатанство! Намъ отвѣтять, что хотя медицинская наука и несовершенна, но нельзя же оставлять больныхъ на произволъ судьбы, а необходимо лечить ихъ, такъ какъ часто содѣйствіе врача поднимаетъ нравственныя силы больного, не говоря уже о томъ, что прописываемыя имъ лекарства иногда дѣйствительно приносятъ пользу. Отчасти это правда. Городское населеніе, дѣйствительно, до такой степени испорчено врачами, что при всякомъ удобномъ случаѣ обращается къ врачу и требуетъ отъ него непремѣнно лекарства. Быть больнымъ и не принимать никакой мистуры или не пачкать себя мазями и обкладывать пластырями—для многихъ немислимо. Придите къ любому больному и первое, что вамъ кидается въ глаза—это масса банокъ и склянокъ съ лекарствами. Даже воздухъ въ комнатѣ напоминаетъ аптеку, до того онъ пропитанъ лекарствами. Усердныя родственники и близкіе поминутно наливаютъ ложки лекарства и слезно упрощиваютъ больного глотать и глотать, не смотря на инстинктивное отвращеніе организма отъ этихъ отвратительныхъ сложныхъ смѣсей. Если же еще припомнить, что большая часть этихъ лекарствъ стоитъ у постели больного въ теплой, иногда даже жарко натопленной комнатѣ, то интересно было бы когда нибудь повѣрить посредствомъ химическаго анализа, какія новыя химическія соединенія образуются въ склянкѣ, въ которую налита смѣсь различныхъ лекарствъ. Хотя, въ настоящее время, сложность рецептовъ значительно уменьшилась, но, напримѣръ, въ изданной въ Петербургѣ въ началѣ этого года «Карманной книжкѣ рецептовъ для практическихъ врачей»¹⁾, сплошь и рядомъ встрѣчаются такіе сложные рецепты, что только руками разведешь²⁾. Вотъ бы нашимъ

¹⁾ «Карманная книжка рецептовъ для практическихъ врачей. Собраніе новѣйшихъ врачебныхъ формулъ, наиболѣе употребительныхъ въ вѣнскихъ клиникахъ» (Переводъ со втораго дополненаго изданія). С.-Петербургъ. Изданіе Н. П. Карбасникова. 1881 г.

²⁾ Напримѣръ, наружныя: Sulf. Citrini, Spir. sap. Kal., Spir. Lavandulae, Bals. Peruv., Spir. Camphor., Ol. Bergamott; или: Lactis sulf., Kal. carb., Spir. sap. kal., Glycerin., Ol. Caryophyll., Ol. Menth., Ol. Ros. mar.; и внутреннія:

химикамъ хоть разъ произвести изслѣдованіе, какія новыя соединенія происходятъ отъ подобныхъ смѣсей, если ихъ поболтать хорошенько, да поддержать въ теплѣ? А между тѣмъ городскіе и вообще достаточные больные непременно требуютъ лекарствъ. Мы знали одного почтеннаго человѣка, уже старика, который всегда платилъ своему доктору дороже, если тотъ прописывалъ что-нибудь, исходя изъ принципа, что вѣдь врачу все-таки необходимо больше пошевелить мозгами, придумывая лекарство, за что ему и заплатить нужно дороже. Если, при подобномъ убѣжденіи больныхъ, при ихъ страсти къ лекарству, припомнить еще о сплошь и рядомъ совершающихся сдѣлкахъ, въ особенности въ провинціи, между врачами и аптекарями, т. е., о полученіи извѣстной платы за рекомендацію аптеки, то, понятно, какое ужасное количество разныхъ медицинскихъ гадостей ежедневно глотается и вмазывается больными, и какое ужасное вліяніе на здоровье производятъ онѣ. Народъ—дѣло другое. Встрѣчаясь съ врачами только въ казенныхъ больницахъ или на даровыхъ консультаціяхъ, безъ маски ихъ фарисейскаго участія, онъ давно созналъ весь вредъ, приносимый этой латинской кухней и потому бѣгаетъ отъ нее, какъ отъ чумы. И онъ правъ, потому что на его долю даже самыя спеціи, входяція въ составъ лекарствъ, ради дешевизны и корысти, кладутся залежалыя, тухлыя, иногда даже вполне разложившіяся.

Aetheris sulf., *Extr. Belladon.*, *Aq. Laurocer.*, *Syr. cort. aur.*, въ водѣ каждый часъ столовую ложку; или: *Tinct. Castorei*, *Tinct. Valerian.*, *Tinct. Asa foetida*, *Tinct. opii ros.*, 3 раза въ день по 10 капель; или отъ запора: *Extr. Colocynth.*, *Pulv. rad. Rhei*, *Pulv. Aloës*, *Resinae Jalapae*, *Gummigutti*, *Myrthae*, *F. Pill.* № 50 (60).

Во всей книгѣ вы не найдете лекарства въ чистомъ видѣ; большая часть состоитъ изъ 3—4-хъ лекарствъ, смѣшанныхъ вмѣстѣ. Вообще эта книжка весьма интересна. Такъ алопаты обыкновенно ставятъ въ упрекъ гомеопатамъ, что въ ихъ лечебникахъ отъ каждой болѣзни показано много лекарствъ; но посмотрите въ эту книжку, тамъ на каждую болѣзнь приходится добрый десятокъ самыхъ сложныхъ лекарственныхъ смѣсей. Такъ, напримеръ, отъ диаррей—28, отъ бронхита—34, отъ катарра желудка—36, отъ эвезмы—26, отъ катарра гортани (*laryngitis*)—25, отъ запора—41, воспаленія легкихъ (*pneumonia*)—20, ревматизма—18, скарлатины—40, туберкулоза—23. Всѣхъ рецептовъ—1,316, не считая средствъ, употребляемыхъ для подкожнаго впрыскиванія (30) и для вдыханій (54). А между тѣмъ число лекарственныхъ веществъ, обыкновенно употребляемыхъ алопатами, весьма незначительно; посудите же, какія разнообразны смѣси этихъ веществъ, съ примѣсью разныхъ сироповъ и эфирныхъ маселъ, входятъ въ составъ этихъ 1,400 рецептовъ, и сознайтесь, какъ справедливо для алтей название «латинской кухни».

Но допустимъ, что врачъ все-таки долженъ помогать больнымъ, требующимъ отъ него помощи, такъ какъ, при извѣстной осторожности, онъ иногда дѣйствительно излечиваетъ больного или облегчаетъ его страданія. Но если онъ честный и добросовѣстный человѣкъ, если онъ проникнутъ сознаниемъ великой, взятой имъ на себя обязанности, то вѣдь, сознавая вполнѣ всю несостоятельность и шаткость своего знанія и, наконецъ, въ силу даваемой имъ клятвы при полученіи диплома, онъ долженъ не оставлять безъ вниманія, безъ личнаго разслѣдованія, ничего, что только не появляется новаго въ области медицины. Почему же онъ, зная, что вотъ уже почти сто лѣтъ существуетъ совершенно новая школа практической медицины — гомеопатія, практикуемая повсюду его же колегами-врачами,—почему же онъ не хочетъ не только изучить ее, но даже познакомиться съ ней, убѣдиться лично въ ея достоинствахъ или заблужденіяхъ? Рационально-ли это? Вѣдь каждому врачу приходится, и весьма верѣдко, стоять у одра умирающаго, сознавая свое полное безсиліе помочь ему, сознавая, что болѣзнь какъ-бы насмѣхается надъ его лекарствами и только ожесточается отъ нихъ. Неужели и подъ вліяніемъ этихъ ужасныхъ минутъ, иногда даже дней и недѣль тяжкаго страданія, когда и самъ больной, и его окружающіе, смотрятъ на врача, какъ на свою единственную надежду и готовы исполнять все, что онъ прикажетъ, что онъ найдетъ нужнымъ—неужели этому врачу, въ припадкѣ отчаянія отъ своего безсилія, отъ несовершенства науки, не придетъ въ голову, не поднимется изъ глубины его совѣсти грозный укоръ: почему ты не испыталъ гомеопатіи? почему ты пренебрегаешь ею, когда твоя наука такъ ничтожна, безсилна и жалка? Но если эта голова такъ крѣпка, что подобныя вопросы уже не возбуждаются въ ней, если эта совѣсть такъ заглохла, что въ ней уже нѣтъ мѣста для подобныхъ укоровъ—то развѣ подобная личность смѣетъ называться врачомъ? Развѣ это не авгуръ, обманывающій другихъ и заставляющій ихъ вѣрить въ то, во что не можетъ вѣрить самъ. И если духовные авгуры, обманывавая другихъ ради корысти, въ сущности не дѣлали имъ особаго вреда, ибо все-таки давали имъ вѣру, которая часто спасительно дѣйствовала на человѣка, то авгуры-врачи безконечно преступнѣе ихъ, ибо, заставляя больного платить себѣ за практику, они въ большей части случаевъ не только не помогаютъ ему, но, напротивъ, еще болѣе ухудшаютъ его здоровье, а часто и усворяютъ или даже искусственно своими лекарствами до-

водятъ его до смерти. Если не считать парадоксомъ, что состояніе торговца въ большей части случаевъ наживается мошенничествомъ и обманомъ, то еще меньшимъ парадоксомъ будетъ мнѣніе, что состояніе врача, въ большей части случаевъ, наживается тоже преступнымъ путемъ. Да! преступленіемъ! и именно неосторожнымъ, а иногда и сознательнымъ убійствомъ, происходящимъ отъ нерадѣнія, отъ преступной небрежности, отъ дѣйствія на авось. Вглядитесь въ ваши капиталы вы, наши знаменитости, взглянитесь въ ваши дворцы, дома и имѣнія—какимъ путемъ нажиты они? Трупнымъ запахомъ пропитаны они, цѣною человѣческихъ жизней—собраны, страданіемъ—прокляты, сотнями смертей — воздвигнуты! Врачъ-гомеопатъ спокоенъ въ этомъ отношеніи, потому что онъ, съ одной стороны, глубоко убѣжденъ въ благотворномъ дѣйствіи своихъ лекарствъ, а съ другой, убѣжденъ и въ ихъ безвредности, которой онъ даже и въ больномъ организмѣ можетъ всегда во время достигнуть; но вы, врачи-алопаты! вы не можете, вы не смѣете вѣрить въ ваши лекарства, потому что между вами царствуетъ полное разногласіе относительно ихъ, потому что ихъ дѣйствіе вовсе неизвѣстно вамъ, потому что для васъ терапия и фармакологія—это туманъ, а порою и полный, непроницаемый мракъ! Сознаетесь, каждый себѣ, сколько разъ вы ошибались и въ діагностикѣ, и въ назначеніи лекарствъ, и результатомъ вашей ошибки была смерть. Неужели вы такъ легко миритесь съ нею? Неужели для васъ больной только пациентъ—не больше? Вдумайтесь хотя бы въ это слово «пациентъ», что выражаетъ оно?

Теперь читатель, когда ты познакомился съ жалкимъ состояніемъ современной алопатической фармакологіи, какою жалкою ироніей должны показаться тебѣ слова двухъ петербургскихъ професоровъ, Здекауера (нынѣ почетный лейбъ-медикъ) и Козлова (нынѣ начальникъ главнаго военно-медицинскаго управленія). Господа эти, 18 лѣтъ назадъ, когда алопатическая фармакологія не вѣдала еще многихъ врачебныхъ средствъ, въ родѣ хлораль-гидрата и т. п., написали въ 1863 году «программу для нагляднаго убѣжденія въ дѣйствительности гомеопатическаго леченія и въ возможности допустить гомеопатію какъ врачебное искусство».

Начинаютъ они свою программу слѣдующимъ образомъ:

Здравый смыслъ достаточно убѣждаетъ каждаго, что для успѣшнаго и сознательнаго леченія болѣзней, необходимы со стороны врача два главнѣйшія условія:

1. Правильное опредѣленіе подлежащей болѣзни, во всѣхъ отношеніяхъ ея къ организму, и основанное на ономъ расположеніе плана леченія.

2. Своевременное и послѣдовательное употребленіе такихъ врачебныхъ средствъ, которыя способны производить на больной организмъ *всегда постоянно* и для *каждаго изъ нихъ съ точностію опредѣленнымъ* дѣйствіемъ, притомъ въ той степени и на такомъ пространствѣ времени, какъ этого требуетъ начертанный врачомъ планъ сознательнаго леченія.

Соединеніе въ одно цѣлое разнородныхъ свѣдѣній, дѣлающихъ насъ способными къ выполненію въ предѣлахъ возможности этихъ двухъ необходимыхъ условий, составляетъ врачебную науку; примѣненіе ихъ къ дѣйствительности есть врачебное искусство.

Фактами должно быть доказано, въ какой степени возможно исполненіе этихъ двухъ главнѣйшихъ условий для леченія болѣзней, по законамъ, положеніямъ и правиламъ гомеопатіи.

Затѣмъ, предложивъ цѣлый рядъ физиологическихъ опытовъ, въ родѣ расширенія зрачка, вывода глистовъ, усиленіе слюннаго отдѣленія, програма кончается слѣдующею тирадою:

Наглядные и осмысленные опыты должны доказать, что гомеопатія владѣетъ врачебными пособіями, помощію которыхъ возможно точное, вѣрное и воля врача во времени и силѣ дѣйствія подчиненное, выполненіе выше исчисленныхъ врачебныхъ цѣлей, встречающихся на каждомъ шагу врачебнаго противодѣйствія недугамъ рода человѣческаго. Однимъ этимъ путемъ можетъ быть достигнуто несомнѣнное убѣжденіе въ томъ, что гомеопатія должна быть допущена наравнѣ съ рациональною медициною, на пользу человечеству. Въ противномъ случаѣ должно укрѣпиться сознаніе, что гомеопатическое пользование болѣзней не только людьми, съ наукою вовсе незнакомыми, но даже и гомеопатическими врачами, есть одно изъ общественныхъ золъ, требующихъ ограниченія. Пускай каждый судить по собственному чувству, каково должно быть на совѣсти врача, если онъ, положивъ руку на сердце, въ виду страданій и опасности для жизни больного, долженъ сознаться, что не можетъ выполнить врачебныхъ требованій въ родѣ вышеисчисленныхъ, потому только, что онъ самовольно отказался *отъ священнѣйшихъ истинъ*, которыя съ такимъ трудомъ дознала отвергнутая имъ наука.

И такъ, гомеопатія «есть одно изъ общественныхъ золъ, даже требующее ограниченія!!!»

Ну, а сами-то вы, господа, вѣдали ли когда нибудь руку на сердце, и каково было на вашей совѣсти, когда вы примѣняли къ больнымъ ваши лекарства на основаніи вашей «науки», вашей фармакологіи, гдѣ что ни шагъ, то разногласіе, или сознаніе въ полной неизвѣстности дѣйствія лекарства? На эту програму своевременно послѣдовали отвѣты врачей-гомеопатовъ, фонъ-Гюббенета, Бека, Боянуса и фонъ-Виллерса; но возбужденный вопросъ былъ ловко замятъ и похороненъ. Ну, а ска-

жите намъ г. Козловъ, съ какимъ чувствомъ подписываете вы бумагу объ отправленіи въ огромномъ количествѣ хинина для излеченія тифа въ войскахъ, въ особенности, въ военное время, когда вашъ colega откровенно заявляетъ въ своихъ «Основахъ фармакологіи», что хининъ не только бесполезенъ при тифѣ, но что продолжительное употребленіе его порождаетъ особую лихорадку? Каково также должно быть на вашей совѣсти, когда вы утверждаете составъ войсковой аптеки, снадобья которой солдатъ обязательно долженъ глотать въ военныхъ госпиталяхъ и лазаретахъ, по приказанію военныхъ врачей? Неужели тамъ все «такія врачебныя средства, которыя способны производить на больной организмъ *всегда постоянныя и для каждаго изъ нихъ съ точностью опредѣленные дѣйствія?*

Вотъ ужъ именно съ больной головы на здоровую.

А васъ, заслуженный профессоръ Здекауеръ, мы тоже спросимъ вашими же словами; скажите: «каково должно быть на совѣсти врача, если онъ положила руку на сердце, въ виду страданій и опасности для жизни больного долженъ сознаться, что не можетъ помочь ему потому только, что онъ самовольно отказался... отъ добросовѣстнаго изслѣдованія фактовъ, втеченіи почти ста лѣтъ накопленныхъ огромнымъ числомъ наблюдателей? Неужели вы и вашу фармакологию причисляете къ числу *священныхъ истинъ?*

Масса врачей, не знаменитости, а рядовые, а также и публика, не имѣя понятія о сущности гомеопатіи, обыкновенно говорятъ, что для успѣшности дѣйствія гомеопатіи, нужна вѣра въ нее, а съ вѣрой все можетъ принести пользу. Мы не будемъ повторять снова всѣ научныя и опытыя данныя въ пользу гомеопатіи, изложенныя въ нашей статьѣ «Что такое гомеопатія», но приведемъ только два поразительныхъ факта, которые многіе могутъ легко провѣрить сами.

Возьмите одинъ миллиграммъ іодистой ртути и разведите его въ 20 литрахъ воды, въ которую погрузите нѣсколько рыбъ. Всѣ онѣ околѣютъ втеченіи нѣсколькихъ секундъ, а между тѣмъ эта пропорція на столько ничтожна (всего одна миліонная), что не можетъ быть обнаружена самыми чувствительными химическими реактивами. Какую же часть этого количества приняла рыба?

Точно также возьмите растворъ одной тысячной части горчичной эссенціи въ водѣ, и погруженная въ нее рыба будетъ метаться какъ бѣшеная.

Что-же, неужели и рыба должна *отрпть* въ дѣйствіе этихъ ничтожныхъ дозъ, чтобы метаться или околѣвать?

Однако есть скептики, которые, не смотря на наглядность фактовъ, все-таки не могутъ заставить себя убѣдиться въ дѣйствительности гомеопатическаго леченія. Но вѣрять-ли эти господа и въ дѣйствительность алопатіи? Нѣтъ? А если нѣтъ, то не лечитесь вовсе; а если все-таки рѣшитесь лечиться, то призовите такого врача, который, по вашему мнѣнію, принесетъ вамъ менѣе вреда, т. е. гомеопата.

Да, глубока косность человѣка, а тѣмъ болѣе спеціалиста; неизмѣримо сильно въ немъ и стадное чувство, заставляющее его упорно держаться существующаго и не только намѣренно закрывать глаза передъ «новымъ», но даже глумиться надъ нимъ, гнать его, требовать для него своего рода пропятія. Но юношество, но молодость—неужели и въ немъ уже нѣтъ стремленія къ истинѣ, нѣтъ свѣтлаго, горячаго желанія, не суживая себя узкими рамками, изучить все, что можетъ быть полезно человѣку, чѣмъ можно творить ему добро? Вы, студенты-медики! Неужели васъ удовлетворяетъ современное состояніе науки, въ особенности терапіи и фармакологіи, на столько, что въ васъ уже нѣтъ потребности пополнить свои познанія и изъ другихъ источниковъ, хотя бы и враждебныхъ вашимъ учебникамъ, вашимъ професорамъ? Вы, жаждущіе иногда съ такимъ самоотверженіемъ и самопожертвованіемъ разныхъ, самыхъ радикальныхъ «новшествъ» въ политической и общественной жизни страны, почему такъ непослѣдовательны, что не желаете познакомиться и произвести эксперименты и относительно «новшествъ» въ вашей спеціальности, «новшествъ», уже испытанныхъ обширною шлою врачей-гомеопатовъ, имѣющихъ и свою литературу, и свою почти столѣтнюю исторію, и своихъ горячихъ поклонниковъ? ¹⁾ Послѣдовательно-ли это? разумно-ли это? наконецъ, честно-ли это? Кто мѣшаетъ болѣе состоятельнымъ изъ васъ, окончивъ курсъ, уѣхать въ Пештъ, или въ Бельгію, и тамъ въ гомеопатическихъ влиникахъ и госпиталяхъ познакомиться съ гомеопатическими

¹⁾ Въ Америкѣ, въ странѣ, въ которой по неизвѣстной традиціи существуетъ широкая терпимость и полная свобода, гомеопатія получила широкое распространеніе. Тамъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, существуетъ не менѣе шести тысячъ врачей-гомеопатовъ, 34 госпиталя, 23 гомеопатическихъ общества общихъ и 89 мѣстныхъ, и 16 журналовъ. См. «Revue «Homoeopathique belge № 9» (decembre 1880), издаваемый ежемѣсячно докторомъ Martiny.

тією подробно, систематически, рaціoнально? Кто мѣшаетъ остальнымъ, бѣднякамъ, ознакомиться съ гомеопатическими сочиненіями, фармакологіями, лечебниками, и провѣрить на опытѣ дѣйствительность всего, въ нихъ изложеннаго? Неужели только одно самолюбіе, одна поверхностность, или даже рутинa?

Но повторяемъ еще разъ: врачи-гомеопаты будутъ тогда, когда явится въ нихъ потребность, когда само общество потребуетъ ихъ. Во главѣ этого дѣла должно стать наше земство. Оно, конечно, вполне убѣдилось въ полной несостоятельности существующей врачебной помощи для народа со стороны алопатовъ-врачей. Испытайте же гомеопатію, которая ничтожными, и по объему, и по цѣнности, средствами излечиваетъ массы больныхъ. Пошлите вашихъ стипендіатовъ-медиковъ за границу для изученія гомеопатіи при гомеопатическихъ клиникахъ, и пусть эти врачи, если они станутъ гомеопатами по убѣжденію, учреждаютъ у васъ гомеопатическія больницы, обучаютъ гомеопатіи фельдшеровъ и акушерокъ, — и вы увидите, какъ довѣрчиво пойдетъ нашъ народъ къ этимъ специалистамъ-гомеопатамъ, тогда какъ теперь, кому же неизвѣстно, что онъ бѣгаетъ отъ врачей, какъ отъ чумы. Поступите такъ земскіе люди, это вашъ долгъ! Будьте выше глупыхъ инсинуацій и жалкихъ глумленій невѣжественной толпы и ядовитыхъ насмѣшекъ корпораціи алопатовъ-врачей, аптекарей, дрогистовъ и всѣхъ, кормящихся на счетъ умирающихъ и больныхъ. Взгляните на это дѣло шире, безпристрастно, какъ подобаешь дѣятелямъ на пользу народа. Взгляните на это такъ же практически, какъ нѣкоторые изъ васъ смотрятъ на борьбу съ кузкой, гесенской мухой и иными хищниками, къ истребленію которыхъ разные ученые люди предлагаютъ вамъ массу непрактичныхъ и разнообразивыхъ мѣръ. Испытайте все, и остановитесь на томъ, что рaціoнальнѣе, полезнѣе, практичнѣе и доступнѣе для массы, для народа. А вѣдь, къ слову сказать, многихъ нашихъ алопатовъ-врачей право можно безъ особеннаго преувеличенія приравнять къ той же породѣ чужади, къ классу хищниковъ, съ тою только разницею, что пшеница, поѣдаемая кузкой, какъ растеніе, гибнетъ и молчитъ, а человѣчество, на нивѣ жизни котораго эти врачи-алопаты производятъ также постоянно страшныя опустошенія своею практикою, не только гибнетъ, но даже еще платитъ за свою гибель свои, подчасъ нажитыя кровнымъ трудомъ, деньги.

Закончимъ нашу статью обращеніемъ къ больнымъ, къ тѣмъ, для кого существуетъ и медицина, и врачи. Възвѣсьте все, что мы говоримъ въ нашихъ статьяхъ въ защиту гомеопатіи, и раз-

судите, кому лучше довѣриться: врачу-ли гомеопату, средства котораго дѣйствительны, но нѣжны, осторожны и во всякомъ случаѣ всегда могутъ быть сдѣланы безвредными; или врачу-алопату, который лечитъ наудачу, самъ не зная свойства лекарственныхъ смѣсей, которыя онъ даетъ вамъ, и при томъ въ такихъ воловьихъ дозахъ, что онѣ сами-по-себѣ способны разстроить совершенно здоровый организмъ, возбудить въ немъ болѣзнь и даже произвести отравленіе. Доктора существуютъ для больныхъ, а не больные для докторовъ! Но традиціи рабства еще такъ сильны и въ этомъ отношеніи, что многіе покорно несутъ и свое здоровье, и даже свою жизнь, въ жертву медицинскому авгуру, и благословляютъ его имя даже тогда, когда онъ является главнымъ виновникомъ угасшей жизни, главнымъ агентомъ смерти, ея надежнѣйшимъ и вѣрнымъ союзникомъ и проводникомъ.

А. Н.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА.

(Р. ОРБИНСКІЙ, «О ХЛѢБНОЙ ТОРГОВЛѢ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ АМЕРИКИ»,
С. ПЕТЕРБУРГЪ, 1880 г.).

«Дайте мнѣ хорошую политяку, я вамъ
дамъ хорошіе финансы».

Въ истекшемъ году появилась книга, скромная по формѣ и, вѣроятно, скучная по содержанію для большинства нашихъ обыденныхъ читателей.

Это ислѣдованіе Орбинскаго о хлѣбной торговлѣ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, предпринятое имъ по порученію министра финансовъ.

Но, по нашему мнѣнію, было бы непростительно дать пройти незамѣченнымъ такому живому и поучительному труду.

Если мы не ошибаемся, авторъ этой книги есть тотъ самый почтенный педагогъ нашъ Р. Орбинскій, бывшій директоръ комерческаго училища въ Одессѣ, съ которымъ весьма еще недавно произошелъ всѣмъ извѣстный прискорбный эпизодъ, блестяще доказавшій, что военная диктатура даже въ наиболѣе просвѣщенныхъ рукахъ легко можетъ служить источникомъ вопіющей несправедливости и нарушенія самыхъ коренныхъ общественныхъ интересовъ.

Г. Орбинскій вынужденъ былъ, къ огорченію всей Одессы, оставить едва-ли не въ 24 часа свое почтенное мѣсто, на во-

торомъ онъ приносилъ столько пользы юношеству, за одно слово честной защиты одного изъ своихъ юныхъ и слишкомъ неосторожныхъ сослуживцевъ.

Этому случайному обстоятельству, характеризующему наши недавніе административные нравы и непрочность нашего общественнаго положенія и въ то же время дѣлающему честь нравственному характеру самого г. Орбинскаго, обязаны мы тѣмъ, что педагогъ внезапно обратился въ коммерческаго дѣятеля, и житель Россіи—въ странствователя по американскимъ штатамъ.

Одесское торговое сословіе, сколько намъ извѣстно, оказало самую широкую и дружелюбную поддержку внезапно удаленному директору своего разсадника; а данное ему офіціальное порученіе министра финансовъ показываетъ, что и центральное правительство наше постѣшило употребить въ дѣло полезныя отечественныя силы, иногда слишкомъ необдуманно выкидываемыя за бортъ нашего и безъ того плохо оснащенного роднаго корабля. Авторъ, само собою разумѣется, выполнѣ владѣеть англійскимъ языкомъ, и это во многомъ облегчило его трудную задачу, давъ ему возможность изучить на мѣстѣ и въ живомъ столкновеніи самыя разнородныя углы американской хлѣбной торговли и даже, путемъ газетныхъ статей, отчасти познакомить саму Америку съ общимъ состояніемъ нашей русской хлѣбной торговли.

Въ теперешнее время, когда запретительныя торговыя стремленія князя Бисмарка и уяснившаяся враждебность къ намъ всѣхъ нашихъ нѣмецкихъ сосѣдей вообще, невольно заставляютъ русскую хлѣбную торговлю сойти съ давней, набитой рутинны, перестать служить безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ нѣмецкихъ и другихъ западныхъ капиталистовъ, а обязываетъ ее искать новыхъ путей, новыхъ рынковъ, новыхъ торговыхъ общинъ, кажется особенно необходимымъ широкое знакомство нашей публики съ организаціею этого важнаго дѣла у народовъ, болѣе насъ предприимчивыхъ, болѣе насъ успѣвшихъ.

Посмотрите, какую тревогу забила эта вѣчная непрошенная опекушка и попечительница наша, старая, хмурая нянька наша, Германія, и по поводу золотой пошлины, и по поводу уничтоженія солинаго акциза, связаннаго съ нѣкоторымъ возвышеніемъ нашего иностраннаго тарифа!...

Какъ ни высокопарны мечты-фразы нѣмцевъ объ ихъ національномъ единствѣ, объ ихъ общемъ отечествѣ, о внутреннемъ превосходствѣ и историческомъ торжествѣ германскаго духа надъ всѣми другими духовными силами Европы,—несо-

миѣнно однако, что во всѣхъ крупныхъ дѣйствіяхъ Германіи относительно ея сосѣдей, въ томъ числѣ и относительно насъ, русскихъ, несравненно бѣльшую роль играютъ чисто экономическое инстинкты и разсчеты ея.

Почти оттертая отъ открытыхъ морей, не имѣя на-дняхъ еще торговаго флота, не имѣя до сихъ поръ собственныхъ колоній, эта тѣсно населенная, быстро размножающаяся страна, высоко цѣнящая домашній покой и обезпеченность своихъ бюргерскихъ наслажденій, чувствуетъ себя со всѣхъ сторонъ сдавленною другими народами Европы, не видитъ у себя подъ рукою ни одного вершка свободныхъ запасныхъ пространствъ, куда бы она могла въ будущемъ дать какой нибудь выходъ и просторъ своимъ черезъ край переливающимъ, самихъ себя удушающимъ населеніямъ.

И вотъ у нея само собою, по роковому закону необходимости, созданъ тотъ пресловутый *Drang nach Osten*, который давно уже лежитъ въ основѣ всей ея экономической политики, который, ради цѣлей этой «высшей» политики заработка и куска хлѣба, часто жертвовалъ внѣшнею политикою, т. е. пригонялъ послѣднюю къ интересамъ первой. Пока можно будетъ нѣмецкимъ экономическимъ силамъ, въ видѣ ли товара, свободно вывозимаго изъ Германіи, въ видѣ ли нѣмецкаго рабочаго люда всякихъ наименованій и степеней, свободно поселяющагося ради наживы въ Россіи, держать Россію въ экономической зависимости отъ Германіи, путемъ дружелюбной или даже хотя подчиненной внѣшней политики, какъ это было при императорѣ Николаѣ I,—Германія ни за что не отступитъ отъ такой, сочувственной Россіи, политики. Но стоитъ только убѣдиться ей, что при мирныхъ отношеніяхъ ея къ Россіи, русскіе рынки не отрываются ей больше съ тою неблагоприятною готовностью и съ тою безразсчетливою слѣпотою, съ которою Россія обыкновенно привыкла поступаться ей своими интересами, тогда, волею неволею, Германія явится самымъ ожесточеннымъ политическимъ врагомъ нашимъ.

Очевидные угрожающіе признаки этого неизбежнаго будущаго мы уже видимъ теперь, даже при первомъ рѣшительномъ поворотѣ нашего экономическаго сознанія къ болѣе выгоднымъ камъ точкамъ зрѣнія.

Но теперь отношенія къ намъ Германіи еще усложнились новымъ источникомъ соперничества. Германіи, для выхода ея будущихъ экономическихъ силъ, мало русскаго востока. Она намѣтила себѣ еще одно поле, на которомъ, пожалуй, еще удоб-

нѣе привьются, еще больше разростутся германская торговля, германская промышленность, германское всестороннее вліяніе. Неустроенныя, несплоченныя славянскія народности Балканскаго полуострова, стоящія почти на патриархальной стадіи своей жизни, во многихъ отношеніяхъ соблазнительнѣе, чѣмъ единое, могучее царство 90 миліоновъ...

Австрійское германство получило теперь мисію прокладывать путь нѣмецкому господству по направленію къ Эгейскому морю, къ азіатской и египетской торговлѣ. Великая Германія понимаетъ хорошо, что австрійскій ярлыкъ есть только вопросъ времени, что нѣмецъ не перестанетъ быть нѣмцемъ, подъ какою бы ни было кличкою. Экономически поработить себѣ сербское и болгарское племя, какъ поработчено польское, чешское, хорватское, отчасти русское, стать торговою соперницею Россіи на Черномъ морѣ, соперницею Европы въ Смирнѣ и Александріи, — это такая важная задача германскаго будущаго, которая поневолѣ станетъ надолго центромъ тяжести всей ея политики. Немудрено, что мы, русскіе профаны, далекіе отъ истиннаго познанія международныхъ дѣлъ, съ такимъ наивнымъ изумленіемъ увидѣли вдругъ нашего стараго «друга и защитника» главнымъ орудователемъ дипломатической интриги, открыто стремившейся привести къ нулю русское вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ, и обратить въ экономическое банкротство нашу военную славу и добытые нашею кровью успѣхи.

Намъ, русскимъ людямъ, не въ дивовину все переносить. Слишкомъ воспитала насъ, въ этой школѣ терпѣливаго смиренія, наша суровая исторія; слишкомъ давно привыкли мы съ безмолвною покорностью расхлебывать ту крутую кашницу, которую, по выраженію поэта, помѣшивали намъ палочкою наши самородные и чужеземные вухмистеры.

- «А вѣдь кашница-то будетъ крутенька?
- Крутенька, матушка, крутенька родимая...
- А чѣмъ ты ту кашницу помѣшиваешь?
- Палочкой, матушка, палочкой, родимая!..»

Но если позабыть на минуту это наше историческое, палочкою помѣшиваемое смиреніе и сознательно оглянуться назадъ, на грустное недавнее прошлое, въ которомъ наши друзья и покровители, участники торжественнаго «тройственнаго союза», разыграли такимъ обиднымъ водевилемъ высокую трагедію пат-

ріотизма, великодушія и геройства народа нашего,—право, не повѣришь ни ушамъ, ни глазамъ своимъ...

Россія, одна въ Европѣ хлопотавшая избѣжать войны, одна настойчиво предлагавшая дружное вмѣшательство Европы въ дѣло славянскихъ народностей Турціи; Россія, рѣшившаяся наконецъ на свой страхъ, своими собственными силами спасти эти родные ей народы отъ состоянія хроническаго бунта и разоренія,—Россія эта вдругъ передъ судомъ Европы, едва не на скамьѣ подсудимыхъ... «Вѣришь ли въ Бога, ходишь ли на исповѣдь, признаешь ли себя виновною?»

Желѣзная Прусія съ своимъ желѣзнымъ канцлеромъ, только что проглотившая однимъ глоткомъ пол-Даніи, другимъ глоткомъ пол-Германіи, третьимъ пол-Франціи, еще не переварившая въ своемъ брюхѣ пожранныхъ чужихъ миллиардовъ, эта самая Прусія важно садится на предсѣдательское кресло для суда надъ нами, за наше грабительство, за нашу корысть, за наше неуваженіе къ интересамъ другихъ державъ, въ миру и равновѣсію Европы...

Австрія, которой захотѣлось, не обнажая меча, не тратя ни одного гульдена, сбарышничать въ свою пользу Боснію и Герцеговину, за то только, что мы своею кровью и миллиардомъ своихъ рублей освободили Болгарію для самой Болгаріи — эта вѣчно счастливая, не въ однихъ только бракахъ *felix Austria*, — главнымъ членомъ этого суда.

За прокурора — Англія.

«Имъ придана была лиса за прокурора...»

Какъ въ 1857 году, подъ шумокъ парижскихъ конференцій, она захватила островъ Перимъ, такъ и теперь, подъ шумокъ берлинскаго конгресса, она отхватываетъ отъ союзницы, которую такъ страстно защищала, островъ Родось...

Кто же свидѣтелемъ?

Конечно, турки, румыны, греки... Не было только одного: адвоката за обвиняемаго... И безъ него обошлось! А то судъ по формѣ, крыловская басня въ лицахъ. И какая басня! Попотѣшней той, гдѣ глупый, смиренный волъ осуждается на костеръ волками и лисицами за то, что не смѣлъ разбойничать, какъ они, и гдѣ

«Всеъ кто были тутъ богаты
Иль когтемъ, иль зубкомъ, тѣ выпіли вонъ
Со всѣхъ сторонъ
Не только правы, чуть не святы».

Да, вспомнить тяжело, но простить, забыть еще тяжелѣе.

Это былъ мастерской *coup d'état* европейской дипломатіи, особенно германской. Плевна обошлась Россіи легче Берлина.

Но кто виновать въ этомъ? неужели Бисмаркъ или Дизраели? Конечно, нѣтъ! Бисмаркъ и Дизраели дѣйствовали въ этомъ дѣлѣ какъ патріоты и какъ политическіе люди.

Они указали и намъ наши политическія обязанности.

Обязанность эта, прежде всего, состоитъ въ самостоятельности національной политики.

Ничего нѣтъ страннаго и позорнаго, что у нѣмцевъ существуетъ нѣмецкая политика и нѣмецкіе интересы.

Но ничего же не было бы страннаго, если-бы и въ Россіи нашлась русская политика и русскіе интересы; если-бы мы перестали наконецъ ухаживать за Европой, за Германіей, добиваясь ихъ снисхожденія и сочувствія, бесполезно разводя передъ ними дипломатическіе минуэты, съ глубокими реверансами передъ ихъ откровенною грубостью къ намъ, ихъ откровенномъ къ намъ нерасположеніемъ. Можно наконецъ понять, что на какія бы заднія лапки ни становилась Россія,— Европа, Германія, не перестанутъ считать ее жаднымъ сѣвернымъ звѣремъ, не перестанутъ подозрительно слѣдить, съ ружьемъ въ рукѣ, за каждымъ ея шагомъ.

Россія всегда была ненавистна европейской политикѣ, и теперь, когда болѣе свободныя и болѣе просвѣщенныя формы ея народной жизни сдѣлали ее сильнѣе, она ненавистна имъ болѣе, чѣмъ когда нибудь, хотя уже перестала быть пресловутымъ царствомъ кпуга и крѣпостничества. Въ заискиваніяхъ, извиненіяхъ и распариваніяхъ всякаго рода, недруги Россіи будутъ видѣть только ея малодушіе, отсутствіе вѣры въ себя и въ свое право. Имъ нужно мужественное проявленіе воли и силы народа, которымъ такъ импонируютъ въ Европѣ Англія — Биконсфильда, Германія — Бисмарка.

Какъ можно меньше заботиться объ Европѣ, ея мнѣніяхъ и интересахъ, какъ можно рѣшительнѣе и исключительнѣе служить своимъ собственнымъ русскимъ интересамъ, однимъ словомъ, подражать мудрой, блестяще оправданной практикою, политикѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ,— вотъ что, по мнѣнію нашему, необходимо положить въ основу всѣхъ актовъ нашей государственной жизни.

Въ Европѣ у насъ нѣтъ друзей, это ясно; нечего и искать ихъ. Намъ слишкомъ теперь ясна цѣна этой дружбѣ. «Будемъ сами сильны!» какъ совѣтовалъ недавно французскимъ

государственнымъ людямъ нашъ маститый канцлеръ. Это самая вѣрная изъ политикъ. Если кругомъ насъ только враги и завистники, то пусть будутъ по крайней мѣрѣ враги, которые боятся, а не враги, которыхъ мы боимся.

Будемъ только самими собой; будемъ опираться на себя однихъ, отъ себя самихъ ждать и требовать всего, что нужно намъ, какъ это дѣлаютъ молодые сосѣди наши, американцы, народъ, во многомъ похожій на насъ по своему положенію относительно старой Европы. Говорятъ, будто послѣ венгерской войны 49-го года въ совѣтѣ нашемъ обсуждался вопросъ, какую надпись сдѣлать на медали въ память этой войны. На одной сторонѣ медали предположено изобразить русскаго государя съ надписью: «съ нами Богъ!» а на другой портретъ австрійскаго императора, надпись къ которому затрудняла всѣхъ.

— Да напишите то же! сказалъ, какъ рассказываютъ, покойный князь Меншиковъ, извѣстный своею находчивостью. — «Съ нами Богъ, и Богъ съ ними!»

Эти слова, не только остроумныя, но и пророческія, какъ показала исторія, должны стать девизомъ всѣхъ отношеній нашихъ къ западнымъ сосѣдямъ нашимъ, къ Германіи и Австріи въ особенности. «Богъ съ ними!» политика прямая и ясная, одинаково понятная и намъ, и имъ.

Но нигдѣ она такъ не нужна намъ, какъ въ нашихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Европой.

Европа постоянно бьетъ насъ рублемъ, а не дубьемъ.

Европа держитъ насъ въ зависимости своей не крѣпостями и арміями, а рынками, биржами, банкирскими конторами. Сдѣлать вполнѣ русскою нашу торговую политику значило бы одержать серьезную побѣду надъ Европой, не менѣе важную во всякомъ случаѣ, чѣмъ наше пораженіе на берлинскомъ конгрессѣ. Что мы уже попали Германіи прямо въ больное мѣсто нѣкоторыми умными мѣрами своей новой финансовой системы, — кажется, несомнѣнно. Это можетъ ободрить насъ на дальнѣйшіе шаги въ этомъ смыслѣ и открыть намъ глаза на многія заблужденія и недосмотры нашихъ прежнихъ торговыхъ отношеній съ нашею предусмотрительною сосѣдкою.

Послушайте, какіе крики поднимаются теперь въ германскомъ парламентѣ, въ германскихъ газетахъ, по поводу того ужаснаго обстоятельства, что Россія осмѣлилась хоть на одинъ вопросъ посмотрѣть съ своей русской точки зрѣнія и позволила себѣ не принять во вниманіе матеріальныхъ выгодъ Гер-

маніи. Или послушайте, еще лучше, откровенныя признанія встревоженныхъ Тевтоновъ, привывшихъ до сихъ поръ располагать Россію какъ овцою собственнаго стада, которую можно было и стричь, и доить, когда угодно и сколько угодно. Вотъ, напримѣръ, какое воззваніе къ соотечественникамъ своимъ помѣстилъ въ «Berliner Tageblatt» нѣкто Фрейвиртъ, «бывшій директоръ желѣзной дороги и фабрикантъ въ Россіи», одинъ изъ возмущенныхъ перспективою опасности, грозящей нѣмецкому фатерланду отъ коварства русскихъ:

«Въ Россію! Благодаря повышеніямъ пошлины на ввозимые въ Россію товары, съ одной стороны, и низкому курсу русскихъ денегъ—съ другой, едва-ли возможно сдѣлать какой нибудь значительный ввозъ въ эту страну. Россія съ каждымъ днемъ все болѣе уходитъ отъ нашей промышленности, въ то время, какъ тамошнія фабрики приобрѣтаютъ громаднѣйшія прибыли; такъ напр., недавно умершій фабрикантъ Мальцевъ оставилъ послѣ смерти болѣе 30 миліоновъ рублей. Такъ какъ для насъ ввозъ въ Россію, какъ видно, прекращается, то было бы необходимо основать тамъ нѣкоторыя фабрики и конторы и навестать тамъ то, что мы теряемъ здѣсь. Если наши промышленники интересуются этою идеею, то я могу указать на сосѣдственный и сродный намъ по языку и нравамъ городъ Ригу, гдѣ я для промышленныхъ цѣлей приобрѣлъ около 2-хъ миліоновъ квадратныхъ сажень земли для продажи по весьма дешевой цѣнѣ» («Голосъ», 9 января 1881 г.). Хотя и трудно повѣрить, чтобы этотъ «русскій фабрикантъ и директоръ желѣзной дороги», голосащій о томъ, что Россія становится на свои ноги, могъ дѣйствительно приобрѣсть въ неособенно огромномъ и уже тѣсно заселенномъ городѣ Ригѣ цѣлыхъ 833 десятины земли, однако, тѣмъ не менѣе, эта рѣшительная програма промышленнаго похода Германіи на завоеваніе нашей бѣдной Россіи, должна обратить на себя особенное вниманіе не только русскаго промышленнаго міра, но и нашихъ руководящихъ сферъ.

Конечно, не запираемъ воротъ передъ носомъ мирно покоряющихъ насъ нѣмцевъ, можемъ отдѣлаться мы отъ ихъ упрямой промышленной опеки надъ нами. Мы добьемся этого только разумнымъ развитіемъ нашихъ собственныхъ природныхъ силъ, освобожденіемъ отъ всякихъ дѣтскихъ пеленовъ нашей дремлющей теперь частной инициативы, широкимъ распространеніемъ въ нашемъ обществѣ промышленнаго образованія не только высшихъ, но и среднихъ, и низшихъ ступеней, и, болѣе всего,

можетъ быть, мудрою финансовою политикою, которая не будетъ подрывать государство непроеводительнымъ уничтоженіемъ трудовыхъ миліоновъ народа на предпріятія, неспособныя принести ему въ будущемъ ничего, кромѣ новыхъ жертвъ, новаго разоренія.

Наша земледѣльческая и заводская промышленность, разумѣется, не будетъ въ силахъ подняться ни при нынѣшней крайне неправильной системѣ налоговъ, ни при возможности внезапнаго повторенія такихъ, ничѣмъ невызываемыхъ расходовъ, каковы напр. расходы какой нибудь злополучной экспедиціи въ Ахаль-Теке.

Дѣйствительно, трудно представить себѣ что нибудь, болѣе искусственное, болѣе неудачно выдуманное, болѣе несправедливое относительно обѣихъ сторонъ, и насъ русскихъ, которые вынуждены въ такія тяжкія годы, послѣ убитыхъ уже на это прискорбное дѣло 8 миліоновъ, тратить еще новые 10—12 миліоновъ, и этихъ несчастныхъ ахаль-текинцевъ, которые геройски умирають въ своихъ безконечно далекихъ отъ насъ степяхъ неизвѣстно за что и для чего.

Нужно быть ближе къ печальному поприщу этой безцѣльной рѣзни, нужно слышать откровенные отзывы кавказскихъ войскъ, уже участвовавшихъ въ первой экспедиціи, или ожидавшихъ участія во второй, чтобы понять всю глубину и весь вредъ ошибки, сдѣланной нами при этомъ несчастномъ рѣшеніи—лѣзть въ никому ненужный, никому невѣдомая глиняныя норы какого нибудь Геовъ-Тепе.

Самое геройство нашихъ солдатъ-богатырей, самые военные подвиги наши не утѣшаютъ патріотическаго сердца, обливающагося кровью за эти бесполезныя жертвы нашего собственнаго ослѣпленія и недодуманности.

Какимъ бы внѣшнимъ торжествомъ ни окончилась эта безумная война, она окажется для насъ рѣшительнымъ поражениемъ, потому что безъ всякой нужды истощаетъ наши уже истощенные финансы въ самую опасную для нихъ минуту, отвлекаетъ жизненныя силы нашего народа отъ плодотворныхъ заботъ его экономическаго возрожденія и промышленной борьбы съ европейскими соперниками, къ фантастическимъ замысламъ мнимаго господства надъ пустынями и дикарями Азіи, уже безъ того въ излишнемъ обиліи наполняющими необъятную утробу нашего полуночнаго царства.

Если мы хотимъ серьезно приступить въ поднятiю нашего упадающаго народнаго хозяйства; если мы собираемся вступить не на шутку въ экономическую борьбу съ европейскимъ западомъ и поставить себя, наконецъ, на европейскомъ рынкѣ равноправнымъ съ другими народами-производителями, а не въ нынѣшней постыдной роли націи, лишенной кредита, оцѣненной въ 50% своей номинальной стоимости, и обязательно эксплуатируемой всѣми, кто только даетъ себѣ трудъ эксплуатировать насъ,—то прежде всего мы должны опомниться и отказаться навсегда отъ нашихъ гибельныхъ влеченій къ азиатскому варварству, въ пески Мерва, въ кочевья степныхъ разбойниковъ, куда могутъ толкать насъ только слѣпцы, или враги наши. Если, съ точки зрѣнія своихъ насущныхъ интересовъ, мы обязаны сосредоточиться въ себѣ, въ своей самостоятельной общественной и промышленной жизни, сказавъ рѣшительное: «Богъ съ ними!» интересамъ цивилизованной Европы, то уже тѣмъ болѣе обязаны мы сдѣлать это относительно азиатскаго варварства, безъ того достаточно угнетающаго насъ дома.

Тутъ мы вправѣ сказать, съ нашею обычною русскою откровенностью, даже не «Богъ съ вами!» а просто-на-просто «чортъ съ вами!»

Вмѣстѣ съ этими, такъ сказать, отрицательными обязанностями нашими передъ самими собою, на насъ лежатъ еще болѣе важныя, положительныя обязанности.

Нужно-же Россіи одуматься, наконецъ, и понять во всемъ его роковомъ значеніи новый прискорбный фактъ нашей экономической жизни, все тверже устанавливающійся въ послѣдніе годы.

Америка обгоняетъ насъ все дальше и дальше, какъ производительница хлѣба; Америка все больше и больше выталкиваетъ насъ съ хлѣбнаго рынка Европы.

Мы уже нѣсколько лѣтъ, какъ перестали быть прежнею, неистощимою, почти единственною житницею Европы, хотя Европа по прежнему нуждается въ хлѣбѣ, по прежнему лежитъ рядомъ съ нами, и хотя океаны по прежнему отдѣляютъ ее отъ Америки и Австраліи. Австралійская шерсть, американская пшеница не разъ уже пробивались на наши собственные рынки, нанося неожиданные удары степному хозяйству Новороссіи и Малороссіи, насыщая наши закавказскія области хлѣбомъ, привезеннымъ изъ другаго свѣта дешевле, чѣмъ свой родной.

Въ настоящемъ хозяйственномъ году даже жители столицы

русской вынуждены были закупать цѣлыми кораблями западную кукурузу.

Все это факты опасные, постыдные, угрожающіе.

Мимо ихъ невозможно проскользнуть, какъ мимо чего-то случайнаго и исключительнаго.

Сравнительная отсталость русской хлѣбной торговли готова даже сдѣлаться системою, закономъ.

Отсталость эта, конечно, не абсолютная. Невозможно отрицать, что мы продаемъ теперь Европѣ хлѣба гораздо больше и по бѣльшимъ цѣнамъ, чѣмъ продавали въ прежніе годы.

Но это не должно успокоивать насъ.

Если другіе народы, въ тотъ же самый срокъ, стали продавать хлѣба на тотъ же рынокъ болѣе, чѣмъ продаемъ его мы, а между тѣмъ прежде продавали его менѣе чѣмъ мы,—ясно, что мы отстали отъ другихъ, что мы выбиты соперниками изъ своей прежней выгодной экономической позиціи. Этому есть математическія доказательства: въ 50-хъ годахъ, по исчисленію профессора Янсона, Россія доставляла на лондонскій рынокъ около 20% всей пшеницы, имъ потребляемой; Соединенные же Штаты Америки только 6% съ небольшимъ.

Въ концѣ 70-хъ годовъ Россія доставляетъ тѣ же неполные 20%, Соединенные же Штаты вмѣсто прежнихъ 6% доставляютъ уже 47%; иначе сказать, мы не подвинулись ни на шагъ въ то самое время, въ какое Америка успѣла усилить свой сбытъ, т. е. развить свое производство, въ 8 разъ!

Какіе бы финансовыя софизмы не проповѣдывали намъ, нельзя сомнѣваться, что поразительный упадокъ нашего кредитнаго рубля неминуемо долженъ быть связанъ самымъ тѣснымъ образомъ съ сравнительнымъ упадкомъ нашихъ торговыхъ оборотовъ съ Европою.

А для Россіи торговля вообще—почти одно и то же, что торговля хлѣбомъ и другимъ хозяйственнымъ сырьемъ.

Нашъ рубль врядъ-ли могъ бы стдить въ Европѣ 60 к., если-бы Россія по старому была незамѣнимымъ поставщикомъ насущно необходимыхъ Европѣ товаровъ въ прежней высокой пропорціи. Конечно, мы никогда не повѣримъ, чтобы въ дѣлѣ упадка нашего кредитнаго рубля дѣйствовали только одни роковые экономическіе законы, одни, такъ сказать, стихійныя силы міроваго рынка.

Нѣтъ, мы глубоко убѣждены, что, по крайней мѣрѣ, такую

же роль, какъ общіе экономическіе законы, играетъ въ этомъ вопросѣ и личная финансовая политика великихъ маговъ банкирскаго и биржеваго міра Европы, въ значительной мѣрѣ направляемая политикою враждебныхъ Россіи государственныхъ людей Германіи, Англіи, Франціи, и проч.

Недаромъ фирму какого нибудь Ротшильда называютъ великою европейскою державою. Союзу могущественныхъ иностранныхъ банкировъ съ такими же могущественными иностранными кабинетами не трудно подорвать искусственными мѣрами кредитъ даже такого богатаго торговца, какъ цѣлое русское государство...

Но чѣмъ необходимѣе будемъ мы Европѣ въ качествѣ ея кормильцевъ, чѣмъ большая процентная цифра будетъ приходиться на русскій хлѣбъ въ ряду цифръ общей поставки хлѣба на прокормленіе Европы, тѣмъ менѣе, конечно, будетъ подверженъ нашъ кредитъ политическимъ и биржевымъ вознямъ, тѣмъ тверже и выше будетъ цѣна нашего русскаго рубля на европейскомъ рынкѣ. Продавецъ, котораго ищутъ, въ которомъ нуждаются, конечно, стоитъ далеко не въ такомъ зависимомъ положеніи отъ вулаковъ рынка, хотя бы и многомиліонныхъ, какъ тотъ, безъ кого легко обойдутся.

Америка опасна намъ во многихъ смыслахъ, какъ соперникъ нашей хлѣбной торговли.

Во первыхъ, она производитъ абсолютно больше хлѣбнаго зерна, чѣмъ производитъ Россія, хотя это и не покажется невѣроятнымъ нашимъ кваснымъ деревенскимъ патріотамъ, воображающимъ, что безъ русскаго хлѣба весь міръ подохнетъ.

Во вторыхъ, Америка имѣетъ гораздо болѣшій избытокъ хлѣба сравнительно съ собственною потребностью, чѣмъ Россія, т. е. можетъ продавать его много, не голодая сама.

Наша же Русь нерѣдко продаетъ Европѣ не избытокъ свой, а хлѣбъ, необходимый ей самой.

Такъ, по вычисленію того же профессора Янсона, среднее потребленіе хлѣба въ Россіи едва доходитъ до 3-хъ гектолитровъ на душу, и затѣмъ для вывоза не остается даже $\frac{1}{2}$ гектолитра на душу, такъ что всякое возрастаніе хлѣбнаго вывоза грозитъ бѣдствіями самой Россіи, которой хлѣба, въ средніе годы, едва достаетъ на собственное прокормленіе.

Это и случилось, напримѣръ, послѣ исключительно большаго вывоза русскаго хлѣба въ 1878 году (34 миліона гектолитровъ),

когда многія мѣстности Россіи въ неурожайные годы, 1879 и 1880, оказались безъ запасовъ хлѣба и страдали отъ голода и дороговизны.

Конечно, такое положеніе дѣла достигнуто не однимъ только умѣніемъ и энергіею американскаго хозяина.

Много сдѣлали и природныя условія, которыхъ не замѣнишь никакимъ трудолюбіемъ, никакою ловкостью.

Не всякому, напримѣръ, приходитъ въ голову, что самая мѣстность Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, о которыхъ только и говоримъ мы здѣсь, въ полтора раза обширнѣе мѣстности европейской Россіи.

Но кромѣ этого Американскіе Штаты всё цѣликомъ лежатъ въ умѣренномъ поясѣ, не знающемъ ни полярныхъ стужъ нашего бесплоднаго сѣвера, ни палящаго зноя южныхъ пустынь. Въ томъ числѣ громадная площадь почти въ 100,000 квадратныхъ миль, т. е. пространство, почти равное всей европейской Россіи, по особенно благоприятнымъ условіямъ климата и почвы, занята производствомъ хлѣба.

Не мудрено поэтому, что Америка имѣетъ такой избытокъ хлѣба, какового еще не видала никакая другая страна и котораго вѣроятно не предполагаютъ въ ней наши многохвастающіе, но мало знакомые съ дѣломъ хлѣбные производители и торговцы хлѣбомъ.

Современная Америка можетъ смѣло глядѣть въ невѣдомые туманы будущаго и спокойно идти ему на встрѣчу.

Результатъ ея хлѣбной добычи таковъ, что размноженіе населенія еще долго можетъ не пугать ее. Рокочая задача старой Европы: чѣмъ накормить всѣ эти жадно разинутые рты, увеличивающіеся ежегодно, какъ песокъ морской, — пока еще вовсе не страшна для Америки.

Она разрѣшена ею вполне удачно.

Хотя приростъ американскаго населенія движается быстрѣе, чѣмъ въ какой нибудь другой странѣ, и кромѣ того значительно усиливается постояннымъ наплывомъ европейскихъ переселенцевъ, тѣмъ не менѣе приростъ ежегодно добываемаго хлѣба въ Америкѣ идетъ еще быстрѣе.

Съ 1830 года, когда на cadaго жителя Америки приходилось по 6 четвертей разнаго хлѣбнаго зерна, количество это постоянно разрасталось, не смотря на увеличеніе населенія и на прибытіе втеченіи этихъ 30 лѣтъ около 5.000,000 европейскихъ переселенцевъ, такъ что въ 1860 году дошло до 6,5 четвертей, въ 1870 г. — до 6,7, въ 1875 г. — до 7,8, въ

1877 г.—до 8 четвертей, въ 1880 г.—до 8½ четверти на человека. Такимъ образомъ, въ послѣдніе годы прогрессія эта стала возрастать все быстрѣе и быстрѣе.

Всякому понятно, какую громадную массу хлѣба можетъ двинуть на иностранный рынокъ народъ, у котораго дома приходится отъ 75—85 пуд. хлѣба на душу.

Дѣйствительно, вывозъ хлѣба изъ Америки вполне соответствуетъ этимъ соображеніямъ.

Съ 402,523 четв. хлѣба, которыя вывезла Америка въ 1840 году, количество это постепенно возросло: въ 1850 г. до 1.252,976 четв., въ 1860 г. до 1.445,651 четв. и, наконецъ, въ 1870 г., послѣ окончанія желѣзныхъ дорогъ, связывающихъ торговые приморскіе порты Америки съ хлѣбными мѣстностями ея западныхъ штатовъ, цифра эта дошла до 6.556,690 четв., т. е. въ короткій промежутокъ 10-ти лѣтъ увеличилась въ 3½ раза. Съ тѣхъ поръ возростаніе хлѣбнаго вывоза Америки пошло еще поразительнѣе; до 1878 года среднимъ счетомъ вывозъ одной пшеницы превосходилъ 15.000,000 четв. въ годъ.

Въ 1877 году избытокъ урожая пшеницы надъ потребностями населенія Америки равнялся уже 23.500,000 четв., въ 1878 г.—28.500,000 четв., въ 1879 г.—около 31.000,000 четв.

А между тѣмъ главный хлѣбный продуктъ Америки составляетъ не пшеница, а кукуруза или маисъ.

Производство кукурузы такъ велико въ Америкѣ, по словамъ г. Орбинскаго, что «если-бы западная Европа не производила ни одного зерна хлѣба и если-бы захотѣла питаться одною кукурузою, то Соединенные Штаты могли бы въ короткое время достигнуть того, чтобы удовлетворять ея потребности».

Въ 1877 году, на примѣръ, ея тамъ добыто 227.000,000 четв., и значительную часть этого количества Европа получила не столько въ видѣ зерна, сколько въ видѣ мяса, сала или подобныхъ дорогихъ продуктовъ.

Чѣмъ же объяснить это баснословное разростаніе хлѣбныхъ богатствъ Америки, грозящее потопить въ себѣ наши русскіе хлѣбные избытки, когда-то казавшіеся такими громадными? Необыкновеннымъ ли усовершенствованіемъ системъ полеводства, особенною ли плодотворностью земли, или другими причинами?

Относительно перваго вопроса, мы можемъ быть спокойнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ, когда сравниваютъ Америку съ Россією.

Безспорно старыя, густо-населенные штаты, близкіе къ тор-

говымъ портамъ и къ центрамъ фабричной дѣятельности, развили въ себѣ, подобно многимъ мѣстностямъ цивилизованной Европы, высокую сельско-хозяйственную культуру съ дорогими машинами, съ сложными плодоперемѣнными системами полеводства, съ фосфатами, гуано и пр. Но въ огромной части хлѣбородной американской области тѣмъ не менѣе встрѣчаются на каждомъ шагу наши «отсталые» приемы хозяйства, т. е. трехпольная и даже нерѣдко залежная система, не вѣдающія никакихъ удобреній, никакого отдыха.

Американцы народъ высоко практической и менѣе всего доктринеры и систематисты. Они нисколько не стѣсняются примѣненіемъ какихъ бы то ни было системъ, будь онѣ средневѣковыя или азіатскія, если только при данныхъ обстоятельствахъ находятъ въ нихъ выгоду. Какъ люди дѣла и только дѣла, они совершенно свободны отъ обычной слабости нашего образованнаго класса, считать себя обязаннымъ вѣрить въ тѣ или другія теоріи, хозяйственныя, общественныя, политическія, и обращать эти теоріи въ какой-то непоколебимый символъ вѣры либерализма, прогрессивности, или наоборотъ, консерватизма и народности.

Они пробуютъ смѣло и энергически всѣ пути и способы, они быстро и вѣрно рассчитываютъ, и если убѣждаются, напротивъ, что залежная система хозяйства оправдывается въ данной мѣстности цѣлымъ рядомъ доходныхъ годовъ, то ихъ мало тревожитъ тотъ титулъ, который придадутъ выгодной имъ системѣ цеховые педанты агрономіи.

Эта исключительно финансовая точка зрѣнія американца на земельное хозяйство, конечно, можетъ быть, современемъ навлечетъ на нихъ большія бѣдствія, потому что нѣтъ спора, что она близко граничитъ съ хищничествомъ. Но пока она служитъ только къ необычайно энергической эксплуатаціи недвижимыхъ богатствъ края и, окупая иногда въ какія нибудь 5—6 лѣтъ самыя большія затраты на хозяйство, привлекаетъ къ нему массы капиталовъ и предприимчивыхъ умовъ.

Съ другой стороны, эта самоувѣренность американца, который не хочетъ даже думать о далекихъ послѣдствіяхъ, который непоколебимо убѣжденъ, что онъ въ свое время непременно отыщетъ вѣрное средство противъ всякаго неблагоприятнаго ему положенія вещей, — самоувѣренность эта неволью овладѣваетъ и постороннимъ наблюдателемъ, неволью вселяетъ и въ него убѣжденіе, что дѣйствительно американцу будущее не грозитъ ничѣмъ, что его изобрѣтательность всегда окажется въ уровень

съ задачами его вѣка, и что если, напримѣръ, онъ истощить почву чрезмѣрными посѣвами, то онъ же самъ отыщетъ, когда понадобится, какое нибудь подходящее удобреніе для этой почвы, или съумѣетъ замѣнить оскудѣвшій хлѣбъ какимъ нибудь легко доступнымъ сурогатомъ.

Характерны слова, сказанныя по этому поводу нашему русскому изслѣдователю однимъ откровеннымъ фермеромъ южныхъ штатовъ: «на нашъ вѣкъ хватить; а если нѣтъ, то мы подъ землю будемъ искать то, чего не найдемъ на ея поверхности».

Да, въ Америкѣ больше чѣмъ къ какой нибудь другой странѣ можно съ полною справедливостью отнести слова Спасителя: «вѣра твоя спасетъ тебя».

Она вѣритъ въ себя и не знаетъ поэтому страха передъ будущимъ.

Точно также нельзя объяснить чрезвычайное развитіе хлѣбнаго производства Америки и особенно благоприятными условіями природы.

Дѣйствительно, почва многихъ частей Америки очень богата; въ долинѣ Миссисипи, напримѣръ, черноземъ залегаетъ еще болѣе глубокимъ слоемъ, чѣмъ въ лучшихъ черноземныхъ мѣстностяхъ Россіи, иногда даже толщиною въ 10 и болѣе сажень.

Хозяева Айовы, Иллинойса, Миссури, Индіаны, нерѣдко засѣваютъ свои поля пшеницею по десяти лѣтъ сряду, не замѣчая никакого упадка урожаявъ. Тучность полей доходитъ иногда до того, что бываетъ необходимо ослабить ихъ многолѣтними посѣвами табаку, конопля и другихъ, сильно истощающихъ почву растеній прежде, чѣмъ приступить къ посѣву кукурузы или пшеницы.

Но за всѣмъ тѣмъ, общіе выводы ежегодныхъ урожаявъ Америки далеко не удивятъ насъ и ничуть не превосходятъ обыкновенныхъ урожаявъ нашей хлѣбородной полосы.

Такъ, напримѣръ, средній урожай пшеницы въ цѣломъ союзѣ американскихъ штатовъ за 1877 годъ представилъ только 6 четвертей съ десятины, а между тѣмъ 1877 годъ принадлежалъ къ числу хорошихъ урожайныхъ годовъ.

Если въ 1878 году сборъ былъ больше, по исключительности этого года, то за то въ 1876 г. средняя цифра урожая пшеницы въ союзѣ равнялась всего 4,5 четвертямъ, а въ нѣкоторыхъ штатахъ доходила даже менѣе чѣмъ до 3-хъ четвертей (2, 65 въ Айовѣ). Урожай въ 8 четвертей съ десятины вообще считается въ Америкѣ «великолѣпнымъ».

Кто знает доходность наших курских, воронежских, орловских земель, тотъ, конечно, не сочтетъ урожай 8 четвертей съ десятины за особенно великолѣпный.

На-дняхъ еще въ засѣданіи русскаго технического общества читался рефератъ о вліяніи засухъ на урожай, въ которомъ были приведены статистическія цифры урожая въ Самарской губерніи, доходившія даже до самъ-тридцать.

Но если Америка вообще стоитъ недалеко отъ насъ по своимъ естественнымъ условіямъ и по научному совершенству еще многихъ своихъ хозяйствъ, то общественныя и государственныя отношенія къ дѣлу хлѣбнаго производства въ Америкѣ и Россіи въ высшей степени разнятся, и ими-то болѣе всего объясняется совершенное, блестящее развитіе этого главнаго источника народнаго богатства у нашихъ заатлантическихъ друзей.

Америка, съ самаго перваго дня своего существованія, взглянула чрезвычайно мудрымъ взглядомъ на земельную собственность и обезпечила черезъ это на многія столѣтія быстрое и равномерное возрастаніе народнаго богатства. Америка—страна народныхъ интересовъ, страна демократіи, не по одному только имени, не по однѣмъ политическимъ или даже общественнымъ учрежденіямъ своимъ.

Прежде всего эта демократія въ экономическомъ смыслѣ, т. е. широкое господство мелкаго владѣнія, мелкихъ достатковъ, отсутствіе неизмѣримыхъ мѣстностей, принадлежащихъ изъ рода въ родъ одной семьѣ, одному лицу, липающихъ цѣлую окрестную страну возможности и права имѣть подъ своими ногами собственный аршинъ земнаго шара, прилагать свой трудъ къ своему, а не чужому богатству, осуждающихъ ихъ на вѣчное наемничество, вѣчное состояніе кочевника.

Демократичность американской собственности не есть дѣло случая, не есть слѣпой результатъ невѣдомыхъ историческихъ причинъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не есть плодъ одной частной инициативы.

Демократичность собственности есть коренной принципъ государственнаго устройства Америки, одинъ изъ первыхъ и важнѣйшихъ членовъ ея политическаго символа вѣры.

Громадное большинство американскихъ территорій еще въ первые дни жизни Америки, какъ самостоятельнаго государства, были признаны землями правительства, конгресса, и заранѣе предназначены къ распространенію мелкаго поземельнаго владѣнія.

Поземельное законодательство Америки было установлено въ общихъ своихъ основаніяхъ еще въ 1785 году, въ эпоху высокаго гражданскаго одушевленія и великодушныхъ подвиговъ патріотизма, когда страна еще была насевозъ пронизана могучимъ духомъ Вашингтоновъ, Франклиновъ. Простота этого великаго законодательнаго акта вполне равняется его мудрости.

При государственномъ межеваніи новыхъ территорій, они дѣлятся на участки въ 36 квадратныхъ миль каждый (Township). Участокъ, въ свою очередь, дѣлится на 36 секцій, по 640 акровъ, въ каждой (акръ 0,38 десятины), причемъ каждая секція обозначается на государственной картѣ постоянною цифрою. Каждый 36-й нумеръ секціи въ каждомъ участкѣ составляетъ неотъемлемую собственность училищъ штата, хотя бы училища эти даже еще не открылись. Затѣмъ 35 остальныхъ секцій назначаются для распродажи въ частныя руки. Однако продажа эта есть далеко не коммерческое предпріятіе, а гораздо болѣе похожа на правительственный надѣлъ землею.

Цѣна участковъ не зависитъ нисколько отъ качества и положенія земли, отъ большаго или меньшаго спроса. Цѣна эта одинакова во всѣхъ углахъ американскаго союза, отъ безлюдныхъ степей до густонаселенныхъ центровъ промышленности. Каждый платитъ неизмѣнный $1\frac{1}{4}$ долларъ за акръ земли, т. е. за десятину около 3 долларовъ, или 4 р. 25 к. по нарицательной цѣнѣ доллара. Очевидно, что это не покупка, а надѣленіе землею со стороны правительства. Покупка этой земли точно также упрощена до высочайшей степени и не можетъ затруднить самаго неопытнаго приобрѣтателя. Въ каждой мѣстности, гдѣ находятся свободныя, еще нераспроданныя земли, существуетъ по нѣскольکو всѣмъ доступныхъ и всѣмъ извѣстныхъ поземельныхъ конторъ, завѣдывающихъ этою продажею, безъ всякихъ дальнихъ переписокъ и сложныхъ процедуръ. Установленная цѣна земли получается съ покупателя, и участокъ подъ извѣстнымъ номеромъ плана, обыкновенно въ 80 акровъ, т. е. $\frac{1}{8}$ секціи, записывается за нимъ въ крѣпостную книгу безъ всякаго взысканія пошлинъ и безъ всякихъ вообще расходовъ и хлопотъ съ его стороны. Крѣпостная выписка выдается ему на руки также даромъ, и вотъ онъ полновластный хозяинъ своего новаго владѣнія. Ничего подобнаго тѣмъ разорительнымъ, досаднымъ и вмѣстѣ потѣшнымъ мытарствамъ, которыя претерпѣваемъ мы, даже при распоряженіи своего вѣковѣчною родовою собственностью: нивакихъ прошеній и скитаній за свидѣльствами полицейскаго управленія и уѣзднаго назна-

чества, за удостовѣреніями отъ земской управы, непремѣннаго члена и мирового судьи; никакихъ младшихъ нотаріусовъ для совершенія, старшихъ нотаріусовъ, для утвержденія безконечныхъ сроковъ для «прохожденія запретительныхъ статей»; никакихъ опредѣленій окружныхъ судовъ для ввода во владѣніе, назначеній предсѣдателемъ этихъ судовъ того или другаго судебного пристава на этотъ предметъ; наконецъ, никакихъ судебныхъ приставовъ для самаго ввода во владѣніе!

Но американское правительство не остановилось и на такомъ простомъ и удобномъ способѣ сдѣлаться каждому желающему владѣльцемъ земельного участка и полезнымъ добытникомъ народного богатства.

Чтобы пріобрѣсть не только 80, но даже 40 акровъ, все-таки нужно выложить изъ кармана нѣсколько десятковъ долларовъ сразу, въ то самое время, когда первоначальное устройство хозяйства безъ того неминуемо требуетъ значительныхъ расходовъ.

Правительство и тутъ является на помощь бѣднѣйшимъ, обеспечивая рабочимъ рукамъ возможность конкуренціи съ капиталомъ.

«Усадебный законъ» предоставляетъ каждому гражданину Американскихъ Штатовъ занять подъ свою усадьбу $\frac{1}{4}$ секціи, т. е. 160 акровъ земли, только заявивъ о своемъ желаніи ближайшей поземельной конторѣ и внеся въ нее 18 долларовъ, т. е. всего 1 долларъ за 9 акровъ.

По истеченіи пяти лѣтъ онъ дѣлается полнымъ собственникомъ участка, если докажетъ показаніями трехъ свидѣтелей, что жилъ все это время на своемъ участкѣ, устраивалъ и обрабатывалъ его.

Дозволяется даже внести вначалѣ не 18, а только 2 долара, но съ условіемъ приступить къ устройству усадьбы и обработкѣ участка не позднѣе трехъ мѣсяцевъ. Въ такомъ случаѣ дается трехлѣтній срокъ для уплаты по частямъ назначенной за участокъ цѣны, послѣ чего онъ переходитъ въ полную собственность пріобрѣтателя.

Есть другіе, также почти даровые способы пріобрѣтать земельные участки отъ правительства; напримѣръ, въ штатахъ безлѣсныхъ, въ видахъ поощренія лѣсоразведенія, каждому дозволяется занимать участокъ въ 80 или 160 акровъ съ единовременнымъ взносомъ всего 5 долларовъ, если только лицо при-

метъ на себя обязательство засадить лѣсомъ $\frac{1}{16}$ часть своего участка.

По прошествіи 8 лѣтъ производится повѣрка, и если дѣйствительно на занятомъ участкѣ вполне принялось определенное число деревьевъ (не менѣе 675 на акръ), то участокъ отдается въ полную собственность насадителя, безъ всякой уже платы за него.

Незаселенныя пространства Америки слишкомъ однако велики, чтобы правительство могло надѣяться привлечь на нихъ добывающую и цивилизующую силу человѣка безъ содѣйствія особенныхъ мѣръ. Вслѣдствіе этого выработалась оригинальная система правительственнаго пособія желѣзнымъ дорогамъ.

Америка не рѣшилась, подобно намъ, подрывать экономическія силы своего народа прямымъ обложеніемъ его на устройство желѣзныхъ дорогъ, уплату по нимъ гарантій, оплату сдѣланныхъ для нихъ займовъ. Два миллиарда рублей, поглощенныхъ нашимъ желѣзно-дорожнымъ дѣломъ, при всей пользѣ и необходимости желѣзныхъ дорогъ, разумѣется, отозвались тяжелымъ ударомъ на нашемъ народномъ хозяйствѣ и неволью убили многія другія важныя стороны его.

Америка поступила гораздо практичнѣе. Она помогла своимъ желѣзнымъ дорогамъ не менѣе существенно, но вмѣстѣ съ тѣмъ помощь эту она умѣла обратить въ положительное благо для своего народа, въ содѣйствіе своимъ собственнымъ важнымъ государственнымъ цѣлямъ.

Конгрессъ даетъ въ приданое многимъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ, признаваемыхъ имъ за особенно полезныя для интересовъ американской торговли, промышленности или политики, значительное количество свободныхъ земель, по расчету длины пути ихъ. Желѣзно-дорожныя компаніи получаютъ право продавать эти земли въ свою пользу, но не иначе, какъ въ частныя руки.

Сами же компаніи не вправѣ эксплуатировать эти земли и дѣлаться такимъ образомъ крупными собственниками громаднхъ размѣровъ.

Очевидно, что компаніи въ высшей степени заинтересованы возможно быстрымъ сбытомъ земель и привлеченіемъ на нихъ какъ можно большаго числа поселенцевъ, такъ какъ заселеніе измѣняетъ цѣнность не только занятой, но и сосѣдней земли. Поэтому поземельные агенты желѣзно-дорожныхъ компаній безостановочно снуютъ по всѣмъ угламъ, гдѣ можно предположить охотниковъ на новыя земли; они попадаютъ на каждой стаціи

желѣзной дороги, прорѣзающей эти земли, они толкаются среди публики вагоновъ, рассказывая чудеса про свои земли, соблазняя и уговаривая желающихъ, вездѣ разсылая объявленія и рекламы.

Уполномоченные компаніи, съ которыми тотчасъ же и безъ всякихъ хлопотъ можно заключить крѣпость на земли, точно также сидятъ чуть не на каждой станціи.

Вслѣдствіе такой энергической дѣятельности компаній и крайняго упрощенія способовъ покупать у нихъ земли, сбытъ компанейскихъ земель идетъ съ изумительною быстротою, весьма много способствующею развитію хлѣбнаго производства Америки за послѣдніе годы.

Такъ, на примѣръ, одна сѣверная океанійская дорога (Northern pacific) продала въ одномъ только 1878 году около 300,000 дес. земли, не считая многихъ сотенъ тысячъ, проданныхъ въ прежніе годы.

Но надѣлы желѣзныхъ дорогъ такъ велики, что, на примѣръ, въ одномъ штатѣ Миннесотѣ, съ территоріею Дакота, находится еще непроданной земли желѣзно-дорожныхъ надѣловъ около 4.500,000 дес.

Одна только дорога Union Pacific получила надѣла 4.647,390 дес. Свободныхъ же земель, остающихся въ распоряженіи конгресса или отдѣльныхъ штатовъ и подлежащихъ продажѣ въ частныя руки, еще несравнимо больше.

Въ Миннесотѣ 10.000,000 дес., въ Канзасѣ 15.000,000 дес., въ Небраскѣ 18.000,000 дес., вообще въ одной атлантической группѣ штатовъ, не считая территорій, до 50.000,000 дес. ожидаютъ еще новыхъ покупателей и новаго громаднаго расширенія хлѣбнаго производства.

Такимъ образомъ, эта разумная система государственныхъ пособій желѣзно-дорожному дѣлу заставила энергически работать на пользу заселенія пустыхъ пространствъ Америки частный интересъ и ничѣмъ незамѣнимую частную инициативу. Россіи невозможно не принять во вниманіе такого положенія вещей въ Америкѣ, ея главной соперницѣ по торговлѣ хлѣбомъ.

Если рядомъ съ мудрою земельною политикою Америки, столь же патріотическою и нравственною, сколько выгодною для финансовъ государства и для народнаго благосостоянія, Россія будетъ беречь у себя, какъ мертвый капиталъ, свои хлѣбородныя пустыни въ неподвижномъ и разорительномъ завѣдываніи казны и тратить этотъ капиталъ народнаго будущаго на щедрыя аренды и подарки и безъ того богатому чиновничеству,

совершенно чуждому всякаго хозяйственнаго и промышленнаго характера; если позорный принцип «уфимской дѣлѣжки» и рѣхищеніе по кумовству драгоценныхъ земель Кавказа по прежнему будетъ лежать въ основаніи нашего управленія государственными имуществами, — то мудрено-ли, что еще въ какія нибудь пять, шесть лѣтъ Америка затопчетъ насъ въ грязь и выкинетъ насъ совсѣмъ за бортъ съ европейскаго торговаго рынка?

И подѣломъ будетъ намъ, лѣнливымъ и плутовскимъ азіатамъ, которые дѣлаютъ видъ, что экономничаютъ надъ какими-то жалкими земскими грошами, собираютъ болтливыя комисіи и нескончаемые комитеты на спасеніе народнаго хозяйства, заливаютъ литературу безсильнымъ хныканьемъ своего состраданія народной бѣдности, издаютъ на счетъ этой бѣдности многопудовые казенные отчеты и протоколы объ упадкѣ крестьянскаго благосостоянія и нравственности, — а сами, съ жадною пѣною на губахъ, съ плотоядными взорами, устремляются наперерывъ другъ передъ другомъ, войны и правители, сановники и сановницы, попечители округовъ рядомъ съ учителями гимнастики, урвать нѣсколько тысячъ десятинъ земли, принадлежащей прежде всего этому бѣдствующему народу, необходимой ему, какъ воздухъ для дыханія, какъ вода для питья.

Всѣ наши официальные разсужденія, печалованія и изслѣдованія объ упадкѣ нашего народнаго хозяйства и о тягостяхъ нашего крестьянскаго быта, должны казаться всякому безпристрастному наблюдателю ненужнымъ лицемѣриемъ или обидною насмѣшкою, пока не будетъ открыто поставленъ и твердо выполненъ единственно справедливый и единственно плодотворный принципъ нашей земельной политики: земля государства принадлежитъ народу и должна быть всецѣло предоставлена ему, для заселенія и разработки ея, для пропитанія народа, для обогащенія государства.

Паразиты, увивающіеся около петербургскихъ министерствъ и уфимскихъ земель, не составляютъ народа, какъ трутни не составляютъ пчелинаго улья.

Не ими станетъ богато государство, не ими спасетъ народъ свою промышленность, торговлю и благосостояніе въ непрекращающейся борьбѣ съ дѣятельными и просвѣщенными силами другихъ народовъ міра.

Когда наша государственная земля будетъ избавлена отъ всякой тайной эксплуатаціи ея во мракахъ канцелярій, когда она перестанетъ служить для наживы одного только пресмыкающагося при ней чиновничества, а станетъ живымъ источни-

комъ новыкъ народныхъ силъ и свѣтлаго будущаго русскаго народа, — тогда Россія, какъ государство, разбогатѣетъ сразу, не прибѣгая ни къ какимъ займамъ амстердамскихъ и франкфуртскихъ банкировъ.

Несчетные мертвые капиталы ея станутъ сразу производительными, и то, что стоило грошъ, что не приносило ни полушки въ безжизненныхъ рукахъ казеннаго пристава, станетъ сразу дорогимъ и доходнымъ рублемъ въ плодотворящей рукѣ народаго труда.

Нельзя повѣрить, сколько выиграла Америка своею щедрою и умною раздачею земель.

Въ Иллинойсѣ, напримѣръ, въ 1851 году, когда правительство въ первый разъ надѣляло земельнымъ приданымъ центральную иллинойскую дорогу, десятина земли продавалась желающимъ по 7,8 долларовъ. Въ 1879 году, въ бытность тамъ нашего русскаго изслѣдователя, цѣна той же десятины дошла уже до 108½ долларовъ, т. е. увеличилась за 28 лѣтъ почти въ 14 разъ, иначе сказать, среднимъ счетомъ черезъ каждые 2 года цѣна земли увеличивалась вдвое.

Въ такой же пропорціи, понятно, возрастаетъ и богатство государства, и возможность его щедро черпать на свои потребности изъ хорошо набитаго кошелька народа. Только мудрая земельная политика Америки и широкая демократизація въ ней собственности помогли ей легко перенести и скоро залечить такія страшныя экономическія раны, какія нанесла ей, напримѣръ, ожесточенная междоусобная война.

Америка не для фразы только, не для рисовки передъ публикою трибуны гордится тѣмъ, что среди ея сельскаго населенія «нѣтъ ни дворцовъ, ни нищихъ».

Землевладѣлецъ Америки это сплошной мелкій собственникъ; однако онъ не настолько мелокъ, какъ нашъ обычный типъ крестьянскаго хозяйства, которому при его 2—3 десятинахъ, чуть въ пору провормиться, которому невозможно имѣть ни порядочной рабочей скотины, ни удобнаго орудія.

Ферма Америки это обыкновенно ⅓ или ¼ секціи, т. е. около 31, или 61½ дес. Среднимъ счетомъ величина фермы въ разныхъ штатахъ Америки близка къ 50 дес. (въ Миннесотѣ 53½, въ Висконсинѣ 44, въ Мичиганѣ 39, въ Огеёо 43, въ Иллинойсѣ 49, въ Айовѣ 51, въ Миссури 56, въ Канзасѣ 57, и т. д.).

Крупныя хозяйства въ высшей степени рѣдки, кромѣ нѣкоторыхъ мѣстностей слишкомъ пустынныхъ западныхъ шта-

товъ, гдѣ начинаютъ, въ послѣднее время, развиваться обширныя хозяйства, дѣйствующія огромнымъ капиталомъ, совершенно на ногѣ фабричнаго производства.

Такъ, въ цѣломъ штатѣ Минесотѣ только 3 владѣльца, имѣющихъ болѣе 1,000 дес. земли, и, конечно, они считаются исключительными богачами. Трудно сомнѣваться, что установившійся въ Америкѣ средній типъ хозяйства есть самый разумный, справедливый и удобный.

Ничтожные размѣры хозяйства такъ же точно не выгодны, какъ и слишкомъ обширные. Наши южные колонисты-нѣмцы, менониты и другіе, имѣютъ именно тотъ размѣръ фермъ, который господствуетъ въ Америкѣ, отъ 30 до 60 дес. на дворъ.

И мы дѣйствительно видимъ, что при этихъ условіяхъ колонисты наши благоденствуютъ нисколько не меньше американскихъ.

Но, конечно, въ Россіи вопросъ усложняется существованіемъ старой крупной собственности, имѣющей свои историческія и юридическія права, и намъ невозможно рассчитывать, чтобы будущее надѣленіе нуждающейся части нашего народа свободными государственными землями могло достигнуть той щедрой нормы, какую мы видимъ въ Америкѣ или среди своихъ иностранныхъ привилегированныхъ колонистовъ.

Кромѣ разумной общей системы раздачи земель, Америка двинула въ такому блестящему развитію свое хлѣбное дѣло еще и другими сторонами своей внутренней политики, которая намъ, пожалуй, еще будетъ тяжелѣ усвоить себѣ, чѣмъ земельную систему.

Америка—страна смѣлой, безпредѣльно вѣрующей въ себя свободы частной инициативы. Эта абсолютная свобода личнаго почина смущаетъ, ужасаетъ непривычнаго наблюдателя американской жизни. На глазахъ всѣхъ, на глазахъ правительства и общества организуются и безпрепятственно дѣйствуютъ предприятия, союзы, компаніи, которыхъ открытая цѣль овладѣть рычагами рынка или биржи, деспотически господствовать надъ промышленностью или торговлею страны въ исключительныхъ видахъ собственной корысти.

Железныя дороги, напримѣръ, простираютъ въ Америкѣ свой произволъ до того, что принимаютъ одинъ родъ товаровъ, не принимаютъ другой, спѣшатъ провозить въ громадномъ ко-

личествѣ продукты одного фабриканта, а другому вовсе отказываютъ въ провозѣ.

Тарифъ ихъ измѣняется чуть не ежедѣльно. Сегодня провозятъ едва не даромъ, чтобы отбить доходъ у другихъ соперничающихъ съ ними дорогъ и привлечь къ себѣ всю массу товара; завтра, когда противникъ разоренъ, прекратилъ свои дѣйствія и не можетъ болѣе соперничать, — понесенные убытки безцеремонно наверстываются внезапнымъ удешевленіемъ тарифа. Цѣля сложныя махинаціи и самыя глубокомысленныя и остроумныя плутовскіе расчеты пускаются въ ходъ, чтобы поощрить то или другое производство, доставляющее какую нибудь выгоду желѣзно-дорожной компаніи, или другую фирму, стоящую почему нибудь близко къ интересамъ желѣзной дороги, иногда просто по кумовству или изъ-за прямаго подкупа.

Почти всякая желѣзно-дорожная компанія владѣетъ какими нибудь заводами, рудниками, или другимъ предпріятіемъ, если не въ качествѣ компаніи, то въ качествѣ отдѣльныхъ членовъ этой компаніи. Понятно, что она бываетъ заинтересована двинуть въ ходъ свои собственные продукты и вытѣснить съ рынковъ всякіе другіе. Иногда такая компанія скупаетъ за огромныя деньги другія желѣзныя дороги, съ нею конкурирующія, чтобы остаться владыкою позиціи и безпрепятственно облагать поборами все и всѣхъ, что только нуждается въ ея услугахъ, и не можетъ миновать ихъ. Еще чаще желѣзныя дороги пускаются въ стачки другъ съ другомъ, чтобы сообща по произволу эксплуатировать торговлю и промыслы своего отечества.

Съ нашей точки зрѣнія подобный порядокъ вещей ужасенъ, возмутителенъ, губителенъ. Но въ странѣ свободной борьбы опасность эта далеко не такъ безъисходна, какою она кажется нашему оробѣвшему и обезсилѣвшему духу, воспитанному заперти и на чужой указкѣ.

Если тамъ велика сила нападенія однихъ инстинктовъ алчности, то также велика и сила отпора, который встрѣчаютъ они въ самозащитѣ другихъ интересовъ, настолько же независимыхъ въ своемъ смѣломъ начинѣ и въ своей безконечной изобрѣтательности. Рядомъ съ желѣзно-дорожною линіею, деспотически распоряжающеюся движеніемъ, вырастаетъ вдругъ другая линія, предлагающая свои услуги публикѣ дешевле и удобнѣе.

Въ отвѣтъ на произволъ желѣзныхъ дорогъ является могучая асоціація транспортныхъ учрежденій, смѣло вступающихъ въ борьбу съ такимъ могучимъ противникомъ, и путемъ сдѣлокъ съ другими, хотя бы и окольными дорогами, направ-

леніемъ товаровъ черезъ каналы и рѣки, помимо желѣзныхъ дорогъ, и всякими другими способами, вынуждаютъ уступить и смириться алчность желѣзно-дорожныхъ компаній, конечно, не ради торжества добродѣтели или защиты частныхъ интересовъ, а тоже ради наживы, въ цѣляхъ привлечь подъ свое покровительственное крыло какъ можно болѣе фабрикантовъ, сельскихъ хозяевъ, торговцевъ, какъ можно болѣе продавцевъ и покупателей.

Въ свою очередь всесиліе транспортныхъ компаній и возможность ихъ стачекъ съ желѣзными дорогами находятъ энергическій отпоръ въ союзахъ производителей и потребителей, которые возникаютъ безъ малѣйшаго стѣсненія и вмѣшательства со стороны власти, по одному свободному желанію населенія, въ тѣхъ разнообразныхъ формахъ, какія даются имъ живыми потребностями жизни.

Прогрессившее въ 70-хъ годахъ общество гренджеровъ (The Granges League), весьма похожее по своему внѣшнему устройству и мистической обрядности на масонскія ложи и охватившее съ поразительною быстротою всѣ штаты Америки, устроилось именно съ цѣлью объединить усилія хлѣбныхъ производителей и поставить хлѣбное производство въ независимость отъ произвола большихъ торговыхъ фирмъ, устанавливавшихъ цѣны, невыгодныя для сельскихъ хозяевъ, на хлѣбъ, на провозъ его, на земледѣльческія орудія. Въ 1874 году число гренджерскихъ ложъ въ разныхъ штатахъ простиралось до 20,000, а число членовъ въ нихъ до 1½ миліона. Пользуясь такою опорой, общество гренджеровъ въ короткое время достигло многихъ выгодныхъ результатовъ для интересовъ сельскаго хозяйства. Устроенныя при помощи общества желѣзныя дороги, обанкротившія наиболѣе несговорчивыя компаніи, сдѣлали, напри- мѣръ, то, что втеченіи 4-хъ лѣтъ, 1872—1876 года, плата за доставку вагона пшеницы отъ хлѣбнаго рынка Чикаго до Ньюйорскаго порта уменьшилась въ 5 разъ; точно также были удешевлены цѣны необходимыхъ фермерамъ сельско-хозяйственныхъ машинъ, послѣ того какъ общество приняло въ свои руки всю операцію снабженія этими машинами фермерскихъ хозяйствъ. Каждый штатъ выигралъ на этомъ сотни тысячъ долларовъ.

Устройствомъ хлѣбныхъ складовъ (элеваторовъ) общества на главныхъ хлѣбныхъ рынкахъ, фермеры были точно также избавлены отъ деспотизма крупныхъ торговцевъ и владѣтелей хлѣбныхъ складовъ.

Вообще американская свобода, кажущаяся непривычному

глазу своеволиемъ и безпорядкомъ, похожа на мнимое своеволие и безпорядокъ, царствующіе въ природѣ. Гармонія общаго и взаимное равновѣсіе тамъ поддерживаются не какими нибудь разъ навсегда установленными обязательными внѣшними формами, а именно свободнымъ и разнообразнымъ взаимодействіемъ всѣхъ живыхъ силъ природы.

Картина американской жизни пугаетъ чловѣка нашихъ вкусовъ и обычаевъ точно также, какъ способна напугать какого нибудь простодушнаго степнаго пастуха, привышнаго къ медлительному шагу своихъ воловъ и однообразному скрипу колесъ, неистижимыя ему суетня и шумъ всевозможныхъ поршней, кривошиповъ, коромыслъ и клапановъ пароваго локомотива, снующихъ въ какомъ-то хаотическомъ безпорядкѣ, съ безумною быстротою, другъ мимо друга, другъ за другомъ, при шипѣніи пара, хлопотаніи воды, въ чаду дыма, въ блескѣ пламени.

Столько ужаса и несомнѣнной опасности мерещится ему въ этомъ работающемъ чревѣ адскаго чудовища, а между тѣмъ въ результатѣ весь этотъ ужасъ кончается самымъ покойнымъ и безопаснымъ передвиженіемъ громаднхъ тяжестей на разстоянія, о которыхъ никогда не смѣлъ мечтать наивный пастухъ съ своимъ патриархальнымъ «цобъ-цобе!»

Точно также и Америка. Наше слишкомъ робкое благоразуміе и слишкомъ мертвенная осторожность, давно предсказываютъ ей Богъ знаетъ какія катастрофы и разложеніе отъ безумнаго примѣненія принципа свободы. А она себѣ въ это время все цвѣтеть, да цвѣтеть, все умнѣетъ, все богатѣетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ все больше отодвигаетъ насъ самихъ съ поля общаго соперничества и общей наживы.

Если американская свобода всецѣло разнуздываетъ инстинкты жадности и безсовѣстной эксплуатаціи, то эта же свобода наполняетъ каждый самый глухой уголокъ Америки сельско-хозяйственными шеолами, музеями, складами орудій, публичными лекціями, газетами и журналами, посвященными интересамъ хозяйства, безчисленнымъ множествомъ дѣятельно работающихъ сельско-хозяйственныхъ обществъ и союзовъ.

Всякая свѣтлая мысль, всякій полезный опытъ, всякое выгодное предпріятіе въ области сельскаго хозяйства, съ помощью этой самой безграничной свободы слова и почина, быстро дѣлается достояніемъ всѣхъ, кого они могутъ касаться, быстро привлекаютъ къ поддержкѣ своей, къ дальнѣйшей разработкѣ и усовершенствованію всѣ годныя къ тому силы страны. Что же у насъ взамѣнъ этого? Съ чѣмъ мы, горькіе и захудалые, выйдемъ на состязательную борьбу съ этими могучими силами

новаго вѣка, вѣка свободнаго научнаго знанія и смѣлаго личнаго почина, несвязаннаго помочами ребенка.

Вотъ мы теперь присутствуемъ при комическомъ насильственномъ привитіи къ намъ, глупымъ, мѣрами заботливаго начальства, сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній и сельско-хозяйственного интереса, какъ прививали когда-то оспу нашимъ упорствующимъ мужикамъ.

Губернаторы и вице-губернаторы, предсѣдатели разныхъ важныхъ губернскихъ палатъ, чиновники министерствъ и разный другой людъ, состоящій въ 4 и 5 классѣ по табели о рангахъ, все это собирается въ торжественныя засѣданія и предписываетъ намъ вводить влечерь въ общинное хозяйство крестьянъ, гдѣ не достаетъ простаго луга съ осовой, покупать швейцарскихъ быковъ и арденскихъ лошадей, взамѣнъ безпрепятственно истребляемыхъ чумою или сибирскою язвою тощихъ, щигровскихъ воровенокъ и лошадемокъ съ соломеннымъ брюхомъ.

Собираются, судятъ и рядятъ, получаютъ, конечно, прогонные и суточные, тратятъ деньги на своды, отчеты, протоколы, а забываютъ объ одной простой вещи, гораздо болѣе нужной, чѣмъ всѣ ихъ непрошенные совѣты, увѣщанія и предписанія.

Забываютъ, что ни хозяйство, ни какое другое дѣло въ мірѣ не можетъ идти здоровымъ ростомъ и достигать хорошихъ результатовъ, когда оно связано по рукамъ и по ногамъ; забываютъ, что тѣ глупые деревенскіе хозяева, о которыхъ такъ заботятся теперь, не смѣютъ ни собраться вмѣстѣ потолковать о нуждахъ своего хозяйства, ни завести самой пустой газетки, для обмѣна другъ съ другомъ своимъ хозяйственнымъ опытомъ, ни выѣхать даже въ свой губернский городъ за покупкою самаго простаго хозяйственнаго орудія безъ прошеній и разрѣшеній, цензуръ и паспортовъ всякаго рода.

Пусть развяжутъ руки этимъ деревенскимъ глупцамъ и неучамъ, пусть признаютъ въ нихъ полноправныхъ людей, которыхъ Богъ снабдилъ даромъ слова, мысли и дѣла, для того, чтобы они свободно пользовались ими за свой счетъ и за свой страхъ, а не получали ихъ изъ полицейскихъ канцелярій по порціямъ: солдатскимъ, офицерскимъ и слабымъ, съ вѣсомъ на золотники, какъ получается пища госпитальными больными.

Исполнится это необходимое и простое дѣло, и загадка хозяйства разгадана сама собою. Безъ всякихъ вице-губернаторовъ и чиновниковъ особыхъ порученій, русскій народъ пойметъ свои сельско-хозяйственныя нужды, давно и хорошо извѣстныя ему, съумѣетъ и заявить ихъ кому слѣдуетъ, и по-

работать какъ слѣдуетъ надъ ихъ удовлетвореніемъ. Конечно, русскій человѣкъ, можетъ быть, и при новыхъ условіяхъ далеко не догонитъ американца. Американецъ—могучій звѣрь въ борьбѣ, въ работѣ; съ нимъ трудно сравняться не только нашему брату, захудалому русскому, но и западному европейцу, гораздо раньше воспитавшему въ себѣ привычки свободного почина и смѣлой мысли. Но по крайней мѣрѣ, русскій человѣкъ сдѣлаетъ тогда все, что въ силахъ сдѣлать; по крайней мѣрѣ онъ развернетъ всего себя и будетъ бороться съ соперникомъ своей хлѣбной промышленности безобидно, на одинаковыхъ правахъ. Обидно не то, что долженъ уступить болѣе сильному: въ этомъ только справедливость, передъ которою необходимо смириться. Но когда соперникъ мой, испытанный опытомъ, полный самоувѣренности и смѣлой отваги, нападаетъ какъ онъ хочетъ и когда хочетъ на меня, лишеннаго всякой свободы движенія, отъученнаго отъ всякаго дѣла на свой страхъ и по своему почину,—тогда это дѣлается глубоко обидно и глубоко несправедливо. Мы не знаемъ, конечно, какую роль долженъ играть нашъ народъ на мировомъ рынкѣ хлѣбной торговли при нормальныхъ условіяхъ нашего хлѣбнаго хозяйства. Но намъ достаточно сознать, что теперешнія условія этого хозяйства слишкомъ не нормальны, слишкомъ не выгодны и слишкомъ опасны для насъ. Русскому народу не въ первый разъ и не въ одномъ этомъ дѣлѣ учиться у своихъ соперниковъ.

Татары научили когда-то русскихъ бить татаръ, шведы научили Петра бить шведовъ. Даже недавняя, горькой памяти, Плевна, а еще болѣе недавнее Геокъ-Тепе, научили насъ тому, что нужно дѣлать, чтобы пораженіе замѣнить побѣдою и позоръ славою.

Зачѣмъ же намъ ограничивать свою характерную способность переимчивости одною областью войны?

Научимся точно также изъ опыта и примѣра нашихъ соперниковъ по хлѣбному производству, одолеваящихъ насъ въ этой, хотя и мирной, но гораздо болѣе опасной борьбѣ, какими путями и средствами достигается это одолѣніе.

Чтобы достигнуть для нашей Россіи блестящихъ результатовъ американской хлѣбной промышленности, позаимствуемъ у нея хотя сколько нибудь ея мудрой внутренней политики, столь же простой, сколько выгодной. Тогда оправдается на дѣлѣ мѣткое изрѣченіе государственнаго человѣка: дайте мнѣ хорошую политику, я вамъ дамъ хорошіе финансы.

Евгеній Марковъ.

ИЗЪ ЖИЗНИ МАЛЕНЬКАГО ГОРОДА.

РОМАНЪ ГУСТАВА ФРЕЙТАГА.

Х.

Ж е н и х ъ .

Снѣгъ по прежнему продолжалъ падать на городскія улицы большими хлопьями и окутывать ихъ бѣлымъ покрываломъ, видъ котораго однакожь былъ обманчивъ, потому что стоило только ступить на этотъ рыхлый снѣгъ или проѣхать по немъ полозьями саней, какъ слѣдъ того и другаго тотчасъ же наполнялся грязною водою. Иногда хлопья снѣга смѣнялись дождемъ и тогда воскресный звонъ церковныхъ колоколовъ звучалъ глуше обыкновеннаго. Вотъ въ такую-то именно ненастную пору въ городскимъ воротамъ подъѣхали, запряженные парю замороженныхъ польскихъ влячь, простые крестьянскія сани, въ которыхъ очевидно на скорую руку придѣланъ былъ верхъ изъ грубаго холста, чтобы придать имъ видъ крытаго экипажа. Лошадьми правилъ старикъ съ длинными, сѣдыми усами и въ польской шапкѣ, боязливо озираясь вокругъ; въ эту самую минуту изъ караульни высочилъ городской солдатъ и громко крикнулъ: «Стой! кто ѣдетъ?» Вслѣдствіе постоянного проѣзда возвращавшихся на родину изъ разбитой наполеоновской арміи французскихъ офицеровъ, городъ, въ видахъ предосторожности, учредилъ у себя даже дневной карауль.

Кучеръ отвѣтилъ что-то на незнакомомъ языкѣ, изъ котораго часовой понялъ только слово: l' Epreneur.

— Ну, нечего тутъ толковать «лампереръ», съ нимъ уже теперь совсѣмъ порѣшили, грубо возразилъ на это солдатъ.—И съ вами теперь уже церемониться нечего. Ступай вонъ по той улицѣ въ госпиталь, намъ велѣно всѣхъ отсылать туда!

Изъ повозки послышался чей-то голосъ, отрывисто давшій кучеру какое-то приказаніе; тотъ ударилъ по своимъ клячамъ внутомъ и поѣхалъ по направленію городской площади. Часовой злобно посмотрѣлъ уѣзжавшимъ въ слѣдъ и, забравшись снова въ свою будку, проворчалъ себѣ подъ носъ: «Эта сволочь все еще куражится. Погоди, дай срокъ! на площади-то вѣдь васъ тоже задержать!» Повозка подѣхала къ гостинницѣ, гдѣ стоявшій на крыльцѣ тамошній слуга даже и не пошевелился, чтобы помочь кучеру.

— Убирайтесь прочь отсюда, здѣсь для васъ нѣтъ мѣста! сказалъ онъ. Тогда изъ повозки послышался мужской голосъ.

— Я покорнѣйше прошу хозяйку гостинницы выйти сюда ко мнѣ на одну минуту. Черезъ нѣсколько времени на верху лѣстницы появилась сама хозяйка, медленно, не торопясь стала спускаться внизъ по ступенямъ и, подойдя къ санямъ, дерзко подбоченилась, приготовившись заранѣе отказать пріѣхавшимъ иностранцамъ. Кучеръ откинулъ холщевый фартукъ повозки и глазамъ трактирной хозяйки представился лежащій на мѣшкахъ, въ какихъ обыкновенно таскаютъ кормъ для скота, и заутанный въ теплыя одѣяла человекъ въ мундирѣ французской арміи, съ значительно потертымъ золотымъ шитьемъ, которое заставляло предполагать, что больной былъ офицеръ, имѣющій большой чинъ.

— Вашъ старый знакомый проситъ васъ не отказать ему въ убѣжищѣ, почтенная фрау; нѣсколько лѣтъ тому назадъ я жилъ у васъ нѣкоторое время. Хозяйка пристально посмотрѣла ему въ лицо и потомъ сказала:

— Господи! да вѣдь это иностранный капитанъ, который захватилъ нашихъ кавалеристовъ. Ахъ, какъ вы перемѣнились! Что съ вами?

— Пожалуйста не отсылайте меня въ другое мѣсто, потому что я боленъ и чувствую себя очень дурно.

— Но вѣдь я не смѣю принять васъ къ себѣ, отвѣчала уже нѣсколько смягчившаяся хозяйка,—потому что всѣхъ больныхъ мы обязаны отсылать въ госпиталь.

-- Мнѣ теперь необходимъ покой, хотя только на нѣсколь-

ко дней, чтобы я могъ немного отдохнуть; я буду вамъ очень благодаренъ за это.

— Но я должна тотчасъ же заявить о васъ въ магистратъ и также дать знать господину доктору.

— Это будетъ мнѣ очень кстати, потому что докторская помощь для меня въ настоящее время необходима, отвѣтилъ французъ. Провожатый его, вмѣстѣ съ трактирнымъ слугою высадилъ его изъ повозки и они оба повели его подъ руки на лѣстницу. Уже однажды рѣшившись принять его къ себѣ, хозяйка гостинницы огнеслась къ нему теперь болѣе дружелюбно и даже не безъ предупредительности спросила его, что ему нужно.

— Болѣе ничего, кромѣ теплой комнаты, и еще дайте мнѣ выпить чегонибудь горячаго, отвѣчалъ больной.

«Странно, что всѣ они заявляютъ одно и то же требованіе, сказала хозяйка про себя, уходя.— Онъ ужасно перемѣнился, но все еще до сихъ поръ такой красивый мужчина. А какимъ красавцемъ показался онъ мнѣ въ ту пору, когда отстрѣливался отъ нападавшихъ». Между тѣмъ иностранецъ въ изнеможеніи склонилъ голову на подушку. Часъ спустя, его провожатый осторожно заглянулъ къ нему въ дверь. Докторъ получилъ извѣщеніе, что его помощь нужна приѣзжему французскому полковнику и подойдя къ постели больного, который метался въ безпокойномъ забытѣ, невольно отступилъ назадъ, и лицо его стало вдругъ почти такъ же блѣдно, какъ и лицо его будущего пациента. Передъ нимъ лежалъ его заклятый врагъ, который въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ лишалъ его самого и любимую имъ дѣвушку душевнаго спокойствія и счастья; но этотъ врагъ находился теперь въ безпомощномъ состояніи, съ начинающейся тяжкою болѣзью, замѣтною только для опытнаго глаза медика, которому предстояло заняться его леченіемъ. Пока докторъ стоялъ такимъ образомъ неподвижно, французъ приподнялся немного на своей постелѣ и съ широко раскрытыми, блуждающими глазами, тихо произнесъ по-нѣмецки:

— Плохо дѣло, дѣдъ; я совсѣмъ боленъ! Потомъ, придя въ себя, онъ продолжалъ по-французски. — Это вы, господинъ докторъ? Я полагаю, что ни тотъ, ни другой изъ насъ, не желали подобной встрѣчи. Но, какъ вы видите, я сдержалъ свое слово и воротился назадъ, чтобы вы занялись и моимъ дальнѣйшимъ леченіемъ. Пожалуйста вылечите меня поскорѣе, потому что я нуженъ моему императору. Усѣвшись на кровать больного,

докторъ принялся распрашивать его самого и провожавшаго его старика, который продолжалъ стоять у дверей, потомъ прописалъ то, что находилъ въ настоящее время нужнымъ, и сказалъ сдержаннымъ тономъ:

— Я употреблю всѣ мои старанія, чтобы добиться для васъ разрѣшенія остаться здѣсь въ гостинницѣ, такъ какъ нашъ госпиталь, къ сожалѣнiю, въ такой степени переполненъ больными, что тамъ очень трудно поправиться скоро. Я сейчасъ же справлюсь на счетъ этого и принесу вамъ отвѣтъ.

— Нѣтъ, ради Бога только не въ госпиталь! почти вскрикнулъ больной.—Я даже не желалъ бы оставаться и въ здѣшней гостинницѣ; здѣсь поблизости у меня есть знакомое семейство, въ которомъ я могу пробыть до моего выздоровленія и рассчитывать на лучшій за мною уходъ во время болѣзни.

— Когда докторъ воротился съ отвѣтомъ, то увидалъ, что характеръ болѣзни уже совсѣмъ опредѣлился. Французъ метался въ горячешномъ бреду. Между тѣмъ докторъ прислушивался къ его безсвязнымъ рѣчамъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и съ ужасомъ убѣдился, что къ его представленіямъ о разныхъ сраженіяхъ и переправѣ вплавъ верхомъ на лошади черезъ холодныя воды какой-то рѣки, присоединялась постоянная мысль объ отыскиваемомъ и все-таки ненаходимомъ имъ домѣ священника. Онъ невольно взглянулъ на руку больного и увидалъ на одномъ пальцѣ его перстень съ незабудкою. Отойдя отъ постели, онъ отвелъ въ сторону провожавшаго французъ старика и сказалъ:

— Я постараюсь устроить все такъ, чтобы вы остались также здѣсь и чтобы могли ухаживать за вашимъ господиномъ во время его болѣзни. Старикъ-французъ поблагодарилъ его со слезами на глазахъ.—Я позабочусь также о томъ, чтобы и васъ хорошо кормили, иначе вы будете не въ состоянiи ходить за больнымъ; я пришлю вамъ еще помощника, если болѣзнь усилится, только съ однимъ условіемъ: общайте мнѣ, что вы будете настойчиво противиться тому, если больной, въ минуты возвращающагося сознанія, будетъ выражать желаніе повидаться съ знакомыми, какіе находятся у него въ здѣшнемъ краѣ, и что вы, не смотря на его требованія, не будете никого извѣщать о его теперешнемъ положеніи безъ моего вѣдома. Болѣзнь принимаетъ заразительный характеръ и я не рѣшусь взять на свою совѣсть отвѣтственности подвергать опасности другихъ.

Старикъ далъ слово исполнить все въ точности.

Воротившись къ себѣ домой, докторъ бросился въ кресло

и закрылъ лицо руками. При его трудныхъ обязанностяхъ врача ему пришлось вынести не только одно тяжкое испытаніе болѣзни любимой имъ дѣвушки, но предстояло еще другое, еще болѣе тяжкое, вылечить отъ опасной болѣзни человѣка, ставшаго помѣхою его личному и ея счастью. «Болѣзнь эта можетъ имѣть смертельный исходъ. Ужъ не отказаться-ли отъ леченія этого пациента и не предоставить ли его заботамъ опредѣленнаго для пользованія иностранцевъ хирурга; вѣдь за такой поступокъ никто не имѣлъ права осудить его? Если же этотъ французъ, подобно тысячамъ прочихъ своихъ соотечественниковъ, сдѣлается жертвою болѣзни, то вѣдь тогда любимая дѣвушка будетъ свободна!» Всѣ эти мысли вихремъ кружились у него въ головѣ; но впрочемъ не надолго. Онъ всталъ, подошелъ къ окну и, смотря на сѣрыя, снѣговья облака, сказалъ:—Вотъ когда пришло мое время выступить на бой и доказать мое мужество; въ этой борьбѣ подвергается опасности не жизнь моя, а душа. Потому онъ постоялъ нѣсколько времени, приложивъ свой разгоряченный лобъ къ холодному стеклу, и твердо походкою прошелся по комнатѣ.—Она должна узнать объ этомъ, сказалъ онъ громко, и снова имъ овладѣлъ страхъ, и снова ощутилъ онъ въ своемъ сердцѣ чувство, похожее на ревность, сколько онъ ни старался побороть его въ себѣ.—Какъ знать, не сочтеть ли она своею обязанностию поспѣшить сюда для ухода за больнымъ? И могу ли я помѣшать ей въ этомъ?.. Нѣтъ! произнесъ онъ снова громко.—Она имѣетъ право требовать отъ меня наибѣйшаго къ ней довѣрія теперь, когда наступила для насъ обоихъ пора испытанія!» И онъ тотчасъ же написалъ къ ней, написалъ обо всемъ, о своей внутренней борьбѣ, о томъ, что онъ даетъ ей честное слово сдѣлать для больнаго все, что можетъ, и умолялъ ее не подвергать себя и родителей своихъ опасности заразительной болѣзни. Онъ успокоился немного только тогда, какъ получилъ отъ нея слѣдующій, короткій отвѣтъ:

«Я поступлю такъ, какъ вы находите нужнымъ, другъ мой!»

Болѣзнь все усиливалась; бывали такіе дни, когда самъ докторъ терялъ надежду на возможность выздоровленія. Приходя навѣщать больнаго, онъ по цѣлому получасу сидѣлъ около его кровати, прислушиваясь къ каждому дыханію человѣка, жизнь котораго дѣлала его самого такимъ несчастнымъ и спасти которую онъ старался изо всѣхъ силъ. Наконецъ насталъ день, когда старый гусаръ со слезами благодарности схватилъ его руку и былъ очень удивленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что этотъ добрый докторъ отдернулъ ее у него порывистымъ движеніемъ.

А нѣсколько дней спустя послѣдній могъ сказать своему пациенту:

— Самая серьезная опасность теперь уже устранена и нужно только позаботиться о восстановленіи силъ.

— Вы поступили относительно меня какъ благородный человекъ, милостивый государь, сказалъ французъ.—Я знаю, что вамъ стоило большихъ усилій надъ собою, чтобы такъ заботливо лечить меня. Я часто подмѣчалъ выраженіе устремленныхъ на меня вашихъ глазъ; вы патріотъ и ненавидите во мнѣ врага вашего отечества.

— Я обязанъ былъ исполнить мой долгъ медика безразлично, въ кому бы я ни былъ призванъ на помощь, отвѣчалъ докторъ;— и я полагаю, что вы даже и по вашему выздоровленіи не откажетесь засвидѣтельствовать это.

— Я уже слишкомъ долго пользовался вашими попеченіями и заботами доброй хозяйки этой гостинницы; мой вѣрный слуга сказалъ мнѣ, что я пролежалъ здѣсь нѣсколько недѣль. Если мое теперешнее положеніе не представляетъ болѣе никакой опасности для окружающихъ меня, то я желалъ бы, чтобы о моемъ пребываніи здѣсь дано было знать одному, живущему во близости, семейству...

— Такая предосторожность относительно здоровья другихъ весьма похвальна съ вашей стороны и потому я попросилъ бы васъ подождать еще нѣсколько дней, отвѣчалъ докторъ.

— Я уже научился терпѣнію за это время, сказалъ больной, снова въ утомленіи опускаясь на подушки.

Но въ слѣдующее посѣщеніе доктора, который едва только успѣлъ войти въ комнату, французъ началъ опять такимъ образомъ:

— Я долженъ вамъ сказать, что у меня въ здѣшнемъ краѣ есть невѣста.

— Вы даже и въ бреду часто говорили объ этомъ.

— Очень можетъ быть, отвѣчалъ французъ.—Все это случилось весьма страннымъ образомъ. Мнѣ удалось совсѣмъ неожиданно для меня самого избавить одного почтеннаго старика и его дочь отъ насилія мародеровъ, которые оказались вашими соотечественниками, нѣмцами, а не французами. Я нѣкоторое время находился одинъ противъ этой шайки пьяныхъ людей и чтобы воспользоваться моимъ положеніемъ въ пользу пострадавшихъ, я сказалъ этимъ негодьямъ, что молодая дѣвушка моя невѣста; не желая взять на свою совѣсть ложнаго показанія, я тотчасъ же обручился съ молодою дѣвушкою.

— Съ согласія самой дѣвицы и ея отца? спросилъ докторъ довольно грубымъ тономъ.

— Говоря по правдѣ, красавица Генріетта находилась почти въ безсознательномъ состояніи, когда я обмѣнялся съ нею кольцами; а отецъ ничего не имѣлъ противъ этого. Вы молчите, докторъ; вы, по всей вѣроятности, считаете это дерзкою шуткою со стороны молодого французскаго офицера, какимъ я былъ въ то время? Да, я понимаю, что разсудительный нѣмецъ порицаетъ, конечно такое быстрое рѣшеніе. Но такъ какъ вы, въ качествѣ врача, конечно привыкли анализировать также всякія психическія явленія, то я, въ оправданіе свое, откровенно сознаюсь вамъ, что во первыхъ, само собою разумѣется, я поступилъ такъ потому, что дѣвушка была очень хороша собой и, что при видѣ ея полнѣйшей безпомощности, когда она лежала со связанными руками на полу, я былъ такъ пораженъ прелестью всей ея фигуры, что хотя съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько лѣтъ, но я, повѣрите ли, не могу забыть ни ее, ни тогдашняго момента, такъ что все это безпрестанно у меня передъ глазами. Да чтожь вы молчите, докторъ? Послушайте, что я еще скажу вамъ. Когда я бросился въ домъ и, осмотрѣвшись вокругъ, увидѣлъ одного изъ этихъ негодяевъ, собиравшагося оскорбить дѣвушку своею грубою ласкою, то я, оттолкнувъ его прочь, взялъ ее за руку, и мнѣ вдругъ представилось, что будто я все это пережилъ, все перечувствовалъ прежде, заранѣе, и что я непременно долженъ обручиться съ нею, чтобы предохранить ее отъ дальнѣйшихъ и, можетъ быть, еще худшихъ неприяностей въ жизни. Такъ что все это казалось мнѣ какъ-бы должнымъ, необходимымъ. Впрочемъ, это приключеніе послужило къ моему счастью, если такому, едва приподымающемуся съ своего смертнаго одра человѣку какъ я, позволено говорить о счастьи. Братъ императора, распорядившійся тогда въ нашемъ главномъ городѣ, узнавъ объ этомъ, нашелъ эту исторію очень забавною и, желая способствовать моему повышенію по службѣ, отправилъ меня съ письмами и прочими бумагами къ императору; который, узнавъ объ этомъ происшествіи отъ своихъ приближенныхъ или можетъ быть и отъ самого принца, не только не выразилъ, по поводу этого, никакого неудовольствія, вѣроятно вслѣдствіе того, что не французъ, а нѣмецъ прибѣгли къ насилію, а напротивъ, при всякомъ удобномъ случаѣ выказывалъ мнѣ свое благоволеніе. Онъ оставилъ меня при себѣ, потомъ послалъ меня въ Италію, а тамъ въ Испанію; затѣмъ послѣдовало мое быстрое повышеніе по службѣ. Императоръ такой человѣкъ, который ни-

чего не забываетъ. Когда передъ походомъ въ Россію, онъ дѣлалъ смотръ войскамъ и я съ моимъ полкомъ проходилъ мимо него, то онъ подовзвалъ меня къ себѣ и милостиво, совсѣмъ по дружески, спросилъ меня: «Полковникъ, какъ поживаетъ ваша жена—нѣмка?»—Я отвѣчалъ ему: «Моя невѣста живетъ еще до сихъ поръ въ своемъ отечествѣ у своихъ родителей, ваше величество».—Тогда онъ сказалъ: «Да, теперь я понимаю; женихъ все время находился въ отлучкѣ. Я надѣюсь, что, по окончаніи нашей, довольно дальней прогулки, вы представите императрицѣ генеральшу Дессаль».

Докторъ съ трудомъ удерживалъ свое внутреннее негодованіе.

— Неужели вы никогда не думали о томъ, что ваша, внезапно явившаяся фантазія могла разрушить счастье цѣлой жизни молодой, совершенно незнакомой вамъ дѣвушки? спросилъ онъ съ горечью.

Приэтомъ французъ быстро приподнялся на своей постели и, пристально смотря въ глаза доктору, сказалъ:

— Милостивый государь, эта дѣвушка скоро будетъ называться полковницею Дессаль.

— А если она не считаетъ этого для себя большою честью?

Больной опять откинулся на подушки и улыбнулся.

— Отецъ ея, дѣйствительно, намекалъ на что-то подобное въ своемъ письмѣ ко мнѣ, во время пребыванія моего за послѣдніе года въ Испаніи, причемъ онъ увѣдомлялъ, что возвращаетъ также мое кольцо, которое я, впрочемъ, не нашелъ при письмѣ. Я счелъ себя обязаннымъ отвѣтить ему, что нахожу такой разрывъ столь дорогихъ для моего сердца отношеній слишкомъ жестокимъ; что я ни за что не откажусь отъ кольца, полученнаго мною отъ моей невѣсты, и что я никому не уступлю моихъ правъ жениха до тѣхъ поръ, пока я получу возможность лично поддержать ихъ. Я предполагалъ, что она представится мнѣ въ скоромъ времени; а вмѣсто того, эта проклятая болѣзнь удержала меня здѣсь и я долженъ буду явиться къ невѣстѣ такимъ слабымъ и даже еще не совсѣмъ выздоравливающимъ.

Докторъ всталъ. Онъ придумывалъ какое нибудь особенно вѣское возраженіе противъ такого эгоистическаго чувства французскаго офицера; но потомъ вспомнилъ, что передъ нимъ лежитъ больной, котораго онъ же самъ лечилъ, и потому ограничился лишь слѣдующими словами:

— Черезъ нѣсколько дней можно будетъ увѣдомить знаво-

мое вамъ семейство, и тогда вамъ уже больше не нужна будетъ моя помощь.

Когда онъ ушолъ, то французъ сказалъ своему спутнику:

— Этотъ человѣкъ — мой врагъ, и мы находимся здѣсь въ рукахъ неособенно надежныхъ людей.

— Ахъ, господинъ полковникъ, если-бы вы знали, какъ онъ заботился о васъ. Онъ часто приходилъ даже ночью и сидѣлъ, сложивъ руки, въ раздумьѣ около вашей постели; вѣдь если-бы не онъ, вамъ бы ни за что не выздоровѣть!..

— Всѣ они на одинъ ладъ! нетерпѣливо вскричалъ больной. — Я хочу какъ можно скорѣе уѣхать отсюда; здѣсь всѣ до одного человѣка ненавидятъ васъ. Въ домѣ священника на насъ будутъ смотрѣть другими глазами.

Докторъ тотчасъ же написалъ пастору, сообщилъ ему о болѣзни и о желаніи полковника и просилъ дать рѣшительный отвѣтъ, но не скрылъ отъ пастора, что при необходимыхъ предосторожностяхъ, болѣзнь хотя и не представляетъ теперь опасности зараженія ея другихъ, но что пребываніе полковника въ семействѣ пастора можетъ имѣть для послѣдняго вредныя послѣдствія въ другомъ отношеніи.

Письмо это, доставленное Варю вмѣстѣ съ другимъ, отдѣльнымъ, адресованнымъ Генріеттѣ, произвело въ священническомъ домѣ страшное смятеніе. Отецъ считалъ, что обязанъ принять больнаго француза въ свой домъ, но что пребываніе хвораго офицера непріятельской арміи въ его домѣ было бы, въ настоящее время, вещь весьма щекотливою. Мать, уже почти отказавшаяся отъ своихъ прежнихъ надеждъ, боялась заразной болѣзни и хлопотъ, сопряженныхъ съ нахожденіемъ въ домѣ больнаго человѣка. А дочь разрѣшила ихъ недоумѣніе слѣдующимъ образомъ:

— Если онъ непремѣнно хочетъ, чтобы его перевезли къ намъ, то если-бы онъ даже былъ боленъ чумою, мы не должны противиться его желанію; если онъ, ради насъ, рискуетъ своею жизнью, то теперь пришла наша очередь рискнуть для него нашею. По моему, слѣдуетъ положительно благодарить Бога, что Онъ такимъ образомъ облегчаетъ намъ тяжесть нашего долга относительно этого человѣка. Когда Варя осталась съ Генріеттою одна, то всплеснула руками и сказала:

— Какъ это тебѣ пришло въ голову принять къ себѣ въ домъ того человѣка, котораго всѣ считаютъ твоимъ женихомъ, тогда какъ ты любишь другаго? И что же онъ-то объ этомъ подумаетъ?

— Да, Варя, именно, ради этого другаго, и я должна поступить такъ, сказала Генриэтта.—Я отведу французу лучшую комнату въ домѣ, буду заботиться о немъ, какъ о родномъ братѣ, и онъ имѣетъ на это полное право.

— Нѣтъ, по моему, не слѣдуетъ этого дѣлать; тутъ не выйдетъ ничего хорошаго, сказала Варя, покачавъ головою, и въ первый разъ въ жизни ушла домой недовольно своею пріятельницею.

Пасторъ пріѣхалъ въ городъ за больнымъ въ своемъ собственномъ экипажѣ, но прежде всего отправился къ доктору.

— Мы не можемъ не исполнить желанія полковника, послѣ всего случившагося, и моя дочь раздѣляетъ мое мнѣніе на этотъ счетъ. Не нужно ли было бы вамъ проводить до насъ больного? спросилъ пасторъ нерѣшительно. — Мы, впрочемъ, не имѣемъ права требовать отъ васъ такой большой жертвы.

— Что же, мадемуазель Генриэтта непременно хочетъ этого?

— Нѣтъ, эта мысль пришла мнѣ въ голову дорогою, отвѣчалъ священникъ.—Я полагалъ, что было бы лучше, если-бы вы сдѣлали всѣ ваши распоряженія относительно ухода за больнымъ уже на мѣстѣ.

— Для этого нѣтъ никакой необходимости, чтобы я поѣхалъ провожать больного, сказалъ докторъ.—Однакожь прошу васъ передать фрейлейнъ Генриэттѣ, что если она желаетъ моего присутствія при этомъ, то я готовъ явиться, когда и въ какой часъ ей будетъ угодно. Въ первые дни больному нужно полнѣйшее спокойствіе, причемъ нужно главнымъ образомъ стараться избѣгать всякихъ, возбуждающихъ нервы или волнующихъ его, разговоровъ.

Генриэтта цѣлый день хлопотала въ домѣ о приготовленіи комнаты для полковника и маленькой комнатки рядомъ для старика-француза, сама переносила туда самую покойную мебель, также какъ всѣ прочія вещи, которыя могли послужить къ большому удобству помѣщенія дорогаго гостя. Мать не могла достаточно надивиться, смотря на нее, и задавая себѣ мысленно вопросъ: «ужъ не думаетъ ли она все еще о томъ, что онъ и теперь не откажется отъ своего намѣренія жениться?» спросила дочь:

— Не поставишь ли ты туда на столъ также этотъ пиджикъ въ цвѣту?

На это Генриэтта отвѣчала:

— Нѣтъ, его нельзя ставить въ комнату больного; онъ слишкомъ сильно пахнетъ.

Съ наступленіемъ вечера, она зажгла во всѣхъ жилыхъ комнатахъ свѣчи, повѣсила въ сѣняхъ большой фонарь, такъ что освѣщенные окна дома далеко видѣлись въ темнотѣ ночи. Потомъ она молча сѣла въ кресло, сложила руки на колѣняхъ и стала ждать.

Экипажъ въѣхалъ на дворъ, а любопытная пасторша поспѣшила выйти на крыльцо, чтобы тамъ привѣтствовать прибывшаго гостя. Генріетта же продолжала по прежнему сидѣть, точно окаменѣлая, въ томъ самомъ креслѣ, на которое въ тотъ достопамятный вечеръ посадилъ ее французскій офицеръ послѣ того, какъ она лежала въ обморокѣ на полу; на этомъ самомъ мѣстѣ онъ потомъ надѣлъ ей на палецъ обручальное кольцо. Въ эту минуту вошелъ французъ, поддерживаемый старымъ гусаромъ; медленно приподнялась она и низко, почти-тельно, поклонилась ему, какъ будто какой знатной особѣ. Французъ, въ свою очередь, остановился, точно остоленѣлый, окинувъ глазами всю комнату, въ которой все было по прежнему, и затѣмъ устремилъ ихъ на серьезное, задумчивое лицо дѣвушки.

— Будьте снисходительны къ больному, началъ онъ сдержаннымъ тономъ, — позволившему себѣ, послѣ долгаго пребыванія между враждебными ему личностями, обратиться къ своимъ старымъ знакомымъ, у которыхъ онъ надѣется встрѣтить болѣе сочувствія къ его положенію.

— Мой отецъ и я очень благодарны вамъ, господинъ полковникъ, что вы доставили намъ случай чѣмъ нибудь служить вамъ; если пребываніе въ нашемъ домѣ можетъ принести хоть какую нибудь пользу вашему скорѣйшему выздоровленію, то мы очень рады имѣть васъ своимъ гостемъ.

Онъ молча поклонился, перекинулся нѣсколькими словами съ пасторомъ и его женою и затѣмъ попросилъ позволенія удалиться въ отведенную ему комнату, куда проводила его чета хозяевъ. Минута приѣма и встрѣчи уже миновала и Генріетта была довольна, что онъ облегчилъ ей трудность этой минуты, такъ что теперь она мысленно молила Бога послать ей твердость и силу для перенесенія ожидающаго ее испытанія еще втеченіи нѣсколькихъ недѣль.

Когда полковникъ, съ помощью старика, улегся на своей постели, то, не смотря на усталость послѣ дороги, онъ веселымъ тономъ спросилъ его:

— Ну, дѣдъ, скажи-ка мнѣ теперь, какъ понравилась тебѣ невѣста и домъ, гдѣ мы скоро будемъ нировать мою свадьбу?

— Мадемуазель очень хороша собою и должно быть съ

очень твердымъ характеромъ; сейчасъ видно, что она главная хозяйка въ домѣ. Что же касается ея расположенія въ господину полковнику, то я не совсѣмъ въ немъ увѣренъ.

— По крайней мѣрѣ, изъ разговоровъ во время дороги съ ея отцомъ я узналъ, что пока за нее никто не сватался. Но, конечно, эти добрые люди въ сущности тяготятся нашимъ присутствіемъ, и весьма легко можетъ быть, что они въ скоромъ времени будутъ смотрѣть на насъ, какъ на враговъ ихъ отечества. Впрочемъ, нужды нѣтъ! Послѣ тѣхъ ужасныхъ ночей, проведенныхъ въ дорожныхъ русскихъ саняхъ, и послѣ отвратительнаго помѣщенія въ гостинницѣ, эта постель кажется мнѣ такъ хороша и пріятна, какъ будто я нахожусь въ родительскомъ домѣ. Потомъ онъ протянулъ старому слугѣ руку и прибавилъ:—Пойди, отдохни и ты, старикъ; покой не менѣе необходимъ и для тебя. И такъ, покойной ночи! Будемъ надеяться, что покровительствовавшая намъ до сихъ поръ фортуна не измѣнитъ намъ и на будущее время.

На другое утро гость поздно вышелъ изъ своей комнаты. Генріетта увидала его въ комнатѣ отца; онъ поклонился ей и заговорилъ съ нею вѣжливымъ тономъ человѣка, который считаетъ своею обязанностью быть любезнымъ съ дочерью хозяина дома; потомъ онъ снова обратился къ пастору, спокойно и сдержанно сталъ рассказывать о трудностяхъ послѣдняго похода, и оживился только тогда, какъ рѣчь зашла о его слугѣ,

— Если-бы не этотъ вѣрный, преданный мнѣ старикъ, то я навѣрное замерзъ бы въ снѣгу. Онъ нашелъ меня, когда я, выбившись изъ силъ, упалъ и лежалъ въ какомъ-то забытѣ; онъ поднялъ меня, добылъ какія-то, запраженные паромъ влячъ сани, которыя онъ почти насильно отнялъ у какого то крестьянина, посадилъ меня въ нихъ и везъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней по какимъ-то пустынямъ.

— Онъ также изъ вашего полка? спросилъ пасторъ.

— Онъ былъ моимъ вахмистромъ въ былое время, котораго уже теперь не воротить, почтенный господинъ пасторъ. Но между мною и этимъ старикомъ существуетъ другаго рода связь. Онъ воспиталъ меня. И если это обстоятельство можетъ имѣть въ вашихъ глазахъ значеніе заслуги, то я покорнѣйше просилъ бы васъ не лишить также и его вашего вниманія.

Пасторъ выразилъ свою полнѣйшую готовность и спросилъ:

— Не пригласить ли старика обѣдать вмѣстѣ съ нами, за общимъ столомъ?

— Нѣтъ, онъ ни подъ какимъ видомъ не согласится на это,

сказалъ полковникъ.—Предоставьте его только самому себѣ; онъ уже самъ устроится, какъ ему будетъ удобнѣе, потому что онъ вездѣ умѣетъ очень скоро освоиться.

— Да, я уже и самъ успѣлъ это замѣтить, отвѣчалъ пасторъ.—Онъ встаети встрѣтилъ также здѣсь свою прежнюю знакомую, нашу старую служанку, съ которою онъ уже имѣлъ и прежде случай объясняться по-французски.

Полковникъ между тѣмъ всталъ и началъ разсматривать висѣвшія по стѣнамъ картины, а пасторъ остался очень доволенъ тѣмъ, что его гость обратилъ вниманіе на изображенія, вызывающія воспоминанія о докторѣ Лютерѣ.

— Я самъ также протестантъ, сказалъ полковникъ, поворачивая голову къ пастору.—Я также сынъ пастора. Мой отецъ былъ строгій, угрюмый человѣкъ, а я рѣзвый, шаловливый мальчикъ, съ которымъ онъ обходился даже черезъ-чуръ сурово. Мнѣ было такъ тяжело жить въ родительскомъ домѣ, что однажды, когда мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ, и отецъ за какой-то пустой, незначашій проступокъ жестоко наказалъ меня, а не вытерпѣвъ и убѣжалъ изъ родительскаго дома, увлеченный моими ребяческими мыслями о томъ, чтобы самому пробить себѣ дальнѣйшій жизненный путь. Я рѣшился сдѣлаться солдатомъ. Я присоединился къ отряду одного изъ отправлявшихся на войну полковъ и мнѣ пришлось испытать всякаго рода нужду, что уже разумѣется само собою. При одномъ отступленіи, когда я ѣхалъ на телѣгѣ обоза, изнуренный и голодный, меня ударилъ по головѣ какой-то пьяный солдатъ, отчего я свалился на землю, гдѣ меня и бросили посреди поля. Въ этомъ положеніи я былъ найденъ однимъ унтеръ-офицеромъ, служившимъ въ легкой кавалеріи. Кавалеристъ этотъ взялъ меня съ собою, привязался ко мнѣ какъ къ своему родному сыну, на котораго тратилъ все свое жалованье, и просилъ свое начальство хлопотать за меня. Я былъ принятъ въ военную школу и поступилъ въ полкъ, въ которомъ служилъ мой воспитатель. Съ тѣхъ поръ старикъ берегъ меня и заботился обо мнѣ болѣе чѣмъ о самомъ себѣ. И вотъ его пріемышъ сдѣлался теперь полковникомъ, а онъ самъ такъ и остался вахмистромъ. Мы оба рѣшили не разставаться другъ съ другомъ до конца нашихъ дней.

Слушая его разсказъ, Генріэтта невольно взглянула на его руку, на второй все еще было надѣто полученное отъ нея кольцо, и въ ту же минуту встала и вышла изъ комнаты.

Оба, поселившіеся въ домѣ пастора иностранцы вели себя

слѣдующимъ образомъ. Полковникъ почти цѣлый день проводилъ въ своей комнатѣ и выходилъ къ хозяевамъ только къ обѣду, послѣ котораго съ часъ времени оставался въ ихъ обществѣ, но умѣлъ весьма ловко воспользоваться этимъ короткимъ срокомъ, чтобы заслужить расположеніе родителей дѣвушки. Такъ какъ онъ заявилъ, что принадлежитъ къ протестантскому вѣроисповѣданію, то пасторъ рѣшался иногда сдѣлать маленькую экскурсію въ область жизни и сочиненій доктора Лютера, и гость всегда съ самою любезною готовностью принималъ въ ней участіе и очевидно не изъ одного только желанія быть приятнымъ хозяину. Ему самому нравились такого рода разговоры, такъ какъ они напоминали ему давно прошедшее, хорошее время его ранней молодости и представляли для него въ настоящемъ какъ-бы интересъ нѣкоторой новизны. Сердцемъ пасторши онъ сумѣлъ овладѣть вполне. Онъ всегда самымъ почтительнѣйшимъ образомъ благодарилъ ее за всякое получаемое отъ нея вниманіе; онъ никакъ не хотѣлъ допустить, чтобы она сама что нибудь принесла ему и, не смотря на свою продолжающуюся послѣ болѣзни слабость, всегда вставалъ, чтобы предупредить ее и не заставить пройти для него еще нѣсколько лишнихъ шаговъ.

Глядя на все это, Генріетта задавала себѣ слѣдующій вопросъ:

«Что это? простая любезность ловкаго свѣтскаго человѣка или доброта сердца?» И разрѣшеніе этого вопроса послѣдовало лишь тогда, когда однажды пасторша положительно воспротивилась тому, чтобы онъ принесъ ей стаканъ воды; причемъ онъ сказалъ:

— Позвольте мнѣ сдѣлать это. Я, по своей собственной винѣ, слишкомъ рано лишилъ себя счастья исполнять относительно моей матери обязанности сына; доставьте же мнѣ возможность утѣшать себя мыслью, что я по крайней мѣрѣ здѣсь могу вознаградить потерянное.

Но даже и Генріетта не могла долго относиться къ нему съ той холодной, формальной вѣжливостью, какъ въ первые дни. Когда онъ съ полнѣйшею непринужденностью принимался говорить о пережитыхъ имъ ужасахъ и опасностяхъ, или когда мастерски рассказывалъ какіе нибудь маленькіе забавные анекдоты, причемъ смѣялся такимъ искреннимъ, почти дѣтскимъ смѣхомъ, то она должна была сознаться, что онъ очень приятный собесѣдникъ. Къ ней самой онъ всегда относился съ одинаковою вѣжливостью, безъ всякой бросающейся въ глаза пре-

дупредительности, которая могла бы смутить ее. Но въ этомъ свободномъ, самоувѣренномъ обращеніи его было что-то такое, что пугало ее; очевидно, что онъ считалъ ее принадлежащею ему исключительно, и ей казалось, что она похожа на пойманную птичку, которую изъ тѣсной клѣтки выпустили въ просторную комнату, но что въ сущности она все по прежнему остается заключенною въ каменныхъ стѣнахъ.

Но даже и въ его поведеніи относительно ея произошла нѣкоторая перемѣна. Генріэтта замѣтила, что она ему нравится, но только не угадала, въ какой степени. Когда она проходила мимо, онъ слѣдилъ за нею восхищеннымъ взглядомъ; когда она начинала говорить, онъ сидѣлъ молча, благоговѣйно прислушиваясь къ звукамъ ея голоса, на который какъ будто отзывалось его сердце; когда онъ, по просьбѣ пастора или его жены, принимался рассказывать что нибудь, то, постепенно оживляясь, невольно обращался къ ней, точно кромѣ ея у него не было никакихъ другихъ слушателей.

Послѣ отвратительной, продолжавшейся цѣлую недѣлю погоды съ дождемъ и снѣгомъ, проглянуло солнце и отогрѣло своими теплыми лучами замерзшую землю. Тогда больной въ первый разъ вышелъ на воздухъ, въ садъ, откуда однако-жъ скоро воротился и, подавая Генріэттѣ подснѣжникъ, сказалъ:

— Позвольте поднести вамъ цвѣтокъ, сорванный въ вашихъ же собственныхъ владѣніяхъ. Мнѣ въ особенности нравится его названіе, которое вполне согласно съ его появленіемъ весною, послѣ зимнихъ морозовъ. Позвольте мнѣ надѣяться также на то, что послѣ холоднаго, сдѣланнаго вами мнѣ приѣма, въ вашемъ сердцѣ найдется для меня современемъ болѣе теплое чувство.

Вмѣсто отвѣта, Генріэтта молча поклонилась ему и тотчасъ же удалилась въ свою комнату, гдѣ въ волненіи стала ходить взадъ и впередъ, раздумывая о томъ, «не слишкомъ-ли много она взяла на себя»? Оставлять это дѣло далѣе въ такомъ положеніи—невозможно. Затруднительность выхода изъ него еще болѣе увеличилась; отъ родителей нельзя было ожидать никакой помощи, слѣдовательно, она должна будетъ сама отнять у француза всякую надежду. Но ей страшно было приступить къ этому объясненію.

Между тѣмъ какъ въ домѣ священника происходила эта внутренняя душевная борьба, во всемъ государствѣ, въ городахъ и селахъ, воспрянулъ вмѣстѣ съ обновленіемъ природы

духъ народа. Самъ король пріѣхалъ въ провинцію и возбуждалъ націю къ борьбѣ съ врагомъ.

Пасторъ, искренно привязавшійся къ своему гостю, никогда не говорилъ съ нимъ изъ чувства деликатности о великихъ, міровыхъ, совершавшихся гдѣ-то вдали событіяхъ; никто изъ знакомыхъ не пріѣзжалъ этимъ временемъ навѣстить его семью, которая жила такъ уединенно, какъ будто священнической домъ и принадлежащій къ нему приходъ находились въ какой нибудь пустынѣ. Это обстоятельство, наконецъ, возбудило у пастора нѣкоторое подозрѣніе и онъ однажды сказалъ своей дочери:

— Странно, что никто рѣшительно не заглянетъ къ намъ; даже никто изъ сосѣднихъ пасторовъ.

— Потому что французъ живетъ у насъ, печально отвѣтила на это Генріетта. — Оттого никто изъ сосѣдей и не хочетъ бывать у насъ въ домѣ.

— Вѣдь теперь болѣзнь его ни для кого не можетъ быть заразительною, замѣтилъ въ свою очередь пасторъ. — А если-бы всѣ эти господа познакомились съ полковникомъ, то я увѣренъ, что онъ непременно понравился бы имъ и они навѣрное составили бы себѣ о немъ самое выгодное мнѣніе.

Какъ только въ домѣ пастора получались газеты, полковникъ просилъ позволенія просмотрѣть ихъ, и вскорѣ потомъ возвращалъ, потому что въ нихъ въ то время не писалось всего; но тѣмъ не менѣе онъ узналъ изъ нихъ, что ему грозитъ опасность быть захваченнымъ въ качествѣ военно-пленнаго. Тоже самое говорилъ ему его спутникъ.

— Когда въ воскресенье заблагоуѣстили къ обѣднѣ и я вышелъ въ садъ, чтобы посмотрѣть на собравшихся крестьянъ, говорилъ онъ, — то они всею толпою бросились къ загороднѣ сада, нѣкоторые даже влѣзли на нее, съ злобнымъ видомъ смотрѣли на меня, кричали и даже грозились на меня кулаками, Въ воздухѣ чувствуется приближеніе грозы, полковникъ; не пора-ли намъ отсюда убираться, по-добру, по-здорову?

— Подожди немного; я нашелъ здѣсь одну птичку, которую мнѣ нужно сдѣлать ручною для моего домашняго гнѣзда.

— А гдѣ же оно у васъ, это домашнее гнѣздо? Вашимъ домомъ должна быть палатка, раскинутая подъ голубымъ небеснымъ сводомъ. Поѣдемте; мы нужны императору.

— Ну, хорошо. хорошо, дѣдъ! Я впрочемъ и самъ объ этомъ думалъ. Однакожь не сердись на меня за то, что мнѣ хочется устроить для себя тихое счастье семейной жизни. Мнѣ никогда не было такъ хорошо, какъ теперь, и я готовъ

цѣлый день сидѣть возлѣ этой дѣвушки, разгонять ея задумчивость и носить за нею по саду лейки съ водою.

— Ну, смотрите, берегитесь, чтобы эта мадемуазель-садовница не брызнула вамъ въ лицо холодною водою. Она не любитъ насъ, французовъ!

— Неужели, дѣдъ? Ну, что же, я и буду остерегаться ея до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ изловлю ее.

Между тѣмъ Генріетта принесла отцу для провѣрки счетъ своихъ недѣльныхъ расходовъ по хозяйству.

— Да, съ того времени какъ полковникъ переѣхалъ къ намъ, тебѣ трудно хозяйничать, чтобы свести концы съ концами, сказалъ пасторъ въ раздумьѣ.—Если-бы еще не нужно было сверхъ всего прочаго подавать ему каждый день бутылку вина, также какъ и старику; я впрочемъ полагаю, что для послѣдняго это уже излишняя роскошь.

— Вѣдъ ты знаешь, какъ полковникъ любитъ своего стараго слугу, возразила на это дочь.

— Все это прекрасно; но гдѣ же взять для этого денегъ?

— Вино все уже вышло; сегодня я подамъ послѣднюю бутылку. Нужно будетъ послать работника въ городъ купить новый запасъ вина.

— А моя касса тоже совсѣмъ опустѣла, сказалъ съ добродушнымъ видомъ пасторъ, выдвигая ящикъ своего письменнаго стола, въ которомъ дѣйствительно не оказалось ни одной монеты.

— Въ моей копилкѣ давно уже ничего нѣтъ! отозвалась на это Генріетта.—Истрачены также три дуката, подаренные мнѣ моею вкестною матерью.

— Такъ что же намъ дѣлать? разсуждалъ пасторъ, вопросительно глядя на дочь.—Вонъ тамъ, въ шкафу, еще до сихъ поръ лежатъ непочатыми тѣ свертки денегъ; теперь, я полагаю, что мы можемъ съ совершенно спокойною совѣстью пользоваться нѣкоторою частью ихъ, такъ какъ вѣдъ онѣ будутъ употреблены для доставленія ему большихъ удобствъ.

— Нѣтъ, папа, упрашивала Генріетта.—Эта сумма не принадлежитъ ни намъ, ни ему, и потому мы не должны касаться ея.

— Ну, такъ придумай же, откуда достать денегъ, сказалъ отецъ уже нѣсколько нетерпѣливымъ тономъ. Генріетта при этомъ ласково потрепала его по плечу и сказала:

— Изъ столоваго серебра съ насъ довольно будетъ и подюжинны, потому что вѣдъ остальное лежитъ безъ всякаго употребленія;

въ случаѣ нужды, можно будетъ продать также и тяжелый на вѣсъ разливной ковшъ. Я сама поѣду въ городъ и куплю тамъ оловянной посуды.

— Боже милостивый! произнесъ пасторъ, всплеснувъ руками.— Мы, конечно, не должны прилагать своего сердца къ богатствамъ, которыя истребляются моллю и ржавчиною; но вѣдь это вещь, принесенная твоею матерью съ собою въ приданое и которая, находясь въ ежедневномъ употребленіи, старѣлась вмѣстѣ съ нами, такъ что мы уже какъ-бы сроднились съ нею. Неужели ты думаешь, что твоя мать равнодушно отнесется къ этому?

— Да она уже и теперь сидитъ въ своей комнатѣ и плачетъ, но говорить, что ничего не имѣетъ противъ этого; я постараюсь устроить все это половчѣе, чтобы полковникъ не могъ ничего замѣтить.

— Само собой разумѣется, отозвался отецъ.

Въ это время къ крыльцу подвѣтилъ экипажъ ландрата и когда онъ вошелъ въ комнату, Генріетта хотѣла удалиться.

— Оставайтесь пожалуйста, сказалъ ландратъ, удерживая ее за руку.— Я не собираюсь говорить о какомъ нибудь важномъ дѣлѣ съ вашимъ батюшкою, а пріѣхалъ собственно попросить кое о чемъ господина пастора. Въ слѣдующее воскресенье, съ каедръ всѣхъ приходскихъ цервей долженъ быть прочитанъ манифестъ короля, носящій заглавіе «Воззваніе къ моему народу»; къ этому должно быть также присоединено словесное увѣщаніе со стороны духовнаго пастыря прихожанамъ. А поэтому, я, какъ вашъ старшій знакомый, позволяю себѣ дать вамъ совѣтъ, господинъ пасторъ, въ этотъ день всеобщаго, сильнаго возбужденія умовъ и страстей, передать обязанность совершенія богослуженія, также какъ и объявленія манифеста, другому священнику.

— Вслѣдствіе каковой же причины? спросилъ смущенный пасторъ.

— Въ вашемъ домѣ гоститъ состоящій въ высшемъ военномъ чинѣ французъ, отвѣчалъ на это чиновникъ.— Я знаю, что наше правительство не смотритъ на него, какъ на своего плѣннаго, и я полагаю, что только умы будущаго родства заставили васъ дать ему право свободнаго прожительства въ вашемъ домѣ; поэтому я думаю, что вамъ, въ виду такихъ обстоятельствъ, будетъ непріятно и тяжело возбуждать съ каедръ живущее въ глубинѣ души нашего народа чувство ненависти

къ французамъ и воодушевлять его къ существенному доказательству этой ненависти на дѣлѣ.

— Господинъ ландратъ! сказалъ пасторъ дрожащимъ голосомъ.— Нашъ Божественный Искушитель заповѣдалъ намъ любить враговъ нашихъ. Я не могу заставить самого себя ненавидѣть ихъ, какъ не могу проповѣдывать съ кафедры чувство ненависти къ кому бы то ни было. Но я прусакъ и вѣрно-подданный моего короля; слѣдовательно, если для спасенія отечества въ настоящее время необходима война, то я исполню мою обязанность, соответствующую моему сану, не хуже всякаго другаго священника.

Но ландратъ напелъ возраженіе даже и противъ этого.

— Положимъ, что вы сами выскажете въ самыхъ горячихъ словахъ то, чего отъ васъ желаетъ правительство; но я опасюсь, что дѣйствіе сказанныхъ вами словъ получится совсѣмъ обратное въ вашемъ приходѣ. Весьма легко можетъ быть, что въ эти дни сильнаго возбужденія страстей, кто нибудь изъ разгоряченныхъ головъ, имѣющихъ вліяніе на прочихъ прихожанъ, попадетъ не въ тонъ этого торжественнаго дня и заставить ихъ оскорбительно отнестись даже лично къ вамъ.

Пасторъ поднялъ руки къ небу, бессильно опустился на стулъ и произнесъ:

— Создатель мой! Господь мой! Неужели семь лѣтъ тому назадъ Ты для того избавилъ меня отъ руки убійцы, чтобы я дожилъ до такой унижительной для меня обиды?

Дочь наклонилась къ нему и вполголоса сказала:

— Перенеси мужественно также и это испытаніе, дорогой мой папа! Она послѣшно подошла къ шкафу, достала хранившіеся тамъ свертки денегъ и положила ихъ на столъ передъ ландратомъ.

— Эта сумма была вами вручена нѣсколько лѣтъ тому назадъ по порученію иностраннаго правительства моему отцу и она осталась нетронутою съ тѣхъ поръ; она вся въ цѣлости, изъ нея не истрчено ни одной копѣйки. Отецъ берегъ ее до того времени, когда она можетъ быть съ пользою употреблена для патріотическихъ дѣлей. Въ настоящее время для сформированія войска правительство вѣроятно должно будетъ прибѣгнуть къ добровольнымъ пожертвованіямъ; такъ вотъ потрудитесь принять ее теперь отъ насъ сполна, какъ нашу долю въ общихъ пожертвованіяхъ. Другіе можетъ быть дадутъ и болѣе; но это послѣднія деньги, и кромѣ ихъ въ домѣ моего отца нѣтъ никакихъ другихъ капиталовъ.

— Я не смѣю отказаться отъ вашего пожертвованія, сказалъ ландратъ, очевидно, самъ глубоко тронутый горестью отца и дочери. — Я надѣюсь, что это обстоятельство сниметъ съ васъ ложное подозрѣнiе, распространенное на вашъ счетъ. А теперь мнѣ нужно было бы еще передать одну дѣловую бумагу вашему гостю.

Когда пасторъ настолько пришелъ въ себя, что былъ въ состоянiи отнести въ комнату полковника полученную на имя послѣдняго бумагу, тотъ быстро сорвалъ большую печать и, обрадованный ея содержанiемъ, даже не замѣтилъ разстроеннаго вида хозяина дома. Въ пакетъ было вложено свидѣтельство отъ высшихъ военныхъ властей на свободный проѣздъ его во Францію, съ коротенькою припискою отъ имени графа Гецена, который писалъ, что челоуѣколюбивая помощь, оказанная полковникомъ въ послѣднюю войну, съ опасностью для своей собственной жизни, прусскимъ подданнымъ, послужила поводомъ къ тому, что во время его теперешней болѣзни съ нимъ и его спутникомъ не было поступлено какъ съ военно-плѣнными.

Удивленный такою любезностью, полковникъ показалъ бумагу пастору и спросилъ:

— Кому обязанъ я такимъ милостивымъ распоряженiемъ?

Но пастору ничего не было извѣстно на этотъ счетъ.

— Но такъ какъ тутъ включенъ также и мой вѣрный сержантъ, то я вывожу изъ этого заключенiе, что вашему правительству равнымъ образомъ извѣстны всѣ обстоятельства дѣла.

— Вѣдь мы дали знать о васъ ландрату, отвѣтилъ пасторъ, какъ-бы стараясь найти что нибудь въ своему извиненiю. Однакожъ семейству пастора не удалось скрыть отъ своего гостя свое стѣсненное положенiе; то, о чемъ умалчивали господа, сдѣлалось извѣстнымъ черезъ прислугу. Старикъ французъ находился съ служанкою Сусанною въ самыхъ дружескихъ отношенiяхъ. Онъ помогалъ ей, насколько считалъ совмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ военнаго челоуѣка, справлять разныя кухонныя работы и всегда дѣлалъ это охотно и чрезвычайно исправно. Такъ что эти общiе труды сблизили ихъ, не смотря на то, что въ разговорѣ они плохо понимали другъ друга; но французъ все-таки оказался свѣдущѣ Сусанны, потому что во время своихъ долгихъ походовъ успѣлъ усвоить себѣ нѣкоторыя слова изъ иностранныхъ языковъ. А когда барышня послѣ обѣда уѣхала въ городъ, то Сусанна сѣла, подгорюнившись, въ кухню у печки и украдкою утирала фартукомъ лившiяся изъ глазъ слезы. Тогда сержантъ подошелъ къ ней и ломанымъ нѣмец-

кимъ языкомъ спросилъ ее, встревоженный ея грустнымъ настроеніемъ:

— Мадемуазель Сусанна, отчего вы такая печальная?

Сусанна рассказала ему о серебряномъ разливномъ ковшѣ и о винѣ; тогда для старика уже не оставалось на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Вечеромъ, когда онъ пришелъ раздѣвать полковника и тотъ сообщилъ ему, что имъ обоимъ присланы паспорта для свободнаго проѣзда изъ Германіи во Францію, старикъ сказалъ серьезно, придавъ своему голосу какой-то особенно торжественный тонъ:

— Да, ужъ надо бы вамъ поскорѣ воспользоваться этимъ паспортомъ на свободный проѣздъ, полковникъ; это даже необходимо теперь, если принять въ соображеніе стѣсненное положеніе этихъ бѣдныхъ людей. Затѣмъ онъ рассказалъ ему то, что узналъ на кухнѣ отъ Сусанны. Извѣстіе это смутило полковника, но тѣмъ не менѣе оно не столько озаботило, сколько обрадовало его. Вѣдь такія жертвы приносятся только для особенно дорогаго гостя и Генріетта сама отправилась въ городъ для того, чтобы доставить ему за обѣдомъ все, въ чему онъ привыкъ, поэтому онъ отвѣтилъ на старику слѣдующимъ образомъ:

— Но вѣдь я полагаю, ты знаешь, дѣдъ, что полковница Дессаль будетъ завѣдывать у меня не бѣднымъ хозяйствомъ и что я позабочусь о томъ, чтобы сторицею вознаграждать всѣ теперешнія затраты.

Старикъ только молча повачалъ головою.

На слѣдующее утро полковникъ отправился прогуляться въ садъ, куда вышла также и Генріетта. Она однакожъ не старалась избѣжать встрѣчи съ нимъ, но рѣшилась твердо высказать ему свою непреложную волю; она ждала, чтобы онъ первый заговорилъ съ ней.

— Я боюсь, что уже слишкомъ долго пользовался вашимъ радушнымъ гостепримствомъ, такъ началъ онъ;—но въ свое извиненіе я могу сказать только то, что мнѣ очень тяжело уѣхать отсюда. Впродолженіи военныхъ дѣйствій судьба постоянно бросала меня изъ одного мѣста въ другое, что конечно не могло не надобѣть мнѣ. Однообразная, но полная хозяйственной дѣятельности ваша домашняя жизнь, спокойное и всегда дружелюбное отношеніе ко всѣмъ, васъ окружающимъ, наполняли мою душу неиспытаннымъ доселѣ тихимъ счастьемъ, и мнѣ кажется что здѣсь дѣлаешься и довольнѣе собою, и лучше.

— Вы находитесь теперь въ состояніи выздоравливающаго

человѣка, причѣмъ сердце всегда размягчается и чувствуетъ себя счастливѣе прежняго, отвѣтила на это Генріэтта.

— Нѣтъ, фрейленъ, не выздоровеніе мое тому причиною, а ваше присутствіе; и при этомъ онъ пригласилъ ее движе, ніемъ руки сѣсть на скамейку. Это была та самая скамейка на которой она когда-то сидѣла рядомъ съ другимъ, дорогимъ ей сердцу человѣкомъ, и потому она пошла далѣе и повела полковника въ бесѣдку, гдѣ въ настоящее время листья остролистника стояли еще совсѣмъ голыя и первые лучи весенняго солнца какъ-то тускло свѣтили на землю.

— Я долженъ объясниться и въ то же время извиниться передъ вами, такъ началъ полковникъ,—что я не исполнилъ желанія, выраженнаго вашимъ батюшкою въ письмѣ, которое было получено мною, когда я находился въ самыхъ дальнихъ мѣстахъ Испаніи. Ваше кольцо, котораго я не снимаю съ своей руки съ тѣхъ поръ, какъ надѣлъ его, получило для меня весьма большое значеніе; я смотрю на него съ какимъ-то суевѣрнымъ предразсудкомъ, и мнѣ кажется, что если я потеряю его, то вмѣстѣ съ нимъ исчезнетъ и мое счастье. Обстоятельство, вслѣдствіе котораго я получилъ его, хотя и доставило мнѣ враговъ, но въ то же время доставило мнѣ милостивое вниманіе высокопоставленныхъ особъ и повышеніе по службѣ, что подало поводъ къ личному участію самаго императора къ моей судьбѣ, которому извѣстны мои отношенія къ вамъ.

Такія слова показались Генріэттѣ слишкомъ самоувѣренными и она холодно отвѣчала:

— Для другихъ, упоминаемое вами обстоятельство далеко не имѣло такихъ благопріятныхъ послѣдствій, милостивый государь.

— Я представилъ мой талисманъ въ невыгодномъ для него свѣтѣ, приписывая ему лишь свойство привлекать вниманіе вліятельныхъ личностей и повышеніе по службѣ. Я обязанъ ему еще несравненно бѣльшимъ и лучшимъ. Мысль о томъ, что это кольцо установило между нами какъ бы внутреннюю связь, было положительно моимъ спасеніемъ въ минуты искушеній. Находясь вдали отъ васъ, въ страхѣ, гдѣ я стоялъ лицомъ къ лицу съ разными бѣдствіями и опасностями, я часто думалъ о тѣхъ лишеніяхъ, какимъ во время войны должно было подвергаться ваше семейство, вспоминалъ и о томъ безпомощномъ состояніи, въ которомъ засталъ я васъ и вашихъ родителей, такъ что когда мнѣ удавалось иногда сдѣлать какое нибудь добро, то этому я обязанъ именно вамъ, Генріэтта. При-

веду къ примѣру одинъ случай: въ одной испанской деревнѣ были убиты самымъ жестокимъ образомъ нѣсколько человѣкъ французскихъ солдатъ; мой отрядъ схватилъ одного изъ жителей этой деревни, привязалъ его къ дереву и готовился разстрѣлять этого негодяя. Въ эту самую минуту къ моимъ ногамъ бросается его жена и обнимаетъ мои колѣна. Я былъ возмущенъ звѣрскимъ поступкомъ испанцевъ, не менѣе моихъ солдатъ, и потому хотѣлъ оттолкнуть ее; тогда она въ отчаяніи крѣпко ухватила обѣими руками мою руку, на которой я почувствовалъ давленіе кольца. Въ эту самую минуту моему воображенію представились вы, и я тотчасъ же отвязалъ отъ дерева испанца, котораго мнѣ пришлось не безъ труда высвободить изъ рукъ моихъ разсвирѣпѣвшихъ кавалеристовъ, такъ какъ они хотѣли хотя на одномъ жителѣ деревни сорвать свою злобу. И не только этотъ человѣкъ былъ спасенъ отъ смерти; ваше кольцо отвратило еще много разныхъ бѣдъ, спасло многія жилища отъ разоренія и многихъ молодыхъ женщинъ отъ насилія. Я не хочу нисколько рисоваться передъ вами моимъ необычайнымъ великодушіемъ; нѣтъ, я отчаянный кавалеристъ и боюсь, что бивачная военная жизнь испортила меня и что во мнѣ заглохли многія хорошія свойства, которыя могли бы опять возродиться у мирнаго домашнего очага. Впрочемъ и тутъ была не моя заслуга, а ваша, если я, въ продолженіи этихъ лѣтъ кровопролитной войны, стремился душою къ земному счастью, которымъ я не могъ пользоваться, мечталъ о женѣ, о ребенкѣ, о домашней, хорошо устроенной жизни, о тихомъ существованіи честнаго человѣка, исполняющаго свой долгъ безъ причиненія горя другимъ. Чѣмъ болѣе судьба кидала меня въ разныя страны во время моихъ боевыхъ походовъ, тѣмъ живѣе дѣлалась эта мечта, это стремленіе къ тихому счастью съ вами. Когда я лежалъ гдѣ нибудь на бивуакѣ, усталый, передъ пылающимъ костромъ, когда передъ моими глазами кипѣла суетливая толпа озабоченныхъ лицъ, въ ушахъ раздавались стоны раненыхъ и умирающихъ, — мнѣ чудился благовѣсть здѣшной церкви, какъ бы подававшій мнѣ надежду на другое, лучшее существованіе въ будущемъ.

Онъ говорилъ все это съ одушевленіемъ, а послѣднія фразы произнесъ даже съ замѣтнымъ волненіемъ.

Генріетта робко взглянула на него и сказала:

— Это было стремленіе къ освобожденію себя отъ тяжкаго положенія военнаго человѣка въ такое смутное время, господинъ полковникъ; васъ занимала именно эта мысль, а не мысль

о дѣвушкѣ чуждой вамъ національности и которую вы видѣли всего только одинъ разъ.

— Можетъ быть прежде это дѣйствительно было такъ, но только не теперь, отвѣчалъ французъ.— Съ тѣхъ поръ, какъ я нахожусь здѣсь и имѣю счастье ежедневно видѣть васъ, видѣть ту увѣренность, съ какою вы беретесь за всякое дѣло, и сознавать то гордое достоинство, съ какимъ вы относитесь къ моему старанію заслужить вашу благосклонность, я чувствую, что съ каждымъ днемъ все сильнѣе привязываюсь къ вамъ. Теперь я убѣжденъ, что былъ бы счастливѣйшимъ въ мірѣ человекомъ, если бы вы, наконецъ, рѣшились быть относительно меня менѣе суровой.

Генріетта встала.

— Мечта воображенія превратилась въ пламенную страсть, Генріетта, продолжалъ онъ съ еще большимъ жаромъ,—и для меня невыносима мысль о возможности потерять васъ.

— Если все, что вы говорите, правда, возразила ему Генріетта,—то неужели вы, втеченіи этихъ нѣсколькихъ лѣтъ, никогда не подумали о томъ, какова должна быть въ то время жизнь дѣвушки, къ которой вы почувствовали такое влеченіе, вслѣдствіе вашей разыгравшейся фантазіи? Вы насильно связали свою судьбу съ моею, не давъ себѣ даже труда справиться о моихъ собственныхъ чувствахъ; съ тѣхъ поръ я несу на своихъ плечахъ этотъ тяжкій гнетъ и горькое униженіе, которое дѣлаетъ меня противъ моей воли невольницей иностранца, наложившаго на меня свои цѣпи. Я не могу питать къ вамъ ненависти, потому что вы, въ порывѣ безотчетнаго мужества, защитили меня и моего отца; но въ то же время я не нахожу въ своемъ сердцѣ чувства любви къ вамъ, которой вы требуете отъ меня. Я скажу вамъ только одно:—что я никогда не буду женою полковника Дессала.

Полковникъ всочилъ на ноги и сказалъ:

— Теперь я понимаю въ чемъ дѣло! Вы, нѣмка, которая при господствующемъ во всемъ краѣ настроеніи умовъ, видите во мнѣ только своего врага-француза. Однако-жъ вы, по всей вѣроятности, не откажетесь засвидѣтельствовать, что я, во время моего пребыванія здѣсь, щадилъ въ васъ чувство, одушевляющее теперь всякую германскую женщину. Но враждебное настроеніе, которое существуетъ теперь между двумя націями, вѣдь не можетъ продлиться вѣчно, и мнѣ извѣстно изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ заключено между нашимъ императоромъ и вашимъ королемъ

перемиріе. Вамъ, я полагаю, также извѣстно, какъ быстро мѣняются взаимныя отношенія правительствъ, которыя изъ враговъ часто превращаются въ союзниковъ. И такъ, не сердитесь на меня, дорогая Генріэтта, если я объявлю вамъ, что я нисколько не намѣренъ отказаться отъ васъ, и что война или миръ народовъ тутъ ни причесть. Если я слишкомъ поспѣшно обручился съ вами, то я съ тѣхъ поръ сдѣлался старше и научился цѣнить по достоинству пріобрѣтенное мною сокровище; а потому я рѣшился на все, лишь бы получить возможность соединить вашу судьбу съ моею на всю жизнь.

Генріэтта выпрямилась во весь ростъ и, отбросивъ свойственную всякой дѣвушкѣ робость, твердымъ голосомъ сказала:

— Вы только что похвастались относительно меня деликатностью вашихъ поступковъ, господинъ полковникъ; а между тѣмъ къ прежнему произволу вы хотите присоединить еще новый, такъ что предлагаемое вами мнѣ удовлетвореніе заключается именно въ томъ, что вы сулите мнѣ будущность, которая, какъ вы полагаете, должна болѣе улыбаться мнѣ. Но неужели вы думаете, что можно этимъ способомъ скорѣе пріобрѣсти расположеніе женщины. Вы поступаете со мною неблагородно и не такъ, какъ дѣйствуетъ всякій честный человѣкъ относительно женщины, которой онъ только что объяснился въ любви.

— Генріэтта! запальчиво вскрикнулъ полковникъ.

Помолчавъ немного, она сказала:

— Нѣтъ, я не должна была говорить такъ съ моимъ избавителемъ; простите меня, прошу васъ! Я желала бы только напомнить вамъ все, что вы говорили о вашемъ ко мнѣ расположеніи. Если я сколько нибудь дорога вамъ и если дѣйствительно когда нибудь мысль обо мнѣ располагала васъ къ добру, то, умоляю васъ, не настаивайте на своихъ правахъ, которыя составляютъ мое несчастіе, потому что онѣ унижаютъ меня и представляютъ мнѣ перспективу мрачной будущности. Возвратите мнѣ мое волюще. Однажды вы уже видѣли меня у вашихъ ногъ, и если это можетъ удовлетворить васъ, то я опять брошусь передъ вами на колѣна и буду умолять моего избавителя снять съ меня наложенныя имъ же самимъ оковы.

Съ этими словами она хотѣла встать передъ нимъ на колѣна; но онъ не допустилъ ее до этого и весь смущенный, дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— Вы навѣрное любите другаго, фрейлейнъ!

— Можетъ быть, отвѣчала Генріэтта чуть слышно.

— Теперь я понимаю, почему вы так противитесь, мадемуазель, сказалъ съ негодованіемъ французъ.— Но не забудьте также того, что обручальное кольцо, сдѣлавъ меня вашимъ женихомъ, вызываетъ въ моемъ воображеніи, кромѣ грезъ о тихой семейной жизни, еще другія воспоминанія. Убитый мною на вашемъ дворѣ баварецъ, былъ не единственной жертвой, павшей отъ моей руки. Мнѣ пришлось послѣ того еще два раза выдержать такой же поединокъ съ товарищами убитаго; съ этимъ кольцомъ связаны также очень тяжкія для моего сердца и крайне мрачныя воспоминанія. Я приобрѣлъ это кольцо кровавою цѣною и потому-то именно я такъ стремлюсь всею душою къ семейной жизни, въ надеждѣ, что нѣжная рука супруги сгонитъ съ моего лица слѣды мрачныхъ мыслей. По этому, не ворите слишкомъ въ эгоизмъ человѣка за то, что онъ по прежнему будетъ стараться отстаивать противъ всякаго другаго претендента на вашу руку свои права.

Сказавъ это, онъ повернулся и ушелъ въ домъ, а Генріетта осталась въ бесѣдкѣ и простояла тамъ нѣсколько времени въ одномъ положеніи, точно окаменѣлая.

Она цѣлый день провела въ своей комнатѣ и не показывалась полковнику на глаза, а ея отсутствіе было объяснено родителями нездоровьемъ. Вечеромъ полковникъ объявилъ своимъ хозяйкамъ о необходимости своего немедленного отъѣзда и попросилъ одолжить ему экипажъ до первой почтовой станціи. Но такъ какъ слѣдующій день было воскресенье, то пасторъ, выразивъ свое сожалѣніе объ отъѣздѣ своего гостя, сказалъ, что экипажъ можетъ быть готовъ къ его услугамъ не ранѣе окончанія обѣдни.

При первомъ ударѣ церковнаго колокола, Генріетта, послѣ бессонной ночи, собралась идти къ обѣднѣ. Когда она вышла изъ сада на кладбище, то увидала тамъ стоявшихъ густыми толпами крестьянъ, которые, однакожъ, не раскланялись привѣтливо съ дочерью пастора, какъ дѣлывали это прежде, а какъ-то робко сторонились отъ нея. Очевидно, что всѣ старались избѣгать какихъ бы то ни было сношеній съ нею, и она, какъ отверженная или зачумленная, одна вошла въ церковь и сѣла на свое мѣсто.

Пріѣзжій пасторъ проповѣдывалъ о долгѣ всякаго гражданина относительно своего отечества. По окончаніи проповѣди, онъ прочелъ съ кафедры воззваніе короля къ народу и прибавилъ отъ себя взволнованнымъ голосомъ:

— Это воззваніе относится главнымъ образомъ къ вамъ, поселяне; оставьте свой плугъ, свои дома, своихъ родителей и

дѣтей, женъ и невѣсть. Здѣсь, въ храмѣ Господнемъ, въ присутствіи всѣхъ собравшихся прихожанъ, докажите, что вы люди, полные мужества, готовые на борьбу съ врагомъ и даже на смерть, если на то будетъ воля Господня; на смерть за освобожденіе вашего отечества, чтобы свергнуть съ себя и своихъ домашнихъ позоръ рабства и бичъ вражескаго нашествія.

Я, служитель, алтаря Господня, стоящій теперь передъ вами, готовъ, съ евангеліемъ въ одной рукѣ и съ мечемъ въ другой, идти сейчасъ же на поле ратное, и пусть тотъ, кто хочетъ послѣдовать моему примѣру, встанетъ съ своего мѣста и громко произнесетъ свое имя, въ присутствіи своихъ сосѣдей и родственниковъ.

За этими словами послѣдовало мертвое молчаніе; только изрѣдка шуршали перевертываемые листы молитвенниковъ. Вдругъ изъ всей этой толпы всталъ одинъ молодой человѣкъ и громко произнесъ свое имя; затѣмъ по церкви пробѣжалъ общій шопоть, какъ будто похожій на тихо произнесенную молитву, потому что этотъ молодой человѣкъ былъ единственнымъ сыномъ одной бѣдной вдовы. Снова раздалось другое имя, и опять вслѣдъ за нимъ по церкви пронесся благоговѣнный, полный умиленія шопоть; это былъ уже другой молодой человѣкъ, красавецъ, полный жизни и здоровья, по которому изнывали сердца всѣхъ деревенскихъ дѣвушекъ. Потомъ произнесено было третье имя, и вслѣдъ за нимъ въ церкви послышался уже болѣе громкій шопоть; вызвавшійся идти на службу человѣкъ былъ женатъ; возлѣ него на церковной скамьѣ сидѣла его молодая жена, вся блѣдная, съ устремленными на стоявшее на алтарѣ Распятіе глазами и съ ребенкомъ на рукахъ, котораго она крѣпко прижала къ своей груди. Затѣмъ все въ болѣе и болѣе короткіе промежутки произносились одно за другимъ разные имена, или иногда по нѣскольку именъ вдругъ. Когда ихъ набралось такимъ образомъ уже порядочное количество, Генріэтта вдругъ услышала голосъ, при звукахъ котораго, вся кровь прилила ей къ сердцу и который громко произнесъ имя: Эрнстъ Кенигъ. Она обернулась и увидала, что этотъ, горячо любимый человѣкъ стоитъ позади ея, и она съ чувствомъ гордости и радости взглянула ему прямо въ лицо. Онъ превратилъ для нея униженіе въ день торжества, такъ какъ онъ, ради ея, явился въ чужой приходъ для того, чтобы предоставить также и ей на нынѣшній день право принести въ жертву отечеству предметъ ея самой глубокой любви.

Затѣмъ, когда перебличка именъ была окончена, пасторъ

сошелъ съ кафедры, сталъ передъ алтаремъ и пригласилъ всѣхъ добровольцевъ подойти поближе и помолиться вмѣстѣ съ нимъ. И вотъ всѣ они двинулись впередъ, въ сопровожденіи своихъ ближайшихъ родственниковъ и семей; рядомъ съ первымъ, заявившимъ желаніе идти на войну, парнемъ, шла его плачущая мать; рядомъ съ мужемъ его жена, причемъ отецъ положилъ на голову ребенка свою руку, какъ бы въ знакъ благословенія. Слѣдомъ за ними шла Генріетта, смѣло ставъ рядомъ съ любимымъ ею человѣкомъ передъ алтаремъ. Всѣ преклонили колѣна, пасторъ прочелъ молитву и призвалъ на всѣхъ ихъ Божіе благословеніе. Все это произошло при простомъ богослуженіи, безъ пышныхъ словъ, въ старой, плохо освѣщенной, деревянной церкви; тоже самое происходило также въ цѣлыхъ сотняхъ другихъ такихъ же церквей.

Медленно выходилъ народъ изъ церкви на кладбище, группируясь около новопосвященныхъ воиновъ. Когда и докторъ вышелъ въ свою очередь изъ церкви рядомъ съ пасторской дочкою, то всѣ крестьяне начали подходить къ нимъ обоимъ съ почтительными поклонами, потому что многіе изъ жителей деревень этого прихода знали, что докторъ уже въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ подготавливалъ потихоньку умы народа къ возстанію противъ враговъ отечества, и имъ было пріятно, что онъ именно въ ихъ приходской церкви заявилъ о своемъ желаніи поступить въ военную службу. По другую сторону Генріетты шла Варя, которая понимала, что происходило теперь на душѣ ея пріятельницы, и потому хотѣла передъ всѣми доказать свои дружескія отношенія къ ней.

На крыльцѣ священническаго дома стоялъ полковникъ, въ ожиданіи Генріетты, съ которой хотѣлъ переговорить еще передъ своимъ отъѣздомъ. Какъ только увидалъ онъ ее, идущую черезъ кладбище, рядомъ съ другимъ человѣкомъ, у котораго также, какъ и у нея, было какое-то торжественное, сияющее внутреннимъ счастіемъ лицо, онъ грозно нахмурилъ брови и скорыми шагами подходить къ доктору, сказалъ:

— Милостивый государь, теперь я понимаю причину отвращенія ко мнѣ моей невѣсты, какъ понимаю причину того, что вы такъ неохотно взялись за мое леченіе во время моей болѣзни. Если я до сихъ поръ считалъ себя обязаннымъ вамъ по чувству благодарности, то съ нынѣшняго дня я не могу смотрѣть на васъ иначе, какъ на моего смертельнаго врага, который сталъ между мною и женщиною, которую я считаю своею будущею женою.

Докторъ кладнокровно возразилъ ему:

— Я только что вышелъ изъ такого мѣста, гдѣ я посвятилъ свою жизнь болѣе великой борьбѣ, чѣмъ препирательство съ личнымъ врагомъ, такъ что въ настоящую минуту въ моей душѣ нѣтъ мѣста ни для ненависти, ни для мщенія. Такъ какъ я считаю предъявляемыя вами притязанія на руку этой дѣвицы несостоятельными и такъ какъ вы поступаете неблагородно и даже безчестно, стараясь навязать этой дѣвицѣ насильственнымъ образомъ свои права на ея особу, то въ этомъ я постараюсь найти случай убѣдить васъ тогда, когда мы, каждый съ своей стороны, исполнимъ свой долгъ на полѣ сраженія, гдѣ мы пока принадлежимъ къ враждебнымъ другъ другу лагерямъ.

— Довольно объ этомъ! съ презрительною миною произнесъ французъ, поправляя свою саблю и затѣмъ, обратившись къ Генриэттѣ, сказалъ:

— Судьбѣ угодно было, фрейлейнъ, чтобы я, какъ странствующій рыцарь, снискивалъ посреди различныхъ препятствій и приключеній путь къ вашей благосклонности; но цѣна борьбы со всѣми этими препятствіями, ради чего послѣдняя будетъ происходить, въ моихъ глазахъ еще болѣе увеличится. Прощайте, прекрасная Генриэтта! Желаю вамъ всего хорошаго; но все-таки не отказываюсь отъ надежды осуществить когда нибудь мою мечту.

Приэтомъ онъ поднялъ вверхъ палецъ, на которомъ было надѣто кольцо, низко поклонился ей и вошелъ обратно въ домъ.

Вскорѣ на дворѣ послышался стукъ отъѣзжавшаго экипажа и Генриэтта, положивъ руку на плечо своего друга, сказала:

— Я положительно объявила ему, что никогда не буду его женою. Съ той минуты, какъ я стояла сегодня возлѣ васъ въ церкви передъ алтаремъ, я уже болѣе не боюсь этого человѣка; не боюсь также и за васъ, мой другъ!

Когда, вскорѣ послѣ того Варя опять пришла навѣстить свою пріятельницу, то сказала ей:

— Когда оба эти господина заспорили между собой, то мнѣ стало даже страшно, глядя на нихъ. Нашъ-то, здѣшній, повыше ростомъ, а французъ смуглѣе лицомъ и стройнѣе фигурой, но въ манерѣ и въ разговорѣ одинъ другаго стоитъ.

Генриэтта ничего не отвѣчала, но только грустно посмотрѣла на Варю, которая подумала приэтомъ: «вѣдь она и сама хорошо это знаетъ, вотъ отчего она и боялась француза!»

XI.

Въ походъ.

Общее народное движеніе, охватившее собою въ этомъ году всю страну и которое только слегка воснулось уединенной мѣстности пасторскаго прихода, проявилось во всей своей силѣ въ окружномъ городѣ, куда стекались со всѣхъ сторонъ народныя массы, наполнявшія собою площади, улицы, дома и находившія отголосокъ воодушевлявшему ихъ чувству во всѣхъ сердцахъ.

Затѣмъ потянулись остатки, обращенныхъ въ бѣгство колонъ великой арміи; небольшими, отдѣльными, разрозненными отрядами проходили они черезъ городъ, какъ-бы крадучись, голодныя, полу-замерзшія, оборванныя, босыя, и если они не погибли ранѣе, вмѣстѣ съ прочими, то теперь, при томъ изнуренномъ состояніи, въ которомъ онѣ находились, существованіе каждого изъ этихъ людей могло быть прекращено ударомъ непріятельскаго кулака. Но имъ, однакожъ, нечего было опасаться: при видѣ таковой явной Божьей кары, разразившейся надъ этой арміей, въ сердцахъ городскихъ обывателей исчезло къ ней всякое чувство ненависти.

Немного спустя, черезъ городъ прошла русская кавалерія. Когда появились передовые полки этихъ людей, съ длинными бородами, на маленькихъ, крѣпко сложенныхъ лошадяхъ, то городомъ овладѣла неописанная радость. Все населеніе выбѣжало на встрѣчу этихъ людей, тѣснилось околѣ нихъ, дѣти хватились за ноги ихъ лошадей, а женщины гладили ихъ по спинѣ. Только двое неизмѣнныхъ союзниковъ, сборщикъ податей и его тайный совѣтникъ, мнѣніямъ котораго онъ довѣрялъ вполнѣ, смотрѣли на вновь прибывшихъ друзей болѣе спокойно. Почитатель нѣмецкой поэзіи проворчалъ себѣ подъ носъ: «Одни ушли, другіе пришли; все одно и то же, разница только въ названіи». А Шиллингъ далъ своимъ людямъ слѣдующій совѣтъ: «Когда вы будете здороваться съ русскими и подавать имъ руку, то не подходите къ нимъ очень близко, потому что въ ихъ платьѣ всегда бываетъ пропастъ вшей и блохъ». А когда пришли башкиры, въ своихъ остроконечныхъ войлочныхъ шлалахъ, съ безбородыми, желтыми лицами и узенькими, какъ щелки, глазами, вооруженные маленькими луками и стрѣлами, которыми они намѣревались пристрѣлить Наполеона, какъ сидящаго на

деревѣ воробья, то городскіе жители съ величайшимъ изумленіемъ и внутреннею радостью смотрѣли на эту странную чужеземную ратную силу, потому что, сравнивая себя съ этими людьми, они показались сами себѣ какими-то сказочными принцами, между тѣмъ какъ этотъ языческій народъ разводилъ на городскомъ валу большіе костры и разстилалъ на землѣ охапки соломы, на которыхъ располагался спать.

Между тѣмъ изъ столицы приходили, одно за другимъ, извѣстія, уже прямо касавшіяся всего крестьянскаго населенія, которое послѣ королевскаго воззванія поняло, что наступила и для него пора принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Цѣлыхъ шесть лѣтъ ждало оно этого времени и все-таки до сихъ поръ надежда его не осуществлялась, такъ что когда до его слуха донесся воинственный кличъ, то это не было для него неожиданностью; оно уже заранѣе знало почти все, что должно было дѣлать, и потому торжественно и спокойно готовилось къ поголовному возстанію. Только изрѣдка прорывалось наружу это рвеніе изъ переполненныхъ сердець. Старый барабанщикъ вольныхъ стрѣлковъ, который болѣе пятидесяти лѣтъ выбивалъ барабанную дробь при всѣхъ городскихъ торжествахъ, поддался также общему увлеченію, и на него повліялъ духъ времени; онъ по цѣлымъ ночамъ не давалъ своимъ сосѣдямъ покоя, съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ выколачивая на своемъ барабанѣ маршъ, при звукахъ котораго войска обыкновенно идутъ на приступъ. Испуганные этимъ неожиданнымъ боемъ сосѣди опрометчиво высказывали на улицу, чтобы узнать причину этого; но на улицѣ не было никого, и недоумѣніе ихъ разъяснилось лишь тогда, какъ кому-то пришло въ голову заглянуть въ окно къ старику, котораго увидали расхаживающимъ вокругъ стѣны своей комнаты, съ барабаномъ черезъ плечо и бившимъ въ него со всего плеча, чѣмъ онъ желалъ какъ-бы удовлетворить воинственные порывы своего солдатскаго сердца.

Штейнмецъ, который уже давно былъ уволенъ отъ своей службы при ратушѣ, но состоялъ только въ качествѣ представителя городского музыкальнаго бруска, сохранилъ однакожъ свое неизмѣнное расположеніе къ прежнему мѣсту своего служенія, вслѣдствіе чего никакъ не хотѣлъ допустить, чтобы ктонибудь другой, а не онъ, заводилъ, находящіяся на башнѣ ратуши часы. Когда королевское воззваніе сдѣлалось извѣстно всѣмъ, то онъ, никого не спросяся, отправлялся каждый день въ полдень на башню ратуши и, стоя тамъ на самомъ верху, между небомъ и землею, наигрывалъ, въ продолженіи цѣлаго часа,

что-то на трубѣ; впоследствии оказалось, что онъ игралъ только одни хоралы.

А уличные мальчишки, которые послѣ вступленія въ городъ казаковъ воодушевились духомъ геройства, постоянно расхаживали по улицамъ, насвистывая и напѣвая разные марши, и не ограничившись этимъ, придумали даже производить разныя военныя эволюціи, мѣстомъ для которыхъ избрали площадь, находившуюся передъ домомъ совѣтника комисіи. Тамъ они устраивали каждый вечеръ свои ужасныя серенады, такъ что совѣтникъ комисіи положительно не зналъ куда дѣваться отъ нихъ, и хотя высылалъ къ надобдливымъ пѣвцамъ своего лакея, а затѣмъ потомъ даже нашелся вынужденнымъ прибѣгнуть къ содѣйствию городскихъ солдатъ, но прежде чѣмъ тѣ успѣвали явиться на зовъ, проворные пѣвцы исчезали и снова появлялись на прежнемъ мѣстѣ какъ только вооруженные возстановители тишины уходили прочь. Видя, однако, что противъ этого ничего не подѣлаешь, совѣтникъ комисіи, забравъ всю свою семью, переѣхалъ къ своему знакомому въ деревню. «Ага! пришелъ теперь и твой чередъ!» подумалъ приѣтомъ сборщикъ податей. Весьма натурально, что жившіе въ городѣ прежніе, бывшіе представители военнаго сословія, превратившіеся въ штатскихъ, были болѣе прочихъ отзывчивы сердцемъ на общее движеніе. Маіоръ фонъ-Геннеръ велѣлъ достать изъ-подъ всякаго, хранившагося въ сундуѣхлама, свой старинный мундиръ и положительно поразилъ весь городъ, явившись на улицѣ въ какомъ-то, старомоднаго покроя, синемъ сюртуѣ временъ короля Фрица. Даже въ темнотѣ можно было догадаться о его приближеніи по запаху лавандоваго масла, которымъ пропитался его мундиръ втеченіи двадцати лѣтъ, и которое поставлено было въ сундукъ съ цѣлю предохраненія стараго мундира отъ моли. Старикъ маіоръ только никакъ не могъ помириться съ модными нововведеніями въ военной службѣ и постоянно порицалъ ихъ; но потомъ понемногу смягчился съ того времени, какъ комисіа кружка добровольцевъ поднесла ему званіе своего почетнаго члена и тѣмъ какъ-бы привлекла его къ принятію участія въ ихъ общемъ дѣлѣ, которому онъ, съ пылкостью юноши, отдался совершенно.

Капитанъ также вдругъ совершенно преобразился. Впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ злился на весь міръ и на свою судьбу, а теперь онъ бодро расхаживаетъ въ новомъ мундирѣ среди прочихъ горожанъ, привѣтливо раскланивается со всѣми, въ отвѣтъ на почтительныя поклоны, и причиною всего этого было то, что его избрали начальникомъ одного отряда ландвера.

Конечно ему пріятнѣе было бы получить начальство надъ отрядомъ регулярнаго войска; но когда онъ однажды вечеромъ получилъ патентъ, которымъ его утверждали въ его должности, то онъ, неизбалованный никакими радостями жизни, считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Онъ молча подошелъ къ портрету своего отца и долго, не спуская глазъ, смотрѣлъ на него, пока не подошла въ нему его сестра, которая горячо обняла его. Тогда этотъ угрюмый человѣкъ обратился въ ней съ такими словами:

— Все это время мнѣ было такъ тяжело, что я давно бы застрѣлился, если-бы ты не была моимъ единственнымъ утѣшеніемъ. При этомъ онъ крѣпко схватилъ маленькую барышню за обѣ руки, съ видомъ утопающаго, который хватается за гранитную скалу.

Когда, въ воскресный день, по окончаніи обѣдни, послѣдовала переключка добровольцевъ и всѣ отыскивали глазами доктора, то бургомистръ всталъ и объявилъ собранію:

— Человѣкъ, имя котораго мы всѣ ожидали услышать здѣсь, заявилъ о своемъ желаніи поступить на службу въ другомъ приходѣ, гдѣ и приметъ присягу; я уполномоченъ отъ него заявить здѣсь объ этомъ.

На слѣдующій день докторъ уже былъ на своемъ мѣстѣ и хлопоталъ о вызовѣ пріобрѣтенныхъ имъ, въ прежнее время, охотниковъ поступить на службу; но не всѣ изъ нихъ явились, однако взаимнѣ ихъ оказалась даже прибыль изъ новыхъ. Однакожъ теперь не было уже того порядка и единства, какія существовали, когда графъ формировалъ свои прежніе отряды добровольцевъ; въ главномъ городѣ всякій дѣйствовалъ на свой ладъ и потому нерѣдко происходила путаница оттого, что добровольцы прямо заявляли, какой родъ службы они желаютъ избрать, такъ что и отъ регулярныхъ войскъ, и отъ вновь сформированнаго ландвера нельзя было ожидать слишкомъ большой ловкости и исправки. Вслѣдствіе этого также и отрядъ, сформированный докторомъ, раздѣлился на нѣсколько отдѣльныхъ частей, а онъ самъ, по просьбѣ руководителей кружка, долженъ былъ принять должность члена совѣта, такъ какъ всѣмъ дѣломъ вооруженія и пожертвованій завѣдывало трое представителей: камергеръ отъ имени ландрата, бургомистръ отъ города, а Краузе отъ крестьянства.

Женщины, съ своей стороны, также не остались бездѣтельными и въ усердіи своемъ не уступали даже мужчинамъ. Онѣ также завели свой комитетъ, предсѣдательницею котораго была

разумѣется фрау фонъ-Беллеррицъ, а самымъ дѣятельнымъ членомъ его неутомимая Минхенъ Бусковъ. Камергерша теперь каждую недѣлю прѣвзжала въ городъ въ своей каретѣ, а Минхенъ неустанно ходила изъ дома въ домъ, выпрашивая одѣяль, бѣлья, старыхъ полотняныхъ тряпокъ и много другихъ вещей, которыя могли быть изготовлены руками женщинъ для снабженія войска всѣмъ необходимымъ. Женщины, слабыя или искусныя въ разныхъ работахъ, шили рубашки, кроили бинты, или щипали корпию, которой оказались заготовленными такія массы, какихъ невозможно было истратить даже при самой продолжительной и самой кровопролитной войнѣ.

Послѣ призыва добровольцевъ, во всѣхъ городскихъ и деревенскихъ церквахъ открыты были сборы въ пользу отечества. Народъ обѣднѣлъ и какъ еще обѣднѣлъ за это время! Страшные поборы неприятелей не щадили ничего, грабя у жителей все, что, попадалось подъ руку; затѣмъ пережить былъ кое-какъ годъ неурожая; наконецъ, несмѣтныя, устремившіяся на Россію полчища, какъ стая саранчи, истребили даже послѣдніе скудные запасы хлѣба и сѣна. Но тѣмъ не менѣе народъ охотно жертвовалъ всѣмъ, чѣмъ могъ при своей крайней бѣдности.

Въ это время прихожане добраго пастора уже примирились съ нимъ, потому что ландратъ велѣлъ вывѣсить во всѣхъ принадлежащихъ къ приходу деревняхъ объявленія, что на слѣдующее воскресенье послѣ обѣдни онъ самъ прочтетъ королевское воззваніе къ народу. Церковь снова наполнилась людьми, такъ что невозможно было даже затворить дверей; пасторъ, сильно взволнованный, сказалъ свою проповѣдь и затѣмъ, ничего не подозрѣвая, сѣлъ на свой, поставленный возлѣ ризницы, стулъ. Затѣмъ ландратъ, видный и обладавшій сильнымъ органомъ голоса мужчина, сталъ на свободное теперь мѣсто передъ алтаремъ и прочелъ воззваніе такъ хорошо, что оно положительно отозвалось въ ушахъ всѣхъ присутствующихъ какъ-бы приказаніемъ. Назвавъ затѣмъ мѣста, куда можно будетъ сдавать свои пожертвованія и указавъ при этомъ, между прочимъ, на домъ пастора, онъ прибавилъ:

— Первое, полученное мною пожертвованіе, было принято изъ рукъ нашего высокоуважаемаго пастора! И онъ разсказалъ, какъ французы, въ вознагражденіе большихъ потерь и опасности, какой подвергалась при этомъ его жизнь, прислали ему извѣстную сумму денегъ, которая лежала у него неприкосновенною даже во время самой крайней нужды въ его собственномъ семействѣ и которую онъ сберегъ для нынѣшняго дня. При этомъ онъ поднялъ руку

и показалъ имъ эти свертки золотыхъ монетъ.—Видите ли, они остались даже нераспечатанными въ томъ видѣ, какъ ему были присланы. И онъ назвалъ цифру этой суммы, которая для ихъ непривычнаго уха была весьма значительна. А самъ пасторъ по прежнему продолжалъ сидѣть на своемъ стулѣ, между тѣмъ какъ всѣ его прихожане смотрѣли на него видимо тронутые и даже съ чувствомъ внутренняго раскаянія; онъ сидѣлъ неподвижно, хотя былъ сильно взволнованъ внутренне и устремилъ глаза въ куполь старой церкви, гдѣ какъ ему казалось небесный хоръ ангеловъ поетъ божественный гимнъ «Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ»—слѣдовательно и примиреніе между прихожанами и ихъ пастыремъ.

Присланною въ окружной городъ бумагою на счетъ поощренія гражданъ къ добровольнымъ пожертвованіямъ сборщикъ податей назначался главнымъ распорядителемъ по приему ихъ. Что именно онъ, а никто нибудь другой назначенъ былъ на этотъ постъ, это уже понималось всемімъ изъ гражданъ само собою, такъ какъ уже въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ успѣлъ заслужить себѣ репутацію чловека, которому можно было вѣрить безусловно такое время, когда всякій, у кого въ домѣ имѣлись какія нибудь серебряныя вещи, обязанъ былъ платить извѣстный процентъ съ каждаго лота, причемъ на каждую отдѣльную, уже оплаченную вещь наклеивался штемпель. Потомки этихъ людей навѣрное съ особенно любовью будутъ хранить остатки такихъ серебряныхъ вещей, какъ драгоценное воспоминаніе о трудныхъ временахъ, пережитыхъ ихъ предками.

Многіе бѣдные люди, конечно, не безъ сожалѣнія, приносили купленную ими на свои трудовыя деньги полдюжины маленькихъ кофейныхъ ложечекъ; но къ такимъ личностямъ господинъ Келеръ оказывался крайне снисходительнымъ и всегда отсылалъ имъ эти вещи обратно, сдѣлавъ послѣднимъ подробную опись и тщательно уложивъ ихъ. Только относительно богатаго домовладѣльца Хуцеля господинъ Келеръ поступилъ очень строго, когда тотъ представилъ записку своего пожертвованія, заключавшагося лишь въ щипчикахъ для сахара и какахъ-то ничтожныхъ бездѣлушкахъ, причемъ онъ положительно отказывался означить въ спискѣ свои цѣнныя серебряныя вещи, хранившіяся у него въ кладовой; однако, не смотря на то, господинъ Келеръ принудилъ его сдѣлать это, вслѣдствіе чего Хуцель совершенно разсорился съ нимъ. Поэтому сборщикъ податей былъ крайне удивленъ, когда Хуцель явился къ нему

теперь однимъ изъ первыхъ и положилъ передъ нимъ на столъ большой свертокъ золотыхъ монетъ, сказавъ при этомъ: «Велите сосчитать». А когда ему выдали квитанцію, въ полученіи отъ него этихъ денегъ, то онъ сказалъ:

— Вѣдь объ этомъ вѣроятно напишутъ въ газетахъ? Пожалуйста велите прибавить: «отъ домовладѣльца и церковнаго старосты». Такимъ образомъ являлись съ своими приношеніями всѣ, каждый на свой ладъ; многіе, за неимѣніемъ денегъ, жертвовали зерновымъ хлѣбомъ, а одинъ пригородный крестьянинъ даже принесъ завернутую въ носовомъ платкѣ огромныхъ размѣровъ колбасу и опасаясь, что отъ него не примутъ такую жертву въ пользу отечества, отнесся къ пріемщику съ слѣдующими словами.

— Она очень хорошо прокопчена и долго не испортится; а денегъ и радъ бы дать, да ихъ у меня нѣтъ?

— Мы попробуемъ превратить ее въ деньги, сказалъ ему на это господинъ Келеръ, поблагодаривъ его за пожертвованіе.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ умолчать о томъ, что пріемъ добровольныхъ пожертвованій подалъ поводъ къ небольшой размолвкѣ между господиномъ Келеромъ и Минхенъ Бусковъ. Уже при самомъ появленіи этой дѣвицы въ его официально-служебномъ помѣщеніи, онъ пришелъ въ дурное расположеніе духа, потому что онъ, занимаясь этимъ дѣломъ, постепенно пріучилъ себя трезво и критически относиться къ положенію жертвователей и потому подумалъ про себя: «ну, эти могли бы и не явиться сюда!» Но барышня положила передъ нимъ на столъ что-то завернутое въ небольшую бумагу и сказала:

— Это обручальныя кольца моего отца и матери, а я читала въ газетахъ, что даже и такія вещи принимаются отъ жертвователей.

— Совершенно вѣрно, отвѣчалъ на это господинъ Келеръ любезнымъ тономъ. — Имъ будетъ сдѣлана оцѣнка по вѣсу заключающагося въ нихъ золота, которое затѣмъ будетъ переливаться въ монету. Но если кто нибудь желаетъ сохранить у себя подобныя вещи на память, то можетъ внести опредѣленную по таксѣ сумму ихъ стоимости.

— Но я не могу этого сдѣлать, сказала Минхенъ, съ любовью смотря на эти, дорогія ей кольца.

— Можно это устроить такъ, что у васъ, втеченіи года, будутъ вычитать изъ вашего ежемѣсячнаго жалованья сколько придется по оцѣнкѣ вещей; вамъ, какъ личности, числящейся также на общественной службѣ, городская касса охотно от-

кредитъ свой кредитъ и вы, такимъ образомъ, получите обратно эти вещи, принадлежавшія вашимъ родителямъ.

Онъ изложилъ все это такъ разсудительно, что Минхенъ не рѣшилась противорѣчить ему. Тогда господинъ Келеръ взялъ вѣски для золота и пробирный камень, оцѣнилъ кольца по таксѣ, общалъ выхлопотать ей изъ городской кассы причитающуюся сумму, съ удержаніемъ известной цифры, ежемѣсячно, изъ получаемого ею жалованья, и затѣмъ возвратилъ ей оба кольца. Онъ устроилъ все это немедленно, съ помощью казначея и отпустилъ ее домой, вручивъ ей записку послѣдняго.

Когда Минхенъ, получившая обратно свои кольца, возвратилась домой, то ей пришло въ голову, что она хотѣла пожертвовать именно ихъ, и что тутъ вышло что-то неладное. Но такъ какъ она боялась, что господинъ Келеръ на нее разсердится, если она принесетъ ихъ въ нему опять въ другой разъ, то она и уговорила фрау Бебловъ, въ послѣобѣденные часы, когда господина Келера не будетъ въ присутствіи, а его мѣсто займетъ его довѣренный секретарь, отнести туда кольца и записать ихъ какъ пожертвованіе отъ неизвѣстнаго. Это уже потому не могло возбудить никакого подозрѣнія, что многіе жертвовали свои обручальныя кольца. Казалось, что все это придумано было очень хитро, но, на бѣду, секретарь, записавшійся также добровольцемъ, отправился именно въ это время куда-то по своимъ дѣламъ, такъ что фрау Бебловъ съ своимъ приношеніемъ попала въ глаза самому господину Келеру. Онъ съ презрительною миною выслушалъ придуманную исторію о пожертвованіи отъ неизвѣстнаго, потому что въ ту же минуту узналъ эти кольца, и, проворчавъ себѣ подъ носъ: «нѣтъ, видно съ нею не сговоришь! этакая легкомысленная дѣвчонка!», съ сердитымъ видомъ выдалъ ей квитанцію. Когда фрау Бебловъ воротилась и сообщила о неудачномъ исходѣ придуманной хитрости, Минхенъ очень огорчилась тѣмъ, что сборщикъ податей назвалъ ее легкомысленною дѣвчонкою, и что теперь она лишилась его хорошаго мнѣнія о себѣ. Когда она потомъ встрѣчалась съ господиномъ Келеромъ, то ей казалось, что онъ уже не такъ вѣжливо, какъ прежде, раскланивался съ нею, и потому она всегда отвѣчала на его поклонъ робко и принужденно. Сборщикъ податей, въ свою очередь, также замѣтилъ перемѣну ея обращенія съ нимъ и потому между ними обоими постепенно установились какія-то натянутыя отношенія; обоюдные поклоны дѣлались все болѣе и болѣе церемонными; но такъ какъ ни тотъ, ни другая не знали причины, почему

все это такъ случилось, то, слѣдовательно, всякое объясненіе становилось невозможнымъ. Минхенъ это было очень тяжело. Жизнь ея у себя дома сдѣлалась и безъ того совсѣмъ одинока, потому что ея братъ уѣхалъ принимать данную подъ его команду роту, такъ что когда она сидѣла, по вечерамъ, одна одинешенька въ своей каморкѣ подъ самую крышею, то все грустила о томъ дурномъ мнѣніи, которое составилъ себѣ о ней господинъ Келеръ, и все придумывала разные способы побѣдить чѣмъ нибудь его враждебныя къ ней отношенія.

Тѣмъ временемъ, по просьбѣ магистрата, господинъ Келеръ принялъ на себя званіе почетнаго попечителя училища, куда онъ пріѣзжалъ каждый мѣсяцъ, давалъ нѣкоторые полезные совѣты, журилъ или хвалилъ дѣтей. Вдругъ Минхенъ придумала передать ему черезъ которую нибудь изъ своихъ ученицъ письменную просьбу, положить относительно ея свой гнѣвъ на милость. Для этого она избрала одну маленькую дѣвочку, отецъ которой долженъ былъ, въ скоромъ времени, поступить въ ландверъ, и заставила ее выучить наизусть маленькое, написанное самою Минхенъ стихотвореніе. Когда господинъ Келеръ опять пріѣхалъ въ свое обычное время въ школу для осмотра дѣтскихъ работъ, которыя, на этотъ разъ, всѣ могли быть употреблены на пользу отечества, онъ остановился на минуту приласкать эту маленькую дѣвочку, которая всегда была его любимицею; потомъ онъ досталъ изъ кармана большой бумажный паветъ съ мятными пряниками и отдалъ ей, сказавъ, чтобы она взяла изъ нихъ себѣ теперь же нѣсколько штукъ и раздѣлила бы остальное по-ровну между своими подругами. Тогда дѣвочка сдѣлала вдругъ серьезную мину и тоненькимъ голоскомъ проговорила слѣдующее четверостишіе:

«Мы всѣ молимъ Бога
О твоемъ благополучіи;
Но и ты также будь снисходителенъ,
Если мы въ чемъ виноваты передъ тобою».

— Вотъ какъ ты мастерски распѣваешь, пичужка! похвалилъ ее, видимо довольный, господинъ Келеръ. — Попроси нашу милую фрейленъ, чтобы она списала для тебя эти стихи, а ты потомъ принесишь ихъ ко мнѣ на домъ.

И въ то же время онъ такъ дружелюбно взглянулъ на Минхенъ, что она тотчасъ же поняла, что онъ уже болѣе не сердится на нее, такъ какъ музы, въ своей благосклонности къ людямъ, надѣляютъ каждою изъ нихъ, въ честь кого пишутся

какіе нибудь стихи, свойствомъ смягчать ихъ сердца. Поэтому и господинъ Келеръ, повторяя мысленно сказанные ему маленькою дѣвочкою и сочиненные Минхенъ стихи, подумалъ: «Это, однакожь, замѣчательно! Вотъ никакъ не ожидалъ, что у нея явится склонность къ поэзіи!»

Докторъ, котораго удерживали его временныя служебныя занятія по округу, не могъ выступить въ походъ вмѣстѣ съ прочими товарищами, а долженъ былъ еще оставаться на нѣкоторое время; но до отъѣзда своего онъ все-таки повидался одинъ разъ съ Генріеттою въ базарномъ селѣ, у ея замужней пріятельницы.

Это послѣднее свиданіе передъ долгою, предстоявшею имъ разлукою, имѣло, повидимому, менѣе грустный характеръ, чѣмъ предшествовавшее; они оба находились въ такомъ воодушевленномъ настроеніи, что при немъ какъ будто уже не было болѣе мѣста ни для горя, ни для опасеній. Только въ минуту прощанія, когда докторъ заключилъ любимую имъ дѣвушку въ свои объятія, выказалось сильное душевное волненіе ихъ обоихъ; онъ бросился передъ нею на колѣни, а она положила ему на голову свою руку и обратила свой, полный слезъ, взоръ къ небсамъ.

Пріѣхавъ въ главный городъ, онъ прежде всего отыскалъ графа Гецена, котораго онъ засталъ совсѣмъ больнымъ въ постелѣ.

— Видно не судьба мнѣ отправиться вмѣстѣ съ моимъ отрядомъ въ походъ, началъ графъ печальнымъ тономъ. — Но, вонечно, мое отсутствіе тамъ не будетъ замѣтно; что я такое? капля воды, исчезающая въ большомъ бурномъ потокѣ! Въ напрасномъ трудѣ и постоянно гложущей мое сердце заботѣ изсягли мои жизненныя силы. Я теперь долженъ постараться философически относиться къ настоящимъ фактамъ, какъ вы совѣтовали это мнѣ и прежде; но одного сознанія въ томъ, что до сихъ поръ я честно исполнялъ свой долгъ, весьма недостаточно, и оно представляется плохимъ утѣшеніемъ въ такое время, когда предстоитъ еще сдѣлать такъ много въ будущемъ.

— Но вамъ остается другое утѣшеніе, возразилъ ему докторъ. — Когда вы услышите звукъ военныхъ роговъ проходящихъ мимо вашихъ оконъ отрядовъ добровольцевъ, когда будете читать въ газетахъ, что наши батальоны храбро дрались съ непріателемъ, то ваше сердце должно радостно встрепенуться при мысли о томъ, что мы, силезцы, обязаны вамъ, болѣе чѣмъ кому нибудь другому; что мы сдѣлались участниками въ

славномъ возстаніи нашего отечества противъ иноземнаго врага. Вы были единственнымъ человѣкомъ, ободрившимъ насъ при всеобщемъ жаломъ упадкѣ духа въ продолженіи этихъ лѣтъ, полныхъ такихъ ужасныхъ униженій, и человѣкомъ, постоянно вселявшимъ въ насъ надежду на лучшую будущность для нашей отчизны. Не только одного меня, но нѣсколько тысячъ другихъ людей вы сумѣли воодушевить настолько, что мы всѣ взяли за оружіе. Около васъ группировались мы, къ вамъ стремились мы до сихъ поръ; теперь же настало наше время съ честью послѣдовать примѣру нашего руководителя и начальника.

— Да, я вижу, что вы уже запаслись оружіемъ, сказалъ графъ, грустно улыбаясь. Потомъ, какъ-бы желая разогнать тяготившія его мысли, онъ сказалъ: — Нашъ другъ Гельвицъ произведенъ въ майоры и его хотятъ сдѣлать начальникомъ летучаго отряда, для чего хотятъ предоставить въ его распоряженіе половину полка и послать его въ тылъ непріятеля. Онъ успѣлъ уже совершить нѣсколько молодецкихъ подвиговъ и вы теперь можете найти его въ Лаузицѣ, куда вамъ, впрочемъ, трудно будетъ добраться до него.

Былъ конецъ мая, когда докторъ верхомъ, съ оружіемъ и въ мундирѣ конныхъ егерей, пріѣхалъ въ Котбуръ, гдѣ летучій отрядъ расположился на отдыхъ. Первое встрѣтившееся ему знакомое лицо былъ Гансъ, выхлопотавшій себѣ разрѣшеніе перейти въ эскадронъ майора. Обрадованный такою встрѣчею, Гансъ повелъ доктора въ гостиницу, куда собиралась веселая кампанія офицеровъ, въ числѣ которыхъ находился также полякъ, командовавшій вторымъ эскадрономъ. Какъ только вновь прибывшій доброволецъ переступилъ порогъ комнаты, всѣ пріатели вскочили съ своихъ мѣстъ и бросились обнимать его, причемъ начались всякіе распросы, которымъ не было конца.

Какъ будто какимъ-то волшебствомъ, докторъ вдругъ превратился въ товарища, по оружію, гусарскихъ офицеровъ летучаго отряда. Первые недѣли службы были для него очень трудными; предварительныя военныя упражненія, которыми онъ, за послѣдніе годы, занимался у себя дома, подъ руководствомъ одного гусарскаго унтеръ-офицера, мало помогали ему; но, будучи крѣпко физически, онъ продолжалъ упражняться неутомимо, причемъ видѣлъ какъ въ офицерахъ, такъ и въ солдатахъ такую готовность облегчить ему его труды, что онъ даже сердился на нихъ за то, что они не допускали его иногда до исполненія нѣкоторыхъ обязанностей по службѣ.

Когда, вскорѣ послѣ его вступленія въ военную службу, объ-

явлено было перемиріе, то ему, вмѣстѣ съ прочими рекрутами, дали срокъ для приобрѣтенія необходимыхъ практическихъ военныхъ свѣдѣній, такъ что, при возобновеніи военныхъ дѣйствій, онъ уже смѣло могъ принимать участіе въ успѣхахъ и опасностяхъ боевой жизни своихъ товарищей-кавалеристовъ. Однако-жъ маіору долго еще не пришлось привести въ исполненіе свой планъ нападений отдѣльными отрядами на тылъ непріятеля, потому что его прямой начальникъ, генераль Бюловъ, будучи человекомъ крайне методичнымъ, не слишкомъ довѣрялъ такому способу нападений и потому всегда предпочиталъ самъ руководить дѣйствіями ввѣренныхъ ему войскъ. Такимъ образомъ, доктору представился случай, послѣ нѣсколькихъ выигранныхъ сраженій, которыми отстаивали столицу государства, врѣзаться въ ряды обратившагося въ бѣгство непріятеля, съ которымъ германскія войска бились до поздней ночи. Съ этого времени почти дня не проходило безъ маленькихъ стычекъ съ непріателемъ, послѣ которыхъ гусары рѣдко возвращались въ свой лагерь безъ плѣнныхъ или безъ какого нибудь трофея. Наконецъ, въ началѣ октября, летучему отряду пришлось освободиться отъ своей обязательной службы на форпостахъ сѣверной арміи. Какъ молодой, хорошо выдресированный охотникомъ, соволъ, который запертъ былъ въ одной клѣткѣ съ большимъ орломъ-хищникомъ, полетѣлъ маіоръ весело и бойко вслѣдъ за добычею по ту сторону Эльбы, гдѣ страна все еще пока оставалась въ рукахъ непріятелей. Онъ съ своимъ отрядомъ прерывалъ сообщеніе остатковъ французской арміи между собою, ловилъ посланныхъ съ донесеніями курьеровъ, производилъ смятеніе въ непріятельскихъ колонахъ, мѣшалъ подвозу провіанта, захватывалъ въ плѣнъ болѣе мелкіе отряды, которые все-таки превышали численностью его собственный, и безпрестанно тревожилъ непріятеля.

Во время этихъ смѣлыхъ набѣговъ, цѣлью которыхъ маіоръ Витовскій избралъ крѣпость Эрфуртъ, находившуюся еще пока въ рукахъ французовъ, и когда онъ ловилъ посланные непріателемъ въ ближайшія окрестности отряды за фуражемъ, онъ вдругъ получилъ приказаніе отправиться съ своимъ эскадрономъ на большую тюрингенскую дорогу, гдѣ представлялось болѣе случаевъ захвата непріятельскихъ отрядовъ въ плѣнъ. Полякъ былъ очень обрадованъ такимъ, сдѣланнымъ ему порученіемъ; но какъ генераль поступалъ противъ него до сихъ поръ, такъ точно теперь онъ самъ, въ качествѣ начальника отряда, поступилъ съ своимъ пріателемъ Гельвигомъ, не позволяя ему пред-

принимать самостоятельных набѣговъ. Передъ выступленіемъ отряда въ походъ, Гельвигъ, подойдя къ доктору, сказалъ:

— Послушай, любезный другъ, поѣдемъ вмѣстѣ со мною.

— Охотно отвѣчалъ тотъ. — Если только маіоръ позволитъ.

Разрешеніе это было получено и эскадронъ, при громкомъ звуцѣ трубъ, отправился по направленію къ югу.

Поляевъ былъ опытный человѣкъ въ партизанской войнѣ и самъ не напрасно называлъ себя котомъ, потому что умъ его былъ положительно неистощимъ въ придумываніи разныхъ маленькихъ хитростей, которыя онъ такъ ловко и незамѣтно умѣлъ приводить въ исполненіе, что никогда не попадался на глаза непріятелю и всегда появлялся съ своимъ отрядомъ тамъ, гдѣ тотъ всего менѣе могъ ожидать встрѣтить его. А въ этотъ разъ онъ съ особеннымъ удовольствіемъ велъ свой эскадронъ, часть котораго вооружена была пиками, и въ добавокъ къ нему прикомандировано было нѣсколько человѣкъ егерей, которыхъ онъ размѣстилъ въ разныхъ засадахъ по близости той дороги, гдѣ долженъ былъ проходить непріятель.

На разстояніи одной мили, къ сѣверу отъ дороги, находилась въ уединенной мѣстности большая мыза, выстроенная на лѣсной полянѣ, куда онъ отправился со всей своей командой и рассказывалъ потомъ своему пріятелю доктору такъ: «одинъ изъ моихъ гусаровъ, родственникъ владѣльца этой мызы, и потому я отправилъ его туда переодѣтымъ, чтобы онъ доставилъ мнѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія». До самыхъ сумерекъ постоянно приходили и уходили всякаго рода разсылные. Когда совсѣмъ стемнѣло, онъ двинулся дальше и расположилъ свой эскадронъ вокругъ одной деревни, находившейся по близости дороги, по обѣ стороны которой спрятали своихъ егерей. — «Тамъ должна расположиться на отдыхъ одна батарея, которая переѣзжаетъ на другое мѣсто, сказалъ онъ, — такъ вотъ намъ непременно нужно будетъ захватить ее. Какъ только покажется первая пушка, стрѣляйте по лошадямъ!» Затѣмъ онъ отправился поемъ, окольною дорогою, къ деревнѣ, при самомъ вѣздѣ въ которую удалось безъ выстрѣла захватить неожиданныхъ нападенія караульных; эскадронъ свободно занялъ деревню и нашелъ орудія и фуры поставленными на площади, гдѣ при нихъ не было ни одного человѣка; потомъ эскадронъ спѣшилъ и принялся обыскивать крестьянскія избы. Началось общее смятеніе, крики, выстрѣлы среди ночной темноты, такъ что менѣе чѣмъ въ одинъ часъ времени непріятельскіе артиллеристы и конвойные солдаты были частью изрублены, частью

взять въ плѣнъ; только весьма немногимъ удалось спастись бѣгствомъ въ поле или укрыться гдѣ нибудь въ надежномъ мѣстѣ. Артилерійскую прислугу заставили запретить въ пушки лошадей, и на разсвѣтѣ ротмистръ повелъ за собою изъ деревни плѣнныхъ и болѣе половины захваченной батареи, въ качествѣ добычи.

— Хотѣлось бы мнѣ спрятать гдѣ нибудь эти пушки, пока я не сдамъ ихъ кому слѣдуетъ, чтобы моему эскадрону выдали за такой подвигъ по дукату награды, сказалъ онъ, покручивая свои темнорусые усы. Полевая дорога въ настоящее время такъ извѣзжена вдоль и поперегъ крестьянскими телѣгами отъ постоянной, наступившей возки сноповъ, что неприятелю трудно будетъ напасть на нашъ слѣдъ.

Затѣмъ онъ благополучно довелъ все это до мызы, гдѣ приказалъ дать корму лошадямъ и варить пищу для солдатъ, сказавъ: — Ну, теперь, братцы, намъ не мѣшаетъ отдохнуть, потому что впереди предстоитъ еще не мало работы.

— А много таки народу убѣжало, замѣтилъ докторъ. — Изъ того двора, обыскъ котораго достался на мою долю, нѣсколько человѣкъ успѣли перепрыгнуть черезъ садовый заборъ; мы хотя и стрѣляли по нимъ, но ни въ кого не попали.

— По крайней мѣрѣ мы захватили офицеровъ, которые всѣ до одного ранены и сидятъ теперь на пороховыхъ ящикахъ; что же касается солдатъ, то они, во время сдѣланнаго на нихъ въ подобныхъ случаяхъ нападенія, имѣютъ обыкновенно привычку спастись бѣгствомъ по той дорогѣ, откуда пришли, а не впередъ. Бѣглецамъ придется еще долго бѣжать, пока они доберутся до какого нибудь жилья и поэтому съ тыла намъ нечего опасаться сегодня, а плѣнныхъ я тотчасъ же отошлю въ гарнизонъ.

Онъ отдалъ приказаніе одному офицеру взять съ собою нѣсколько человѣкъ конвойныхъ солдатъ и вести плѣнныхъ; потомъ, сдѣлавъ ему внушительный жестъ пистолетомъ и указавъ глазами на глубокую песчаную яму, куда можно будетъ зарыть ихъ, онъ вполголоса пояснилъ ему свою мысль: — Если который нибудь изъ нихъ вздумаетъ сопротивляться, такъ вы живо дайте ему паспортъ на тотъ свѣтъ, ко всѣмъ чертямъ! это необходимо для внушенія страха прочимъ. Впрочемъ, я замѣчалъ, что артиллеристы, лишившіеся своихъ орудій, болѣе терпѣливо переносятъ свою судьбу. Чтожь вы не берете также съ собою фейерверкера, поручивъ? спросилъ онъ, обращаясь къ офицеру и указывая ему на стоящаго по близости француза.

— Раненъ! мрачно отозвался послѣдній на французскомъ

языкъ.—И даже крестообразно, добавилъ онъ и съ этимъ словомъ тяжело опустился на деревянный, оказавшійся тутъ поблизости, чурбанъ.

— Въ такомъ случаѣ ведите его сію же минуту въ домъ, распорядился смягчившійся полякъ, увидѣвъ кровавую, зіяющую рану на головѣ непріятеля.—Тамъ у насъ есть и лазаретъ, и хирургъ!

Послѣ обѣда ротмистръ снова двинулся далѣе; онъ повелъ свой эскадронъ другими путями къ востоку и опять расположилъ его по близости той же самой дороги. Раздѣливъ свой отрядъ на нѣсколько частей и спрятавъ его въ примыкавшемъ къ одной сторонѣ дороги лѣсу, онъ слѣзъ съ лошади, ползкомъ взобрался на голый холмъ и, лежа тамъ, сталъ смотрѣть въ бинокль по всѣмъ направленіямъ. Пригласивъ также доктора послѣдовать за нимъ, онъ сообщилъ ему, лежа рядомъ съ нимъ на землѣ:

— Отъ одного земляка, поляка, находившагося въ числѣ плѣнныхъ, мнѣ удалось вывѣдать, что нѣсколько важныхъ французскихъ генераловъ возвращаются назадъ изъ Россіи въ экипажахъ, подъ прикрытіемъ конвоя, чтобы также присоединиться къ арміи императора. Конечно нельзя положительно утверждать, что они поѣдутъ именно здѣсь; но авось они намъ попадутся.

Такимъ образомъ онъ провелъ на холмѣ около часа въ ожиданіи, наконецъ, съ радостью вскрикнулъ.

— Посмотрите, вонъ они показались; но они ѣдутъ верхомъ и вѣроятно ихъ кто нибудь предупредилъ, потому что они озираются по сторонамъ. Мы отлично можемъ захватить ихъ, бросившись на нихъ и спереди, и съ тыла.

Завидя непріятеля, гусары кинулись въ атаку, а докторъ, приподнявшись на стременахъ, крикнулъ имя Дессала и, забывъ все на свѣтѣ, стремглавъ поскакалъ впереди всѣхъ на встрѣчу своему заклятому врагу. До сихъ поръ, при всякой стычкѣ съ французами или когда онъ преслѣдовалъ ихъ обращавшіеся въ бѣгство отряды, онъ все ожидалъ увидѣть передъ собою личность своего соперника; теперь тотъ находился отъ него въ нѣсколькихъ саженьяхъ и онъ подумалъ, что вотъ наступилъ, наконецъ, роковой часъ. Дикое, неукротимое чувство ярости овладѣло этимъ всегда разсудительнымъ человѣкомъ; отдавшись всѣмъ существомъ своимъ охватившему его страстному порыву, онъ въ другой разъ громко крикнулъ имя французъ; въ отвѣтъ на это раздался другой столь же громкой крикъ и оба противника поскакали прямо другъ на друга. Не

смотря на большую ловкость полковника, отчаянное нападеніе, сдѣланное на него докторомъ, не дало ему времени предупредить посыпавшіеся на него съ нечеловѣческой силою удары сабли. А позади доктора послышался въ то время крикъ поляка: «Оставьте его, онъ мой!» какъ-бы не желая никому уступить этого непріятеля. Между тѣмъ Гансъ также несся на него во весь духъ, съ пиною въ рукахъ, которую онъ выхватилъ у одного изъ раненыхъ. Французъ, желая отразить сыплющіеся на него удары, поставилъ свою лошадь на дыбы; но она въ ту же минуту упала, придавивъ собою своего всадника, который лишился чувствъ. Тогда докторъ нагнулся съ сѣдла, чтобы взглянуть на своего противника и торжествующая улыбка показалась на его губахъ; затѣмъ онъ прищипорилъ свою лошадь и врѣзался въ толпу непріятелей.

Половина французскаго отряда разбѣжалась, часть его была перебита, а остальная взята въ плѣнъ, когда Гансъ, по приказанію начальника, протрубилъ отбой а докторъ, проѣзжая мимо того мѣста, гдѣ онъ рубился съ французомъ, который все еще лежалъ безъ чувствъ, увидалъ сидящаго около него старика вахмистра, поддерживавшаго голову раненаго. А полякъ, съ довольною улыбкою указывая на порядочное количество захваченныхъ гусарами лошадей, сказалъ доктору:

— Вотъ это хорошая добыча; тутъ есть между прочимъ прекрасныя лошади!

Полковника положили на телѣгу, за которую посылали въ деревню одного гусара, и эскадронъ, съ плѣнными и захваченными лошадьми, отправился обратно въ то мѣсто, гдѣ ротмистръ устроилъ свою главную квартиру. По возвращеніи туда, ликующіе побѣдители нашли тамъ все въ томъ же положеніи, какъ и до своего ухода; но только гусарамъ, оставленнымъ въ деревнѣ для охраненія плѣнныхъ, пришлось сдѣлать строгій выговоръ, что они жестоко напились; когда же ротмистръ началъ производить по этому поводу слѣдствіе, то оказалось, что они не устояли противъ искушенія отвѣдать предложенной имъ французскими артиллеристами водки, запасъ которой тѣ вытащили изъ орудійныхъ ящиковъ и которую предложили по-пріятельски распить съ ними. Раненыхъ между тѣмъ перенесли въ домъ, гдѣ уложили ихъ на полу, на соломѣ; полковника положили на кровать въ отдѣльной комнатѣ, оставивъ при немъ старика сержанта для того, чтобы онъ могъ ходить за нимъ во время болѣзни.

— Этотъ полковникъ извѣстный смѣльчакъ, сказалъ доктору полякъ. — Онъ смотритъ теперь мрачнѣе ночи и на мои вѣжливыя распросы не отвѣтилъ ни одного слова; я не довѣряю ему.

Онъ самъ лично осмотрѣлъ комнату, гдѣ стояла кровать, возлѣ которой находилось крохотное оконце, но настолько узкое, что въ него положительно не могъ бы вылѣзть даже здоровый человѣкъ, не только больной; но тѣмъ не менѣе онъ велѣлъ снять съ петель дверь, ведущую въ сосѣднюю комнату, гдѣ поставилъ караульнаго гусара съ тою цѣлью, чтобы, доставивъ французу возможность оставаться въ комнатѣ одному, гусаръ былъ въ состояніи слѣдить изъ другой комнаты за всякимъ движеніемъ раненаго.

Докторъ, вызвавъ старика сержанта къ себѣ, сказалъ ему, что онъ готовъ осмотрѣть ногу полковника, если онъ того пожелаетъ. Но когда тотъ въ полголоса спросилъ объ этомъ послѣдняго, то тотъ отвѣчалъ только отрицательнымъ, полнымъ отвращеніемъ, движеніемъ головы, такъ что къ нему тотчасъ же послали корпуснаго хирурга, который нашелъ переломъ ноги, сказалъ, что это не представляетъ никакой опасности, и тщательнымъ образомъ наложилъ на больную ногу повязку. Пациентъ его во все время лежалъ тихо, а сержантъ между тѣмъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

На дворѣ и въ саду весело суетились гусары, готова своя обѣда, покуривая трубочки и балагуря между собою. Позади надворныхъ строеній стояли отбитыя у непріятеля орудія и фуры, около которыхъ былъ поставленъ караулъ изъ егерей-добровольцевъ; въ одной половинѣ молотильнаго сарая расположились на отдыхъ офицеры и нѣсколько добровольцевъ, въ свою очередь также одушевившихся удачнымъ результатомъ нападенія. Уже начинало темнѣть и Гансъ распорядился, чтобы хозяйскіе работники натаскали въ сарай для офицеровъ побольше соломы для спанья. Въ это самое время старикъ французъ подошелъ къ постели своего господина и сказалъ шепотомъ:

— Я пришелъ сообщить вамъ объ одной вещи, господинъ полковникъ.

Тотъ обратилъ къ нему свое мрачное лицо.

— Фейерверкеръ говоритъ, что въ то время, когда артиллерійскіе солдаты угощали непріятельскихъ гусаровъ, онъ потихоньку перетаскилъ боченокъ съ порохомъ въ молотильный сарай, что находится по ту сторону дороги, и спряталъ его подъ гороховой соломой. Отъ боченка онъ провелъ зажигатель-

ную нитву вдоль конюшни подъ соломою вплоть до этого дома. Онъ савояръ и хочетъ отомстить гусарамъ за то, что они больно отколотили его, причемъ даже слегка ранили. Ночью, когда непріатели расположатся въ молотильномъ сараѣ спать, онъ хочетъ взорвать его, и надѣется обмануть караульныхъ. Боченокъ съ порохомъ поставленъ возлѣ того мѣста, гдѣ будутъ спать офицеры, а фитиль проведенъ позади этого дома въ сосѣднюю комнату, гдѣ помѣстили савояра, такъ какъ онъ также находится въ числѣ раненыхъ. Но я сказалъ ему, чтобы онъ не смѣлъ этого дѣлать безъ вашего разрѣшенія; такъ что вамъ нужно будетъ только постучать въ стѣну и онъ сейчасъ же зажжетъ фитиль.

Въ глазахъ полковника блеснулъ какой-то зловѣщій огонь и онъ спросилъ:

— А гдѣ спитъ докторъ изъ того города, знаешь?

— Вмѣстѣ съ офицерами въ молотильномъ сараѣ.

— Да отчего же этотъ дуракъ не сдѣлалъ этого тотчасъ? проговорилъ сквозь зубы полковникъ.

— Господинъ полковникъ, вѣдь этотъ докторъ спасъ вамъ жизнь, замѣтилъ на это старикъ.

— Но онъ также навсегда похитилъ у меня все счастье въ будущемъ; онъ насильственнымъ образомъ вторгнулся въ мои отношенія къ дѣвушкѣ, которая должна была сдѣлаться моею женою, и потому одинъ изъ насъ лишній въ здѣшнемъ мірѣ!

— Однакожъ, если такъ должно быть, то вамъ слѣдуетъ употребить порохъ для пистолетнаго заряда, а не прибѣгать къ взрывамъ пороховаго боченка, продолжалъ старикъ.

— Въ военное время нечего разбирать оружія или способа, когда нужно убить врага.

— Но полковникъ Дессаль прежде всегда смотрѣлъ на это иначе.

— Ты сдѣлалъ свое дѣло, сообщилъ мнѣ, а я подамъ фейерверкеру сигналъ. Старикъ угрюмо выслушалъ это и удалился, поклонившись по военному.

Между тѣмъ солнце закатилось и въ домѣ стало совсѣмъ темно. Ротмистръ вошелъ въ большую комнату и приказалъ принести свѣчей, свѣтъ которыхъ привлекъ туда также и прочихъ офицеровъ; потомъ, высунувшись въ окно, выходящее на дворъ, онъ крикнулъ доктору:

— Иди сюда къ намъ, любезный другъ, выпить вмѣстѣ французскаго вина.

Докторъ тотчасъ же явился на зовъ и усѣлся за столомъ вмѣстѣ съ прочими.

Ротмистръ, наливъ стаканъ, подалъ старику вахмистру.

— Выпей-ка вмѣсто своего барина, старикъ! Вѣдь ему теперь этого нельзя! А между тѣмъ ты развеселился бы хотя немного. У насъ, гусарь, есть поговорка: сегодня нашъ день, а завтра можетъ быть вашъ!

Старикъ поблагодарилъ, поставилъ стаканъ передъ собою, но не выпилъ не одного глотка.

— А вотъ этотъ стаканъ я выпью въ честь твою, товарищъ, сказалъ онъ обращаясь къ доктору.

— Сегодня ты, прикомандированный ко мнѣ доброволецъ, въ первый разъ принялъ участіе въ дѣлѣ вмѣстѣ со мною и я только радовался, глядя на тебя. У насъ, въ Польшѣ, есть пословица, что всякій внучъ похожъ на своего дѣда и, судя по тебѣ, я полагаю, что твой дѣдъ былъ отличный рубака.

— Нѣтъ, на этотъ разъ вышло не такъ, отвѣчалъ докторъ смѣясь. — Мой дѣдъ былъ солдатомъ только одинъ часъ въ продолженіи всей своей жизни. Онъ былъ необыкновенно высокаго роста, вслѣдствіе чего отецъ Фридриха Великаго хотѣлъ непременно упрятать его въ свой потсдамскій полкъ и велѣлъ даже одѣть его въ полную обмундировку, но потомъ вдругъ раздумалъ и давъ ему приходъ, сказалъ, что онъ будетъ не солдатомъ, а пасторомъ. Даже доживъ до глубокой старости, дѣдъ мой продолжалъ держаться прямо, на вытяжкѣ, какъ гвардеецъ. Я только смутно помню его; въ моей памяти остались только его прекрасные сѣдые волосы и тотъ фактъ, что онъ однажды положилъ мнѣ на голову свою руку въ знакъ благословенія.

— А на мою голову ничья рука не призывала благословенія, сказалъ ротмистръ совсѣмъ необычнымъ ему грустнымъ голосомъ. — Дѣда моего изрубили на смерть своими саблями кон федераты; а отецъ застрѣленъ былъ французами въ то время, когда онъ состоялъ на австрійской службѣ; такъ что я не помню ни того ни другаго. Послѣ того мать моя переселилась въ прусскія владѣнія, когда я былъ еще совсѣмъ маленькій. Тамъ я въ первый разъ увидалъ какого-то гусара и такъ плѣнился имъ, что тотчасъ же объявилъ моей матери, что и я непременно хочу сдѣлаться точно такимъ же гусаромъ. Сколько я могу припомнить, я не зналъ иного отцовскаго дома, кромѣ моего полка, и другаго, призываемаго на мою голову благословенія, кромѣ Божьяго, которое почіетъ надъ головою всякаго честнаго гусара.

Съ этими словами онъ поставилъ свой стаканъ на столъ.

— Выпивай остатки, любезный другъ; вѣдь завтра на разсвѣтъ намъ нужно будетъ опять отправляться въ походъ, а теперь маршъ! на нашъ ночлегъ въ молотильномъ сараѣ.

Пруссаки ушли изъ дома, гдѣ все постепенно стихло; даже на дворѣ не слышно было ни малѣйшаго движенія. Сержантъ подошелъ къ кровати полковника и нагнулся, чтобы посмотрѣть на него; больной спалъ. Удивленный этимъ обстоятельствомъ, онъ долго прислушивался къ дыханію спящаго, который не шевельнулся ни однимъ членомъ. Покачавъ головою, онъ взялъ ведро съ водою и вышелъ съ нимъ на дворъ.

Когда докторъ вышелъ въ это же самое время изъ молотильнаго сарая въ колодцу, то въ темнотѣ увидалъ неподалеку какую-то наклонившуюся къ землѣ фигуру, въ которой онъ узналъ старика француза.

— Что ты здѣсь дѣлаешь, служивый? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Я нашелъ здѣсь пулю, которую хочу сохранить на память, сказалъ онъ приподнимаясь и, поклонившись доктору, пошелъ обратно въ домъ. Тамъ онъ снова нагнулся надъ постелью полковника и поглядѣлъ ему въ лицо. Тотъ лежалъ все въ томъ же положеніи. Тогда сержантъ сѣлъ возлѣ него и выпилъ стаканъ вина, предложенный ему прусскимъ офицеромъ.

Все было тихо; звѣзды, которыми усяянъ былъ небесный сводъ, уже померкли; начинала заниматься утренняя заря. Въ эту минуту Гансъ вышелъ изъ молотильнаго сарая и затрубилъ сигналъ, разбудившій всѣхъ; полковникъ также приподнялся на своей постелѣ.

— Я заявлю о себѣ, чтобы меня взяли подъ арестъ и судили военнымъ судомъ тогда, когда господину полковнику будетъ возвращена его сабля, сказалъ старикъ мрачно.

— Что ты говоришь, дѣдъ?

— Вчера вечеромъ я, вопреки вашему приказанію, перерѣзалъ фитиль и залилъ его на всемъ протяженіи.

— Я знаю это. Я зналъ, что ты сдѣлаешь это, когда ты выходилъ отсюда; вѣдь я не спалъ тогда.

Но старикъ продолжалъ по прежнему довлѣдывать съ суровымъ видомъ:

— Вчера, точно также, вопреки вашему приказанію, я объявилъ фейерверкеру, что если онъ когда нибудь на будущее время затѣетъ такую штуку, то господинъ полковникъ, или я, тотчасъ же всадимъ ему пулю въ лобъ, если онъ осмѣлится

когда нибудь поджечь фитиль съ цѣлью произвести взрывъ, безъ разрѣшенія господина полковника.

— Ну, хорошо! сказалъ полковникъ и протянулъ ему руку. — Поди сюда, дѣдъ! сядь возлѣ меня, вѣдь только ты одинъ и остался у меня во всемъ мѣрѣ!

И съ этими словами онъ опять легъ на подушки. Такимъ образомъ сидѣли они молча до тѣхъ поръ, пока поляжъ, уже совершенно на походѣ, вошелъ въ комнату.

— Хотя мы оба исправно дрались другъ съ другомъ, по между нами еще не всѣ счеты покончены, началъ онъ. — Я привыкъ платить мои долги честнаго человѣка. Было время, когда вы отпустили моихъ, застигнутыхъ вами въ распахъ, гусаръ. Теперь пришла моя очередь. Дайте мнѣ слово за себя и за вашего спутника, что вы въ продолженіи этого похода не будете болѣе сражаться противъ насъ, и я воспользуюсь даннымъ мнѣ, какъ начальнику летучаго отряда, правомъ, чтобы тотчасъ же отпустить васъ, предоставивъ вамъ отправляться куда угодно.

— Мнѣ теперь не трудно будетъ дать вамъ такого рода обѣщаніе, сказалъ полковникъ, указывая на свою, связанную въ лубки ногу, и затѣмъ далъ свое честное слово. Ротмистръ влинулся изъ окна своего денщика и вручилъ старику палашь и саблю.

— Но такъ какъ мы уже начали обоюднo обмѣниваться любезностями, такъ началъ французъ, не безъ нѣкоторой борьбы съ самимъ собою, — то позвольте мнѣ, въ знакъ моей признательности къ вамъ, сообщить къ вашему свѣдѣнію, что въ молотильномъ сараѣ, около того мѣста, гдѣ вы спали, находится боченокъ съ порохомъ; проведенный къ нему фитиль, назначавшійся для того, чтобы взорвать всѣхъ васъ на воздухъ, былъ перерѣзанъ вчера вечеромъ моимъ сержантомъ, чтобы предупредить нарушеніе вашего сна такимъ неприятнымъ способомъ. Если такого рода поступокъ, который онъ привелъ въ исполненіе не по чьему либо приказанію, а по чувству долга честнаго солдата, можетъ имѣть въ вашихъ глазахъ какую нибудь цѣну, то вы очень обяжете моего старика, если, послѣ произведеннаго вами вопроса надѣ виновникомъ этого злоумышленія, заявите о его благородномъ поведеніи относительно враговъ и ояжете снисхожденіе его виновному товарищу, не подвергая послѣдняго всей строгости военныхъ законовъ.

— Я ничѣмъ не могу болѣе отблагодарить васъ, вахмистръ, какъ прогнавъ сію же минуту на всѣ четыре стороны эту га-

дину, чтобы не имѣть неприятности таскать ее всюду за собою, сказалъ ротмистръ.

— Позвольте попросить васъ еще объ одномъ одолженіи, продолжалъ полковникъ. — Я желалъ бы какъ можно скорѣе и не выдавшись ни съ кѣмъ уѣхать отсюда; не можете ли вы дать мнѣ и моему слугѣ какую нибудь фуру?

— Я сейчасъ приважу хозяину этой мызы запречь для васъ свой экипажъ, отвѣчалъ полякъ. — А если намъ когда нибудь опять придется встрѣтиться на боевомъ полѣ, то, конечно, первое нападеніе будетъ сдѣлано не съ моей стороны.

— Точно также намѣренъ поступить и я, сказалъ французъ. И вѣжливо поклонившись одинъ другому, они разстались.

Когда черезъ нѣсколько минутъ докторъ вошелъ въ комнату больного, то уже болѣе не засталъ тамъ ни его самого, ни его слугу.

— Куда онъ уѣхалъ? спросилъ докторъ ротмистра.

— Въ югу, въ ближайшій городъ, отвѣчалъ полякъ. — Это впрочемъ нисколько не помѣшаетъ нашему плану; мы отправимся совсѣмъ въ другую сторону. А такъ какъ мы не можемъ всюду таскать за собою захваченныхъ у неприятеля пушекъ, то чтобы онѣ болѣе никому не доставались въ руки, я велю взорвать ихъ, благо въ нашей сегодняшней спальнѣ овазала боченокъ съ порохомъ.

Полковникъ Дессаль положительно исчезъ. Докторъ, впрочемъ похода сѣравлялся нѣсколько разъ о немъ зимою и раннею весною у разныхъ французскихъ офицеровъ, изъ которыхъ многіе были съ нимъ знакомы и встрѣчались до того времени, когда онъ попался въ плѣнъ; но послѣ того никто не могъ сказать, куда онъ дѣвался.

ХП.

Миръ близокъ.

Ушли добровольцы, вытребованъ въ ряды дѣйствующей арміи находившійся въ городѣ гарнизонъ, покинули женъ и дѣтей семейные люди, подлежащіе призыву въ ландверъ, и въ окружномъ городѣ не осталось уже тѣхъ молодыхъ силъ, которыя

прошлою весною съ такимъ ожесточеніемъ поднялись противъ ненавистнаго врага. Но тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы городскіе обыватели уже были совсѣмъ беззащитными, потому что все наличное мужское населеніе вооружалось какими-то копьями, напомиравшими своимъ видомъ вооруженіе древнихъ гунновъ, и ежедневно эзерцировалось на прилегающемъ къ городской заставѣ лугу въ маршировкѣ и въ обращеніи съ своимъ оружіемъ, что въ сущности представлялось дѣломъ не совсѣмъ легкимъ, такъ какъ эти тяжелыя пики было ничто иное, какъ длинныя, ерѣпкіе колья, съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ. Именно въ бросаніи этихъ копій впередъ и въ бою и упражнялись теперь усердные граждане, воображая передъ собою врага, будто бы свачущаго прямо на нихъ съ саблями на горло, и пріятно имъ приходило въ такой азартъ, что пики ихъ, бросаемыя со всего плеча, летѣли черезъ весь лугъ прямо въ стадо мирно пасущихся тамъ гусей. И тотъ, кому удалось однажды приобрѣсти извѣстную ловкость въ этомъ метаніи копій, уже получалъ положительную страсть къ этому занятію и полнѣйшее убѣжденіе въ своей неоспоримой пригодности къ военному дѣлу. Само собою разумѣется, что во главѣ этого общаго городского ландштурма находился капитанъ Бебловъ, и вся его команда, какъ будто заправскіе солдаты, громила своимъ оружіемъ невидимаго непріятеля, какъ будто бы послѣдній уже въ самомъ дѣлѣ подступалъ къ городу. А когда колоссальная фигура самого капитана, вооружившагося, ради примѣра для своихъ подчиненныхъ, коломъ, размѣрами своими напоминающимъ корабельную мачту, выступала впереди этого баталіона, то, при видѣ его, всѣ бюргеры ощущали въ своихъ сердцахъ положительно львиное мужество. И вотъ они всѣ, за исключеніемъ только самыхъ дряхлыхъ стариковъ, бодро маршировали за своимъ начальникомъ, раздѣленные на два отряда, однимъ изъ которыхъ командовалъ Шиллингъ, а другимъ Хуцель, даже отпустившій себѣ усы по просьбѣ своей жены. Такимъ образомъ городъ положительно принялъ видъ военнаго лагеря; одинъ только сборщикъ податей держался отъ всего этого поодаль, что впрочемъ не мѣшало ему отправляться на городской валъ смотрѣть на такого рода зрѣлище.

Какъ знать? можетъ быть провинціи понадобятся опять большія военныя силы, если неугомному императору вздумается снова придти сюда, и оружнему городу будетъ предстоять осада со стороны французскихъ войскъ. Тогда Бебловъ, съ горстью своихъ товарищей, былъ бы одинъ въ состояніи не до-

пустить французовъ проникнуть въ городъ черезъ этотъ живой частоколъ; однако большинство его согражданъ замѣчали ему, что было бы уже черезъ-чуръ неблагоразумно прибѣгать къ такимъ отчаяннымъ мѣрамъ, и ихъ ревность къ военному дѣлу на нѣкоторое время остывала настолько, что они переставали являться на мѣсто военныхъ упражненій. Но какъ только получалось извѣстіе о бѣгствѣ непріятеля, то они съ прежнею пылкою отвагою снова собирались на лугу, съ оружіемъ въ рукахъ, причемъ одному изъ этихъ воинственныхъ гражданъ пришла въ голову гениальная мысль. Воткнувъ однимъ концомъ свое копье въ землю и посматривая на его желѣзное остріе, онъ сказалъ, обратившись къ господину Келеру:

— Это безъ сомнѣнія самое лучшее оружіе въ мірѣ; но для того, чтобы оно могло достигать своей цѣли, нужно, чтобы непріятель спокойно стоялъ на одномъ мѣстѣ.

— Да, вы совершенно правы, отвѣтилъ ему на это сборщикъ податей.—Для насъ, городскихъ бюргеровъ, это самое лучшее оружіе, потому что вы, потрудившись надъ нимъ съ истинно геройскимъ мужествомъ втеченіи цѣлаго года до поту лица, уразумѣли наконецъ, что отечество требуетъ отъ каждаго изъ васъ уже самаго крайняго доказательства усердія, такъ какъ все остальное ваше время вы отдаете труду въ вашихъ мастерскихъ для безконечныхъ различныхъ поставокъ, которыя до сихъ поръ остаются не вознагражденными, и вы принуждены ѣсть безропотно черный хлѣбъ, испеченный намъ настоящимъ положеніемъ дѣлъ. Не будь у васъ теперь вашихъ пикъ, плохо бы пришлось вамъ, бѣднягамъ!

Въ то время, когда непріятельская армія, возвращавшаяся черезъ Германію обратно безпорядочными большими толпами, снова наводнила страну, пасторъ настоялъ на томъ, чтобы дочь его отправилась въ городъ, гдѣ жители все-таки подвергаются меньшей опасности. По этому поводу Генріетта списалась съ Минхенъ Бусковъ и переселилась къ ней въ окружный городъ, въ ея маленькую каморку подъ крышею, гдѣ пребываніе пасторской дочери продлилось до осени и гдѣ она оказалась неопѣвненною помощницею Минхенъ въ школѣ и при сборѣ пожертвованій въ пользу отечества. Но каждое послѣ-обѣда ихъ обѣихъ уже непременно можно было встрѣтить на городскомъ валу, въ сопровожденіи сборщика податей и доктора; а когда бесѣда всѣхъ четверыхъ была особенно оживлена, то можно было навѣрное угадать, что рѣчь идетъ о защитникахъ отечества на полѣ сраженія. Съ удвоеннымъ чувствомъ радости получала Генріетта

извѣстія, привозимыя почтою, или черезъ посланныхъ, о быстро слѣдовавшихъ одна за другою побѣдахъ, потому что теперь она могла подѣлиться ими съ друзьями любимаго ею человѣка. А когда обѣ эти полезно занятыя дѣвушки сходились вечеромъ въ каморѣхъ подъ крышею, гдѣ работали для тѣхъ, кто составлялъ главный предметъ ихъ разговора, то Минхенъ была положительно въ восхищеніи отъ своей роли хозяйки передъ своею новою пріятельницею, такъ какъ ей никогда въ жизни еще не приходилось исполнять этихъ обязанностей и потому она внутренно гордилась тѣмъ, что могла доказать свою распорядительность по этой части передъ такою опытною и домовитою хозяйкою, какъ Генріетта. А такъ какъ пасторша не забывала самымъ акуратнымъ образомъ доставлять изъ деревни всякую провизію, чтобы не стѣснить городскую жительницу прибавкою лишняго человѣка за обѣдомъ, то обѣ дѣвушки, принявшія вести свое домашнее хозяйство сообща, чувствовали себя совершенно счастливыми, какъ двѣ вольныя птички.

Послѣ великаго сраженія при Лейпцигѣ, городскіе жители поблагодарили за его успѣшный исходъ Господа Бога въ церкви, а у себя въ домахъ разставили по этому случаю на всѣхъ окнахъ свѣчи. Исполненная благоговѣнія радость всего народа, хотя и не обильная словами, но искренняя, выразилась во всей своей полнотѣ и въ такой мѣрѣ, что онъ забылъ всѣ свои опасенія за будущность своего отечества и въ его душѣ исчезло даже всякое воспоминаніе о тяжелыхъ, вынесенныхъ въ предшествовавшіе годы, страданіяхъ и бѣдствіяхъ.

Когда дороги уже сдѣлались свободными для проѣзда и почта стала акуратно привозить изъ арміи письма, Генріетта, въ одинъ мрачный, ноябрскій день, получила два письма: одно отъ любимаго ею человѣка, который сообщалъ ей о своей встрѣчѣ съ французомъ; а другое—отъ своего отца, со вложеніемъ адресованной на ея имя записки, написанной хорошо знакомымъ ей почеркомъ и видъ котораго ужасно напугалъ ее. Поспѣшно разорвавъ пакетъ, она увидѣла въ немъ свое кольцо съ незабудкою, въ которому приложена была коротенькая записка, заключавшая въ себѣ только слѣдующія слова: «Прощайте навсегда, прекрасная Генріетта!»

Прочитавъ это, она опустила на колѣни, подняла руки къ небу и произнесла: «Боже милосердый, благодарю Тебя!» Затѣмъ она тотчасъ же сѣла къ столу и написала къ доктору письмо, начинавшееся такъ: «Милый мой! я свободна!» и вложила въ пакетъ также написанныя французомъ строки.

На слѣдующій день Генріетта распрощалась съ Минкенъ и уѣхала въ деревню домой. Она бросилась обнимать своихъ родителей и тотчасъ же призналась имъ, насколько горячо она любитъ доктора, причемъ мать сказала ей съ ласковымъ уворомъ:

— Ахъ, какая ты нехорошая! Можно-ли было столько времени скрывать это отъ насъ?

На чтó Генріетта отвѣтила покорнымъ тономъ:

— Когда отецъ и мать признали обрученіе съ французомъ дѣйствительнымъ, то могла ли дочь сдѣлать ихъ повѣренными своей тихой любви къ другому,нося на своей рукѣ кольцо перваго?

Пришлось, однакожь, еще долго ждать свиданія; но это были мѣсяцы радостнаго ожиданія, которое придаетъ бодрость походкѣ и румянитъ лицо. Генріетта какъ птичка порхала по всему дому и по двору; а когда пасторъ услышалъ доносившійся до него веселый смѣхъ Генріетты, котораго онъ не слыхалъ уже въ продолженіи многихъ лѣтъ, то онъ оторвалъ глаза отъ книги Лютера, гдѣ читалъ о вавилонскомъ плѣненіи церкви, и также, въ свою очередь, улыбнулся. Вечеромъ, когда онъ по обыкновенію усѣлся въ свое кресло, дочь его спѣла ему, подъ аккомпаниемя стариннаго фортеціано, всѣ его любимыя пѣсни: о скачущемъ на игрушечной лошади мальчикѣ и о прочемъ, и сверхъ того спѣла пѣсню о раненомъ воинѣ, который проситъ снять его съ телѣги и положить на землю.

Первая семейная радость явилась въ видѣ письма доктора, который просилъ у родителей руки Генріетты. Пасторъ отвѣтилъ ему съ подобающею въ подобныхъ случаяхъ официальностью, но съ сильнымъ внутреннимъ волненіемъ.

Наступила опять зима и снова закружились бѣлыя пушинки не только въ саду и въ полѣ, но даже и въ кладовой пасторскаго дома, гдѣ мать набивала подушки и пуховикъ въ приданое своей дочери, которая, тѣмъ временемъ, сидѣла у себя въ комнатѣ и писала длинныя, нѣжныя письма къ жениху; она была теперь покойна, такъ какъ онъ болѣе не подвергался опасностямъ боевой жизни, потому что воротился къ своимъ специальнымъ занятіямъ, испросивъ у своего начальника, майора, отпускъ въ Майнцъ, гдѣ находились самыя главные лазареты и гдѣ онъ, въ настоящее время, работалъ неутомимо.

Когда же, съ первыми лучами весенняго солнца и съ разцвѣтаніемъ первыхъ подснежниковъ, всю страну облетѣла вѣсть о новыхъ побѣдахъ во Франціи, о низверженіи императора, о

походѣ въ Парижъ и о близости давно желаннаго мира, Су-санна вымела и прибрала весь домъ по-праздничному, а счастливая невѣста, съ помощію Вари, сдѣлала множество гирляндъ изъ сосновыхъ вѣтокъ и украсила ими двери подъѣзда и всѣхъ внутреннихъ комнатъ. Докторъ написалъ Генріэттѣ о времени своего приѣзда, и она долго, по цѣлымъ часамъ, стояла на старинномъ шанцѣ, смотря вдоль дороги. Однажды, тамъ, далеко, показалось какое-то темное пятно, которое постепенно приближалось; вотъ уже слышенъ стукъ лошадиныхъ копытъ, наконецъ показался, ѣдущій верхомъ, мушкетеръ; она увидѣла, какъ онъ повернулъ къ пасторскому дому, и старалась при этомъ рассмотреть его лицо. Сердце ея забилося сильнѣе; она узнала своего возлюбленнаго, бросилась бѣжать ему на встрѣчу и черезъ нѣсколько минутъ онъ уже принялъ ее въ свои объятія.

Рука съ рукою пошли они къ дому; блаженство, наполнявшее въ эту минуту ихъ сердца, было такъ велико, что они оба не въ состояніи были вымолвить ни одного слова, и въ ихъ дуплѣ чувствовался, еще до сихъ поръ, какъ-бы отголосокъ пережитыхъ ими обоими, въ прошедшемъ, страданій. Когда они стали подходить къ стариннымъ укрѣпленіямъ, то докторъ увидѣлъ, что тамъ вырыты съ корнемъ всѣ росшіе прежде колючіе кустарники и что изъ этого пустыря образовалось довольно большое пространство земли, превратившееся въ огородъ, а возлѣ колодца стояла телѣга и лежали разныя садовыя орудія.

— Ты приѣхалъ сюда какъ разъ въ то время, чтобы быть свидѣтелемъ всепоглощающаго въ себя свойства этого колодца; отецъ рѣшилъ непременно засыпать его, чтобы уничтожить связанное съ нимъ суевѣрное преданіе. Подожди немного, милый; я также хочу кое-что бросить туда теперь.

Она побѣжала въ домъ и принесла свое кольцо съ незабудкой.

— Какъ ни легко само по себѣ это кольцо, но тѣмъ не менѣе оно дѣлало жизнь насъ обоихъ крайне тяжелою; я положительно не могу его видѣть, оно нагоняетъ на меня грусть и тоску.

Они подошли къ срубѣ колодца, нагнулись, чтобы посмотреть въ его глубину и Генріэтта, поднявъ руку, бросила туда принесенное кольцо. Черезъ нѣсколько времени они услышали звукъ паденія его въ воду и поняли, насколько глубоко былъ этотъ колодезь.

— Теперь уже нѣтъ ничего болѣе не бросить сюда! Я была послѣдняя! сказала Генріэтта, увлекая доктора прочь.

— Я попрошу тебя послѣдовать за мною, сказалъ тотъ.—
Пойдемъ вмѣстѣ искать четверолистнаго клевера.

— Мнѣ уже не зачѣмъ искать счастья, оно теперь въ моихъ рукахъ.

Они сошли внизъ и когда очутились въ котловинѣ стариннаго рва, то имъ обоимъ вспомнилось, какъ они стояли на этомъ самомъ мѣстѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; вокругъ ихъ былъ высокій валъ, а надъ ихъ головами лазурный сводъ небесъ.

— Вотъ гдѣ началось оно, сказалъ онъ и поцѣловалъ ее.

А она обвила его шею обѣими руками, тихо склонила голову къ нему на грудь и слезы счастья полились по ея щекамъ.

Восемь лѣтъ прошло со времени ихъ первой встрѣчи; восемь лѣтъ ободной, вѣрной любви и горькихъ страданій! Сердца ихъ сошлись, когда они оба находились въ беззаботномъ возрастѣ юности, а теперь они соединялись вѣчнымъ союзомъ въ ту пору, когда онъ уже сдѣлался зрѣлымъ, многоиспытаннымъ человѣкомъ, а она—понимающею смыслъ жизни женщиною. Но не для нихъ однихъ, а для цѣлаго населенія нѣсколькихъ странъ это время было періодомъ грустнаго, одинокаго и полнаго мучительныхъ опасеній ожиданія; многія, подобно имъ, любящія другъ друга существа не могли сочетаться бракомъ въ годину тяжкихъ бѣдствій и безнадежной перспективы въ будущемъ, такъ что для нихъ оставалось только единственное утѣшеніе—ждать для своей родины болѣе свѣтлыхъ дней, а съ ними вмѣстѣ и осуществленія своего собственнаго счастья. Однакожъ, многимъ не суждено было дожить до исполненія своей завѣтной мечты, потому что многіе женихи сложили свои головы на войнѣ противъ врага.

И теперь, когда внуки людей, дождавшихся мира, читаютъ въ книгахъ или запискахъ, оставленныхъ ихъ предками объ этомъ тяжкомъ времени, то сердце ихъ невольно наполняется почти такимъ же горемъ, какъ и сердца тѣхъ, которымъ пришлось переживать его.

Въ старой деревенской церкви, передъ тѣмъ самымъ алтаремъ, гдѣ Генріетта уже однажды стояла рядомъ съ избранникомъ своего сердца, она была повѣнчана съ нимъ. Минхенъ сопровождала ее въ церковь, какъ самая ближайшая къ ней дѣвица-подруга; невѣсту вели подъ руки самъ докторъ и сборщикъ податей, а за ними слѣдовали Варя и Лиза съ своими мужьями.

Когда новобрачные вышли изъ церкви, вся природа положительно сіяла, залитая яркими лучами солнца; въ небесной

высотѣ кружились жаворонки, а въ кустарникахъ раздавалось щебетаніе ласточекъ, спѣшившихъ вить себѣ гнѣзда.

Новая, семейная жизнь доктора внушила сборщицу податей тайныя мысли, которыхъ онъ, впрочемъ, не сообщилъ никому.

Когда, послѣ окончанія войны, даже для женщинъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ пособіяхъ для отечества, былъ назначенъ особенный почетный орденскій знакъ въ награду за оказанныя государству услуги, и когда таковой знакъ былъ присланъ камергершѣ, то господинъ Келеръ былъ очень возмущенъ этимъ обстоятельствомъ и проворчалъ себѣ подъ носъ: «Гдѣ же тутъ справедливость? Какойнибудь вѣдьмѣ съ Блоксберга, которая только повертѣла хвостомъ, дали награду; а о бѣдной Минхенъ, которая трудилась больше всѣхъ, никто и не вспомнилъ». Сказавъ это, онъ взявъ щетку, вычистилъ тщательно чѣмъ когда нибудь свою шляпу, прошелся нѣсколько разъ въ раздумьѣ по комнатѣ, снова почистилъ свою шляпу и въ полголоса сказалъ: «нужно же, наконецъ, положить всему этому конецъ!» Потомъ онъ одѣлся въ свое самое лучшее платье, рѣшительнымъ жестомъ нахлобучилъ себѣ на лобъ шляпу и отправился на городской валь, гдѣ, въ этотъ часъ, онъ обыкновенно встрѣчался съ фрейленъ Минхенъ, когда она возвращалась изъ шеолы. Онъ вѣжливо раскланялся съ ней и спросилъ ее, имѣетъ ли она какія нибудь свѣдѣнія о своемъ раненомъ братѣ?

— Онъ недавно писалъ мнѣ, что боится навсегда остаться инвалидомъ; это очень печально, господинъ Келеръ.

— Онъ какъ честный солдатъ пожертвовалъ своимъ здоровьемъ ради служенія отечеству, говорилъ ей въ видѣ утѣшенія господинъ Келеръ. — Едва-ли съ этимъ можетъ сравниться даже самый славный воинскій подвигъ. Ну, теперь уже обязанность государства позаботиться о немъ; ему можно будетъ доставить мѣсто почтмейстера или чиновника по солянному налогу. Что же вы-то сама думаете дѣлать съ собою теперь, моя милая?

— Если я буду ему на что нибудь полезна, то пойду жить къ нему, такъ какъ моя теперешняя квартира хотя и мала сама по себѣ, но слишкомъ велика для меня одной, отвѣчала Минхенъ.

— Такъ можно перемѣнить квартиру и поселиться въ другой, посоветовалъ сборщицѣ податей. — Пожалуйста, сядемте на эту новую скамейку, которую магистратъ, послѣ столькихъ настойчивыхъ требованій съ моей стороны, наконецъ рѣшился поставить здѣсь для усталыхъ пѣшеходовъ. Скажите-ка мнѣ откровенно, какого вы мнѣнія обо мнѣ?

— Конечно самаго хорошаго, отвѣчала Минхень, привѣтливо смотря ему въ глаза.—Я полагаю, что это даже совсѣмъ лишний вопросъ; вѣдь мы съ вами знаемъ другъ друга.

— Да, конечно, немного знаемъ, возразилъ господинъ Келеръ.—Но я также знаю очень хорошо, что здѣсь въ городѣ всѣ считаютъ меня самымъ придирчивымъ и безпокойнаго характера человѣкомъ, съ которымъ непріятно входить въ близкія отношенія.

— На это я скажу только, что всѣ эти господа очень глупы! съ жаромъ сказала Минхень.—Я думаю, что вамъ впрочемъ не стоитъ обращать на это никакого вниманія.

— Да я и не обращаю; мнѣ это рѣшительно все равно, если только вы этому не вѣрите, отвѣчалъ господинъ Келеръ.

— Ну, а какъ вы думаете, сколько мнѣ лѣтъ? Конечно, я кажусь вамъ человѣкомъ уже весьма степеннаго возраста, которому уже давно перевалило за тридцать и скоро стукнетъ пятьдесятъ! А? вѣдь такъ?

— Минхень съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— А что вы скажете о моей наружности, потому что, какъ тамъ не говори, нельзя ставить женщинѣ въ вину, если она предпочтетъ выбрать себѣ въ мужа красиваго, а не безобразнаго мужчину?

Щеки Минхень вспыхнули; она опустила глаза и, совсѣмъ сконфузившись, стала перебирать концы своей косынки.

— Ну, да что тутъ долго тольковать! Скажите мнѣ просто, безъ обиняковъ, нравлюсь я вамъ?

Минхень по прежнему сидѣла, опустивъ глаза, и на этотъ вопросъ слегка, едва замѣтнымъ образомъ кивнула головой.

— Ну вотъ и прекрасно! торжествующимъ тономъ вскрикнулъ сборщикъ податей, садясь возлѣ нея.—Такъ вы, стало быть, рѣшились бы выйти за меня замужъ?

Минхень ничего не отвѣчала, но руки ея дрожали.

— Пожалуйста не смущайтесь моимъ предложеніемъ, продолжалъ онъ съ озабоченнымъ видомъ.—Вѣдь вы нисколько не обязаны непременно принять его; это зависитъ совершенно отъ вашей доброй воли. Если вы будете настолько добры, что дадите мнѣ свое согласіе, то для этого не нужно много словъ; скажите просто: да! А если-бы вы даже сказали—нѣтъ, то повѣрьте, что дружба моя къ вамъ оттого нисколько не уменьшится.

Тогда Минхень снова слегка кивнула головой и тихимъ голосомъ сказала:

— Я согласна, господинъ Келеръ. При этомъ она взглянула

на него съ выраженіемъ такой искренней, сердечной преданности, что у этого твердаго характеромъ чловѣка все сердце встрепенулось отъ радости и онъ крѣпко сжалъ ея руку въ своей.

— Ну, теперь уже намъ болѣе нечего дѣлать здѣсь на валу, сказалъ онъ.—Пойдемте, моя дорогая Минушка; опирайтесь хорошенько на мою руку. Мы тотчасъ же отправимся къ вашей квартирной хозяйкѣ, которая должна быть свидѣтельницей нашей помолвки. И они вмѣстѣ прошли въ городскія ворота.

Всѣ улицы залиты были яркимъ солнечнымъ свѣтомъ, стѣны домовъ весело переливали своимъ желтымъ, розовымъ и бѣлымъ цвѣтами; встрѣчавшіеся на пути люди привѣтливо кланялись другъ другу, собаки играли, ласкаясь въ прохожимъ; а сборщикъ податей, съ важнымъ и гордымъ видомъ, велъ подъ руку свою будущую подругу жизни, пріятно улыбаясь своимъ знакомымъ и вѣжливо снимая передъ ними свободною рукою свою шляпу.

Когда онъ привелъ Минхенъ домой, то попросилъ фрау Бебловъ сопровождать ихъ обоихъ въ маленькую каморку подъ крышей. Пораженная такимъ торжественнымъ тономъ приглашенія, хозяйка послѣдовала за ними. Придя на верхъ и ставъ передъ портретомъ, сдѣланнымъ постелью, онъ началъ такъ:

Почтенная фрау! Братъ этой дѣвицы находится въ отсутствіи, также точно здѣсь нѣтъ со мною моего друга, доктора, присутствіе котораго было бы мнѣ особенно пріятно въ настоящую минуту; кромѣ же этихъ двухъ личностей вы самая близкая намъ обоимъ по сердцу особа. Вы, впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, постоянно оказывали вашей квартирантѣ такъ много участія и расположенія, что я всегда питалъ къ вамъ самое искреннее уваженіе и признательность. Сегодня я сдѣлалъ Минхенъ предложеніе выйти за меня замужъ и она дала мнѣ свое согласіе, поэтому мы оба просимъ васъ устроить наше обрученіе, надѣвъ намъ кольца.

— Милый, хорошій господинъ Келеръ! Какъ я рада! вскринула пораженная и обрадованная этою вѣстью фрау Бебловъ.

Сборщикъ податей сталъ шарить въ карманѣ своего жилета.

— Вотъ вамъ, душа моя Минхенъ, обручальныя кольца вашихъ родителей. Я, по вашему желанію, долженъ былъ отправить ихъ въ столицу, гдѣ ихъ переплавили бы въ монету, во избѣжаніе чего я выкупилъ ихъ, и потому я, въ свою очередь, также заявляю желаніе, чтобы онѣ были такими же и для насъ. Вотъ возьмите ихъ, фрау Бебловъ, и не откажитесь исполнить

обязанность близкой родственницы, какъ относительно меня, такъ и относительно моей милой невѣсты.

Когда первое волненіе, сообщившееся также въ значительной мѣрѣ и фрау Бебловъ, прошло, Минхенъ заговорила въ полголоса, обращаясь къ сборщику податей:

— Но, господинъ Келеръ, вы....

— Совсѣмъ не вы, а ты, непременно ты, весело перебилъ ее Келеръ.—Нужно же когда нибудь начать говорить мнѣ ты.

Но Минхенъ продолжала грустнымъ тономъ:

Вѣдь у меня нѣтъ никакого приданого! Здѣсь все налицо, сказала она дрогнувшимъ голосомъ, указывая на скудную обстановку своей каморки.

— Если тутъ подразумѣвается бѣлье, то его пропасть въ моемъ шкафѣ, госпожа сборщица податей, отвѣчалъ счастливый женихъ. — Ты сама же заготовляла его въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, ничего не подозревая.

Когда объявлено было о заключеніи мира, то городъ скоро сталъ готовиться къ большому торжеству. Все, что только могъ придумать человѣческой умъ, было придумано для того, чтобы выразить и ознаменовать общую радость.

Барабанщикъ, чѣмъ свѣтъ перебудилъ всѣхъ жителей города трескомъ выбиваемой имъ дробі. Штейнмецъ, забравшись на башню ратуши, трубилъ во всю мочь, а вольные стрѣлки разставлены были по улицамъ шпалерами, посреди которыхъ открылось торжественное шествіе высшихъ городскихъ властей, всѣхъ членовъ магистрата и массы учащихся въ школахъ дѣтей съ вѣнками на головахъ; всѣ они отправлялись въ церковь для принесенія благодарственнаго молебствія Господу Богу. Богослуженіе совершалось также съ величайшею торжественностью, при музыкѣ органа, при пѣніи хоровъ, сопровождаемомъ звуками литавръ; какъ только началась проповѣдь, то мѣстный канониръ стрѣлялъ на кладбищѣ мортирами, которыя подъ конецъ такъ раскалились, что уже сдѣлались негодными къ дальнѣйшему употребленію. Всякій разъ, когда во время проповѣди, громъ этихъ выстрѣловъ доходилъ до ушей молящихся, всѣ женщины вздрагивали; но приэтомъ всякій понималъ, что окончаніе такой войны непременно должно было сопровождаться столь же громкими выраженіями восторга, при празднованіи этого событія.

По выходѣ изъ церкви, всѣмъ, присутствовавшимъ при богослуженіи, предложенъ былъ обѣдъ, на которомъ провозглашалось безчисленное множество тостовъ, что уже считалось по-

ложительно необходимымъ, потому что въ городѣ изстари существовалъ такого рода обычай. При всякой общей, наполнявшей сердца городскихъ жителей, радости, эти люди, какъ и подобаетъ всѣмъ честнымъ нѣмцамъ, чувствовали себя какъ-бы обязанными непременно накормить своихъ бѣдныхъ собратьевъ или сдѣлать имъ какое нибудь добро. Вечеромъ была устроена иллюминація; все было освѣщено, даже шпицъ башни на ратушѣ; на каждомъ окнѣ домовъ стояло по крайней мѣрѣ по четыре свѣчи; всѣ жители высыпали на улицу, никто не хотѣлъ оставаться дома, чтобы караулить какъ-бы не вспыхнули отъ догорѣвшихъ свѣчъ, оконные занавѣсы. Вся людская толпа медленно двигалась по улицѣ, любясь снаружи эффектомъ освѣщенныхъ оконъ своего собственнаго или сосѣдскаго дома.

Усердіе дошло даже до того, что нѣкоторые изъ домовладѣльцевъ устроили у себя въ окнахъ транспаранты. Одинъ всѣми уважаемый бюргеръ, выбранный недавно въ ратманы, поставилъ на подъѣздѣ своего дома очень красивую картину, изображавшую большихъ размѣровъ сапогъ, надъ которыми парилъ въ облакахъ ангелъ, а внизу была сдѣлана слѣдующая надпись: «прочные сапоги и чистое сердце, вотъ самый лучшій путь къ достиженію небеснаго блаженства». Самъ хозяинъ дома, стоялъ передъ своимъ подъѣздомъ и любовался своимъ изображеніемъ; въ эту минуту подошелъ къ нему поздороваться одинъ изъ его старинныхъ завазчиковъ, которому онъ сказалъ съ многозначительнымъ видомъ:

— Я на этотъ разъ не хотѣлъ упоминать о королѣ и отечествѣ, потому что о нихъ никогда никто не забываетъ, а желалъ только намекнуть на то, что для насъ нужно болѣе всего даже и въ мирное время.

Когда иллюминація была потушена, то устроились танцы, въ которыхъ принимали участіе всѣ безъ исключенія. Даже и это сохранилось въ видѣ изстари существовавшаго обычая, что, впрочемъ, всегда безусловно проявляется во всѣхъ людяхъ вообще: когда у нихъ очень весело на душѣ, они невольно пускаются въ плясъ. Большой балъ въ гостинницѣ открытъ былъ ландратомъ, ведшимъ подъ руку молодую бургомистершу, которая все еще какъ-то конфузилась своего новаго почетнаго положенія. За эту парю слѣдовалъ бургомистръ съ фрау Бебловъ. А кто же это идетъ въ третьей парѣ? Ахъ, Боже мой! да вѣдь это господинъ сборщикъ податей. А съ кѣмъ же это онъ танцуетъ? Да неужели вы не узнаете? Съ Минхенъ Бебловъ, своей невѣстой, которая очень мила и аванжна сегодня. Во время танцевъ,

люди всего болѣе веселились, а въ танцахъ участвовали рѣшительно всѣ, отъ мала до велика. Шиллингъ отплясывалъ съ свидѣвшимъ до полу изъ вармана его сюртука краснымъ фулярнымъ платкомъ. Но главнымъ лицомъ и распорядителемъ этого праздника былъ новый молодой докторъ, такой милый человекъ, который по дружбѣ къ своему двоюродному брату, всегда во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ являлся къ нему на помощь и никогда не тратилъ попустому словъ, а молча показывалъ взадъ и впередъ на заднемъ планѣ; всѣ считали его за весьма искуснаго и свѣдущаго человека, и онъ потомъ дѣйствительно дослужился до чина тайнаго совѣтника и былъ сдѣланъ инспекторомъ медицинскаго департамента. Теперь онъ танцевалъ съ многими молодыми дамами, но охотнѣе чѣмъ съ прочими, съ одною стройною дѣвицею, у которой на головѣ былъ надѣтъ вѣнокъ изъ лилій, что дѣлало ее похожей на какую-то сказочную королеву; это была сестра разбогатѣвшаго землевладельца, бывшаго товарища докторскаго кузена.

Въ ту самую минуту, когда балъ былъ въ самомъ разгарѣ, дверь изъ боковой комнаты открылась и оттуда вышелъ докторъ Кенигъ съ своею молодою женою. Они явились поздно потому, что, согласно желанію Генріетты, присутствовали при торжественномъ молебствіи въ деревенской церкви. Какъ только они вошли, бургомистръ выступилъ на середину залы и подаль знакъ; въ ту же самую минуту Штейнмецъ затрубилъ тушъ и все общество прокричало въ честь новобрачныхъ ура!

Танцуйте, веселитесь, мастеровой Бебловъ и крестьянинъ Краузе, потому что вы, вмѣстѣ съ сотнями тысячъ вамъ подобныхъ, поирали ненавистнаго врага и вывели ваше отечество изъ угнетавшаго его унижительнаго состоянія. Въ эти годы пораженія и освобожденія страны отъ чуждаго ярма, самыя лучшія силы вышли изъ среды васъ, незначительныхъ по своему положенію людей, а не изъ правительственныхъ сферъ, гордость и воля которыхъ оказались слишкомъ слабыми, и не изъ среды стариннаго и высоко-образованнаго дворянства, свѣтильникъ котораго колеблется и тускло мерцаетъ, потому что оно даже и въ мирное время не знаетъ настоящихъ предѣловъ, гдѣ начинается и гдѣ кончается истинная любовь къ отечеству. Въ вашихъ, никому неизвѣстныхъ кружкахъ выросла самая свѣжая народная сила, которая проявляется въ вашей простой, беззаветной преданности родинѣ, въ крѣпкихъ мышцахъ вашихъ сыновъ, которыхъ вы посылали на войну; ваша ежедневная скромная работа въ вашихъ мастерскихъ и на деревенскихъ

поляхъ, этотъ неустанный трудъ продукта, который вы отдавали на нужды государства, почти ничего не оставляя себѣ,— вотъ что главнымъ образомъ способствовало спасенію цѣлой обширной страны. Такъ что, когда люди позднѣйшаго потомства оглянутся назадъ и вспомнить принесенныя вами здоровыя и великія жертвы, то должны будутъ убѣдиться, что всѣ эти доблести исходили изъ тѣсныхъ городскихъ жилищъ, или изъ деревенскихъ, обитаемыхъ вами жилищъ!

ХІІІ.

У себя дома.

Со времени заключенія мира прошло двѣнадцать лѣтъ. Большинство тѣхъ дѣтей, которыя, въ настоящее время, играютъ на улицахъ въ бабки или отправляются за городъ въ поле пускать бумажнаго змѣя, родилось уже послѣ войны, такъ что когда ихъ родители начинаютъ рассказывать о башкирахъ, которые располагались на ночлегъ на базарной городской площади, и о томъ, какъ они сами несли на своихъ плечахъ тягость военного времени, учась владѣть пикой, то малютки слушаютъ это какъ сказку о семи карликахъ, среди которыхъ жила снѣгурочка, или волшебную исторію о томъ, какъ мальчишъ съ пальчишъ избавился отъ людоеда, пробравшись между его оружія на свободу. Тогда, вмѣсто войлочныхъ шляпъ, они надѣвали на свои бѣлошурья головы сдѣланные изъ бумаги шишаки, приносили съ своихъ домовъ на улицу охапки соломы и садились на нихъ. Но даже самимъ родителямъ пережитое время казалось почти сказкою; многіе изъ нихъ такъ часто рассказывали о разныхъ небывалыхъ приключеніяхъ, въ которыхъ они доказали свою личную храбрость, что даже, наконецъ, сами повѣрили имъ; а когда бюргеры принимались перебирать одно за другимъ всѣ великія воспоминанія, которыя до сихъ поръ хранились у каждаго въ глубинѣ сердца, то они съ благоговѣйнымъ уваженіемъ вспоминали о королѣ, которому пришлось выдержать такую страшную борьбу впродолженіи этихъ тяжелыхъ годовъ; съ чувствомъ особеннаго довольства вспоминаютъ о Блюхерѣ, который такъ молодецки отколотилъ французовъ; но о своемъ

собственномъ, испытанномъ ими голодѣ и лишеніяхъ они почти никогда не говорятъ, или очень, очень рѣдко. И приэтомъ нужно замѣтить, что ко всѣмъ тѣмъ, кто принималъ въ то время участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, а теперь живетъ мирнымъ гражданиномъ, занимающимся своимъ дѣломъ, народъ относится съ большимъ уваженіемъ, такъ что если ктонибудь изъ этихъ людей, вспоминая прежнее боевое время, выпьетъ лишній стаканъ вина и послѣ этого полѣзетъ къ комунибудь съ кулаками драться, то къ нему всегда снизойдутъ въ томъ, чего никакъ не простили бы комунибудь другому.

Со времени заключенія мира прошло двѣнадцать лѣтъ, но что-то незамѣтно, чтобы размѣры города расширились за этотъ періодъ. Бюргеры питались весьма умѣренно и работаютъ по примѣру отцовъ своихъ, кто молотомъ, кто за тѣцкимъ станкомъ, причемъ весьма немногіе осмѣлились выстроить себѣ новый домъ или расширить свое дѣло, а паровая машина, которую нѣсколько лѣтъ тому назадъ хотѣлъ устроить у себя одинъ предприимчивый человекъ, такъ и до сихъ поръ не пущена въ ходъ. Общественная зала, гдѣ городскіе жители обыкновенно сходились завтракать, уже болѣе не существовала, такъ какъ уже никому не приходило въ голову выписывать зимою бочку устриць, и почетныя городскія лица жили теперь тихою семейною жизнью. Но даже и внѣ города, по деревнямъ, что-то было незамѣтно слѣдовъ улучшенія народнаго благосостоянія; многіе изъ дворянъ-землевладѣльцевъ очень нуждались въ деньгахъ, съ каждымъ годомъ все увеличивалось количество продаваемыхъ въ казну имѣній, и дождь промывалъ насквозь ветхія крыши амбаровъ и молотильныхъ сараевъ. Старики однакожъ еще очень хорошо помнили, что вначалѣ этого столѣтія жилось гораздо лучше; но, съ тѣхъ поръ, и старые, и молодые люди привыкли уже къ многимъ лишеніямъ, отчего они, впрочемъ, не вѣшали головы и продолжали распѣвать пѣсенки, съ тою только разницею, что каждый пѣлъ самъ по себѣ, а не хоромъ. Но тѣмъ не менѣе бюргеры все-таки видѣли, что у нихъ не все осталось по старому; на улицахъ передъ домами повѣшены на цѣпочкахъ новые фонари, которые при вѣтрѣ раскачивались въ разныя стороны; выстроена въ городѣ новая хорошая школа; находившійся при въѣздѣ въ городъ и наполненный иломъ прудъ осушенъ совершенно, а на мѣстѣ его теперь красовалась зеленая лужайка; господинъ бургомистръ настойчиво требовалъ уничтоженія выдающихся съ домовыхъ крышъ жолобовъ, изъ которыхъ, въ дождливую погоду, вода лилась прямо

на головы прохожихъ, и онъ навѣрное добьется этого, не смотря на сопротивленіе этой мѣрѣ господъ домовладѣльцевъ. Изъ всѣхъ городскихъ домовъ теперь ярче всѣхъ выдѣлялась аптека, весь нижній этажъ которой недавно вырасали масляною краскою, распространявшею свой запахъ даже по всей базарной площади.

Маленькій рожокъ почтальона по прежнему возвѣщалъ на улицахъ приходъ почты, которая теперь ежедневно привозила газеты, въ которыхъ, впрочемъ, печаталось далеко не все, и только то, что было на руку полиціи. Изъ нихъ городскіе жители узнали, что гдѣ-то тамъ, на югѣ, произошло возстаніе грековъ, причѣмъ все городское населеніе поголовно возмущалось поведеніемъ турокъ; мужчины негодовали на нихъ за ихъ жестокость, а женщины за ихъ дурныя привычки въ домашнемъ быту; что же касается прочихъ иностранныхъ національностей, то бюргеры все еще продолжали относиться къ французамъ съ большимъ недовѣріемъ, а на англичанъ смотрѣли съ особеннымъ уваженіемъ. Русскіе, конечно, считались ими за союзниковъ, но къ которымъ, вслѣдствіе ихъ нечистоплотности и перемѣнчивости характера, нельзя было питать большой симпатіи. Впрочемъ, вѣдь всѣ эти народы живутъ гдѣ-то тамъ, далеко, и кому въ сущности до нихъ какое нибудь дѣло. Пріѣзжавшіе изъ главнаго города ихъ провинціи или изъ обширной столицы, гдѣ находилась резиденція короля, привозили мало интересныхъ или важныхъ новостей; такъ что самъ окружной городъ, провинція, въ которой онъ находился, и вся область цѣлаго края оказывались какъ-бы волшебнымъ, окруженнымъ невидимою загородкою шиповника, замкомъ сказочной принцессы, гдѣ жизнь казалась почти застывшею, или она текла такъ тихо, что до нея не доходилъ никакаго внѣшній шумъ. Тѣмъ не менѣе въ тиши этой замкнутой жизни вырабатывалась народная сила, которая постепенно въ свое время выбьется наружу и сокрушитъ эту окружающую ее изгородь.

Но самымъ лучшимъ изъ всѣхъ выходящихъ на площадь домовъ былъ двухъэтажный, съ большими окнами, домъ доктора, который купилъ его вскорѣ послѣ своей жинитьбы; такъ что когда горожане проходили мимо этого дома, то всегда прибавляли: «вотъ гдѣ живутъ истинно счастливые люди!» Дѣйствительно тутъ обитало тихое счастье, постоянная дѣятельность, преданная любовь и непоколебимое взаимное довѣріе, которое не нуждается въ многословіи, какъ это, впрочемъ, бываетъ всегда и вездѣ между хорошими людьми. Хозяину этого дома постоянно

приходилось много трудиться и разъѣзжать по разнымъ мѣстамъ, потому что помощникъ его, молодой кузень, переселился въ сосѣдній окружной городъ, женился на барышнѣ, которая танцевала въ вѣнкѣ изъ лилій, и вскорѣ приобрѣлъ тамъ извѣстность и общій почетъ. Докторъ однакожь никакъ не хотѣлъ ограничить находившуюся въ его районѣ деревенскую практику, потому, что многіе изъ деревенскихъ жителей были дороги его сердцу. Возвращаясь изъ этихъ разъѣздовъ вечеромъ домой, онъ, сидя въ экипажѣ, воображалъ, какъ жена радостно встрѣтитъ его, какъ поможетъ ему снять съ себя медвѣжью шубу, какъ усадитъ его за столъ, а сама сядетъ напротивъ и будетъ ласково смотрѣть на него. Отдохнувъ отъ дороги, онъ бралъ свою флейту, на которой прежде хорошо игралъ, и начиналъ фантазировать; въ это время жена его садилась возлѣ него, а полная луна ярко освѣщала собою эту семейную картину. Наигравшись досыта, онъ клалъ свою флейту въ футляръ и затѣмъ крѣпко, горячо обнималъ свою жену. Генріеттѣ нервѣе приходило въ голову, какъ было бы хорошо, если-бы она могла акомпанировать мужу на гитарѣ, и поэтому она, по секрету отъ мужа, купила себѣ этотъ инструментъ и, взявъ нѣсколько уроковъ у органиста, очень усердно упражнялась въ отсутствіе мужа. Въ день его рожденія, она подала ему его флейту, и когда онъ немного поигралъ на ней, то вдругъ раздались нѣсколько аккордовъ на гитарѣ. Это вниманіе съ ея стороны настолько его тронуло, что у него навернулись слезы и онъ поцѣловалъ ея руку. Генріетта даже покраснѣла, такъ необычно было такое любезно-свѣтское обращеніе, и ее настолько поразило это обстоятельство, что она потомъ еще нѣсколько дней втихомолку поглядывала на то мѣсто руки, куда пришелъ этотъ поцѣлуй.

Докторъ могъ бы даже и ежедневно цѣловать у своей жены руку, потому что это была полезная, обо всемъ заботящаяся рука, которая дѣлала прекрасно все, къ чему ни прикасалась въ домашнемъ хозяйствѣ; желая угодить мужу, она сама пекла булки, насадила пропасть цвѣтовъ въ полисадникѣ, который держала въ удивительномъ порядкѣ, и превосходно выдресировала женскую домашнюю прислугу, находя еще сверхъ того время брать къ себѣ на домъ дѣвочекъ для обученія ихъ грамотѣ и руководѣлю.

Но все это было лишь какъ-бы предисловіемъ къ тому времени, когда въ спальной супруговъ появилась маленькая

кроватька, въ которой лежалъ прелестный ребенокъ, живой портретъ своего отца.

— Вотъ и ты былъ прежде такой же, говорила Генриетта съ гордостью своему мужу.—Помнишь, ты рассказывалъ мнѣ, какъ твой отецъ сидѣлъ возлѣ тебя, складывалъ вмѣстѣ твои ручки и не сводилъ съ тебя глазъ; теперь и ты самъ дѣлаешь точно то же. Посмотри, какіе темные волоски у малютки; они и теперь уже начинаютъ немного курчавиться. Что за прелесть! Точно херувимъ. Какъ тихо спитъ онъ теперь, стиснувъ свои крошечные кулачки и поджавъ ноженьки; точно также какъ это дѣлалъ ты, будучи ребенкомъ. Спи, дитя мое, тебя охраняетъ любящій взоръ твоего отца, который будетъ твоимъ лучшимъ руководителемъ въ жизни! Дай Богъ, чтобы ты былъ такой же честный и твердый въ своихъ убѣжденіяхъ человекъ!

Но въ то время, когда и мать и сынъ нуждались въ постороннемъ уходѣ, въ домѣ появлялось одно существо, которое проворно и безъ шума, точно эльфъ или сильфъ, оказывало гдѣ нужно свою помощь, и это былъ никто другой, какъ тетя Минхенъ. Она получила это названіе съ тѣхъ поръ, какъ ребенокъ явился на Божій свѣтъ; у ней положительно былъ природный талантъ мыть новорожденныхъ, пеленать, нянчить на рукахъ и укачивать ихъ, напѣваемой въ полголоса колыбельною пѣсенкою. Она была главною крестною матерью ребенка, котораго заочно крестилъ графъ съ Варей, и она посовѣтовала назвать его Викторомъ, въ память прошедшаго тяжелаго времени, за которымъ послѣдовала побѣда надъ врагомъ.

— Если-бы я не была вполне убѣждена, что я сама родила этого ребенка, то все-таки подумала бы, что онъ твой сынъ, говорила признательная мать.—Посмотри, ужъ онъ начинаетъ дѣлать разныя гримасы, когда видитъ тебя, точно хочетъ тебѣ улыбнуться.

Викторъ росъ крѣпкимъ, здоровымъ мальчикомъ, съ круглою какъ шаръ головою, съ большими голубыми глазами и съ такимъ веселымъ выраженіемъ лица, что еще въ то время, когда не началъ ходить и находился на рукахъ няни, останавливалъ на себѣ вниманіе всѣхъ встрѣчавшихся ему во время прогулки прохожихъ, которые не могли не приласкать его. По всей вѣроятности въ этомъ выраженіи лица отразилась ясность супружескаго счастья его родителей; а общее расположеніе и ежедневныя игры съ сосѣдними дѣтьми сдѣлали его самоувѣреннымъ и рѣшительнымъ, чего не было въ характерѣ его отца, когда послѣдній былъ еще ребенкомъ. Смѣло обращался мальчуганъ съ своими товарищами и, не смотря на то, что былъ моложе

прочихъ, распоряжался всѣми ими безъ исключенія, когда они собирались толпою поиграть на улицѣ. Но даже и съ большими людьми онъ находился въ большой дружбѣ. Одинъ изъ самыхъ близкихъ его пріятелей былъ Гансъ-трубачъ, который, по окончаніи войны, женился на любимой имъ дѣвушкѣ и теперь, занимая имъ должность старшаго служителя при ратушѣ, былъ въ городѣ представителемъ полицейской власти, толстая камышевая палка котораго дѣлала его грозой буяновъ на базарной площади. Даже этотъ самый Гансъ чувствовалъ какую-то особенную нѣжность къ ребенку, такъ что каждый разъ, когда онъ встрѣчалъ его на улицѣ, бралъ его на руки и крѣпко цѣловалъ, причеиъ всегда кололъ его своими длинными усами, что всегда вызывало внутренній ужасъ въ сердцѣ матери ребенка. Весьма часто случалось, что Викторъ сопровождалъ полицейскаго служителя даже при отправленіи имъ его обязанностей, такъ что когда докторъ однажды вышелъ на улицу, то увидалъ, что Гансъ съ поднятою кверху палкою, ведетъ пьянаго крестьянина подъ арестъ, а маленький Викторъ, къ великой потѣхѣ всѣхъ проходящихъ, бѣжалъ также съ поднятою кверху палкою вслѣдъ за крестьяниномъ, передразнивая его и шатаясь, также какъ и онъ, изъ стороны въ сторону. Отецъ, конечно, никакъ не могъ заставить его понять, что это неприлично, потому что мальчикъ хотя дѣлалъ это самымъ добродушнымъ образомъ, но тѣмъ не менѣе былъ довольно настойчивъ и любилъ передразнивать другихъ. Нѣчто подобное случилось также тогда, когда къ доктору пріѣхалъ въ гости камергеръ, любившій нюхать табакъ, причеиъ имѣлъ привычку, поднося къ носу свою довольно большую табакерку, подымать кверху плечи, склонять голову на бокъ и, прищуривъ глаза, съ особеннымъ наслажденіемъ услаждать свое чувство обонянія. Въ числѣ фамилльныхъ, имѣвшихся у доктора вещей, которыми онъ очень дорожилъ, находилась серебряная табакерка, которая переходила по наслѣдству отъ отца къ сыну, какъ подарокъ, полученный дѣдомъ доктора отъ Фридриха Великаго; не повѣрить этому было невозможно, такъ какъ эта вещь сама по себѣ была очень не велика и не имѣла большой цѣнности. Когда камергеръ, разговаривая съ докторомъ, вынулъ изъ кармана свою табакерку и уже приготовлялся отправить въ свой носъ понюшку табаку, то послѣдній замѣтилъ, что онъ какъ-то особенно покосился въ противоположный уголъ комнаты. О ужасъ! Тамъ сидѣлъ Викторъ, съ маленькою серебряною табакеркою въ рукахъ, которую онъ вы-

тащилъ изъ отцовскаго стола, и съ такимъ комическимъ видомъ, но такъ похоже передразнивалъ камергера, что отецъ, не смотря на такую дерзость сына, едва могъ удержаться отъ смѣха.

Смѣлость и безстрашіе мальчика внушали его родителямъ также не малыя опасенія. Недалеко отъ городской стѣны находились уцѣлѣвшія отъ какого-то стариннаго замка развалины одной башни, безъ крыши, съ ветхою, ведущею наверхъ лѣстницею; въ трещинахъ стѣнъ этой башни росла трава и мелкій кустарникъ, сѣмена которыхъ вѣроятно были занесены туда птицами. Башня эта особенно привлекала къ себѣ Виктора, который всегда водилъ туда своихъ товарищей, идя впереди ихъ съ бумажнымъ пишакомъ на головѣ и съ знаменемъ въ рукахъ. Разъ, когда въ семьѣ доктора собирались обѣдать, то Виктора нигдѣ не могли найти, а когда самъ докторъ съ практики возвращался домой, то ему попалась на встрѣчу его прислуга, которая бѣжала со всѣхъ ногъ и въ испугѣ указывала вдоль улицы, въ концѣ которой находились развалины башни. Отецъ бросился также бѣжать слѣдомъ и увидѣлъ, что мальчикъ сидитъ въ окнѣ башни, на страшной высотѣ. Найдя дверь башни отворенною, ребенокъ вскарабкался туда по едва державшимся ступенямъ лѣстницы и затѣмъ не смогъ уже сойти внизъ. Между тѣмъ какъ Гансъ, съ опасностью жизни, взбирался по ветхой лѣстницѣ, которая каждую минуту могла рухнуть подъ его ногами, отецъ съ замирающимъ отъ страха сердцемъ стоялъ внизу и глядѣлъ вверхъ, каждую минуту готовый подхватить на руки своего ребенка, если онъ свалится оттуда.

Наконецъ мальчика удалось спасти, и когда отецъ взялъ его на руки, то такъ крѣпко обнялъ его, что какъ будто боялся, чтобы онъ опять не убѣжалъ, и отнесъ его къ ничего неподозрѣвавшей матери. Потомъ, много времени спустя послѣ того, докторъ еще нерѣдко говорилъ своей женѣ:

— Съ этого самаго дня я очень часто вижу во снѣ башню съ почернѣвшими стѣнами, отворенную дверь, кустарники, растущіе въ трещинахъ зданія, а въ окнѣ, на самомъ верху, моего плачущаго ребенка—и у меня каждый разъ пробѣгаетъ морозъ по кожѣ, какъ только вспомню объ этомъ.

Виктору было уже четыре года, когда родилась его сестра, которую назвали Катериной. Начавшаяся по этому случаю въ домѣ суета сообщила также и ему, причемъ онъ съ удивленіемъ разсматривалъ, появившееся въ его качалкѣ, маленькое, спеленатое существо; сначала онъ попробовалъ осторожно дотронуться до пухлыхъ щечекъ ребенка, а потомъ даже заявилъ

желаніе взять его на руки. Когда дѣвочка уже начала ходить, то Викторъ больше все сидѣлъ съ ней, ласкалъ ее и относился къ ней съ ребячьей снисходительностью, какъ по большей части всегда относятся старшіе мальчики къ своимъ младшимъ братьямъ и сестрамъ.

На сторонѣ Кати была та выгода, что она была вторымъ, родившимся у ея родителей ребенкомъ, поэтому и любовь ихъ къ ней проявлялась болѣе спокойнымъ образомъ и воспитаніе представляло уже менѣе трудностей.

— Эту легче будетъ воспитать, чѣмъ Виктора, съ увѣренностью говаривала мать. Конечно и горе, и радость, и опасенія, и восторги родителей положили на ихъ первенца болѣе сильный отпечатокъ ихъ собственныхъ ощущеній; но за то на долю Кати, кромѣ любви родительской, досталась также другая, дѣтская душа, которая была къ ней ближе всего остальнаго. Она часто подбѣгала къ брату, обнимала его и ласково заглядывала ему въ глаза, а онъ снисходительно улыбался ей. Первые слова, которыя она начала говорить были тѣ, которыя она чаще слыхала отъ своего брата. А въ послѣдствіи, когда она уже немного подросла и мать стала ее учить руководѣлью, первый связанный ею чулокъ назначался Виктору; потомъ, когда она постигла наконецъ премудрость вышиванія по канвѣ въ крестъ, то первая ея работа была сумка для Виктора, что доказывало, что мысли ея постоянно были заняты братомъ.

Домъ доктора былъ также въ высшей степени гостепріимнымъ домомъ; только тамъ рѣдко бывали званые вечера, потому что эти сборища имѣютъ всегда какой-то церемонный и торжественный характеръ. Самыми пріятными для хозяевъ посѣтителеми бывали короткіе городскіе знакомые, приходившіе безъ зова, просто, какъ говорится, на свѣтъ въ окнахъ; этимъ гостямъ подавалось что найдется въ домѣ: пуншъ, яблоки, орѣхи. Кромѣ того пріѣзжали навѣстить доктора кое-кто изъ живущихъ по близости города его университетскихъ или боевыхъ товарищей, которые, за стаканомъ венгерскаго, просиживали далеко за полночь въ пріятельской бесѣдѣ, вспоминая прошедшее время. Викторъ садился въ это время на скамеечкѣ возлѣ своего отца и его положительно нельзя было оторвать оттуда, съ такою жадностью слушалъ онъ рассказы этихъ господъ о поѣздкахъ верхомъ, о пѣшихъ экскурсіяхъ въ Лаурштедтъ изъ университетскаго города, или ихъ воспоминанія о трудахъ и опасностяхъ, вынесенныхъ ими во время войны.

Но самые близкіе друзья дома, сборищъ податей и его

жена, черезъ нѣсколько лѣтъ, уѣхали изъ города, гдѣ господинъ Келеръ до старости добросовѣстно исполнялъ свою обязанность въ ограниченномъ районѣ дѣятельности, а теперь вдругъ правительство получило особенное довѣріе къ его способностямъ, призвавъ его, не въ очередь, въ королевскую резиденцію на весьма видный постъ, который предоставлялъ ему болѣе обширное поле дѣйствія. Это была первая потеря, испытанная счастливою семьею; разставанье обоюдно оказалось тяжелымъ, но всѣхъ тяжелѣе было тетѣ Минхенъ, которая была такъ привязана къ дѣтямъ и они къ ней въ такой степени, что ихъ почти насильно пришлось оторвать отъ ея объятій

Въ числѣ посѣтителей, пріѣзжавшихъ изъ другихъ мѣстъ, находилось семейство Беллерьцовъ. Они были давнишніе знакомые Генріетты и такъ какъ, вслѣдствіе войны, послѣдовало въ нѣкоторомъ родѣ уравниеніе всѣхъ сословій и съ тѣхъ поръ многіе отказались отъ старинныхъ предрассудковъ, то случилось весьма нерѣдко, что всѣмъ извѣстная карета останавливалась у подъѣзда докторскаго дома, гдѣ дамы, обладательницы этого экипажа, устроили себѣ даже что-то въ родѣ временной, даровой квартиры, когда пріѣзжали въ городъ. Однажды зимою, когда жившіе въ деревнѣ помѣщики задумали устроить своимъ кружкомъ въ городѣ большой костюмированный балъ, было рѣшено, что камергерша пріѣдетъ одѣваться къ докторшѣ. Она явилась султаншею, въ тюрбанѣ, на которомъ красовалось перо изъ пряденаго стекла, въ широкихъ атласныхъ шароварахъ и въ длинномъ, накинутомъ на плечи плащѣ, а въ руки придумала взять сдѣланную изъ латуни цѣпь, на которой намѣревалась вести за собою какого нибудь невольника, на роль котораго однакожъ не нашлось охотниковъ; наконецъ, отыскали какого-то мелкаго молоденькаго чиновника, который согласился нарядиться негромъ. Виктора позвали въ ту комнату поглядѣть на замаскированныхъ. Ему въ первый разъ пришлось видѣть такой блестящій туалетъ и потому онъ молча усѣлся въ углу, смотрѣлъ съ какимъ-то особеннымъ удивленіемъ на султаншу, которой никакими ласками не удалось вызвать его оттуда. Когда Генріетта потомъ сказала мужу:

— Что это сдѣлалось съ нашимъ мальчикомъ? обыкновенно онъ бываетъ такой бойкій и ласковый со всѣми, а къ этому семейству онъ просто имѣетъ какое-то отвращеніе!

То докторъ отвѣтилъ на это смѣясь:

— Откуда это у него взялось я не знаю. Но онъ, повиди-

тому, знаетъ этихъ людей не хуже насъ. Дѣти вообще народъ проицательный.

А затѣмъ, когда онъ по просьбѣ своей жены, спросилъ ребенка о причинѣ того, то онъ бойко и живо сказалъ:

— Ну, нѣтъ, я уже не позволю ей вести меня на цѣпи.

Даже впоследствии никакъ не удавалось внушить ему расположеніе къ обладателямъ кареты. Вскорѣ послѣ появленія на Божій свѣтъ Виктора, камергерша подарила своему супругу дочку, маленькую Валерію, которая, въ качествѣ послѣдняго ребенка въ этомъ, богатомъ дѣтми семействѣ, была общео любимицею и ея мамаша уже нѣсколько разъ выражала доктору и его женѣ свое желаніе, чтобы они привезли съ собою въ гости также и Виктора къ его ровестницѣ Валеріи. Поэтому, когда доктору нужно было однажды отправиться по дѣлу въ имѣніе камергера, то онъ взялъ туда вмѣстѣ съ собою и семилѣтняго Виктора, который во время пути находился въ самомъ веселомъ расположеніи духа, потому что для него не было большей радости, какъ ѣхать куда нибудь вмѣстѣ съ отцомъ, чѣмъ онъ положительно гордился. Онъ болталъ безъ умолка; но какъ только экипажъ остановился у подъѣзда камергерскаго дома и лакей повелъ гостей по широкой каменной лѣстницѣ, онъ тотчасъ притихъ; а когда очутился между молодыми барышнями, дочерьми хозяевъ, то совсѣмъ оторопѣлъ и молча стоялъ на одномъ мѣстѣ. Отецъ ушелъ заниматься своимъ дѣломъ, оставивъ мальчика въ обществѣ младшихъ членовъ семейства, которые унаслѣдовали отъ матери большую говорливость, и когда воротился, чтобы взять Виктора, такъ какъ пора была отправляться домой, то не нашелъ его тамъ, причемъ барышни ему объявили, что Викторъ соскучился съ ними и ушелъ съ лакеемъ на дворъ, гдѣ отецъ и увидалъ его сидѣвшимъ около конюшни. Дорогою онъ сталъ стыдить мальчика за то, что онъ былъ такъ невѣжливъ и не хотѣлъ играть съ хозяйскими дѣтми; но получилъ на это довольно грубый отвѣтъ:

— Я ушелъ потому, что онѣ уже очень хвастались своими игрушками и большимъ ковромъ съ цвѣтными разводами, который посланъ у нихъ на полу въ дѣтской; а я сказалъ имъ, что нечего этимъ хвалиться, и что онѣ дуры.

Викторъ уже началъ ходить въ школу. Деканъ, пріятель доктора, вызвался, кромѣ того, давать мальчику еще частные уроки. Вскорѣ затѣмъ и Катя сдѣлалась товарищемъ Виктора по школѣ; онъ помогалъ ей разбирать въ книжкѣ трудныя для нея слова и училъ ее ариѳметическимъ числамъ, такъ что когда

оба эти розовыя личика съ кудрявыми головками склонялись вмѣстѣ надъ аспидною доскою, то сердца родителей ощущали полнѣйшее блаженство, глядя на своихъ малютокъ. Учасъ такимъ образомъ еще дома, дѣти между тѣмъ подростали. Катя уже свободно читала подаренную ей книжку съ картинками, а Викторъ, которому уже пошелъ двѣнадцатый годъ, принялся за неправильные глаголы и за латинскую грамматику.

Когда онъ, однажды, съ своею школьною сумкою черезъ плечо, возвращался домой, то увидаль передъ гостинницею большую нагруженную фуру, откуда, кромѣ множества разныхъ ящиковъ и сундуковъ, вытаскивали еще громадныя тюки какіе-то иностранцы съ кудрявыми волосами и необыкновенно блѣдыми лицами. Въ серединѣ всей этой снующей взадъ и впередъ толпы стоялъ какой-то широкоплечій господинъ, съ пестрымъ, небрежно завязаннымъ на шеѣ галстукомъ и въ шляпѣ, молодецки надѣтой на бекрень. Онъ повелительно размахивалъ руками и распоряжался такъ громко, что голосъ его раздавался по всей площади. Въ сбѣжавшей со всѣхъ сторонъ толпѣ любопытныхъ шли толки о томъ, что это комедіанты, а высокій человѣкъ, отдающій приказанія прочимъ, самъ господинъ директоръ. Викторъ болѣе всѣхъ былъ взволнованъ этимъ неожиданнымъ появленіемъ. Все, къ чему онъ прислушивался во время разсказовъ отца, одушевленіе, съ которымъ послѣдній всегда говорилъ о театрѣ, — все это вдругъ возстало въ видѣ живыхъ образовъ въ его душѣ, предвкусавшей заранѣе какое-то новое, неизвѣданное блаженство. За обѣдомъ опять зашла рѣчь о прибывшихъ въ городъ актерахъ. Даже и самихъ родителей пріятно заняла мысль о перспективѣ театральныхъ представленій, потому что въ ту самую минуту, какъ они полюбили другъ друга, они оба вспоминали о вынесенныхъ ими изъ театра хорошихъ впечатлѣнійхъ. Съ тѣхъ поръ имъ обоимъ рѣдко приходилось имѣть возможность бывать въ театрѣ, а теперь эта возможность, такъ сказать, сама напрашивалась къ нимъ, и они надѣялись, что ожиданія ихъ на этотъ счетъ не будутъ обмануты, потому что эта труппа пользовалась хорошою репутаціею и представленія, даваемые странствующими актерами, имѣли въ то время гораздо болѣе преимуществъ передъ тѣми, какія даются въ настоящее время; если пьесы сами по себѣ въ большинствѣ случаевъ оказывались слабыми, то этого однакожъ никакъ нельзя было сказать относительно ихъ исполненія. Съ этого самаго дня воображеніе Виктора стало дѣятельно работать, какъ это всегда случается съ впечатлительными дѣтьми, въ первый разъ гото-

взящимися присутствовать при какомъ нибудь драматическомъ представленіи; но хотя мать и опасалась, что спектакль слишкомъ сильно повліяетъ на мальчика, тѣмъ не менѣе она однакъ рѣшилась взять его съ собою на первое представленіе. Сцена была устроена въ большой залѣ гостинницы, а передъ эстрадою поставлена была сколоченная изъ досокъ скамейка, на которой Штейнмецъ съ своими помощниками долженъ былъ исполнять музыкальные нумера, предназначавшіеся для услажденія слуха публики. Какъ только поднялся занавѣсъ, Викторъ пришелъ въ состояніе какого-то оцѣпенѣнія, исполненнаго ужаса, удивленія и ожиданія, смотря на незнакомую женщину, которая вышла изъ-за декорацій весьма хорошо написаннаго лѣса, въ бѣлой одеждѣ. въ высокой съ локонами причесѣ, какъ тогда принято было вообще изображать богинь. Раскланявшись со всею публикою, въ томъ числѣ, конечно, также съ Викторомъ и его родителями, она объявила, что она муза и рекомендуетъ себя, также какъ и всю труппу артистовъ, вниманію благосклонной публики. Она показала Виктору такую красивую и съ такими благородными манерами, что до нея далеко было надменнымъ дѣвчонкамъ, дочерямъ камергера. Однакъ исполнявшаяся на театрѣ пьеса была ничто иное, какъ «Кетхенъ фонъ-Хейльбронъ». Викторъ былъ пораженъ видомъ облеченнаго въ серебряныя латы Веттера фонъ-Штраля, закутаннаго въ черный плащъ предсѣдателя тайнаго судилища, очаровательной красавицы Кетхенъ, а болѣе всего заинтересованъ добрымъ, вѣрнымъ пажемъ. Но когда въ половинѣ пьесы произошелъ пожаръ въ замкѣ и когда въ глубинѣ сцены, за транспарантомъ, съ разрѣшенія мѣстной полиціи, раздался трескъ лопающихся ракетъ, причемъ, въ предупрежденіе опасности, за кулисами поставленъ былъ Гансъ съ двумя ведрами воды, то Викторъ пришелъ въ неподдѣльный ужасъ, прижался къ отцу и матери и крѣпко держалъ ихъ обоихъ за руки. По возвращеніи домой, мать встревожилась возбужденнымъ состояніемъ мальчика, его пылающими щеками и тѣмъ, что онъ потомъ не могъ уснуть всю ночь. Но утромъ онъ опять развеселился, былъ совершенно бодръ и, закутавшись въ какой-то старый платокъ, изображалъ собою предсѣдателя тайнаго судилища.

На слѣдующій разъ, когда его опять взяли въ театръ, тамъ шла очень веселая пьеса; давали «Дѣву Дуная», причемъ также пѣли хоры и происходили пляски русалокъ, которыя, за изображенною на декораціяхъ плотиною, размахивали своими прозрачными покрывалами, потомъ явился рыцарь и его толстый ору-

женосецъ Каспаръ Лорифари, который кривлялся самымъ умерительнымъ образомъ. Но чѣмъ Викторъ былъ въ особенности восхищенъ и о чемъ онъ потомъ долго не могъ забыть—это появленіемъ передъ Каспаромъ маленькой русалочки, дѣвочки лѣтъ восьми или девяти, съ розовыми щечками и черными какъ смоль, вьющимися волосами, которая начала кружиться около Каспара и въ то же время пѣть. Дѣвочка была такъ хороша собою и ея пріятный, серебристый голосокъ такъ звонко и чисто раздавался въ театрѣ, что всѣ зрители пришли въ восторгъ и стали громко аплодировать ей. Викторъ во все время не спускалъ съ нея глазъ и когда дѣйствіе окончилось, онъ вскочилъ съ своего мѣста и побѣжалъ къ музыкантамъ. Тамъ, въ сторонѣ отъ занимаемой ими скамьи, возлѣ разрисованнаго театральнаго занавѣса, находилась еще небольшая боковая занавѣска, за которую иногда уходили актеры. Побуждаемый непреодолимымъ любопытствомъ, Викторъ шмыгнулъ за эту занавѣску, взошелъ на маленькую лѣстницу въ нѣсколько ступеней и очутился за кулисами. Тамъ, въ крошечномъ угольѣ, между натянутаго полотна и веревокъ, сидѣла на скамеечкѣ хорошенькая дѣвочка, сложивъ руки на колѣняхъ и безцѣльно смотря впередъ. Викторъ вдругъ проникся какимъ-то особеннымъ чувствомъ уваженія къ ней и, подобно ей самой, стоялъ передъ нею неподвижно, держа въ рукѣ яблоко, данное ему матерью, чтобы онъ полакомился имъ въ антрактахъ. Наконецъ, онъ рѣшился положить яблоко въ колѣни дѣвочки, которая съ удивленіемъ поглядѣла на мальчика. Вдругъ раздался звонъ колокольчика, дѣвочка вскочила съ своего мѣста, а онъ убѣжалъ съ маленькой лѣстницы внизъ и пробрался въ толпу зрителей, за спинами которыхъ родители не замѣтили его вторженія въ святилище искусства.

Съ этой поры Викторъ постоянно просматривалъ театральныя афиши и каждый разъ, когда на нихъ было выставлено имя маленькой Тины, онъ просилъ родителей взять его съ собою въ театръ. Но даже и кромѣ того, въ свободное время, онъ часто прохаживался мимо зданія гостинницы, и когда, однажды, встрѣтилъ маленькую дѣвочку вмѣстѣ съ матерью на улицѣ, то до такой степени обрадовался и въ то же время какъ будто чего-то испугался, что стоялъ точно прикованный на своемъ мѣстѣ. А когда дѣвочка стала разговаривать съ своею матерью—причемъ онъ положительно былъ увѣренъ, что рѣчь шла о полученномъ отъ него яблокѣ—то онъ такъ сконфузился и покраснѣлъ, что даже забылъ поклониться ей и вспом-

нилъ объ этомъ лишь тогда, когда онъ уже были далеко. Вечеромъ, придя въ театръ, онъ опять осмѣлился заглянуть за занавѣску, гдѣ обыкновенно сидѣла дѣвочка, пока придетъ ея очередь выходить на сцену, и громко сказалъ ей:

— Ахъ, какъ это было хорошо!

Дѣвочка посмотрѣла на него и улыбнулась. Такимъ образомъ, первый шагъ къ знакомству былъ уже сдѣланъ. Вслѣдствіе пріятельскихъ отношеній съ городскимъ музыкантомъ, онъ упросилъ послѣдняго позволить ему сидѣть съ нимъ рядомъ, чтобы быть ближе къ сценѣ; а родители его, мѣста которыхъ находились также неподалеку, не имѣли ничего противъ такого перемѣщенія Виктора, который, усѣвшись возлѣ вышеупомянутой занавѣски, могъ часто заглядывать туда и дѣлиться съ дѣвочкою каждымъ лакомствомъ, которое у него оказывалось въ карманѣ. Иногда случалось также, что изъ-за занавѣски показывалась кудрявая головка дѣвочки, которая протягивала оттуда къ нему свою маленькую ручку. Однажды случилось даже такъ, что когда роль ея на сценѣ уже была окончена, то она, одѣвшись въ свой салопчикъ, вышла въ залу и усѣлась на скамейкѣ, рядомъ съ Викторомъ, который положилъ ей въ руку орѣховъ, зажалъ ее своими обѣими руками и былъ вполне счастливъ.

Однакожь эти дружескія отношенія нѣсколько поколебались, вслѣдствіе собственной вины Виктора. На сценѣ разыгрывалась чувствительная драма рыцарскихъ временъ, гдѣ мать дѣвочки исполняла роль героини, у которой какой-то могущественный злодѣй похитилъ ея дѣтей. Въ ту самую минуту, когда отчаянная мать, какъ разъяренная львица, бросилась къ рѣшеткѣ тюрьмы, въ которой были заключены ея дѣти, Викторомъ овладѣло такое волненіе, котораго онъ положительно не въ состояніи былъ преодолѣть; желая, съ своей стороны, поскорѣе избавить несчастную мать отъ душевныхъ мученій, самъ того не замѣчая, толкнулъ, находившеюся у него въ рукахъ тоненькою тросточкою своего отца, цѣлую пирамиду, наставленную зрителями на рампѣ сцены изъ шляпъ, которыя съ шумомъ повалились на сцену и раскатились во всѣ стороны, причѣмъ многія попали даже подъ ноги героинѣ, которой пришлось окончить дѣйствіе при невольномъ, неудержимомъ взрывѣ хохота всей публики. Викторъ испугался послѣдствій совершенной имъ бѣды; колебаніе трости въ его рукахъ было многими замѣчено не только въ залѣ, но даже изъ-за кулисъ, и это дошло до свѣдѣнія родителей. По окончаніи представленія дѣвочка

прошла мимо Виктора, какъ-бы не замѣчая его, и онъ почувствовалъ при этомъ внутреннее глубокое раскаяніе, котораго постарался однакожь не выказать. Хотя тутъ не было злаго умысла, а только лишь одна неловкость, но тѣмъ не менѣе отецъ настоялъ, чтобы онъ попросилъ у актрисы извиненія, и счелъ это тѣмъ болѣе обязательнымъ, что родители маленькой Тины приобрѣли себѣ во всемъ городѣ репутацію хорошихъ людей, которые жили тихо въ своей семьѣ, не дѣлали долговъ, и потому даже не только на сценѣ, гдѣ они исполняли роли героевъ и героинь, но даже и въ жизни могли съ честью носить это названіе.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ и каждую минуту готовый заплакать, шелъ Викторъ вмѣстѣ съ своимъ отцемъ къ квартирѣ вышеупомянутыхъ актеровъ. Прежде всего передъ ними извинился отецъ въ неумышленной винѣ сына, а самъ Викторъ, увидавшій позади актрисы маленькую Тину, опустилъ глаза и произнесъ робкимъ голосомъ:

— Не сердитесь на меня, пожалуйста!

Надъ обиженнымъ самолюбіемъ актрисы взяла верхъ ея природная доброта; немало повліяло также на смягченіе ея гнѣва извиненіе, съ какимъ пришелъ къ ней докторъ, который у всѣхъ пользовался большимъ уваженіемъ. Она, въ знакъ примиренія, протанула мальчику руку; мужъ ея подалъ доктору стулъ, проси его посидѣть у нихъ, а Виктору предложили тѣмъ временемъ поиграть съ маленькою Тиною, и онъ снова почувствовалъ себя пристыженнымъ, когда дѣвочка сказала ему тихо:

— Папа также говорилъ, что это вышло очень некстати.

Между тѣмъ какъ родители обоихъ дѣтей вели серьезные разговоры, они оба сидѣли рядомъ передъ старою красною курточкою изъ шелковой матеріи, которую Тина обшивала узенькимъ серебрянымъ галуномъ, приготовляя себѣ этотъ костюмъ для будущей роли маленькаго пажа, а на стѣнѣ висѣли блестящія, сдѣланныя изъ жести латы, въ которыя облакался ея отецъ, когда изображалъ рыцарей. Великолѣпные костюмы, разложенные на стульяхъ въ квартирѣ актеровъ, и ихъ благородная манера, съ которою они вели разговоръ, совершенно очаровали мальчика. Но не только онъ самъ, а даже отецъ остался очень доволенъ своимъ визитомъ къ нимъ и на прощаньи пригласилъ маленькую Тину приходить къ Виктору въ гости.

Съ тѣхъ поръ дѣти стали обоюдно посѣщать другъ друга. Когда дѣвочка приходила въ домъ доктора и когда уже были пересмотрѣны всѣ игрушки, Виктору очень хотѣлось, чтобы она

поиграла съ нимъ такъ, чтобы онъ изображалъ Каспара Лорифарм; но она никакъ не соглашалась и спрашивала его: есть ли у него волчокъ, такъ какъ ей хотѣлось бы спустить его? Потомъ она откровенно призналась ему, что болѣе всего желала бы видѣть, какъ пускаютъ бумажнаго змѣя. Это желаніе легко могло быть исполнено и они оба на слѣдующій день отправились въ поле. Викторъ несъ змѣя, а Тина держала его за веревку, и когда мальчикъ подбросилъ змѣя въ воздухъ и онъ сталъ подниматься все выше и выше, пока его едва было видно, то Тина была въ полномъ восхищеніи, повторяя безпрестанно:

— Ахъ, какъ-бы я желала полетѣть вслѣдъ за нимъ, высоко, высоко!

На что разсудительный Викторъ отвѣчалъ ей:

— Но вѣдь подъ конецъ все-таки пришлось бы спуститься на землю.

Наконецъ, насталъ день разлуки. Викторъ отнесъ дѣвочѣ ожерелье, купленное по его просьбѣ матерью, а дѣвочка подарила ему своей собственной работы пеструю, вязаную изъ шерсти косынку. При разставаніи онъ бросился цѣловать ее, а она вѣрно обняла своими рученками его шею. Мать Виктора сначала опасалась, что онъ будетъ держать себя приэтомъ не такъ, какъ слѣдуетъ благовоспитанному мальчику, и что онъ навѣрное будетъ очень много плакать. Но, къ удивленію родителей, онъ молча воротился вмѣстѣ съ отцомъ домой, ни разу не оглянувшись назадъ, а вечеромъ, съ разгорѣвшимися глазами, разсказалъ своей матери исторію о трехъ Гораціяхъ, которую читали въ школѣ. Онъ не казался печальнымъ, а какъ-бы выросшимъ въ своихъ собственныхъ глазахъ послѣ сцены разставанья и послѣ перваго поцѣлуя, запечатлѣннаго имъ смѣло на губахъ посторонней дѣвочки. Это было первое нѣжное, невинное чувство, первая любовь богато одареннаго природою и рано развивавшагося мальчика. Хорошо или худо отзовется на немъ впоследствии, что онъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ испыталъ задатки такого рода сердечной страсти? Онъ, впрочемъ, рѣдко говорилъ о своей маленькой подругѣ, и когда вспоминалъ о ней, то съ такимъ же радостнымъ чувствомъ, какъ о приближающихся святцахъ; деканъ тѣмъ временемъ все болѣе и болѣе оставался доволенъ бойкими умственными способностями мальчика и его быстрыми успѣхами въ наукахъ.

Вскорѣ затѣмъ узналось изъ газетъ, что гдѣ-то тамъ, въ дальнихъ странахъ, начиналось безпокойное движеніе народныхъ массъ; слышно было объ уличныхъ сраженіяхъ и баррикадахъ у

французовъ; взбунтовались поляки; въ самомъ окружномъ городѣ и его окрестностяхъ раздавался стукъ барабановъ, проходили пѣлыя колонны солдатъ, направлявшихся въ границѣ. Мушкетеры, занятые серьезными разговорами, дольше прежняго засиживались за бутылкою вина. Гансъ взялъ однажды подъ арестъ одного ткача, который въ пьяномъ видѣ кричалъ на улицѣ что то о правахъ человѣка и мимоходомъ пустилъ камнемъ въ окно дома бургомистра. Это всеобщее безпокойство сообщилось также и дѣтямъ; Викторъ собиралъ своихъ школьныхъ товарищей и заставлялъ ихъ маршировать, причемъ самъ всегда бралъ на себя роль ихъ начальника, и такъ какъ онъ зналъ отъ отца, что, приложивъ ухо къ землѣ, можно услышать еще издали лошадиный топотъ и стукъ колесъ отъ перевозимыхъ военныхъ орудій, то заставлялъ въ сумерки всю свою команду ложиться на землю и прислушиваться къ приближенію воображаемаго непріятеля. Но вскорѣ такого рода волненіе улеглось совершенно, какъ въ средѣ взрослыхъ, такъ и между дѣтьми, а взаимно того въ городѣ заговорили о совсѣмъ новыхъ вещахъ: о болѣе быстромъ почтовомъ движеніи, о шоссе и даже о сооруженіи желѣзныхъ дорогъ, по которымъ можно было бы развѣзжать всюду.

Но даже и въ семейной жизни счастливой докторской четы произошли этимъ временемъ также нѣкоторые перемѣны. Прежде всего ихъ постигло большое горе, причиненное имъ смертью добраго старика-пастора, дожившаго до глубокой старости, и о которомъ искренне сожалѣли всѣ его прихожане; затѣмъ и пасторша вскорѣ совсѣмъ переселилась къ одному изъ своихъ сыновей, который былъ также пасторомъ гдѣ-то далеко. Не успѣла еще Генріетта утѣшиться послѣ этихъ двухъ печальныхъ событий, какъ ее ждало еще новое горе. Пора было отдавать Виктора въ гимназію, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ покинуть родительскій домъ; нужно замѣтить, что это обстоятельство должно было произойти при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, потому что его помѣщали въ тотъ городъ, гдѣ жилъ молодой докторъ, кузенъ отца Виктора.хлопоты и суета при отъѣздѣ изъ родительскаго дома какъ-бы отвлекали его отъ горестной мысли о предстоящей разлуцѣ; но родители уже задолго начали испытывать это тяжелое чувство. Они проводили сына до сосѣдняго города. Но когда наступилъ часъ разлуки и въ крыльцу уже поданъ былъ экипажъ, который долженъ былъ увести родителей домой, Викторъ съ рыданіями бросился обнимать ихъ и вѣрно обхватилъ руками шею отца, какъ-бы желая удерж-

жать его; а когда удалившійся экипажъ уже совершенно скрылся изъ виду, то сердце Виктора готово было разорваться на части, и это было первое большое горе въ его жизни. А родители также сидѣли, какъ ошеломленные, въ экипажѣ, рука съ рукою, до тѣхъ поръ, пока мать, забывъ свое собственное горе при видѣ молчаливаго горя своего мужа, склонила голову на его плечо, какъ-бы желая доказать ему этою тихою ласкою, что онъ не одинъ теперь. Приэтомъ мужъ сказалъ ей взволнованнымъ голосомъ:

— Теперь я знаю, какъ тяжело на сердцѣ у всякаго отца, который въ первый разъ расстаётся съ своимъ сыномъ. Тогда кажется, будто у человѣка отнимаютъ половину его собственной жизни. Даже и для тебя, милая, наступилъ конецъ красивымъ днямъ полнаго семейнаго счастья. Въ мирную и радостную жизнь вторгаются теперь разлука съ сыномъ и заботы о немъ. Самое высшее счастье указываетъ только путь къ горькимъ страданіямъ; таковъ уже человѣческій жребій!

(Окончаніе будетъ).

ОБЗОРЪ НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В. Н. Жукъ, «Мать и дитя», гигиена въ общедоступномъ изложеніи, съ 92 рѣзанными на деревѣ рисунками. С.-Петербургъ, 1881 г.

Нельзя сказать, чтобы наша гигиеническая литература отличалась, сравнительно говоря, бѣдностью. Но едва-ли кто станетъ отрицать, что это вѣрно только относительно количественной стороны, а не качественной. Въ нашей литературѣ не мало появилось, за послѣднее время въ особенности, различныхъ «общедоступныхъ» гигиеническихъ сочиненій. Но большая часть изъ нихъ отличаются такимъ важнымъ, существеннымъ недостаткомъ, который совершенно подрываетъ ихъ значеніе, какъ общедоступныхъ руководствъ. Мы говоримъ о догматическомъ способѣ изложенія, составляющемъ преобладающую черту этихъ сочиненій. Физиолого-анатомическій отдѣлъ, долженствующій служить исходнымъ пунктомъ гигиены, или совершенно отсутствуетъ, или фигурируетъ въ качествѣ простаго баласта. Основныя положенія гигиены не выводятся, а диктуются, такъ что читателю, волей-не-волей, приходится принимать ихъ на вѣру. Цѣлый рядъ предписаній, часто крайне мелочныхъ, не важныхъ, переполняетъ книгу и съ тѣмъ вмѣстѣ почти никакого объясненія; на чемъ основаны эти гигиеническія предписанія, въ какой мѣрѣ онѣ дѣйствительно заслуживаютъ вниманія, почему одно вредно, а другое полезно, всѣ эти вопросы остаются невыясненными. А между тѣмъ слѣдуетъ ли доказывать, что подобное догматическое изложеніе въ высшей сте-

пени не раціонально и всего менѣе дозволительно по отношенію такого прикладнаго знанія, какъ гигиена.

Для того, чтобы это знаніе могло быть надлежаще усвоено читателемъ, чтобы послѣдній могъ извлечь изъ него дѣйствительную пользу, могъ разумно его утилизировать, ему недостаточно знать одни предписанія гигиены, онъ долженъ умѣть примѣнять ихъ къ тому или другому частному случаю; а это возможно только тогда, когда извѣстно не только, что вредно, но и отчего вредно, такъ какъ послѣднее научаетъ читателя относиться осмысленно къ тому или другому гигиеническому положенію, научаетъ видѣть въ этомъ положеніи не простой педантизмъ науки, а дѣйствительно необходимое требованіе послѣдней. Принятіе тѣхъ или другихъ гигиеническихъ совѣтовъ, на вѣру, уже потому бесполезно, что этимъ устраняется возможность оцѣнки данныхъ совѣтовъ, въ отношеніи ихъ существеннаго значенія. Необходимо убѣдить читателя въ полезности этихъ совѣтовъ, для того, чтобы онъ слѣдовалъ имъ, а единственно возможный къ тому путь—ислѣдованіе гигиеническихъ условій жизни на основаніи данныхъ физиологіи. Истина, кажется, самая очевидная, а между тѣмъ она игнорируется большинствомъ составителей различныхъ общедоступныхъ гигиеническихъ руководствъ.

Названная выше книга В. Н. Жука составляетъ пріятное въ этомъ случаѣ исключеніе, и уже по одному этому можетъ быть отнесена къ числу лучшихъ гигиеническихъ сочиненій. Дѣйствительно, нѣтъ ни одного популярнаго руководства по гигиенѣ дѣтскаго возраста (мы по крайней мѣрѣ не знаемъ такого руководства) которое такъ всецѣло покоилось бы на данныхъ современной физиологіи, какъ книга г. Жука. Авторъ не дѣлаетъ никакого гигиеническаго предписанія, не даетъ никакого гигиеническаго совѣта, не предпославъ имъ предварительно тѣхъ физиолого-анатомическихъ основаній, на которыхъ покоятся эти совѣты и предписанія. Читателю нѣтъ надобности принимать ихъ на вѣру; напротивъ, по мѣрѣ знакомства съ предметомъ, онъ постепенно, шагъ за шагомъ убѣждается въ истинности того или другаго положенія; онъ не заучиваетъ совѣты, а научается понимать ихъ, научается оцѣнивать ихъ гигиеническое значеніе.

Благодаря именно тому обстоятельству, что авторъ разсматриваемаго труда сумѣлъ органически связать гигиену съ физиологіей, книга его даетъ матери возможность ознакомиться самымъ точнымъ, самымъ обстоятельнымъ образомъ съ жизнью

утробнаго младенца, съ условіями раціональнаго ухода за новорожденнымъ, съ тѣми требованіями, которыя предъявляетъ гигиена относительно одежды грудныхъ дѣтей, дѣтской, ея принадлежностей, искусственнаго выкармливанія и проч.

Но гигиена дитяти тѣсно и неразрывно связана съ гигиеною матери; мать, игнорирующая гигиеническія условія относительно себя, не можетъ рассчитывать на здоровье своего ребенка; вотъ почему гигиена дѣтскаго возраста есть вмѣстѣ съ тѣмъ и гигиена матери. Согласно чему и этотъ отдѣлъ весьма подробно и обстоятельно разработанъ въ разсматриваемомъ трудѣ. Здѣсь, такимъ же образомъ, въ основу изслѣдуемыхъ вопросовъ положены данныя, выработанныя современною физиологіею и анатоміею. Избѣгая мелкихъ, специальныхъ деталей, авторъ знакомитъ своего читателя, въ общедоступномъ очеркѣ, съ тѣми существенными физиолого-анатомическими свѣдѣніями, которыя относятся непосредственно къ гигиеническимъ условіямъ въ періодъ беременности и безъ которыхъ надлежащее уясненіе этихъ условій было бы невозможно. И въ данномъ случаѣ опять-таки читателю не приходится ничего принимать на вѣру. Мать не только знакомится съ тѣми или другими гигиеническими предписаніями, относящимися къ періоду беременности, но и научается понимать истинное значеніе этихъ предписаній. Тоже самое слѣдуетъ сказать о тѣхъ главахъ, которыя посвящены уходу за родильницею и кормленью дитяти грудью. Въ этихъ двухъ главахъ, матери найдутъ весьма цѣнныя указанія, какъ относительно послѣродоваго состоянія, такъ и относительно вопроса о женскомъ молокѣ, его значеніи какъ пищевомъ веществѣ, условіи раціональнаго кормленія; вопроса о кормилицѣ, выборѣ ея, и многихъ другихъ вопросовъ, незнакомство съ которыми служитъ одною изъ существенныхъ причинъ многихъ дѣтскихъ болѣзней, часто затѣмъ связывающихся весьма пагубно на организмъ, по мѣрѣ его развитія.

Помимо предъидущихъ вопросовъ, гигиена дѣтскаго возраста весьма тѣсно связана еще съ однимъ, крайне важнымъ вопросомъ, именно, вопросомъ о наслѣдственности. Громадное значеніе наслѣдственности становится понятнымъ само собою, если принять во вниманіе, что на немъ всецѣло покоится вліяніе родительскаго организма на дѣтей. Но для того, чтобы это вліяніе могло быть надлежаще оцѣнено, знаніе одного голаго факта наслѣдственности недостаточно; необходимо возможно точное уясненіе его много-различныхъ проявленій. И въ отношеніи даннаго вопроса читатели найдутъ въ

книгѣ г. Жука необходимы и весьма обстоятельно разработанныя указанія, которымъ авторъ посвящаетъ первую главу своего прекраснаго труда,—главу, служащую вмѣстѣ съ тѣмъ введеніемъ ко всему сочиненію. Въ ней собрано все, наиболѣе существенное, что необходимо знать воспитателямъ.

Наконецъ, въ видахъ чисто практическихъ, въ разсматриваемую нами книгу включены описанія и рисунки, какъ прежнихъ, такъ и новѣйшихъ принадлежностей дѣтской: одежды дѣтей, разные инструменты для матерей и ребенка, причемъ указаны достоинства и недостатки наиболѣе распространенныхъ. Физиолого-анатомическій отдѣлъ, для большей наглядности, иллюстрированъ рисунками, изъ которыхъ большая часть оригинальныхъ и притомъ исполненныхъ очень хорошо. Словомъ, внѣшняя сторона изданія вполне соотвѣтствуетъ внутреннему содержанию разсматриваемаго труда. И мы едва-ли ошибемся, въ виду вышесказаннаго, признавъ этотъ трудъ за настольную книгу для родителей.

Но не смотря однако на всѣ свои достоинства, книга г. Жука не совсѣмъ свободна отъ недостатковъ, указать на которые мы считаемъ настолько же необходимымъ, насколько считали необходимымъ выставить на видъ ея достоинства. Впрочемъ заранѣе оговариваемся, что эти недостатки относятся главнымъ образомъ къ теоретической сторонѣ предмета; тѣмъ болѣе они заслуживаютъ вниманія, въ особенности въ такомъ гигиеническомъ сочиненіи, которое всецѣло повойтиса на физиолого-анатомическихъ данныхъ.

Однимъ изъ главныхъ и, по нашему мнѣнію, наиболѣе существенныхъ недостатковъ книги г. Жука служить крайне односторонняя разработка физиолого-анатомическаго отдѣла. Самъ авторъ въ предисловіи къ своему труду говоритъ, что гигиена есть прикладная физиологія. Въ виду такого, безспорно вѣрнаго замѣчанія, можно было думать, что основныя положенія физиологіи, насколько они относятся къ вопросамъ гигиены, будутъ разработаны авторомъ во всякомъ случаѣ не менѣе подробно анатомическихъ; что физиологія не будетъ принесена въ жертву анатоміи. А между тѣмъ замѣчается нѣчто совершенно противоположное.

Мы этимъ вовсе не хотимъ сказать, чтобы въ разсматриваемой книгѣ не было удѣлено мѣста существеннымъ вопросамъ физиологіи; но дѣло въ томъ, что главная, преобладающая роль отведена анатомическимъ свѣдѣніямъ, т. е. чисто описательной сторонѣ предмета. Для примѣра достаточно ука-

зять на такіе основные процессы, какъ питаніе и дыханіе. Говоря о питаніи, авторъ почти ограничивается обзоромъ процессовъ пищеваренія и едва лишь затрогиваетъ ученіе объ обновленіи тканей, едва затрогиваетъ вопросъ о значеніи и условіяхъ этого обновленія въ отношеніи организующей дѣятельности. Такимъ же образомъ обзоръ процессовъ дыханія преимущественно посвященъ механической, а не фізіологической сторонѣ даннаго явленія, вслѣдствіе чего самое существенное, самое важное въ этомъ явленіи, именно дыханіе тканей, остается совершенно невыясненнымъ; стало быть, остается невыясненнымъ и значеніе его въ отношеніи функціональной дѣятельности. А между тѣмъ то и другое весьма важно; достаточно уже сказать, что игнорированіе процессами питанія и дыханія тканей ведетъ къ весьма ошибочному представленію о той роли, которую выполняетъ кровь въ явленіяхъ функціонально-организующей дѣятельности, къ признанію за этою жидкостью такихъ свойствъ, какихъ она имѣть не можетъ, что, въ свою очередь, съ искони вѣковъ служило одною изъ главныхъ причинъ различныхъ и по сей день распространенныхъ повѣрій о кровоочистительныхъ средствахъ. Борьба съ подобнаго рода повѣртіями — дѣло гигиены; но она не въ силахъ это сдѣлать, если будетъ игнорировать біологическое значеніе функціонально-организующей дѣятельности.

Но помимо этихъ общихъ замѣчаній, мы не можемъ обойти молчаніемъ и нѣкоторыхъ ошибочныхъ частныхъ. Такъ, напримеръ, говоря о сущности растительной и животной жизни, г. Жуль повторяетъ одно изъ наиболѣе распространенныхъ заблужденій. Онъ говоритъ, будто жизнь и стремленіе животныхъ прямо противоположны жизни и стремленіямъ растений; будто «растенія превращаютъ силу въ напряженіе, скрываютъ ее, а животныя, напротивъ, освобождаютъ ее изъ себя». Мало того, хотя въ растеніяхъ не наблюдаются «какъ бы животные процессы», но, по мнѣнію автора, эти процессы «всегда ограничены по времени и мѣсту и существованіе ихъ нисколько не уменьшаетъ существеннаго, общаго различія: потреблять тепло въ то время, какъ животныя его выдѣляютъ». Доводить несостоятельность подобнаго разграниченія было бы здѣсь не у мѣста; достаточно замѣтить, что оно опровергается самими авторитетными учеными нашего времени, и принятіе этого облюбленнаго ученія уже потому невозможно, нераціонально, что оно даетъ совершенно превратное представленіе объ условіяхъ жизнедѣятельности вообще.

Мы затрудняемся даже объяснить себѣ, для чего могло по-

надобиться г. Жуку это учение и чѣмъ собственно онъ руководствовался, игнорируя тѣ основныя положенія, которыя идутъ въ разрѣзъ данному учению. Во всякомъ случаѣ не дѣло гигиениста популяризировать воззрѣнія, которымъ мѣсто въ архивѣ.

Въ виду того же самаго, едва-ли авторъ правъ, утверждая, что «въ легкихъ отъ окисленія крови образуется значительная доля тепла»; во всякомъ случаѣ, безъ надлежащаго разъясненія, такое замѣчаніе, и притомъ далеко неточное, можетъ ввести читателя въ заблужденіе и заставить его думать, что источникомъ развитія животной теплоты служатъ легкія, а не тѣани.

Можно было бы сдѣлать еще не одно замѣчаніе по поводу встрѣчающихся въ книгѣ г. Жука недостатковъ, напримѣръ, несообразно краткое, неполное, какъ-бы скомканное изложеніе нервно-мышечной дѣятельности, не смотря на всю существенную важность ея для гигиены; но мы ограничимся только указаніемъ на слѣдующій, по нашему мнѣнію, совершенно ничѣмъ неоправдываемый «критическій» приемъ автора. На 117 страницѣ своей книги онъ недоволенъ г. Мечниковымъ, что послѣдній не только «сталъ на сторону тѣхъ людей, которые думаютъ, что въ своемъ постепенномъ развитіи зародышъ человѣка долженъ пройти всѣ главнѣйшія ступени животной лѣстницы», но «пошелъ еще дальше и сталъ искать аналогіи между различными періодами возраста ребенка и человѣческими расами». Авторъ называетъ за это Мечникова «торопливымъ въ своихъ выводахъ популяризаторомъ»; но мы не думаемъ, однако, чтобы заключенія самаго автора отличались меньшею поспѣшностью. Во первыхъ, что касается аналогіи между періодами дѣтства и низшими расами—онѣ далеко не такъ неосновательны, какъ угодно думать г. Жуку; ему должно быть, извѣстно, конечно, что подобныя аналогіи признаются многими авторитетными учеными и имѣютъ за собою весьма вѣское основаніе въ ученіи о генетической преемственности. Во вторыхъ, кто посвящаетъ въ своемъ трудѣ цѣлую главу о наследственности, кто говоритъ, что по своему физическому строенію «человѣкъ не составляетъ исключенія въ ряду другихъ существъ», отъ того можно требовать болѣе осторожнаго отношенія къ учению о прохожденіи человѣческимъ зародышемъ «главнѣйшихъ ступеней животной лѣстницы». А развѣ авторъ разсматриваемой книги не на сторонѣ тѣхъ, которые признаютъ это учение? Вѣдь судя потому, какъ онъ говоритъ объ этомъ ученіи, можно думать, что авторъ держится противоположнаго мнѣнія; по крайней мѣрѣ та-

кое именно впечатлѣніе производятъ вышеприведенныя его слова, т. е. совсѣмъ не въ пользу самого автора...

Не смотря, однако, на всѣ указанные здѣсь недостатки, книга г. Жука, какъ было замѣчено выше, настолько богата противоположными качествами, что послѣднія совершенно поглощаютъ собою тѣ или другіе недосмотры, и въ общемъ, этотъ почтенный трудъ вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы пожелать ему самого широкаго распространенія среди читателей. Мы положительно убѣждены, что каждая образованная мать найдетъ въ этой книгѣ прекрасное руководство, какъ относительно рациональнаго ухода за ребенкомъ, такъ и относительно ухода за собой; она научитъ ее быть матерью въ самомъ благородномъ смыслѣ этого слова.

Рѣчи и протоколы VI съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ С.-Петербургѣ съ 20 по 30 декабря 1879 г. С.-Петербургъ, 1880 г.

Въ нашемъ журналѣ была уже своевременно представлена общая характеристика VI съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей, его научнаго значенія; причемъ было, между прочимъ, указано на отсутствіе научной мысли, отсутствіе общаго руководящаго начала, какъ на характерную черту этого съѣзда, его трудовъ. Теперь передъ нами лежитъ, вышедшій недавно въ свѣтъ, томъ рѣчей и протоколовъ VI съѣзда, который каждою страницю своею подтверждаетъ сдѣланную въ нашемъ журналѣ общую оцѣнку этого съѣзда. Пересмотрите всѣ отдѣлы этого тома; въ нихъ вы найдете сообщеніе по всѣмъ отраслямъ естествознанія; найдете работы и по астрономіи (математикѣ тоже) и по физикѣ, химіи, геологіи, ботаникѣ, зоологіи, анатоміи, физиологіи, гигиенѣ и проч., и проч. Но всматриваясь ближе во всѣ эти работы, ближе знакомясь съ ихъ содержаніемъ, васъ всего болѣе поражаетъ одна черта, рѣзко выступающая въ большинствѣ этихъ работъ, — отсутствіе всякой руководящей идеи. Не то, чтобы работы эти не представляли никакого интереса, никакой научной цѣнности (хотя и такихъ не мало); но на нихъ лежитъ какой-то «особенный отпечатокъ», отпечатокъ сыръя, крайней мелкоты, крайне узкой, крайне односторонней спеціализаціи. Это какая-то болѣзненная погоня за разработкою мелкихъ крупицъ описательнаго знанія и полнѣйшее пренебреженіе всѣмъ, что заключается за предѣлами кропотливаго сваливанія въ одно мѣсто сыраго матеріала. Нѣтъ возможности даже разобраться среди этого

сырья, да гг. специалисты, повидимому, и не видятъ въ томъ необходимости, иначе трудно было бы объяснить эту преобладающую черту большинства сообщений VI съезда.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что въ наше время, время единенія научнаго знанія, время не только собиранія матеріала, но и группированія его въ одно стройное цѣлое, когда изученіе природы не можетъ уже никомъ образомъ ограничиваться описательной областью, — въ это именно время широкаго, всесторонняго развитія научной мысли, наши русскіе естествоиспытатели, судя по послѣднему ихъ съезду, по рѣчамъ и протоколамъ этого съезда, продолжаютъ топтаться, въ лицѣ своего большинства, на заднемъ дворѣ научнаго зданія. Неужели же трудно понять, что при такомъ отношеніи къ дѣлу, естествознаніе у насъ, въ Россіи, не можетъ рассчитывать на успѣшное развитіе; неужели трудно понять, что Россіи нужны не одни только чернорабочіе науки, но что ей нужна наука, въ своемъ настолько же цѣльномъ, разработанномъ видѣ, насколько пользуются ею другіе цивилизованные народы? Или мы еще не доросли до этого, или съ насъ достаточно и черной ея половины? Было время, скажемъ словами профессора Вагнера, — когда собираніе ракушекъ и насѣкомыхъ называлось также наукою; но не поучительно ли, что это время и понынѣ еще продолжается для большинства нашихъ естествоиспытателей, о чемъ такъ краснорѣчиво свидѣлствуетъ все тотъ-же томъ рѣчей и протоколовъ VI съезда. Въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отразилась характерная черта нашихъ различныхъ специальныхъ, научныхъ журналовъ. Въ немъ, какъ и въ этихъ послѣднихъ, ученые работы, «которыя дѣйствительно увлекаютъ науку впередъ, которыя расширяютъ наше міросозерцаніе, или даютъ выводы, прямо приложенные къ жизни, попадаютъ какъ свѣтлыя оазисы»; въ немъ также, какъ и въ этихъ послѣднихъ, большинство работъ такихъ, которыя заключаютъ матеріалъ для будущаго развитія науки, а еще болѣе такихъ, которыя представляютъ собою невинное сборище разныхъ маленькихъ фактовъ, не позволяющихъ даже думать, чтобы они когда нибудь могли дѣйствительно понадобиться.

Какъ-бы то ни было, но одно вѣрно и печально: научной мысли, научнаго критеріума въ рѣчахъ и протоколахъ VI съезда не то что бы совсѣмъ не было, а очень уже мало; совсѣмъ подавлены они массою неразработаннаго сырья; совсѣмъ не видно ихъ за этимъ ворохомъ всевозможныхъ «наблюденій», «измѣреній», «предложеній», etc., etc. Мало того, распорядительный

ный комитетъ VI сѣзда словно задался цѣлью сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы по возможности доканать эту бѣдную научную мысль, этотъ бѣдный научный критерій. Иначе, чѣмъ объяснить тотъ знаменательный фактъ, что, за двумя, тремя исключениями, всѣ лучшія, всѣ наиболѣе замѣчательныя работы нашихъ извѣстныхъ ученыхъ, сообщенныя на VI сѣздѣ переданы въ такомъ сокращенномъ, въ такомъ сжатомъ видѣ, что о содержаніи этихъ работъ нельзя составить никакого опредѣленнаго понятія. Нѣкоторыя изъ этихъ выдающихся работъ не напечатаны даже въ извлеченіи, а только переименованы, причемъ не сказано, въ какомъ научномъ журналѣ будутъ онѣ помѣщены. Неужели распорядительный комитетъ находить, что все это пустяки; что достаточно, молъ, и тѣхъ сообщений, которыя вошли въ томъ рѣчей и протоколовъ? Странно; а между тѣмъ, повидимому, совершенно вѣрно, иначе чѣмъ объяснить слѣдующее замѣчаніе, сдѣланное въ предисловіи къ разсматриваемому изданію:

«Изъ приложенныхъ протоколовъ и рѣчей можно видѣть результаты дѣятельности сѣзда. Достаточно сказать, что всего на сѣздѣ, какъ въ общихъ, такъ и въ частныхъ собраніяхъ, было сдѣлано 346 сообщений и предложеній» (стр. VII). Да кому же непонятно, что сказать это—совсѣмъ «недостаточно»; нашли, чѣмъ удивить: «346 сообщений и предложеній»! А если изъ этихъ 346 сообщений и предложеній большая доля съ минусомъ, а не съ плюсомъ; если, наконецъ, принять во вниманіе, что въ число этихъ протоколовъ и рѣчей не вошли вовсе, или вошли въ недозволительно сокращенномъ видѣ, большинство лучшихъ работъ, неужели и тогда оказывается возможнымъ «видѣть результаты дѣятельности сѣзда» по изданному тому? неужели же не ясно, какъ день Божій, что такое урѣзываніе лучшихъ сообщений должно было въ значительной степени понизить научную цѣнность этого тома рѣчей и протоколовъ, по которому рекомендуется судить о результатахъ дѣятельности VI сѣзда?

Скажутъ, нельзя было иначе поступить, разъ рѣшено было на сѣздѣ ограничиться печатаніемъ однихъ протоколовъ и рѣчей, вслѣдствіе чего большія, капитальныя работы по необходимости пришлось помѣстить въ извлеченіи. Прекрасно! Но вѣдь извлеченіе извлеченію рознь; и когда это извлеченіе доводятъ до того, что отъ работы остается одно только названіе ея—какъ тогда? все-таки продолжать считать ее сокращеннымъ сообщеніемъ? И наконецъ, вотъ еще что: ужъ если пошло дѣло на сокра-

щенія, отчего бы въ такомъ случаѣ не поступить обратно: отчего бы не сократить хотя даже до простаго переименованія неважныхъ, мелкія работы, ихъ же многое множество, и дать тѣмъ самымъ больше мѣста работамъ, дѣйствительно цѣннымъ въ научномъ отношеніи? а то изъ всѣхъ, наиболѣе выдающихся сообщеній только ничтожное число вошло въ разсматриваемый томъ въ такомъ видѣ, что съ ними дѣйствительно есть возможность ознакомиться; остальные же буквально принесены въ жертву разной мелкотѣ, т. е. сокращены въ ущербъ научной цѣнности изданныхъ рѣчей и протоколовъ. Само собою разумѣется, что и въ своемъ урѣзанномъ видѣ этотъ томъ рѣчей принесетъ нѣкоторую долю пользы; но нельзя тѣмъ не менѣе не пожелать, чтобы «рѣчи и протоколы» будущихъ съѣздовъ дали что нибудь болѣе существенное, болѣе достойное науки и ея цѣлямъ.

Такъ называемый животный магнетизмъ. Физиологическія наблюденія професора Р. Гейденгайна. Переводъ съ четвертаго дополненнаго нѣмецкаго изданія, подъ редакцію доктора И. Павлова. Изданіе Цылова. С.-Петербургъ, 1880.

Изданіе въ русскомъ переводѣ этихъ наблюденій какъ нельзя встаетъ въ наше время магнетизиро-маніи.

Если по настоящее время пресловутый спиритизмъ продолжаетъ сбивать съ толку не только профановъ, но даже серьезныхъ, выдающихся въ своей области ученыхъ; если нѣкоторые изъ этихъ ученыхъ серьезно цитируютъ духовъ и фотографируютъ ихъ слѣды; если нашли возможнымъ допустить на ряду съ тремя извѣстными видимыми измѣреніями, еще четвертое, невидимое, при содѣйствіи котораго предметы съ тремя измѣреніями, столы и т. п. исчезаютъ изъ глазъ, а надъ головами ошеломленныхъ зрителей летаютъ куски угля, появляются члены безъ туловища и т. п.; если находятся охотники усматривать во всѣхъ этихъ фокусахъ «новое откровеніе божественнаго всемогущества, направленнаго къ тому, чтобы снова пробудить къ вѣрѣ невѣрующее человѣчество», — то нѣтъ, разумѣется, никакого основанія отрицать, чтобы нѣчто подобное не приключилось и съ такъ называемымъ животнымъ магнетизмомъ; чтобы явленія гипнотизаціи не послужили, въ свою очередь, поводомъ къ ложному заключенію о какихъ-то таинственныхъ, новыхъ чудесныхъ силахъ.

И въ самомъ дѣлѣ, это тѣмъ болѣе справедливо, что въ

последнее время не только среди публики, но даже въ печати начинаютъ появляться самыя нелѣпныя рассказы о чудесахъ гипнотизаціи, сопровождаемые еще болѣе нелѣпными комментаріями, распространеніе которыхъ путемъ печатнаго слова не можетъ конечно обѣщать ничего хорошаго, тѣмъ болѣе, что рассказамъ о чудесахъ большинство всегда готово вѣрить на слово. Такова сила исторической преемственности. Было время, когда человечество не могло шагу ступить безъ чудесъ, и это влеченіе къ чудесному продолжаетъ обнаруживаться и понинѣ.

Но дѣло науки воздѣйствовать распространенію подобныхъ заблужденій точнымъ изученіемъ и разъясненіемъ тѣхъ явленій, которыя своею кажущеюся обособленностью приводятъ въ ложнымъ заключеніямъ о новыхъ таинственныхъ силахъ. Дѣло науки показать, что эти яко-бы обособленные явленія не составляютъ исключенія изъ общаго порядка вещей, но вполне гармонируютъ съ послѣдними, подчиняясь тѣмъ же основнымъ законамъ природы. Такую именно попытку, въ отношеніи ученія о гипнотизмѣ, и представляетъ названная книга Гейденгайна; а потому, повторяемъ, изданіе ея въ русскомъ переводѣ какъ нельзя кстати.

Рядомъ съ массою весьма любопытныхъ фактовъ, читатели найдутъ въ наблюденіяхъ Гейденгайна и строго научную классификацію этихъ фактовъ, въ связи съ современнымъ ученіемъ физиологіи головного мозга. Не ограничиваясь одною только наблюдательною стороною, авторъ разсматриваемаго труда весьма обстоятельно изслѣдуетъ физиологическую природу явленій гипнотизаціи и условія ихъ возникновенія. И хотя онъ не исчерпываетъ всего предмета, что было бы конечно смѣшно и требовать, но во всякомъ случаѣ даетъ своему читателю возможность убѣдиться, что такъ называемый животный магнетизмъ относится не къ числу какихъ-то особыхъ таинственныхъ силъ, что это даже не «Lebensfluidum» прежнихъ ученій, а необходимый, законный, естественный результатъ специфическихъ состояній органовъ центральной нервной системы, которые могутъ быть объяснены физиологически и зависятъ отъ раздраженій чувствительнаго аппарата. А одно уже подобное убѣжденіе весьма важно, такъ какъ съ тѣмъ вмѣстѣ является возможность обсуждать то или другое гипнотическое состояніе, не прибѣгая къ какому бы то ни было «животному магнетизму».

Рекомендуя вниманію нашихъ читателей физиологическія наблюденія Гейденгайна надъ такъ называемымъ животнымъ магнетизмомъ, мы уже по одному этому считаемъ необходимымъ ого-

вориться относительно мнѣнія этого ученаго о вліяніи гипнотическихъ опытовъ на здоровье экспериментируемыхъ. По мнѣнію Гейденгайна, «нѣтъ, повидимому, причинъ высказываться противъ производства гипнотическихъ опытовъ, какъ вредныхъ», хотя тотъ же Гейденгайнъ приводитъ въ своемъ трудѣ значительное число фактовъ, доказывающихъ противное; не только приводитъ, но самъ же называетъ гипнотическое состояніе «несомнѣнно ненормальнымъ», сопровождающимся такимъ повышеніемъ рефлекторной дѣятельности, которая «вынуждаетъ насъ въ крайней осторожности при подобнаго рода опытахъ». И не смотря на все это, названный ученый находитъ возможнымъ считать гипнотическіе опыты безвредными, доказывая тѣмъ самымъ, что въ данномъ сужденіи имъ руководить не осторожность ученаго, въ особенности обязательная, въ виду той высокой ставки, на которую онъ рискуетъ, а боязнь, эгоистическое сожалѣніе экспериментатора о необходимости абсолютнаго воздержанія отъ опытовъ надъ людьми. И какъ непріятна Гейденгайну такая необходимость, въ какиѣмъ натяжкамъ онъ прибѣгаетъ, чтобы только устранить ее, лучше всего можно судить по тѣмъ курьезнымъ доводамъ, на которые ссылается этотъ ученый. Вотъ одинъ для образчика. «Вѣдь въ началѣ этого столѣтія, говоритъ названный ученый,—сколько врачей и клиницистовъ магнетизировали тысячи людей съ врачебными цѣлями. Подобная распространенность магнетизированія, въ рукахъ осторожныхъ и добросовѣстныхъ врачей, была бы совершенно немислима при существованіи вредныхъ послѣдствій». Отчего же? Развѣ автору неизвѣстно, что еще большее число врачей и клиницистовъ въ доброе старое время практиковали кровопусканіе опять-таки, «съ врачебными цѣлями», на сотняхъ тысячъ пациентовъ. Неужели же отсюда слѣдуетъ, что такая распространенность этой операціи «была бы совершенно немислима при существованіи вредныхъ послѣдствій». Да и вообще говоря, кому неизвѣстно, что одно другое нисколько не исключаетъ, хотя и было бы желательно противное. Мало ли въ жизни вещей пользуются распространенностью, не смотря на очевидную свою вредность!

Это во первыхъ. Во вторыхъ, вышеприведенная аргументація смѣшиваетъ двѣ разныя вещи: одно дѣло гипнотизмъ какъ врачебное средство, и совершенно другое—какъ опыты надъ здоровыми людьми; результаты по необходимости должны получаться разные и не знать этого Гейденгайнъ не можетъ. Онъ и знаетъ, конечно; но указанная выше причина мѣшаетъ ему

видѣть фактъ въ его истинномъ свѣтѣ. За исключеніемъ этого существеннаго недостатка, могущаго ввести читателя въ весьма нежелательное заблужденіе, книга Гейденгайна, по своему строго научному отношенію къ явленіямъ «животнаго магнетизма», заслуживаетъ серьезнаго вниманія каждаго, желающаго составить себѣ надлежащее понятіе о природѣ этихъ явленій. Тому же, кто жаждетъ чудесъ, кто ищетъ «новыхъ силъ», не будучи знакомымъ со «старыми», мы не советуемъ читать Гейденгайна, — разочаруется.

Душа и тѣло, сочиненіе Александра Бэна, профессора логики въ эбердинскомъ университетѣ, переводъ съ 6-го англійскаго изданія. Изданіе кievскаго книгопродавца Ф. А. Югансона. Кіевъ, 1880.

Не входя въ подробное разсмотрѣніе этого почтеннаго труда, мы ограничимся указаніемъ на одну лишь, наиболѣе существенную сторону его, составляющую, по нашему мнѣнію, самое выдающееся достоинство названнаго сочиненія. Говоря о книгѣ Д. Г. Льюиса «Предметъ психологіи», мы имѣли уже случай замѣтить, что ученіе о душѣ, психологія, идя рука объ руку съ новѣйшими успѣхами нервной фізіологіи, не можетъ болѣе оставаться на той идеалистической или матеріалистической почвѣ, которая идетъ въ разрѣзъ съ требованіями строго-научнаго міросозерцанія. Одно изъ самыхъ ошибочныхъ, хотя и наиболѣе общераспространенныхъ возрѣвій на природу нашей психикіи обязано не только дуалистическому представленію о причинѣ такъ называемыхъ душевныхъ свойствъ въ отличіе отъ физическихъ, но и установленію крайне односторонняго соотношенія между духомъ и тѣломъ. Односторонность эта рѣзче всего сказалась въ попыткѣ изслѣдованія психическихъ явленій, въ зависимости отъ условій части, а не цѣлаго, т. е. въ непризнаніи того положенія, что, при изученіи психическихъ явленій, необходимо имѣть въ виду отношеніе этихъ явленій къ организму какъ къ цѣлому, необходимо имѣть въ виду общую сложность отправления и ихъ совмѣстную дѣятельность.

Игнорированіе этимъ основнымъ положеніемъ составляло и продолжаетъ составлять существенную причину тѣхъ противорѣчивыхъ возрѣвій на природу психикіи, отъ которыхъ и по сей день не свободна наука о духѣ. Мало того, оно подало поводъ къ повторенію, въ послѣднее время, тѣхъ же ошибочныхъ ученій о сущности явленій вообще, которымъ, казалось, мѣсто только въ архивѣ науки. Совершенно ошибочное, совершенно ненаучное признаніе за частью — свойствъ цѣ-

лаго, повело къ тому, что свойства простѣйшаго характера были смѣшаны съ свойствами самаго сложнаго характера, и вмѣсто того, чтобы разсматривать послѣднія какъ результатъ, какъ сумму первыхъ, ихъ цѣликомъ приписали каждой элементарной части цѣлаго. Такимъ образомъ устранялась для психологiи возможность анализа или синтеза, входящихъ въ эту область явленiй, и психологiя была поставлена совершенно особнякомъ отъ положительнаго знанiя. Съ этой точки зрѣнiя научное объясненiе тѣхъ или другихъ продуктовъ нашего духовнаго мiра становилось невозможнымъ. Показать всю несостоятельность такого обособленiя психическихъ явленiй, выставить на видъ, что аргументы въ защиту двухъ субстанцiй, духовной и матеріальной, потеряли свою силу; что, подобно всѣмъ явленiямъ природы, психическія свойства выражаютъ собою рядъ опредѣленныхъ состоянiй и могутъ быть изучаемы только въ данномъ отношенiи; что свойства эти отличаются однако болѣею сложностью, въ сравненiи съ физическими, и потому также мало могутъ быть отождествляемы съ послѣдними, какъ цѣлое съ частью, хотя, по происхожденiю своему, они и едины—такова главная задача книги Бэна.

Въ заключенiе, мы не можемъ однако не замѣтить, что задача эта выполнена авторомъ не во всѣхъ частяхъ его труда одинаково полно и послѣдовательно. Дѣло вотъ въ чемъ: самъ авторъ говоритъ, что «таинственнымъ фактъ называется до тѣхъ поръ, пока онъ изолированъ отъ всѣхъ прочихъ, находящихся съ нимъ въ связи», и потому «объясненiе—есть нахожденiе сходства въ фактахъ, удаленныхъ другъ отъ друга; это есть, по существу, процессъ обобщенiя, посредствомъ котораго многочисленные явленiя подводятся подъ одинъ общій законъ». Авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что «такое обобщенiе есть истинный прогрессъ въ нашемъ знанiи, шагъ впередъ по направлению въ централизациі царства науки», и въ немъ видитъ истинный смыслъ слова: «объясненiе». Мистерiя объясняется тогда, когда въ таинственномъ фактъ можетъ быть доказано сходство съ другими фактами. Мистерiя есть одиночность, исключительность, или кажущееся противорѣчiе; объясненiе мистерiи есть уподобленiе, отождествленiе, нахожденiе сходства. Когда установлено сходство явленiй даннаго класса между собою настолько, насколько онѣ дѣйствительно сходны, то и объясненiю конецъ; конецъ и потребности въ немъ; конецъ тому, чему умъ можетъ разумно желать; совершенное познанiе достигнуто». И такъ, для того, чтобы указать психическимъ явленiямъ ихъ

мѣсто въ ряду другихъ явленій, необходимо установить ихъ сходство, и притомъ сходство должно быть дѣйствительное, а не кажущееся. Но чѣмъ же опредѣляется дѣйствительное сходство между явленіями? очевидно, не только общностью происхождения, но и генетическою преемственностью, послѣдовательностью развитія. Стало быть, надлежащее установленіе такого сходства необходимо предполагаетъ возможно обстоятельное изученіе процесса развитія высшихъ психическихъ свойствъ изъ простѣйшихъ и, стало быть, болѣе общихъ свойствъ; а между тѣмъ, вотъ этому вопросу Бэнъ посвящаетъ въ своей книгѣ, сравнительно говоря, весьма мало мѣста. Не то, чтобы онъ обошелъ этотъ вопросъ; но онъ не разсматриваетъ его съ тою полнотою, на какую слѣдовало рассчитывать, въ виду приведенныхъ выше воззрѣній этого ученаго. Вслѣдствіе такого упущенія, автору нерѣдко приходится прибѣгать къ такимъ искусственнымъ аналогіямъ, которыя не только не содѣйствуютъ уясненію природы психическихъ явленій, а, напротивъ, даютъ самое ошибочное представленіе объ этой природѣ.

Введеніе въ науку, руководство къ пониманію природы и ея явленій, профессора Гексли. Изданіе книжнаго магазина «Новаго Времени». С.-Петербургъ, 1880.

Эта маленькая книженка можетъ служить прекраснымъ подспорьемъ для первоначальнаго ознакомленія съ природою. Въ простой, ясной, хотя и сжатой формѣ, извѣстный англійскій ученый даетъ полную картину по всѣмъ основнымъ вопросамъ естествознанія. Поставивъ предварительно на видъ важное значеніе этого знанія для практической жизни, онъ продолжаетъ: «Если, какъ мы показали, ничто не бываетъ случайно, но все въ природѣ слѣдуетъ опредѣленному порядку, и если законы природы воплощаютъ собою именно то, чему мы сами способны научиться въ отношеніи порядка природы, какъ постоянной смѣны однородныхъ явленій, то для насъ весьма важно знать и тщательно изучать именно тѣ законы природы, которыми мы можемъ руководиться въ нашей практической дѣятельности... люди, которые пытаются жить на лицѣ земли, не уважая законовъ природы, могутъ жить невозмутимо лишь весьма короткое время; большая же часть подобныхъ людей подвергаются чрезвычайнымъ неудобствамъ; особенность естественныхъ

законовъ, какъ отличіе ихъ отъ человѣческихъ узаконеній, состоитъ въ томъ, что они даютъ свои слѣдствія или результаты безъ всякаго призыва на судъ, безъ всякаго побужденія какого нибудь истца. Дѣйствительно, никто не можетъ прожить даже и полдня, не обращая вниманія хотя на нѣкоторые законы природы; тысячи людей ежедневно умираютъ или живутъ бѣдственно, именно вслѣдствіе незнакомства съ кодексомъ законовъ природы».

Правда, и понинѣ, не смотря на азбучность этой истины, воплощеніе ея въ жизнь встрѣчаетъ непреодолимые препятствія, хотя повидимому недалеко уже то время, когда знакомство съ природою будетъ признано альфою человѣческаго знанія, войдетъ въ плоть и кровь его практической дѣятельности. Прямая обязанность людей науки содѣйствовать ускоренію этого времени, путемъ возможно широкой популяризаціи естествознанія; нужно сознаться, что ученые запада сознаютъ это очень хорошо: самые знаменитые изъ нихъ посвящаютъ значительную долю своего времени и труда дѣлу популяризаціи, распространенію элементарныхъ свѣдѣній въ массѣ. Къ сожалѣнію, большинство нашихъ профессиональныхъ ученыхъ считаютъ, повидимому, унизительнымъ для себя заниматься такимъ недостойнымъ истаго мудреца дѣломъ, какъ популяризація знанія, и потому, волей не-волей, приходится пополнять нашу небогатую въ качественномъ отношеніи популярную литературу по естествознанію переводами. Само собою, что лучше переводъ такой прекрасной вещи, какъ «Введеніе въ науку», нежели сотни нашихъ доморощенныхъ «естественныхъ исторій», написанныхъ Богъ знаетъ для какой цѣли и для кого.

Самое существенное достоинство разсматриваемаго руководства въ томъ именно и состоитъ, что оно не имѣетъ ничего общаго съ этими «исторіями». Авторъ сумѣлъ въ сжатой формѣ не только ознакомить читателя съ фактической стороною науки о природѣ, но и поставить на видъ, что научное знакомство съ природою возможно только подъ условіемъ изученія ея явленій въ той ихъ послѣдовательности, которая опредѣляетъ ихъ отношенія другъ къ другу. Перехода отъ простѣйшихъ свойствъ къ болѣе и болѣе сложнымъ и знакомясь съ зависимостью послѣднихъ отъ первыхъ, читатель постепенно, рядомъ съ обогащеніемъ фактическимъ матеріаломъ, убѣждается въ законо-сообразности изучаемыхъ явленій; факты легко уже классифицируются въ порядкѣ ихъ большей или меньшей сло-

жности, что какъ нельзя болѣе подготавливаетъ юную мысль къ надлежащему усвоенію основныхъ истинъ естествознанія.

Но «Введеніе въ науку» отличается еще другимъ весьма важнымъ достоинствомъ: оно можетъ служить педагогу отличнымъ руководствомъ для преподаванія начинающимъ элементарныхъ свѣдѣній по естествознанію; руководствомъ не столько конечно со стороны фактическаго матеріала, сколько со стороны способа распредѣленія этого матеріала, со стороны метода преподаванія. Педагогъ долженъ знать не только чему учить, но и какъ учить; книга Гексли въ этомъ послѣднемъ случаѣ можетъ сослужить новичку большую службу.

Л. К. П—въ.

ЗЕМСКОЕ ДѢЛО

ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ СЪВЕРНАГО ПРОСТРАНСТВА: ВОЛОГОДСКОЙ И ОЛОНЕЦКОЙ, И ПРИБАЛТІЙСКАГО ПРОСТРАНСТВА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ.

I.

Экономическое положеніе этихъ губерній и причины отсутствія статистическихъ данныхъ.

Органы мѣстнаго самоуправленія трехъ губерній, поименованныхъ нами въ заглавіи настоящей статьи, не приступили еще къ собиранію статистическихъ свѣдѣній помощью особыхъ отдѣленій, устроенныхъ уже земствами многихъ другихъ губерній. Въ этомъ отношеніи земства трехъ губерній, о которыхъ мы ведемъ рѣчь, должны быть безспорно причислены къ разряду отсталыхъ. Изъ нихъ Вологодская и Олонецкая по необходимости обходятся до настоящаго времени безъ правильно организованныхъ земскихъ статистическихъ работъ, недостатокъ матеріальныхъ средствъ и рѣдкость населенія служатъ достаточными для того мотивами. Но почему до сихъ поръ петербургское земство не сочло своею прямою обязанностью выяснить экономической бытъ массы населенія, вѣреннаго его попеченію—вотъ вопросъ, отвѣтъ на который долженъ, по нашему мнѣнію, затруднить выборныхъ мѣстныхъ дѣятелей. Въ Петербургской губерніи, среди бѣдныхъ уѣздовъ находятся и чуть-ли не самыя богатые во всей Россіи, и земскій бюджетъ ни въ какомъ случаѣ не могли бы обременить шесть тысячъ въ годъ,

необходимы для весьма удовлетворительно устроеннаго статистическаго отдѣленія, да на этотъ предметъ можно было бы накопить нужную сумму прямо изъ экономій по нѣкоторымъ статьямъ ежегодно утверждаемой собраніемъ смѣты. Только въ 1878 году, по заявленію нѣкоторыхъ гласныхъ въ петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи ¹⁾ было постановлено: «поручить губернской управѣ составить соображенія о томъ, какого рода статистическія свѣдѣнія наиболѣе полезны для земства и о порядкѣ и способѣ систематическаго ихъ собранія и обработки, для чего пригласить въ совѣщаніе специалистовъ по статистическимъ работамъ. Составленныя соображенія внести на заключеніе уѣздныхъ [земскихъ] собраній и затѣмъ внести докладъ губернскому собранію».

Такое постановленіе, въ которомъ предлагается управѣ составить соображенія о томъ, какого рода статистическія свѣдѣнія нужны земству, достаточно указываетъ на то, что большинствомъ губернскихъ гласныхъ С. - Петербургской губерніи совершенно незнакомо съ образцовыми трудами такого рода, уже нѣсколько лѣтъ существующими въ московскомъ, вятскомъ, пермскомъ, тверскомъ, херсонскомъ и во многихъ другихъ земствахъ. Зная такія статистическія работы и прочитавъ свѣдѣнные о нихъ отзывы специалистовъ и ученыхъ обществъ, нельзя уже задавать себѣ вопроса о томъ, что нужно для земской статистики. Губернская управа изготовила докладъ, требуемый отъ нея собраніемъ, которому и доложила оный въ декабрѣ 1880 года. Надо надѣяться, что въ скоромъ времени въ столичной губерніи нашего отечества начнутъ собираться достовѣрныя данныя объ экономическомъ положеніи ея жителей. Въ настоящее же время мѣстное самоуправленіе относительно этого важнаго предмета, составляющаго основаніе для разумной земской дѣятельности, должно руководствоваться голословными заявленіями волостныхъ писарей и приговорами крестьянъ, руководимыхъ тѣми же писарями. Послѣднимъ же, въ неурожайные годы часто бываетъ почему либо выгодно указывать на большее противъ дѣйствительности число домохозяевъ, нуждающихся въ хлѣбѣ и сѣнѣ. Иногда же для мѣстныхъ воротилъ оказывается полезнымъ показать число нуждающихся менѣе того, которое находится на самомъ дѣлѣ. Тоже слѣдуетъ сказать и о количествѣ скота и о промыслахъ и о всемъ прочемъ, касающемся матеріальнаго быта народа. Все это представляется часто не для того, чтобы открыть

¹⁾ «Журналъ засѣданій с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія тринадцатой очередною сесіи 1878 года, стр. 90.

истину, но для того, чтобы удовлетворять желаніямъ людей, не всегда говорящихъ правду ради личныхъ своихъ побужденій.

Поэтому какъ-бы ни были преданы народному дѣлу нѣкоторые представители с.-петербургскаго земства (каковъ на примѣръ нынѣшній почтенный предсѣдатель губернской управы И. А. Горчаковъ) имъ въ своихъ докладахъ о нуждахъ губерніи приходится ограничиваться не точными свѣдѣніями, основанными на отзывкахъ уѣздныхъ управъ, по вѣрять которыя нѣтъ возможности. Такъ, испрашивая у губернскаго собранія сумму въ 40,000 р. на продовольствіе нуждающихся и на обмѣненіе ихъ полей въ 1880 году¹⁾, губернская управа въ своемъ докладѣ по настоящему предмету ограничилась указаніемъ на полученныя ею изъ уѣздовъ свѣдѣнія и на примѣры прежнихъ лѣтъ. Какъ въ дѣлѣ продовольствія, такъ и во всѣхъ предметахъ, касающихся матеріальнаго улучшенія быта населенія, петербургское земство обходится безъ точныхъ цифровыхъ данныхъ и по необходимости дѣйствуетъ часто на авось, что для столичнаго органа мѣстнаго самоуправленія едва-ли извинительно. На всѣ грустныя проявленія такого рода имѣетъ безъ всякаго сомнѣнія весьма важное вліяніе составъ губернскихъ гласныхъ, которые въ С.-Петербургѣ представляютъ особенность, почти не встрѣчающуюся ни въ Москвѣ, ни въ иныхъ русскихъ городахъ, имѣющихъ земство. Петербургъ, какъ извѣстно, изобилуетъ болѣе или менѣе высоко стоящими чиновниками, имѣющими какъ по государственной, такъ и по частной службѣ, такъ много разнородныхъ дѣлъ, что ни однимъ изъ нихъ они не имѣютъ времени заняться съ подобающею серьезностью. Этого сорта бюрократы, имѣющіе ученныя степени или сидящіе на казенныхъ мѣстахъ, сами о себѣ говорятъ, что они размѣняли себя на мелкую монету и ни къ чему не могутъ приложить всѣхъ своихъ наличныхъ силъ. Намъ неизвѣстно, засѣдаютъ ли подобные дѣльцы въ губернской управѣ, но что они встрѣчаются между гласными, въ этомъ нельзя сомнѣваться и доказательство—крайне небрежное отношеніе къ нуждамъ мѣстнаго населенія, которое во многихъ уѣздахъ губерніи ежегодно требуетъ пособія хлѣбомъ²⁾ и, значитъ, находится въ положеніи нищенствующихъ домохозяевъ. Всѣмъ, жившимъ когда либо въ одномъ изъ наиболѣе нуждающихся уѣздовъ, именно, въ Гдовскомъ, извѣстно, что въ немъ грунтъ земли преимущественно суглинокъ и способенъ, при нѣкоторомъ умѣнїи взятыя за дѣло сельскаго хозяйства, дать выгодные урожаи кле-

¹⁾ «Доклады с.-петербургской губернской земской управы с.-петербургскому земскому собранію на 1880 годъ», стр. 103.

вера, ржи, ячменя, овса, льну и проч. И не смотря на то, губернское земство, тратя ежегодно около 30,000 р. на учительскую семинарію, не ввело въ курсъ оной ни химіи, ни сельско - хозяйственныхъ наукъ. Всѣмъ извѣстно также, что Гдовскій, Ямбургскій и Лужскій уѣзды наводнены теперь нѣмцами и чухнами, скупающими втеченіи пятнадцати лѣтъ многочисленныя усадьбы и пустоши, продающіяся ихъ владѣльцами, и ни уѣздныя земства, ни само губернское не думаютъ до сихъ поръ приходить на помощь русскому крестьянству и открыть ему кредитъ для покупки необходимыхъ для выгона и пашни угодій, за которыя коренное населеніе работаетъ теперь на чухонъ и нѣмцевъ, вовсе ненамѣренныхъ повидимому ихъ падить.

Противъ такого водворенія пришлаго элемента ропщеть народъ, но голосъ его не доходить до тѣхъ с.-петербургскихъ губернскихъ гласныхъ, которые живутъ безвыѣздно въ столицѣ, или которые лишь наѣздомъ посѣщаютъ свои заброшенныя усадьбы. Поэтому губернское земство не устраиваетъ даже ремесленныхъ и техническихъ школъ, существующихъ, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ нашего отечества, въ которыхъ находятся органы земскаго самоуправленія. Вообще истинныя народныя нужды, состоящія въ томъ, чтобы были облегчены нѣкоторые платежи, увеличены мѣстами надѣлы и чтобы молодое поколѣніе знакомилось съ болѣе рациональными приѣмами земледѣлія и техническихъ производствъ—эти нужды вовсе не составляютъ главной заботы земства, на которое населеніе не можетъ смотрѣть иначе, какъ на излишнее бремя. Этотъ взглядъ будетъ существовать среди крестьянъ С.-Петербургской губерніи до тѣхъ поръ, пока находящіяся въ ней органы самоуправленія не встанутъ на экономическую почву и не проникнутся народнымъ духомъ. Чтобы петербургское земство прониклось тѣмъ же сознаніемъ своего историческаго и современнаго назначенія, какимъ уже проникнуто большинство другихъ губернскихъ земствъ, нужно, по нашему мнѣнію, чтобы нѣкоторые изъ его гласныхъ, равнодушные къ дѣлу самоуправленія, замѣнились людьми, глубоко понимающими свое назначеніе и вполне сознающими свои гражданскія обязанности. Чѣмъ скорѣе наступитъ такое время, тѣмъ лучше это будетъ для С.-Петербургской губерніи, да и для самого Петербурга, который, сосредоточивъ въ себѣ значительную часть матеріальныхъ средствъ Россіи, не можетъ же вѣчно стоять въ отношеніи народнаго самопознанія въ числѣ послѣднихъ губерній нашего отечества. Нельзя однако, не нарушая справедливости, винить всѣхъ гласныхъ столичной губерніи.

Помимо уже упомянутаго нами И. А. Горчакова, есть еще и нѣкоторые другіе гласные, правильно понимающіе значеніе и обязанности земскаго человѣка, и между ними слѣдуетъ указать на Н. В. Латкина,

который многими своими предложеніями, вносимыми въ губернское собраніе, напоминалъ столичному земству, что прямою его обязанностью, и по здравому смыслу, и по совѣсти, должна быть забота о русскомъ народѣ, представителемъ котораго онъ по закону и признается.

Между прочимъ въ 1878 году Н. В. Латвинъ ¹⁾, выслушавъ объяснительную записку губернской управы къ проекту разверстки земскихъ повинностей, заявилъ, что дѣлаемая управою раздѣлка доходности земель Петербургской губерніи не соответствуетъ ихъ цѣнности, и потому самая разверстка повинностей представляется несправедливою. Тутъ же онъ упоминалъ о неправомерности причисленія къ одному и тому же разряду земель крупныхъ землевладѣльцевъ и пашенныхъ земель крестьянскаго надѣла. Далѣе Латвинъ указываетъ на существующую неправильность оцѣнки дачъ и огородовъ, которая, къ стыду мѣстнаго земства, производится до сихъ поръ или по страховой суммѣ, или по продажнымъ цѣнамъ за послѣднія 10 лѣтъ; на самомъ же дѣлѣ имущества нерѣдко страхуются всегда ниже или выше ихъ стоимости, и цѣны на ближайшія къ городамъ земли растутъ очень быстро. Благодаря подобнымъ заявленіямъ и дѣйствительному сознанію нѣкоторыхъ гласныхъ въ крайней необходимости изученія быта мѣстнаго населенія, удалось подвинуть губернское земство на постановленіе о собираніи статистическихъ данныхъ, которыя однѣ могутъ опредѣлять дѣйствительную стоимость разныхъ имуществъ, подлежащихъ обложенію. Надо надѣяться, что по мѣрѣ того, какъ съ годами станутъ накопляться въ губернской управѣ статистическія свѣдѣнія, господа гласные будутъ все серьезнѣе и точнѣе вникать въ народныя нужды и чрезъ то дѣлаться мало-по-малу все болѣе и болѣе похожими на дѣйствительно земскихъ людей. Послѣдніе понимаютъ, что интересы государства должны быть въ полной зависимости отъ интересовъ народа и непремѣнно съ ними гармонировать. Бюрократы же этого часто не признаютъ и ради узко понимаемой ими пользы государства и возможно большаго поступленія къ нему денегъ, часть которыхъ должна идти на увеличеніе большихъ окладовъ крупныхъ чиновниковъ, они, въ своемъ рвеніи, готовы иногда допустить разстройство въ хозяйствѣ бѣдныхъ плательщиковъ. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ неопровержимое доказательство того, что среди с.-петербургскихъ губернскихъ гласныхъ есть господа, занимающіе въ одно и то же время нѣсколько мѣстъ и не могущіе можетъ быть поэтому вник-

¹⁾ «Журналы засѣданій с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія 1878 года», стр. 24 и 25.

нуть въ интересы, ввѣренные нашему самоуправленію. Поэтому такіе господа, находясь въ земскомъ собраніи, остаются въ нихъ иногда канцелярскими чиновниками. Въ доказательство нашихъ словъ приведемъ слѣдующій примѣръ. Среди петербургскихъ губернскихъ гласныхъ втеченіи болѣе чѣмъ десяти лѣтъ кряду находится нѣкто А. И. Бландовъ, который въ то же время занимаетъ должность непремѣннаго члена присутствія по крестьянскимъ дѣламъ и, кажется, еще какую-то должность въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита. Свой взглядъ на лежащія на немъ обязанности непремѣннаго члена и земца, А. И. Бландовъ высказалъ въ особой запискѣ, составленной имъ по случаю объѣзда 38 волостей, что предпринято было названнымъ дѣятелемъ въ 1879 году по порученію отъ крестьянскаго присутствія. Свои замѣчанія по поводу такого осмотра г. Бландовъ разослалъ въ нѣкоторыя газеты и одна изъ нихъ напечатала въ своемъ фельетонѣ интересныя изъ нихъ выдержки ¹⁾. По удостовѣренію г. Бландова, въ большей части осматрѣнныхъ имъ волостей царствуетъ безпорядокъ и безконтрольность волостнаго начальства. Г. Бландовъ пишетъ при этомъ, что онъ лично внушалъ старшинамъ о томъ, что главная ихъ обязанность состоитъ въ энергичномъ взисканіи недоимокъ, причемъ, по его мнѣнію, будетъ восстановленъ порядокъ. Вотъ каковъ понятіе о народныхъ нуждахъ имѣетъ одинъ изъ несмѣняемыхъ губернскихъ гласныхъ. Понятно послѣ того, почему петербургское земство не имѣетъ свѣдѣній о народномъ бытѣ и ничего почти не предпринимаетъ для его возвышенія. Взглядъ г. Бландова весьма характеристиченъ и во всей земской литературѣ мы не встрѣчали гдѣ либо въ Россіи гласнаго одинаковыхъ съ нимъ возрѣній. Точно также мы не можемъ объяснить себѣ и выборъ въ губернскіе гласные лица, бывшаго незадолго передъ тѣмъ управляющимъ короннаго учрежденія, которое, въ послѣднее время своего существованія, такъ строго относилось къ каждой свободной мысли, высказанной въ печати или въ земствѣ. Лицо это, конечно, дѣйствовало тогда не иначе, какъ по своему искреннему убѣжденію въ пользѣ и даже необходимости подобныхъ отношеній къ земству, и теперь, будучи гласнымъ, конечно будетъ придерживаться тѣхъ же взглядовъ, а не измѣнить ихъ, подобно флюгеру, съ перемѣною вѣдомства. Какую же пользу можетъ ожидать для себя земство отъ подобныхъ дѣятелей? И чѣмъ руководствовалося оно при подобномъ выборѣ? Желаніемъ ли выказать этому лицу свое сочувствіе за

¹⁾ Газета «Голосъ», № 73, фельетонъ 1880 года.

²⁾ Постановленіе гдовскаго уѣзднаго земскаго собранія, октябрь, 1880 годъ.

его дѣятельность, или просто тою полною индифферентностью или, правильнѣе, халатностью, при которой выборы обращаются въ жалкую комедію, въ пустой, иногда даже комическій обрядъ. Когда же, наконецъ, петербургское губернское земство сумѣетъ встать на ту истинно земскую почву, которая была разчищена первымъ губернскимъ собраніемъ, закрытымъ до окончанія дѣлъ, подлежащихъ его обсужденію, министромъ внутреннихъ дѣлъ въ 1867 году.

Насколько можно судить по болѣе или менѣе значительнымъ суммамъ, ассигнуемымъ ежегодно петербургскимъ земствомъ на продовольствіе лицъ, нуждающихся въ пропитаніи, экономическое положеніе мѣстнаго населенія весьма неудовлетворительно и ждетъ недодждется того времени, когда образованные и умные люди, поставленные во главѣ губернскаго самоуправленія, придутъ къ нему на помощь.

Въ Олонецкой губерніи крестьянское населеніе тоже постоянно нуждается въ продовольствіи и причина тому лежитъ въ свойствахъ почвы, покрытой болотами, и въ суровости климата, происходящей въ значительной степени отъ этихъ же болотъ, а также и отъ географическаго положенія особенно сѣверныхъ ея уѣздовъ. Начальникъ Олонецкой губерніи, г. Григорьевъ, занимающій этотъ постъ болѣе десяти лѣтъ и всегда откровенно содѣйствовавшій успѣхамъ земства даже въ тяжелые для него годы гоненія отъ 1877 по 1879 гг., въ одной изъ своихъ рѣчей при открытіи губернскаго собранія сказалъ, что, на основанія многолѣтняго опыта ¹⁾, «главною и постоянною заботою Олонецкой губерніи, при скудномъ хлѣбопашествѣ и отсутствіи правильной хлѣбной торговли, составляетъ обезпеченіе народнаго продовольствія. Наученное опытомъ неурожайныхъ 1867—68 годовъ, земство установило болѣе правильную систему закупки хлѣба, распредѣленія его въ нуждающіяся мѣстности и выдачи продовольственныхъ ссудъ. Благодаря этому и болѣе или менѣе удовлетворительнымъ хлѣбнымъ урожаямъ послѣднихъ десяти лѣтъ, населеніе мало встрѣчало нужды въ продовольствіи и очень рѣдко страдало отъ искусственнаго возвышенія цѣнъ въ частной торговлѣ. Однакожъ, не смотря на все это, обезпеченіе продовольствія, въ губерніи, подвергающейся періодическимъ и довольно нерѣдкимъ неурожаемъ, въ неблагоприятный годъ можетъ потребовать громадныхъ усилій и денежныхъ средствъ, предотвращеніе которыхъ путемъ улучшенія земледѣлія и вообще сельскаго хо-

¹⁾ «Журналы олонецкаго губернскаго земскаго собранія очередной сессіи 12—20 декабря 1879 года», стр. 2 и 3.

зайства составляет насущную потребность». Съ мнѣніемъ г. Григорьева совершенно согласно олонецкое губернское земство, которое, по мѣрѣ своихъ скудныхъ средствъ, улучшаетъ по возможности экономическое положеніе населенія губерніи. Въ концѣ рѣчи г. Григорьева, начало которой мы только что привели, говорится по этому поводу слѣдующее: «Наиболѣе выдающимся явленіемъ въ сферѣ земской самостоятельности послѣднихъ десяти лѣтъ былъ поворотъ къ разработкѣ вопросовъ, касающихся торговаго и промышленнаго развитія. Геологическое изслѣдованіе Повѣнецкаго уѣзда и новое ходатайство объ изслѣдованіи въ этомъ отношеніи цѣлой губерніи, гидрографическое описаніе Онежскаго озера, нынѣ продолжающееся; устройство повѣнецко-сумской почтовой дороги и проведеніе телеграфной линіи по ея направленію, положившія начало правильному развитію силъ сѣвера Олонечкой и Архангельской губерній; ходатайство о причисленіи къ здѣшнему краю Кемскаго уѣзда; открытіе работъ для канализаціи по системѣ Кубенскаго и Лаче озера, предположеніе о расчисткѣ пороговъ рѣки Водлы—вотъ важные вопросы, возникшіе по инициативѣ олонечкаго земства,¹ удостоившіеся высочайшаго вниманія Государя Императора». Такой перечень серьезной земской дѣятельности, правильное пониманіе и поддержка которой составляетъ заслугу г. Григорьева предъ цѣлою Россією, показываетъ, что и со скудными средствами земство, одушевленное желаніемъ принести дѣйствительную пользу своему народу и имѣющее возможность идти рука объ руку съ администраціею, можетъ втеченіи десяти лѣтъ сдѣлать для экономического возрожденія мѣстнаго населенія болѣе того, что предъ его возникновеніемъ сдѣлано въ сто предшествовавшихъ тому лѣтъ. По словамъ г. Григорьева, главная задача земства — улучшеніе народнаго благосостоянія, и, какъ мы видимъ, олонечкое земство употребляетъ всѣ зависящія отъ него средства для удовлетворенія народныхъ нуждъ; поэтому нельзя не отдать ему полной справедливости и не причислить его къ числу самыхъ выдающихся органовъ мѣстнаго самоуправленія, отличающихся тѣмъ, что они сразу встали на почву дѣйствительныхъ экономическихъ интересовъ большинства населенія и поняли народный духъ, въ которомъ и выразились представители названнаго губернскаго собранія, подавая въ 1879 году адресъ Государю.

Слѣдуетъ помнить, что въ Олонечкой губерніи народъ почти не зналъ крѣпостнаго права и что въ ней, также какъ и въ Вятской, представители привилегированнаго сословія весьма незначительны; масса же общественныхъ дѣятелей состоитъ изъ государственныхъ крестьянъ и купцовъ, избирающихъ изъ среды дворянъ лишь лицъ, дѣйствительно преданныхъ народнымъ интересамъ. Вотъ почему дѣятельность оло-

онецкаго земства такъ плодотворна и въ его средѣ нѣтъ никакихъ сословныхъ партій, но каждый выборный представитель работаетъ на благо цѣлой губерніи, а не узкаго кружка своихъ пріятелей и людей, состоящихъ съ нимъ въ одинаковыхъ чинахъ, или принадлежащихъ къ такъ называемому высшему сословію, забывающему въ нѣкоторыхъ губерніяхъ исторію своей родины и потому не умѣющему честно служить своему народу. Громадное значеніе повѣнецко-сумской почтовой дороги, соединяющей Бѣлое море съ Онежскимъ озеромъ, весьма понятно. Дорога эта проведена на разстояніи 130 верстъ черезъ первобытные лѣса и болота, по прямой линіи, и окончена къ 1880 году. На этой дорогѣ находится урочище Ямъ, въ которомъ Петръ I, такъ много сдѣлавшій для сѣверной Россіи, отдыхалъ вмѣстѣ съ своимъ войскомъ. Въ этомъ урочищѣ повѣнецкое уѣздное собраніе, сильно заинтересованное въ поддержаніи вновь проведеннаго тракта, постановило выстроить часовню и поселить три семьи, которымъ земство для обезпеченія асигновало по 500 рублей на каждую и вошло съ ходатайствомъ предъ правительствомъ, чтобы означеннымъ поселенцамъ была отведена земля въ достаточномъ количествѣ, а также отпущенъ необходимый для построекъ строевой лѣсъ. При такихъ условіяхъ по селенцы въ урочищѣ Ямъ могутъ дѣйствительно хорошо устроиться, если министерство государственныхъ имуществъ согласится надѣлить ихъ землею, которая въ той мѣстности едва-ли приноситъ казны какой-либо доходъ. Мы остановили вниманіе читателей на предполагаемомъ устройствѣ поселенія въ урочищѣ Ямъ потому, что въ данномъ случаѣ высказался взглядъ на этотъ вопросъ олонецкаго земства, считающаго весьма разумно, что поселеніе не можетъ удался, если поселенцы не получаютъ достаточной помощи при водвореніи на новомъ мѣстѣ и не будутъ владѣть такимъ количествомъ земли, которое вполне обезпечивало бы въ будущемъ развитіе ихъ хозяйства и, значитъ, благосостоянія. Въ виду безпомощнаго положенія большинства нашихъ переселенцевъ, прибывающихъ, напримѣръ, въ Уфимскую губернію и въ Сибирь, такой взглядъ земства, состоящаго большею частью изъ государственныхъ крестьянъ, имѣеть, разумѣется, весьма важное значеніе.

Кромѣ повѣнецко-сумской почтовой дороги, стоившей губернскому олонецкому земству около 50,000 рублей, оно, по предложенію гласнаго Егорова, измѣнило направленіе почтовой дороги отъ Петрозаводска въ Лодейное Поле, причемъ разстояніе между этими городами и С.-Петербургомъ сократится на 50 верстъ. Выборные дѣятеля исследовали мѣстность и убѣдились, что проведеніе новаго почтоваго пути, имѣющаго важное значеніе для торговли, земства и правительства, можетъ быть сдѣлано безъ особыхъ затрудненій, по тому про-

селочному пути, по которому болѣе пятидесяти лѣтъ возы съ товарами объѣзжаютъ извилистую почтовую дорогу, дѣлающую изгибъ на Олонецъ, не имѣющей экономическаго значенія. Выслушавъ о настоящемъ предметѣ подробный докладъ управы, губернское земское собраніе въ декабрѣ 1879 года постановило ¹⁾: «Устройство сказанной «дороги утвердить и предположенную на этотъ предметъ сумму расхода въ 47,000 рублей вносить въ земскую смѣту втеченіи пяти лѣтъ по равной части. Затѣмъ поручить губернской управѣ, ²⁾ по составленіи техникомъ земства, Прушевскимъ, подробныхъ плана и смѣты на эту дорогу, отдавать постройку оной съ торговъ по участкамъ. Въ смѣту губернскаго земства на 1880 годъ внести на означенный предметъ 9,400 рублей; для успѣшнаго же хода работъ по устройству дороги уполномочить губернскую управу необходимую на этотъ предметъ сумму заимствовать изъ наличныхъ средствъ страховаго сбора съ тѣмъ, чтобы ссуда эта была возмѣщена изъ губернскаго сбора, по мѣрѣ поступления онаго, и проч.».

Въ настоящее время олонецкое губернское земство предприняло еще осушеніе части болотъ, которыми изобилуетъ губернія. Въ сесію 1879 года ²⁾ губернское земство выслушало докладъ управы, изъ котораго видно, что его ходатайство предъ министерствомъ государственныхъ имуществъ о принятіи имъ на себя части расходовъ по осушенію болотъ не было удовлетворено, но на асигнованный въ 1878 году по этому дѣлу кредитъ въ 5,000 рублей, губернская управа наняла частныхъ техникувъ-специалистовъ для изслѣдованія болотъ. На повторенное затѣмъ ходатайство, министръ государственныхъ имуществъ заявилъ согласіе послать въ Олонецкую губернію экспедицію, состоящую подъ начальствомъ Августиновича и содержаніе которой въ извѣстной пропорціи падало бы на земство, тоже изъяснившее на это свое согласіе. Г. Августиновичъ производилъ свои работы по изслѣдованію 17 болотъ, изъ которыхъ 8 признаны имъ выгодными для осушки, потому что тогда для мѣстнаго населенія открывается новое сѣновосное пространство, отъ котораго, какъ извѣстно, зависитъ увеличеніе и улучшеніе скотоводства, а также и всего сельскаго хозяйства. Это особенно относится къ Олонецкой губерніи, которая можетъ быть болѣе всѣхъ другихъ мѣстностей сѣверной полосы

¹⁾ «Журналы олонецкаго губернскаго земскаго собранія», Декабрь 1879 года стр. 4, 5 и 6.

²⁾ «Журналы олонецкаго губернскаго собранія 1879 года», стр. 30—34 и приложение I: «Краткое описаніе изслѣдованныхъ въ 1879 году болотъ Олонецкой губерніи».

нуждается въ сѣвноросныхъ угодьяхъ и въ которой мѣстами, какъ извѣстно, существуетъ зимній покровъ. Необходимость въ сѣнѣ здѣсь такъ велика, что мѣстами, когда непреступныя лѣтомъ болота замерзаютъ, крестьяне скашиваютъ сухую траву, торчащую надъ льдомъ замерзшихъ, вязкихъ болотъ. Поэтому губернское собраніе, обсудивъ объясненія спеціалиста Августиновича, въ связи съ представленнымъ имъ описаніемъ по изслѣдованію болотъ, постановило: 1) продолжать изслѣдованіе болотъ по Олонецкой губерніи и, кромѣ того, начать по возможности и ихъ осушку, 2) просить министра государственныхъ имуществъ вновь командировать Августиновича, 3) на производство изслѣдованія и осушки болотъ назначить на 1880 годъ 6,000 рублей и еще 500 руб., ассигнованныхъ петрозаводскимъ земствомъ.... 7) выразить начальнику экспедиціи Августиновичу благодарность за его полезныя труды и проч. Въ 1878 году губернскимъ земствомъ поднятъ вопросъ о геологическомъ изслѣдованіи Олонецкой губерніи ¹⁾. Въ своемъ докладѣ по настоящему вопросу губернская управа говоритъ, между прочимъ, что разработка и добыча минеральныхъ продуктовъ, въ особенности желѣзныхъ рудъ, каменнаго угля и антрацита, въ настоящее время составляетъ важнѣйшую отрасль государственнаго хозяйства и народной промышленности. Быстрое развитіе желѣзнаго производства и возрастаніе добычи минеральнаго топлива въ континентальныхъ государствахъ западной Европы обнаруживаетъ стремленіе нашего материка къ полной независимости отъ главной поставщицы каменнаго угля—Англіи, и къ пріобрѣтенію экономической и политической самостоятельности, опирающейся на усиленіе желѣзно-паровыхъ двигателей. Россіи, изобилующей всякими другими минералами, а также каменнымъ углемъ, нѣтъ никакихъ причинъ отставать отъ другихъ странъ и пребывать отъ нихъ въ унижительной зависимости. Олонецкая губернія, составляющая значительную часть сѣверной окраины Россіи (130,719 кв. вер.), и находясь при удобномъ водяномъ сообщеніи съ С.-Петербургомъ, въ нѣдрахъ земли и на ея поверхности заключаетъ разнообразнѣйшія минеральныя богатства, изъ коихъ примѣненіе къ горной промышленности нашли только желѣзныя руды, преимущественно озерныя и болотныя, дающія достаточный запасъ металловоснаго матеріала тремъ казеннымъ заводамъ уже втеченіи 180 лѣтъ. Олонецкая губернія такъ мало изслѣдована горными инженерами и учеными, что, по теоріи, они долгое время опровергали самую возможность существованія въ ней каменнаго угля, который здѣсь своимъ появленіемъ долженъ поколебать

¹⁾ «Журналы 1878 года, стр. 72—75».

дѣлюю, геологами построенную, остроумную научную теорію. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ совершенно случайно открыто богатое мѣсторожденіе антрацита въ Шунгѣ и Толвуѣ. Повѣнецкое уѣздное земское собраніе, въ чрезвычайномъ засѣданіи въ 1877 году, поторопилось сдѣлать постановленіе о проложеніи удобной тележной дороги отъ парходной пристани въ сел. Шунгѣ, къ мѣсторожденію антрацита, на протяженіи 1¹/₂ верстъ, что уже теперь и исполнено. Существованіе горныхъ и озерныхъ рудъ во всѣхъ уѣздахъ губерніи, которая, по своему геологическому характеру и по формѣ рудныхъ мѣсторожденій, напоминаетъ Швецію, гдѣ желѣзное производство уже достигло широкаго развитія, приводитъ къ необходимости подробныхъ геологическихъ изслѣдованій всей Олонецкой губерніи. Въ виду государственнаго значенія, которое имѣетъ въ настоящее время развитіе горнаго дѣла, а также вслѣдствіе скудности средствъ мѣстнаго земства, не имѣющаго возможности предпринять изслѣдованія Олонецкой губерніи на свой счетъ, губернское собраніе 1878 года постановило: «просить начальника губерніи войти съ ходатайствомъ къ министрамъ государственныхъ имуществъ и финансовъ о назначеніи ученой экспедиціи для производства подробнаго геологическаго изслѣдованія на пространствѣ всей губерніи и о назначеніи для этого необходимыхъ денежныхъ средствъ изъ суммъ государственнаго казначейства». По истеченіи года послѣ такого постановленія, губернская управа доложила собранію, что министръ государственныхъ имуществъ вполнѣ раздѣляетъ взгляды олонечкаго земства на необходимость геологическаго изслѣдованія губерніи, но министръ финансовъ отказалъ отпустить на это предпріятіе необходимыя денежныя средства ¹⁾. Не увѣнчавшіяся до сихъ поръ успѣхомъ заботы земства по изслѣдованію Олонецкой губерніи не останавливаютъ его въ дальнѣйшихъ о томъ ходатайствахъ, которыя, въ виду очевидной въ томъ необходимости, получать, вѣроятно, скорое удовлетвореніе. Геологическое изслѣдованіе Олонецкой губерніи, покупающей ежегодно на сто тысячъ рублей хлѣба, важнѣе для нея даже земскаго статистическаго описанія, которое придется произвести уже впоследствии. Это не мѣшаетъ однако помнить, что безъ подробнаго статистическаго изслѣдованія губерніи въ ней не можетъ быть произведена правильная оцѣнка имуществъ, а, слѣдовательно, сдѣлано и справедливое ихъ обложеніе. Но изъ двухъ неизбѣжныхъ золъ всегда лучше избрать меньшее, и если это окажется необходимымъ и для земства возможнымъ, то для него прежде всего нужно выяснить свои минеральныя богатства, и съ

¹⁾ «Журналы 1879 года», стр. 46 и 47.

этою цѣлью содѣйствовать всѣмъ зависящими отъ него средствами правительству, когда оно пошлетъ на мѣсто ученую экспедицію. Олонецкое земство, судя по тому направленію, которое оно себѣ усвоило, не преминетъ поступить съ тѣмъ благоразуміемъ и тактомъ, которые ручаются, что мѣстное самоуправленіе не поощадитъ трудовъ для того, чтобъ увеличить благосостояніе упомянутой губерніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и усилитъ богатство цѣлой Россіи.

Вологодская губернія нуждается въ продовольственныхъ средствахъ гораздо менѣе, чѣмъ С.-Петербургская и Олонецкая. Это ежегодно подтверждается отчетами, подаваемыми вологодскою губернскою управою очередному земскому собранію. Хлѣбные запасные ея магазины недостаточно однако-же полны и еще въ 1876 году въ нихъ находилось ¹⁾ озимаго хлѣба 151,292 четверти, вмѣсто слѣдующихъ 491,826 и яроваго 113,191 четверть, вмѣсто 316,921, т. е. третья часть запаса находилась въ ссудѣ болѣе или менѣе состоятельныхъ должниковъ. Но нужды въ хлѣбъ въ Вологодской губерніи особенной до сихъ поръ нѣтъ, и губернское земство испрашиваетъ ежегодно лишь относительно небольшой на этотъ предметъ кредитъ около 20 или 25 тысячъ рублей.

Относительное довольство Вологодской губерніи объясняется обиліемъ въ ней луговъ, которые даютъ возможность трудолюбивому и зажиточному преимущественно крестьянскому ея населенію содержать много хорошаго рогатаго скота и заниматься травосѣяніемъ, весьма здѣсь развитымъ, хотя и ограничивающимся почти исключительно такъ называемою тимоеевою и лишь отчасти клеверомъ.

Изъ всѣхъ сѣверныхъ и внутреннихъ губерній, въ которыхъ развито молочное хозяйство, общее количество головъ рогатаго скота въ Вологодской губерніи самое большее. Впрочемъ, прибалтійскія губерніи, а также и Ковенская, по собраннмъ вольнымъ экономическимъ обществомъ даннымъ, составляютъ исключеніе, и въ настоящемъ случаѣ нисколько не уступаютъ Вологодской. Въ послѣдней отношеніе количества скота къ количеству луговъ весьма благоприятно. Вслѣдствіе того выдѣлкою молочныхъ продуктовъ въ Вологодской губерніи занимаются уже съ давнихъ поръ. Это производство значительно усилилось съ проведеніемъ ярославско-вологодской желѣзной дороги; теперь, какъ крупныя землевладѣльцы, такъ и мелкіе, ежегодно улучшаютъ выдѣлку молочныхъ продуктовъ, что особенно замѣтно въ уѣздахъ: Вологодскомъ, Грязовецкомъ и Кадниковскомъ. У значительнаго числа хозяевъ введенъ улучшенный способъ отстаиванія молока; у 37—швейцарскій, у двухъ гуссандеровскій и такъ далѣе. На бывшей

¹⁾ «Журналы вологодскаго губернскаго земскаго собранія за 1876 годъ».

второй очередной выставкѣ молочныхъ произведеній въ Москвѣ участвовало изъ Вологодской губерніи 20 маслодѣловъ съ годовымъ производствомъ въ 6,000 пудовъ масла самыхъ высокихъ сортовъ, преимущественно сливочнаго и голштинскаго. На петербургской выставкѣ молочныхъ продуктовъ вологодскіе производители тоже обратили на себя заслуженное вниманіе и одинъ изъ нихъ, г. Ильинъ, въ селѣ Алятино перерабатываетъ въ годъ 24,000 ведеръ молока и получаетъ 900 пудовъ масла ежегодно. Въ Вологодской губерніи производятся всѣ сорта масла, начиная отъ русскаго топленнаго до самыхъ тонкихъ сортовъ сливочнаго, а также сыры: швейцарскій, честеръ, голландскій, и творогъ. Эти продукты сбываются въ С.-Петербургъ, Москву и Кіевъ. По официальнымъ даннымъ, въ трехъ названныхъ выше уѣздахъ Вологодской губерніи насчитывается до 33 сыроваренныхъ заводовъ, съ годовымъ производствомъ въ 12,600 пудовъ, на сумму 88,900 р. По вычислениямъ г. Ковалевскаго, въ этихъ уѣздахъ получается ежегодно сыру, масла и творогу до 230,000 пудовъ на сумму 695,000 р. сверхъ того мѣстное населеніе потребляетъ до 5 миліоновъ ведеръ молока.

Вотъ въ чемъ состоитъ богатство одной части Вологодской губерніи, о которой вообще до сихъ поръ не имѣется сколько нибудь удовлетворительныхъ точныхъ данныхъ. Земству Вологодской губерніи, которое, говоря относительно хотя-бы олонцаго, сдѣлало весьма немногое для улучшения экономическаго быта населенія, слѣдовало бы, по примѣру доброй половины русскихъ губерній, завести статистическое отдѣленіе и ходатайствовать о закрытіи мало полезнаго для края казеннаго губернскаго статистическаго комитета. Это тѣмъ необходимѣе, что жители Вологодской губерніи, почти незнакомые съ бывшимъ у насъ крѣпостнымъ правомъ, пользуются видимымъ благосостояніемъ въ сравненіи съ жителями большинства мѣстностей, лежащихъ въ такъ называемой сѣверной лѣсной полосѣ. Учрежденіе статистическаго отдѣленія, на которое московское земство затрачиваетъ ежегодно отъ 9 до 12 тысячъ и на которое другія губерніи расходуютъ гораздо менѣе, можетъ обойтись на первое время весьма недорого, примѣромъ чего служить владимірское губернское земство. Цѣлыхъ десять лѣтъ и даже болѣе, основывая свои экономическія свѣдѣнія о ввѣренной мѣстному самоуправленію губерніи на показаніяхъ «старожиловъ», земство составляло такую оцѣнку имуществъ, подлежащихъ обложенію, которая вызывала со стороны плательщиковъ нескончаемую вереницу жалобъ, протестовъ и всякихъ неудовольствій. Въ 1878 году ¹⁾ владимірское губернское

¹⁾ См. «журналъ постановленій губернскаго земства за 1878 годъ въ владимірскомъ сборникѣ».

земское собраніе поручило управѣ выработать программу необходимыхъ для земства статистическихъ свѣдѣній и доложить ее слѣдующему очередному собранію. Управа изготовила такой докладъ и въ немъ указала на необходимость учрежденія при ней статистическаго отдѣленія, испрашивая на это только 2,000 р. въ годъ, которыми она на первое время рѣшилась обойтись. Свой докладъ губернская владимірская управа заключила такъ: въ этомъ дѣлѣ «т. е. въ области земской статистики, не слѣдуетъ задаваться слишкомъ обширными задачами науки и государства, но нужно имѣть въ виду тѣ ближайшія практическія цѣли, къ достиженію которыхъ призваны земскія учрежденія». Владимірское губернское земское собраніе, по выслушаніи настоящаго доклада, возбудило оживленныя пренія и наконецъ постановило: назначить премію въ 500 р. за выработку программы для земской статистики, что и взялъ на себя членъ управы г. Стромиловъ. Въ его трудѣ указаны слѣдующія, нужныя земству, статистическія свѣдѣнія: 1) матеріалы (подробная библиографія всѣхъ сочиненій, когда либо писанныхъ о Владимірской губерніи), 2) обзоръ губерніи и ея уѣздовъ, 3) землевладѣніе, 4) промышленность (сельско-хозяйственная и промышленно-заводская), 5) промыслы, 6) народное здравіе, 7) народная грамотность и общественное образованіе, 8) охраненіе народной нравственности, 9) народное продовольствіе и общественное призрѣніе немущихъ, 10) народныя бѣдствія, 11) страховая, пожарная и строительная часть, 12) земскіе финансы, 13) пути сообщеній, 14) постоянная и воинская повинность, 15) платежныя средства населенія уѣздовъ и губерніи и 16) недвижимыя имущества въ городахъ. Программа г. Стромилова была одобрена губернскимъ собраніемъ, которое поручило управѣ созвать съѣздъ изъ предсѣдателей уѣздныхъ управъ, разработать на немъ окончательныя подробности, касающіяся организациі земской статистики. Съѣздъ состоялся въ мартѣ 1880 года и кромѣ предсѣдателей управъ на немъ присутствовали: секретарь мѣстнаго статистическаго комитета, предсѣдатели и секретари: юрьевского общества сельскаго хозяйства, комитета мануфактуръ и торговли и отдѣла русскаго техническаго общества въ Иваново-Вознесенскѣ, а также владимірскій городской голова. Съѣздъ постановилъ: 1) программу составленную г. Стромиловымъ, оставить безъ пополненій въ частностяхъ ея, такъ какъ она достаточно подробна, 2) при губернской управѣ устроить статистическій отдѣлъ и проч. Такимъ образомъ, начиная съ 1881 года, владимірское губернское земство стало рядомъ съ такими земствами, каковы московское, вятское, ярославское, тверское, черниговское, пермское, херсонское и новгородское, заслужившія себѣ доброе имя, которое неизгладимыми словами запишется на страницы исторіи развитія русской внутренней жизни, чего мы отъ

всей души желаемъ и с.-петербургскому и вологодскому земствамъ, не успѣвшимъ еще встать на твердую экономическую почву и достаточно проникнуться реальными интересами русскаго народа.

II.

Выдающаяся черта въ исторіи с.-петербургскаго земства.

Въ 1867 году петербургское губернское земское собраніе, руководимое г. Краузе, какъ предсѣдателемъ, состояло изъ гг. гласныхъ, находившихся на вполнѣ реальной почвѣ народныхъ интересовъ, и обѣщало стать во главѣ всѣхъ другихъ органовъ нашего самоуправленія, раскинутыхъ по широкому лицу русской земли. Собраніе 1867 г. стремилось не только облегчить экономическое положеніе массы населенія, но твердо постановило задачей своей будущей дѣятельности увеличить народное самопознаніе, усиливъ свободу дѣйствій крестьянскаго самоуправленія, изъявъ оное изъ вѣдѣнія крестьянскихъ присутствій и полиціи и передавъ сельскимъ обществамъ веденіе большей части дѣлъ близко до него касающихся, каковы: призрѣніе, медицина и проч. Уменьшить или вовсе уничтожить опеку чиновниковъ надъ народомъ и сдѣлать его совершенно равноправнымъ со всѣми остальными сословіями такъ, чтобы русскіе люди отличались между собою только по ихъ уму и нравственному достоинству, но не по рангамъ—такова была мысль, руководившая дѣйствительно во всѣхъ отношеніяхъ выдающимся собраніемъ петербургскаго губернскаго земства 1867 года. Къ сожалѣнію, такой трезвый взглядъ собранія повазался до того ужаснымъ тогдашнему министерству внутреннихъ дѣлъ, что оно настояло, дабы земство въ С.-Петербургской губерніи было вовсе упразднено, какъ состоящее изъ лицъ, не очень-то признающихъ чиновъ, предпочитающихъ имъ умственные и нравственные качества людей и понимающихъ глубокой смысломъ отечественной исторіи, въ которой и общественный бытъ, и религія, приучили русскій народъ считать всѣхъ своихъ собратій совершенно равными и предъ Богомъ, и предъ Царемъ. Петербургское земство 1867 года хорошо понимало, что народная мысль и воля только тогда проявятся въ органахъ нашего самоуправленія, когда народъ и чиновники будутъ между собою равноправны во всѣхъ отношеніяхъ. Безъ этого условія народъ не можетъ относиться довѣрчиво къ земскимъ учрежденіямъ, на которыя онъ долженъ смотрѣть, какъ на казенное мѣсто, котораго

слѣдуетъ всячески опасаться, чтобы не наклевать на свою голову бѣды. Вотъ почему до сихъ еще поръ въ большей части земскихъ собраній народъ безмолвствуетъ и терпѣливо ждетъ того времени, когда ему Царь дозволить, безъ всякой опаски отъ начальства, говорить сущую правду.

Взгляды петербургскаго губернскаго земскаго собранія весьма отчетливо выражены въ томъ докладѣ управы, при обсужденіи котораго, по усиленному настоянію бывшаго въ то время министра внутреннихъ дѣлъ, административная власть силою вытѣснила гг. гласныхъ изъ засѣданія, и затѣмъ упразднила органы мѣстнаго самоуправления на цѣлый годъ.

Обстоятельный докладъ губернской управы отъ 3 января 1867 г. ¹⁾, начинается съ: а) раздѣленія земскихъ повинностей на губернскія и уѣздныя, и б) смѣты губернскихъ земскихъ повинностей на текущій годъ. Всѣхъ расходовъ предполагалось 72,612 р. Изъ нихъ обязательныхъ 55,121 р. и необязательныхъ 17,500 р. Докладъ считаетъ необходимымъ ходатайствовать, чтобы изъ числа обязательныхъ расходовъ были бы исключены нѣкоторыя статьи, вовсе бесполезныя для земства и ненужныя также для благоденствія населенія губерніи. Таковы расходы: 1) 2,000 р. на суточное содержаніе чиновниковъ, командированныхъ внутрь губерніи по какимъ-то земскимъ дѣламъ; 2) 1,500 р. на содержаніе губернскаго статистическаго комитета; 3) 5,000 р. на содержаніе классовъ землемѣрія при с.-петербургской гимназій, и 4) 8,500 р. на содержаніе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутвія. Всего 17,000 р., которые могли бы составить сбереженіе народныхъ средствъ и нисколько не помѣшали бы правильному отправленію общественныхъ и государственныхъ дѣлъ, напротивъ того, освободили бы ихъ отъ излишнихъ проволочекъ, уничтоженіемъ, на примѣръ, губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутвія и губернскаго статистическаго комитета, не дающаго, кромѣ исключительныхъ случаевъ, достовѣрныхъ данныхъ ни объ одной отрасли производительнаго народнаго труда. Вообще тѣ предметы обязательныхъ расходовъ, объ отиѣнѣ которыхъ желало ходатайствовать петербургское земство 1867 года, до сихъ поръ составляютъ излишнее бремя бюджета органовъ самоуправления, которые время отъ времени втеченіи пятнадцати лѣтъ продолжаютъ поддер-

¹⁾ «Докладъ с.-петербургской губернской земской управы 3 января 1867 года». Этотъ замѣчательный докладъ составляетъ теперь уже библиографическую рѣдкость.

живать предъ правительствомъ ту же просьбу, въ которой до сихъ поръ имъ систематически отказывалось.

Въ своемъ докладѣ отъ 3 января, с.-петербургская управа говоритъ, что она сознаетъ лежащія на ней нравственныя обязанности и, стремясь облегчить тяжестя раззореннаго земскаго хозяйства, предлагаетъ не требовать съ населенія никакихъ земскихъ сборовъ на 1867 годъ; необходимыя расходы по смѣтѣ удовлетворить изъ имѣющихся остатковъ въ количествѣ 120,000 р.

Затѣмъ въ докладѣ слѣдуетъ пунктъ: раскладка губернскихъ земскихъ повинностей. Управа выражаетъ здѣсь, что состоявшееся, по предложенію министра внутреннихъ дѣлъ, высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта отъ 21 ноября 1866 года, объ ограниченіи взысканія сборовъ съ торговыхъ патентовъ и промышленныхъ свидѣтельствъ, уничтожило всѣ труды земства по произведенной имъ первоначальной раскладкѣ и вообще поставило его въ безвыходное положеніе. Издавая такой законъ, законодательная власть выслушала лишь одностороннее мнѣніе высшей администраціи и не испросила мнѣнія земскихъ людей. § 11 вышедшаго въ 1866 году закона предписываетъ: «при обложеніи фабричныхъ, заводскихъ и торговыхъ помѣщеній надлежитъ принимать въ расчетъ только цѣнность самихъ помѣщеній, не вводя въ оцѣнку предметовъ торга или промысла». А это измѣняетъ кореннымъ образомъ ст. 9 и 10 временныхъ правилъ для земскихъ учреждений. Далѣе, въ докладѣ указывается, что нигдѣ земскія учрежденія не употребили во зло своего права облагать фабричныя торговые промыслы, и со стороны производящихъ оныя не было на то и жалобъ. Интересы промышленности достаточно гарантированы ст. 8 и 119 временнаго положенія. Ставить торговыя заведенія въ исключительное положеніе—мѣра едва-ли справедливая со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ.

И это тѣмъ болѣе, что сельско-хозяйственная промышленность находится вездѣ въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ торговля. Крестьяне, владѣющіе въ губерніи около 4 дес. плохой земли, платятъ съ душеваго надѣла по 16 р. въ годъ, что превышаетъ мѣстами доходность съ ихъ хозяйства. Очевидно, что всякая льгота по отношенію торговли, фабрикъ и заводовъ, падая бременемъ на земство, застави ть его окончательно задавить сельскую земледѣльческую промышленность и привести 30 миліоновъ русскихъ подданныхъ къ несостоятельности, что, помимо многихъ другихъ весьма важныхъ послѣдствій, приведетъ еще и къ тому, что непопулярность земскихъ учреждений увеличится еще болѣе. Можно облегчить одновременно и фабрики, и тор-

говлю, и земледѣльческую промышленность, снявъ съ земства нѣкоторыя, излишнія для народной пользы обязательныя повинности. Тогда бы, помощью естественнаго хода вещей, установился бы самъ собою равномѣрный и справедливый процентъ обложенія со всѣхъ имуществъ и съ капитала; министерство же внутреннихъ дѣлъ, остановивъ правильное теченіе жизни, едва-ли поступило справедливо. Теперь же земство, обремененное непосильными платежами, должно раззоряться и слушать раздающіяся противъ него народныя проклятія.

Затѣмъ, докладъ 3 января упоминаетъ о продовольствіи, которое не можетъ быть обезпечено ничтожнымъ душевымъ сборомъ, но требуетъ иной организаціи, и обращается въ призрѣніе неимущихъ, что, по его мнѣнію, должно лежать преимущественно на сельскихъ обществахъ, знающихъ лучше всѣхъ земцевъ, кто изъ деревенскихъ обывателей нуждается дѣйствительно въ помощи. Понятно, что прежде чѣмъ возложить на сельскія общества подобныя обязанности, необходимо переорганизовать нынѣшнія волостныя правленія и позаботиться о томъ, чтобы не было сельскихъ обществъ, члены которыхъ на половину состоятъ изъ недоимщиковъ и неимущихъ, нуждающихся въ продовольствіи себя и своихъ семей даровымъ хлѣбомъ.

Докладъ петербургской губернской управы 1867 года, заканчивается тѣмъ, что нужно представить на благоусмотрѣніе высшаго правительства нѣсколько новыхъ важныхъ ходатайствъ. Въ виду же того, что до настоящаго времени всѣ подобныя ходатайства были задерживаемы единоличною властью министра внутреннихъ дѣлъ, который представляетъ собою лишь одинъ изъ органовъ высшаго правительства, необходимо представить на обсужденіе и рѣшеніе правительствующаго сената жалобу на названнаго министра, что земству предоставлено 11 ст. положенія. Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ счелъ нужнымъ предупредить разсмотрѣніе сенатомъ возникавшей на него жалобы и исходатайствовалъ дозволеніе о закрытіи петербургскаго земства.

Докладъ 3 января 1867 года написанъ уже четырнадцать лѣтъ тому назадъ, но по ясности, съ которою имъ очерчено положеніе нашихъ органовъ самоуправления, онъ имѣетъ вполне современный интересъ, особенно послѣ дальнѣйшей дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ и III отдѣленія. Этотъ любопытный докладъ почтенныхъ земскихъ дѣятелей, скрывшихся со сцены, составляетъ цѣнный историческій документъ, доказывающій нагляднымъ образомъ, что и въ самой бюрократической въ Россіи губерніи, въ С.-Петербургской, есть люди, вполне понимающіе дѣйствительныя народныя интересы и смыслъ отечественной исторіи, которая въ ихъ умахъ не затуманена

никакимъ фальшивымъ чванствомъ и табелью о рангахъ. Но для того, чтобы изъ народа вышли дѣйствительно живущіе его жизнью люди, нужно предоставить ему полную свободу выбора и отстранить отъ него тѣ многочисленныя вліянія, которыя мѣшаютъ дѣйствовать правдивымъ людямъ и препятствуютъ проявиться народному смыслу во всей его силѣ. Нельзя, кажется, не согласиться съ тѣмъ, что исторія петербургскаго земства до 1867 года и послѣ онаго представляетъ два весьма поучительныхъ контраста.

Можно надѣяться, что примѣръ прежней дѣятельности господъ гласныхъ С.-Петербургской губерніи вдохновитъ мало-по-малу нынѣшнихъ ея представителей земскаго дѣла, которые, наконецъ, рѣшительно встанутъ на практическую почву. Такая надежда тѣмъ основательнѣе, что, въ послѣднее свое засѣданіе въ декабрѣ 1880 года, губернское собраніе выслушало нѣсколько такихъ докладовъ, составленныхъ управою, которые доказываютъ, что петербургское земство, подвергшееся съ самаго начала своего возрожденія исключительному внѣшнему давленію, мало-по-малу начинаетъ приходить въ себя и вовсе не намѣрено оставаться долгое время позади другихъ русскихъ губерній. Между такими докладами управы слѣдуетъ указать на тотъ, который разработалъ вопросъ о необходимости устройства земскаго статистическаго отдѣленія, что было сочувственно принято собраніемъ. Такимъ образомъ, первый и самый важный шагъ въ самопознанію уже сдѣланъ столичнымъ земствомъ, которому нельзя не пожелать полного успѣха. Всѣмъ русскимъ губерніямъ будетъ пріятно видѣть с.-петербургское самоуправленіе, поставленное на ту народную почву, которая именно въ столицѣ имѣетъ особенно важное значеніе и должна составлять противовѣсъ разнымъ, непримѣняемымъ къ дѣлу болѣе или менѣе моднымъ теоріямъ, а также удерживать непрактичную бюрократію отъ увлеченій канцелярскими измышлениями. Въ оправданіе петербургскаго земства, отклонявшагося нѣкоторое время отъ соответствующаго ему пути, слѣдуетъ сказать, что послѣ того, какъ въ 1867 году правительствомъ, въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ, былъ поставленъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли оставить земство въ губерніи, или вовсе его упразднить на неопредѣленное время,—представителямъ столичнаго самоуправленія, открытаго въ 1868 года, предстояло спасать отъ гибели самое учрежденіе, въ составъ котораго они входили.

Имъ поэтому пришлось по необходимости быть мудрыми, яко змии, и кроткими, яко голуби. Понятно, что будучи заняты вопросомъ о сохраненіи своего существованія, которому высшая администрація постоянно грозила, представители петербургскаго земства, начиная съ 1868 и по 1880 годы, не рѣшались явно становиться въ разрѣзъ съ

мнѣніемъ тогдашняго министерства внутреннихъ дѣлъ и подвергнуть себя опасности быть снова стертими съ земскаго поприща. Петербургское земство находилось втеченіи двѣнадцати лѣтъ въ исключительномъ положеніи и на него, болѣе чѣмъ на земства другихъ губерній, обрушивалась постоянно немилость администраціи, которая до 1880 года вовсе не жаловала органовъ нашего самоуправленія, дарованіе которыхъ народу составляетъ историческую славу нынѣ царствующаго Государя Императора Александра II. Если-бы петербургское земство скомпроментировало бы себя безтактностью, то, будучи снова закрыто, оно навлекло бы большія бѣды и на земства всѣхъ другихъ губерній, которыя еще такъ недавно, т. е. до 1880 года, могли быть тоже упразднены, или совсѣмъ, или отчасти. Столичное земство понимало свое положеніе и доказательство того можно найти, между прочимъ, въ адресѣ, поднесенномъ губернскими гласными барону П. Л. Корфу отъ 22 декабря 1878 года, по случаю его выбитія изъ предсѣдателей управы въ головы города С.-Петербурга. Баронъ Корфъ былъ предсѣдателемъ управы съ 7 іюня 1868 года по декабрь 1878 года, но какъ гласный, выбранный еще въ 1865 году, баронъ пережилъ ту достопамятную катастрофу, которая стрясалась надъ столичнымъ земствомъ 16 января 1867 года. Барону предстояло поэтому трудная задача, ладить во что бы то ни стало съ администраціею, имѣвшею видимое желаніе упразднить земство, и онъ выполнилъ эту задачу, о чемъ въ такихъ словахъ упоминается въ вышеуказанномъ, поднесенномъ ему адресѣ¹⁾: «Радѣльцемъ и оберегателемъ земскихъ интересовъ являлись вы всегда въ учрежденіяхъ правительственныхъ, гдѣ виѣстѣ съ уваженіемъ вызвали и высокое къ себѣ довѣріе». Такимъ образомъ, благодаря такту, уступчивости и дипломатическимъ способностямъ своихъ представителей, петербургское земство сохраняло свое существованіе и тѣмъ давало возможность земствамъ другихъ губерній, болѣе отдаленныхъ отъ воровъ министерства внутреннихъ дѣлъ, работать болѣе благотворнымъ образомъ для поддержанія народнаго благосостоянія, чему способствовали нѣкоторые губернаторы, между которыми вятскій, полтавскій и олонекскій въ 1870—1879 гг. должны заслужить особенную благодарность потомства. Но начиная съ 1880 года, время гоненія земскихъ учреждений уже миновало, а потому отъ ея дѣятелей не требуется болѣе дипломатіи; но къ нимъ предъявляютъ серьезную экономическую работу которая должна быть хорошаго качества, если она щедро оплачивается рублями, собираемыми изъ кошельковъ голодающихъ лю-

¹⁾ «Журналы засѣданій с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія, 1878 года, 11—22 декабря», стр. 97. приложение.

дей. Настало новое время, требующее новыхъ силъ, и въ данномъ случаѣ такихъ, которыя могли бы встать твердою, углою ногою на путь, указанный первымъ составомъ петербургскихъ гласныхъ 1865—1867 гг.

Продолжать же далѣе идти по прежней дорогѣ, указанной барономъ Корфомъ, значитъ, обнаружить свое безсиліе и неумѣніе, чего по нѣкоторымъ благоприятнымъ признакамъ не должно случиться съ столичными земскими дѣятелями 1881 года. Частный эпизодъ съ петербургскимъ земствомъ невольно наводитъ на мысль объ общихъ невзгодахъ, отъ которыхъ еще не освобождено наше самоуправленіе, не могущее поэтому проявлять вполнѣ своихъ жизненныхъ силъ, залегающихъ непроизводительно въ безмолвствующей массѣ русскаго народа. Дѣло въ томъ, что земскія учрежденія не введены въ общую систему государственнаго управленія и на нихъ ни въ какомъ отношеніи не обязана опираться административная власть, которая игнорируетъ даже добытыя ими съ такимъ трудомъ статистическія свѣдѣнія. Земство есть учрежденіе частное, и какъ таковое, можетъ быть подчинено произволу администраціи. Между тѣмъ, земство и городское самоуправленіе составляютъ все русское общество, которому предоставлено вѣдать о всѣхъ народныхъ нуждахъ. Земству поэтому необходимо отвести въ государственномъ управленіи соотвѣтствующее ему мѣсто.

III.

Народное образованіе.

С.-петербургское губернское земство, по примѣру большинства другихъ земствъ, взяло на себя дѣло подготовки наставниковъ и наставницъ для народныхъ школъ. Съ этою цѣлью имъ устроена учительская земская школа, руководимая специалистомъ, и судя по многочисленнымъ отзывамъ, дѣлаемымъ гласными и органами русской печати, педагогическое дѣло ведется въ ней весьма удовлетворительнымъ образомъ. Мы можемъ здѣсь подтвердить наше замѣчаніе о томъ, что какъ-бы ни были хорошо подготовлены учителя и учительницы народныхъ школъ, но если они не въ состояніи научить крестьянскихъ дѣтей ничему иному, кромѣ грамотности (т. е. чтенію, письму, ариметикѣ и молитвамъ), то едва-ли эти учителя будутъ пользоваться въ крестьянскомъ населеніи тѣмъ почетомъ и довѣріемъ, какими они

должны пользоваться. Русское крестьянство, какъ мы уже говорили прежде, вообще бѣдное, не можетъ понять полезности науки, если таковая не увеличиваетъ заработка. Школы, въ которыхъ не учатъ искусству увеличивать плодородіе земли, или ремесламъ, даютъ ученикамъ главнымъ образомъ одно, существенное въ глазахъ народа пріобрѣтеніе—это знаніе учениками молитвъ и слова Божія, высоко чтимыхъ русскимъ человѣкомъ; но молитвамъ способна научить дѣтей и монахиня, и черница, плата которымъ можетъ быть произведена въ количествѣ полумѣры ржи и десятка яицъ съ каждаго ученика. Ремесла и земледѣльческія науки, преподаваемые хотя-бы и наглядно, какъ это принято въ школахъ Вятской губерніи, вотъ основанія, на которыя должно опираться всякое дальнѣйшее умственное развитіе русскаго крестьянства. Последнее должно идти рука объ руку съ развитіемъ народнаго образованія, а такъ называемое литературное, или энциклопедическое образованіе можетъ быть съ пользою примѣняемо лишь въ дѣтямъ зажиточныхъ родителей. При другихъ условіяхъ такое образованіе не можетъ принести большой пользы. Если этого не желаютъ сознать педагоги, воспитанные сами на латынѣ, то гласные должны имѣть болѣе практическій взглядъ на вещи, касающіяся непосредственной народной пользы, въ чемъ, какъ извѣстно, заключается все нравственное значеніе земскихъ учреждений, которыя никогда не будутъ популярны среди крестьянства, если не сумѣютъ принести ему осязательной матеріальной пользы и не станутъ дѣйствовать въ духѣ массы населенія. Не имѣя же въ народѣ популярности, земскія учрежденія останутся современемъ безъ всякой почвы, и крестьяне, освоившись съ ними, рано или поздно пропоютъ господамъ, засѣдающимъ въ собраніяхъ, такую правдивую пѣсню, отъ которой многимъ изъ нихъ не поздоровится.

Что же касается до преподаванія въ с.-петербургской земской учительской школѣ, о которой ея инспекторъ отдаетъ ежегодно подробные отчеты, то оно весьма удовлетворительно и нѣсколько разъ заслуживало одобренія со стороны губернскаго земства. Жаль только, что въ управѣ нѣтъ подробныхъ отчетовъ о дѣятельности учителей и учительницъ, кончившихъ курсъ въ школѣ и самостоятельно, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, занимающихся обученіемъ крестьянскихъ дѣтей. Такіе отчеты, которые могли бы составляться уѣздными управами, дали бы возможность подробнаго выясненія, какъ полезности губернской учительской школы, такъ и ея недостатковъ, которые легко было бы тогда исправить. Нало отдать справедливость гг. губернскимъ гласнымъ въ томъ, что они обращаютъ на ходъ учебнаго и воспитательнаго дѣла въ земской учительской школѣ серьезное вниманіе, вполне соотвѣтствующее такому важному предмету. Между прочимъ

въ 1879 году ревизионною комисіею былъ возбужденъ вопросъ объ уменьшеніи расходовъ по содержанію учительской школы. Въ своемъ докладѣ ¹⁾ на 1880 годъ губернская управа, работавшая надъ разрѣшеніемъ этого вопроса вмѣстѣ съ нѣсколькими, приглашенными ею гласными, указываетъ, что на расходуемые въ томъ году на школу 28,455 р. обучается учениковъ и ученицъ всего 161 человекъ, такъ что средній годовой расходъ на каждого учащагося составляетъ 176 р. А какъ изъ школы выпускается ежегодно среднимъ числомъ 45 человекъ, то стоимость приготовленія каждого учителя, окончившаго въ школѣ курсъ, обходится земству въ 633 рубля.

О томъ, велика или мала такая затрата можно судить только по существенной пользѣ, приносимой народу выпускаемыми изъ земской губернской школы учителями и учительницами. Степень же полезности послѣднихъ можетъ быть опредѣлена лишь точною школьною статистикою, о введеніи которой въ петербургскомъ земствѣ еще не возникало и вопроса. Мы думаемъ поэтому, что окончательное рѣшеніе такого вопроса теперь будетъ съ нашей стороны преждевременнымъ, тѣмъ болѣе, что сама управа въ пространномъ докладѣ, представленномъ по этому предмету собранію, ограничивается, такъ сказать, общими соображеніями и, оспаривая мнѣнія нѣкоторыхъ гласныхъ, не находитъ возможнымъ подтвердить свои заключенія достоверными фактическими данными.

С.-петербургское губернское земство, помимо заботы о приготовленіи учителей и учительницъ, содѣйствуетъ развитію народнаго образованія еще и тѣмъ, что выдаетъ ссуды на постройку зданій для сельскихъ школъ. Въ засѣданіи ¹⁾ отъ 16 декабря 1878 года собраніе утвердило составленныя губернскою управою правила о порядкѣ выдачи такихъ ссудъ. То же собраніе указало на источникъ, изъ котораго могутъ быть выдаваемы заимообразно суммы на этотъ предметъ. Такимъ источникомъ постановлено считать капиталъ, пожертвованный дворянствомъ С.-Петербургской губерніи для образованія помѣщичьихъ крестьянъ, который, въ количествѣ 40,000 р., поступилъ въ распоряженіе земства. Въ томъ же засѣданіи собраніе постановило: уважить ходатайства Царскосельскаго, Шлиссельбургскаго и Новолодовскаго уѣздовъ и выдать имъ испрашиваемыя ссуды для постройки школъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: Царскосельскому 300 р., Шлис-

¹⁾ «Доклады с.-петербургской губернской земской управы земскому собранію на 1880 годъ», стр. 103—114.

¹⁾ «Журналы засѣданій с.-петербургскаго губернскаго земскаго собранія 1878 года», стр. 22 и 23.

сельбургскому 900 р. и Новолодожскому 3,000 р. Изъ этого видно, что потребность на подобныя ссуды дѣйствительно существуетъ и онѣ охотно разбираются уѣздами на льготныхъ условіяхъ, составленныхъ губернскимъ земствомъ.

Изъ отчетовъ уѣздныхъ управъ С.-Петербургской губерніи, изъ которыхъ С.-Петербургскій уѣздъ дѣлаетъ наибольшія затраты на народное образованіе, не видно, чтобы въ нихъ стремились къ открытію ремесленныхъ сельскихъ школъ. Вологодское губернское земство, устраивая учительскіе съѣзды для ознакомленія сельскихъ наставниковъ съ новыми, болѣе современными методами обученія, поручало руководство этимъ дѣломъ г. Соболеву, чѣмъ сдѣлало весьма удачный выборъ. Для того, чтобы читатель могъ судить о трезвомъ взглядѣ на народное дѣло вологодскаго педагога, приведемъ отрывки изъ его отчета объ учительскомъ съѣздѣ, впервые собравшемся въ 1872 году ¹⁾. Г. Соболевъ прежде всего выразилъ, что сознаетъ вполне всю важность возложеннаго на него земствомъ порученія. Затѣмъ почтенный педагогъ находитъ, что пока нѣтъ достаточнаго числа учительскихъ семинарій, съѣзды преподавателей необходимы потому, что на нихъ мало подготовленные учителя усваиваютъ себѣ органической взглядъ на воспитаніе и обученіе въ народной школѣ. Родители и учителя признаютъ необходимость обученія дѣтей; но не только среди крестьянъ, а иногда и между образованными людьми сознаніе такой необходимости недостаточно полно, потому что объ этотъ взрослые знаютъ или по наслыжкѣ, или вычитали о томъ въ книгѣ. Такія понятія не могутъ быть полны уже потому, что онѣ не суть плодъ опыта и самостоятельной мысли и составляютъ принадлежность людей, которые часто изъ одного подражанія повторяютъ чужія слова. Этому рода понятія г. Соболевъ называетъ механическими. Въ житейской практикѣ онѣ не имѣютъ никакого положительнаго значенія и допускаютъ въ одной и той же головѣ существованіе множества самыхъ неслѣпыхъ, одно другимъ противорѣчащихъ понятій. Механическія понятія рѣшительно не могутъ побудить къ дѣятельности человѣческую волю. Вологодскій педагогъ полагаетъ, что недостатокъ хорошаго, выдержаннаго воспитанія, которымъ отличаются русскіе люди нашего вѣка, вселяетъ въ ихъ головы массу механическихъ понятій и дѣлаетъ ихъ никуда негодными дѣльцами, теряющими практическую почву изъ-подъ своихъ ногъ. Хуже всего то, что механическіе взгляды на вещи лишаютъ людей возможности дальнѣйшаго развитія, которое можетъ опираться лишь на положительныя знанія. Нужно оградить

¹⁾ «Журналъ вологодскаго очереднаго губернскаго земскаго собранія 3-го созыва 1873 года». Отчетъ Н. Соболева.

сельскую школу отъ людей полуобразованныхъ и этого можно достигнуть помощью хорошо устроенныхъ учительскихъ семинарій, въ которыхъ учили бы основательно, хотя бы и немногимъ предметамъ. Мы должны сказать, что болѣе простаго и яснаго опредѣленія необходимости учительскихъ семинарій трудно и придумать. Только хорошо устроенныя семинаріи и лишь отчасти учительскіе съѣзды побуждаютъ къ сознательному и упорному труду, осмысливаютъ дѣятельность, которая оттого дѣлается болѣе привлекательною, уничтожаютъ въ учителяхъ колебанія и противорѣчія и даютъ средства къ дальнѣйшему развитію. Послѣднее качество особенно важно для школы: оно даетъ колоритъ свѣжести будничному дѣлу и исключаетъ всякую мертвенность и застой, столь свойственный дурно образованнымъ людямъ, которые такъ часто думаютъ ошибочно, что они все знаютъ. Учительскій съѣздъ, давая людямъ возможность обмѣниваться мыслями, пополняетъ, развиваетъ и приводитъ въ связь разнообразныя ихъ свѣдѣнія и позволяетъ каждому изъ нихъ пользоваться практикою и опытомъ другихъ. Научить писать, читать и считать можетъ всякій грамотный солдатъ; но научить мыслить т. е. сознавать въ основныхъ чертахъ условія природы и исторіи, благодаря которымъ мы живемъ и должны нести извѣстныя обязанности въ отношеніи къ своему отечеству, а также поселить въ дѣтяхъ любовь къ труду — такія задачи можетъ выполнить лишь хорошо подготовленный и горячо любящій Россію учитель. Мы охотно присоединяемся къ взглядамъ, высказаннымъ г. Соболевымъ и положеннымъ вологодскимъ земствомъ въ основаніе его педагогической дѣятельности. Къ этому мы прибавимъ, что учительскія семинаріи нѣкоторыхъ губерній уже дали такихъ учителей, которые гордятся тѣмъ, что они русскіе плотью и душою, и которые помнятъ важнѣйшіе факты изъ исторіи своей любимой родины лучше многихъ воспитанниковъ, кончившихъ курсъ въ классическихъ гимназіяхъ. Г. Соболевъ вмѣстѣ съ русскимъ народомъ признаетъ, что пѣніе, гимнастика и игры (которыя по возможности слѣдуетъ замѣнять ремесленными и земляными работами) весьма полезны и даже необходимы. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что одно, такъ сказать, литературное образованіе, при той обстановкѣ, въ которой живетъ русскій крестьянинъ, не принесетъ ему большого развитія, но можетъ пропасть бесполезно. Если мѣстное земство будетъ слѣдовать наставленіямъ г. Соболева, то въ дѣлѣ народнаго образованія Вологодская губернія будетъ скоро въ состояніи догнать наиболѣе ушедшія въ этомъ отношеніи земства нѣкоторыхъ другихъ русскихъ губерній ¹⁾).

¹⁾ «Журналы вологодскаго губернскаго земскаго собранія за 1876 годъ».

По смѣтѣ на 1878 годъ губернское собраніе назначило: на наемъ образцовыхъ учителей въ три уѣзда 900 р., тотемскому уѣзду на покупку книгъ для школы 300 р., въ пособіе маринской женской гимназіи 3,000 р.; на содержаніе верховажскаго и сереговскаго образцовыхъ сельскихъ училищъ 2,000 р., на пособіе аренской женской гимназіи 100 р. и столько же на содержаніе кабинета для чтенія въ вологодскомъ приходскомъ училищѣ, на пособіе сельскимъ школамъ для дѣвочекъ 400 р. и проч.

Въ губернской управѣ въ Вологдѣ нѣтъ, должно быть, подробныхъ отчетовъ о сельскихъ школахъ, какъ нѣтъ таковыхъ и въ олонецкой, въ которой тѣмъ не менѣе дѣло народнаго образованія видимымъ образомъ подвигается впередъ, что засвидѣтельствовано уже нѣсколько разъ мѣстнымъ губернаторомъ, уважавшимъ на это еще разъ въ одной изъ своихъ послѣднихъ рѣчей къ губернскому собранію. Вотъ подлинныя слова этого начальника Олонецкой губерніи, который имѣлъ достаточно такта и умѣнія для того, чтобы содѣйствовать благимъ начинаніямъ земства въ недавнее время, когда ему отъ высшаго правительства было, вѣроятно, предоставлено право относиться къ земству такъ же, какъ полиція относится теперь къ волостнымъ правленіямъ. «Ежегодное открытіе новыхъ земскихъ училищъ и увеличеніе средствъ на лучшее устройство народной школы, сказалъ г. Григорьевъ въ 1878 году ¹⁾,—свидѣтельствуютъ о похвальномъ сочувствіи почти всѣхъ уѣздныхъ земствъ вѣренной мнѣ губерніи къ дѣлу народнаго образованія и я увѣренъ, что земскіе дѣятели не останутся на этомъ пути, ведущемъ къ осязательному развитію духовной и матеріальной жизни населенія».

Изъ отчета олонецкой губернской управы ²⁾, видно только, что по распоряженію губернскаго земскаго собранія, попеченіе о народномъ образованіи въ уѣздахъ предоставлено уѣзднымъ земскимъ учрежденіямъ, которыя въ 1879 году асигновали на этотъ предметъ: 1) петрозаводское 12,867 р., олонецкое 6,926 р., лодейно-польское 5,153 р., вытегорское 12,026 р., каргопольское 15,765 р., пудожское 8,853 р. и повѣнецкое 14,472 р. Собственно изъ суммъ губернскаго земства на народное образованіе назначено было въ 1879 году 8,502 р., изъ числа которыхъ 1,000 р. употреблены на поддержаніе учительской семинаріи въ Вытегрѣ.

¹⁾ «Журналы олонецкаго губернскаго земскаго собранія 1878 года».

²⁾ «Журналы олонецкаго губернскаго земскаго собранія 1879 года, приложеніе «Народное образованіе».

Въ нѣкоторыхъ органахъ нашей столичной литературы продолжается пропаганда о необходимости введенія въ Россіи обязательнаго образованія и если этого уже нельзя устроить, не нарушая справедливости и самостоятельности земскихъ учрежденій, то гг. писатели совѣтуютъ правительству обязать земство уплачивать ежегодно извѣстную, администраціею опредѣленную, сумму на народное образованіе, которое слѣдуетъ ввѣрить уже не земству, но училищному совѣту, или иному при земствѣ состоящему учрежденію. «Отечественныя Записки», на примѣръ, рассмотрѣвъ въ одной изъ своихъ книгъ за 1880 годъ земскій бюджетъ на народное образованіе, находятъ, что вредное колебаніе этого бюджета доказываетъ, что дѣло народнаго образованія предоставлено въ земствѣ личной инициативѣ, т. е. что при хорошемъ составѣ гласныхъ, одинъ или два энергичныхъ чловѣка часто сильно двигаютъ дѣло впередъ, а по выбитіи такихъ людей изъ гласныхъ школы уже перестаютъ обращать на себя должное вниманіе органовъ мѣстнаго самоуправленія. Но какіе бы комитеты для распространенія народнаго образованія ни устраивались и сколько бы ни выдавало земство денегъ такимъ учрежденіямъ, развитіе русскаго народа нисколько не подвинется впередъ, если въ самомъ дѣлѣ среди нашего общества такъ мало людей, способныхъ къ личной инициативѣ. Развѣ втеченіи трехсотъ лѣтъ наше правительство не предписывало разнымъ сословнымъ и бессословнымъ учрежденіямъ прекрасныхъ приказаній по всѣмъ отраслямъ народной жизни, начиная съ образованія, и кончая уставами пожарными, продовольственными и проч.? Извѣстно, что эти полезныя предписанія выполнялись лишь людьми, способными къ личной инициативѣ, а таковыхъ, особенно прежде, было весьма немного. Нынче земство находится уже подъ такимъ тяжелымъ бременемъ массы законовъ, предписаній и циркулярныхъ распоряженій, что для того, чтобы ихъ не нарушить, многія признаютъ за лучшее ничего выдающагося не предпринимать. Новое постановленіе ничего новаго съ собою не принесетъ. Для нашей бюрократіи, также какъ и для писателей, недостаточно знакомыхъ съ провинціею, давно бы уже пора оставить привычку предписывать, командовать и взыскивать. А если въ нѣкоторыхъ земствахъ и замѣчается недостатокъ инициативы, то поправить это лучше всего такими способами, которые могли бы увеличить число толковыхъ гласныхъ, о чемъ литературѣ и гг. чиновникамъ тоже лучше всего спросить у самого земства, которое на запросъ правительства отвѣтитъ разумно, потому что по всѣмъ прежде обращеннымъ къ нему вопросамъ отвѣчало именно такъ. Въ семьѣ не безъ уroda, а русское земство — огромная семья, да еще недостаточно практично организованная. Чѣмъ чаще правительство будетъ

мѣнять руководящіе имъ принципы, тѣмъ сильнѣе станетъ увеличиваться хаосъ въ нашей внутренней политикѣ. Нужно установиться на одномъ изъ двухъ началъ: 1) или предоставить земству самому ходатайствовать о своихъ нуждахъ и этимъ путемъ выработать вполне для народа пригодные органы самоуправления, или 2) навязывать земству заготовляемыя въ канцеляріяхъ узаконенія, какъ это столь неудачно дѣлалось, начиная съ 1864 по 1880 годъ. Средины нѣтъ и быть не можетъ; создать ее искусственными новыми постановленіями, значить, вступить уже окончательно на путь колебаній и недоразумѣній, никого не удовлетворяющихъ и увеличивающихъ число недовольныхъ. Ужъ если намъ дарованы земскія учрежденія, то пусть онѣ таковыми и будутъ; обращать же ихъ въ канцеляріи, дѣйствующія исключительно по предписаніямъ, предусматривающимъ все, могущее встрѣтиться на практикѣ случаи — значить упразднить земство, въ которомъ долженъ свободно выражаться русскій народный геній. Наконецъ, сдѣлавъ обязательнымъ народное обученіе, нѣтъ причины не сдѣлать тоже обязательнымъ для земства содержаніе извѣстнаго медицинскаго персонала, который въ такомъ случаѣ также полезно изъять изъ веденія управъ и передать въ распоряженіе особаго комитета. Идя далѣе по этому пути, можно весьма легко обратить земскія управы въ казначейства, обязанныя лишь давать деньги, а собраніе гласныхъ—въ безмолвныхъ народныхъ представителей, которые должны утверждать, по всей вѣроятности, разорительный для народа бюджетъ. А что станется съ такимъ обязательнымъ бюджетомъ во время голодовокъ? Вѣдь онъ весь обратится въ недоимку, которую по необходимости придется сокращать и, значить, уменьшать число шкѣль, что и теперь дѣлается безъ излишнихъ хлопотъ. Подобная регламентація земской жизни поведетъ прямо къ тому, что среди его гласныхъ уменьшится число людей, способныхъ къ личной инициативѣ, а въ нихъ-то и заключается вся суть дѣла.

нашему глубокому убѣжденію, выработанному именно въ провинціи и основанному на тысячахъ жалобъ земскихъ людей, стонущихъ подъ тяжестью разныхъ предписаній, земство прежде всего необходимо облегчить отъ излишней канцелярской работы, что легко сдѣлать, спросивъ его объ особенно стѣснительныхъ для него постановленіяхъ. Нынѣшнее министерство внутреннихъ дѣлъ уже приступило къ разъясненію излишнихъ земскихъ путей.

IV.

По поводу неудовлетворительныхъ земскихъ смѣтъ и раскладовъ.

Въ отсутствіи статистическихъ данныхъ, безъ которыхъ немислима правильная оцѣнка предметовъ обложенія, заключается главная причина того, что въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствахъ изъ году въ годъ составляются болѣе или менѣе неудовлетворительныя смѣты и раскладки. Олонецкій губернаторъ г. Григорьевъ, внимательно слѣдящій за развитіемъ мѣстныхъ земскихъ учреждений, указываетъ едва-ли не ежегодно на крупныя промахи нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствъ. Въ одной изъ своихъ послѣднихъ рѣчей начальникъ губерніи упоминаетъ о такихъ промахахъ уже съ отгѣнкомъ раздражительности. «Передавая на ваше, милостивые государи, усмотрѣніе отзывъ мой по уѣзднымъ и земскимъ смѣтамъ и раскладамъ, говорилъ онъ губернскому собранію въ 1878 году ¹⁾,—я не могу не сказать о томъ прискорбномъ фактѣ, что, «не смотря на десятилѣтнюю практику, уѣздныя земства въ составленіи этихъ смѣтъ и раскладовъ ежегодно допускаютъ существенныя «нарушенія законоположеній, и мнѣ, къ сожалѣнію, приходится изъ «года въ годъ повторять почти однѣ и тѣ же замѣчанія о томъ, что «уѣздныя земства до сихъ поръ не установили еще твердыхъ и положительныхъ данныхъ о цѣнности и доходности имуществъ, которыя «служатъ гарантіею равномернаго обложенія». Начальникъ губерніи настаивающій предъ земствомъ на томъ, чтобы былъ соблюдаемъ законъ, совершенно правъ и въ этомъ состоитъ его главная обязанность по отношенію къ органамъ нашего самоуправленія. Но мы не можемъ согласиться съ г. Григорьевымъ въ томъ, что одно отсутствіе статистическихъ данныхъ и правильности обложенія вызываетъ съ его стороны постоянные протесты. Въ числѣ этихъ протестовъ находятся и такіе, которые основаны на циркулярныхъ предписаніяхъ министерствъ, на объясненіи сената и проч., такъ что вновь избранный въ управу человекъ, среднихъ способностей, всю жизнь проведеній въ занятіи торговлею, или земледѣліемъ, долженъ изучить столько обильнѣйшихъ въ земскомъ дѣлѣ законоположеній, что у него можетъ пойти кругомъ голова, тѣмъ болѣе, что предсѣдатель и члены управы обременены множествомъ официальныхъ и собственно земскихъ обязанностей, которыя не оставляютъ времени для ихъ юридическаго самообразованія. Дѣло въ томъ, что ни одному грамотному человеку не представляется

¹⁾ «Журналы олонецкаго губернскаго земскаго собранія 1878 года», стр. 3.

труднымъ изучить изданныя въ 1864 году законоположенія о земскихъ учрежденіяхъ. Эти законоположенія написаны ясно, ихъ весьма не много и всё онѣ собраны въ одной небольшой брошюрѣ. Но затѣмъ правительство, стремясь всякими мѣрами уничтожить самостоятельность земскихъ учреждений, одновременно изобрѣло столько дополненій и поясненій, что земскому дѣятелю приходится обращаться въ юриста, или чиновника, чего ни въ какомъ случаѣ нельзя требовать отъ практическаго человѣка, занимающагося производительнымъ трудомъ. Доказательство нашихъ словъ читатель найдетъ въ протестахъ олонецкаго губернатора на уѣздныя смѣты и раскладки 1878 года ¹⁾ Протестъ, напримѣръ 3-й, по лодейнопольскому уѣзду: 1) По ст. 1 и 2 уѣздной смѣты назначено на расходы уѣздному воинскому присутствію 580 р., «въ противность 166 ст. устава о воинской повинности, въ силу котораго на означенный предметъ должно быть ассигновано 500 р». 2) По раскладкѣ назначенъ земскій сборъ съ лѣсной площади, принадлежащей государственнымъ крестьянамъ, въ числѣ 16,354 дес. По разъясненію правительствующаго сената, отъ 21 января 1871 года, № 633 (сборникъ Верховскаго, стр. 156 и 157), крестьяне обязаны уплачивать земскій сборъ только за лѣса, которые находятся въ ихъ владѣніи, а не въ пользованіи (Этотъ протестъ отвергнуть губернскимъ собраніемъ). 3) Къ смѣтамъ и раскладкамъ по Лодейнопольскому уѣзду, вопреки смысла 17 и 20 ст. о земской росписи и разъясненія правительствующаго сената, отъ 27 февраля 1869 года за № 1475, обязывающихъ представлять губернатору отчеты уѣздныхъ управъ за истекшій годъ.

Протестъ губернатора по Вытегорскому уѣзду: 2) Въ отдѣлѣ обязательныхъ земскихъ потребностей назначено 10 р. на учрежденіе при гимназій имени умершаго земскаго гласнаго Матвѣева. «А такъ какъ на учрежденіе именныхъ стипендій, по силѣ высочайшаго повелѣнія 14 декабря 1877 г. требуется взносъ капитальной суммы, на проценты которой обезпечивалась бы учреждаемая стипендія», то губернаторъ требуетъ означенные выше 10 р. изъ смѣты исключать. 4) Вытегорское уѣздное собраніе оставило 6,352 р. свободными, т. е. въ запасъ, на случай могущаго быть въ 1879 году недобора, какъ недоимокъ, такъ и оклада сего года. На это губернаторъ пишетъ: «Въ виду такого объясненія уѣздной земской управы и принимая во вниманіе: 1) что по разъясненію правительствующаго сената, отъ 22 января 1870 г., № 639, всё остатки суммъ уѣзднаго сбора отъ смѣтнаго года должны быть приняты зачетомъ на удовлетвореніе пред-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 4—19.

назначенныхъ по смѣтѣ будущаго года расходовъ; 2) что по разъясненію того-же правительствующаго сената, отъ, февраля 1868, № 981 земскимъ учрежденіямъ не предоставлено права назначать особныя суммы на пополненіе сборовъ и недоимокъ, и 3) что въ смѣту по Витегорскому уѣзду включены на непредвидѣнные расходы 150 р.—я нахожу, что предположенные на случай недобора и недоимокъ 6,332 р. должны быть зачтены на удовлетвореніе расходовъ, предназначенныхъ по смѣтѣ на будущій 1879 годъ».

По Повѣнецкому уѣзду.

«По раскладкѣ уѣзднаго земскаго сбора на 1879 годъ между прочимъ, предположено взять налога съ чугунно-литейнаго завода Родоконани и К^о въ размѣрѣ 1,915 р. 58 к. за 1878 годъ. Но такъ какъ, по разъясненію правительствующаго сената, отъ 28 февраля 1873 года, № 1866, предметы, подлежащіе земскому обложенію не могутъ быть облагаемы земскими сборами за время, въ которое они по какимъ-бы то ни было причинамъ не были привлечены земствомъ къ налогу, то налогъ этотъ подлежитъ исключенію».

Такихъ протестовъ встрѣчается очень много во всѣхъ вообще губерніяхъ и ихъ бываетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ внимательнѣе мѣстная администрація относится къ органамъ самоуправленія. Есть впрочемъ немногіе предсѣдатели управъ, которые знаютъ всѣ, или почти всѣ законоположенія, относящіяся до земскихъ учреждений. Къ сожалѣнію съ такими знатоками случаются иногда пренепріятныя вещи. Избравъ своею спеціальною изученіе законовъ, составляющихъ въ Россіи довольно трудную науку, они иногда совершенно позабываютъ о живыхъ интересахъ народа. Нельзя обращать въ опытныхъ юристовъ и въ чиновниковъ членовъ и предсѣдателей управъ, что сильно повредило бы земскому дѣлу и довело бы нѣкоторыхъ его представителей до отупѣнія въ пониманіи жизненныхъ нуждъ Россіи. По этому единственному средствомъ, ведущимъ къ благу, слѣдуетъ признать необходимость отмѣненія излишнихъ узаконеній, предоставляя губернскому земскому собранію разбирать жалобы частныхъ лицъ на уѣздные земскія смѣты и повинности, а также и другіе предметы, не затрагивающіе государственныхъ интересовъ.

Изъ этого видно, что для дальнѣйшаго развитія земскихъ учреждений нужно сократить въ возможно большемъ количествѣ законоположенія и разъясненія, выпедшія въ свѣтъ послѣ 1864 года, но не выдумывать новыхъ.

Настоящею статіею мы заканчиваемъ краткій обзоръ дѣятельности всѣхъ мѣстностей, пользующихся земскими учрежденіями. Обзоръ нашъ

былъ такъ кратокъ, что мы указали въ немъ лишь на выдающіяся черты возникшаго у насъ семнадцать лѣтъ тому назадъ самоуправленія. Помимо этихъ выдающихся чертъ, обрисовывающихъ лишь нравственное значеніе земства, остается, такъ сказать, вся дѣловая сторона самоуправленія, т. е. изо дня въ день накопляющіяся и усложняющіяся народныя нужды въ обширномъ, всероссійскомъ значеніи этого слова. Слѣдить за этими текущими нуждами по даннымъ, сообщаемымъ органами самоуправленія, такова будетъ обширная задача нашего дальнѣйшаго земскаго обозрѣнія, которое станемъ по прежнему вести на основаніи уже совершившихся фактовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ мы не будемъ упускать изъ виду нравственнаго значенія земства и отношенія къ нему народа.

V.

Мнѣніе земства о преобразованіи подушнаго сбора.

Мы не знаемъ того направленія, въ которомъ работаетъ комисія, учрежденная для преобразованія подушныхъ сборовъ; не знаемъ также того статистическаго матеріала, на основаніи котораго она строитъ свой проектъ. Судя же по упорно передаваемымъ газетами слухамъ, эта комисія предполагаетъ замѣнить подушные сборы тремя новыми налогами: подоходнымъ, личнымъ и подворнымъ. Какъ ради этихъ слуховъ, такъ и вообще для выясненія весьма существеннаго для государства и для русскаго земства вопроса, о которомъ идетъ рѣчь, мы считаемъ совершенно своевременнымъ напомнить публикѣ о той судьбѣ, которая десять лѣтъ тому назадъ постигла прежній правительственный проектъ о замѣнѣ платимыхъ народомъ подушныхъ сборовъ, «подворнымъ налогомъ» и поземельною податью. Нужно запомнить прежнія ошибки хотя бы для того, чтобы ихъ не повторять. Правительственный проектъ, составленный особою комисією въ 1870 году, былъ, какъ извѣстно, разосланъ во всѣ губернскія земскія управы, которыя представили его на разсмотрѣніе губернскихъ и уѣздныхъ собраній. Всѣ желающіе знать подробности мнѣній и заключеній народныхъ представителей могутъ это сдѣлать съ большимъ успѣхомъ, познакомясь съ отчетами засѣданій земскихъ собраній чрезвычайныхъ сесій 1871 года. Такой трудъ однако довольно великъ для людей, неимѣющихъ надобности спеціальнаго знакомства съ этимъ предметомъ. Вслѣдствіе этого мы и пишемъ настоящую замѣтку, и постараемся передать въ ней въ краткихъ выраженіяхъ глав-

ные мотивы, на основаніи которых органы нашего мѣстнаго самоуправленія единогласно признали невозможность примѣненія къ жизни проекта, выработаннаго правительственною комисією въ 1870 году. Эти мнѣнія и заключенія земскихъ собраній въ общихъ ихъ выводахъ еще не были высказываемы въ нашей печати, а между тѣмъ опытъ прежнихъ лѣтъ несомнѣнно полезенъ. Если и работающая теперь комисія по замѣнѣ подушнаго оклада другимъ, болѣе справедливымъ налогомъ тоже пожелаетъ воспользоваться опытомъ, то знакомство съ земскими постановленіями 1871 года окажется и для нея существенно необходимымъ.

Разсматривая въ 1871 году проектъ правительственной комисіи о преобразованіи нынѣ дѣйствующей системы подушныхъ сборовъ, земскія собранія, основываясь на предварительно уже собранныхъ губернскими управами мнѣніяхъ уѣздныхъ земствъ, пришли къ заключенію, что самая мысль о введеніи подворнаго налога есть неудачная. По понятіямъ земскихъ людей, можно облагать повинностями лишь тѣ предметы, которые приносятъ доходъ, каковы земли, что либо производящія, жилища помѣщенія, отдаваемые въ наемъ, человѣческій трудъ и проч. Но крестьянская изба, служащая семействамъ бѣдныхъ людей необходимымъ пріютомъ отъ суровости нашего климата, не принеситъ ея домохозяину никакого дохода. Она составляетъ для него необходимость совершенно такую же, какъ овчина и валеные сапоги. Облагать такіе предметы какъ избу значитъ, по мнѣнію представителей земства, ухудшить экономическое положеніе крестьянства, которое, между прочимъ, и теперь живетъ вовсе антигигіенично, помѣщаясь въ тѣсныхъ жилищахъ переполненныхъ живыми существами, которыя лишены достаточнаго свѣта и вынуждены дышать крайне испорченнымъ воздухомъ. При взиманіи подворнаго налога, падающаго на бѣднѣйшій классъ русскаго населенія, жилища его, приводящія въ отчаяніе гигиенистовъ, должны еще болѣе ухудшиться, и народъ, уже обремененный всевозможными повинностями, пожелаетъ избѣжать новыхъ платежей, а потому станетъ жить еще кучнѣе и грязнѣе. Это прямо поведетъ къ ухудшенію народнаго здравія и къ задержанію умственнаго и нравственнаго развитія массы населенія, что разумѣется ни для кого изъ русскихъ людей не желательно.

Единственный аргументъ, говорящій въ пользу подворнаго налога, состоитъ въ томъ, что онъ введенъ за-границею, а по понятіямъ извѣстной части нашего общества все, существующее въ западной Европѣ безусловно хорошо, и подражаніе чужому составляетъ истинный прогрессъ. Однако подворная повинность, замѣненная во Франціи платою за окна, повела къ тому, что бѣднѣйшіе сельскіе жители стали устраивать себѣ землянки, неимѣющія оконъ, что конечно послужило къ

увеличенію смертности населенія. Но во Фравціи бѣдняки крестьяне составляютъ весьма незначительный процентъ ея сельскихъ жителей, тогда какъ наши, русскіе, вообще бѣдны, а въ послѣдніе годы частыхъ неурожаевъ стали нерѣдко вовсе нищенствовать въ цѣлыхъ губерніяхъ. Что, если, по введеніи подворнаго налога, жители всей, напри- мѣръ, Смоленской губерніи бросятъ свои избы и станутъ жить въ темныхъ землянкахъ, какъ жилали ихъ отдаленные предки въ X вѣкѣ? Подумавъ объ этомъ, вѣроятно всѣ члены комисіи, разработывающей вопросъ объ отмѣненіи подушныхъ окладовъ, откажутся отъ введенія подворнаго налога.

Земскія собранія признаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что для правитель- ства дѣйствительно трудно найти новые источники, помощью кото- рыхъ можно было бы пополнить 60-ти-миліонный доходъ, поступаю- щій нынѣ въ казну отъ подушной подати. Земли и такъ уже обремене- ны повинностями и увеличить послѣднія, значить усилить еще болѣе сельско-хозяйственный кризисъ, переживаемый не только крестьянами, но и землевладѣльцами многихъ южныхъ и сѣверныхъ губерній. Всѣ земства единогласно указываютъ тѣмъ не менѣе на единственно воз- можный практическій выходъ изъ настоящаго затруднительнаго поло- женія и предлагаютъ эти шестьдесятъ миліоновъ, получаемыхъ съ подушнаго сбора, разложить на всѣ доходы частныхъ лицъ въ имперіи съ тѣмъ, чтобы отъ подобнаго на- лога не было избавлено ни одно учрежденіе и ни одинъ изъ подданныхъ русскаго Царя. Таково постановле- ніе земства, такъ же какъ и органовъ городского самоуправленія, и по нашему убѣжденію, нельзя не принять во вниманіе этого, такъ ска- зать, голоса общественнаго мнѣнія, слышать который тѣмъ отраднѣе, что помощью его выражается готовность богатыхъ и обеспеченныхъ классовъ платить за бѣдняковъ. Конечно такое явленіе — чисто рус- ское и, по нашему убѣжденію, оно тѣмъ болѣе должно цѣниться и уважаться, что оно выразилось въ русскомъ земствѣ, построенномъ на не совсѣмъ-то народномъ началѣ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Реакція, тяготившая надъ Россіей все съ большею и большею силою, въ послѣднія 10—15 лѣтъ не только остановила прогрессивно-преобразовательную дѣятельность правительства, которою ознаменовалось предшествовавшее десятилѣтіе, но болѣе или менѣе искажала и все то, что было уже сдѣлано въ этомъ отношеніи. Обращая всякое случайное обстоятельство, всякое частное недоразумѣніе, нерѣдко самою же ею созданныя и возбужденныя, въ орудіе противъ совершившихся реформъ, обобщивъ эти частные случаи путемъ подлоговъ и подтасовокъ, явныхъ наветовъ и тайнаго напештыванія, приписывая естественныя послѣдствія собственныхъ дѣйствій исключительно яко-бы вліянію реформъ,—реакція, въ виду невозможности упразднить ихъ вовсе, не довольствуясь тѣмъ, что успѣла затормозить дальнѣйшее ихъ развитіе, старалась внести порчу и расплѣніе въ самую среду новыхъ учрежденій и, къ сожалѣнію, если не вполнѣ, то въ значительной степени достигла своей цѣли. Да и какъ же ей было не достигнуть, когда въ виду преслѣдованій и гоненій всего чистаго, честнаго, самоотверженно преданнаго государству и народу, лучшіе люди, подъ гнетомъ подозрѣнія и обвиненія въ неблагонадежности, принуждены были примолнуть и ступешаться, а притаившіяся было на время всякаго рода темныя силы призваны были снова къ жизни и дѣятельности съ правомъ полной разнузданности всѣхъ своихъ плотоядныхъ аппетитовъ, хищническихъ истинетовъ и привычекъ кулачнаго права подъ покровомъ гробовой тишины и подневольнаго молчанія. При подобнаго рода условійхъ, подобнаго рода дѣятели естественно не могли не внести съ собою и не распространить всюду свой собственный запахъ,

свою злокачественную атмосферу нравственного скопчества и гражданского разврата, которая проникла во всѣ части государственного и общественного организмовъ и заразила ихъ болѣе или менѣе. Мудрено ли, что при такихъ обстоятельствахъ въ средѣ государства водворился какой-то разладъ, парализовавшій всѣ его силы, и въ концѣ XIX столѣтія почти возродившій въ Россіи то мрачное явленіе, которое она пережила въ половинѣ XVI вѣка—раздѣленіе государства на все подозрѣвающую и легкомысленно пугливую опричнину и на заподозрѣнную опальную земщину. Странное, почти невиданное зрѣлище представляло наше отечество въ эти послѣдніе трудные годы, говорить рецензентъ «Голоса», по поводу вышедшей въ концѣ прошлаго года книги А. Д. Градовскаго, такъ и озаглавленной «Трудные годы». Двѣ силы, призванныя служить одной и той же цѣли: правительство и общество, представляли собою какъ-бы два враждебные лагеря, отдѣленные другъ отъ друга непроходимую пропастью взаимнаго недовѣрія и боязни. Отсутствие всякой опредѣленной цѣли и страхъ чего-то невѣдомаго, но ужаснаго, что вотъ сейчасъ придетъ и нанесетъ новый ударъ—парили съ равною силою въ обоихъ лагеряхъ. вмѣсто того, чтобы служить дополненіемъ другъ другу, эти силы стояли въ положеніи двухъ враговъ, наблюдающихъ другъ за другомъ. Никто никому не вѣрилъ. Каждый боялся всякаго. Понятія о томъ, кто «свой» и кто «чужой» перемѣшались до скандала, до безобразія. Скромный публицистъ стоялъ на ряду съ анархистомъ, наравнѣ съ какимъ-нибудь членомъ «исполнительнаго комитета». Печать была возведена на степень неизбежнаго зла, требующаго постоянного жандармскаго надзора и цензурной привязи.

Учащаяся молодежь была причислена, вся поголовно, къ шайкѣ бунтарей. Даже судъ былъ взятъ въ подозрѣніе. Всѣ чего-то ждали. И дѣйствительно, ожиданіе оправдывалось. Громъ взрывовъ и выстрѣловъ то и дѣло напоминалъ объ ужасѣ невыносимаго положенія.

Теперь, когда въ упоеніи своимъ успѣхомъ, дошедшая до обращенія всего государства въ какой-то смирительный домъ, эта реакція сдѣлала повидимому сама себя невозможною болѣе, когда признано повидимому необходимымъ приостановить, по крайней мѣрѣ, ея оргію надъ измороженнымъ и обезсиленнымъ въ конецъ тѣломъ Россіи,—теперь, говоримъ мы, прежде всего оказалась настоятельная необходимость очистить разведенныя у насъ реакціею повсюду Авгіевы конюшни, возстановить первоначальный смыслъ и возвратить нормальное значеніе и характеръ совершившимся уже преобразованіямъ. Такую дезинфекціонную работу мы усматриваемъ въ настоящее время, въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ, какъ напримѣръ, по

министерству народнаго просвѣщенія, въ возвращеніи къ университетскому уставу 1863 г. и въ разрѣшеніи студентскихъ читаленъ, бухгалтерскихъ въ нѣкоторыхъ университетахъ, какъ о томъ сообщали газеты; въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ общемъ обиходѣ гимназій, въ перемѣнѣ отношеній къ земству по вопросу о народномъ образованіи, наконецъ, въ движеніи, которое получили заторможенные при прежнемъ управленіи этимъ министерствомъ вопросы объ открытіи новыхъ учебныхъ заведеній и, между прочимъ, техническихъ училищъ въ Харьковѣ и въ Тифлисѣ. Понятно, что при такомъ направленіи, особенно nepозволительно гадкими являются тѣ покушенія къ возбужденію студенческихъ беспорядковъ, которыми ознаменовались торжественные годовые акты въ московскомъ и петербургскомъ университетахъ, выразившіеся свистами, а въ петербургскомъ университетѣ и разбрасываніемъ съ хоръ положительно глухихъ по содержанию прокламацій. Мы недавно еще высказали нашъ взглядъ на подобныя пошлыя продѣлки и не обинуясь, въ интересахъ самой учащейся молодежи, повторяемъ наше порицаніе той части этой молодежи, которая унижаетъ себя и возмущаетъ общественное мнѣніе, дѣйствуя такимъ образомъ въ настоящее время, являясь или глупыми шевольниками, или, что еще хуже, панурговымъ стадомъ въ рукахъ нѣсколькихъ дрянныхъ людей, желающихъ сохранить недавнее опальное положеніе университетовъ, чтобы имѣть возможность по прежнему ловить въ мутной водѣ рыбу. По слухамъ, какъ въ Москвѣ, такъ и здѣсь, свистуновъ было крайне немного: три, четыре человека, да и тѣ яко бы изъ жидовъ-студентовъ 1-го курса. Мы полагаемъ, что это несомнѣнно справедливо, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ петербургскому университету. Мы слышали, напротивъ, что въ гадкой демонстраціи 8 февраля свистѣвшіе съ хоръ составляли толпу въ нѣсколько десятковъ, въ числѣ которыхъ замѣтили лицъ, вовсе не принадлежавшихъ къ студентамъ, и даже женщинъ. Какъ извѣстно, студенты сами взяли на себя трудъ очистить хоры отъ этихъ скандалистовъ обоюго пола и мы отъ души желаемъ, чтобы лучшая часть студентовъ, составляющая громадное большинство, успѣла убѣдить тѣмъ, какъ своихъ неразумныхъ или недостойныхъ товарищей, которые рѣшаются на выходы, подобныя бывшей 8 февраля, такъ и въ особенности постороннихъ участниковъ и подстрекателей, что для дѣятельности ихъ въ университетахъ нѣтъ болѣе почвы и что время студенческихъ исторій прошло. Какъ ни прискорбны для всѣхъ порядочныхъ людей, искренно любящихъ нашу учащуюся молодежь, скандалы, омрачившіе университетскіе праздники въ Москвѣ и Петербургѣ, въ высшей степени утѣшительно то, что, не смотря на лживую завыванія поборниковъ реакціи, они нисколько не повдѣли въ ущербъ

тому умиротворяющему направленію, которое принято настоящимъ главнымъ начальникомъ учебнаго вѣдомства; что, конечно, еще болѣе усилить общественное сочувствіе къ дѣятельности, являющейся такимъ образомъ плодомъ строго обдуманной и неуклонно усвоенной системы, при составленіи которой не было упущено изъ виду, что посѣянные и возвращенные на нашей почвѣ прежнимъ порядкомъ плевелы, не могутъ уничтожиться вдругъ, сразу, что съ ними придется еще считаться нѣкоторое время, а потому еще и нѣтъ основанія смущаться этимъ и тѣмъ менѣе прибѣгать къ попятнымъ шагамъ и колебанію системы.

Подобно учебному вѣдомству и министерство юстиціи слѣдуетъ, по видимому, исправить ошибки и неправильности недавняго прошлаго.

Утвержденіе въ должности судебныхъ слѣдователей лицъ, исправлявшихъ лишь эту должность въ видахъ подчиненія слѣдствія прокуратурѣ и лишенія судебныхъ слѣдователей обеспеченной имъ судебными уставами 1864 года независимости, по системѣ, измышленной графомъ Паленомъ, а также и недавній циркуляръ министра юстиціи о поведеніи прокуроровъ въ судебныхъ засѣданіяхъ, показываютъ, что и это министерство нашло нужнымъ возвратиться къ точному смыслу и буквѣ упомянутыхъ уставовъ. Но наибольшая работа въ почтенномъ дѣлѣ исправленія недочетовъ нашей внутренней жизни, безъ сомнѣнія, выпала на долю министерства внутреннихъ дѣлъ. И немудрено. Ни на чемъ растлѣвающее вліяніе реакціи не отразилось съ такою силою, какъ на подвѣдомственной этому министерству администраціи; нигдѣ и ни въ чемъ эта реакція не развила въ такой степени духъ произвола, насилія, самоуправства и пренебреженія къ праву и законности, какъ въ той же администраціи, во всемъ ея составѣ сверху до низа, отъ губернатора до полицейскаго урядника, чтобы не сказать до дворника, этого новаго агента администраціи влѣчателно. За эту воинствующую и ничего не признающую администрацію, стоитъ (или, правильнѣе, еле стоитъ) пригнетенное, почти лишенное ею всѣхъ его особенныхъ правъ и преимуществъ—земство, и раздавленный урядниками, кулаками, кабатчиками и всякою неправдою и бѣдою народъ, оголѣлое крестьянство. Такимъ образомъ, чтобы сдѣлать что нибудь благотворное, по своей компетенціи, чтобы приступить къ врачеванію навопившихся въ государствѣ золь и бѣдъ, министерству внутреннихъ дѣлъ предстоитъ прежде всего необходимость обратить въ христіанскую вѣру администрацію, поднять земство, оградить и успокоить народъ и дать извѣстный, закономъ гарантированный просторъ выраженій общественныхъ мнѣній путемъ печатнаго слова. Но мало того. Ему же, этому же министерству, предлежитъ обратить въ полезное домашнее животное доставшееся ему въ наслѣдство чудовище, специаль-

ностью котораго еще недавно было тушить всякій свѣтъ, глушить всякій не вторащій ему голосъ, оковывать всякое движеніе, душить и топтать все живое, того самаго чудовища, подъ защитою и покровительствомъ котораго только и могла существовать и развиться до степени анархіи наша реакція;—понятно, что мы говоримъ о бывшемъ недоброй памяти III отдѣленіи, самостоятельное существованіе котораго было упразднено съ назначеніемъ графа Лорисъ-Меликова на постъ министра внутреннихъ дѣлъ и оно введено въ общій составъ этого министерства. Въ настоящее время, мы не имѣемъ еще достаточно данныхъ, чтобы оцѣнить во всей полнотѣ значеніе этого факта. Здѣсь важно пока то, что учрежденіе, существовавшее внѣ законовъ и слѣдовательно внѣ всякаго контроля и отвѣтственности, вводится въ общій составъ государственной организаци, устанавливаемой и регулируемой закономъ, недопускающимъ даже у насъ полной безотвѣтственности ни для кого; между тѣмъ какъ это самое учрежденіе и притомъ именно въ прежнемъ своемъ видѣ и признавалось до сихъ поръ необходимымѣйшимъ, универсальнымъ презервативомъ, чуть не единственно надежнымъ якоремъ спасенія отъ всѣхъ общественныхъ и государственныхъ недуговъ, хотя опытъ постоянно, а въ послѣднее время особенно фактически и наглядно доказывалъ что пресловутый и такъ дорого стоившій презервативъ, по крайней мѣрѣ въ той формѣ въ какой существовалъ онъ, не смотря на поглощаемыя имъ громадныя средства и на громадную безконтрольную власть, которою онъ пользовался, не только никогда не предупреждалъ и не излечивалъ никакихъ общественныхъ недуговъ, а скорѣй, можно сказать, способствовалъ ихъ появленію и развитію. Эта истина впрочемъ давно была очевидна для всѣхъ, не исключая даже, мы полагаемъ, и самихъ непосредственно заинтересованныхъ въ существованіи III отдѣленія. Но это не мѣшало ему существовать, ибо при всей своей фактической несостоятельности, оно обладало необыкновеннымъ искусствомъ, путемъ устрашающихъ призраковъ и миражей и возбужденія подозрительности ко всему, что не оно, увѣрять кого нужно, что если не только государство, но и весь міръ не перевернулись еще верхъ дномъ и сохраняютъ хотя какое нибудь благочиніе и порядокъ, то это единственно благодаря его неусыпной бдительности, самоотверженію и искусству. Обличать эту гигантскую ложь, этотъ колоссальный подлогъ было некому. Съ одной стороны, непогнѣрная, подавляющая сила, пріобрѣтенная этимъ путемъ, душила голосъ, какъ общественнаго мнѣнія, такъ и отдѣльныхъ честныхъ людей, которые понимали обманъ и видѣли дѣло въ въ его настоящемъ свѣтѣ. Съ другой стороны, та же сила доставляла III отдѣленію немало партизановъ, стоявшихъ за него грудью, такъ какъ оно представляло собою превосходное средство для всякаго рода

гаротѣровъ народно-общественнаго развитія по пути, который открываютъ ему великія, но ненавистныя имъ преобразованія настоящаго царствованія; помощью его имъ удавалось, какъ сказано выше, если не сводить на нѣтъ, то тормазить осуществленіе этихъ преобразованій и искажать ихъ смыслъ и значеніе. Нужно было Россіи дожить до прискорбныхъ явленій анархіи, которыми ознаменовались 1879 и начало прошлаго года, чтобы честный голосъ (кому бы ни принадлежалъ онъ), опираясь на факты, успѣлъ наконецъ доказать не только несостоятельность и бесполезность но и вредъ такого ненормальнаго въ государствѣ явленія, какимъ было III отдѣленіе, и этого гиганта произвола и самоуправства поставить на свое мѣсто въ роль подчиненнаго фактора общегосударственной администраціи. Необходимость устроить въ такомъ видѣ своего незаконно-рожденнаго приемыша должна была конечно повлечь за собою въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ извѣстнаго рода преобразование въ организаціи высшаго полицейскаго управленія, которое и не замедлило выразиться въ образованіи департамента государственной полиціи, въ составъ котораго, кромѣ бывшаго III отдѣленія, вошелъ и бывший департаментъ исполнительной полиціи. Новое учрежденіе, соединяя въ себѣ функціи двухъ упраздненныхъ, въ общей системѣ, относительно всего, что обязательно принадлежитъ къ области чисто полицейскаго вѣдѣнія, будетъ освобождено однако отъ того изумительнаго разнообразія и смѣшенія дѣлъ, на производство которыхъ разбрасывалась прежде дѣятельность, мы не говоримъ уже всеобъемлющаго III отдѣленія, которому до всего было дѣло, но и болѣе скромнаго въ этомъ отношеніи департамента исполнительной полиціи. Въ самомъ дѣлѣ, разнообразіе и многочисленность предметовъ вѣдѣнія этого департамента, учрежденнаго въ 1811 году для общей, такъ сказать, регуляризаціи административной дѣятельности въ государствѣ, въ концу его самостоятельнаго существованія представляла поистинѣ поразительное явленіе. Въ кругъ этой дѣятельности входило занятіе паспортами и акцизомъ, евреями и киргизами, монастырями и полиціей, рабочимъ вопросомъ и клубами, пожарнымъ дѣломъ и охотою. Его же вѣдѣнію подлежали всевозможныя общества, начиная съ общества ревнителей научнаго образованія и кончая обществомъ покровительства животныхъ; въ немъ сосредоточивалось попеченіе объ иностранныхъ подданныхъ, о всѣхъ поднадзорныхъ, и о лицахъ, приемлющихъ православіе. При участіи департамента полиціи исполнительной, разрабатывались вопросы податной и рабочей; во время войны на этотъ же департаментъ возлагалось составленіе положенія о плѣнныхъ и принятіе мѣръ къ огражденію мѣстностей, въ которыя, при несчастномъ стеченіи обстоятельствъ, могъ ворваться

непріятель. Нѣсколько лѣтъ назадъ, департаментъ вѣдалъ также дѣла по рекрутскому набору, а до прошлаго года и всю тюремную часть. 1-го декабря прошлаго года было объявлено объ упраздненіи департамента исполнительной полиціи, а 4 декабря начались сдачи дѣлъ, которыя распредѣлялись болѣе соответствующимъ характеру дѣлъ образомъ по другимъ частямъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Мы слышали, что втеченіи двухъ недѣль сдано было уже такимъ образомъ слишкомъ 11,000 дѣлъ; такая необычная быстрота сдачи дѣлъ, продолжающейся у насъ иногда цѣлые годы, представляетъ весьма характерный признакъ нынѣшняго управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по словамъ газеты «Голось» (1881 г. № 23). Въ массѣ наслѣдства, доставшагося отъ бывшаго департамента исполнительной полиціи другимъ учрежденіямъ есть нѣсколько вполне разработанныхъ проектовъ по нѣкоторымъ весьма важнымъ вопросамъ нашей внутренней жизни, каковы, на примѣръ, проекты: о паспортныхъ облегченіяхъ для населенія; объ уменьшеніи пьянства въ народѣ; о привлеченіи къ участию въ государственныхъ налогахъ иностранцевъ, утратившихъ права прежняго подданства; о положеніи лицъ, находящихся подъ надзоромъ полиціи; объ иностранныхъ поселенцахъ, проживающихъ въ громадномъ числѣ по нашей прусской границѣ и пр. Проекты эти разработаны втеченіи одиннадцати послѣднихъ лѣтъ; но большая часть ихъ застряла въ министерствахъ и комисіяхъ, оставаясь безъ движенія по пяти по дѣсяти лѣтъ. Той же участи подверглись работы по рабочему вопросу, по вопросу объ истребленіи волковъ и т. п.

Административно-полицейскій оркестръ, который составилъ въ видѣ департамента государственной полиціи изъ двухъ выше названныхъ упраздненныхъ учрежденій, конечно, не представлялъ бы самъ по себѣ ничего особенно пріятнаго и гармоническаго, если-бы онъ продолжалъ играть по старымъ нотамъ и на старыхъ инструментахъ. При такихъ условіяхъ артистамъ можно было бы сказать вмѣстѣ съ дѣдушкой Крыловымъ: «А вы друзья какъ ни садитесь, все въ музыканты не годитесь». Но качества оркестра зависятъ, какъ извѣстно, главнымъ образомъ отъ капельмейстера и солистовъ. При умѣломъ капельмейстерѣ и добросовѣстныхъ и знающихъ солистахъ и остальные музыканты мало-по-малу приучаются играть въ тонъ, соблюдать тактъ и мѣру. Есть основаніе думать, что и въ настоящемъ случаѣ дѣло не ограничится одною пересадкою. Уже и теперь чувствуется и слышится, что музыка идетъ не та, которая такъ долго терзала намъ уши. Даже фаготы и тромбоны не режутъ уже такъ свирѣпо и понизили тонъ, а неисправимые уходятъ или убираются изъ оркестра. Вводятся въ него или готовятся новыя ноты и новыя инструменты, благодаря заботамъ и энергіи умѣлаго капельмейстера.

Мы выше сказали, что при очисткѣ нашихъ Августовыхъ конюшенъ наибольшая работа выпала на долю министерства внутреннихъ дѣлъ и, какъ слышно, министерство это весьма усердно принялось за эту работу по многимъ залежалымъ, но весьма важнымъ вопросамъ и, между прочимъ, по вопросу о пересмотрѣ законовъ о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. Несоотвѣтствіе этихъ учреждений до-реформеннаго времени съ новымъ строемъ государства, возникшимъ именно вслѣдствіе этихъ реформъ, давно уже было признано всѣми. Частыя подправки, поддѣлки и подмазка, которыми думали согласить несогласуемое, не только не приводили къ дѣлу, но еще болѣе запутывали дѣло, поставить которое въ надлежащее положеніе очевидно можетъ только полный пересмотръ, радикальная переборка этихъ законовъ. Толки о такомъ пересмотрѣ, какъ извѣстно, неоднократно возобновлялись и смолкали втеченіи послѣднихъ десяти лѣтъ, и можетъ быть слѣдуетъ сказать: слава Богу! что дѣло въ то время не пошло далѣе толковъ. При господствовавшемъ тогда настроеніи официального міра и системы всечужескаго подавленія, пересмотръ этотъ легко могъ совершиться въ отрицательномъ духѣ усиленія административной власти, въ окончательный подрывъ совершеннымъ уже реформамъ. Въ настоящее время, когда вопросъ о пересмотрѣ законовъ о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ снова всплылъ наверхъ, есть основаніе надѣяться на болѣе благоприятный исходъ этого дѣла. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Страны» сообщаютъ, между прочимъ, слухи о слѣдующихъ предположеніяхъ: 1) о присоединеніи къ губернскому правленію присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, присутствія по дѣламъ городскимъ, воинскаго присутствія и «распорядительнаго комитета»; 2) опредѣленія совѣтниковъ губернскаго правленія сенатомъ по представленію министра, въ видахъ приданія совѣтникамъ самостоятельности; 3) раздѣленія дѣлъ губернскаго правленія на дѣла коллегіальныя, совѣщательныя и исполнительныя, разрѣшаемыя губернаторомъ, вице-губернаторомъ и совѣтниками; 4) предоставленія губернатору права приостанавливать всякое коллегіальное рѣшеніе только подъ личной отвѣтственностью и съ представленіемъ въ узаконенный срокъ въ сенатъ по первому департаменту; 5) дозволенія губернаторамъ приглашать къ присутствованію въ правленіяхъ и другихъ должностныхъ лицъ и общественныхъ представителей, по отдѣльнымъ случаямъ или дѣламъ; 6) упраздненія губернаторскихъ канцелярій; 7) составленія новаго наказа губернаторамъ, и 8) приступѣ къ рѣшенію вопроса о децентрализаціи высшихъ административныхъ органовъ при содѣйствіи мѣстныхъ учреждений. Въ то же время «Agence Russe» разослало за границу телеграмму, въ которой вкратцѣ изложены стоящіе у насъ на очереди административныя реформы. Телеграмма упоминаетъ въ общихъ выра-

женіяхъ о предполагаемыхъ губернскихъ совѣтахъ при губернаторахъ, объ усовершенствованіи полиціи, причемъ всѣ полицейскія учрежденія въ каждой губерніи будутъ подчинены жандармскому начальству, которое въ свою очередь подчиняется губернатору. Введеніе этихъ реформъ отложено до возвращенія въ Петербургъ четырехъ ревизующихъ сенаторовъ. Въ настоящее время трудно предсказать, въ какомъ видѣ разрѣшатся всѣ эти вопросы, въ удачномъ разрѣшеніи которыхъ такъ жизненно заинтересована вся страна, утомленная всеобъемлющей опекой и нескончаемо поднадзорнымъ состояніемъ своимъ отъ администраціи, нуждающаяся въ нѣкоторомъ просторѣ и свободѣ для своихъ жизненныхъ отправленій. Желательно также, чтобы при этомъ разрѣшеніи принято было во вниманіе общественное мнѣніе, выражающееся путемъ земства и печати, которая въ послѣднее время усердно занимается разработкою и обсужденіемъ различныхъ условій по предмету упомянутыхъ вопросовъ. Что касается до вышеприведенныхъ преобразовательныхъ предположеній правительства, о которыхъ сообщаютъ «Страна» и «Agence Russe», то и при самомъ поверхностномъ взглядѣ на нихъ (если только вѣрно сообщеніе упомянутыхъ газетъ), по нашему мнѣнію, бросается въ глаза та самая ошибка, которая была сдѣлана Екатериною Великою при учрежденіи губерній. Если справедливо, что мести лѣстницу надо сверху, то перестраивать ее необходимо снизу. Въ этомъ отношеніи правительственное творчество, если можно такъ выразиться, должно слѣдовать, до извѣстной по крайней мѣрѣ степени, примѣру, который подаетъ намъ природа въ своей творческой работѣ, т. е. начинать съ простѣйшихъ видовъ и формъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ въ дѣлѣ административнаго устройства страны, намъ кажется слѣдовало бы начать съ основной, первоначальной, бытовой административно-хозяйственной кѣточки—съ волости или прихода или, по крайней мѣрѣ, съ ближайшаго и наиболѣе ограниченаго соединенія этихъ кѣточекъ—съ уѣзда, между тѣмъ во всѣхъ вышеприведенныхъ преобразовательныхъ предположеніяхъ правительства говорится исключительно именно о губерніи, а ничего о преобразованіи уѣзда, въ смыслѣ приданія ему большей полноты и самостоятельности въ отправленіи своихъ жизненныхъ функцій. Вопросы объ уѣздѣ и бытово-экономическомъ значеніи его въ организаціи государства и въ жизни народа подвергались уже, какъ извѣстно, обсужденію въ нѣкоторыхъ органахъ нашей печати, главнымъ образомъ, въ статьяхъ И. С. Аксакова въ журналѣ «Русь» и въ чрезвычайно интересномъ рефератѣ профессора А. Д. Градовскаго, напечатанномъ въ нѣсколькихъ нумерахъ газеты «Голосъ» (№ 18, 21 и 25 сего года) подъ заглавіемъ «переустройство нашего мѣстнаго управленія». Можно, конечно, не со-

глашаться съ крайними, какъ это бываетъ у него нерѣдко, выводами Аксакова въ извѣстномъ его направленіи, но нельзя не признать справедливость его основной идеи о значеніи уѣзда, какъ административно-хозяйственной единицы, А. Д. Градовскій въ упомянутой нами статьѣ своей какъ и всегда стоитъ на несравненно болѣе практической почвѣ. Не вдаваясь въ подробный разборъ этой интересной статьи, съ которою большинство нашихъ читателей вѣроятно познакомились уже изъ газеты, гдѣ она была напечатана, для тѣхъ лишь изъ нихъ, которые не успѣли еще этого сдѣлать, мы укажемъ на нѣкоторыя выдающіяся положенія, высказываемыя ученымъ авторомъ. Такъ, между прочимъ, онъ указываетъ прежде всего на то крайне-анормальное явленіе, которое представляетъ уѣздъ нашъ послѣ введенія въ жизнь его положенія о земскихъ учрежденіяхъ, безъ соотвѣтствующаго преобразованія администраціи. Съ введеніемъ земскихъ учрежденій уничтоженъ былъ, созданный екатерининскимъ положеніемъ о губерніяхъ, тотъ, хотя весьма несовершенный правительственный складъ нашей губерніи и уѣзда, обладавшій все-таки извѣстнымъ единствомъ управленія въ хозяйственномъ и административномъ отношеніи. «Въ настоящее время, говоритъ А. Градовскій,—у насъ очень много говорятъ о преобразованіи губерніи и уѣзда, но мало кто замѣчаетъ, что у насъ не одна, а двѣ губерніи».

«Мы имѣемъ, во первыхъ, «губернію» старинную, палатскую, такъ сказать, являющуюся обломкомъ отъ тѣхъ временъ, когда разныя палаты, комисиі, комитеты и приказы управляли мѣстностью, какъ административнымъ округомъ, не подозрѣвая даже, что губернія и уѣздъ могутъ имѣть значеніе общественныхъ единицъ. Во вторыхъ, предъ нами губернія и уѣздъ, въ смыслѣ общественныхъ единицъ, въ предѣлахъ которыхъ сословныя и всесловныя установленія осуществляютъ мѣстныя задачи. Съ изданіемъ земскихъ учреждений, говоритъ онъ далѣе, въ нашемъ законодательствѣ и въ административной практикѣ совершилось нѣчто странное, именно: раздѣленіе власти отъ предметовъ вѣдомства. Предметы мѣстнаго управленія все больше и больше переходили въ руки земскихъ учреждений; власть продолжала сосредоточиваться въ рукахъ правительственныхъ установленій, въ качествѣ нѣкотораго *rudum jus*. Явленіе поистинѣ необычайное! Въ рукахъ правительственныхъ мѣстъ и лицъ (губернаторъ, губернское правленіе, полиція) осталась власть безъ компетенціи; въ рукахъ земскихъ учреждений сосредоточилась компетенція безъ власти.»

«При такой постановкѣ вопроса, съ самаго начала можно было предсказать, что дѣло на мѣстахъ не пойдеть».

«При расчлененіи «власти» и «компетенціи», сразу явилось весьма вредное и обильное печальными послѣдствіями противоположеніе «общества» и «правительства», сопоставленныхъ въ видѣ силъ не только различныхъ, но и противоположныхъ, даже враждебныхъ. Правительственные учрежденія, оставшіяся при *vidum jus* власти, въ ея отвѣтственномъ понятіи, часто грустили о «компетенціи», уходящей изъ ихъ рукъ, и не давая себѣ точнаго отчета въ происшедшей перемѣнѣ, часто говорили о необходимости «усиленія власти», какъ это видно изъ одного извѣстнаго проекта, пущеннаго было въ ходъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ. «Общественныя учрежденія», чувствуя, что онѣ дѣйствуютъ безъ авторитета, и опять-таки, не догадываясь, въ чемъ дѣло, твердили о необходимости расширенія ихъ «компетенціи».

«Словомъ, втеченіи многихъ лѣтъ мы присутствовали при замѣчательныхъ *quiproquo*, имѣвшихъ, однако, невеселые результаты. Здѣсь должно искать основной причины того «антагонизма» между общественными и правительственными учрежденіями, которому было такъ много примѣровъ».

Особенно, прибавимъ отъ себя, въ послѣдніе годы, когда антогонизмъ этотъ въ эпоху господства реакціи обострился до крайней степени. Какой же выходъ предлагаетъ А. Градовскій изъ такого положенія, продолженіе котораго само правительство признаетъ по-видимому въ настоящее время невозможнымъ? Разрѣшая вопросъ объ административно-хозяйственной единицѣ, онъ находитъ, что губернія слишкомъ велика для этого, а къ болѣе мелкой единицѣ—всесословной волости, переходъ считаетъ преждевременнымъ въ настоящее время, вслѣдствіе отсутствія у насъ самого существеннаго элемента такой единицы: достаточно полнаго «слиянія сословій». Затѣмъ, не признавая того всеразрѣшающаго значенія уѣзда, которое придаетъ ему Аксаковъ, Градовскій соглашается съ нимъ въ томъ, что при современномъ положеніи вещей уѣздъ дѣйствительно представляетъ наиболѣе соответствующихъ данныхъ для образованія изъ него искомой единицы, по которой уже можетъ быть организована затѣмъ болѣе крупная единица—губернія. «Черезъ посредство уѣздно-губернской реформы, говоритъ Градовскій,—мѣстныя силы должны быть привлечены къ дѣйствительному труду на пользу мѣстнаго населенія». Въ избраніи за первоначальную самостоятельную административно-хозяйственную единицу—уѣздъ, а не губернію, какъ дѣлаетъ это положеніе о губерніяхъ и сводъ законовъ, Градовскій видитъ, между прочимъ, основаніе и въ самомъ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, признающемъ въ уѣздѣ самостоятельную земскую единицу, не соподчиненную съ губерніей, а равную съ нею въ мѣрѣ самостоятельности по завѣды-

ванію соотвѣтственно подлежащими имъ дѣлами. Въ настоящее время, при существующемъ порядкѣ этой важной для мѣстнаго населенія единицѣ, уѣзду не достаетъ правильной объединенной организаціи; въ ней параллельно дѣйствуютъ ко взаимному вреду нѣсколько совершенно разнородныхъ учреждений, вслѣдствіе чего въ уѣздѣ совершенно ясно обозначаются три уѣзда, создающіе для населенія множество начальства, но почти лишенные всякаго объединяющаго начала въ своихъ дѣйствіяхъ, а именно уѣзды: исправничій, предводительскій и земскій. Разобравъ потомъ плачевныя послѣдствія такого порядка вещей по отношенію къ дѣятельности уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, къ мѣрамъ по охраненію народнаго здравія, исполненія дорожной повинности и школьнаго дѣла, А. Д. Градовскій полагаетъ, что для сліянія этихъ трехъ различныхъ уѣздовъ, для водворенія единства и тождественности въ ихъ интересахъ, стремленіяхъ и дѣйствіяхъ и, наконецъ, для прекращенія всякаго между ними антагонизма и препирательства, необходимо сдѣлать уѣздъ въ отношеніи хозяйственныхъ и административныхъ дѣлъ своихъ «единицею законченною». Для чего, прежде всего, онъ долженъ имѣть «представителя», который пользовался бы довѣріемъ правительства и мѣстнаго общества и соединялъ бы въ рукахъ своихъ всѣ роды исполнительной власти. Должность этого уѣзднаго начальника должна быть выборная, на срокъ. Уѣздное земское собраніе избираетъ изъ числа лицъ, удовлетворяющихъ требованіямъ закона и конечно, завѣдомо ему, удовлетворяющихъ требованіямъ дѣла, двухъ кандидатовъ, которыхъ представляютъ губернатору и это представленіе, съ мнѣніемъ послѣдняго, восходитъ къ министру внутреннихъ дѣлъ и чрезъ него въ правительствующій сенатъ, который и утверждаетъ одного изъ представляемыхъ кандидатовъ въ должности на шесть лѣтъ. Вторымъ элементомъ уѣзднаго управленія А. Д. Градовскій предполагаетъ уѣздное присутствіе, состоящее изъ слѣдующихъ лицъ: 1) изъ помощниковъ начальника по части хозяйственной, избираемого уѣзднымъ земскимъ собраніемъ и утверждаемого губернаторомъ; 2) изъ помощника по части полицейской, назначаемого губернаторомъ изъ двухъ кандидатовъ, избранныхъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ; 3) изъ членовъ, избираемыхъ, въ числѣ отъ трехъ до шести, уѣзднымъ земскимъ собраніемъ и утверждаемыхъ губернаторомъ и, наконецъ, уѣздное земское собраніе въ настоящемъ своемъ видѣ. Относительную роль каждаго изъ этихъ элементовъ въ управленіи или самоуправленіи уѣздомъ, почтенный публицистъ-профессоръ опредѣляетъ въ такомъ видѣ: Уѣздный начальникъ имѣетъ троякаго рода функціи: оди́н изъ нихъ онъ осуществляетъ лично (сюда относятся, главнымъ образомъ,

полицейскія функціи); другія—въ составѣ присутствія (сюда могутъ быть отнесены важнѣйшія полицейскія дѣла и по хозяйственному управленію уѣздомъ); по дѣламъ третьяго рода уѣздный начальникъ, вмѣстѣ съ присутствіемъ, приводитъ въ дѣйствіе постановленія уѣзднаго земскаго собранія, неопротестованныя губернаторомъ. Уѣздному присутствію должны подлежать дѣла, требующія коллегіальнаго разсмотрѣнія и рѣшенія и разсматриваемыя въ настоящее время въ уѣздномъ полицейскомъ управленіи, уѣздной управѣ и во всѣхъ особыхъ присутствіяхъ, находящихся нынѣ подъ предсѣдательствомъ предводителей дворянства. Само собою разумѣется, что учрежденіе этого присутствія не уничтожитъ значенія отдѣльных должностей, предназначенныхъ для завѣдыванія специальными отраслями мѣстнаго управленія. Сюда относятся: 1) инспекторы народныхъ училищъ и попечители училищъ, особо избираемые земствомъ; 2) попечители по дѣламъ крестьянскаго управленія, которые могли быть избираемы, съ утвержденія правительства, уѣздными и земскими собраніями; 3) другія должностныя лица по управленію мѣстнымъ хозяйствомъ и благоустройствомъ, избираемыя земскимъ собраніемъ по соображенію мѣстныхъ надобностей и удобствъ. Завѣдывая ввѣренными имъ дѣлами единолично, всѣ означенныя лица входили бы въ составъ уѣздныхъ присутствій по вопросамъ, требующимъ коллегіальнаго рѣшенія, и засѣдали бы въ немъ на правахъ членовъ. Точно также въ составъ присутствія были бы приглашаемы и представители отдѣльных вѣдомствъ, входящіе нынѣ въ составъ присутствія по воинской повинности и т. п.

Уѣздное земское собраніе осталось бы въ нынѣшнемъ своемъ видѣ (исключая необходимыхъ измѣненій основаній представительства), но кругъ его вѣдомства расширился бы въ слѣдующемъ отношеніи. Его разсмотрѣнію, сверхъ дѣлъ по хозяйственно-распорядительной части, подлежалъ бы составляемый ежегодно уѣзднымъ присутствіемъ отчетъ объ общемъ положеніи уѣздной администраціи. Уѣздное собраніе, разсмотрѣвъ отчетъ, имѣло бы право дѣлать постановленія по дѣламъ, подлежащимъ его вѣдѣнію, а по прочимъ, въ случаѣ необходимости, обращаться съ представленіями къ губернатору или, чрезъ губернатора, къ высшему правительству.

Таковъ въ общихъ чертахъ предлагаемый профессоромъ Градовскимъ планъ преобразованія нашихъ уѣздныхъ учреждений, съ которымъ натурально уже должно быть согласовано въ томъ же духѣ преобразованіе и губернскихъ учреждений. Уѣздныя учрежденія, построенныя по этому плану на земскомъ основаніи и правительственной санкціи, по справедливому мнѣнію автора, внесутъ въ эти учрежденія, вмѣсто существующихъ нынѣ разнообразія и слож-

жности, ту простоту и единство, отсутствіе которыхъ есть самый существенный недостатокъ нынѣшней системы, столь вредно отзывающійся на ходъ дѣлъ и на интересахъ населенія и государства. По его же мнѣнію, съ которымъ опять нельзя не согласиться, рекомендуемое имъ устройство уѣзда устранить причины тѣхъ безконечныхъ пререканій между разнообразными и несогласными вѣдомствами, которыя въ настоящее время, разжигая лишь антагонизмъ, взаимно тормазятъ ихъ дѣятельность. Обезпечивая правительству необходимое вліяніе на ходъ мѣстныхъ дѣлъ, оно открываетъ въ то же время возможность общественнаго контроля и устранить послѣдніе остатки сословной розни, окончательное исчезновение которой составляетъ задушевное желаніе всѣхъ лучшихъ людей Россіи.

Въ заключительной статьѣ (Голось, № 29 1881 г.) своего проекта или изложенія общихъ началъ переустройства уѣздной администраціи, почтенный авторъ говоритъ, что, излагая эти начала, онъ не рассчитывалъ на сочувственное отношеніе къ нимъ. Не отрицая силы преданія и привычки, въ которыхъ г. Градовскій не безъ основанія видитъ сильныхъ противниковъ высказаннымъ имъ воззрѣніямъ, мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, что въ пользу стараго установившагося порядка, къ которому привыкла будто бы такая масса, всегда можно привести гораздо больше доводовъ, чѣмъ въ пользу измѣненія, хотя бы и необходимаго. Несомнѣнно, что всякая новая жизненно-преобразовательная идея нарушаетъ чье нибудь спокойствіе и даже благоденствіе, чьи нибудь привычки и даже интересы; но вѣдь она въ то же время обѣщаетъ кому нибудь улучшение и облегченіе. Высшимъ критеріумомъ такой идеи является, съ одной стороны, степень количественнаго отношенія между потергѣвшими отъ осуществленія данной идеи къ долженствующимъ получить облегченіе отъ нея, а съ другой стороны, относительная степень юридическаго и нравственнаго права на существованіе интересовъ, нарушенныхъ и восстанавливаемыхъ идеей. Въ настоящемъ случаѣ критеріумъ этотъ, какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніи, очевидно въ пользу идеи. Настоящее устройство нашего уѣзда, да и губерніи, настолько дурно и нецѣлесообразно, настолько мало отвѣчаетъ истиннымъ интересамъ народа и самого государства, какъ это сознано теперь и самимъ правительствомъ, что оно можетъ найти себѣ защитниковъ лишь въ незначительной сравнительно средѣ, которой такъ любы разладъ, безконтрольность и самовластіе, которая видитъ всѣ блага и все спасеніе лишь въ усиленіи и безъ того чрезмѣрной административной власти, но отнюдь не въ массѣ, вслѣдствіе будто бы привычки ея къ старому порядку, какъ полагаетъ г. Градовскій, по той простой причинѣ, что съ дурнымъ можно стерпѣться и выносить

сто по необходимости, но нельзя привыкнуть къ нему и не желать лучшаго.

Есть конечно, и помимо своекорыстныхъ защитниковъ стараго порядка, старовѣры безкорыстные, которыхъ пугаетъ всякое новшество, потому только, что оно новшество; но такихъ немного, да и народъ это безобидный, хоть и ворчливый. А между тѣмъ ихъ то, повидимому, почтенный профессоръ-публицистъ и желаетъ особенно успокоить, стараясь доказать, что мысль его не представляетъ вовсе какой то неслыханной у насъ новости, нарушающей освященныя вѣками преданія; что нѣчто подобное предлагаемой имъ системѣ устройства нашего уѣзда уже Екатерина II думала осуществить въ формѣ созданныхъ ею земскихъ судовъ, существовавшихъ у насъ до судебной реформы и введенія земскихъ учреждений. «Вдумываясь, говорить онъ,—въ «Учрежденія о губерніяхъ» Екатерины II (особенно въ главахъ XVII и XVIII), нельзя не замѣтить, что она желала сдѣлать изъ земскихъ судовъ нѣчто большее «полиціи» въ узкомъ смыслѣ этого слова. Именно, земскій судъ былъ уставовленіемъ, вообще управлявшимъ мѣстными дѣлами. Въ его рукахъ сосредоточивались всѣ функціи уѣзднаго управленія, насколько они выяснились въ періодъ изданія «Учрежденія о губерніяхъ». Независимо отъ обязанности охраненія мѣстной тишины и спокойствія (полиціи безопасности въ тѣсномъ смыслѣ), независимо отъ обязанности приводить въ дѣйствіе распоряженіе высшихъ властей и т. д., на земскій судъ и исправника возлагаются обязанности по мѣстному хозяйству и благоустройству, насколько, повторяемъ, они выяснились въ то время. На нихъ возлагается смотрѣніе за дорогами и мостами (ст. 230, 246), попеченіе о народномъ здравіи (ст. 238; 240, 246), мѣры противъ эпизоотій (ст. 241), распоряженія по отбыванію разныхъ натуральныхъ повинностей (ст. 247, 248, 250), мѣры предосторожности противъ огня (ст. 249), мѣры къ поощренію земледѣлія и къ обезпеченію народнаго продовольствія (ст. 251) и призрѣнія (ст. 252).

Такимъ образомъ, земскій судъ, по мысли императрицы, долженъ былъ сдѣлаться средоточіемъ уѣзднаго управленія, мѣстомъ, управляющимъ уѣздомъ, вѣдающимъ въ немъ «государево и земское дѣло». Облеченный такими функціями, онъ въ то же время долженъ былъ состоять изъ выборныхъ лицъ. Исправникъ и засѣдатели избираются на три года дворянствомъ и утверждаются губернаторомъ, «буде за ними нѣтъ явнаго порока» (ст. 66 и 67).

Въ видахъ того же успокоенія противниковъ выборнаго начала г. Градовскій ставитъ вопросъ: «думаемъ ли мы сдѣлать полицію въ полномъ ея составѣ выборнымъ отъ земства учрежденіемъ?» и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. А почему же и нѣтъ? спросимъ

мы, въ свою очередь. Замѣна выборныхъ на срокъ исправниковъ, назначаемыхъ отъ правительства, насколько извѣстно, едва-ли улучшила составъ представителей этой должности. Положимъ, что прежній выборный, исключительно отъ дворянства, исправникъ долженъ былъ угождать своимъ избирателямъ, въ ущербъ народу; но онъ все-таки былъ свой мѣстный земскій человѣкъ, дѣйствовавшій подъ контролемъ цѣлаго сословія. Нынѣшній исправникъ есть просто чиновникъ, совершенно чужой краю, ничѣмъ незаинтересованный въ земскомъ дѣлѣ, зависимый и контролируемый единственно высшею административною властью въ губерніи, которой исключительно и старается угодить во что бы то ни стало. Что касается до низшей сельской полиціи, десятскихъ и сотскихъ, то они и въ настоящее время комплектуются по выбору сельскихъ обществъ, и попытка видоизмѣнить или усилить ее учрежденіемъ института урядниковъ оказалась, какъ извѣстно, крайне неудачною, какъ увидимъ ниже. Въ настоящее время, выборъ начальника уѣздной полиціи нельзя, конечно, предоставить одному, хотя-бы и дворянскому сословію. Это право должно принадлежать земству, а способъ утверженія его въ должности, предлагаемый самимъ же г. Градовскимъ, мы полагаемъ, совершенно достаточно гарантируетъ интересы высшаго правительства относительно уѣздной полиціи.

Говоря вообще о переустройствѣ, нашего мѣстнаго управленія, составляющемъ такой важный, такой жизненный вопросъ для всей Россіи, переустройство это, на лучшихъ началахъ, до того необходимо, а статья А. Д. Градовскаго, по этому предмету, заключаетъ въ себѣ столько данныхъ для удовлетворенія и примиренія всѣхъ справедливыхъ интересовъ на почвѣ равновѣсія, взаимодѣйствія въ направленіи къ одной общей цѣли—общему благу, что мы не только выражаемъ желаніе, но считаемъ обязательнымъ дѣломъ для всей серьезной прессы нашей, а также и для земствъ, отнести къ этой статьѣ съ полнѣйшимъ вниманіемъ и подвергнуть затронутый ею вопросъ всестороннему обсужденію, что въ настоящее время является особенно своевременнымъ, въ виду готовности самого правительства (если справедливы о томъ слухи) заняться этимъ переустройствомъ, тѣмъ болѣе что сообщаемая «Страною» програма правительственныхъ предположеній по этому предмету, которую мы привели выше, въ общемъ смыслѣ своемъ имѣетъ извѣстное сходство, съ предположеніями Градовскаго, съ тою лишь разницею, что Градовскій говоритъ исключительно объ уѣздѣ, а програма относится лишь до переустройства управленія въ губерніи. Здѣсь также идетъ рѣчь о сосредоточеніи въ одномъ коллегіальномъ учрежденіи—губернскимъ правленіи, существующихъ нынѣ отдѣльно, разнородныхъ органовъ губернскаго управленія,

о раздѣленіи дѣлъ на колегіальныя, совѣщательныя и исполнительныя, предоставляемыя губернатору, подобно тому, какъ въ проектѣ Градовскаго, дѣла этого рода предоставляются увѣдному начальнику; затѣмъ о правѣ приглашать къ участию въ засѣданіяхъ губернскаго правленія, въ извѣстныхъ случаяхъ, другихъ должностныхъ лицъ и общественныхъ представителей. Весьма важны въ этой программѣ пункты 3 и 4, касающіеся, во первыхъ, приданія большей самостоятельности совѣтникамъ губернскаго правленія, путемъ опредѣленія ихъ на эту должность сенатомъ, по представленію министра, что должно вывести этихъ чиновниковъ изъ настоящей рабской зависимости отъ губернатора; а во вторыхъ, ограниченіе права губернаторовъ приостанавливать колегіальныя рѣшенія правленія лично отвѣтственностью и срочнымъ представленіемъ о томъ сенату по 1-му департаменту. Пересмотръ наказа губернаторамъ давно представляетъ настоятельную необходимость, а упраздненіе губернаторскихъ канцелярій является дѣломъ, вполне желательнымъ и цѣлесообразнымъ, въ видахъ прекращенія сатрапства нынѣшнихъ правителей этихъ канцелярій, которые, за спиною высшихъ представителей административной власти, въ областяхъ нашихъ нерѣдко являются дѣйствительными управителями этихъ областей. Въ обществѣ, какъ извѣстно, ходитъ разсказъ, какъ одинъ изъ такихъ высшихъ представителей администраціи публичнымъ скандаломъ самъ, такъ сказать, всенародно сознался въ томъ вліяніи, которое имѣлъ на него правитель дѣлъ его канцеляріи. Будучи переведенъ на службу въ другое мѣсто, покидая край, въ которомъ онъ оставилъ весьма и весьма недоброе о себѣ воспоминаніе, начальникъ этотъ, по прибытіи на дебаркадеръ желѣзной дороги, въ числѣ лицъ, собравшихся на платформѣ, съ цѣлью проводить его, частью по обязанности официальной вѣжливости, частью изъ бывшихъ своихъ приближенныхъ, увидѣлъ между ними своего правителя дѣлъ съ женою, явившеюся на проводы съ букетомъ цвѣтовъ который она намѣревалась приподнести на прощанье отъѣзжавшему начальнику; но послѣдній, едва замѣтилъ эту, преданную ему чету, какъ, не стѣсняясь присутствіемъ многочисленныхъ свидѣтелей, громкозвучно завопилъ на нее: «вошь!» и затѣмъ прибавилъ фразу, которую мы, по свойственной намъ стыдливости, не воспроизводимъ, но смыслъ которой былъ тотъ, что онъ, честный воинъ и добрый человѣкъ, благодаря внушеніямъ своего правителя канцеляріи, приобрѣлъ репутацію человѣка жестокаго. Если разсказъ этотъ, какъ увѣряютъ, справедливъ, то честному и доброму воину можно сказать, что, снявъ голову по волюсамъ не плачутъ; что самое это запоздалое обвиненіе своего правителя канцеляріи выражаетъ лишь сознаніе въ справедливости упомянутой репутаціи и исходя отъ лица, которое не можетъ оправдывать

себя молодостью и неопытностью, едва ли способно умалить значеніе этой репутаціи, потерявшимъ отъ яко-бы не свойственной ему, а внушенной злымъ духомъ, въ образъ правителя дѣлъ, жестокости, какъ нисколько неизвинительнѣе для министерства государственныхъ имуществъ и представителя высшей административной власти Оренбургскаго края, если расхищеніе башкирскихъ и казенныхъ земель въ этомъ краѣ совершалось по внушеніямъ и подстрекательству правителя генераль-губернаторской канцеляріи, добродѣтельнаго г. Холодковскаго. Это тѣмъ болѣе вѣрно, что всякій такой заправка, въ случаѣ, если его, Боже сохрани, потянуть къ Иисусу подобно тому же г. Холодковскому, сложивъ, какъ говорятъ поляки, ренки (руки) на бржухъ и вздыхадъ Бога свего, поспѣшить конечно заявить печатно даже, что утвержденіе ваше, будто все дѣло регулированія землевладѣнія башкирскихъ земель въ Оренбургскомъ краѣ оставалось въ непосредственномъ и единоличномъ моемъ завѣдываніи, совершенно ошибочно; «что это громадный государственный вопросъ, обнимающій до 20 миліоновъ десятинъ земли, съ живущими на ней болѣе двухъ миліоновъ душъ и на такихъ запутанныхъ правахъ, что само правительство втеченіи цѣлаго столѣтія постепенно, шагъ за шагомъ, приступало къ его разрѣшенію; что не моимъ слабымъ силамъ непосредственно и единолично регулировать такой вопросъ, а рѣшали его высшія государственныйя учрежденія и министерства и приводили въ исполненіе генераль-губернаторъ, губернаторы пяти губерній съ крестьянскими присутствіями, и что, благодаря только такимъ высокимъ и многочисленнымъ силамъ, регулированіе башкирскихъ земель въ послѣдніе годы близится къ концу». Изъ этого задушевнаго заявленія угнетенной невинности видно, что хотя г. Холодковскій, называя расхищеніе башкирскихъ земель регулированіемъ, обнаруживаетъ большой запасъ юмора, отъ котораго не можетъ воздержаться даже въ такомъ трогательномъ заявленіи, что въ дѣлѣ расхищенія, т. е., виноваты, мы хотѣли сказать регулированія, маленкій подначальный человекъ непричемъ; а если тутъ есть какая нибудь вина, то вина эта всецѣло должна упасть на министерство государственныхъ имуществъ, генераль-губернатора и другія власти, а никакъ не на него, покорнаго исполнителя высшаго начальства. Если же приэтомъ расхищ... то бишь, регулированія, и на его долю выпало нѣсколько тысячъ десятинъ такой земли; если всѣ алчущіе такой же доли, въ видѣ особой милости, просили отвести имъ землю рядомъ съ землею г. Холодковскаго («Голось» 1880 года, № 330); если за эту-то землю онъ заплатилъ лишь по 2 р. 45 к. за десятину, да и то еще съ разсрочкою чуть не до втораго пришествія Господа нашего Иисуса Христа,—то

и на то была воля начальства, пожелавшаго, не смотря на его слабую силу, вознаградить его усердіе. Непричиненъ онъ, Холодковскій, и въ томъ, что нѣкій г. Шоттъ («Голосъ», № 30), тестъ его, приобрѣлъ все отъ тѣхъ же башкиръ и также за безцѣнокъ до 100,000 дес., ибо почему же хорошему оборотливому человѣку и не приобрести по сходнымъ цѣнамъ, когда представляется удобный къ тому случай. Въ своемъ оправдательномъ заявленіи, присланномъ въ газету «Страна», добродѣтельный правитель генераль-губернаторской канцеляріи Оренбургскаго края горько сѣтуетъ на злостность корреспондентовъ и сплетнелюбіе нашей печати, которые изъ такого общепользнаго государственнаго дѣла, какъ регулированіе башкирскихъ земель, совершавшагося такъ тихо, мирно, покойно, къ общему удовольствію всѣхъ участниковъ въ этомъ дѣлѣ, сдѣлали чортъ знаетъ что! подняли вдругъ крикъ, шумъ, сорвали съ него стыдливыя покровы канцелярской тайны и, оскорбляя его цѣломудріе и скромность, вывели на свѣтъ Божій, съ позволенія сказать, нагишомъ. Дѣйствительно, говоря такъ по-божески, нельзя не сочувствовать плачу оренбургскаго Іереми. Въ самомъ дѣлѣ, все шло такъ прекрасно: всѣ крупныя и мелкія части административной машины только что успѣли устѣться подъ свои башкирскія смоковницы или продать и заложить ихъ въ 10—20 разъ дороже, чѣмъ сами заплатили казнѣ, и вдругъ какому-то Добротворскому, конечно изъ зависти, вздумалось въ регулированіи усмотрѣть какое-то расхищеніе, котораго ни у кого и въ помышленіи не было, а усмотрѣвъ это расхищеніе крикнуть на всю Россію «караулъ! грабятъ!». Печать, ничего непонимающая въ государственныхъ соображеніяхъ оренбургскаго пошиба, легкомысленно подхватила. этотъ крикъ—и пошла писать губернія. Дѣло раздули, и на мирный край, такъ прекрасно администрируемый, навлекли вдругъ такую неприятность, какъ сенаторская ревизія. Что же тутъ хорошаго? спрашивается. Вѣдь перепроданныхъ и заложенныхъ въ банки земель не воротить, не говоря о томъ, что сама по себѣ ревизія есть уже колебаніе власти, какъ это и было понято въ Кіевѣ. Такъ, повидимому, взглянулъ на это дѣло и г. Холодковскій. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Оренбурга («Голосъ» 1881 г., № 35), едва ревизующій сенаторъ успѣлъ прибыть въ этотъ городъ, и почувствовавъ вѣроятно отъ огорченія сугубое ослабленіе своихъ «слабыхъ силъ», онъ, порѣшивъ удалиться отъ зла и сотворить благо, подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности; но сенаторъ Ковалевскій, находя, какъ увѣряютъ злые языки, рѣшимость г. Холодковскаго удалиться отъ зла нѣсколько запоздало, а отъ службы нѣсколько преждевременною, по нашему же соображенію просто не желая лишиться себя полезныхъ совѣтовъ такого компетентнаго знатока края, какъ г. Холодковскій, попросилъ его изъ любви къ отечеству сдѣлать еще

нѣкоторое напряженіе своихъ слабыхъ силъ и остаться на своемъ посту по крайней мѣрѣ до окончанія ревизіи. Что же, въ самомъ дѣлѣ такъ лучше: послѣ ревизіи-то можетъ быть г. Холодковскому и проситься не нужно будетъ и заботливое начальство само освободить его тогда отъ непосильныхъ трудовъ.

Да, правитель губернаторской канцеляріи есть великая сила въ жизни нашей области, даже и тогда, когда высшій провинціальный сановникъ и неподдается ему до такой степени, чтобы позволить обратиться въ звѣря, и упраздненіе, вмѣстѣ съ канцелярією, этихъ мелкихъ сатрапиковъ, замаскированныхъ личностью своего начальника, повторяемъ, будетъ большою льготою для провинціи, если только мѣсто ихъ съ тѣмъ же характеромъ не заступятъ правители дѣлъ новыхъ губернскихъ правленій. Такъ какъ мы заговорили уже о правителяхъ губернскихъ канцелярій, то уважемъ еще на одинъ экземпляръ этого рода господъ, о которомъ сообщаютъ изъ Архангельска («Голосъ» 1880 г., № 345). Это нѣкто г. Поступальскій, котораго тамошній губернаторъ Коніаръ привезъ съ собою при вступленіи въ должность и водворилъ въ качествѣ правителя своей канцеляріи. Г. Поступальскій вполне оправдалъ, повидимому, этотъ выборъ г. Коніара, пріобрѣтшаго извѣстность, между прочимъ, и необыкновенно усерднымъ примѣненіемъ къ находящимся въ губерніи ксильнымъ и поднадзорнымъ, и оправдалъ именно по этой части, явившись даже болѣе строгимъ, чѣмъ его начальникъ. Принявъ на себя цензурованіе губернскихъ вѣдомостей, этотъ новый цензоръ, по словамъ корреспондента, въ излишнемъ усердіи къ своимъ обязанностямъ доходитъ до того, что заподозриваетъ въ либерализмѣ даже «Правительственный Вѣстникъ». Недавно редакторъ послалъ въ типографію одну статью изъ «Правительственного Вѣстника», касающуюся освобожденія поднадзорныхъ, никакъ не предполагая, чтобы извѣстіе изъ этой газеты могло встрѣтить какое-нибудь цензурное препятствіе въ помѣщеніи на столбцахъ губернскихъ вѣдомостей. Но оказалось, что цензоръ, г. Поступальскій, когда ему принесли сверстанный номеръ для разрѣшительной подписи, сдѣлалъ на перепечаткѣ изъ «Правительственного Вѣстника» такого рода надпись: «хотя это и взято изъ «Правительственного Вѣстника» но на помѣщеніе его въ губернскихъ вѣдомостяхъ, я не могу согласиться». Такимъ образомъ, заключаетъ корреспондентъ, сообщенія «Правительственного Вѣстника» почитаются у насъ настолько радикальными, что мѣстная цензура опасается вреднаго вліянія ихъ на обязательныхъ подписчиковъ губернскихъ вѣдомостей.

Вообще административная часть, особенно въ провинціи, составляетъ одно изъ самыхъ большихъ мѣстъ нашего государственнаго организма. Оставшись до сихъ поръ въ сторонѣ отъ всѣхъ со-

вершившихся у насъ реформъ, она является какою-то аномаліей, считающей какъ будто своимъ призваніемъ и задачей враждебное отношеніе ко всему, что, въ силу самаго закона, поставлено въ болѣе или менѣе самостоятельное отъ нея положеніе, какъ, напримѣръ, городское, земское и крестьянское самоуправленіе, постоянно подвергающіяся со стороны администраціи всякаго рода посягательствамъ на права свои, что отзывается самымъ гнетущимъ образомъ на всей общественной и народной жизни, а чрезъ нихъ и на жизни государственной. Вредъ отъ такого аномальнаго положенія дѣла настолько осязательно даетъ себя чувствовать во всемъ и повсюду, что преобразование нашего административнаго устройства съ верха до низу является въ настоящее время дѣломъ неотложной необходимости. Еще недавно, причину всѣхъ одолевавшихъ насъ неурядицъ, торжествующая реакція видѣла въ недостаткѣ предоставленной администраціи власти и громко требовала усиленія этой власти, какъ единственнаго дѣйствительнаго лекарства противъ всѣхъ золъ, какъ единственнаго дѣйствительнаго средства для водворенія всюду тишины, спокойствія и всяческаго благоустройства; между тѣмъ какъ зло и заключалось именно въ томъ чрезъ-чуръ широкомъ правѣ усмотрѣнія и вмѣшательства, которое предоставлено администраціи, въ крайней неопредѣленности ея правъ и обязанностей, при отсутствіи гласнаго контроля общественнаго мнѣнія, безъ котораго невозможенъ въ дѣйствительности и контроль высшей правительственной власти. При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего удивительнаго, что административная власть обращается у насъ нерѣдко въ самовластіе; что произволъ и пренебреженіе законности входятъ въ обычай, въ привычку, при существованіи которыхъ всякій протестъ, всякая жалоба считалась возмущеніемъ, непокорностью власти, а всякая попытка контроля со стороны даже высшаго правительства—оскорбительнымъ недоумѣемъ, колебаніемъ власти, какъ еще недавно приняла администрація Юго-Западнаго края назначеніе ревизіи въ Киевской губерніи. Несомнѣнно, что лишь на почвѣ, порождающихъ это явленіе, вышеуказанныхъ нами условій, могла породиться и процвѣтать та безотвѣтственная легкость обращенія, чтобы не сказать болѣе, съ государственными имуществами, кака я существовала въ Оренбургскомъ крайѣ, на Кавказѣ, въ царствѣ Польскомъ, и до нѣкоторой степени въ Архангельской губерніи, въ отношеніи къ иностраннымъ колонистамъ и въ ущербъ русскимъ поморамъ. Только при этихъ порядкахъ могутъ по четырнадцать лѣтъ спокойно оставаться на мѣстѣ такіе губернаторы, какъ Скарятинъ, и совершаться такіе факты, какъ облаченіе архангельскимъ губернаторомъ Коньяромъ въ арестантскую одежду нелишенныхъ правъ поднадзорныхъ вмѣсто выдачи опредѣленныхъ имъ отъ правительства денежныхъ пособій на этотъ предметъ, или угрозы крон-

штадтскаго губернатора личною отвѣтственностью городскому головѣ, если дума не согласится исполнить губернаторское требованіе, а онъ, городской голова, не закроетъ въ такомъ случаѣ засѣданіе неподатливой думы, а также задержаніе тѣмъ же губернаторомъ, втеченіи двухъ мѣсяцевъ, ходатайства той же думы, которое было доставлено ему 7 ноября, а препровождено къ министру внутреннихъ дѣлъ лишь 5 января, и то благодаря появленію въ газетахъ извѣстія о такихъ курьезныхъ фактахъ («Голось», № 11 сего года); или, наконецъ, требованіе или предложеніе эриванскаго губернатора князя Шаликова къ преслѣдователю мѣстнаго окружнаго суда, объ удаленіи отъ службы (!?) присяжнаго повѣреннаго за то, что на предложеніе одного изъ гласныхъ городской думы, губернаторскаго чиновника, потребовавшего, чтобы дума немедленно разрѣшила какой-то вопросъ на томъ основаніи, что губернаторъ очень интересуется рѣшеніемъ его и приказалъ ему тотчасъ увѣдомить его, какъ только послѣдуетъ это рѣшеніе—присяжный повѣренный, бывший также гласнымъ, возразилъ, что данный вопросъ требуетъ всесторонняго обсужденія и не можетъ быть рѣшенъ такъ поспѣшно, какъ желаетъ губернаторъ («Голось», № 26 сего года). Но проходить послѣ этого нѣсколько дней, сообщаетъ корреспондентъ, какъ городской голова получаетъ строгое внушеніе отъ губернатора за допущеніе преній, колеблющихся авторитетъ власти.

Дѣло этимъ не ограничилось. Генераль-майоръ князь Шаликовъ, губернаторъ, пишетъ предсѣдателю мѣстнаго окружнаго суда официальное письмо такого приблизительно содержанія: крайне молъ, удивленъ, ваше превосходительство, что вы держите на службѣ такого-то присяжнаго повѣреннаго (т. е. того гласнаго, который возражалъ противъ слѣдности), человека, очевидно, съ предосудительнымъ образомъ мыслей; прошу ему объявить, что если онъ, какъ состоящій на коронной службѣ, получающій ордена и жалованье отъ казны, позволить себѣ еще разъ что-нибудь подобное, то... и т. д., и т. д. Конечно, предсѣдатель суда ничего не объявлялъ преступному присяжному повѣренному, по той простой причинѣ, что онъ ему не подчиненъ, что присяжные повѣренные знаковъ отличія и жалованья отъ казны не получаютъ, а если и носятъ знакъ, очевидно, введеній губернатора въ заблужденіе, то это не орденъ, а знакъ ихъ званія.

Мы не будемъ комментировать подобнаго невѣденія губернскаго саповника о такомъ общественномъ предметѣ какъ официальное положеніе присяжныхъ повѣренныхъ; уважемъ только на то, какъ въ самомъ законномъ противорѣчии представители нашей администраціи видятъ обыкновенно колебаніе власти.

Во всякой сферѣ правы и обычаи высшихъ дѣятелей и представителей ея всегда отражаются и на низшихъ и часто въ еще болѣе

уродливой формѣ; не даромъ же народомъ давно сказано: каковъ поцѣ таковъ и приходъ; такъ точно и въ нашей администраціи. Въ нижней части ея, въ томъ, что собственно называется полиціей, также съ верху до низа господствуетъ въ весьма чувствительной степени тотъ же произволь, то же неуваженіе къ законности, при значительной даже неумѣлости и грубости приемовъ. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что полицейская служба есть одна изъ самыхъ трудныхъ и многосложныхъ. Полиція, въ идеальномъ смыслѣ, по отношенію къ обществу должна являться, если такъ можно выразиться, какъ-бы провидѣніемъ, постоянно бодрствующимъ надъ нимъ, въ смыслѣ охраненія его, какъ въ цѣломъ, такъ и въ отношеніи каждой отдѣльной единицы, отъ всего, что такъ или иначе можетъ нарушить его спокойствіе и безопасность; причемъ это исправленіе должности провидѣнія должно совершаться такимъ образомъ, чтобы оно не было чувствительно для охраняемаго, для мирнаго гражданина, чтобы оно само не беспокоило, не тяготило его, и проявлялось осязательно только относительно субъектовъ, нарушающихъ законы, общественную безопасность и спокойствіе, и то лишь тогда, когда полиція приобрѣла фактическія данныя, удостоверяющія дѣйствительное нарушеніе или покушеніе на такое нарушеніе, а затѣмъ, разъ овладѣвъ такими данными, она быстро являлась бы на мѣсто, чтобы во-время предупредить преступленіе, остановить покушеніе и захватить преступника, если не на мѣстѣ, то въ его укрытіи, совершая все это безъ ненужнаго шума и грома, чтобы не тревожить напрасно не причастнаго къ дѣлу мирнаго гражданина, тихо, спокойно, и прежде всего «во имя закона». Господствующимъ надъ всѣмъ догматомъ такой полиціи должно быть убѣжденіе, что она существуетъ для общества, а не общество для нея. Повторяемъ еще разъ: понимаемое въ такомъ видѣ дѣло полиціи—дѣло трудное, требующее отъ каждаго агента ея много ума, смѣтливости, такта, терпѣнія, настойчивости, выносливости, отваги и нерѣдко самоотверженія. Все это, взятое вмѣстѣ, обусловливаетъ, понятно, извѣстный выборъ, извѣстную подготовку и испытаніе, и, натурально, соотвѣтствующее требованіямъ вознагражденіе. Если въ семь, хотя и лучшемъ, по мнѣнію философа Панглоса, мірѣ изъ всѣхъ міровъ, и невозможно создать такую безусловно идеальную полицію, то можно приблизиться къ этому идеалу болѣе или менѣе. Такого приближенія въ значительной степени достигла, какъ извѣстно, Англія и главнымъ образомъ Лондонъ. Другія европейскія государства, разумѣется, за исключеніемъ Испаніи и Турціи, хотя и отстали въ этомъ отношеніи отъ Англіи, вслѣдствіе болѣе поздняго развитія въ нихъ чувства законности, какъ результата болѣе поздняго освобожденія ихъ отъ произвола, но все-таки и они стремятся подражать ей и многого успѣли уже достигнуть

по этому предмету. У насъ же, изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ нами условій хорошей полиціи упрочилось только одно—относительно хорошее вознагражденіе. Въ одной изъ предыдущихъ книжекъ нашего журнала былъ помѣщенъ очеркъ лондонской полиціи. Если читатели наши припомнятъ указанный въ этой статьѣ размѣръ вознагражденія, получаемого агентами разныхъ степеней лондонской полиціи, и сравнить его съ размѣромъ вознагражденія соотвѣтствующаго ранга агентовъ нашей полиціи, въ столицахъ въ особенности, то они убѣдятся, что послѣдній немного уступаетъ первому, а въ нѣкоторыхъ рангахъ и вовсе не уступаетъ; что численностью наша полиція (если считать и земскую), пропорціонально населенію, превосходитъ англійскую вообще, а въ частности по сравненію Петербурга съ Лондономъ. Въ заявленіи, сдѣланномъ въ одномъ изъ декабрьскихъ засѣданій прошлаго года петербургской думы, одинъ изъ гласныхъ Шауманъ, представилъ слѣдующія интересныя цифры сравнительной стоимости полиціи въ Петербургѣ, Парижѣ и Берлинѣ. Парижъ, съ населеніемъ, безъ малаго втрое большимъ, чѣмъ Петербургъ, тратитъ на содержаніе своей полиціи и парижской команды 8.833,000 франковъ; сверхъ того, ежегодно затрачиваетъ на содержаніе окружной стражи до 730,000 франковъ, а всего до 9.563,000 франковъ; при переводѣ на наши деньги, расходы Парижа не превысятъ 2.390,750 р., т. е. на каждого жителя въ Парижѣ, при двухмиліонномъ его населеніи, приходится по 1 р. 19 к. У насъ же, въ Петербургѣ, на каждого жителя приходится расходовъ по этой статьѣ до 3 р. 27 к. сер., а если принять только ту сумму, какую тратитъ одинъ только городъ, то и тогда выйдетъ по 2 р. 37 к. на человѣка, т. е. вдвое противъ Парижа. Стоимость содержанія всей берлинской полиціи обходится до 6.441,000 марокъ, т. е. 2.132,000 р., или, при населеніи Берлина 1.080,000 душъ обоого пола, на каждого жителя приходится около 2 р. на человѣка, т. е. въ полтора раза менѣе, чѣмъ у насъ, въ Петербургѣ. Между тѣмъ требованія всѣхъ тѣхъ нравственныхъ, умственныхъ и даже физическихъ качествъ, безъ которыхъ нельзя поступить въ англійскую и даже французскую и германскую полицію въ городахъ, у насъ почти вовсе не предъявляются; относительно же подготовки и предварительныхъ испытаній нашихъ полиціантовъ, насколько намъ извѣстно, существуетъ лишь въ Петербургѣ, такъ называемый, общій резервъ, да одинъ изъ губернаторовъ въ провинціи сдѣлалъ попытку устроить школу урядниковъ. Низшій составъ нашей полиціи комплектуется главнымъ образомъ, какъ извѣстно, изъ уволенныхъ нижнихъ чиновъ, необладающихъ или невыработавшихъ себѣ всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя необходимы для порядочнаго полиціанта и которыхъ имъ невозможно преподавать, потому что сами ближайшіе и непосредственные ихъ

начальники сплошь да рядомъ не обладаютъ ими вовсе. Стоитъ только прочесть приказы по полиціи такихъ оберъ-полицеймейстеровъ, которые пытались поставить подвѣдомственную имъ полицію на надлежащую ногу, какъ, напримѣръ, генераль-адъютантъ Треповъ, генералы Козловъ въ Москвѣ и Бутурлинъ въ Варшавѣ, чтобы убѣдиться, что даже въ такихъ большихъ городахъ, гдѣ и выборъ легче, и вознагражденіе больше, чины полиціи, даже старшіе, не обладаютъ самыми элементарными понятіями о назначеніи полиціи и не только не предупреждаютъ и не прекращаютъ безпорядковъ, но своею грубостью, безтактностью и самоуправствомъ сами вызываютъ эти безпорядки и нарушенія законовъ и общественнаго благочинія. Нагляднымъ примѣромъ и пожалуй иллюстраціей высказаннаго нами положенія можетъ служить напримѣръ, разбиравшееся 3-го декабря прошлаго года, въ засѣданіи петербургскаго военно-окружнаго суда, дѣло о прапорщикѣ Колотовскомъ, обвинявшемся въ буйствѣ и оскорбленіи ударомъ по лицу полицейскаго пристава, маіора Корочева. Колотовскій нарушилъ общественное благочиніе тѣмъ, что выставился изъ окна своей квартиры на дворъ, чтобы достать поставленную на карнизъ чашку съ водой для голубей (но все равно для чего бы ни было) въ одномъ бѣльѣ, на что кѣмъ то изъ жильцовъ дома обращено было вниманіе дворника. Вслѣдствіе этого, въ квартиру офицера явились околodочный, городской и дворникъ, причемъ околodочный грубымъ своимъ обращеніемъ оскорбилъ Колотовскаго, который хотѣлъ идти съ жалобой къ приставу, но его силою не выпустили изъ квартиры. Явившійся, наконецъ, по настоящему его требованію приставъ, не давая себѣ труда выслушать офицера, пригласилъ его, вмѣстѣ съ бывшимъ у него товарищемъ, прапорщикомъ Павловскимъ, въ участокъ, куда оба офицера отправились безпрекословно. По прибытіи въ участокъ, Колотовскій попросилъ пристава пригласить, согласно закону, дежурнаго плацъ-адъютанта и подписать составленіемъ протокола. Не обративъ вниманія на эту вполне законную просьбу, приставъ ушелъ. Офицеры остались ожидать плацъ-адъютанта, и въ этомъ ожиданіи прошло около четырехъ часовъ. Вотъ впрочемъ сущность показанія Колотовскаго на судѣ, подтвержденная и судебнымъ слѣдствіемъ, о томъ, что происходило далѣе, какъ это рассказано въ отчетѣ о судебномъ засѣданіи напечатанномъ въ газетахъ (Голось 1880 г., № 346). Колотовскій, а равно и прапорщикъ Павловскій, нѣсколько разъ обращались къ околodочному надзирателю съ просьбою о приглашеніи плацъ-адъютанта или пристава, но на ихъ просьбу не было обращено никакого вниманія, вслѣдствіе чего онъ, Колотовскій, всталъ со скамейки и отправился къ двери, за которою находился приставъ; но не успѣлъ онъ еще дойти до двери, какъ изъ той комнаты появился какой-то господинъ въ штатскомъ плацѣ

и, обратясь къ нему, сказалъ: «если вы еще будете требовать пристава, то я прикажу засадить васъ въ арестантскую». Такое грубое обращеніе неизвѣстнаго ему господина еще болѣе усилило его раздраженіе, а потому онъ вторично попытался войти въ комнату пристава, чтобы объяснить ему крайне наглое обращеніе съ нимъ частнаго лица въ присутственномъ мѣстѣ. Не успѣвъ онъ подойти къ двери, какъ, по приказанію того же статскаго, онъ былъ схваченъ дворниками и городовыми, хотѣвшими втолкнуть его въ арестантскую, но, не смотря на ихъ усилія, имъ этого исполнить не удалось; вслѣдствіе чего, по приказанію того же штатскаго, потребованы были нижніе чины пожарной команды, которымъ, однако, тоже не удалось втолкнуть его въ арестантскую, гдѣ сидѣло множество разнаго званія людей. Господинъ, которому дозволили распоряжаться въ участѣ, оказался какимъ-то субъектомъ семитической породы, назвавшій себя на судѣ литераторомъ (?), но отказавшійся указать, гдѣ и въ чемъ онъ литераторствуетъ. Колотовскій, человѣкъ больной, страдающій нервнымъ расстройствомъ, что обнаружилось во время процесса и подтверждено было медицинскимъ освидѣтельствомъ экспертовъ на судѣ. Можно судить, какъ должно было подѣйствовать на него такое обращеніе съ нимъ, когда прибывшій въ участокъ, лишь въ качествѣ свидѣтеля, прапорщикъ Павловскій, до того былъ возмущенъ всѣмъ этимъ поруганіемъ званія офицера, какъ въ лицѣ товарища, такъ и его самого, что счелъ и себя не въ правѣ послѣ этого носить офицерскіе погоня, сорвавъ ихъ, и хотѣлъ самъ выбросить въ окно. Когда, по прошествіи почти четырехъ часовъ, приставъ явился наконецъ съ плацъ-адъютантомъ, то Колотовскій, не помня уже себя отъ обиды и раздраженія, подошелъ къ нему и сказалъ: что если онъ, приставъ, допускаетъ и потворствуетъ такимъ противозаконнымъ дѣйствіямъ щесвоихъ подчиненныхъ, то самъ заслуживаетъ такого же съ нимъ обращенія, вслѣдъ затѣмъ дѣйствительно нанесъ приставу ударъ по лицу. Мы, конечно, не оправдываемъ насильственнаго дѣйствія подсудимаго; но что же сказать о поведеніи во всей этой исторіи пристава, которое и здороваго человѣка могло довести до умоизступленія отъ чувства обиды, что и было признано, какъ экспертами, такъ и судомъ, по отношенію къ подсудимому. Если подобные случаи были въ Петербургѣ и по отношенію къ офицеру, то становятся совершенно понятными всѣ тѣ случаи самоуправства и разнаго рода противозаконныхъ дѣйствій провинціальной полиціи, о которыхъ ежедневно почти приходится читать въ газетахъ со всѣхъ концовъ Россіи, въ родѣ, напримѣръ, сообщаемого изъ Вильны въ газету «Новое Время» (сентябрь 1880 г.). «Одинъ изъ здѣшнихъ приставовъ, съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи, ведетъ облавы на quasi-проститутковъ, съ цѣлью снабжать ихъ офиці-

альными билетами. Этот ревнитель простеръ свою дерзость до того, что сталъ задерживать честныхъ дѣвицъ, имѣвшихъ неосторожность безъ проводника выйти на улицу, и подвергалъ ихъ медицинскому осмотру. Подъ влияніемъ такого любопытства, прикрытаго радѣніемъ о санитарныхъ интересахъ города, онъ недавно арестовалъ одну дѣвушку изъ еврейскаго семейства и подвергъ ее медицинскому осмотру. результатъ котораго хотя удовлетворилъ его любопытство, но не оправдалъ ожиданій. Такая выходка почтеннаго Держиморды получила большую огласку и вызвала сильное негодованіе въ нѣкоторыхъ кружкахъ здѣшняго общества. Родители, вступаясь за честь оскорбленной дочери, подали жалобы на пристава губернатору и прокурору судебной палаты. Рассказываютъ о многихъ потрясающихъ душу сценахъ и притѣсненіяхъ, которыми этотъ рыцарь приобрѣлъ печальную извѣстность между дамами полусвѣта. Нельзя не пожелать, чтобы исходъ подобныхъ жалобъ послужилъ внушительнымъ урокомъ для здѣшней полиціи. О подобномъ же случаѣ сообщено было въ прошломъ году «Голосу» (№ 161), изъ Одессы. «6 іюня, пишетъ корреспондентъ, въ камерѣ мирового судьи города Одессы разбиралось довольно интересное дѣло объ оскорбленіи городовыхъ дѣйствіемъ. Городовой Дурневъ, встрѣтивъ возвращавшихся изъ гостей, въ первомъ часу ночи, дѣвицъ Мемертъ, сопровождаемыхъ своимъ лакеемъ, спросилъ: «откуда такъ поздно!» За барышень отвѣтилъ лакей, что это его барышни, Мемертъ, и возвращаются изъ гостей домой. Но городской не удовольствовался отвѣтомъ и, какъ показалъ на судѣ лакей, сказалъ: «какія это барышни, это... употребивъ при этомъ непечатное слово, равносильное слову проститутка». Подойдя къ воротамъ своей квартиры, дѣвицы Мемертъ рѣшились спросить городского, почему ему интересно знать, откуда онѣ идутъ. На шумъ высочилъ братъ ихъ, Александръ Мемертъ, и ударилъ городского кулакомъ въ лицо; на свистокъ городского Дурнева прибѣжалъ другой городской, Пашенко, котораго разъяренный Мемертъ также толкнулъ въ грудь. Обвинитель со стороны полиціи настаивалъ на высшей мѣрѣ наказанія Мемерта, какъ чловѣка развитаго и привилегированнаго класса. Мировой судья приговорилъ Мемерта къ аресту на полтора мѣсяца. На заявленіе матери оскорбленныхъ дѣвицъ Мемертъ, что она желала бы, чтобы городской, такъ незаслуженно оскорбившій ея дѣтей, былъ подвергнутъ наказанію, мировой судья посовѣтовалъ ей пожаловаться полицеймейстеру, на что она возразила, что она это уже исполнила, но жалоба ея, какъ видно, оставлена безъ послѣдствій».

А вотъ еще фактъ въ городѣ всяческихъ безобразій, въ Кронштадтѣ. Полковникъ артилеріи П., проходя 20 іюня, черезъ рынокъ, увидѣлъ городского, бляха № 62, который тутъ же, на площади,

билъ матроса, сначала кулаками, а затѣмъ, поваливъ его и обнаживъ известную часть тѣла — жгутомъ. Подошедшій полковникъ приказалъ эзекуцію прекратить; но городской не унимался. Собравшаяся толпа стала умолять полковника унять городского, который постоянно неистовствуетъ и «кровянитъ» кого-нибудь. Послѣ вторичнаго приказанія полковника прекратить эзекуцію и отдать ему жгутъ, городской эзекуцію прекратилъ, но жгутъ спряталъ и предложилъ полковнику какую-то тоненькую веревочку. Лишь послѣ новаго требованія городской отдалъ жгутъ, состоявшій изъ веревки пальца въ два толщиною, съ узлами на концахъ. Толпа, столь неохотная въ Россіи до свидѣтельскихъ показаній, сама напрашивалась быть свидѣтелями.

Полковникъ возбудилъ дѣло.

При разслѣдованіи полиція обнаружила, что полковникъ совершенно неосновательно присталъ къ городскому, дергалъ его за воротникъ и вообще мѣшалъ исполненію полицейскихъ обязанностей; что городской только поднималъ матроса, а жгутъ полковникъ могъ поднять гдѣ-нибудь подъ заборомъ. Свидѣтелей, выставленныхъ полковникомъ, въ Кронштадтѣ не оказалось. Вслѣдствіе частнаго объясненія по этому дѣлу, около 10 іюля, полковникъ получилъ обѣщаніе, что городской бляха № 62-й будетъ уволенъ отъ службы.

Каково же было удивленіе полковника П., когда, проходя, 3 сентября, по городу, онъ встрѣтилъ того же городского на посту! На вопросъ полковника: «Развѣ ты состоишь на службѣ?» городской отвѣчалъ съ насмѣшкою: «А то что же? Состоимъ» и отвернулся отъ полковника.

Образчикъ тому, какъ у насъ комплектуются, иногда, блюстители общественной тишины и безопасности, наши городские даже въ Петербургѣ, находимъ, напримѣръ, въ разбравшемся 9 января въ петербургскомъ окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ, бывшихъ городскихъ пригородной полиціи Михайлова и Орлова, обвинявшихся во взятіи помощью вымогательства нѣсколькихъ фунтовъ мяса у проѣзжавшаго въ городъ крестьянина Пескова. На судѣ потерпѣвшій объяснилъ, что городские просили мяса, угрожая въ случаѣ отказа отправить его въ полицію; присяжные оправдали подсудимыхъ, но дѣло въ томъ, что на судѣ объяснились такіе безинтересные факты («Голосъ», № 11). Мясо было отобрано у подсудимыхъ, но въ полиціи исчезло безслѣдно. Между околоточнымъ Виноградовымъ и подсудимыми были какія-то неудовольствія, которымъ подсудимые приписываютъ дѣйствіе Виноградова. Далѣе выяснилось, что Михайловъ служилъ кучеромъ у полиціимейстера, откуда и по-

наль прямо въ городове, а Орловъ находился въ портерной и по протекціи какого-то околоточнаго поступилъ также городовымъ.

Всѣ городове, какъ петербургской, такъ и пригородной полиціи, грамотные, полуграмотные и совсѣмъ безграмотные, снабжаются къ руководству инструкціей, которая содержитъ въ себѣ 300 параграфовъ. Къ сожалѣнію, эта инструкція не фигурировала на судѣ и содержаніе этихъ сотенъ параграфовъ осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ въ продажѣ и вообще въ обращеніи такой инструкціи нѣтъ.

Но это мелочь, въ сравненіи съ тѣмъ, что обнаружилось на судѣ по дѣлу о такъ называемой «Золотой ручкѣ» относительно подвиговъ московской, напимѣръ, полиціи. Вотъ что говорится по этому поводу въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ московской газеты «Заря».

Рядомъ съ легендою о бывшемъ квартальномъ надзирателѣ Чумаковскомъ, сосланномъ административнымъ порядкомъ за составленіе и подбрасываніе прокламацій революціоннаго содержанія, которыя онъ самъ подбрасывалъ въ чужія квартиры и самъ же потомъ, съ вѣрно подданныческимъ чувствомъ, отыскивалъ и представлялъ по начальству, радѣя о неприкосновенности общественнаго и государственнаго строя—встаетъ передъ публикою характерный эпизодъ бриліантовой діадемы, безслѣдно исчезнувшей изъ вещей, описанныхъ и опечатанныхъ бывшимъ частнымъ приставомъ Ребровымъ. За анекдотомъ о надзирателѣ Тепловѣ, взявшемъ 500 р. изъ кудиновскихъ денегъ (Кудиновъ—одинъ изъ потерѣвшихъ) съ Кочубчика (это одинъ изъ героев-дѣятелей), слѣдуетъ назидательное повѣствованіе о томъ, какъ Софья Блювштейнъ пожертвовала 5,000 р. Неронову за то, чтобы извѣститъ надзирателя Замайскаго отъ суда.

Печально было слушать, какъ присяжный воръ Алнчиковъ, громко сознаваясь, что онъ принадлежитъ «къ числу опытныхъ и бывалыхъ московскихъ воровъ и самъ неоднократно саживалъ въ острогѣ за воровство», заявлялъ открыто, что дѣло противъ Бромберга ведено было московскою полиціею съ такою вопіющею несправедливостію что его честная душа была этимъ возмущена»; какъ бывший сыщикъ Толстиковъ, въ длинной и обстоятельной рѣчи, доказывалъ, что паспортъ въ Москвѣ—вещь вовсе ненужная и бесполезная; какъ, наконецъ, сама «Золотая ручка», выведенная изъ тергінія, наотрѣзъ объявляла, что если-бы она и дѣйствительно крада нѣсколько лѣтъ сряду, то и тогда ей едва-ли удалось бы набрать столько, сколько было взято, украдено и подъ угрозами выманено у нея.

О несостоятельности нашей паспортной системы, о томъ, что стѣсняя честныхъ людей, она помогаетъ только неуловимости мошенниковъ и мазуриковъ, благодаря чисто формальному отношенію полиціи къ дѣлу, мы говорили уже не разъ и повторять не будемъ; укажемъ лишь на при-

мѣръ того, какъ сама полиція относится иногда въ розыску разныхъ лицъ («Заря» 1880 г., № 357). Въ засѣданіи уголовного отдѣленія черниговскаго окружнаго суда, 10 декабря, разсматривалось уголовное дѣло о крестьянахъ Трофимѣ и Маркѣ Кошарныхъ, обвинявшихся въ кражѣ. Въ числѣ прочихъ свидѣтелей судомъ вызывался свидѣтель Семенъ Ивановъ Хоменко, имѣвшій мѣстожителство въ Черниговѣ, показаніе котораго было очень существенно для разрѣшенія дѣла. Хоменко въ судъ въ слушанію не явился, такъ какъ ему не была вручена повѣстка за нерозысканіемъ его, что видно изъ донесенія суду черниговскаго полицеймейстера, отъ 25 ноября за № 2476. Что же оказывается на самомъ дѣлѣ? Хоменко служитъ въ полицейскомъ же управленіи разсылнымъ и 10 же декабря приходилъ въ судъ съ пакетами.

То, что мы говорили о городской полиціи, съ такою же справедливостью можно сказать и о сельской, насколько она осуществляется въ учрежденіи пресловутыхъ сельскихъ урядниковъ. Возникшее въ самый разгаръ реакціи учрежденіе это, потребовавшее отъ государства значительныхъ затратъ, предназначено было главнымъ образомъ розыскивать, открывать и преслѣдовать всѣ неблагонадежные элементы въ политическомъ отношеніи (а кто же въ то время признавался благонадежнымъ, кромѣ Разуваевыхъ и Колушаевыхъ), тащіяся внутри государства, въ глубинѣ нашей провинціи, въ средѣ нашего мирнаго, ультра-консервативнаго народа, а затѣмъ уже для исполненія общихъ полицейскихъ обязанностей. Урядники, по мысли изобрѣтателя, должны были служить правою рукою становаго и головою обыкновенной сельской полиціи. Это было подражаніе учрежденію земской стражи въ Привислянскомъ краѣ, но съ особою завязкою, которая неизбѣжно должна была дать этой копіи совершенно иной характеръ. Относительно хорошее содержаніе и широкія права вѣдѣнія и вмѣшательства, которыя предоставлены были сельскимъ урядникамъ ихъ всеобъемлющей инструкціей, должны были привлечь на эту службу тотъ особый родъ разночинцевъ полуграмотнаго изъ мѣщанъ пролетаріата, которымъ комплектовался составъ писцовъ въ провинціальныхъ канцеляріяхъ всякаго рода и волостныхъ правленій, и который не годенъ ни для какого другаго дѣла; такъ это въ значительной степени и случилось, чего впрочемъ и слѣдовало ожидать, по неизбѣжнѣ въ нашей провинціи другаго, подходящаго для подобной службы элемента, кромѣ отставныхъ и запасныхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ, изъ которыхъ также комплектовался составъ урядниковъ.

Не смотря на это, творцы новаго учрежденія почему-то ожидали отъ него большой пользы, дѣлѣяли его съ отеческою заботли-

востью и старались привлечь къ нему сочувствіе общества, въ видахъ чего полтора — два столбца правительственнаго органа ежедневно наполнялись сообщеніями о подвигахъ сельскихъ урядниковъ на поприщѣ удачнаго преслѣдованія порока и защиты добродѣтели, между тѣмъ, какъ земству и печати возбранено было всякое оказаніе оборотной стороны медали, какъ не позволительное колебаніе основъ. Хотя такимъ способомъ обществу предъявлялась одна лицевая сторона дѣла, но, насколько извѣстно, она никого не приводила въ особенное умиленіе, не говоря о томъ, что шила въ мѣшкѣ не утаишь, и слухами земля полнится. Даже и тѣ, до кого не достигали эти слухи, читая въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» ежедневную порцію урядниціады, недоумѣвали, почему самое простое, элементарное исполненіе своихъ обязанностей сельскими урядниками вносится въ отечественныя официальныя лѣтописи во всенародныя свѣдѣнія и на память и въ назиданіе потомству, а однородная дѣятельность городскихъ и околоточныхъ, а въ послѣдствіи и дворниковъ (когда они были также возведены въ санъ охранителей), лишена этого преимущества. Но вотъ перемѣнился не много вѣтеръ, перевернулась медаль. Съ новымъ временемъ отовсюду раздались новыя пѣсни и объ урядникахъ. Извѣстія о подвигахъ сельскихъ урядниковъ стали появляться на столбцахъ частныхъ газетъ, но подвиги эти оказались уже совершенно инаго характера. Изъ множества извѣстій этого новаго рода беремъ на выдержку нѣсколько, не выбирая даже особенно характерныхъ. Изъ села Киногрусть, Екатеринославской губерніи, пишутъ («С.-Петербургскія Вѣдомости» 1880 г., № 341): Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1880 года, крестьянинъ Иванъ Гаркуша съ дочкою своею 12-лѣтней везъ, по заходѣ солнца, гречку со степи своего ближайшаго сосѣда, у котораго онъ сѣялъ ее съ копны. Подъѣзжая къ мосточку рѣки Грушевки, которая находится въ 100 саженихъ отъ его уже двора и хаты, онъ былъ достигнутъ мѣстнымъ урядникомъ — Почтой, который, «ни съ сего, ни съ того», началъ не печатными словами страшно ругать его и обзывать «воромъ», подлецомъ и проч. Мужичекъ, снявши шапку предъ нимъ, какъ самъ рассказывалъ, смиренно кланялся и оправдывался предъ нимъ, что это его собственная гречка и что, «якъ вы сами же знаете, отъ же недалеко и моя хата». Урядникъ, распалившись, въ изступленіи, бранился и кричалъ: врешь, врешь, врешь, стой! стой! а тебя застрѣлю! и вынималъ свою шапку. Потерявшись, мужикъ распрегъ воловъ и, оставивъ дочечку около воза, самъ отбѣжалъ нѣсколько и началъ, испугавшись, кричать: Караулъ! Караулъ! Ратуйте! Ратуйте! Неподалеку, на току ближайшаго его сосѣда, были молотники, которые на крикъ такой послали, наскоро, одного товарища своего Лампада Шевченка, полагая, что Иванъ Гаркуша, котораго видѣли везшимъ свою гречку и

бравшимъ ее около нихъ неподалеку, переверотился на мосточкѣ и нуждается поэтому въ скорой помощи, а можетъ быть гречка, бывшая на возѣ, и придавила даже его дочку. Шевченко, схвативъ на току вилки, прибѣжалъ къ возу Ивана. Разсвирѣпѣвшій урядникъ напалъ на сего послѣдняго, бранилъ его ужасно и, въ азартѣ, нанесъ ему саблею ударъ прямо въ голову, отъ котораго несчастный и смиреннѣйшій мужичекъ Шевченко упалъ на землю безъ чувствъ, зарывъ неестественно, ратуйте! Дѣвочка, въ очахъ которой этотъ ужасъ совершился, закричала неистово: «Караулъ! Караулъ! Урядникъ зарывъ дядька, и онъ! онъ! покуравъ по дорожке, на коняца верхи». Сбѣжались на этотъ крикъ люди съ отцемъ ея. Увидѣвъ лежащаго безъ чувствъ Шевченко, съ залитымъ кровью лицомъ, они подняли его и понесли на своихъ рукахъ въ хату. Сначала рану, глубоко разсѣченную и страшно зиявшую (онъ лысой былъ) посрединѣ головы, заложили мягкимъ хлѣбомъ, чтобы не лилась кровь, а потомъ уже отвезли несчастнаго въ его деревню и хатку, гдѣ, благодаря участію другихъ мужичковъ, подана была ему даже помощь земскаго врача, неподалеко живущаго, и сдѣланъ актъ «о положеніи пострадавшаго». Пострадавшій Л. Шевченко, при поразительномъ своемъ убожествѣ, имѣетъ четырехъ малолѣтнихъ дѣтей, которыя, въ продолженіи 3 недѣль его болѣзни, оставались почти безъ куса хлѣба, такъ какъ отецъ кормилъ ихъ ежедневными заработками своими.

Изъ Вальны сообщаютъ («Голось» 1880 г., № 341), что 9 ноября, въ семи верстахъ отъ города, въ мѣстности Кальварія случилось слѣдующее: молодая пара крестьянъ обвѣнчалась и отправилась со своими гостями въ ближайшую корчму закусить, причемъ, по обыкновенію игралъ на скрипкѣ приглашенный ими музыкантъ, крестьянинъ Пчеловскій. Въ два часа дня является въ корчму урядникъ Толочко и запрещаетъ играть. Крестьяне не послушались, тогда урядникъ схватилъ скрипку; крестьяне же окружили, отняли скрипку и вытолкали урядника изъ корчмы. Урядникъ, желая отмстить, вошелъ опять въ корчму и выстрѣлилъ изъ пистолета въ толпу, попавъ пулею въ плечо музыканту Пчеловскому, который спокойно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ. Крестьяне бросились колотить урядника, выбѣжавшаго на дворъ и только сильныя увѣщанія нѣсколькихъ лицъ изъ мѣстной интеллигенціи, туда явившихся, успѣли удержать крестьянъ и спасти урядника отъ гибели. Несчастнаго, избитаго урядника тотчасъ отвезли въ госпиталь, но жизнь его еще въ опасности.

Изъ Юрьева-Повольскаго Костромской губерніи, («Русскій Курьеръ», 1880 г. № 316) пишутъ, что тамъ надняхъ разбиралось дѣло о взыточничествѣ бывшаго урядника Бѣлорусскаго. Судъ приговорилъ сослать его въ Архангельскую губернію на одинъ годъ.

Вотъ еще нѣсколько фактовъ про нашихъ урядниковъ. Недавно нѣкто П., находясь при ревизіи сокольскаго питейнаго дома, былъ подвергнутъ аресту въ волостномъ правленіи и путешествовалъ подъ конвоемъ въ село Ковернино, Макарьевскаго уѣзда, какъ бродяга, по приказанію сокольскаго урядника, и все изъ-за того, что П. не хотѣлъ кутить съ урядникомъ и попросилъ его выйти изъ питейнаго дома, такъ какъ это было уже въ 11 часовъ вечера.

Этотъ же самый урядникъ нанесъ своей «сельдей» (по мѣстному выраженію) четыре раны, изъ коихъ двѣ по головѣ, сокольскому крестьянину Рыбочкину.

Изъ Житомира («Порядокъ», № 10) пишутъ: Конокрадство при урядникахъ усилилось до неслыханныхъ размѣровъ. Конокрадъ для урядника—богатая доходная статья. Самъ видѣлъ, передавалъ мнѣ мужикъ, какъ урядникъ Г. взялъ съ пойманнаго конокрада 40 р., пустилъ его на свободу и пошелъ въ кабакъ, гдѣ пропьянствовалъ двое сутокъ. Составляемые протоколы урядники продаютъ обвиняемымъ за 3, 4 и 5 р. Словомъ сказать, урядники обираютъ деревенскій народъ, какъ только возможно.

Изъ Щигровскаго уѣзда сообщаютъ («Голосъ» 1881 г., № 12): «Урядникъ С. Росоховецъ принялъ на себя роль судьи: разбираетъ мелкія дѣла крестьянъ на бумагѣ, принимаетъ прошенія и нерѣдко вызываетъ тяжущихся повѣствами къ себѣ въ квартиру. 12 декабря, онъ сильно побилъ крестьянина, 60-лѣтняго старика Доримедонта Титова, по слѣдующему поводу: 9 ноября, старикъ возвращался домой изъ гостей, выпивши. Проѣзжая мимо одного двора въ селѣ, онъ зацѣпилъ за дерево и сломалъ его. Потерпѣвшій пожаловался уряднику, который, пріѣхавъ въ деревню Ковалевку, призвалъ Титова въ домъ сельскаго старосты и здѣсь учинилъ съ нимъ короткую расправу: схватилъ его за волосы, повалилъ на землю и въ такомъ положеніи началъ таскать по избѣ, затѣмъ, началъ бить его кулаками и топтать каблуками, а въ заключеніе крестьянинъ присужденъ былъ тѣмъ же судьей заплатить за сломанное дерево одинъ рубль. Послѣ такого «поученія» старикъ причастился св. таинъ и вообще чувствуетъ себя плохо. Жалобы на этого судью-урядника корреспонденту заявляли и крестьяне деревни Сидѣловой, гдѣ онъ, напримѣръ, безъ всякой причины «избилъ саблею» крестьянина Цвѣтова. Фамилія урядника Юрьевъ.

Изъ Петербургскаго уѣзда, газетѣ «Недѣля» пишутъ: 6 января урядникъ перваго стана, Ивановъ, былъ приглашенъ въ село Усть-Славянку для прекращенія шума среди мѣстныхъ крестьянъ. Въ видахъ умиротворенія, урядникъ обнажилъ шашку, и результаты вышли крайне печальныя: крестьяне села Усть-Славянки Ва-

силій Николаевъ Комаровъ, Павелъ Николаевъ Комаровъ и крестьянинъ села Рыбацкаго, Петръ Брюховъ оказались весьма серьезно раненными урядникомъ Ивановымъ, причеиъ у Василя Комарова разбитъ черепъ и головныя покровы, а у Павла Комарова отрубленъ большой палецъ лѣвой руки, такъ что приглашенный для оказанія пострадавшимъ медицинской помощи врачъ призналъ необходимымъ совершенное отнятіе пальца. У Брюхова оказались доскутныя раны трехъ пальцевъ лѣвой кисти. Василій и Павелъ Комаровы помѣщены для пользованія въ усть-ижорскую больницу. По мнѣнію врача, жизни Василя Комарова угрожаетъ опасность отъ могущаго произойти воспаленія мозговыхъ оболочекъ и вещества мозга. Эти факты подтверждены официальнымъ документомъ.

Наконецъ, изъ того же Житомира сообщаютъ («Порядокъ», № 20): Урядникъ—ближайшая причина деревенскаго бездоля, говоритъ корреспондентъ. Честный человекъ повседневно терпитъ отъ урядниковъ всевозможныя придиранья, а отъявленный и завѣдомый воръ пользуется его покровительствомъ. Недавно крестьяне поймали въ деревнѣ вора, обокравшаго церковь. Когда начали снимать съ этого вора допросъ, онъ чистосердечно объяснилъ, что урядникъ (нынѣ уволенный отъ должности) разрѣшилъ ему красть, съ тѣмъ условіемъ, чтобы пойманный воръ возилъ его, урядника, во всякое время дня и ночи по участку.

Но, скажутъ намъ, можно ли вѣрить всѣмъ этимъ: пишутъ, сообщаютъ, увѣдомляютъ? И кто они, эти писатели провинціальныхъ корреспонденцій? Можетъ быть всѣ эти извѣстія, не болѣе какъ клевета на прекрасное учрежденіе сельскихъ урядниковъ, измышленная людьми неблагонамѣренными, въ пику начальству и по злобѣ преслѣдующихъ всякую неблагонамѣренность урядниковъ, а газеты наши, со своею привычною имъ ядовитостію и легкомысліемъ, даютъ мѣсто на столбцахъ своихъ этимъ клеветамъ, въ подрывъ столь блистательно установленной «Правительственнымъ Вѣстникомъ» репутаціи урядниковъ. Можетъ быть, можетъ быть, государи мои, спорить съ вами не будемъ; тѣмъ болѣе, что и намъ не безъизвѣстно, что еще со временъ Авеля добродѣтель всегда подвергалась на землѣ гоненію отъ неблагонамѣренныхъ Каиновъ. Оставимъ же въ сторонѣ сообщенія газетъ и послушаемъ, что говорятъ земства, какъ они атестуютъ этотъ институтъ сельскихъ урядниковъ. Рѣчь о немъ не разъ подымалась, какъ извѣстно, въ послѣднихъ земскихъ собраніяхъ и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ возбужденъ былъ вопросъ о ходатайствѣ предъ правительствомъ о совершенномъ упраздненіи этого института. Въ тверскомъ земствѣ состоялось даже о томъ постановленіе, причеиъ высказано

было, что учрежденіе полицейскихъ сельскихъ урядниковъ, стоя населенію очень дорого, не только не приноситъ пользы, но деморализуетъ это населеніе. Столь же категорически высказалось о сельскихъ урядникахъ и петербургское губернское земское собраніе въ засѣданіи 9 января. Въ этомъ засѣданіи также было заявлено объ обременительности для народа института полицейскихъ урядниковъ, одно квартирное довольствіе которыхъ составляетъ налогъ въ 6,000 р., и затѣмъ внесено было предложеніе ходатайствовать передъ правительствомъ объ упраздненіи должности полицейскихъ урядниковъ, какъ учрежденія не только бесполезнаго, но даже вреднаго, а между тѣмъ, вызывающаго со стороны земства и населенія губерніи значительные, непроизводительные расходы. Двое изъ гласныхъ, какъ представители мирового судебного учрежденія, горячо поддерживали это предложеніе, заявивъ собранію, что институтъ урядниковъ комплектуется безграмотными и очень мало развитыми лицами, которымъ, однако, по инструкціи, предоставлены широкія права и власть, какъ на примѣръ, лишеніе свободы по ихъ личному усмотрѣнію, вслѣдствіе чего очень часто бываетъ, что преступленія и проступки, влекущіе за собою весьма незначительное взысканіе, въ родѣ выговора, уже равнѣ того наказываются урядниками арестами, продолжающимися иногда нѣсколько дней; протоколы, составляемые этими лицами, кромѣ безграмотности и неясности, страдаютъ нерѣдко полнымъ отсутствіемъ оснований и уликъ и непониманіемъ составителями ихъ своихъ обязанностей. Большинство уѣздныхъ гласныхъ, которымъ приходилось лично имѣть дѣло съ институтомъ урядниковъ, высказалось также въ смыслѣ его бесполезности. Въ виду важности и серьезности вопроса, собраніе постановило: предварительно ходатайства объ упраздненіи должностей урядниковъ, собрать о дѣятельности ихъ подробныя свѣдѣнія и заключенія отъ уѣздныхъ земскихъ собраній. («Голосъ», № 11). Надѣмся, что земства нельзя же заподозрить въ неблагонамѣренности, легкомыслии и желаніи дѣйствовать только въ пику начальству. Предвидимъ, однако, что найдутся, быть можетъ, господа, которые отвѣтятъ намъ: «почему же и нельзя? Должно даже!» Не даромъ же это земство еще недавно отдано было подъ надзоръ администраціи, а слѣдовательно, до извѣстной степени, и сельскихъ урядниковъ, какъ органовъ той же администраціи, если не прямо *in cogroge*, то въ отдѣльности относительно каждаго земства, а потому земство едва ли можетъ быть признано компетентнымъ судьей въ этомъ дѣлѣ. Но, если это такъ, то, быть можетъ, подобные господа повѣрятъ самой администраціи; а вотъ что одинъ изъ высшихъ провинціальныхъ представителей этой администраціи говоритъ о сельскихъ урядникахъ, именно, исправляющій должность ковенскаго губернатора, въ

циркулярѣ своемъ уѣзднымъ исправникамъ отъ 27 января сего 1881 года, опубликованномъ въ мѣстномъ официальномъ органѣ «Ковенскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ». «Втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, протекшихъ со времени вступленія моего въ управленіе губерніей, узналъ я о многихъ весьма грустныхъ фактахъ дѣятельности полицейскихъ урядниковъ. Возможность частаго повторенія со стороны урядниковъ случаевъ безобразнаго пьянства, буйства и т. п. проступковъ доказываетъ двѣ вещи: 1) что при выборѣ личнаго состава урядниковъ было мало обращено вниманія на качества назначаемыхъ и 2) что за служебною дѣятельностью урядниковъ гг. исправники и помощники ихъ не слѣдятъ съ должнымъ вниманіемъ и къ проступкамъ ихъ не относятся съ должною строгостью.

«Возмутительное происшествіе, бывшее 25 января, въ Поневѣжѣ, вынуждаетъ меня принять энергичныя мѣры къ безотлагательному прекращенію столь частыхъ безчинствъ урядниковъ, а потому покорнѣйше прошу гг. исправниковъ, втеченіи трехъ дней отъ полученія этого циркуляра, представить мнѣ именныя списки тѣхъ изъ урядниковъ, поступки которыхъ исправники не могутъ принять на свою отвѣтственность.

«Худшихъ изъ упоминаемыхъ урядниковъ предлагаю немедленно устранить отъ исправленія ими служебныхъ обязанностей. Прошу гг. исправниковъ, при буквальной исполненіи этого распоряженія, насколько не стѣсняться тѣмъ, что многія изъ должностей урядниковъ могутъ остаться, по неизмѣннѣю надежныхъ кандидатовъ, незанятыми. Какъ для цѣлей правительства, такъ и неминуемо связанныхъ съ ними интересовъ населенія, гораздо выгоднѣе не имѣть штатнаго числа полицейскихъ служителей, чѣмъ мѣста ихъ замѣщать пьяницами, мошенниками и разбойниками».

Можно съ достаточною достовѣрностью сказать, что циркуляръ этотъ годится не для одной Ковенской губерніи и съ таковыми же по меньшей мѣрѣ основаніемъ можетъ быть обнародованъ въ вѣдомостяхъ всѣхъ тѣхъ губерній, въ которыхъ существуетъ институтъ полицейскихъ урядниковъ, такъ какъ приведенные въ циркулярѣ два обвинительные пункта съ одинаковою справедливостью могутъ быть примѣнены ко всѣмъ губерніямъ. Вопросъ слѣдовательно сводится лишь къ тому, въ какой степени возможно устраненіе заключающихся въ этихъ пунктахъ обвиненій? Лучшій выборъ людей на должность полицейскихъ урядниковъ, конечно, возможенъ, но достаточно труденъ, въ виду вышеуказаннаго нами характера той среды, изъ которой, главнымъ образомъ, комплектуются урядники. Что же касается до правильнаго направленія служебной дѣятельности урядниковъ и строгаго наблюденія за этою дѣятельностью со стороны исправниковъ и

становыхъ приставовъ, то для этого необходимо прежде всего, чтобы сами эти представители полицейской власти въ своей собственной служебной дѣятельности служили для урядниковъ примѣромъ строгой законности, что, какъ извѣстно, далеко не представляетъ у насъ явленія общаго и повсемѣстнаго, а къ сожалѣнію, нерѣдко бываетъ совершенно напротивъ. Такъ напримѣръ, по словамъ «Саратовскаго Листка» (№ 20), въ саратовской судебной палатѣ въ непродолжительномъ времени должно слушаться дѣло о бывшемъ балашевскомъ, а теперь аткарскомъ уѣздномъ исправникѣ, на время слѣдствія и суда отстраненномъ отъ должности и обвиняемомъ въ томъ, что, въ 1870 году, при отправленіи должности балашевскаго исправника, для побужденія крестьянъ сельца Сергіевки, Балашевскаго уѣзда, къ переселенію, онъ отобралъ у нихъ, въ маѣ того года, окна, двери и ворота, которыя были, по его распоряженію, возвращены крестьянамъ только въ декабрѣ, причемъ онъ же, исправникъ, по отобраніи оконъ, дверей и воротъ, обязалъ мѣстнаго старосту, подъ страхомъ строгой отвѣтственности, наблюдать, чтобы окна ничѣмъ не завѣшивались, а двери и ворота не огораживались. Съ другой стороны, изъ Новомосковска, Екатеринославской губерніи, газетѣ «Южный Край» сообщаютъ, «что въ Знаменской волости живетъ отставной солдатъ Тесленко, который былъ въ числѣ нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи финляндскаго полка, пострадавшихъ во время взрыва въ зимнемъ дворцѣ, и вслѣдствіе этого, былъ не только уволенъ въ отставку, но въ награду ему дано изъ числа пожертвованныхъ денегъ около 800 р. билетами 2-го восточнаго займа. «Деньги были высланы черезъ губернатора, который поручилъ уѣздному исправнику передать эту сумму Тесленко; но исправникъ распорядился иначе. Онъ предложилъ солдату обмѣнять эти билеты на деньги, при помощи одного купца; солдатъ согласился. Проходитъ недѣля, другая, а денегъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Солдатъ является въ исправнику; тотъ объявляетъ ему, что купецъ далъ только часть денегъ, а остальныя уплатить не прежде, какъ черезъ годъ; въ обезпеченіе же этого, исправникъ выдаетъ ему на свое имя вексель. Солдатъ сначала согласился, но потомъ, какъ человѣкъ бывалый, успѣлъ узнать, что билеты его проданы тѣмъ же исправникомъ купцу Б., деньги за нихъ сейчасъ же получены исправникомъ, и что наднакъ исправникъ крѣпко проигрался въ мѣстномъ клубѣ. Тогда солдатъ обращается къ мѣстному воинскому начальнику и подаетъ ему прошеніе, налагая въ немъ все вышепроеписанное, съ присовокупленіемъ векселя. Воинскій начальникъ направилъ дѣло по начальству. Послѣ этого исправникъ былъ вызванъ въ Екатеринославъ и, говорятъ, сталъ было толковать о превратностяхъ міра сего и готовить прошеніе объ отставкѣ;

по не тутъ-то было! Нашлись мѣстные тузы, которые покровительствуютъ издавна исправнику, и теперь ходатайствуютъ по начальству предложить гнѣвъ на милость и посмотрѣть на все дѣло, какъ на новый способъ займа денегъ, при условіяхъ неоплатности долговъ. Тогда ужь пусть помогаютъ они и въ такомъ случаѣ, если одно изъ крестьянскихъ обществъ не побоятся заявить кому слѣдуетъ, что оно передало исправнику внести въ казначейство 2,000 р., а внесено только 1,700 р., остальные же 300 р. вотъ уже два года какъ не вносятся за общество».

Въ первомъ изъ этихъ интересныхъ примѣровъ особенно обращаетъ на себя вниманіе то, что совершившій такой подвигъ исправникъ, лишь черезъ 10 лѣтъ, и то, вѣроятно, вслѣдствіе измѣнившихся нынѣ обстоятельствъ является на скамьѣ подсудимыхъ; въ свое же время высшая административная власть въ губерніи и далѣе не сочла нужнымъ удалить его отъ службы, а только перевела его въ другой уѣздъ на ту же должность, а дѣлу о его подвигѣ, видимо, не давали хода и старались замаять его. Иначе, по крайней мѣрѣ, нельзя объяснить себѣ десятилѣтнюю давность между преступленіемъ и судомъ. На этомъ примѣрѣ мы ясно видимъ подтвержденіе вышеприведенной нами пословицы: «каковъ погъ, таковъ и приходъ». Губернская администрація потворствуетъ противозаконнымъ дѣйствіямъ исправника, этотъ послѣдній, естественно, въ томъ же духѣ относится къ становымъ, а тѣ къ урядникамъ. Приведемъ еще примѣръ: къ становому приставу, въ селѣ Каменѣ, Самарскаго уѣзда («Голосъ» 1880 г., № 243) въ началѣ августа прошлаго года, приведенъ былъ, избитый въ драгѣ крестьянинъ Федоръ Самсоновъ, весь въ крови, и доставившая его толпа заявила, что онъ покушался на убійство. Въ дѣйствительности ничего подобнаго не было, какъ это оказалось по произведенному судебному слѣдствію, а избить былъ приведенный крестьянинъ просто во время ссоры съ другимъ односельцемъ, съ которымъ у него была тяжба изъ-за двороваго мѣста. Не разобравъ, въ чемъ дѣло, становой приставъ отдалъ приказаніе немедленно посадить избитаго и связаннаго крестьянина въ кутузку, не смотря на то, что тотъ отъ полученныхъ имъ увѣчій не могъ держаться на ногахъ. Несчастнаго посадили; но, по прошествіи нѣкотораго времени, сторожъ, находившійся при кутузкѣ, доложилъ становому, что арестованный истекаетъ кровью и его опасно оставлять съ связанными руками. Тогда послѣдовалъ приказъ: руки арестанту развязать, но посадить его на цѣпь. Буйная толпа, избившая крестьянина, не удовлетворилась, однако, его арестомъ, а обратилась къ становому съ просьбою посадить въ кутузку и жену Самсонова, которая, будто бы, нарушаетъ общественную тишину своимъ плачемъ и жалобами на жестокую расправу съ

ея мужемъ. По приказанію становаго, эту женщину, вмѣстѣ съ тремя малолѣтними дѣтьми, также сажаютъ въ кутузку, по сосѣдству съ мѣстомъ заключенія ея мужа. Изъ-за тонкой перегородки до нея доносятся стоны мужа, а маленький сынъ ея въ щель видитъ прикованнаго отца и съ плачемъ сообщаетъ о томъ матери. Потрясенная нравственно и физически измученная женщина падаетъ въ обморокъ. Въ утру становому доносятъ, что Самсоновъ умираетъ. Тогда сынъ становаго, студентъ-медикъ пятаго курса, который еще наканунѣ присутствовалъ безъ всякаго протеста при распоряженіяхъ своего отца, отправляется въ кутузку и велитъ снять цѣпи съ полумертваго крестьянина. «Снять-то снимемъ, замѣчаетъ при этомъ старакъ-сторожъ,—но не поздно-ли, ваше благородіе?» И дѣйствительно, оказалось поздно, такъ какъ тутъ же, на глазахъ молодаго эскулапа, крестьянинъ покончилъ расчетъ съ жизнью. Не на шутку встревоженный такою развязкою, становой сдѣлалъ распоряженіе, чтобы немедленно вынести изъ кутузки мертвое тѣло и слѣды крови замить, а вмѣстѣ съ тѣмъ довелъ до свѣдѣнія судебного слѣдователя о смерти крестьянина, какъ результатъ уличной драки. Слѣдователь, до котораго сообщеніе это, по счастливой случайности, дошло довольно скоро, немедленно прибылъ на мѣсто и здѣсь безъ труда обнаружилъ, какъ въ дѣйствительности происходило все дѣло. Между прочимъ, было удостовѣрено, что сажаніе на цѣпи арестантовъ есть одинъ изъ излюбленныхъ приемовъ истязанія мѣстнаго блюстителя общественнаго порядка, и на всякъ, въ который вбивался гвоздь отъ цѣпи, оказалось множество слѣдовъ этой операци, не смотря на то, что станова квартира въ Каменку была переведена всего за нѣсколько мѣсяцевъ до этого происшествія. Становой поспѣшилъ подать въ отставку, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдовало предложеніе г. прокурора о преданіи его суду за незаконное лишеніе свободы, послѣдствіемъ котораго была смерть заключеннаго. Ходятъ слухи, однако, что родственники и друзья обвиняемаго, занимающіе довольно видныя посты въ губернской администраціи, употребляютъ всѣ усилія, чтобы спасти „роднаго человѣка“ отъ преданія суду. Сообщенный фактъ, случившійся въ 46 верстахъ отъ губернскаго города и въ уѣздѣ, исправникъ котораго считается мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ образцовымъ, вполне достаточенъ, чтобы перевѣсить собою всѣ тѣ подвиги полицейскихъ урядниковъ по раскрытію разныхъ мелкихъ преступленій, описаніемъ которыхъ наполнялись, въ послѣдніе два года, столбцы «Правительственнаго Вѣстника».

Въ засѣданіи очереднаго земскаго собранія Ростовскаго уѣзда, Смоленской губерніи, гласный, г. Пригоровскій просилъ земское собраніе обратить вниманіе на незаконныя дѣйствія становаго приставовъ по отноше-

нію къ приставленнымъ къ нимъ разсылнымъ изъ крестьянъ, которыхъ становые употребляютъ въ качествѣ лакеевъ и чернорабочихъ. Вмѣсто разноски почты—прямой своей обязанности, разсылные чистятъ становымъ сапоги, платье, метутъ полы, ходятъ за разными покупками, сидятъ на возлахъ вмѣсто кучеровъ, короче сказать, исполняютъ всякую домашнюю работу. Оказывается, что въ разсылные нерѣдко назначаются все одни и тѣ же крестьяне по нѣскольку разъ, недѣли на двѣ, на три, такъ какъ болѣе зажиточные крестьяне всегда имѣютъ возможность такъ или иначе уклониться отъ исполненія этой повинности. Содержаніе земской полиціи вмѣстѣ съ становыми стоитъ нашему земству до 5,000 р., изъ коней на одни разъѣзды 4 становымъ и 2 слѣдователямъ назначается 2,900 р., т. е. втрое болѣе, нежели сколько тратитъ земство на народное образованіе. На эти деньги можно было бы становымъ держать при себѣ наемныхъ разсылныхъ, а не отрывать крестьянъ отъ работъ, да еще заставлять ихъ исполнять не относящіяся къ дѣлу обязанности («Молва», 1880 г., № 342). Понятно, что ни о какой дисциплинѣ, ни о какомъ контролѣ надъ дѣятельностью урядниковъ не можетъ быть рѣчи тамъ, гдѣ непосредственные начальники и руководители ихъ сами подають имъ примѣръ пренебреженія закона. А между тѣмъ отъ качества дѣятельности администраціи вообще и полиціи въ частности зависитъ спокойствіе и благосостояніе народа и весьма много мирное теченіе всей государственной жизни. У насъ нерѣдко на скамьѣ подсудимыхъ являются цѣлыя толпы сѣраго люда крестьянъ, подъ гнетомъ тяжкаго обвиненія въ сопротивленіи властямъ, влекуція, по законамъ, столь тяжкія уголовныя наказанія — ссылку въ каторгу и на поселеніе. Къ счастью, и къ чести новаго суда, большая часть этихъ громкихъ, по обвиненію, процессовъ кончается оправданіемъ большинства подсудимыхъ и болѣе или менѣе умѣренными исправительными взысканіями главныхъ виновныхъ. Станнымъ кажется, какимъ образомъ нашъ смиренный, запуганный, привыкшій къ крайней покорности всякой власти, народъ, негоняющійся за тычкомъ, исполняющій безпрекословно сплошь и рядомъ самыя незаконныя требованія самыхъ мелкихъ агентовъ этой власти,—какимъ образомъ этотъ народъ оказывается вдругъ бунтовщикомъ противъ этой власти! Неудивительно, что извѣстія о подобнаго рода бунтахъ и явныхъ сопротивленіяхъ властямъ принимаются въ обществѣ съ большимъ недоумѣніемъ. И дѣйствительно, читая отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ по дѣламъ подобнаго рода, большею частью приходится убѣждаться, что всѣ эти бунты являются послѣдствіемъ неумѣстности, нераспорядительности, если не злоупотребленія со стороны мѣстной администраціи, и невѣдѣнія или недоразумѣнія со стороны темнаго сѣраго

люда. Возьмите, напримѣръ, дѣло, разсматривавшееся особымъ отдѣленіемъ петербургской судебной палаты съ участіемъ присяжныхъ, 10 ноября прошлаго года, въ Великихъ Лукахъ. Обвинялась цѣлая толпа крестьянъ деревни Щетинино въ сопротивленіи взысканію съ нихъ въ пользу помѣщика фонъ-Роопъ 450 р. по исполнительному листу и въ нанесеніи, яко-бы, побоевъ агентамъ полиціи. Изъ напечатаннаго отчета объ этомъ процесѣ («Голосъ» 1880 г., №№ 320 и 321) видно, что на судѣ, изъ показаній великолупцаго уѣзднаго предводителя дворянства Алексѣева, мѣстнаго исправника Лялина, становаго пристава Глушкова, судебного пристава Нелединскаго и другихъ свидѣтелей, выяснилось, между прочимъ, что основною причиною недоразумѣній, возникшихъ между фонъ-Роопъ, съ одной стороны, и крестьянами—съ другой, было неправильное врученіе становымъ приставомъ Глушковымъ плана, присланнаго для врученія владѣльцу имѣнія въ 1877 году изъ межевой канцеляріи. До обнаруженія положенія 19-го февраля 1861 года крестьяне, по ихъ словамъ, пользовались всею землею, составлявшею имѣніе. По введеніи уставной грамоты крестьяне были недовольны надѣломъ и постоянно обращались съ жалобами на недостатокъ и неудобство надѣльной земли. По этимъ жалобамъ не послѣдовало никакихъ надлежащихъ распоряженій и даже отвѣтовъ; самой уставной грамоты и плана на надѣлъ свой крестьяне не имѣли. При такомъ положеніи дѣла, въ 1877 году, слѣдовательно черезъ 30 лѣтъ, получается въ мѣстномъ полицейскомъ управленіи изъ межевой канцеляріи планъ измѣренія въ 1847 году, съ требованіемъ вручить его владѣльцу и взыскать съ него 53 р. 26 к. Врученіе плана поручено было становому приставу Глушкову. На предложеніе, сдѣланное фонъ-Роопу, получить планъ и уплатить 53 р. 26 к., онъ отказался, какъ отъ принятія плана, такъ и отъ уплаты за него денегъ, заявляя, что онъ никогда объ измѣреніи земли нигдѣ не просилъ. Становой приставъ предложилъ планъ крестьянамъ, которые также отъ полученія его отказались. Послѣ неоднократныхъ настояній пристава Глушкову удается, наконецъ, вручить планъ крестьянамъ и получить съ нихъ деньги.

По словамъ подсудимыхъ, становой приставъ, при врученіи плана, прямо объяснялъ имъ, что это планъ на землю, и на заявленіе ихъ, что они всею землею не пользуются, выражалъ удивленіе, отъ чего не пользуются. Для уплаты денегъ за планъ крестьяне должны были продать часть скота. Съ этого времени, т. е. съ полученія плана быстро измѣняются отношенія крестьянъ къ фонъ-Роопу. Щетининскіе крестьяне, по отзыву предводителя дворянства, были до того времени самыя мирныя, исправныя плательщики податей и всякихъ сборовъ, никогда не имѣвшіе никакихъ недоразумѣній съ помѣщикомъ. Съ 1877 года

крестьяне перестаютъ, прежде всего, уплачивать аренду за землю, на-нимаемую отъ фонъ-Роопъ, и дѣлаютъ въ родѣ нотаріальнаго заявленія о томъ, что по плану они собственники всей земли. Помѣщикъ фонъ-Роопъ, съ своей стороны, начинаетъ производить съ нихъ всякія взыскапія за неправильное пользованіе его землею, причеиъ взыскаиваетъ, между прочимъ, неустойку по арендному договору въ количествѣ 350 р. Начинается цѣлый рядъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ; крестьянъ постоянно таскаютъ по судамъ, что, конечно, дѣйствуетъ разорительно на ихъ скудное хозяйство. Съ 1879 года, судебный приставъ Нелединскій начинаетъ взыскаивать съ Щетининскихъ крестьянъ по исполнительнымъ листамъ долгъ ихъ фонъ-Роопу; но обманутые становымъ Глушковымъ, крестьяне твердо стоятъ на томъ, что земля ихъ и платить за нее Роопу они не обязаны. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ взыскапія, Нелединскій устраиваетъ цѣлый походъ на Щетинино, состоявшее изъ 10 дворовъ. 16-го мая, въ три часа утра, начали собираться, опять-таки недалеко отъ деревни Щетинино, всѣ лица, должествовавшія оказывать содѣйствіе судебному приставу, туда же прибылъ и судебный приставъ Нелединскій, и становой приставъ, все тотъ же Глушковъ. Кромѣ приставовъ собраны были всѣ урядники Великолуцкаго уѣзда, (12 урядниковъ), и, сверхъ того, было около 40 человекъ сельской полиціи; съ г. фонъ-Роопомъ прибыло его людей около восьми человекъ. И вся эта армія, какъ назвалъ ее на судѣ самъ судебный приставъ, прибыла въ седьмомъ часу утра въ деревню Щетинино, состоящую изъ девяти домовъ. Тутъ были пѣшіе, конные и въ экипажахъ. Самъ судебный приставъ былъ вооруженъ револьверомъ, урядники были вооружены обыкновенными пашками и револьверами. По прибытіи въ деревню, прежде всего, заняли въѣздъ въ нее и выѣздъ; всѣ дома были оцѣплены; въ деревнѣ никого на улицѣ не встрѣтили, всѣ еще спали. Отправились прибывшіе, прежде всего, ко двору деревенскаго старшины, крестьянина Дмитрія Иванова; становой приставъ распорядился послать его собирать крестьянъ, не объясняя для чего, а когда онъ ушелъ изъ дома, то судебный приставъ, становой приставъ, фонъ-Роопъ и нѣсколько урядниковъ отправились съ задней стороны дома, прямо въ хлѣвъ, искать скота, нашли только двухъ поросятъ и начали ихъ ловить для того, чтобы связать и передать «на храненіе» фонъ-Роопу; услыжавъ визгъ поросятъ, жена Дмитрія Иванова, крестьянка Анна Феклистова, выбѣжала на дворъ и закричала, зачѣмъ ловятъ и берутъ ея поросятъ. Судебный и становой пристава распорядились, чтобы урядники взяли ее и связали. Два урядника вывели ее со двора и дорогою, по ея словамъ, «выкручивали ей руки»; она закричала; на крикъ прибѣжалъ мужъ ея, Дмитрій Ива-

ночь и бросился защищать ее, будто бы, съ коломъ. Въ это же время, по словамъ судебного пристава, многие другіе крестьяне замахнулись на становаго пристава кольями, вслѣдствіе чего судебный приставъ вынулъ револьверъ и, показывая крестьянамъ, объявилъ, по словамъ свидѣтелей, что онъ церемониться не будетъ—будетъ стрѣлять; крестьяне колья бросили. По словамъ же становаго пристава, крестьяне въ это время на него кольями не замахивались и вообще въ это время онъ кольевъ у крестьянъ не видалъ. Потомъ, по словамъ свидѣтелей, наступило перемиріе, во время котораго судебный приставъ увѣщевалъ у моста крестьянина Михаила Борисова не сопротивляться. Урядники ходили по дворамъ и искали скота, но нигдѣ таковаго не нашли. Выскатель, фонъ-Роопъ, не найдя скота, обратился съ просьбою отпереть амбаръ крестьянина Алексѣя Феклистова и описать, что тамъ есть, не заявляя прямо, что тамъ есть какое-нибудь опредѣленное имущество и даже, что вообще тамъ есть какое-нибудь имущество. Отпереть амбаръ Алексѣй Феклистовъ отказался; приэтомъ нужно замѣтить, что именно въ этомъ амбарѣ находился спрятаннымъ полученный крестьянами планъ. Крестьяне вообще все время укорали становаго пристава, зачѣмъ онъ ихъ обманулъ съ планомъ: говорилъ, когда давалъ планъ, что земля ихъ, а теперь самъ пришелъ отбирать планъ и землю; говорили также, что они казенныя подати платятъ исправно, а фонъ-Роопу ничего не должны, что приставъ планомъ заставилъ ихъ разориться и они вездѣ тратили деньги и проч., и проч. Когда Феклистовъ отказался отпереть амбаръ, въ это время судебный приставъ велѣлъ ломать замокъ, а фонъ-Роопъ досталъ изъ кармана клещи для слома замка. Крестьяне говорили, по словамъ свидѣтелей, «ломайте замки, коли не жалъ вамъ головы, краденаго у насъ ничего нѣтъ, зачѣмъ ломаете». У самаго амбара стали нѣсколько женщинъ и никого не допускали въ амбару. Урядники стали отталкивать женщинъ, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ упали. Крестьяне бросились защищать своихъ женъ. Произошла рукопашная. Виновникъ всей этой исторіи, становой Глушковъ, бѣжалъ; за нимъ стали уходить урядники, а воинственный судебный приставъ, въ виду яко-бы «опасности», сталъ стрѣлять изъ револьвера, причемъ одного крестьянина убилъ на-повалъ, а трехъ тяжело ранилъ, какъ оказалось по медицинскому осмотру; между тѣмъ тѣмъ же осмотромъ удостовѣрено, что никто изъ арміи судебного и становаго приставовъ не получилъ сколько-нибудь серьезнаго поврежденія. Съ началомъ пальбы крестьяне разбѣжались и въ деревнѣ поднялась го-лосьба по убитомъ и раненымъ. Вечеромъ того же дня безъ всякаго сопротивленія вступила въ деревню воинская команда, заковала крестьянъ и увела ихъ съ собою вмѣстѣ съ ранеными и женою убитаго,

не давъ ей похоронить мужа. И вотъ такимъ образомъ явилось дѣло о бунтѣ крестьянъ, которые и на судѣ праведномъ были почему-то въ кандалахъ, отъ коихъ освобождены были по заявленію защиты и по распоряженію предсѣдателя, съ занесеніемъ этого факта въ протоколъ. На судѣ предводитель дворянства показалъ, что онъ увѣщевалъ крестьянъ уплатить долгъ фонъ-Роопу, доказывая имъ, что полученный ими планъ ничего не значитъ; но крестьяне, по его мнѣнію, искренно были убѣждены въ противномъ, ссылаясь на слова становаго и уплату ими за планъ денегъ и полученную въ томъ квитанцію. Отказавшись отъ принятія плана г. фонъ-Роопъ впоследствии уже, въ 1880 г., внесъ эти 53 р., но, не получивъ плана, сталъ выскивать эти деньги съ крестьянъ, которымъ такимъ образомъ приходилось платить за планъ два раза. На судѣ, товарищъ прокурора, въ обвинительной рѣчи своей, признавая, что крестьяне дѣйствительно введены были неправильнымъ врученіемъ плана въ заблужденіе относительно правъ своихъ на землю и что они искренно убѣждены въ томъ, что земля ихъ; что въ дѣйствіяхъ пристава Глушкова, а равно судебного пристава Нелединскаго, допущены были неправильности; находилъ однако, что сами крестьяне совершили, 16 мая 1880 года, явное возстаніе, бунтъ противъ власти. Усматривая въ событіи 16 мая, со стороны крестьянъ: а) возстаніе, б) намѣреніе не допустить исполненія распоряженій должностныхъ лицъ, в) вооруженное насиліе и безпорядки,—обвинитель въ дѣяніи подсудимыхъ находилъ всѣ признаки преступленія, предусмотрѣннаго ст. 263 и 266 улож. о наказ.; причемъ полагалъ опредѣлить наказаніе подсудимыхъ въ слѣдующемъ порядкѣ: четверемъ—ваторжнныя работы на 12 гѣтъ, семерымъ, въ томъ числѣ женъ убитаго, смирительный домъ, съ замѣною его тюрьмой на полгода, двумъ бабамъ арестъ на мѣсяць; отъ обвиненія остальныхъ прокуроръ отказался. Въ своихъ послѣднихъ словахъ подсудимые большею частью просили милости у суда, при этомъ многіе становились на колѣни; особенно тяжело было видѣть, когда подсудимая Анна Феклистова, на слова предсѣдателя, что можетъ еще прибавить въ свое оправданіе, упавъ на колѣни, и плача, заявила: «чтожъ! у меня мужа убили».

Особое присутствіе палаты, послѣ пятичасоваго совѣщанія, постановило: двухъ подсудимыхъ заключить въ тюрьму на одинъ годъ, двухъ на шесть мѣсяцевъ и двухъ на два мѣсяца, причемъ возложило на нихъ судебныя издержки, и пятерыхъ обвиненныхъ, содержащихся подъ стражею, постановило освободить изъ-подъ стражи, по представленіи поручительства по 100 р. съ каждаго. Остальные подсудимые оправданы.

Положимъ, подсудимые крестьяне были виноваты. Они и понесли

за это наказаніе и притомъ гораздо болѣе тяжкое, чѣмъ опредѣленное имъ судомъ; они, составлявшіе почти все мужское взрослое населеніе своей десятидворовой деревни, восемь мѣсяцевъ содержались въ острогѣ и, судя потому какъ приведены были на судъ, въ кандалахъ. Легко понять, въ какое разстройство должно было придти отъ этого продолжительнаго отсутствія ихъ хозяйство, а особенно тѣхъ, которымъ и послѣ того пришлось отсиживать въ тюрьмѣ опредѣленные судомъ сроки и уплачивать судебныя издержки. Отъ такого погрома они не поправятся и въ нѣсколько лѣтъ. А сколько нравственной муки досталось перенести имъ, что конечно также не пройдетъ безслѣдно для ихъ здоровья. Судъ, по отношенію къ этимъ несчастнымъ, исполнилъ свое призваніе, завѣщанное ему державнымъ создателемъ новаго суда. Онъ явился въ отношеніи ихъ правымъ и милостивымъ. А администрація?.. А тѣ агенты ея, которые ввели этихъ смиренныхъ и темныхъ людей и исправныхъ до того плательщиковъ всѣхъ податей и повинностей (какъ свидѣтельствовалъ о томъ предводитель дворянства) въ преступленіе, чѣмъ заплатились они за свою преступную дѣятельность?.. Многоцитированный уже нами отчетъ говорить объ этомъ: на судебномъ слѣдствіи выяснилось также, что о разслѣдованіи дѣйствій становаго пристава Глушкова по врученію плана крестьянамъ, не возбуждалось нигдѣ даже и вопроса; что о дѣйствіяхъ судебного пристава Нелединскаго, исполнявшаго съ такими своеобразными приемами судебное рѣшеніе и закончившаго убійствомъ одного и пораненіемъ трехъ человекъ, не возбуждено до настоящаго времени никакого дѣла!

Мы не безъ намѣренія рассказали содержаніе этого дѣла съ нѣкоторою подробностью, потому что оно представляетъ въ высшей степени типичный образецъ почти всѣхъ дѣлъ подобнаго рода, имѣющихъ болѣе или менѣе тотъ же характеръ относительно причинъ, порождавшихъ беспорядки въ средѣ крестьянъ и неповиновеніе ихъ власти. Напримѣръ, въ дѣлѣ, разбиравшемся 22 сентября въ ставропольскомъ окружномъ судѣ («Голосъ» 1880 г., № 284), на скамьѣ подсудимыхъ явилось 15 крестьянъ и крестьянокъ села Дербетовскаго, Ставропольской губерніи. Обвиненіе было весьма тяжело. Объявлялись они въ томъ, наприимѣръ, что: 1) распускали разные ложные слухи о бѣдствіяхъ, угрожавшихъ крестьянамъ; 2) отказались отъ платежа оброчной подати; 3) требовали освобожденія заарестованныхъ односельчанъ и дали имъ возможность бѣжать изъ камеры слѣдователя; 4) напали на казачью команду, призванную для охраненія порядка, нанесли ноюи жандармскому поручику, становому приставу и нѣкоторымъ казакамъ, сорвали жгутъ съ уѣзднаго исправника; 5) старались ворваться въ домъ, гдѣ находились вице-губернаторъ и дру-

гіе чиновники, высказывая приэтомъ желаніе расправиться съ ними, бросили въ окна дома камни, угрожали поджечь домъ и разошлись только съ наступленіемъ ночи, давшей чиновникамъ возможность обратиться изъ селенія. Дѣло возникло изъ того, что Дербетовцы отказались отъ принатія владѣнной записи на отведенныя имъ земли, вслѣдствіе распространившихся въ краѣ слуховъ, что, «по принатіи владѣнной записи, общество обязывается круговою порукою въ исправномъ платежѣ податей не только за своихъ членовъ, но и за крестьянъ другихъ селеній губерніи и за частныхъ землевладѣльцовъ; что съ каждымъ годомъ платежи за землю будутъ увеличиваться и на недоимку по этимъ платежамъ будутъ наростать проценты, такъ что настаетъ время, когда налогъ возрастетъ до такой степени, что крестьяне окажутся несостоятельными къ уплатѣ и за это будутъ отданы панамъ, сдѣлаются крѣпостными; что новое земельное устройство— не царское повелѣніе, а выдумка пановъ для своихъ выгодъ, и что отказавшіеся отъ всего своего надѣла получаютъ отъ Царя четвертной надѣлъ» Слухи эти, по объясненію на судѣ прокурора, занесены были крестьянами Могилевской губерніи, которые, по словамъ обвинителя, дѣйствительно были разорены и пущены по міру, вслѣдствіе устройства ихъ быта, и которые ссылались на свой личный опытъ, на свой собственный примѣръ, въ подтвержденіе того, что новое положеніе невыгодно для крестьянства. Волненіи въ средѣ крестьянъ, возникшія еще въ 1878 г. длились болѣе года, пока произошла вспышка 4 марта 1879 г. У мѣстной администраціи было слѣдовательно достаточно времени, чтобы предупредить ее. Къ сожалѣнію, какъ выяснилось на судѣ, рѣшительно никто никакихъ разъясненій крестьянамъ не дѣлалъ. Цѣлый рядъ свидѣтельскихъ показаній безспорно установилъ тотъ фактъ, что всѣ низшіе представители мѣстной администраціи ограничивались однимъ лишь «предъявленіемъ» записей, а на недоумѣнія и сомнѣнія крестьянъ ни малѣйшаго вниманія не обращали. Мировой посредникъ, предъявлявшій записи крестьянамъ селенія Дербетовскаго, на всѣ ихъ недоразумѣнія отвѣтилъ, что они могутъ жаловаться втеченіи трехмѣсячнаго срока. Изъ прочитаннаго на судѣ показанія этого мирового посредника обнаружилось, что онъ совѣтовалъ крестьянамъ выбрать стариковъ, чтобы просить Великаго Князя намѣстника казаскаго—и только. Крестьяне послали въ Петербургъ ходатаевъ, (которые, по требованію мѣстной администраціи, были арестованы) и возвратили присланный имъ докладной листъ, прося взыскивать съ нихъ подати на прежнемъ основаніи. Тогда мѣстная администрація рѣшила приступить къ принудительному взысканію податей. Въ Дербетово прибыла цѣлая комисія, состоявшая изъ вице-губернатора, исправника, жандармскаго офицера, мирового посредника, судебного слѣдо-

вателя и становаго пристава. Дербетовцы, встрѣтившіе комисію съ хлѣбомъ-солью, ожидали разъясненія по вопросу о главнѣйшемъ предметѣ ихъ недоразумѣнія и опасеній—по владѣнной записи. Исправникъ Морейко доложилъ суду, что вице-губернаторъ положительно отказался, въ присутствіи слѣдователя и жандармскаго офицера, дѣлать крестьянамъ какія бы то ни было разъясненія. Онъ мотивировалъ свой отказъ тѣмъ, что не успѣлъ еще познакомиться съ новыми положеніемъ и боится впасть въ противорѣчія или возбудить недоразумѣнія. По показанію, какъ Моренко, такъ и другихъ свидѣтелей, выяснилось, что этимъ высшимъ представителемъ явившейся въ селеніе администраціи принята была въ руководство система: не вступая съ крестьянами ни въ какія объясненія, требовать отъ нихъ безусловнаго повиновенія, подъ угрозой уголовныхъ наказаній. Въмѣсто объясненій съ крестьянами вице-губернаторъ приказалъ собрать сходъ передъ своею квартирою. Но до начала схода начались аресты; тогда крестьяне объявили, что у нихъ для схода нѣтъ мѣста у сельской расправы и что, если вице-губернаторъ желаетъ говорить съ миромъ, то пусть пожалуетъ на сходъ, само же сельское общество къ нему не пойдетъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ освобождены невинно арестованные. Потомъ, не видя на сходѣ никакихъ представителей власти, крестьяне разошлись по домамъ. Власти между тѣмъ послали въ сосѣднее село за казачьей сотней. Прибывшую въ 4 часа команду угостили «солиднымъ количествомъ водки», послѣ чего исправнику, вопреки его совѣту (по его показанію), приказано было согнать сходъ къ вице-губернаторской квартирѣ и арестовать «зачинщиковъ». По словамъ корреспондента, какъ только сходъ былъ пригнанъ, исправникъ арестовалъ сперва одного крестьянина, потомъ другаго, а тамъ и третьяго. Хваталъ онъ, какъ самъ свидѣтельствовалъ на судѣ, первыхъ встрѣчныхъ, «кто только стоялъ впереди», «чья фізіономія бросалась въ глаза», и хваталъ съ цѣлю выдать ихъ за зачинщиковъ. Первые двое арестованныхъ не проронили ни слова, но третій закричалъ: «что же это такое! этакъ, пожалуй, всѣхъ переловятъ! Утекай!» И крестьяне тотчасъ же бросились бѣжать. Тогда казачьей командѣ, окружавшей сходъ цѣпью, велѣно было не допускать бѣгства и ловить «утекавшихъ». Казаки бросились на крестьянъ и принялись немилосердно бить ихъ нагайками и пашками плашмя. Въ схода и казачьей цѣпи стояли бабы, возмущенныя и ожесточенныя не менѣе своихъ братьевъ и мужей. Произошла неописуемая свалка. Бабы и мужики принялись бить, въ свою очередь, казаковъ чѣмъ попало, причѣмъ уже всѣ казаки обнажили шапки. Кровопролитіе было неминуемо, если-бы не рѣшимость жандармскаго поручика Лосева, который въ эту критическую минуту бросился къ казакамъ съ при-

казаніемъ вложить пашки въ ножи, чего ему удалось достигнуть не безъ труда и сопротивленія со стороны казаковъ. При этой общей свалкѣ, становой приставъ получилъ нѣсколько здоровенныхъ ударовъ; казачій офицеръ тоже заплатился немало; съ плечъ исправника Морейко сорванъ былъ шпатель, а жандармскаго офицера Лосева какая-то баба ударила каткомъ по рукаву. Въ концѣ-концовъ, свалка между крестьянами и казаками остановлена была во-время...

Послѣ этого власти, освѣдомясь, что село успокоилось, добыли себѣ лошадей и въ полночь уѣхали. Черезъ недѣлю прибылъ въ село самъ губернаторъ, съ двумя баталіонами. Не приступая къ крутымъ мѣрамъ, онъ сдѣлалъ крестьянамъ, встрѣтившимъ его также съ хлѣбомъ солью, нужныя разъясненія и внушенія, положилъ конецъ недоразумѣніямъ и кончилъ дѣло безъ насильственныхъ мѣръ. Послѣдствіемъ этого происшествія было судебное разбирательство 22 сентября. И здѣсь, сообщаетъ корреспондентъ, все судопроизводство носило на себѣ печать снисходительности къ горькой участи невѣжественныхъ крестьянъ полугодовичнымъ суровымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ заплатившихся за свое и особенно за чужое невѣжество. И судъ, послѣ утомительнаго разслѣдованія мелочныхъ подробностей дѣла, отклонилъ домогательство обвинительной власти и не усмотрѣлъ въ событіи 4 марта 1879 года ни бунта, ни сопротивленія властямъ, ни какихъ такихъ ужасовъ, а увидѣлъ только то, что на самомъ дѣлѣ и было — буйство въ публичномъ мѣстѣ. Въ силу этого судъ примѣнилъ къ подсудимымъ сравнительно легкія наказанія: арестъ и тюремное заключеніе на два, три мѣсяца, смотря по виновности каждаго.

Изъ этого разсказа очевидно, до какой степени дѣло это аналогично съ великолукскимъ; и здѣсь главная причина всей катастрофы заключалась въ неумѣлости и равнодушіи къ своимъ прямымъ обязанностямъ и къ интересамъ населенія ближайшихъ къ нему представителей мѣстной администраціи. Тоже можно сказать о недавнемъ дѣлѣ крестьянъ села Люторичей, имѣнія графа Бобринскаго, и о всѣхъ дѣлахъ подобнаго рода.

Многочисленными, приведенными нами въ настоящемъ обзорѣ фактами, взятыми прямо изъ жизни, мы хотѣли доказать всю несостоятельность существующей нынѣ у насъ административной системы на всѣхъ ступеняхъ ея, ея несоотвѣтствіе ни съ духомъ времени, ни съ самыми жизненными требованіями интересовъ народа и самого государства, и настоятельную необходимость ея общаго радикальнаго преобразованія, въ смыслѣ ограниченія личнаго усмотрѣнія, установленія извѣстнаго правильнаго контроля за ея дѣятельностью и согласованія съ земскими учрежденіями; все это хотя-бы на почвѣ той программы, которую мы привели выше, заимствовавъ ее изъ газеты

«Страна». Мы знаемъ, какія трудности вездѣ, а въ особенности у насъ, представляютъ подобнаго рода преобразованія цѣлой административной системы; сколько при этомъ придется побѣдить противодѣйствій и устранить препятствій; но тѣмъ выше будетъ заслуга передъ отечествомъ того или тѣхъ государственныхъ дѣятелей, которые успѣютъ совершить этотъ подвигъ, тѣмъ болѣе будетъ имъ благодарна Россія. Все это однако пока только слухи, которыми такъ хочется вѣрить. Во всякомъ случаѣ въ настоящее время нельзя еще даже и приблизительно сказать, какъ, когда и насколько осуществляются эти слухи. «Agence Russe», какъ упомянуто выше, утверждаетъ, что къ обсужденію административныхъ преобразованій будетъ приступлено по возвращеніи въ Петербургъ, производящихъ нынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ внутри Россіи ревизію, сенаторовъ. Возвращеніе это теперь уже не за горами. Къ наступленію лѣта всѣ они будутъ вѣроятно уже въ Петербургѣ. Мы думаемъ, что одной наличности этихъ лицъ для приступа къ дѣлу недостаточно, а необходима наличность результатовъ ихъ ревизіи, такъ сказать, итоговъ произведенныхъ ими изслѣдованій и наблюденій; а для подведенія этихъ итоговъ потребуется все-таки извѣстное время. Есть уже однако и въ настоящее время нѣкоторый признакъ фактическаго приступа къ преобразовательной дѣятельности правительства по отношенію къ администраціи. Признакъ этотъ мы видимъ или по крайней мѣрѣ, желаемъ видѣть въ соопщенномъ нами въ концѣ обзорѣ нашего за январь сего года, циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ и земствамъ по вопросу объ измѣненіи положенія 27 іюня 1874 года о присутствіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ. Учрежденіе это, призванное для замѣны собою бывшаго института мировыхъ посредниковъ съ ихъ сѣздами, давно уже оказалось въ чувствительной степени несостоятельнымъ для достиженія указанной ему цѣли, какъ о томъ свидѣтельствуютъ представленія и ходатайства многихъ земствъ; но и помимо этого свидѣтельства, несостоятельность и нецѣлесообразность положенія 27 іюня сама собою обнаруживается при нѣсколько внимательномъ обзорѣ содержанія его и нѣкоторомъ практическомъ знакомствѣ съ той сферой, въ средѣ которой оно должно было дѣйствовать. Если заявленія и ходатайства земствъ не шли далѣе того, что изложено въ циркулярѣ министра, то нельзя не удивляться, что всѣ эти ходатайства касаются лишь крайне поверхностныхъ и частныхъ измѣненій положенія о присутствіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ, тогда какъ оно все требуетъ радикальнаго пересмотра и переработки. Извѣстно, что институтъ мировыхъ посредниковъ, кромѣ разрѣшенія земельного вопроса, по мысли законодателя, долженъ былъ имѣть еще извѣстное народо-воспитательное значеніе, въ смыслѣ руководства при

первыхъ шаговъ крестьянскаго самоуправленія, не стѣсняя, однако, этого самоуправленія. Поставленные въ почетно-независимое и непосредственно-близкое положеніе къ народу, при свободномъ выборѣ и ограниченномъ районѣ дѣятельности (при нѣсколькихъ посредникахъ на уѣздѣ), съ высшей инстанціей, въ формѣ уѣздныхъ сѣздовъ мировыхъ посредниковъ, они дѣйствительно были близки къ народу, хорошо знали свой участокъ и слѣдовательно могли болѣе или менѣе осуществить идею законодателя. При тѣхъ условіяхъ, которыми въ началѣ обставлено было, согласно буквѣ закона, положеніе мировыхъ посредниковъ, неудивительно, что институтъ этотъ на первыхъ порахъ привлекъ въ свою среду всѣ лучшія силы нашего общества, и исключеній изъ этого общаго характера было, относительно, весьма немногихъ. Если затѣмъ это лучшее большинство начало мало-по-малу рѣдѣть, обращаясь постепенно въ меньшинство, а потомъ оказалось почти въ полномъ отсутствіи, уступивъ мѣсто личностямъ, которыя прежде являлись исключеніемъ, а затѣмъ почти исключительно овладѣли институтомъ, то вина въ томъ падаетъ не на дезертировавшихъ лучшихъ людей, а на начавшую со второй половины шестидесятыхъ годовъ усиливаться реакцію, которая, стремясь обезличить типъ первоначально созданнаго закономъ мирового посредника, обратила его наконецъ въ чиновника, въ покорное орудіе администраціи. По мѣрѣ того, какъ стремленія реакціи выяснялись и становились яснѣе и опредѣленнѣе, составъ института мировыхъ посредниковъ постепенно ухудшался, недовольство и нареканія на нихъ усиливались, стали появляться ходатайства земствъ, сперва о сокращеніи, а потомъ и о полномъ упраздненіи института; это и требовалось для реакціи, которая и воспользовалась этимъ, ею же созданнымъ обстоятельствомъ, для окончательнаго уничтоженія ненавистнаго ей учрежденія, какъ орудія освобожденія крестьянъ, независимость которыхъ, хотя и придавленная, но сохранившая все еще корни свои на почвѣ закона, была для нея невыносима. Взамѣнъ института мировыхъ посредниковъ учреждены были уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Не распространяясь о составѣ этого учрежденія, скажемъ только, что съ появленіемъ его крестьянское самоуправленіе практически сдѣлалось фиктивнымъ, чего, конечно, не станетъ отрицать никто, мало-мальски знакомый съ дѣломъ. Вмѣсто руководителя, каковымъ былъ для крестьянъ мировой посредникъ, они получили двухъ полномочныхъ начальниковъ, въ лицѣ исправника съ становыми и непремѣннаго члена. Если мы допустимъ въ званіи послѣдняго идеальную личность, проиницированную самымъ искреннимъ желаніемъ исполнить по совѣсти свою обязанность, то и такой личности, единственной на цѣлый уѣздъ, это будетъ физически невозможно, если бы даже въ мѣсяцъ было не 30,

а 60 дней. Но до идеаловъ намъ далеко; а принимая дѣло такъ, какъ оно есть, оказывается, что почти повсюду непремѣнные члены вѣдаютъ свои участки, не выѣзжая, кромѣ дней собранія присутствія, изъ своихъ имѣній или уѣздныхъ городовъ, если постоянно живутъ въ нихъ, деспотически распоряжаясь выборами не только лицъ сельскаго начальства, но и гласныхъ отъ крестьянъ въ земскія собранія, не смотря на то, что выборы этихъ послѣднихъ, по закону, должны совершаться подъ наблюдениемъ не непремѣнныхъ членовъ, а мѣстныхъ мировыхъ судей. Понятно, что всѣ эти выборы дѣлаются подъ условіемъ полной покорности непремѣнному члену, также, какъ и подборъ писарей. Для облегченія непремѣнныхъ членовъ было сокращено число волостей, для чего небольшія общества соединили въ большія, не обращая вниманія на особенности надѣловъ и другихъ условій крестьянскаго быта, бывшихъ помѣщичьихъ съ государственными, выкупныхъ съ оброчными. Вышло, какъ справедливо говорить «Порядокъ» (№ 12), что по выборамъ и управленію общество—одно, а по разверсткѣ земли—два или больше. И въ то же время постановленія схода признаются законными лишь тогда, когда въ нихъ участвовала половина или двѣ трети членовъ. Пойдетъ рѣчь о разверсткѣ земли, и если крестьяне составятъ свой, частный сходъ для разбора дѣла о своей только землѣ—то сходъ не представитъ половины или двухъ третей соединеннаго общества, стало быть, сходъ незаконный, безправный; а если соберется все общество, то часть крестьянъ будетъ рѣшать о чужой землѣ, и сторонніе голоса могутъ получать даже перевѣсъ. Эта фальшь такъ и сохраняется. Понятно, что при такихъ порядкахъ крестьянское дѣло представляетъ невообразимую путаницу. При покровительствѣ непремѣнныхъ членовъ, посаженному имъ выборному, яко-бы, началству никакого дѣйствительно контроля, никакого учета со стороны общества быть не можетъ, и растраты крестьянскихъ денегъ сельскими властями сдѣлались явленіемъ обыденнымъ, и совершаются сплошь и рядомъ безнаказанно. Крестьяне обнаружили растрату, сходъ рѣшаетъ смѣнить старшину и писаря, но непремѣнный членъ не соглашается и виновные остаются на мѣстахъ. Предоставленная положеніемъ 27 іюня исправнику единоличная власть взыскивать съ старшинъ по дѣламъ о сборѣ податей и отправленіи повинностей, отдала сельскія власти въ безусловную зависимость отъ мѣстной администраціи, а волостной судъ сдѣлало, по вѣрному выраженію той же газеты, плетью въ рукахъ становаго, какъ, на примѣръ, въ известномъ уголовномъ дѣлѣ о становомъ приставѣ, который жестоко сѣлъ при взысканіи недоимокъ, прикрываясь рѣшеніями волостнаго суда, которыя онъ тутъ же самъ диктовалъ. Творилось такое безобразіе, которое подняло на ноги даже судебную власть, а уѣздное присутствіе, въ обязанности котораго вхо-

дѣло разъяснять права и предѣлы вѣдомства волостнаго суда, ничего объ этомъ не знало, словно у него были «ушки, золотомъ завѣшаны». Еще недавно въ газетахъ было сообщено, что въ районѣ одной изъ производящихся нынѣ сенаторскихъ ревизій съ крестьянъ взыскивали недоимки, прощенные извѣстнымъ высочайшимъ манифестомъ по поводу двадцатипятилѣтняго юбилея царствованія Государя Императора, о которомъ никто не позаботился сообщить сельскому начальству официальнымъ путемъ, а частными и газетными извѣстіями оно не посмѣло руководствоваться.

Вообще вопросъ объ измѣненіи существующаго нынѣ порядка завѣдыванія дѣломъ, касающимся крестьянскаго быта, настолько важенъ, что мы надѣемся возвратиться къ нему еще разъ въ одномъ изъ ближайшихъ обозрѣній.

ЗАМѢТКИ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМЪ ВОПРОСАМЪ ДНЯ.

Въ VIII томѣ «Сборника государственныхъ знаній» вышедшемъ въ концѣ прошлаго года, помѣщена статья Н. Х. Бунге, подъ названіемъ: «Замѣтка о настоящемъ положеніи нашей денежной системы и средствахъ къ ея улучшенію». Статья помѣчена: Кіевъ, 1 Іюня 1880 г., слѣдовательно, незадолго до назначенія автора товарищемъ министра финансовъ, и на нее можно смотрѣть, какъ на изложеніе экономическихъ и финансовыхъ взглядовъ и согласной съ ними программы дѣйствій лицъ, недавно призванныхъ стать во главѣ нашего финансоваго управленія.

Какъ извѣстно, почтенный авторъ, по своимъ экономическимъ взглядамъ, принадлежитъ къ той малочисленной группѣ нашихъ ученыхъ экономистовъ, которые не пристали къ образовавшейся у насъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ партіи экономистовъ-фритредеровъ, имѣвшей такое неблагоприятное вліяніе на наше экономическое и финансовое положеніе втеченіи послѣднихъ 20 лѣтъ. Мы хорошо помнимъ тѣ дружескіе упреки, какими Н. Х. Бунге и И. К. Бабстъ были встрѣчены, при ихъ посѣщеніи одного изъ засѣданій приснопамятнаго политико-экономическаго комитета при русскомъ географическомъ обществѣ, со стороны членовъ комитета, за то, что не желали присоединиться къ ихъ кружку. Время показало, насколько г.г. Бунге и Бабстъ были правы въ своемъ несознаніи пригодности фритредерскихъ понятій для Россіи. А потому появленіе Н. Х. Бунге на административномъ финансовомъ поприщѣ должно служить признакомъ сознанія несостоятельности прежней системы, вывести насъ изъ причиненныхъ ею, и отчасти политическими событіями, экономическихъ и финансовыхъ затрудненій. Сознаніе это есть невольная

уступка общественному мнѣнію, которое въ послѣдніе годы стало высказываться все сильнѣе и сильнѣе за покровительственную систему. Доказательствомъ этого служить наша журналистика: тогда какъ съ конца пятидесятихъ годовъ до середины семидесятыхъ, всѣ значительные органы нашей періодической прессы «Московскія Вѣдомости», «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Виржевыя Вѣдомости», «Голось» и т. д. проповѣдывали фритредерство и отстаивали реформы въ его духѣ, а покровительственная система защищалась едва однимъ или двумя небольшими журналами; въ настоящее время, не только большинство нашихъ журналовъ стоятъ за покровительственную систему, но и остающіеся еще вѣрными своимъ фритредерскимъ убѣжденіямъ, не осмѣливаются уже болѣе угощать своихъ читателей тѣми нелѣпостями, какія, еще въ недавнее время, преподносились имъ, во имя фритредерства.

Какъ выше сказано, въ статьѣ многоуважаемаго автора слѣдуетъ видѣть, если не подробную програму дѣйствій, то, по крайней мѣрѣ, тѣ экономическіе и финансовыя взгляды, при какихъ нынѣшніе руководители министерства финансовъ намѣрены дѣйствовать для исправленія нашего экономическаго и финансоваго положенія. А потому, не входя въ подробный разборъ обширной програмы автора, съ мнѣніями котораго, по большинству затронутыхъ имъ вопросовъ, мы вполне согласны, ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями на высказанныя имъ сужденія, относительно самыхъ важныхъ для насъ вопросовъ, а именно: покровительственной системы, торговаго баланса, разрѣшенія сдѣлокъ на монету и т. д., а также, насколько нѣкоторые изъ приводимыхъ авторомъ, въ подтвержденіе своихъ мнѣній, посылокъ на факты, могутъ быть приняты за безусловно безспорныя и идущія къ дѣлу. Мы желаемъ лишь выяснить и доказать положительное значеніе самой дѣйствительной мѣры къ прочному возстановленію равновѣсія въ нашемъ международномъ балансѣ, послѣдствіемъ чего будетъ и возстановленіе цѣнности нашей бумажной валюты. Къ сожалѣнію, предвзятыя понятія, незнакомство съ фактами, умышленно даваемое имъ борниками фритредерства ложное толкованіе и т. д., нерѣдко затемняютъ даже въ представителяхъ покровительственной системы то значеніе, какое рациональный тарифъ можетъ имѣть въ искусныхъ рукахъ для выправленія нашего платежнаго баланса. А потому, въ статьѣ автора насъ интересуетъ болѣе всего вопросъ: какое значеніе придаетъ онъ рациональному таможенному тарифу, какъ средству для прочнаго возстановленія равновѣсія въ нашемъ торговомъ или платежномъ балансѣ? чтобы судить, чего мы можемъ ожидать въ этомъ отношеніи отъ дѣятельности нашего новаго министерства финансовъ.

«Что по суммамъ привоза и отпуска товаровъ еще нельзя судить о платежномъ балансѣ», какъ замѣчаетъ авторъ (стр. 95),—совершенно вѣрно. Въ прежнее время, когда не существовало ни громадныхъ внѣшнихъ долговъ, ни затратъ на заграничныя предприятия и проживаніе за границей и т. д., международный обмѣнъ цѣнностями составляли исключительно одни товары, т. е. сырые продукты и мануфактурныя издѣлія, а потому разница какую приходилось приплачивать одной странѣ другой драгоценными металлами, и называлась товарнымъ или торговымъ балансомъ (balance of trade); это названіе удерживается и до сихъ поръ, хотя къ международному обмѣну товарами, прибавились новаго рода цѣнности, между которыми главную роль играютъ процентныя бумаги, въ видѣ государственныхъ или частныхъ долгосрочныхъ долговыхъ обязательствъ. Но, какъ-бы ни была значительна сумма международного обмѣна кредитными цѣнностями, она все-таки далеко не достигаетъ суммы международного обмѣна товарами, и сальдировку торговаго или платежнаго баланса, какъ прежде, такъ и теперь, приходится дѣлать драгоценными металлами, такъ какъ постоянно заключать для этого новыя внѣшнія займы и сбывать за границу свои долговныя обязательства невозможно и невыгодно.

Наши экономисты-теоретики обыкновенно ссылаются на Англію, для доказательства несуществованія торговаго баланса, т. е. значенія привоза и вывоза товаровъ по внѣшней торговлѣ. Они никакъ не могутъ понять, отчего при постоянно значительномъ превышеніи цѣнности привоза товаровъ надъ ихъ вывозомъ вексельные курсы въ Англіи стоятъ высоко и золото приливаетъ въ нее, а въ Россіи, при превышеніи цѣнности вывоза надъ привозомъ товаровъ, курсы постоянно низки и золото вывозится изъ нея; не утруждая себя изслѣдованіемъ причинъ подобнаго явленія, а лишь въ силу отвлеченнаго научнаго понятія, что «даромъ ничего не дается», и что «кто покупаетъ, тотъ и платитъ», они рѣшаютъ, что никакой международной задолженности существовать не можетъ, а потому и понятіе о «торговомъ балансѣ» есть только остатокъ заблужденій меркантилистовъ. Но если отнестись критически къ этимъ явленіямъ и изслѣдовать составныя части или факторы, играющіе роль во внѣшнемъ обмѣнѣ цѣнностями той и другой страны, то разсматриваемыя явленія сдѣлаются вполне понятными и нисколько не опровергаютъ существованіе торговаго баланса.

Для болѣе яснаго пониманія значенія торговаго или платежнаго

баланса Россіи и Англіи перечисляемъ главныя статьи прихода и расхода, при международномъ обмѣнѣ цѣнностями этими государствами

Россія уплачиваетъ за границу:

За сырые продукты и фабричныя матеріалы;

- › иностранныя мануфактурныя издѣлія;
- › проценты и погашеніе по вѣнскимъ займамъ;
- › расходы путешественниковъ и лицъ, постоянно проживающихъ за границей на получаемые изъ Россіи доходы;
- › драгоцѣнные металлы (серебро), требующіеся для издѣлій;
- › заграничныя заказы морскаго, военнаго и другихъ вѣдомствъ.
- › обратно сбываемыя въ Россію ея процентныя долговыя обязательства.

Получаетъ же Россія съ заграницы:

За отпускаемый ею хлѣбъ и другіе сырые продукты:

- › вывозимыя постоянно за границу драгоцѣнные металлы (золото);
- › сбываемыя за границу процентныя бумаги государственныя и частныя, преимущественно при заключеніи новыхъ вѣнскихъ займовъ.

Изъ этого перечня очевидно, какъ недостаточны средства Россіи, которыми она должна постоянно расплачиваться по своимъ громаднымъ вѣнскимъ вольнымъ и невольнымъ расходамъ. Ея главное или, скорѣе, единственное средство уплаты составляютъ хлѣбъ и другіе сырые продукты, громоздкіе и малоцѣнные, сбытъ которыхъ зависитъ отъ урожая, какъ внутри, такъ и за границей, и которые должны выдерживать на европейскихъ рынкахъ конкуренцію однородныхъ продуктовъ, доставляемыхъ изъ Америки, Индіи и Австраліи. Затѣмъ сбытъ за границу золота ограничивается количествомъ ежегодной добычи его составляющей, около 20.000.000 р. въ годъ. Заключеніе же новыхъ вѣнскихъ займовъ для покрытія сальдо по вѣнскому счету представляется средствомъ *à ris-aller*, не содѣйствующимъ ни поддержанію кредита, ни устраненію необходимости вновь прибѣгать въ близкомъ будущемъ къ новымъ займамъ.

Что же удивительнаго, если при такомъ невыгодномъ положеніи нашего международнаго обмѣна цѣнностями, драгоцѣнные металлы уходятъ за границу, вексельные курсы низки, премія на золото высока и кредитный рубль, относительно металлическаго рубля, сильно понизился? При невыгодномъ торговомъ или платежномъ балансѣ иначе и быть не можетъ; незначительное превышеніе вывоза товаровъ передъ привозомъ ихъ вовсе не можетъ служить доказательствомъ, что намъ приходится получать до-

плату изъ заграницы, а не мы еще остаемся у нея въ неплатномъ долгу.

Теперь переходимъ къ перечню статей прихода и расхода Англіи при ея внѣшнемъ обмѣнѣ цѣнностями.

Англія получаетъ изъ заграницы:

въ громадномъ количествѣ хлѣбъ и другіе жизненные продукты и сырые фабричныя матеріалы;
 незначительное количество мануфактурныхъ издѣлій;
 драгоценныя металлы;
 иностранныя долговыя обязательства.

Англія вывозитъ за границу:

громадное количество мануфактурныхъ издѣлій;
 значительное количество находящихся въ ней на складахъ колониальныхъ товаровъ;
 туземныя сырыя продукты (каменный уголь, чугунъ, соль, олово и т. д.);
 драгоценныя металлы.

Кромѣ того, средствами уплаты за привозимыя въ Англію предметы служить:

Фрахтъ, получаемый англійскими кораблехозяевами отъ ихъ громаднаго торговаго флота, за провозъ товаровъ не только въ Англію и изъ Англіи, но и за товары, перевозимыя на англійскихъ корабляхъ и пароходахъ между иностранными государствами во всемъ свѣтѣ.

Страховая морская премія, получаемая англійскими страховыми обществами за страховку грузовъ.

Проценты и погашеніе, получаемыя англійскими капиталистами по иностраннымъ государственнымъ и частнымъ процентнымъ бумагамъ.

Барыши на капиталы, затраченныя англійскими капиталистами въ заграничныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ.

Доходы правительственныя и частныя съ колониальныхъ владѣній Англіи. Кромѣ того, какъ извѣстно, значительная часть бюджетныхъ доходовъ Остъ-Индіи расходуется въ Англіи, вслѣдствіе чего колониальный департаментъ постоянно трассируетъ на Индію.

Банкирская комисія, получаемая англійскими банкирами за кредиты, аксепты и платежи по громаднымъ вексельнымъ оборотамъ, расчеты по которымъ преимущественно сосредоточиваются въ Англіи.

Барыши отъ мѣновой торговли, какая производится, наприм., на западномъ берегу Африки, гдѣ на стеклярусъ, старое оружіе и разныя другіе малоцѣнные предметы вымѣниваются кокосовое или пальмовое масло, слоновая кость и т. д., имѣющія значительную торговую цѣнность на европейскихъ рынкахъ.

Строевой лѣсъ, привозимый въ Англію изъ колоній и иностранныхъ государствъ (Швеціи, Россіи), гдѣ лѣса эксплуатируются англійскими капиталистами на правѣ полной собственности или за ничтожныя попенныя деньги.

Если изъ стоимости привозныхъ въ Англію товаровъ, показываемой таможенною оцѣнкою со включеніемъ фрахта, вычесть сумму фрахта, приходящуюся на долю англійскихъ судовъозяевъ, то общая стоимость привоза значительно уменьшается. Затѣмъ сумма привоза товаровъ въ Англію, превышающая сумму ихъ вывоза, будетъ представлять, при выгодныхъ для Англіи вексельныхъ курсахъ и приливѣ въ нее золота, причитающуюся Англіи уплату за ея, вышеперечисленные барыши и доходы по ея вѣншему счету, при обмѣнѣ цѣнностями и услугами.

Слѣдовательно, преобладающее отношеніе привоза надъ вывозомъ товаровъ въ Англію нисколько не противорѣчитъ понятію о торговомъ балансѣ, и экономисты и финансисты Англіи постоянно слѣдятъ за его положеніемъ, удерживая за нимъ названіе торговаго баланса (balance of trade).

Какъ бы ни были разнообразны факторы, влияющіе на положеніе международнаго обмѣна цѣнностями или торговый балансъ, все-таки главная роль между ними принадлежитъ товарамъ, т. е. сырымъ продуктамъ и мануфактурнымъ издѣліямъ, въ особенности же тамъ, гдѣ таковыя, какъ напр., въ Россіи, служатъ почти исключительнымъ средствамъ платежа, такъ какъ сбытомъ за границу процентныхъ долговыхъ обязательствъ долги только отсрочиваются, а не уплачиваются.

А такъ какъ колебанія вексельныхъ курсовъ и премія на драгоцѣнные металлы зависятъ отъ положенія международнаго торговаго или платежнаго баланса, то при его хронически невыгодномъ положеніи, самымъ радикальнымъ средствомъ для прочнаго возстановленія въ немъ равновѣсія, т. е. приведеніе въ соотвѣтствіе платежныхъ средствъ съ заграничными расходами, является усиленіе туземной производительности тѣхъ самыхъ предметовъ, заграничное приобрѣтеніе которыхъ служитъ главною причиною вѣншей задолженности. Орудіемъ же для развитія туземнаго производства, съ цѣлью замѣны иностранныхъ издѣлій туземными, служитъ покровительственный таможенный тарифъ. Чтобы тарифъ оказывалъ желательное дѣйствіе необходимо.

чтобъ онъ былъ составленъ рационально, т. е. представлялъ достаточное покровительство производству желательныхъ предметовъ и ограждая его отъ иностранной конкуренціи, былъ строго выдерживаемъ и не измѣняемъ, т. е. послабляемъ, втеченіи 10 или болѣе лѣтъ. Только при такихъ условіяхъ и возможно ожидать успѣха. Полумѣры ни къ чему не послужать. При недостаточномъ покровительствѣ или постоянномъ административномъ нарушеніи тарифа, допущеніемъ беспошлиннаго привоза обложенныхъ пошлиною предметовъ, какъ это постоянно имѣло мѣсто у насъ, развитие туземнаго производства требующихся предметовъ, для которыхъ имѣются въ странѣ и сырые матеріалы, и руки, конечно невозможно. Рациональный покровительственный тарифъ не есть запретительный, т. е. исключаящій возможность привоза иностранныхъ предметовъ. Это мы видимъ на американскомъ тарифѣ. Если бы онъ былъ запретительнымъ, то съ чего же могли бы получать въ Америкѣ таможенный доходъ, дающій отъ 180 до 200 миліоновъ долларовъ въ годъ (195 до 260 мил. руб. золотомъ)? Англійскій тарифъ доставляетъ около 20 миліоновъ фунтовъ стерлинговъ (около 125 мил. руб. золотомъ) таможеннаго дохода. Разница между американскимъ и англійскимъ таможенными тарифами заключается только въ томъ, что въ Америкѣ пошлину берутъ преимущественно съ мануфактурныхъ и фабричныхъ сырыхъ продуктовъ, а въ Англии — съ жизненныхъ предметовъ потребления: чай, кофе, вино, табуку и т. д. Вотъ въ чемъ заключаются и къ чему въ дѣйствительности сводятся для потребителей прославляемнаго благодѣянія системы свободной торговли и поносимыя тягости покровительственной системы. Въ Америкѣ, при населеніи въ 50 мил. душъ, на вѣждаго потребителя приходится около 4¹/₂ р. мет. таможеннаго налога, а въ Англии, Шотландіи и Ирландіи, при населеніи въ 35 мил. душъ, таможенный налогъ составляетъ около 3¹/₂ р. мет. на человѣка.

Для вѣщаго доказательства, что высокій покровительственный тарифъ на металлическія издѣлія, развитіе производства которыхъ составляетъ самый жизненный для насъ вопросъ, вовсе не исключаетъ возможность ихъ привоза въ громадныхъ размѣрахъ, укажемъ на привозъ таковыхъ издѣлій въ 1879 и 1880 гг., въ Американскіе Соединенные Штаты. Не смотря на то, что производство въ нихъ достигло въ 1879 году чугуна до 2.800,000 тоннъ, а стальныхъ и желѣзныхъ рельсовъ до 1.100,000 тоннъ, и на пошлину: въ 7 дол. съ тонны (15 в. съ пуда) чугуна, 35⁰/₁₀₀ съ цѣны желѣзныхъ рельсовъ, и 1¹/₄ цен. съ

фунта стальныхъ рельсовъ (около 60 к. съ пуда)¹⁾, было вывезено изъ Англіи въ Соединенные Сѣверо-Американскіе Штаты съ 1 сентября 1879 г. по 31 августа 1880 г. до 1.623,333 тоннъ желѣза и стали, противъ 260,573 тоннъ одновременно въ 1878—1879 гг.

На основаніи всего вышесказаннаго о торговомъ балансѣ и таможенномъ тарифѣ, мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго автора, что будто «ближайшее знакомство съ фактами и правильное ихъ пониманіе убѣждаютъ въ томъ, что торговый балансъ не составляетъ вѣрнаго средства для возстановленія цѣнности кредитнаго рубля. А тѣмъ еще менѣе, чтобы эту истину подтверждали и старый опытъ, сдѣланный съ покровительственнымъ тарифомъ въ Россіи графомъ Канкринымъ, и новый опытъ въ Соединенныхъ Штатахъ». Причемъ, авторъ присовокупляетъ, что, «ссылаясь на Соединенные Штаты, у насъ забываютъ или не знаютъ, что тамъ было отчасти консолидировано, отчасти погашено кредитныхъ орудій обращенія (въ особенности же билетовъ государственнаго казначейства) на сумму свыше миллиарда долларовъ,—забываютъ, что не смотря на выгодный торговый балансъ, Сѣверная Америка продолжаетъ вывозить драгоцѣнные металлы» (стр. 97).

Оставляя до времени говорить о безуспѣшности будто бы опыта Канкрина, какъ сдѣланнаго болѣе полстолѣтія тому назадъ, займемся новымъ опытомъ Соединенныхъ Штатовъ и постараемся доказать несправедливость обвиненія автора въ забывчивости или невѣдѣніи указываемыхъ авторомъ фактовъ относительно консолидаціи денежнаго обращенія и вывоза драгоцѣнныхъ металловъ въ Америкѣ.

Вотъ официальные данныя относительно количества процентныхъ долговъ и правительственныхъ бумажныхъ денегъ: въ концѣ августа 1865 г., когда общая сумма долговъ доходила до высшей суммы;—на 1 октября 1869 г., когда сумма казначейскихъ билетовъ была вся обращена въ 6% облигаціи;—на январь 1879 г., когда бумажный долларъ достигъ своего паритета съ золотымъ;—и на 31 декабря 1880 г., когда большая часть 6% облигацій была обращена въ 4% облигаціи.

¹⁾ По послѣднимъ измѣненіямъ нашего тарифа на металлы и издѣлія у насъ, съ 1 января 1881 г., пошлины взимаются: съ чугуна 5 к. съ пуда (разрѣшеніе беспошлиннаго привоза болѣе не допускается); на желѣзные рельсы пошлина возвышена съ 20 к. на 45 к. съ пуда (они почти вовсе не употребляются болѣе и не привозятся) и на стальные рельсы 45 к.

КОЛИЧЕСТВО ПРОЦЕНТНЫХ ДОЛГОВЪ И ПРАВЯТЕЛЬСТВЕННЫХЪ БУМАЖНЫХЪ ДЕНЕЖЪ.

	Въ началѣ августа 1866 года. Изъ Копеекъ.	На 1 января 1868 года. Изъ Копеекъ.	Въ началѣ 1879 года. Изъ Копеекъ.	31 декабря 1880 года. Изъ Копеекъ.
Ковсольн. Кольтѣ 5 и 6% на помету Кольтѣ	1.109,568,192	6% мет. обяз. 1.886,347,500	6% мет. обязлг. 657,946,200	6% мет. обязлг. 202,266,330
Виделы казнач., срочныя въ 1867 и 1868 годахъ (Seven thirties) на бумаж. Кенѣтѣ	830,000,000	5% мет. обяз. 221,589,300	5% " " 703,266,650	5% " " 469,651,050
Ранние % обяз. государств. казнач- чества срочн. 1867 и 1868 гг.	446,834,123	Обяз. на бум. Кенѣтѣ	4 1/2 " " 250,000,000	4 1/2 " " 250,000,000
Итого % Кольтѣ 2.386,402,315	Итого % Кольтѣ 2.177,004,496	4% " " 198,700,000	4% " " 730,420,400	Итого % Кольтѣ 1.660,337,780
Законные пла- тежн. выданы (Green- backs))	433,160,569	Гринбэковъ	Гринбэковъ	Гринбэковъ
Мелкія бумажныя денежы (Fractional monny—мелкія до- ларѣ)	26,344,742	Мелк. бумаж. Кенѣтѣ	Мелк. бумаж. Кенѣтѣ	Мелк. бумаж. Кенѣтѣ
Итого % в без- проц. Кольтовъ	2,845,907,636	Итого	Итого	Итого
		2,866,120,438	2,163,736,850	2,014,166,326

Въ 1866 году Гринбэковъ оставалось въ обращении около 400 мил. Кольтѣ, въ вѣдомствѣ году была выдана вновь о постепенномъ ихъ погашеніи, отъмененныи, отдалогъ, въ 1868 г., т. е. мѣсяцъ Февр. черезъ два года, когда погашено было всего лишь 44 мил. Кольтѣ, чтобы еще принести недостающую въ вѣдомствѣ средствъ, въ виду быстраго развитія производственныхъ силъ страны. Въ 1874 году количество Гринбэковъ было увеличено, и максимумъ ихъ опредѣленъ въ 382 мил. Копеекъ.

Вышеприведенныя данныя вовсе не подтверждаютъ значенія, придаваемого авторомъ консолидаціи билетовъ казначейства на возстановленіе цѣнности бумажныхъ денегъ въ Америкѣ. Не смотря на то, что вся ихъ сумма (около 800 мил. дол.), втеченіи 1867 и 1868 гг. была консолидирована, средняя годовая премія на золото оставалась почти безъ измѣненія, а именно: за 100 дол. золотыхъ въ 1866 г. 140 дол., въ 1867 г. 141 дол., въ 1868 г. 140 дол., и 1869 г. 138 дол. Премія на золото начала сильно понижаться лишь тогда, когда вывозъ товаровъ началъ брать рѣшительный перевѣсъ надъ привозомъ; въ 1876—1877 гг. премія понизилась до 103 дол. а въ концѣ 1878 года совсѣмъ исчезла.

Очевидно, что консолидація билетовъ американскаго казначейства повліяла столь же мало на поднятіе цѣнности гринбэковъ, какъ мало повліяла и у насъ консолидація банковыхъ билетовъ прежнихъ кредитныхъ учрежденій, на сумму свыше миллиарда рублей, на поднятіе цѣнности кредитнаго рубля, не смотря на то, что вкладные билеты прежнихъ банковъ служили въ торговыхъ оборотахъ дѣйствительными платежными знаками, чѣмъ ни въ Америкѣ, ни у насъ не могли и не могутъ служить несрочные казначескіе билеты. Не странно ли, что наши финансисты, трактуя о нашемъ денежномъ обращеніи, не берутъ въ расчетъ роли, какую играли въ немъ билеты прежнихъ банковыхъ учрежденій, и приписывая какое-то особенное значеніе консолидаціи казначескихъ билетовъ въ Америкѣ, ничего не говорятъ о томъ, какое значеніе консолидація вкладныхъ билетовъ прежнихъ кредитныхъ учрежденій имѣла на наше денежное обращеніе.

Приводимъ, слѣдующую характеристическую выписку изъ «Economist'a» относительно возстановленія металлическаго обращенія въ Америкѣ. Она подтверждаетъ, что такое имѣло мѣсто безъ всякаго извлеченія бумажныхъ денегъ изъ обращенія и выказываетъ недоумѣніе англійскихъ фритредеровъ передъ такимъ фактомъ, идущимъ въ разрѣзъ съ ихъ предвзятыми понятіями. Они никакъ не могутъ перевернуть мысли, что возстановленіе металлическаго обращенія въ Америкѣ было слѣдствіемъ выгоднаго торговаго баланса, подъ вліяніемъ высокаго таможеннаго тарифа, а не сокращенія количества неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ. Возникшій въ концѣ 1879 года сильный спросъ на желѣзо и рельсы для Америки, «Economist» приписываетъ оживленію торговли въ Соединенныхъ Штатахъ, «какъ непосредственному послѣдствію возвращенія къ платежамъ монетою, что, однакожь, въ сущности было лишь видоизмѣненнымъ (modified), хотя и замаскированнымъ, увеличеніемъ денежнаго обращенія (inflation), такъ какъ бумажныя деньги не были замѣнены

металлическими. Никакое уничтоженіе бумажныхъ денегъ не имѣло мѣста, и очень немногo ихъ было обмѣнено на золото, и какъ въ казначействахъ, такъ и въ публикѣ онѣ продолжаютъ приниматься какъ законные платежные знаки. Но какъ бы то ни было, народъ Соединенныхъ Штатовъ порѣшилъ, что у него теперь монетное денежное обращеніе, съ чѣмъ и мы въ Европѣ должны согласиться, хотя можетъ быть у нѣкоторыхъ на этотъ счетъ и останется нѣкоторое сомнѣніе¹⁾.

Какъ ни комично это недоумѣніе фритредеровъ передъ совершившимся фактомъ, оно ясно свидѣтельствуетъ, какъ трудно для экономистовъ-теоретиковъ отрѣшиться отъ однажды усвоенныхъ ими понятій, въ которыхъ они думаютъ видѣть непреложныя научныя истины.

«Глядеть, видать—и не вѣрять».

А между тѣмъ фактъ возстановленія монетнаго обращенія въ Америкѣ существуетъ, и чѣмъ сильнѣе оказывается перевѣсъ вывоза товаровъ надъ привозомъ въ Америкѣ, тѣмъ значительнѣе оказывается отливъ золота изъ Европы въ Америку.

Вотъ сравнительная таблица денежнаго обращенія въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1830, 1860, 1870, 1880 годахъ, напечатанная въ Нью-Йорской «Financial Chronicle» и составленная на основаніи ежегодныхъ отчетовъ начальника монетнаго двора (the Master of the Mint).

	1830 г.	1860 г.	1870 г.	1880 г.
Законныя бумаж. деньги дол. (Legal tenders)	—	—	356,000,000	346,742,000
Мелкія бумаж. деньги . . .	—	—	39,763,000	7,182,000
Банковые билеты . . .	80,000,000	207,000,000	299,904,000	343,905,000
Золото въ банкахъ . . .	20,000,000	103,000,000	48,345,000 ²⁾	302,676,000
Золото въ обращеніи . . .	75,000,000	125,000,000	—	77,344,000
Серебро » » »				
Золото въ казначействѣ . . .	—	—	— ²⁾	135,000,000
Серебро » »	—	—		
» Итого дол.	175,000,000	435,000,000	744,012,000	1,290,861,000

¹⁾ «The immediate consequence of the return to specie payments, which was practically a modified, though disguised inflation in as much as the paper currency was not replaced by metallic. No destruction of paper took place, and very little was exchanged for gold, and such little was still accepted as legal tender by the Treasury and was used as such. However this may be, the people of the United States are agreed among themselves that they are now on a specie basis, and as such we in Europe must accept them, though perhaps in some minds with a little reservation». (см. «Econ.» 1879 стр. 1133)

²⁾ Взято изъ банковаго отчета (bank statement) отъ 22 января 1870 г., а такъ какъ эта сумма тогда считалась частью резервнаго фонда (reserve), то и включена въ тогдашнее денежное обращеніе.

³⁾ Такъ какъ золота и серебра въ 1870 г. въ обращеніи не было, то сльдвательно и суммы не показаны.

«За вычетомъ изъ итога 1880 г. находящагося въ казначействѣ количества серебра, остатокъ представляетъ дѣйствительное денежное обращеніе (actual currency) въ 1.212,000,000 долларовъ, что составитъ 24¹/₂ дол. на человѣка, противъ 19¹/₂ дол. въ 1870 г., 13³/₄ дол. въ 1860 г. и 13¹/₂ дол. въ 1830 г., («Есop.» 1880 г., стр. 1,322).

Изъ вышеозначенной таблицы видно, что денежное обращеніе Соединенныхъ Штатовъ составляли

	1830 г.	1860 г.	1870 г.	1880 г.
Бумажныя деньги дол. . .	80, 00,000	207,000,000	695,667,000	697,829,000
Металлич. „ „	95,000,000	228,000,000	48,345,000	593.032,000
Итого дол.	175,000,000	435,000,000	744,012,000	1.290,861,000

Эти данныя доказываютъ, что въ настоящее время денежное обращеніе Соединенныхъ Штатовъ оказывается втрое болѣе чѣмъ было двадцать лѣтъ тому назадъ, передъ началомъ междуусобной войны, и что количество бумажнаго денежнаго обращенія осталось такимъ-же какъ и въ 1870 году, не смотря на то, что металлическое обращеніе теперь оказывается въ двѣнадцать разъ болѣе, чѣмъ было 10 лѣтъ тому назадъ; слѣдовательно, мы имѣемъ неоспоримыхъ два факта, а именно: что консолидаци бумажныхъ денегъ (гринбэковъ) почти не было, и что неразмѣнныя бумажныя деньги не помѣшали громадному приливу золота. Какъ ни не согласно подобное явленіе съ понятіями людей науки, не признающихъ существованія торговаго баланса, но фактъ остается фактомъ, и его, какъ слова изъ пѣсни, не выкинешь изъ дѣйствительности.

Изъ вышеприведенныхъ словъ автора, что ссылающіеся на примѣръ Соединенныхъ Штатовъ «забываютъ, что, не смотря на выгодный торговый балансъ, Сѣверная Америка продолжаетъ вывозить драгоцѣнныя металлы», можно заключить, что въ этомъ онъ видитъ какую-то несообразность, несомѣстную съ понятіемъ о выгодномъ торговомъ балансѣ. Въ дѣйствительности же никакой несообразности тутъ нѣтъ, и «при ближайшемъ знакомствѣ съ фактами и правильномъ ихъ пониманіи» (говоря словами автора) легко убѣдиться, что продолжающійся вывозъ драгоцѣнныхъ металловъ изъ Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ, вполне можетъ имѣть мѣсто, не смотря на выгодный торговый балансъ. Дѣло въ томъ, что въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ добывается, кромѣ золота, еще большее количество серебра, почти на равную сумму съ золотомъ, какъ видно, изъ слѣдующей таблицы. Втеченіи послѣднихъ семи лѣтъ было добыто:

Годы.	Золота. Дол.	Серебра. Дол.	Итого. Дол.
1874 . .	38.466,488	29.699,122	68.165,610
1875 . .	39.968,194	31.635,239	71.603,433
1876 . .	42.866,985	39.292,924	82.179,859
1877 . .	44.860,223	45.846,109	90.726,332
1878 . .	37.576,030	37.248,137	74.824,167
1879 . .	31.470,262	37.032,857	68.503,119
1880 . .	32.559,067	38.033,055	70.592,122

Серебро вывозится изъ Америки, какъ матеріалъ для издѣлій и для торговыхъ платежей въ Китаѣ, Ост-индіи, Японіи и т. д. Слѣдовательно, фактъ вывоза серебра изъ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ столь же мало доказываетъ невыгодность торговаго баланса для нихъ, какъ и привозъ серебра въ Россію можетъ служить доказательствомъ выгоды ея торговаго баланса. Какъ извѣстно, въ Россіи добывается самое ничтожное количество серебра, мѣнѣе 1,000 пуд. въ годъ, тогда какъ на выдѣлку серебряныхъ издѣлій, парчей, позументовъ и т. п., и разнѣнной монеты, его требуется гораздо болѣе, чѣмъ и объясняется постоянный привозъ его къ намъ изъ заграницы, не смотря на невыгодный балансъ и одновременный вывозъ отъ насъ золота.

Изъ слѣдующихъ данныхъ видно, какъ, по мѣрѣ улучшенія торговаго баланса въ пользу Америки, вывозъ изъ нея драгоценныхъ металловъ уменьшался, а привозъ ихъ въ нее увеличивался:

Года съ 1 июля по 30 июля.	Вывозъ. Дол.	Привозъ. Дол.	Вывезено болѣе. Дол.	Привезено болѣе. Дол.
1874—75 . .	92.133,142	20.900,717	71.231,425	—
1875—76 . .	56.506,302	15.936,681	40.569,621	—
1876—77 . .	56.162,237	40.774,414	15.387,823	—
1877—78 . .	33.740,125	29.821,314	3.918,811	—
1878—79 . .	24.996,641	20.293,000	4.703,641	—
1879—80 . .	17.142,919	93.034,310	—	75.891,391

Въ 1874—75 г., когда привозъ товаровъ въ Соединенные Штаты превышалъ еще ихъ вывозъ на 19.562,725 дол., драгоценныхъ металловъ было вывезено болѣе, чѣмъ привезено, на 71.261,425 дол. Но съ слѣдующаго года, по мѣрѣ увеличенія торговаго баланса въ пользу Соединенныхъ Штатовъ:

Годы.	На дол.	Годы.	На дол.
1875—76 . .	79.643,481	1877—78 . .	257.814,234
1876—77 . .	151.152,094	1878—79 . .	264.636,602

перевѣсъ вывоза драгоценныхъ металловъ сталъ быстро уменьшаться. А въ 1879—80 г., при громадномъ вывозѣ хлѣба изъ Америки, при-

возъ драгоцѣнныхъ металловъ превышалъ ихъ вывозъ на 75.891,391 дол.

Странно, какъ, въ виду подобныхъ данныхъ, могло придти на мысль почтенному автору усмотрѣть въ вывозѣ серебра изъ Соединенныхъ Штатовъ несостоятельность или безсиліе выгоднаго торговаго баланса для привлеченія въ страну драгоцѣнныхъ металловъ и возстановленія металлическаго обращенія.

Упомянувъ о рекомендуемомъ съ разныхъ сторонъ пересмотрѣ таможеннаго тарифа и противоположныхъ требованій поборниковъ протекціонизма и фритридерства, авторъ говоритъ: «Есть, однако, критерій; нелишенный нѣкотораго практическаго значенія, если не для соглашенія противоположныхъ мнѣній, то для присканія болѣе правильнаго разрѣшенія сомнительныхъ случаевъ. Этотъ критерій заключается въ оцѣнкѣ измѣненій, предполагаемыхъ въ таможенномъ тарифѣ съ точки зрѣнія дешевизны внутренняго производства, достигаемой безъ пониженія рабочей платы. Дешевизна производства можетъ усилить финансовыя ресурсы страны и доставить тѣ средства для покрытія платежнаго баланса, которыми никогда не могутъ обезпечить насъ ни вѣнныя займы, ни покровительственная система» (см. стр. 124).

Признаемся, мы не понимаемъ критерія автора и что онъ собственно подразумеваетъ подъ дешевизною внутренняго производства безъ пониженія рабочей платы, чѣмъ онъ однако думаетъ руководствоваться при оцѣнкѣ предполагаемыхъ измѣненій въ таможенномъ тарифѣ. Все, что онъ говоритъ далѣе, нисколько не поясняетъ его мысли. Что дешевизна внутренняго производства мануфактурныхъ издѣлій зависитъ отъ дешевизны имѣющагося въ странѣ сыраго матеріала, искусства рабочихъ и совершенства употребляемыхъ орудій, а дешевизна производства сыраго матеріала много зависитъ отъ размѣра производства, который, въ свою очередь, зависитъ отъ величины спроса на матеріалъ; что искусство рабочихъ зависитъ отъ возможности практиковаться въ производствѣ требующихся предметовъ, а употребленіе въ производствѣ усовершенствованныхъ орудій и машинъ обусловливается не однимъ только ихъ приобрѣтеніемъ, но еще болѣе всего умѣемъ обращаться съ ними и возможностью немедленнаго исправленія поломокъ, что, въ свою очередь, возможно только при туземномъ производствѣ орудій и машинъ, которое одно и можетъ доставить рабочихъ, умѣющихъ обращаться съ машинами, на

недостатокъ въ которыхъ слышится столько жалобъ,—все это вполне логично и понятно для всякаго, сколько-нибудь знакомаго съ дѣломъ и обладающаго простымъ здравымъ смысломъ. Но непонятнымъ это остается для официальныхъ представителей нашихъ техническихъ и сельско-хозяйственныхъ интересовъ, какъ доказываетъ опытъ безплатнаго привоза къ намъ земледѣльческихъ орудій и машинъ. Израсходованы на покупку за границей этого рода орудій и машинъ втеченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ многіе десятки миліоновъ рублей, а жалобы на ограниченность ихъ употребленія не прекращаются. Причина извѣстна: отсутствіе туземнаго производства сельскихъ машинъ и орудій, причемъ только и возможно ихъ немедленное исправленіе, и образованіе рабочихъ, умѣющихъ обращаться съ ними.

Для развитія же въ странѣ потребныхъ ей издѣлій, для производства которыхъ имѣются и матеріалы, и свободныя руки, самымъ сильнымъ факторомъ является покровительственный таможенный тарифъ. На первое время онъ, конечно, возвышаетъ въ размѣрѣ пошлины стоимость издѣлій, сравнительно съ иностранными. Но «мы должны, какъ говоритъ авторъ, — имѣть въ виду не одни интересы настоящаго, но и будущаго»; особенно, прибавимъ мы, въ виду благотворнаго вліянія, какое развитіе или усиленіе туземнаго производства неизбѣжно окажетъ на удешевленіе предметовъ вообще, вслѣдствіе улучшенія торговаго баланса и поднятія цѣнности кредитнаго рубля.

Что касается до предупрежденія «рабочей платы отъ пониженія», то только при покровительственномъ тарифѣ, дающемъ возможность производить болѣе цѣнныя издѣлія, рабочая плата можетъ быть поддерживаема и лучше вознаграждаема.

Какъ бы наши ученые экономисты въ своемъ желаніи согласить противоположные интересы ни старались умалить значеніе покровительственнаго тарифа въ дѣлѣ исправленія торговаго или платежнаго баланса, но примѣръ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ остается неопровержимымъ фактомъ, доказывающимъ, что при высокомъ покровительственномъ тарифѣ не только возможно возстановленіе металлическаго обращенія безъ консолидаціи неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, но что при немъ возможны и дешевизна всѣхъ жизненныхъ продуктовъ, и высокая рабочая плата.

За симъ обращаемся къ давнишней идеѣ автора о «возвращеніи монетѣ права служить орудіемъ обращенія», т. е. раз-

рѣшенія обязываться на монету, что послужить, какъ онъ полагаетъ, къ удержанію золота отъ ухода за границу. «Возвращеніе монетъ права служить орудіемъ обращенія, говоритъ онъ,—предполагаетъ разрѣшеніе совершать сдѣлки на монету (т. е. сообщеніе такимъ сдѣлкамъ законной силы, которой они теперь не имѣютъ) и дозволеніе послѣдней обращаться (съ лажемъ)». «Нечего опасаться, что эта мѣра поколеблетъ курсъ кредитнаго рубля, что монета вытѣснитъ бумажныя деньги изъ обращенія. Сохраненіе счета на кредитныя рубли, обязательный пріемъ послѣднихъ въ платежахъ, слѣдующихъ по сдѣлкамъ, заключеннымъ не только на бумажную, но и металлическую валюту (по курсу), обезпечить кредитнымъ билетамъ свободное обращеніе, но въ то же время и монета не будетъ лишена права служить платежнымъ средствомъ» (стр. 116).

Авторъ подтверждаетъ полезность рекомендуемой имъ мѣры ссылкой на примѣръ Соединенныхъ Штатовъ, «гдѣ законъ, запрещавшій употребленіе монеты въ частныхъ сдѣлкахъ и названный въ «Merchant Magazine» закономъ объ изгнаніи послѣднаго долара изъ предѣловъ страны, былъ отиѣненъ 30 іюня 1864 г., 10 дней спустя послѣ его утвержденія, въ то время, когда лажъ достигалъ наибольшей высоты (256½ доларовъ за 100 доларовъ монетою)».

Еще въ 1864 году, по поводу статей покойнаго Ю. А. Гагемейстера, напечатанныхъ въ журналѣ «День» ¹⁾, и въ 1867 году, по поводу статей почтеннаго Н. Х. Бунге въ «Русскомъ Инвалидѣ» ²⁾, мы высказали наше мнѣніе о бесполезности и вредѣ отиѣны обязательнаго курса кредитныхъ билетовъ и о несостоятельности разрѣшенія обязательствъ на металлическую монету къ удержанію драгоцѣнныхъ металловъ отъ ухода за границу, при невыгодномъ торговомъ балансѣ. Мы говорили, что при внутреннихъ торговыхъ оборотахъ, ни одинъ благоразумный купецъ, не смотря на разрѣшеніе, не рѣшится выдавать обязательства на звонкую монету, по той простой причинѣ, что это подвергало бы его риску и лишало возможности конкурировать съ тѣмъ, кто покупалъ бы безъ подобнаго обязательства. Купивъ товаръ, съ обязательствомъ уплатить чрезъ 6 или 9 мѣсяцевъ звонкою монетою, купецъ былъ бы принужденъ къ продажной цѣнѣ товара прибавить нѣсколько процентовъ, для покрытія могущаго случиться къ тому времени вздорожанія золота и серебра, тогда какъ покупающій на кредитныя билеты не обязанъ этого дѣ-

¹⁾ См. «Торговый сборникъ», 1864 г., № 38. «Отиѣна обязательнаго курса кредитнаго рубля» и № 44 «Обязательства на золото и серебро».

²⁾ См. «Торговый Сборникъ» 1867 г., № 38, «Средства, предлагаемыя г. Бунге для устраненія недостатковъ нашей денежной и банковской системы».

дать. Слѣдовательно, если-бы изъ двухъ иностранныхъ домовъ одинъ захотѣлъ продавать не иначе, какъ на векселя въ звонкой монетѣ, а другой довольствовался бы векселями на кредитные билеты, то ясно, что первый остался бы безъ покупателей. При многочисленности иностранныхъ продавцевъ, сильномъ ихъ желаніи сбывать намъ свои произведенія и возможности безъ убытка и по состоящимъ курсамъ и дисконтамъ переводить за нихъ за границу деньги,—нѣтъ никакого основанія предполагать общую стачку со стороны привозителей иностранныхъ товаровъ не продавать иначе, какъ на звонкую монету ¹⁾).

Нѣкоторыми нашими обществами долгосрочнаго кредита, какъ, на примѣръ, «обществомъ взаимнаго поземельнаго кредита», были сдѣланы опыты обязывать своихъ заемщиковъ платить звонкою монетою проценты и погашенія по займамъ. Но это послужило только въ отягощенію непомѣрными платежами заемщиковъ, какъ это и было своевременно предсказано нами ²⁾. Что же касается до главной цѣли рекомендуемой мѣры—разрѣшенія обязываться на монету, какъ средству въ удержанію драгоцѣнныхъ металловъ отъ ухода за границу и въ накопленію металлическаго въ странѣ запаса, безъ чего невозможно открытіе разнѣна кредитныхъ билетовъ, то вышесказанныя обязательства, какъ извѣстно, нисколько этому не содѣйствовали и золото продолжаетъ уходить за границу.

Также мало, при невыгодномъ балансѣ, содѣйствуетъ и золотая пошлина удержанію золота отъ ухода за границу, какъ доказываетъ примѣръ Россіи и еще болѣе Америки, гдѣ пошлины ввзимались золотомъ постоянно.

Что касается ссылки автора на то, что въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ законъ, запрещавшій употребленіе монеты въ частныхъ сдѣлкахъ, былъ отгнѣненъ чрезъ 10 дней по его изданіи, то это вполне понятно. Американцы скоро сообразили, что подобное запрещеніе вполне бесполезно, такъ какъ ни одинъ осторожный торговецъ не станетъ выдавать долгосрочныхъ обязательствъ на монету. Но важно не то, были ли въ употребленіи въ Америкѣ обязательства на монету въ частныхъ сдѣлкахъ, а важенъ тотъ фактъ, что такія обязательства, если онѣ и дѣйствительно существовали, во все не содѣйствовали въ удержанію въ обращеніи звонкой монеты въ Америкѣ. Этотъ фактъ доказывается вышеприведенною таблицею о денежномъ обращеніи въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, въ которой подъ рубрикою 1870 г. количество звонкой монеты въ обращеніи не пока-

¹⁾ «Торговый сборникъ», 1864 г. стр. 346.

²⁾ См. «Торговый сборникъ» 1866 г., стр. 97. «Общество взаимнаго поземельнаго кредита».

зано, такъ какъ ея въ обращеніи не было. Этотъ же фактъ подтверждаютъ и слѣдующія слова «Нью-Йоркской «Commercial Chronicle», приведенныя недавно «Economist'омъ»: «до возстановленія платежа звонкою монетою, золото, не находя себѣ употребленія и будучи требуемо только насколько настояла надобность, для уплаты таможенныхъ пошлинъ, а также въ небольшомъ количествѣ для банковыхъ запасовъ, постоянно уходило изъ страны»¹⁾. Слѣдовательно, по свидѣтельству самихъ американцевъ, обязательства на монету, если таковыя и были въ употребленіи, нисколько не содѣйствовали удержанію золота отъ ухода за-границу. А между тѣмъ вся цѣль подобной мѣры именно и заключается въ удержаніи отлива золота за-границу.

Не сознавая безсилія обязательствъ на монету удержать золото отъ ухода за-границу, при невыгодномъ торговомъ балансѣ, авторъ въ то же время предвидитъ затрудненія и невыгоды, къ какимъ можетъ подать поводъ рекомендуемое имъ разрѣшеніе обязательствъ на монету, а потому и считаетъ необходимымъ ограничить случаи, допускающіе сдѣлки на монету. Во 1-хъ, говоритъ авторъ, — «неустановленія общаго правила, можно опредѣлить случаи, допускающіе совершеніе сдѣлокъ на монету и употребленіе монеты въ платежахъ. Такъ, напримѣръ, можно разрѣшить выдачу на монету векселей, заключеніе займовъ подъ закладныя на недвижимыя имущества и нѣкоторыхъ долгосрочныхъ контрактовъ (но съ надлежащими предосторожностями)?; можно дозволить банкамъ пріемъ процентныхъ вкладовъ, выдачу ссудъ и учетъ металлическихъ векселей монетою; можно дозволить уплату налоговъ монетою (по курсу, назначенному правительствомъ) заводчикамъ, фабрикантамъ, купцамъ, владѣльцамъ крупныхъ недвижимыхъ имуществъ. Во 2-хъ, можно установить общее правило и перечислить случаи, въ которыхъ употребленіе монеты должно подлежать ограниченіямъ. Такъ, напримѣръ, слѣдуетъ запретить совершеніе сдѣлокъ на монету, въ особенности долгосрочныхъ контрактовъ, крестьянамъ и людямъ неграмотнымъ; слѣдуетъ запретить уплату монетою нѣкоторыхъ налоговъ, напримѣръ, личныхъ податей, паспортнаго сбора и проч. Всѣ подобнаго рода ограниченія предписываются соображеніями не экономическаго, а чисто полицейскаго свойства, необходимою предупредить обманъ и эксплуатацію людей темныхъ, незнакомыхъ съ колебаніемъ лажа, людей, которыхъ легко и обойти, и обчитать».

Мѣра, сопряженная съ опасностью эксплуатаціи и обмана для массы

¹⁾ «Before resumption, gold being out of use, and not needed, except so far as it was employed for Customs payments, and to a small extent as bank reserves, kept up a constant outflow from the country». (см. «Economist» 1881, стр. 158).

народа, не можетъ быть признана мѣрою общепольною и желательною. Что же касается до исключительныхъ случаевъ, какъ, на примѣръ, долгосрочныхъ [займовъ подъ залогъ поземельной собственности, выпуска металлическихъ билетовъ, торговли и учета асигновокъ на золото, то этого рода операции, какъ извѣстно, практикуются у насъ издавна, нисколько, однакожъ, не вліяя на удержаніе нашего золота отъ ухода за границу, а скорѣе еще содѣйствуя этому.

Изъ вышесказаннаго видно, что мы расходимся съ почтеннымъ авторомъ по слѣдующимъ капитальнымъ вопросамъ:

1) Мы находимъ, что онъ недостаточно сознаетъ значеніе покровительственнаго таможеннаго тарифа для возстановленія равновѣсія въ торговомъ балансѣ;

2) Что при ссылкѣ на факты, несогласные яко-бы съ понятіемъ о торговомъ балансѣ, какъ, на примѣръ, перевѣсъ привоза надъ вывозомъ товаровъ въ Англій, или вывозъ драгоценныхъ металловъ изъ Америки—онъ ошибается въ пониманіи настоящаго значенія приводимыхъ имъ фактовъ;

и 3) Что онъ приписываетъ излишнюю важность разрѣшенію обязываться на золото, какъ средству удержать золото отъ ухода за границу и возстановить металлическое обращеніе.

Очевидное несознаніе [авторомъ, не смотря на всѣ его оговорки, значенія таможеннаго тарифа въ дѣлѣ возстановленія равновѣсія въ торговомъ балансѣ, безъ чего немислимо и прочное возстановленіе металлическаго обращенія, и его вѣра въ возможность достигнуть этого такими сурогатами, какъ обязательства на монету, — къ сожалѣнію, доказываютъ, что сознательнаго, систематическаго примѣненія самого дѣйствительнаго средства для развитія производительныхъ силъ страны, чѣмъ только и возможно прочно возстановить равновѣсіе въ торговомъ или платежномъ балансѣ,—ожидать въ настоящее время еще нельзя. Какъ было до сихъ поръ, такъ и теперь, призываемые къ уврачеванію нашихъ экономическихъ и финансовыхъ недуговъ, очевидно отдають предпочтеніе средствамъ, основаннымъ болѣе на теоретическихъ предположеніяхъ экономической науки, передъ средствами, указываемыми простымъ здравымъ смысломъ, и которыя съ такимъ успѣхомъ были испытаны на нашихъ глазахъ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами. Повидимому, [для насъ еще недостаточно было,—въ видахъ возстановленія цѣнности кредитнаго рубля, — испытанія фіаско такихъ мѣропріятій, какъ: ликвидация прежнихъ кредитныхъ учреждений, поддержка вексельныхъ курсовъ, размѣнная операція; хотятъ еще испробовать не столь конечно

дорого стояща, но не менѣе несостоятельныя средства, въ родѣ разрѣшенія обязательствъ на монету...

Медленность, съ какою, не смотря на всѣ ходатайства, затягивается разрѣшеніе даже такихъ несложныхъ вопросовъ, какъ возстановленіе пошлины на иностранное сало и стеаринъ ¹⁾, или повышеніе пошлины на джутовые мѣшки, — ясно доказываетъ, что сознаніе настоящей потребности покровительствовать туземной производительности не стоитъ на первомъ планѣ. А между тѣмъ время уходитъ, производительность того или другаго продукта подрывается, а съ этимъ истощаются и производительныя силы страны ²⁾. Такъ какъ общая производительность страны есть продуктъ коллективной дѣятельности разнообразныхъ частныхъ промышленностей, то если, придумывая какую либо мѣру въ видахъ огульнаго оживленія производительныхъ силъ страны, мы будемъ между тѣмъ пренебрегать насущными интересами отдѣльныхъ промышленностей, считая ихъ за слишкомъ ничтожныя, то этимъ мы нанесемъ прямой, положительный вредъ и подрывъ нашей производительности; польза же отъ нашей огульной мѣры остается отдаленною и проблематическою.

Если мы хотимъ жить и расходовать по-европейски, то должны и производить по-европейски, а не по-азіятски. Жить на заграничный кредитъ долго — невозможно. Необходимо или сильно сократить свои внѣшніе расходы, или развить туземную производительность требующихся мануфактурныхъ издѣлій. Другаго исхода нѣтъ и быть не можетъ! Какъ не мудрствуй, а все-таки самымъ дѣйствительнымъ средствомъ въ возстановленію равновѣсія въ платежномъ балансѣ, пониженію преміи на золото и возстановленію платежей монетою, для насъ, какъ было для Америки, долженъ служить рационально составленный и строго исполняемый покровительственный тарифъ.

А. К.

¹⁾ Со времени перваго ходатайства объ этомъ уже прошло около года.

²⁾ Изъ Екатеринбурга сообщаютъ, что на ишимской ярмаркѣ до 400,000 пуд. сала осталось безъ покупателей, вследствие невѣстности, будетъ ли возстановлена пошлина на иностранное сало. !Отъ оставшагося на рукахъ непроданнымъ сала, салопроизводители должны понести большіе убытки, что конечно не послужитъ на пользу нашего скотоводства, столь нуждающагося въ поощреніи для покрытія громадныхъ потерь, понесенныхъ въ послѣдніе года отъ падежей.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

МЕХАНИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРОБЛЕМА ТЯГОТЪНІЯ.

Для механической теории, поставившей въ основу своего принципа движеніе, наступаетъ время окончательнаго сведенія счетовъ съ идеями того прошлаго метафизическаго міровозрѣнія, которое столько вѣковъ стояло во главѣ «философіи природы», во главѣ всего ученія о космосѣ. Мы говоримъ: «наступаетъ время», хотя большинство склонно думать, что время это не только наступаетъ, но давно уже наступило; что механическая теорія окончательно уже свела свои счета съ метафизическими идеями, окончательно сбросила съ себя вліяніе этихъ идей. Но, конечно, это не такъ. По самымъ основнымъ вопросамъ, составляющимъ непосредственно предметъ механической теоріи, каковы физическія явленія нашего космоса, популярностью продолжаютъ пользоваться такія ученія, которыя не имѣютъ ничего общаго съ механическимъ принципомъ, мало того, которыя извращаютъ основное понятіе объ этомъ принципѣ и тѣмъ самымъ тормозятъ развитіе механической теоріи.

Примѣненіе основныхъ положеній механической теоріи къ объясненію не только простѣйшихъ, но самыхъ сложныхъ явленій природы, составляетъ необходимое и единственное условіе для научнаго пониманія этихъ явленій. Противъ такого требованія никто не станетъ спорить изъ выдающихся мыслителей нашего времени. Но вотъ потому именно, весьма важно, конечно, чтобы въ основу механической теоріи, подъ видомъ механическаго принципа, не могли проникать

идеи совершенно противоположнаго характера, такъ какъ въ противномъ случаѣ это повело бы къ цѣлому ряду недоразумѣній, которыя способны скорѣе подрывать значеніе данной теоріи, нежели содѣйствовать ея развитію. Если съ этой точки зрѣнія мы попытаемся оцѣнить современное состояніе механической теоріи, то увидимъ тогда, что только-что предположенное имѣетъ мѣсто въ дѣйствительности; мы увидимъ тогда, что наиболѣе популярныя ученія о физическихъ, напримѣръ, явленіяхъ, только прикрываются механическою теоріею, продолжая въ основаніи своемъ всецѣло поконить на такихъ «началахъ», которыя идутъ въ разрѣзъ съ принципомъ этой теоріи.

Достаточно сослаться на слѣдующій примѣръ. Повидимому не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что явленія, обнаруживаемыя тѣми или другими тѣлами, обязаны своимъ происхожденіемъ взаимодѣйствію этихъ тѣлъ, ихъ свойствамъ. Какъ бы ни объяснялись причины такого взаимодѣйствія, причины данныхъ свойствъ, но, повторяемъ, внѣ указанныхъ условій изслѣдованіе явленій, повидимому, не должно было бы имѣть мѣста при современномъ состояніи знанія, разъ въ основу этого знанія положенъ механическій принципъ. А между тѣмъ на провѣрку выходитъ совершенно иначе: помимо свойствъ самыхъ тѣлъ признается еще существованіе «особыхъ» свойствъ, приписываемыхъ гипотетическому веществу, «эфиръ». Эфиръ этотъ обладаетъ идеальною упругостью и служитъ причиною той подвижности и тѣхъ вообще измѣненій, которыя обнаруживаютъ по отношенію другъ къ другу частицы тѣлъ. Идетъ ли рѣчь объ упругости послѣднихъ, эта упругость, въ концѣ концовъ, оказывается упругостью эфира, помѣщающагося между частицами даннаго тѣла; идетъ ли рѣчь о цвѣтности, теплопрозрачности и проч. — тоже самое. Достаточно сказать, что все ученіе о свѣтѣ и лучистой теплотѣ цѣликомъ построено на признаніи гипотетическихъ свойствъ гипотетическаго эфира, и тѣ или другія явленія свѣтоты, или лучистой теплоты, обнаруживаемыя тѣлами, объясняются этими гипотетическими свойствами, приписываются эфиру. Послѣдній такимъ образомъ играетъ дѣятельную роль, и самыя тѣла, частицы ихъ, относятся совершенно пассивно къ испытываемымъ ими измѣненіямъ. Исключите эфиръ изъ числа «дѣйствующихъ силъ» — и передъ вами останется абсолютно недѣятельная, абсолютно-вещная масса. Но такое представленіе о тѣлѣ и «причинѣ» его свойствъ идетъ въ разрѣзъ съ механическою теоріею, одно изъ основныхъ положеній, которой гласитъ: свойства всякаго тѣла опредѣляются дѣятельностью его частей, его внутреннимъ движеніемъ. «Нѣтъ, говоритъ эфирная теорія, не дѣятельностью «его частей», а дѣятельностью содержащагося въ немъ эфира.» И не смотря на такое совершенно противоположное ученіе, послѣдняя теорія прикрывается пер-

вой; ее признають послѣдователи того самого механическаго принципа, которому чужда она, подобно всякой метафизической идеѣ.

Другимъ, не менѣ замѣчательнымъ примѣромъ можетъ служить ученіе объ «единствѣ физическихъ силъ». Какъ извѣстно, ученіе это покоится на признаніи движенія, какъ основы явленій, и потому, согласно такому ученію, не должно было бы искать другихъ «причинъ» помимо тѣхъ, которыя даны въ условіяхъ движенія. И, тѣмъ не менѣ, что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ: рука объ руку съ ученіемъ объ единствѣ силъ, фигурируютъ, въ качествѣ специфическихъ дѣятелей, особыя «притягательныя» и «отталкивательныя» силы, которыя уже потому не могутъ быть сведены къ движенію, что онѣ рассматриваются какъ причины этого движенія, а не наоборотъ. Разверните любое руководство по физикѣ и вы прочтете въ немъ, приблизительно, слѣдующее: частицы, образующія свою совокупность тѣло, не прикасаются между собою, но удерживаются на неизмѣримо малыхъ другъ отъ друга разстояніяхъ, благодаря взаимному притяженію и отталкиванію. Если-бы вы пожелали ознакомиться подробнѣе съ условіями этого притяженія и отталкиванія, то узнали бы, что сближеніе частицъ [опредѣляется силою ихъ взаимнаго притяженія, которому воздѣйствуетъ помѣщающаяся между ними другая среда—эфиръ; послѣдній именно и служитъ отталкивательною силою. Достаточно, такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія, вычеркнуть указанныя «частичныя силы» изъ числа физическихъ дѣятелей, и тѣло лишается всѣхъ своихъ физическихъ свойствъ, т. е. тѣхъ самыхъ свойствъ, основу которыхъ, согласно ученію объ единствѣ силъ, составляетъ движеніе, о чемъ однако притягательная или отталкивательная сила не даютъ никакого представленія.

Тоже самое, наконецъ, слѣдуетъ сказать и о той общепризнанной силѣ, которая служитъ причиною тяготѣнія или паденія тѣлъ и извѣстна подъ именемъ ничего не объясняющаго «притяженія». Тѣла тяготѣютъ другъ къ другу потому, что обладаютъ притягательною силою. Это сродни какому угодно ученію, только не механическому которымъ однако оно продолжаетъ прикрывать свою безсодержательность. Вотъ подобное-то обстоятельство и обращаетъ на себя вниманіе; взятое съ другими, только что рассмотрѣнными фактами, оно служитъ весьма вѣскимъ аргументомъ противъ того общераспространеннаго мнѣнія, будто механическая теорія кончила уже свои счеты съ идеями метафизическаго міросозерцанія, хотя, несомнѣнно, время окончательнаго сведенія этихъ счетовъ уже наступаетъ. И нынѣ, болѣе чѣмъ когда либо, сознается въ томъ необходимость; болѣе чѣмъ когда либо чувствуется рѣзкій дисонансъ между всѣми этими вспомогательными «силами» и основнымъ, механическимъ принципомъ; бо-

лге, наконецъ, тѣмъ когда либо растетъ убѣжденіе, что дальнѣйшее развитіе механической теоріи и ея примѣненіе къ тѣмъ или другимъ отдѣламъ знанія невозможно при такихъ условіяхъ; что вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя и выражаемыхъ въ механическихъ терминахъ, но по происхожденію своему совершенно метафизическихъ, служить источникомъ превратнаго представленія о причинности явленій и тѣмъ самымъ навлекаетъ на механическую теорію обвиненіе въ непослѣдовательности, въ чемъ, на самомъ дѣлѣ, повинна не механическая теорія, а тѣ, не имѣющія ничего общаго съ ея основнымъ принципомъ, ученія, которыя прикрываются именемъ этой теоріи.

Такимъ образомъ, освободить механическую теорію отъ такого вмѣшательства псевдо-научныхъ идей и съ тѣмъ вмѣстѣ расширить значеніе ея принципа, примѣнить его и только его одного къ объясненію явленій природы, словомъ, указать истинное мѣсто механической теоріи среди другихъ ученій—такова задача, разрѣшеніе которой, въ виду изложенныхъ выше причинъ, составляетъ одно изъ наиболее существенныхъ требованій современнаго знанія, современной научно-философской мысли. Попытка къ разрѣшенію этой трудной, многосложной задачи и была сдѣлана, недавно, Деллингсгаузеномъ въ его замѣчательномъ сочиненіи «Проблема тяготѣнія»¹⁾. Поэтому позволяемъ себѣ надѣяться, что читателямъ нашего журнала будетъ не безинтересно ознакомиться съ основными воззрѣніями названнаго ученаго; будетъ не безинтересно ознакомиться съ содержаніемъ его труда, насколько трудъ этотъ дѣйствительно содѣйствуетъ разрѣшенію вышеприведенной задачи. Само собою разумѣется, что, въ виду такого именно ограниченія, намъ не представится надобности входить въ разсмотрѣніе специальныхъ частныхъ, специальныхъ вопросовъ, затрогиваемыхъ авторомъ; задачей нашею будетъ извлечь изъ его труда наиболѣе существенное и непосредственно относящееся къ механической теоріи въ указанномъ выше смыслѣ. Съ другой стороны, это подготовитъ насъ къ пониманію одной изъ основныхъ космическихъ проблемъ, именно, проблемы тяготѣнія, продолжающей и понынѣ истолковываться совершенно ненаучнымъ образомъ. Деллингсгаузенъ дѣлаетъ попытку примѣнить къ объясненію «причины» тяготѣнія основной механической принципъ—движеніе, попытку свести явленія тяготѣнія къ этому принципу и показать, что проблема тяготѣнія можетъ быть удовлетворительно рѣшена только тогда, когда мнимое притяженіе, яко-бы существующее между тѣлами, будетъ отброшено и тяготѣніе ихъ другъ къ другу станетъ разсматриваться какъ результатъ движенія. Но, повторяемъ, для надлежащей

¹⁾ «Das Räthsel der Gravitation», von Baron N. Dellingshausen. Heidelberg, 1880.

опѣнки этой попытки и ея надлежащаго уясненія, намъ необходимо предварительно ознакомиться съ основными воззрѣніями автора, съ существенною стороною его ученія.

Едва-ли слѣдуетъ доказывать, что «матерія» и «сила», эти два термина, столь же мало опредѣленные, сколько и общеупотребительные, всегда служили и продолжаютъ служить источникомъ самыхъ существенныхъ недоразумѣній, и что злоупотребленіе этими терминами составляло и продолжаетъ составлять причину многочисленныхъ ошибокъ. А потому весьма важно, конечно, прежде всего установить точное понятіе о «матеріи» и «силѣ». Что такое матерія и сила, что знаемъ мы о матеріи и силѣ? Обыкновенно то и другое разсматриваются какъ тѣ «основныя начала», которыя служатъ причиною всѣхъ явленій космоса; въ одномъ случаѣ эти явленія обазываются свойствами «матеріи», въ другомъ — свойствами «силы». Въ любомъ учебникѣ физики говорится объ общихъ свойствахъ матеріи — непроницаемости, протяженности, дѣлимости, скважности, упругости, подвижности, инертности, тяжести, и каждое тѣло, какъ состоящее изъ матеріи, обладаетъ тѣми же общими свойствами; но, помимо общихъ свойствъ, тѣла обнаруживаютъ и частныя свойства, т. е. свойства, присущія только нѣкоторымъ изъ нихъ, таковы: твердость, жидкость, вязкость, ковкость, крѣпкость, прозрачность, цвѣтность и тысячи другихъ. Если же мы обратимся теперь къ вопросу о силѣ, то узнаемъ, изъ тѣхъ же учебниковъ, что такъ называется неизвѣстная причина тѣхъ измѣненій, которыя испытываютъ тѣла и ихъ свойства, все равно, будутъ ли эти измѣненія статическаго или динамическаго характера.

Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія, сила разсматривается не какъ результатъ движенія, а какъ причина движенія, какъ сущность дѣятельная, а матерія — какъ сущность пластическая. Достаточно, однако, самого несложнаго анализа, чтобы показать всю несостоятельность такого понятія о матеріи и силѣ. Матерія познается по ея свойствамъ. Прекрасно; но эти свойства что выражаютъ собою? возможно ли хотя одно изъ нихъ внѣ условій движенія? Во всякомъ случаѣ, для тѣхъ свойствъ, которыя доступны нашимъ чувствамъ, это невозможно, ибо мы познаемъ окружающіе предметы по тѣмъ измѣненіямъ, которыя вызываютъ они въ нашихъ чувствахъ, а всякое измѣненіе необходимо предполагаетъ движеніе. Такимъ образомъ, то или другое свойство матеріи настолько доступно нашимъ чувствамъ, настолько существуетъ для насъ, насколько оно есть движеніе.

Теперь сопоставимъ съ этимъ слѣдующее опредѣленіе матеріи, нерѣдко встрѣчающееся въ курсахъ физики: «матеріей называется все, способное посредственно или непосредственно производить впечатлѣніе

на наши чувства». Но это «все» есть движение и, по причинѣ только что указанной, ничѣмъ инымъ быть не можетъ; выходить, стало быть, что матерія есть движение. Другими словами, это значитъ, что матерію мы знаемъ только какъ движение и только въ предѣлахъ движения. Но тоже самое и опять-таки по той же самой причинѣ, мы должны сказать о всевозможныхъ «силахъ», о всевозможныхъ физическихъ и химическихъ дѣтеляхъ. Каждый изъ нихъ настолько доступенъ нашимъ чувствамъ, насколько онъ движение.

Такимъ образомъ все, что недвиженіе, равносильно для насъ нулю; это абсолютное ничто. Но оно равносильно нулю не только относительно насъ, оно равносильно нулю и относительно всей дѣятельной природы, ибо недвиженіе не можетъ произвести никакого измѣненія и, стало быть, не можетъ быть причиною никакого явленія. И если только это вѣрно, противъ чего ни одинъ изъ послѣдователей механической теоріи не станетъ спорить, въ такомъ случаѣ необходимо признать и обратное положеніе: всякое измѣненіе можетъ быть произведено только движениемъ и потому каждое явленіе есть результатъ только движения. Другаго дѣтеля въ природѣ нѣтъ. Вотъ почему общераспространенное ученіе о частичныхъ силахъ, притягательной и отталкивательной силѣ молекулъ или атомовъ, должно быть отброшено, какъ ровно ничего не объясняющее. Тоже справедливо и относительно различныхъ теорій о невѣсомыхъ жидкостяхъ, признанныхъ для объясненія лучистой теплоты, свѣта, электричества и магнетизма. Въ самомъ дѣлѣ, разъ причиною явленій служить движение, стало быть вся задача сводится къ изученію условій движения, а не тѣхъ или другихъ сущностей, не тѣхъ или другихъ гипотетическихъ свойствъ, разъ онѣ недвиженіе.

Въ виду именно этого обстоятельства Демингсгаузенъ считаетъ совершенно ненаучною общераспространенную атомистическую теорію. Теорія эта не только въ сущности ничего не объясняетъ, а, напротивъ, приводитъ къ самымъ противорѣчивымъ заключеніямъ. Основаніе, на которомъ она покоится, слѣдующее: Такъ какъ при безконечной дѣлимости тѣла оно, въ концѣ концовъ, превратилось бы въ ничто, а изъ ничего не можетъ образоваться нѣчто, то отсюда слѣдуетъ, что тѣла не могутъ быть безконечно дѣлимы и что стало быть, они состоятъ изъ частицъ, не подлежащихъ дальнѣйшему дѣленію. Такія недѣлимыя частицы и извѣстны подъ именемъ атома. Однако, такое заключеніе прежде всего грѣшитъ передъ логикою, ибо, если нѣчто, путемъ безконечнаго дѣленія, можетъ превратиться въ ничто, въ такомъ случаѣ и ничто, путемъ безконечнаго помноженія, можетъ превратиться въ нѣчто. Но вѣдь это, конечно, абсурдъ, и послѣдователи атомистической теоріи должны признать, что изъ

ничего ни при какихъ условіяхъ не можетъ произойти нѣчто; а въ такомъ случаѣ необходимо допустить и обратное; необходимо допустить, что нѣчто ни при какихъ условіяхъ, стало бытъ даже въ случаѣ безконечной дѣлимости, не можетъ превратиться въ ничто. Поводомъ къ противоположному ошибочному заключенію послужила несомнѣнно та простая математическая формула, по которой всякая конечная величина, раздѣленная на безконечность, равна нулю. Но приэтомъ, однако, было упущено изъ виду, что нуль, помноженный на безконечность, дастъ въ результатъ конечную величину и что, стало бытъ, въ математикѣ нуль есть безконечно малая величина и потому не можетъ бытъ принимаема за абсолютное ничто.

Такимъ образомъ, само собою рушится основное положеніе атомистической теоріи, ибо если тѣло безконечно дѣлимо, что же тогда остается отъ этой теоріи, что въ такомъ случаѣ будетъ атомомъ? Но это еще не все. Важно обратить вниманіе и на другую сторону предмета. Качественное различіе тѣлъ, выражаемое ихъ химическими свойствами, объясняется атомистическою теоріею природою атомовъ, входящихъ въ составъ этихъ тѣлъ. Что же это за природа и чѣмъ опредѣляется она; насколько, на самомъ дѣлѣ, объясняется это разнообразіе химическихъ свойствъ? Будутъ ли эти атомы, по природѣ своей, однородны или совершенно различны, приписываемая имъ дѣятельность цѣлкомъ и исключительно опредѣляется движеніемъ. Какими бы специфическими свойствами или силами не обладала природа атомовъ, но она не могла бы обусловить ни одного химическаго явленія внѣ движенія, такъ какъ, повторяемъ, измѣненіе необходимо предполагаетъ движеніе, а послѣднее можетъ бытъ произведено только движеніемъ. Стало бытъ, природа атомовъ настолько принимаетъ участіе въ приписываемыхъ ей явленіяхъ, насколько она—движеніе; признаніе же за нею чего нибудь другаго не только не научно, но и совершенно бесполезно, такъ какъ оно не можетъ содѣйствовать объясненію явленій. И такъ, въ концѣ концовъ, къ какому же заключенію приводитъ только-что сказанное объ атомистической теоріи? Признавая въ тѣлахъ недѣлимныя частицы или атомы, надѣляя ихъ тѣми или другими специфическими свойствами, она, на самомъ дѣлѣ, не даетъ никакого понятія объ этихъ атомахъ болѣе того, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло исключительно съ движеніемъ. Такимъ образомъ, понятіе объ атомахъ, ихъ природѣ, сводится къ понятію о движеніи; это не элементарныя, не простѣйшія частицы матеріи, это элементарныя, простѣйшія формы движенія. Инаго значенія они не имѣютъ и имѣть не могутъ съ научной точки зрѣнія.

Тоже самое слѣдуетъ сказать и о молекулахъ, опредѣляющихъ собою физическія свойства тѣлъ, ихъ агрегатное состояніе. Ни одно изъ этихъ свойствъ не возможно внѣ условій движенія и потому каждое

изъ нихъ можетъ быть объясняемо только движеніемъ, а не какими другими молекулярными силами въ родѣ притягательныхъ или отталкивательныхъ, признаніе которыхъ ведетъ къ цѣлому ряду противорѣчивыхъ заключеній.

Достаточно указать на случай перехода твердаго тѣла въ жидкое состояніе или обратно. Явленіе это объясняется тѣмъ, что или отталкивательная сила беретъ перевѣсъ, когда тѣлу сообщается теплота, или перевѣсъ беретъ притягательная сила, когда тѣло охлаждается. Но какимъ образомъ отталкивательная сила можетъ развиваться на счетъ теплоты, а притягательная, напротивъ, на счетъ холода, т. е. на счетъ уменьшенія движенія. Вѣдь сближеніе частицъ есть работа. Какимъ же образомъ притягательная сила, которой приписывается эта работа, можетъ возрастать на счетъ холода, т. е. на счетъ отрицательной величины? Это равносильно созданію силы изъ ничего. Работа предполагаетъ затрату опредѣленнаго количества энергіи, а въ данномъ случаѣ не только ничего подобнаго не обнаруживается, а замѣчается обратное. Но понятіе о силѣ, которое ведетъ къ такому абсурдному заключенію, уже по одному этому не можетъ имѣть ничего общаго съ возрѣніями механической теоріи. «Сила, говоритъ Деллингсгаузенъ, — есть неизвѣстная причина необъясненнаго явленія», а когда явленію дано надлежащее объясненіе, тогда оказывается что подъ этимъ словомъ скрывается движеніе. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ самый простой примѣръ—движеніе тѣла по горизонтальной плоскости; для того, чтобы сила, съ какою движется это тѣло, могла обнаружиться частью или вполнѣ, необходимо такъ или иначе измѣнить данное движеніе, т. е. необходимо противопоставить ему другое движеніе, и въ моментъ, когда это происходитъ, получается рядъ новыхъ явленій, происхожденіе которыхъ приписывается силѣ удара, тогда какъ въ дѣйствительности онѣ составляютъ результатъ измѣненія въ движеніи, и пока такого измѣненія не послѣдовало о силѣ и ея проявленіи не можетъ быть и рѣчи. Съ этой, строго механической точки зрѣнія говорить о силѣ, какъ о причинѣ, позволительно только въ переносномъ смыслѣ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ она есть результатъ, а не причина, только опредѣленное состояніе движенія, наступающее каждый разъ, когда послѣднее испытываетъ измѣненіе, а не реальная сущность.»

Такимъ образомъ, возвращаясь къ «молекулярнымъ силамъ», о которыхъ шла рѣчь выше, мы въ концѣ концовъ должны признать, что онѣ не даютъ сами по себѣ ровно никакого понятія, не только о тѣхъ явленіяхъ, для объясненія которыхъ придуманы, но и о тѣхъ составныхъ частицахъ или молекулахъ, свойства которыхъ они лео-бы собою выражаютъ. Объ этихъ свойствахъ, о природѣ молекулъ, мы опять-таки знаемъ не болѣе того, что это есть движеніе, и притягательная или от-

талквительныя силы не прибавляютъ къ такому знанію ничего. Онѣ и не могутъ прибавить, не могутъ ни на іоту увеличить наше знаніе окружающаго, такъ какъ тѣ элементы, изъ которыхъ слагается это знаніе, доставляются намъ извнѣ чувствами, а эти послѣднія, по самой природѣ своей, ничего болѣе кромѣ движенія доставлять не могутъ. Другими словами, природа дѣйствуетъ на насъ только своимъ движеніемъ и потому познать ее мы можемъ только въ движеніи. Отсюда само собою уже ясно, что никакое объясненіе не можетъ считаться точнымъ, научнымъ, если оно не покоится всецѣло на основномъ механическомъ принципѣ; или, говоря словами Деллингсгаузена: явленіе только тогда можетъ считаться объясненнымъ, когда оно сведено къ движенію. Такимъ же образомъ, всѣ качественныя различія тѣлъ должны разсматриваться, какъ результатъ количественнаго различія ихъ внутренняго движенія.

И такъ, механическая теорія имѣетъ дѣло съ атомами, или молекулами настолько, насколько они выражаютъ собою ту или другую форму движенія, и соединеніе атомовъ въ молекулы или молекулъ въ тѣла можетъ быть понимаемо только въ смыслѣ сложения простѣйшихъ формъ движенія въ болѣе сложныя, которыми опредѣляются всѣ свойства тѣлъ, всѣ ихъ состоянія. Отсюда уже легко понять, что постоянство, которымъ отличаются тѣ или другія свойства тѣлъ, то или другое ихъ состояніе, всецѣло опредѣляется постоянствомъ, устойчивостью самой формы ихъ внутренняго движенія. Представимъ себѣ это движеніе въ видѣ замкнутаго движенія. Это будетъ соответствовать состоянію тѣла въ покой. Очевидно, что въ такомъ случаѣ, для того, чтобы вызвать въ тѣлѣ какое бы то ни было измѣненіе, необходимо повліять на это замкнутое движеніе, и тогда оно обнаружится въ видѣ того или другаго свойства.

Возьмемъ самый простой примѣръ: твердость, какъ извѣстно, объясняется обыкновенно силою сдѣвленія; съ разсматриваемой же здѣсь точки зрѣнія она выражаетъ собою устойчивость внутренняго движенія, т. е. противодѣйствіе этого движенія тѣмъ измѣненіямъ, къ которымъ побуждается оно давленіемъ на ту или другую часть тѣла. Чѣмъ интенсивнѣе такое противодѣйствіе, тѣмъ тверже тѣло, тѣмъ большую силу необходимо употребить, чтобы раздѣлить его на части; наоборотъ, чѣмъ слабѣе это противодѣйствіе, тѣмъ мягче тѣло; въ жидкихъ тѣлахъ оно до того слабо и неустойчиво, что частицы легко передвигаются съ мѣста на мѣсто, и потому тѣла въ этомъ состояніи не могутъ имѣть никакой опредѣленной формы. И такъ, оба эти физическія свойства или состоянія, твердость и жидкость, вовсе не требуютъ для своего объясненія признанія какой-то силы сдѣвленія, а составляютъ прямой результатъ внутренняго движенія тѣлъ. Отсюда также становится уже совершенно понятнымъ то общее свойство, ко-

торое известно под именемъ непроницаемости и которое обыкновенно приписывается матеріи, хотя на самомъ дѣлѣ оно выражаетъ собою не болѣе не менѣе того, что движеніе не уничтожаемо.

Если мы обратимся теперь къ другимъ явленіямъ, которыя, подобно твердости или жидкости, приписываются обыкновенно молекулярнымъ силамъ, то увидимъ тогда, что и здѣсь весь вопросъ сводится къ условіямъ, при которыхъ внутреннее движеніе тѣла испытываетъ тѣ или другія измѣненія. Такъ, напримѣръ, въ случаѣ съ повышеніемъ температуры даннаго тѣла путемъ нагрѣванія, оно, какъ известно, расширяется, въ случаѣ же охлажденія, напротивъ, сжимается. Съ разсматриваемой здѣсь точки зрѣнія, явленіе это объясняется очень просто. Объемъ тѣла выражаетъ собою конечный предѣлъ или иначе конечную величину, на которую распространяется его внутреннее замкнутое движеніе. Нагрѣвая тѣла, сообщая ему движеніе извнѣ, мы тѣмъ самымъ усиливаемъ его внутреннее движеніе, вслѣдствіе чего раздвигаются рамки этого замкнутаго движенія или, иначе говоря, увеличивается размахъ внутренней вибраціи, что и выражается расширеніемъ тѣла. Когда же тѣло охлаждается, т. е. теряетъ нѣкоторое количество своего внутреннего движенія, вибрація укорачивается, что и обуславливаетъ собою сжатіе тѣла.

Такимъ образомъ, для надлежащаго пониманія разсматриваемаго явленія не представляется надобности призывать на помощь отталкивательныя или притягательныя силы, которыя къ тому же дадутъ только кажущееся объясненіе и стоятъ въ прямомъ противорѣчій съ исключеніями, наблюдаемыми въ явленіяхъ измѣненія объема тѣлъ отъ теплоты. Такъ, напримѣръ, известно, что не всѣ тѣла расширяются отъ теплоты и сжимаются отъ холода, что нѣкоторыя тѣла испытываютъ обратныя измѣненія: вода при 0°, будучи нагрѣваема, до 4° сжимается а не расширяется, а затѣмъ уже станете-ли вы продолжать ее нагрѣвать или будете охлаждать, въ томъ и другомъ случаѣ объемъ ея увеличивается. Совершенно справедливо было замѣчено, что «точная наука должна всегда стремиться объяснять исключенія особою комбинаціею тѣхъ самыхъ условій и причинъ, изъ которыхъ слагается обычная форма феномена» (Н. Гротъ). Если мы обратимся съ этимъ требованіемъ къ ученію о молекулярныхъ «силахъ», то должны будемъ признать, что оно не имѣетъ ничего общаго съ точною наукою, такъ какъ только что указанныя исключенія безусловно не объяснимы съ точки зрѣнія даннаго ученія. Напримѣръ, расширеніе отъ теплоты объясняется отталкивательною силою, и вдругъ оказывается, что эта самая сила въ нѣкоторыхъ случаяхъ производитъ такія измѣненія которыя приписываются противоположной, притягательной силѣ, т. е. что частицы тѣла отъ теплоты отталкиваются, взаимно расходятся, и не

смотря на то, объемъ самаго тѣла уменьшается; или другой примѣръ: вода при переходѣ въ твердое состояніе изъ капельно-жидкаго расширяется, что, съ точки зрѣнія все того же ученія, необходимо предполагаетъ возрастаніе отталкивательной силы на счетъ притягательной, и это однако не мѣшаетъ льду быть твердымъ, а водѣ—жидкою, т. е. притяженіе между частицами уменьшается, а спѣшеніе тѣмъ не менѣе увеличивается.

Вотъ на какихъ противорѣчійхъ построена вся эта «теорія» о молекулярныхъ «силахъ». вмѣсто объясненія—цѣлый рядъ недоразумѣній. А между тѣмъ всѣ эти противорѣчія и недоразумѣнія рушатся сами собою, если мы станемъ на строго научную точку зрѣнія и примемъ во вниманіе, что вышеуказанныя исключенія должны объясняться «особой комбинаціей» тѣхъ самыхъ условій внутренняго движенія, которыя опредѣляютъ собою обычную форму разсматриваемаго феномена. Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ условія этой обычной формы—она выражаетъ собою конечное измѣненіе величины внутренней вибраціи, измѣненіе, которое наступаетъ въ зависимости отъ теплоты или холода, т. е. въ зависимости отъ возрастанія или убыли движенія. Но дѣло въ томъ, что данная зависимость всецѣло опредѣляется условіями самой вибраціи, стало быть, эти условія и необходимо имѣть въ виду для надлежащаго уясненія тѣхъ измѣненій, которыя можетъ испытывать внутренняя вибрація тѣла.

Эту вибрацію мы не только можемъ, но и должны представить себѣ въ видѣ замкнутой системы волнъ, взаимно уравновѣшивающихъ другъ друга. Тѣло, со всѣми своими свойствами, есть равнодѣйствующая этой системы внутренняго волнообразнаго или вибраціоннаго движенія. Но, какъ извѣстно, вибрація, подъ вліяніемъ притока движенія извнѣ, можетъ испытывать двоякія измѣненія: во-первыхъ въ скорости, и во-вторыхъ въ величинѣ. Когда одновременно происходитъ и то, и другое, т. е. когда вмѣстѣ съ быстротой колебанія возрастаетъ и величина колебанія (высота волны, величина размаха), тогда отъ нагрѣванія не только повышается температура тѣла, но увеличивается и его объемъ. Представимъ себѣ однако, что притекающее извнѣ движеніе пѣликомъ расходуется на быстроту колебанія, вслѣдствіе чего размѣры этого колебанія остаются тѣми же. Тогда въ результатѣ будетъ только повышение температуры тѣла, и никакого объемнаго измѣненія.

Здѣсь прежде всего мы имѣемъ ясное указаніе на то обстоятельство, что повышение температуры необходимо предполагаетъ измѣненіе въ объемѣ, что расширеніе тѣла не можетъ быть разсматриваемо постояннымъ спутникомъ тепла. Самымъ нагляднымъ тому примѣромъ служить газообразное тѣло, нагрѣваемое въ замкнутомъ пространствѣ.

При этомъ оказывается что температура его повышается быстрѣе при меньшей затратѣ тепла извнѣ, въ томъ случаѣ, когда объемъ газа остается постояннымъ, т. е., стало быть въ томъ случаѣ, когда видимая теплота расходуется исключительно на быстроту внутренней вибраціи на нагрѣваніе, а не на величину ея, не на расширеніе.

Но это не все. Говоря о вибраціи, необходимо принять во вниманіе еще одно, весьма важное обстоятельство, именно, явленіе интерференціи, когда двѣ волны, сливаясь вмѣстѣ въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ, взаимно уничтожаютъ другъ друга. Извѣстно, напримѣръ, что если двѣ звуковыя волны достигаютъ нашей барабанной перепонки такимъ образомъ, что сгущеніе одной изъ нихъ совпадаетъ съ разряженіемъ другой, то каждую изъ этихъ волнъ мы можемъ слышать, но взятыя вмѣстѣ онѣ не слышны, ибо взаимно другъ друга уничтожаютъ. То же повторяется съ лучистой теплотою и свѣтомъ. Тепловыя волны, сливаясь вмѣстѣ въ указанныхъ условіяхъ, взаимно уничтожаются и производятъ тѣмъ самымъ холодъ; по той же причинѣ свѣтovyя волны могутъ, въ соединеніи, дать темноту. Но достаточно нарушить эту интерференцію, чтобы вновь обнаружилась энергія данныхъ волнъ, и тогда вмѣсто тишины получится звукъ, вмѣсто холода—теплота, вмѣсто тьмы—свѣтъ.

Принявъ во вниманіе это важное обстоятельство, обратимся вновь къ внутренней вибраціи тѣла. Разъ и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ цѣлою системою замѣнутыхъ волнъ, то необходимо должны допустить возможность интерференціи и для нихъ. Такимъ образомъ, вся сумма внутренняго движенія, которую Деллинггаузенъ называетъ общею энергіею (Totalenergie), распределяется на двѣ части: часть этой суммы внутренняго движенія, этой общей энергіи, будетъ пребывать въ недѣлательномъ состояніи: сюда относится вся та доля внутренней вибраціи, энергія которой нейтрализуется по причинѣ интерференціи, вслѣдствіе чего она не можетъ обнаруживаться ни въ видѣ температуры тѣла, ни въ видѣ какой нибудь работы, напримѣръ, расширенія тѣла и проч. Эта часть общей энергіи и есть потенциальная энергія; остальная же часть общей энергіи, общаго внутренняго движенія, т. е. та, которая находится въ состояніи дѣлательномъ, будетъ составлять кинетическую энергію даннаго тѣла, выражающуюся въ его температурѣ, расширеніи и проч. проявленіяхъ.

Отсюда уже легко понять, что хотя притекающее извнѣ движеніе, въ видѣ теплоты, и повышаетъ общую энергію внутренняго движенія, но этого еще не достаточно для того, чтобы вызвать въ тѣлѣ повышеніе температуры или увеличеніе его объема. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что это, притекающее извнѣ движеніе, цѣликомъ интерферируется и тогда, очевидно, не можетъ быть и рѣчи ни о повыше-

ни температуры данного тѣла, ни о расширеніи его; или, наконецъ, только нѣкоторая ничтожная доля притекающей теплоты расходуется на увеличеніе быстроты внутренней вибраціи, а остальная, напротивъ, интерферируется насчетъ той доли кинетической энергіи (понижаетъ ту долю кинетической энергіи), которая выражается расширеніемъ тѣла. Въ послѣднемъ случаѣ повышеніе температуры тѣла будетъ сопровождаться уменьшеніемъ его объема, т. е. получится то самое явленіе, которое обнаруживаетъ вода при повышеніи ея температуры отъ 0° до 4° Ц.; вмѣсто того, чтобы расширяться, она сжимается.

Теперь уже легко понять и обратное явленіе: расширеніе отъ холода. Въ самомъ дѣлѣ, если сжатіе отъ теплоты происходитъ именно потому, что послѣдняя, путемъ интерференціи, понижаетъ кинетическую энергію, которая выражается расширеніемъ, то, отымая эту теплоту, т. е., охлаждая тѣло, мы уничтожимъ причину, обусловившую уменьшеніе объема тѣла, т. е., другими словами, заставимъ его расширяться.

Итакъ мы видимъ, что «особая комбинація» тѣхъ самыхъ условій движенія, которыя опредѣляютъ собою обычную форму рассматриваемаго явленія, оказывается совершенно достаточною и для объясненія исключеній отъ этой обычной формы, именно: сжатія отъ теплоты и расширенія отъ холода.

Разсмотрѣнныя выше условія внутренней вибраціи тѣлъ даютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и было показано, весьма ясное понятіе о томъ, что такое потенциальная и кинетическая энергія и чѣмъ именно опредѣляется возможность перехода одной изъ этихъ энергій въ другую. Въ самомъ дѣлѣ, разъ мы знаемъ, что потенциальная энергія выражаетъ собою интерференцію внутренней вибраціи, т. е. такое состояніе, когда одно волнообразное движеніе уничтожается другимъ, то легко уже поймемъ, что энергія эта можетъ обнаружиться, проявиться въ томъ или другомъ дѣятельномъ видѣ только тогда и настолько, когда и насколько ослабѣваетъ интерференція. Напротивъ, если послѣдняя возрастаетъ, получится обратное явленіе: переходъ кинетической энергіи въ потенциальную. Самый обыкновенный случай того или другаго перехода представляетъ тепловая энергія. Припомнимъ приведенный выше примѣръ съ лучистою теплотою: двѣ тепловыя волны, взаимно уничтожающія другъ друга черезъ интерференцію, могутъ служить простымъ показателемъ того, что такое потенциальная или «скрытая» теплота, какъ слѣдуетъ понимать этотъ терминъ. Обѣ эти волны, пока онѣ интерферируютъ, не въ состояніи произвести на окружающее ни малѣйшаго тепловаго дѣйствія; для этого необходимо, чтобы движеніе, которымъ опредѣляется тепловая энергія каждой волны, было свободно, что, однако, въ условіяхъ интерференціи не имѣетъ

мѣста. Но разъ эти условія нарушены, тотчасъ же обнаруживается эта дѣятельность и теплота изъ скрытаго или потенциальнаго состоянія переходитъ въ кинетическое. Подобное явленіе наблюдается не только въ отношеніи лучистой теплоты; оно имѣетъ мѣсто и въ случаѣ перехода тѣла изъ одного агрегатнаго состоянія въ другое. Напримѣръ, въ случаѣ превращенія льда въ воду, его температура, во все время плавленія, остается постоянной и равною точкѣ таянія, какова бы ни была сила источника теплоты. Ледъ, превращаясь въ воду, хотя и поглощаетъ теплоту, но эта теплота не обнаруживается, температура воды продолжаетъ оставаться равною 0°. Такимъ же образомъ вода, превращаясь въ парообразное состояніе, поглощаетъ значительное количество теплоты, причемъ, однако, температура паровъ, не смотря на притокъ теплоты извнѣ, не повышается и равна точкѣ кипѣнія воды. Вотъ это-то количество теплоты, которое поглощается при переходѣ твердаго состоянія въ жидкое или жидкаго въ газообразное, но которое, тѣмъ не менѣе, не обнаруживается въ видѣ повышенія температуры тѣла и называется «скрытою» или потенциальною теплотою. Эта «скрытая» теплота вновь обнаруживается, когда тѣло испытываетъ обратное превращеніе: изъ газообразнаго состоянія переходитъ въ жидкое, изъ жидкаго—въ твердое.

Согласно ученію о молекулярныхъ силахъ—отталкивательной и притягательной, указанное здѣсь явленіе объясняется такъ: чтобы превратить твердое тѣло въ жидкое, или жидкое въ газообразное необходимо преодолѣть ту силу сдѣвленія, которая существуетъ между его частицами, это предполагаетъ извѣстную работу и теплота, которая расходуется на такую работу не можетъ уже обнаруживать своей тепловой энергіи т. е. приходитъ въ скрытое состояніе.

И такъ все явленіе сводится въ концѣ концовъ къ расходованію теплоты на преодоленіе частичнаго сдѣвленія, т. е. той притягательной силы, которая побуждаетъ молекулы сближаться. Не трудно, однако, согласиться, въ виду всего изложеннаго выше, что такое объясненіе въ сущности не разъясняетъ, а только запутываетъ вопросъ. Возьмемъ примѣръ, приведенный уже выше: вода, при переходѣ въ твердое состояніе, увеличивается въ объемѣ, т. е., согласно разсматриваемому ученію, отталкивательная сила возрастаетъ на счетъ притягательной. Какимъ же образомъ, въ случаѣ превращенія льда въ воду, теплота можетъ расходоваться на преодоленіе притягательной силы (т. е. переходить въ скрытое состояніе) когда и безъ того во льду эта сила слабѣе нежели въ водѣ? или, для даннаго случая необходимо допустить, что частицы тѣмъ интенсивнѣе притягиваются другъ другу, чѣмъ больше онѣ удалены другъ отъ друга?

Всѣ эти противорѣчивыя толкованія доказываютъ самымъ нагляд-

нымъ образомъ всю несостоятельность того ученія, которое, прикрываясь механической теоріей, упускаетъ изъ виду основной принципъ этой теоріи и ея основное положеніе, что явленіе только тогда можетъ считаться объясненнымъ, когда оно сведено къ движенію и указаны условія этого движенья. Говоря же о расходованіи теплоты на преодоленіе частичнаго сдѣвленія и т. п., мы не только не приближаемся къ выполненію данной задачи, а напротивъ удаляемся отъ нея. Достаточно уже сказать, что такое объясненіе не даетъ ровню никакого представленія о томъ «расходоуаніи» теплоты, на которое оно ссылается. Какъ мы должны понимать вообще возможность расходованія теплоты на работу или, иначе, превращенія теплоты въ работу?

Во первыхъ, что такое теплота?—Движеніе. Но движеніе не можетъ превратиться въ недвиженіе; стало бытъ, превращеніе теплоты въ работу выражаетъ собою только переходъ одной формы движенья въ другую; по той же причинѣ превращеніе теплоты въ скрытое состояніе есть переходъ въ такую форму движенья, при которой тепловая энергія не можетъ обнаруживаться; такую форму движенья, какъ мы видѣли выше, и представляетъ собою интерференція. Такимъ образомъ скрытая теплота даннаго тѣла составляетъ собственно ту часть внутренней вибраціи, которая находится въ состояніи интерференціи. Если переходъ тѣла изъ одного агрегатнаго состоянія въ другое сопровождается возрастаніемъ этой интерференціи, тогда кинетическая теплота превращается въ потенциальную, что и имѣетъ обыкновенно мѣсто въ случаѣ, напримѣръ, перехода твердаго тѣла въ капельножидкое. Напротивъ, если съ измѣненіемъ агрегатнаго состоянія, интерференція понижается, то внутреннее волнообразное движеніе, до того взаимно уравновѣшиваемое, обнаруживаетъ свою дѣятельность: скрытая теплота превращается въ кинетическую. Это и наблюдается въ случаѣ, напримѣръ, перехода тѣла изъ жидкаго состоянія въ твердое.

Съ разсматриваемой здѣсь точки зрѣнія устраняется всякая необходимость въ признаніи за скрытою теплотою какой-то особенной молекулярной работы, помимо той, которая дана условіями внутреннего вибраціоннаго движенья. И скрытая теплота опять таки есть ничто иное какъ движеніе, но только въ состояніи равновѣсія—это сочетаніе тѣхъ внутреннихъ колебаній, которыя взаимно уравновѣшиваютъ другъ друга; это движеніе, сосредоточенное въ самомъ себѣ и потому ровню ничѣмъ и ни начемъ виѣшнемъ не обнаруживающееся. Если бы вся сумма внутреннего движенья даннаго тѣла могло находиться въ такомъ состояніи, то существованіе подобнаго тѣла было бы недоступно нашимъ чувствамъ. Но на самомъ дѣлѣ это невозможно, такъ какъ всякое тѣло само по себѣ есть ничто иное, какъ частица того безбрежнаго океана волнъ, того безпредѣльнаго движенья, которое окружаетъ

его и съ которымъ оно неразрывно связано. Это окружающее движеніе постоянно нарушаетъ равновѣсіе внутренней вибраціи даннаго тѣла, чѣмъ и побуждаетъ послѣднее обнаруживать тѣ или другія свои свойства;—послѣднія будутъ тѣмъ сложнѣе, чѣмъ сложнѣе та форма или равнодѣйствующая, которою выражается сумма внутреннего движенія, внутреннихъ вибрацій, и на оборотъ. Это прямо приводитъ къ заключенію, что тѣло отличающееся наиболѣе простой формой внутренняго движенія по природѣ своей, по своимъ свойствамъ относится къ числу простѣйшихъ тѣлъ.

Такимъ образомъ изученіе физическихъ явленій неразрывно связывается съ изученіемъ химическихъ явленій. И тамъ, и тутъ, вся задача сводится цѣликомъ къ изслѣдованію и опредѣленію условій движеній; въ одномъ случаѣ—тѣхъ движеній, при которыхъ составъ тѣла остается постояннымъ; въ другомъ—тѣхъ, которыми опредѣляется измѣненіе самаго состава. И подобно тому, какъ въ случаѣ съ физическими явленіями, ученіе о молекулярныхъ «силахъ» не вноситъ ровно ничего для уясненія этихъ явленій—такъ точно тоже самое слѣдуетъ связать и о тѣхъ специальныхъ силахъ, которыя приписываются атомамъ и извѣстны подъ именемъ «средства» и т. п.—Все это только слова и притомъ позаимствованныя изъ метафизическаго лексикона,—слова, ровно ничего необъясняющія и не дающія ровно никакого представленія о томъ, что онѣ собою обозначаютъ. Мы уже говорили выше, въ какомъ смыслѣ могутъ быть понимаемы атомы: въ смыслѣ простѣйшихъ формъ движенія, которыя, слагаясь, даютъ болѣе сложные формы движенія—молекулы, а эти послѣднія сочетаются въ тѣла.

Такимъ образомъ, разложить тѣло на составныя части значитъ разложить его внутреннее движеніе на тѣ простѣйшія формы движенія, изъ которыхъ оно состоитъ. Обратное имѣетъ мѣсто въ случаѣ образованія сложнаго тѣла насчетъ элементовъ. Однимъ словомъ, явленія химическаго сложения и разложенія представляютъ собою частный случай механическаго сложения и разложенія силъ. И если два простыхъ тѣла, соединяясь, даютъ тѣло по своимъ свойствамъ несходное съ образующими его элементами, то это потому же, почему двѣ различныя формы движенія, сочетаясь вмѣстѣ, даютъ равнодѣйствующую, т. е. третью форму движенія, отличающуюся отъ предъидущихъ. И такъ каждое сложное тѣло относится къ входящимъ въ его составъ элементамъ, какъ равнодѣйствующая къ своимъ слагаемымъ.

Такимъ образомъ находитъ себѣ самое ясное и самое полное объясненіе одно изъ наиболѣе замѣчательныхъ явленій въ природѣ, именно, возможность, путемъ сложения или разложенія, совершеннаго преобразованія природы тѣла, возможность совершеннаго превращенія его свойствъ. Возможность такого преобразованія и превращенія объяс-

няется преобразованіемъ, превращеніемъ простѣйшихъ формъ движенія въ болѣе сложныя, или сложныхъ въ простыя. Стало быть и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, подобнымъ по существу съ тѣмъ, которымъ выражается переходъ одной физической «силы» въ другую: теплоты въ свѣтъ, свѣта въ электричество, электричества въ звукъ, и т. д. Въ томъ и другомъ случаѣ явленіе, въ концѣ концовъ, сходится къ превращенію одной формы движенія въ другую. И теперь мы легко поймемъ истинный смыслъ закона неунитожжаемости матеріи и силы: матерія и сила неунитожжаема, потому что неунитожжаемо движеніе. Отсюда прямо уже выводится и законъ соотношенія, законъ причинности, съ какою одно явленіе слѣдуетъ за другимъ. Мы выше пришли къ тому заключенію, что каждое тѣло составляетъ частицу того безпредѣльнаго движенія, которымъ выражается дѣятельность космоса, и здѣсь, въ этомъ именно обстоятельствѣ слѣдуетъ исать причину той неразрывной связи, той совершенной зависимости, которая существуетъ между тѣлами природы. Вѣчно едвиженіе въ своемъ безконечномъ разнообразіи формъ, то усложняющихся, то упрощающихся, но никогда не исчезающихъ безслѣдно—такова природа космоса въ цѣломъ.

Но если это такъ, то само собою разумѣется, что и та «сила», которая побуждаетъ тѣла тяготѣть другъ другу и которую называютъ «притяженіемъ», должна въ основаніи своемъ всецѣло покоиться на одномъ и томъ же механическомъ принципѣ. Объяснить явленіе, сказали мы выше словами Деллинггаузена, значить свести его къ движенію и указать условія послѣдняго. Съ этой точки зрѣнія должна быть разсматриваема и «причина» тяготѣнія. Съ этой же точки зрѣнія должно быть оцѣниваемо и самое объясненіе данной причины. Едва-ли слѣдуетъ пояснять, что слово «притяженіе» ровню ничего не объясняетъ; мало того, даже условія въ какихъ обыкновенно признается возможнымъ проявленіе «силы притяженія», доказываютъ всю несостоятельность такого объясненія и совершенное, абсолютное его противорѣчіе элементарнымъ положеніямъ механической теоріи. Достаточно уже указать на то обстоятельство, что для объясненія явленной тяготѣнія «силою притяженія» необходимо допустить, какъ и допускается дѣйствительно, что эта сила обнаруживаетъ свое вліяніе на разстояніи. Но подобное явленіе гораздо легче допустить, нежели составить себѣ сколько нибудь ясное представленіе о возможности его осуществленія.

Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ притяженіе можетъ обнаруживаться на разстояніи? Если источникъ тепла, свѣта или звука обнаруживаетъ свое тепловое, свѣтовое, или звуковое дѣйствіе на разстояніи, то это объясняется именно тѣмъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ движеніемъ, распространяющимся въ ту или другую сто-

рону отъ источника. Но какъ можетъ притяженіе обнаруживаться между тѣлами, удаленными другъ отъ друга, если это притяженіе не есть движеніе. Если же это движеніе, то движеніе чего—одного тѣла къ другому? Но вѣдь причину такого именно движенія и требуется объяснить. Такимъ образомъ, ссылаясь на притяженіе, мы только выражаемъ фактъ въ метафизическомъ терминѣ, а вовсе не истолковываемъ его. Правда, могутъ сказать, что возможность притяженія на разстояніи подтверждается прямыми и притомъ общеизвѣстными фактами: такъ магнитъ притягиваетъ къ себѣ желѣзо, а сильный электромагнитъ обнаруживаетъ эту притягательную энергію, сравнительно, на значительномъ разстояніи. Достаточно потереть антаръ о сукно, чтобы къ нему стали подсакивать небольшія кусочки бумажки, крошки табаку и проч.—здѣсь опять таки примѣръ въ пользу того, что притяженіе можетъ обнаруживаться на разстояніи.

Однако всѣ подобнаго рода доказательства, вовсе не рѣшаютъ, а предрѣшаютъ вопросъ, и именно потому, что онѣ основаны на предположеніи будто въ только что указанныхъ явленіяхъ играетъ роль дѣйствительно притягательная сила. Но вѣдь тотъ фактъ, что одно тѣло приближается къ другому, вовсе еще не доказываетъ чтобы причиною тому служила притягательная сила. И дѣйствительно, когда истинная причина такого явленія выяснена, оно ни въ какомъ случаѣ не объясняется силою притяженія. Когда воздухъ устремляется къ источнику тепла, никто не объясняетъ это притягательной силой послѣдняго; когда дымъ въ трубѣ направляется вверхъ, когда вода подымается въ поршнѣ, никто не приписываетъ это поднятіе притягательной силѣ стѣнокъ трубы или поршня, потому что истинная причина даннаго явленія вполне выяснена. Но нельзя того же сказать о причинѣ поднятія воды въ капиллярныхъ трубкахъ и ее объясняютъ притягательной силой стѣнокъ этихъ трубокъ, т. е., говоря проще, никакъ не объясняютъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о магнитномъ притяженіи, электрическомъ и проч. Всѣ эти притягательныя силы однѣ только вопросительныя знаки.

Есть еще одно весьма важное обстоятельство, на которое тѣмъ болѣе намъ необходимо обратить вниманіе, что оно обыкновенно молчаливо обходится ученіемъ о «всемірномъ притяженіи» и, надо полагать, по весьма простой причинѣ: это обстоятельство доказываетъ самымъ неопровержимымъ образомъ полную несостоятельность даннаго ученія; мало того, оно доказываетъ, что условія, при которыхъ обнаруживается явленіе тяготѣнія, исключаютъ возможность объясненія этого явленія силою притяженія даже въ томъ случаѣ, если-бы существованіе такой «силы» и было засвидѣтельствовано фактами. Мы говоримъ о законѣ, по которому тѣла тяготѣютъ другъ къ другу съ силою обратно пропорціональной

квадрату разстоянія между ними, что, въ случаѣ паденія тѣлъ, обыкновенно выражается такъ: тѣла падаютъ со скоростью обратно пропорціональной квадрату ихъ разстоянія отъ центра земли. Такимъ образомъ, если разстояніе между тѣлами возрастаетъ какъ 2, 3, 4 и т. д., то сила тяготѣнія ихъ другъ къ другу уменьшается какъ 4, 9, 16 и т. д. Ученіе о «всемирномъ притяженіи» не даетъ ровно никакого объясненія указанному закону. Какъ объяснить въ самомъ дѣлѣ тотъ фактъ, что когда разстояніе между тѣлами удваивается, сила притяженія увеличивается въ четыре раза, а не въ два.

При этомъ важно обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: не только сила тяготѣнія, но, какъ извѣстно, и сила свѣта, лучистой теплоты, звука, точно также обратно пропорціональна квадрату разстоянія отъ источника. Напримѣръ, если источникъ свѣта, въ извѣстномъ разстояніи отъ данной поверхности, освѣщаетъ ее съ силою, равною свѣту двухъ свѣчей, то на разстояніи въ два раза меньшемъ тотъ же источникъ будетъ освѣщать эту поверхность съ силою, равною свѣту четырехъ свѣчей. Законъ этотъ въ отношеніи свѣта, лучистой теплоты, или звука объясняется радіальнымъ расхожденіемъ вибраціи, т. е. концентрическимъ распространеніемъ волнообразнаго движенія. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ пустой шаръ, въ центрѣ котораго находится источникъ постоянной теплоты; каждая единица внутренней поверхности этого шара будетъ получать извѣстное определенное количество тепла. Допустимъ теперь на мѣсто этого шара другой, съ радіусомъ въ два раза большимъ, стало быть, съ большимъ во столько же разъ разстояніемъ его внутренней поверхности отъ источника тепла. Но если радіусъ втораго шара въ два раза больше перваго, то поверхность его будетъ въ четыре раза больше, а такъ какъ количество теплоты, испускаемой отъ центра, остается то же самое, то каждая единица поверхности втораго шара получитъ въ четыре раза менѣе теплоты перваго шара, и это именно при томъ условіи, что разстояніе ея отъ источника тепла больше не въ четыре, а въ два раза.

Такимъ образомъ объясняется законъ обратной пропорціональности указанный выше. Мы видимъ здѣсь прежде всего, что если сила свѣта, лучистой теплоты, звука возрастаетъ, или убываетъ въ отношеніи обратно пропорціональномъ квадрату разстоянія, то это не только потому, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ движеніемъ, но и потому, что это движеніе распространяется въ расходящемся направленіи отъ центра къ окружности, т. е. что это есть радіальное движеніе. Дѣйствительно, достаточно уничтожить возможность подобнаго распространенія и указанный законъ обратной пропорціональности не будетъ имѣть мѣста. А между тѣмъ этотъ самый законъ, какъ замѣчено было

выше, обнаруживается и въ случаѣ явленій тяготѣнія. Но если тѣла тяготеютъ другъ къ другу съ силою обратно пропорціональной квадрату разстоянія, то, стало быть, въ виду только-что изложенныхъ основаній, необходимо признать, что причина тяготѣнія есть движеніе, и притомъ радіальное движеніе, выражающееся рядомъ волнъ, концентрически слѣдующихъ другъ за другомъ.

Теперь спрашивается, можетъ ли сила притяженія быть такимъ радіальнымъ движеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить тѣ свойства, которыя ей приписываютъ?

Въ самомъ дѣлѣ, обратимъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство: радіальное движеніе можетъ быть или центробѣжнымъ, расходящимся, т. е. направляющимся отъ центра, и это именно въ томъ случаѣ, когда движеніе распространяется отъ какого нибудь источника въ окружающее его пространство; или, въ обратномъ случаѣ, центростремительнымъ, сходящимся, т. е. направляющимся къ центру. Но само собою разумѣется, въ обоихъ случаяхъ оно будетъ обнаруживать свое дѣйствіе въ томъ самомъ направленіи въ какомъ распространяется. Теперь посмотримъ на притягательную силу, какъ на радіальное движеніе: это радіальное движеніе не можетъ быть центробѣжнымъ, расходящимся, такъ какъ оно побуждало бы тѣла перемѣщаться отъ центра тяготѣнія, а не къ центру, какъ въ случаѣ паденія тѣла; оно не можетъ быть и центростремительнымъ, сходящимся, просто потому, что «притяженіе» рассматривается какъ сила исходящая отъ тѣла, тогда какъ источникомъ центростремительнаго радіальнаго движенія можетъ быть только окружающее пространство, а не то или другое тѣло въ видѣ центрального пункта.

И такъ «притяженіе» не можетъ быть рассматриваемо, какъ радіальное движеніе; а между тѣмъ послѣднее составляетъ необходимое условіе того закона обратной пропорціональности, которымъ выражается сила тяготѣнія и который обнаруживаютъ тѣла при паденіи. Другими словами это значить, что «всемирное притяженіе» не можетъ быть причиною тяготѣнія и что ученіе о «всемирномъ притяженіи» относится къ числу самыхъ крупныхъ недоразумѣній, построенныхъ на противорѣчивыхъ, взаимно уничтожающихся предположеніяхъ. Ученіе это не имѣетъ ничего общаго съ механической теоріей; причину тяготѣнія необходимо искать въ другомъ мѣстѣ, именно, въ условіяхъ движенія. Но предъидущій анализъ не только приводитъ насъ къ этому заключенію, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ какого рода условія движенія могутъ служить причиною тяготѣнія; движеніе это прежде всего должно быть радіальнымъ, т. е. концентрическимъ, такъ какъ только въ условіяхъ такого распространения

движенія напряженность его можетъ возрастать или убывать въ отношеніи обратно пропорціональномъ квадрату разстоянія. Во вторыхъ, дѣйствіе этого движенія должно обнаруживаться въ центростремительномъ, сходящемся направленіи, а не въ центробѣжномъ, расходящемся, такъ какъ иначе самый фактъ тяготѣнія не имѣлъ бы мѣста въ природѣ. Удовлетворить этимъ двумъ основнымъ условіямъ тяготѣнія можетъ только одно предположеніе, именно: если мы признаемъ міровое пространство въ видѣ волнообразнаго движенія, концентрически направляющагося къ міровымъ тѣламъ, какъ къ центральнымъ пунктамъ этого движенія.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о возможности происхожденія такого волнообразнаго движенія и признавая его за фактъ, не требующій доказательства, посмотримъ прежде всего, на сколько это движеніе объясняетъ частный случай тяготѣнія, именно, паденіе тѣлъ. И такъ, допустимъ въ міровомъ пространствѣ волнообразное движеніе, концентрически направляющееся къ центру земли. Очевидно, что каждое тѣло нашей планеты, увлекаемое этимъ движеніемъ, будетъ перемѣщаться по тому же направленію, если не встрѣтитъ на своемъ пути преграды,—отсюда тяготѣніе, которое обнаруживается въ формѣ паденія каждый разъ, когда оно не встрѣчаетъ къ тому надлежащаго препятствія. А что такое препятствіе? Съ разсматриваемой здѣсь точки зрѣнія это—внутреннее противоположное движеніе, и для даннаго случая, противоположное тому, которое побуждаетъ тѣло двигаться къ центру земли; и если такое противоположное движеніе достаточно интенсивно, для того, чтобы уравновѣсить центростремительное дѣйствіе волнообразнаго движенія, тѣло останется въ покоѣ; но стоитъ только уничтожить это равновѣсіе (перерѣзать шнуръ на которомъ виситъ грузъ, отнять подставку, на которой лежитъ тяжесть и т. п.)—энергія волнообразнаго движенія тотчасъ же обнаружится въ формѣ паденія тѣла. Отсюда уже само собою выясняется понятіе о тяжести тѣла, его вѣсъ и не требуетъ дальнѣйшихъ коментарій. Легко теперь также понять, почему тѣла падаютъ со скоростью или, иначе, тяготѣютъ къ центру земли съ силою, обратно пропорціональной квадрату разстоянія. Въ самомъ дѣлѣ, разъ это тяготѣніе или паденіе обуславливается волнообразнымъ движеніемъ концентрически направляющимся къ центру земли, то очевидно, что дѣйствіе этого движенія на тѣло будетъ находиться въ извѣстной зависимости отъ разстоянія послѣдняго относительно даннаго центра. Чтобы опредѣлить эту зависимость, достаточно представить себѣ волнообразное движеніе, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, въ видѣ лучей, сходящихся въ одной точкѣ. Само собою разумѣется, что, при такомъ условіи, чѣмъ ближе къ этой точкѣ, тѣмъ большее число лучей будетъ приходиться на данную поверхность

стей и тѣмъ, стало быть, интенсивнѣе будетъ ихъ дѣйствіе на послѣднюю. Простымъ разсужденіемъ можно убѣдиться, что если интенсивность эта на извѣстномъ разстояніи отъ точки, въ которой сходятся лучи, будетъ равна двумъ, то на разстояніи въ два раза меньшемъ она будетъ равна четыремъ и т. д. Теперь стоитъ только припомнить, что въ отношеніи волнообразнаго движенія, обуславливающаго паденіе тѣлъ, земля является такою точкою, къ которой направляется это движеніе въ видѣ сходящихся лучей, чтобы понять, что направленіе ихъ, а, стало быть, и сила, съ какою они побуждаютъ тѣла тяготѣть къ центру земли (съ какою они увлекаютъ тѣла къ этому центру), должна быть обратно пропорціональна квадрату.

Такимъ образомъ, выясняется одинъ изъ основныхъ существенныхъ законовъ, какъ тяготѣнія вообще, такъ и паденія тѣлъ въ частности. И это обстоятельство тѣмъ болѣе говоритъ въ пользу разсматриваемой здѣсь гипотезы Деллингсгаузена, что законъ обратной пропорціональности служить главнымъ камнемъ преткновенія для общераспространеннаго ученія о «всѣмірномъ притяженіи», тѣмъ самымъ камнемъ, о который, какъ мы видѣли выше, совершенно разбивается это метафизическое ученіе. Но гипотеза, о которой идетъ здѣсь рѣчь, даетъ вполне удовлетворительное объясненіе всѣмъ вообще явленіямъ и законамъ паденія тѣлъ, и какъ нельзя болѣе согласуется съ относящимися сюда фактами. Было бы, однако, невозможно входить здѣсь въ подробности по этому вопросу, что и не соответствовало бы задачѣ нашей—ограничиться существенною стороною разсматриваемаго ученія. Поэтому, оставляя детали въ сторонѣ, скажемъ нѣсколько словъ объ одномъ обстоятельствѣ, обойти которое, значило бы подать поводъ къ нѣкоторымъ, весьма существеннымъ недоразумѣніямъ. Мы имѣемъ въ виду вопросъ о томъ, какимъ образомъ мировое волнообразное движеніе обуславливаетъ собою явленіе тяготѣнія, тогда какъ другое волнообразное движеніе—свѣтовая вибрація или вибрація лучистой теплоты подобной способности не обнаруживаютъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ и надлежаще оцѣнить его значеніе, замѣтимъ прежде всего, что и лучистая теплота, и свѣтовая вибрація, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ быть непосредственною причиною видимаго, массоваго движенія. Достаточно, для примѣра, сослаться на извѣстный приборъ Крукса—радіометръ, состоящій изъ небольшой металлической мельнички, въ родѣ вѣтряной, которая заключена въ безвоздушномъ стеклянномъ сосудѣ. Если приборъ этотъ подвергнуть непосредственному вліянію тепловыхъ и свѣтовыхъ лучей достаточной интенсивности, мельничка тотчасъ начинаетъ вращаться. Въ данномъ случаѣ, очевидно, это вращательное движеніе обязано своимъ происхожденіемъ ударамъ свѣтовыхъ и тепловыхъ волнъ, которыя падаютъ на крылья

мельнички. И если, тѣмъ не менѣе, эти волны не обнаруживаютъ тѣхъ свойствъ, которыя приписываются мировому волнообразному движению, то потому, конечно, что онѣ въ другихъ отношеніяхъ не отвѣчаютъ условіямъ, опредѣляющимъ явленіе тяготѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, не говоря даже о томъ, что свѣтовая и тепловая вибрація притекаетъ къ нашей планетѣ не изъ міроваго пространства вообще, а изъ опредѣленнаго источника и, стало быть, распространяется въ расходящемся направленіи—условіе, устраняющее возможность тяготѣнія,—не говоря уже объ этомъ, необходимо кромѣ того принять во вниманіе еще слѣдующее болѣе важное обстоятельство: Припомнимъ, что въ случаѣ поглощенія тѣломъ притекающаго извнѣ движенія, послѣднее частью интерферируется, т. е. повышаетъ потенциальную энергію даннаго тѣла, частью же превращается въ кинетическую энергію, которая и выражается въ той или другой формѣ, т. е. въ тѣхъ или другихъ измѣненіяхъ внутренняго движенія—повышеніи температуры, расширеніи тѣла и вообще въ обнаруженіи тѣхъ или другихъ физическихъ или химическихъ свойствъ. Къ такимъ именно измѣненіямъ внутренняго движенія и побуждается тѣло тепловой вибраціей, притекающей къ нему извнѣ.

Но представимъ себѣ, что внутреннее движеніе тѣла испытываетъ такого рода вліяніе извнѣ, которое побуждаетъ это движеніе не къ тѣмъ или другимъ частичнымъ проявленіямъ, но которое заставляетъ обнаружиться всего его во всей цѣлости, т. е. побуждаетъ внутреннее движеніе тѣла перейти въ массовое, въ результатъ чего будетъ перемѣщеніе тѣла по опредѣленному направленію, вызванному упомянутымъ внѣшнимъ вліяніемъ. Именно такого рода измѣненіе въ тѣлѣ и вызываетъ то мировое волнообразное движеніе, которое обуславливаетъ собою тяготѣніе. Часть этого волнообразнаго движенія интерферируется въ тѣлѣ, другая же часть увлекаетъ цѣликомъ внутреннее движеніе послѣдняго по направленію къ центру земли и тѣло перемѣщается (падаетъ), потому же направленію. И такъ, внутреннее движеніе тѣла, влекомое вліяніемъ міроваго концентрическаго движенія къ центру земли—такова, въ концѣ концовъ, «причина» паденія тѣлъ. Если-бы звукъ, свѣтъ, тепло и т. п., могли въ свою очередь оказывать подобное вліяніе на внутреннее движеніе, то, напримѣръ, вмѣстѣ съ нагрѣваніемъ или охлажденіемъ тѣла увеличивалась бы или уменьшалась и его тяжесть. Но эти физическіе дѣтели расходятся на частичныя проявленія внутренняго движенія, и потому, при равенствѣ остальныхъ условий, сила тяготѣнія остается величиною постоянною. Она постоянна настолько, насколько постоянно проявляется дѣйствіе мировыхъ концентрическихъ волнъ на тѣло, давленіемъ послѣдняго на подставку, или его паденіемъ. Если-бы возможно было измѣнять это отношеніе, тогда

можно было-бы измѣнять вѣсь тѣла, какъ мы измѣняемъ его температуру.

Если мы перейдемъ теперь къ такъ называемому «мировому тяготѣнью», то увидимъ, что послѣднее вполне объясняется разсматриваемой здѣсь гипотезой. Въ сущности, ученіе Деллингсгаузена о тяготѣннн не должно бы называть гипотезой, такъ какъ наиболѣе повидимому гипотетическая сторона этого ученія именно, предположеніе міроваго волнообразнаго движенія, концентрически направляющагося къ міровымъ тѣламъ—можетъ быть легко пояснено. Представимъ себѣ мировое пространство въ видѣ безконечнаго океана волнъ, взаимно уравновѣшивающихся, взаимно интерферирующихся. Такое состояніе предполагаетъ совершенное отсутствіе кинетической энергіи и потому, какъ мы уже знаемъ, въ отношеніи нашихъ чувствъ было бы равносильно нулю; оно устраняетъ всякое измѣненіе въ движеніи, а, стало быть, и проявленіе послѣдняго въ формѣ той или другой силы. Словомъ, это то состояніе, которое извѣстно подъ именемъ «пустоты» и которое доказываетъ намъ, что съ точки зрѣннн механической теоріи понятіе объ абсолютной пустотѣ есть понятіе объ абсолютномъ равновѣсіи міровой вибраціи.

Допустимъ теперь, что въ одномъ изъ пунктовъ этого безконечнаго океана взаимно интерферирующихся волнъ помѣщается мировое тѣло, напримѣръ, солнце. Очевидно, равновѣсіе тотчасъ нарушилось бы и при томъ въ направленіи, именно, къ этому мировому тѣлу; къ такому заключенію приводятъ самыя условія нарушенія равновѣсія: оно потому именно и наступаетъ, что нѣкоторая доля волнообразнаго движенія, окружающаго мировое тѣло, поглощается внутреннимъ движеніемъ послѣдняго, т. е. превращается частью въ его потенціальную, частью въ его кинетическую энергію. Результатомъ такого поглощенія или превращенія и будетъ концентрическое движеніе міровыхъ волнъ по направленію къ мировому тѣлу, какъ къ центральному пункту превращенія ихъ энергіи, какъ къ центральному пункту ихъ потребления, сказали бы мы ради болѣе наглядности.

Если мы предположимъ теперь другое мировое тѣло, напримѣръ, нашу планету, въ опредѣленномъ растояніи отъ солнца, то каждое изъ тѣлъ будетъ «тяготѣть» къ другому съ силою, прямо пропорціональною ихъ поглощенія міровой вибраціи. Поглощаясь солнцемъ въ значительно болѣе степени нежели землей, это мировое волнообразное движеніе будетъ увлекать послѣднюю по направленію своего концентрическаго распространенія къ солнцу, и земля упала бы на поверхность этого свѣтила, если бы она находилась исключительно подъ вліяніемъ данной силы міровой вибраціи. Но земля, кромѣ того, побуждается къ движенію еще въ другомъ направленіи, которое сообщилося ей въ моментъ отдѣленія ея отъ солнца въ самостоятельное мі-

ровое тѣло. Равнодѣйствующая этихъ двухъ формъ движеній и выражается въ томъ пути, который и совершаетъ она вокругъ солнца.

Такимъ же образомъ объясняется и причина движенія другихъ планетъ вокругъ солнца и вообще движенія всѣхъ мировыхъ тѣлъ. Ихъ взаимодействіе не требуетъ уже гипотетическаго толкованія, основаннаго на признаніи особыхъ сущностей, а приобретаетъ значеніе механическаго закона, который всецѣло опредѣляется условіями движенія, условіями превращенія одной формы движенія въ другую. Тяготѣніе, какъ мы видимъ, составляетъ прямой результатъ этого превращенія, и оно было бы невозможно, если бы энергія мирового волнообразнаго движенія не поглощалась космическими тѣлами, не преобразовывалась въ ту или другую форму внутренняго движенія и, пройдя здѣсь цѣлый рядъ постепенно усложняющихся превращеній, вновь не освобождалась бы въ пространство въ видѣ лучистой теплоты, свѣтовой, или другой какой либо вибраціи. Такъ поддерживается это вѣчное движеніе безбрежнаго океана волнъ, который мы называемомъ міромъ.

Все предъидущее наглядно показываетъ важное значеніе разсматриваемаго здѣсь ученія. И если, скажемъ словами Секки — до нашихъ дней физики систематически уклонялись отъ всякихъ попытокъ къ разъясненію проблемы тяготѣнія; если они, не вида никакой безусловной необходимости въ опредѣленіи причины тяготѣнія, не только не пытались проникнуть въ эту область, но смотрѣли на всякое углубленіе въ нее, какъ на опасный рискъ для своей научной репутаціи,—то въ послѣднее время ученый міръ мало-по-малу уже перестаетъ сторониться отъ изысканій подобнаго рода. «Прежняя боязнь риска передъ трудностью проблемы теперь значительно уменьшилась и если еще никто изъ изслѣдователей не далъ намъ строго формулированнаго ея рѣшенія, то никто изъ нихъ по крайней мѣрѣ, уже не сомнѣвается болѣе въ возможности, при посредствѣ механическаго дѣйствія среды, свести всѣ силы природы, не исключая и тяготѣнія, къ одному общему началу» ¹⁾.

Не смотря однако на такую «несомнѣваемость», всѣ попытки къ рѣшенію этой проблемы продолжаютъ идти въ разрѣзъ съ основнымъ положеніемъ механической теоріи, не исключая попытки самаго Секки ²⁾ и новой попытки Изенкрага ³⁾. И только благодаря разсмотрѣн-

¹⁾ А. Секки. «Единство физическихъ силъ» пер. Ф. Павленкова. Ватна, 1873 г.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Isenkrahe: Das Räthsel der Schwerkraft. Braunschweig. 1880.

ному здѣсь ученію, указанная проблема если и не можетъ считаться вполне рѣшенной то во всякомъ случаѣ путь къ ея разрѣшенію можетъ считать намѣченнымъ именно въ томъ направленіи, которое предъявляется механической теоріей. «Когда будетъ сознано, говорить Сѣкки,—что все въ природѣ совершается путемъ движенія, изысканія сдѣлаются значительно легче, потому что новый путь долженъ вести прямо къ разрѣшенію встрѣчающихся затрудненій и разъясненій какихъ бы то-нибыло явленій; правильная постановка вопроса составляетъ половину его рѣшенія. Подобно тому, какъ химія стала наукой лишь съ того дня, когда былъ открытъ законъ постоянства вѣсовыхъ отношеній, точно также и истинно научная теорія физическихъ явленій возникнетъ только съ того времени, когда при объясненіи ихъ будетъ приниматься въ расчетъ количество движенія или живой силы. Честь почина въ созданіи такой теоріи тѣсно связана съ именами лучшихъ представителей современнаго естествознанія. Всякое явленіе можетъ считаться дѣйствительно объясненнымъ лишь тогда, когда будетъ извѣстно количество работы, израсходованной на его произведеніе, и способъ превращенія движенія, изъ котораго оно получило свое начало», т. е. значитъ тогда, когда, какъ говоритъ Деллинггаузенъ, оно сведено къ движенію и указаны условія этого движенія.

Разсмотрѣнное выше ученіе о причинахъ тяготѣнія удовлетворяетъ этому требованію, на сколько то возможно при современномъ состояніи даннаго вопроса; оно, какъ мы видѣли, не только сводитъ причину тяготѣнія къ движенію, но и опредѣляетъ условія этого движенія, условія его распространенія и превращенія—словомъ, идетъ рука объ руку съ основнымъ положеніемъ механической теоріи:

Движеніе отъ движенія происходитъ
И только движеніе производитъ.

Вотъ почему и мыслить причину явленій мы не въ состояніи иначе какъ въ движеніи. Самая возможность познанія явленій природы служить залогомъ ихъ единства.

Эльпе.

НЕКРОЛОГЪ.

Нынѣшній годъ лишилъ насъ двухъ выдающихся писателей нашихъ, А. Ѳ. Писемскаго и Ѳ. М. Достоевскаго. Но въ то время, какъ смерть перваго изъ нихъ прошла почти незамѣченною въ нашемъ обществѣ, смерть втораго вызвала при его погребеніи такую торжественную овацію, которой еще не видывалъ Петербургъ. Да оно и понятно. Писемскій уже пережилъ свою славу. Лучшія его произведенія «Горькая Судбина» и «Тысяча Душъ» были написаны давно. Въ послѣдніе годы онъ уже былъ чуждъ нашему времени; онъ не понималъ его и поэтому обратился въ исторію и написалъ историческій романъ «Масоны», 'хотя и не лишенный интереса, но во многомъ слабый, невыдержанный, а подчасъ и невѣрный исторически. Наоборотъ, Достоевскій всецѣло принадлежалъ нашему времени. Его талантъ не только не ослабѣвалъ, но крѣпнулъ, распускался могучимъ деревомъ и чутье откликался на разныя злобы дня. Все, что онъ писалъ, онъ не сочинялъ, не выдумывалъ; все это доставалось ему тяжкимъ, мучительнымъ путемъ. Его идеи, его убѣжденія, его взгляды, мнѣнія, отзывы создавались не только въ его умѣ, но шли отъ глубины его сердца. Онъ ихъ выстрадалъ, онъ подвергалъ глубокому анализу ихъ справедливость, и въ чемъ уже убѣдился, тѣ объявлялъ толпѣ смѣло, громко, не боясь ни насмѣшекъ, ни глумленія, ничего, готовый вновь пострадать за нихъ такъ же, какъ, давно, еще въ юные годы, онъ пострадалъ за инныя

свои убѣжденія, за юношескія утопіи и мечты. Вотъ эта-то правдивость, эта глубокая вѣра въ истину своихъ убѣжденій, эта смѣлость говорить всѣмъ и каждому, кто обращался къ нему, только правду и ничего кромѣ правды, и привлекали къ нему массу людей различныхъ взглядовъ и убѣжденій, начиная съ иноковъ и кончая горячими юными головами нашей молодежи, обращавшейся къ нему и по поводу побоища въ Охотномъ ряду въ Москвѣ, и по поводу брошюръ Цитовича, и по множеству другихъ вопросовъ. И его отвѣты всегда удовлетворяли ихъ именно потому, что никогда не льстили имъ, а всегда говорили имъ правду.

Обращаясь къ литературнымъ произведеніямъ покойнаго, мы смѣло можемъ сказать, что, по глубинѣ психологическаго анализа, Достоевскаго можно сравнить только съ Шекспиромъ. Правда, анализъ этотъ менѣе поэтиченъ, менѣе картиненъ и скорѣй напоминаетъ намъ анатома, нежели кисть художника, отчего его произведенія и производятъ такое болѣзненное чувство, какъ будто присутствуешь при анатомированіи трупа; но за то его произведенія такъ могучи, такъ глубоко вѣрны, что къ нимъ постоянно будутъ обращаться многіе даже и въ то время, когда произведенія другихъ, современныхъ ему авторитетовъ будутъ представлять исключительно историко-литературный интересъ.

Это была глубоко любящая и въ то же время матущаяся, вѣчно жаждавшая истины душа. Припомнимъ только его мнѣніе о страданіяхъ дѣтей, высказанное имъ съ такою страстностью въ его «Братьяхъ Карамазовыхъ» и оканчивающееся такими великолѣпными словами: «и если страданіе дѣтей пошло на пополненіе той суммы страданій, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранѣе, что вся истина не стоитъ такой цѣны». Вообще вся эта глава (IV. «Бунтъ») и слѣдующая «Великій инквизиторъ» показываетъ намъ, какая страшная борьба происходила въ покойномъ относительно разрѣшенія такъ называемыхъ неразрѣшимыхъ вопросовъ; какъ съ одной стороны его любящая душа хваталась за малѣйшую возможность «вѣрить», въ чемъ она чувствовала свою настоятельнѣйшую потребность, а съ другой стороны, его глубоко инквизиторскій умъ, привыкшій къ безопасному анализу человѣческихъ слабостей, пороковъ и страстей, не да-

валъ ему покоя въ высшихъ сферахъ философіи и религіи и заставлялъ его, устами его героевъ, безпощадно, путемъ того же анализа, разбивать всѣ иллюзіи и выставлять истину въ самомъ безотрадномъ для нея свѣтѣ. Эта двойственность, которая была такъ замѣтна въ Достоевскомъ для всякаго, кому приходилось бесѣдовать съ нимъ по подобнымъ вопросамъ, эта упорная, страстная борьба самого съ собою, и привлекали къ нему всѣхъ, потому что это былъ не идолъ, прорипавшій бездушныя, хотя и громкія фразы, не жрецъ, проповѣдующій въ своемъ капищѣ, не фарисей, а грѣшникъ, мытарь, самъ постоянно борющійся съ самимъ собою, колеблющійся, падающій, снова поднимающійся, глубоко страдающій, *живой* человекъ. Къ тому же онъ глубоко, бесконечно глубоко любилъ и нашего вѣковѣчнаго страдальца—нашъ народъ; любилъ его такъ, какъ любилъ дѣтей, сознавая, что народъ—тотъ же ребенокъ, то же неразумное, неосмысленное дитя. Его послѣдній «Дневникъ» весь глубоко проникнутъ любовью къ этому народу, страстнымъ желаніемъ дать, наконецъ, возможность высказаться самому народу, оказать довѣріе именно ему, этому великому страстотерпцу русской земли.

Великъ, глубокъ и бесконечно разностороненъ былъ этотъ гениальный, такъ рано и несвоевременно угасшій національный и общечеловѣческій умъ; велика, глубока и вся переполнена любви была эта чистая, страдальческая душа;—великъ за то былъ и невиданный у насъ почетъ, который оказало ему общество въ дни его похоронъ. Мы, испытавшіе это глубоко охватывавшее и отрадно возвышавшее чувство, которымъ невольно проникался человекъ въ эти траурные дни,—будемъ помнить и слова, высказанныя покойнымъ въ его романѣ «Братья Карамазовы» (т. II, стр. 696): «не забывайте никогда, какъ намъ было разъ здѣсь хорошо, всѣмъ сообща, соединеннымъ такимъ хорошимъ и добрымъ чувствомъ, которое и насъ сдѣлало на это время любви нашей къ нему можетъ бытъ лучшими, чѣмъ мы есть въ самомъ дѣлѣ».

ОТЪ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Въ дни празднованія открытія памятника Пушкину, 8-го іюня 1880 года, во второе торжественное засѣданіе Общества Любителей Россійской словесности дѣйствительнымъ членомъ Общества А. А. Потѣхинымъ было сдѣлано предложеніе отъ лица всѣхъ литераторовъ, участвовавшихъ въ торжествѣ, положить начало всенародной подпискѣ другому геніальному писателю нашему, Гоголю.

Предложеніе было принято восторженно всѣми присутствовавшими въ залѣ засѣданія, и приготовленные по общему требованію листы быстро покрылись подписями.

Тутъ же было постановлено Обществомъ ходатайствовать чрезъ г. московскаго генераль-губернатора князя Владиміра Андреевича Долгорукова, передъ Высшимъ Правительствомъ о разрѣшеніи открыть всенародную подписку на памятникъ Гоголю.

Это ходатайство было благосклонно принято Государемъ Императоромъ, и Его Величество, 6-го августа 1880 года, Всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить Обществу Любителей Россійской Словесности открыть повсемѣстную подписку въ Россіи на сооруженіе памятника Гоголю въ Москвѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Россія, соорудивъ памятникъ первому своему любимцу А. С. Пушкину, воздвигнетъ такой же и другому, столь же излюбленному ею писателю, другой ея славы— Н. В. Гоголю.

Пожертвованія на памятникъ принимаются въ редакціяхъ журналовъ и газетъ, въ которыхъ сдѣланы объявленія о подпискѣ, по предложенію Общества, или высылаются въ пакетахъ на имя вазначая Общества Любителей Россійской Словесности, Федора Богдановича Миллера (Москва, Машковъ переулокъ, собственный домъ).

Вышла въ свѣтъ новая книга:

КАЛЕВАЛА

ФИНСКІЙ НАРОДНЫЙ ЭПОСЪ.

ПЕРЕВЕЛЪ Э. ГРАНСТРЕМЪ.

РОСКОШНОЕ ИЗДАНИЕ СЪ 5 КАРТИНАМИ, ОТПЕЧАТАННОЕ ЦВѢТНЫМИ КРАСКАМИ.

Содержаніе: Вступленіе. — Сотвореніе міра. — Вейнемейненъ засѣваетъ землю растительностью. — Споръ Вейнемейнена съ Юкагайнею. — Айно. — Поѣздка Вейнемейнена въ Пойолу. — Ильмариненъ куетъ Сампо. — Лемминкайненъ. — Мать Лемминкайнена. — Вейнемейненъ силой гѣснокъня строятъ лодку. — Сватовство Вейнемейнена и Ильмаринена. — Свадьба въ Пойогѣ. — Отъѣздъ Ильмаринена. — Лемминкайненъ въ Пойогѣ. — Споръ Лемминкайнена съ чародѣями Пойолы. — Лемминкайненъ спасается бѣгствомъ. — Лемминкайненъ идетъ войною на Пойолу. — Куллерво. — Куллерво въ пастухахъ у Ильмаринена. — Куллерво находитъ родителей. — Ильмариненъ куетъ себѣ невѣсту изъ золота и серебра. — Вейнемейненъ похищаетъ Сампо. — Вейнемейненъ дѣлаетъ себѣ новыя гусли. — Лоухи мстятъ Вейнемейнену и его народу. — Лоухи похищаютъ солнце и мѣсяцъ. — Солнце и мѣсяцъ снова сіяютъ на небѣ. — Вейнемейненъ навсегда покидаетъ Калевалу. — Прощальное слово гѣнда.

Цѣна 2 руб., съ пересылкою 2 р. 30 к.

РЕДАКЦІЯ „РУССКОЙ РѢЧИ“

С.-Петербургъ, Прачешный переулочъ, 5.

Журналъ «Русская Рѣчь» выходитъ въ С.-Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, ежемѣсячно, книжками отъ 25 до 30 и болѣе листовъ.

Подписная цѣна на годъ:

безъ доставки	15 р.
съ доставкой въ Петербургъ	16 —
съ пересылкой	17 —
за границу: въ Европу	} 18 —
Сѣверную Америку и Египетъ	

Въ прочія мѣста—по соглашенію съ Редакціей.

Допускается разсрочка платы по третямъ:

	при подпискѣ	къ 1 Мая	къ 1 Сентября
безъ доставки	7 р.	5 р.	4 р.
съ доставкой	8 —	5 —	4 —
съ пересылкой	9 —	5 —	4 —

Отъ Редакціи.

Редакція отвѣчаетъ вполне за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы журнала и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые получили билеты или выслали подписную сумму по почтѣ въ Редакцію «Русской Рѣчи» съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія, уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ петербургскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ петербургскіе—50 к. и изъ петербургскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣвъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію и притомъ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются только тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложить къ подписной суммѣ 16 к. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ А. Навроцкій.

Главная Контора «Русской Рѣчи»

Прачешный переулочъ, 5.

AP
50
R814
v. 3
no. 3
1881

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

--	--	--

